АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. Д. ГРЕКОВ

КРЕСТЬЯНЕ НА РУСИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVII ВЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1952

Постановлением Совета Министров Союза ССР
академику Б. Д. Грекову за научный труд
«Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века»,
опубликованный в 1946 г.,
присуждена Сталинская премия первой степени

2004175139

52-57492

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества». Историческая наука «должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»[1]. В свете этих указаний И. В. Сталина автор настоящей книги поставил своей задачей изучить историю главнейшего в России на протяжении многих столетий производителя материальных благ, историю русского крестьянина.

Эта история многостороння и содержательна. Русский крестьянин со своим топором и сохой привел в культурное состояние необозримые пространства восточноевропейской равнины и сумел перенести свои трудовые навыки за Урал, в далекую Азию. Крестьянин с оружием в руках оборонял свою родную землю в борьбе с многочисленными врагами и заслужил славу непобедимого. Крестьянин, несмотря на очень неблагоприятные условия, в которых он веками жил, дал своей стране сотни великих людей в области науки, искусства и литературы.

Охватить историю крестьянства с разных сторон — задача, посильная лишь для комплексного исследования и невыполнимая для одного специалиста.

Перед нами задача изучить историю крестьянства как одного из классов феодального общества, показать место крестьянства в производстве в различные периоды истории русского общества в целом, начиная с того времени, когда крестьянин в значительной своей части был свободным членом сельской общины, и кончая временем его окончательного закрепощения.

Независимый хозяин небольшого кормившего его участка земли — смерд (так назывался в докиевский и киевский период

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

крестьянин) в силу экономических причин и внеэкономического принуждения очень рано стал систематически подпадать под власть богатых и политически сильных людей, где он неизбежно встречался с господской челядью, сумевшей наложить и на него свой особый отпечаток неволи.

Рост крупного землевладения грозил потерей независимости многим смердам. Число крупных землевладельцев увеличивалось, росла их экономическая и политическая сила, расширялись их потребности. Обрастая большим количеством слуг, в том числе и военных, знатный землевладелец должен был заботиться о том, как их кормить, одевать, снаряжать в бой.

Однако у знатного землевладельца в это время еще не было средств и побуждений для расширения и интенсификации своего барского хозяйства, обслуживаемого челядью. Оставался другой путь для удовлетворения его растущих нужд и аппетитов — увеличение числа зависимых от боярина людей, но не таких, которых ему надо было «содержать» за свой счет, а таких, которые не только бы кормили себя, но и могли бы отдавать часть своего труда и продукта на содержание боярина и его многочисленных не производящих слуг.

Такими людьми, производящими блага, необходимые для поддержания жизни, были крестьяне-смерды, и это обстоятельство предрешило дальнейшую их участь.

При активном содействии такого мощного института, как государство, помогавшего знати усилить ее экономические позиции и расширить ее политическую власть, происходил процесс освоения смердьей земли и сидящих на ней смердов.

Вотчинник становился владельцем все бóльших земельных пространств и большего количества зависимых от него смердов, обязанных давать ему ренту в натуральной ее форме; он приобретал все больший политический вес, зависимые от него смерды делались его подданными, сам он — государем в своих владениях. Прежнее значение челяди упало. Мы имеем право с этого времени говорить о боярщине-сеньерии. Начался новый период в истории хозяйства, во взаимоотношениях между землевладельцем и земледельцем, а в конечном счете и в политическом строе феодально раздробленной Руси. Именно эта экономически и политически усилившаяся знать, выросшая при поддержке власти раннефеодального государства, выступила против власти киевского князя и создала новый строй, для себя более выгодный, но, несомненно, ослабивший недавнее могущество крепкой политическим единством страны.

На Руси не выработалось нового термина для обозначения сеньерии, но сеньерия, несомненно, и здесь родилась и жила до того времени, пока окрепшая власть московских царей,

учитывая назревшие нужды русского общества, не объявила ей войны и не одолела ее. Наступило время, совсем не похожее на то, когда хозяином в стране был государь-вотчинник.

Рухнули перегородки, мешавшие обмену между отдельными частями Руси; прекратились внутренние феодальные войны, разорительные прежде всего для народных масс; феодальная раздробленность была изжита. Опираясь на новые кадры служилых людей (дворяне и дети боярские) и на города, заметно крепла самодержавная власть. Следует при этом подчеркнуть, что образование централизованного русского государства было ускорено потребностями самообороны[2].

Полная ликвидация татарского ига, переход в наступление против остатков Золотой Орды, большой успех в деле защиты своей страны, подъем хозяйства и культуры снова вернули Руси то международное положение, какое она потеряла под ударами татарских орд. Для Руси открылись новые горизонты.

В хозяйственной жизни всей Европы в это время происходили крупные изменения. Часть европейских стран: Англия, Нидерланды, Франция, Италия, Кастилия, Португалия уже в значительной мере изжили у себя феодальные общественные отношения, вытесненные капиталистическим строем. Другая, значительно бóльшая часть Европы (восточная Германия, Австрия, Польша, Литва, Ливония, Россия) оставалась феодальной.

Весьма распространено в науке мнение, что некоторые европейские страны, вступившие к XVI в. на путь капитализма, перестроили свое хозяйство, подняли свою промышленность за счет сельского хозяйства, следствием чего явилась у них потребность в привозном хлебе. Этот спрос на хлеб якобы и вызвал крупные изменения в сельском хозяйстве европейских стран, лежащих на восток от Лабы (Эльбы).

На первое место среди стран, нуждавшихся в привозном хлебе, обычно ставят Англию и Нидерланды.

Но совершенно естественно возникает вопрос: мог ли спрос на привозной хлеб в этих двух странах быть настолько значительным, чтобы другая, несравненно бóльшая часть Европы под влиянием этого спроса одновременно и энергично приступила к перестройке сельского хозяйства?

Если мы учтем, что Англия своего сельского хозяйства не забрасывала совсем, что ее собственный хлеб тоже шел на английский рынок, то спрос на привозной хлеб в Англии не будет казаться нам столь огромным. Наконец, и Нидерланды не так велики, чтобы своей заинтересованностью в привозном хлебе

[2] См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 15—16.

смогли произвести переворот в сельском хозяйстве трех четвертей Европы.

На большой и важный вопрос надо искать иной ответ.

Знаменательно, что почти одновременно в восточной Германии, Австрии, Польше, Литве, Ливонии и России рыцарь стал превращаться в хозяина, на крестьянина легла барщина и появилось крепостное право в самом ярком его проявлении (*Leibeigenschaft*).

Несмотря на многие индивидуальные черты в развитии этих стран, их объединяет то, что перестройка сельского хозяйства, вызванная общеевропейскими сдвигами, застала их в состоянии неизжитого еще феодализма и поставила перед ними задачу — феодальными средствами поднимать производство сельскохозяйственных продуктов и превращать их в деньги.

Историк крестьянства любой европейской страны не может закрывать глаза на то, что делалось в области сельского хозяйства во всей Европе, но это, конечно, не исключает необходимости изучать историю крестьян каждой страны в отдельности, учитывать все индивидуальные стороны процесса.

В предлагаемой книге меня интересовали прежде всего и больше всего судьбы крестьянства на Руси.

На протяжении своей истории оно переживало ряд перемен в своем хозяйственном и правовом положении. Главнейшие из этих изменений, насколько позволяли источники, рассмотрены в предлагаемой книге.

Наибольшее внимание здесь уделено изучению условий, приведших крестьянина к полному закрепощению.

Уже в конце XV и особенно в первой половине XVI в. появился на Руси (как и в Польше и в других государствах Европы) ряд признаков, говоривших о сдвигах в хозяйстве и в общественно-политических отношениях.

Дворянин и сын боярский — военные слуги великого князя Московского — начинают более активно интересоваться сельским хозяйством. Их перестает удовлетворять доставляемый с поместий и вотчин натуральный, издавна определенный оброк. Они стремятся увеличить доходность своих имений, чтобы получить возможность жить так, как требовали новые условия. Уровень этих требований все поднимался. Деньги стали необходимостью, их нужно было гораздо больше, чем землевладелец обычно получал от своего поместья или вотчины.

Рост старых городов и появление новых усилили спрос на хлеб; нехлебные районы (север и юго-восток), увеличившие свою добычу соли и рыбы, тоже предъявляли большой спрос на хлеб. Все это несомненный результат успехов общественного разделения труда. Иными словами, рос *внутренний рынок* и стал определять спрос на продукты и их цену. Хлеб на внут-

реннем рынке делался все более и более частым и ценным товаром.

Для России проблему внутреннего рынка поставил и разрешил В. И. Ленин. В числе ошибок экономистов-народников он указывает на игнорирование ими внутреннего рынка. Следя за возникновением и развитием капиталистического хозяйства, В. И. Ленин останавливает свое внимание на общественном разделении труда и росте торгового земледелия, когда само земледелие превращается «в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую *товары*»[3].

Для В. И. Ленина вопрос именно о внутреннем рынке есть основной вопрос в истории русского феодального, а потом и капиталистического хозяйства.

Правда, В. И. Ленин имел в виду более позднее время, главным образом XIX в., но поскольку он говорит и о докапиталистическом периоде, т. е. рассматривает вопрос исторически, мы имеем право перенести его теоретические суждения и на более раннее время, тем с бо́льшим основанием, что В. И. Ленин ликвидацию феодальной раздробленности Руси и образование Русского централизованного государства объяснял именно усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением.

Не беру на себя пересмотра оценки внешнего рынка в истории других аграрных стран в XV—XVI вв., но считаю необходимым поставить на очередь этот вопрос перед специалистами[4].

Русь (а как утверждает С. Кутшеба[5], и Польша) в XV—XVI вв. во всяком случае перестраивала свое сельское хозяйство главным образом под влиянием внутреннего рынка, который побуждал землевладельцев, до недавнего времени довольствовавшихся ранее установленным крестьянским оброком, изменять систему ведения хозяйства в том же самом направлении, что и в других соседних феодальных странах.

Собственное барское хозяйство заводится вновь там, где его до сих пор не было совсем, значительно расширяется там, где оно уже было в зачаточном состоянии. Барщина — единственное, самое простое доступное средство, при помощи которого при господстве феодализма можно было наладить новую

---

[3] В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 16.

[4] И. Лучицкий в своей известной статье о крестьянах, помещенной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в вопросе о перестройке сельского хозяйства в Восточной Европе придает внешнему рынку решающее значение. Последний опыт пересмотра вопроса в целом принадлежит С. Д. Сказкину.

[5] С. Кутшеба. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, СПб., 1907, стр. 71.

систему хозяйства, но это средство было тяжелым нововведением для зависимой крестьянской массы. На введение барщины крестьяне отвечали усиленными побегами. Землевладельцы в погоне за необходимыми им рабочими руками изощряются в способах сманивания к себе чужих крестьян, делают крестьянина «биржевой ценностью», стремятся приобрести рабочие руки и другими путями. Замаскированный и совершенно открытый наем играет здесь далеко не маловажную роль.

Но этот последний способ привлечения рабочих рук был не всегда доступным и в данной обстановке для феодала не наиболее выгодным. Принудительный труд крепостных крестьян — вот идеал, лелеемый прежде всего основной массой землевладельцев средней руки, из которых составлялась московская великокняжеская, а потом и царская армия.

Столь заметные изменения в экономическом строе общества не могли не внести перемен и в его надстройке. Государственная власть объявляет решительную войну остаткам феодальной раздробленности, уничтожает власть сепаратистских элементов и, опираясь на новых своих слуг — помещиков, становится самодержавной.

Будучи по своей социальной природе помещичьей, власть не могла не поддерживать интересы помещиков. Она и поддержала их. В виде временной меры она отменила право крестьянского выхода-вывоза. Мероприятие оказалось именно тем, которое и нужно было служилому человеку. Он за него держался крепко. Но, с другой стороны, и крестьянин не мог не ощутить легших на его плечи новых тягот. Протесты крестьян, нарастая, принимали разнообразные формы и в конечном счете вылились в грозную крестьянскую войну. В особенно беспокойные моменты, когда в начале XVII в. над Русью нависала грозная опасность, когда власть переходила от одного претендента к другому и едва не очутилась в руках иноземцев, служилые люди проявляют большую тревогу и больше всего боятся, как бы новый глава государства не вздумал вернуть крестьянам Юрьев день.

Правда, к описываемому времени этот символ крестьянского права перестал беспокоить помещика, так как он твердо был уверен в незыблемости закона о заповедных годах, отменивших крестьянский выход.

Эта временная мера держалась прочно и была, наконец, молчаливо признана государственной властью в качестве одного из устоев феодального строя XVII в., сыгравшего крупную роль и в деле объединения различных прослоек сельского зависимого населения в одну крепостную массу.

Этот процесс сложения крестьянской крепостной массы был совсем не таким простым, как может показаться с первого

взгляда. Он имел на своем пути несколько этапов, обусловливаемых ходом общественной и политической жизни страны.

Тут мы видим и отживший институт полного (обельного) холопства, и новую форму холопства — холопства кабального, и другие замаскированные феодальными условиями формы найма. Мы видим настойчивые и систематические выступления землевладельцев-помещиков за освоение крестьянских рабочих рук и одновременно борьбу крестьян за свою независимость. Перед нами одна из сложнейших проблем в истории общественных отношений всей Руси.

Нельзя упрекнуть историков в недостаточном внимании к этому важному сюжету. В той или иной мере его были вынуждены затрагивать и решать как дворянские, так и буржуазные историки. Но ни те, ни другие не могли встать на путь строго научного изучения истории крестьянства. Весьма характерно, что обобщающих работ по истории русских крестьян интересующего нас периода дореволюционная дворянская и буржуазная историография почти не дала. В ней преимущественно рассматривались лишь отдельные стороны истории крестьян и, прежде всего, вопрос о происхождении крепостного права.

Так, например, виднейший представитель дворянской историографии начала XIX в. Н. М. Карамзин, стремясь в идиллическом свете представить феодально-крепостнические порядки, старался показать, что отмена Юрьева дня была проведена в интересах и дворянства и крестьянства одновременно. «Без сомнения,—писал Карамзин, —желая добра не только владельцам, но и работникам сельским, желая утвердить между ними союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном,— он (Борис Годунов.— *Б. Г.*) в 1592 или 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян... и навеки укрепил их за господами»[6].

Ввиду обострения крестьянского вопроса в условиях нараставшего кризиса крепостнических отношений царское правительство решило в 1818 г. запретить публичное обсуждение проблемы крепостного права. Это запрещение формально было снято только накануне крестьянской реформы 1861 года.

В то время как в дворянских официальных кругах либо искажали, либо пытались не допустить обсуждения этой проблемы, дворянские революционеры — декабристы, выступая против самодержавия, подвергли критике крепостнические

---

[6] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, изд. 5-е, Эйнерлинга, т. X, стр. 120.

теории реакционных дворянских историков. Энергично возражая против утверждения, что крепостничество в России возникло на основе добровольного соглашения крестьян с помещиками, декабристы подчеркивали, что крепостное право явилось результатом насилия помещиков и самодержавия над крестьянами. Несмотря на определенную ограниченность их общих исторических построений, несмотря на то, что дворянские революционеры были «страшно далеки... от народа»[7], их взгляды на происхождение крепостного права были, несомненно, прогрессивны для своего времени.

В обстановке дальнейшего кризиса крепостнического строя и роста крестьянского движения в России представители официальной дворянской историографии, выступая в защиту самодержавия, выдвинули тезис о непричастности государственной власти к созданию крепостного права (М. П. Погодин). Стремясь доказать прочность самодержавно-крепостнического строя в России, они обосновывали теорию об особом пути исторического развития России, якобы не знающем классовой борьбы и революций.

С идеализацией русского исторического прошлого выступили в это время и славянофилы (К. Аксаков, И. Беляев, Ф. Леонтович и др.). В своих исторических построениях они идеализировали допетровскую Русь, в которой, по их мнению, наиболее полно выявились особые самобытные начала исторической жизни славянских народов вообще и русского народа в частности. Отстаивая тезис о своеобразном пути исторического развития России, они видели это своеобразие в общинном строе славянских народов. Славянофильские представления о России вообще и в частности о крестьянстве положены в основу труда И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» (1860 г.). В дореволюционной историографии эта книга является единственной работой, освещающей историю русских крестьян с древнейших времен до конца XVIII века. Идеализируя положение крестьян в России, автор считает их «полноправными членами русского общества наравне с боярами, боярскими детьми, духовенством и купцами» вплоть до времени Петра I, когда лишение крестьян их прав было «окончательно утверждено ревизиею и на последующие времена»[8].

В работах буржуазных историков середины XIX в. К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева история русского крестьянства занимала незначительное место. Игнорируя роль трудящихся масс,

---

[7] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

[8] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 2-е, М., 1879, стр. 71, 110, 235.

они обращали основное внимание на развитие форм государства, понимая его как надклассовую организацию.

В пореформенный период взгляды Кавелина и Соловьева получили дальнейшее развитие в работах буржуазного историка Б. Н. Чичерина. С особой силой подчеркивая роль государства как творца общественных отношений, Чичерин пытался доказать, что как и «закрепощение», так и «раскрепощение» всех сословий в России, в том числе и крестьянского, явилось всецело результатом деятельности государственной власти.

Совершенно по-иному к истории крестьян в России подошли русские революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Критикуя взгляды буржуазных историков, революционные демократы указывали на то, что народные массы были главной действующей силой в истории России. Вместе с тем они отмечали крайне тяжелое положение русского крепостного крестьянства; в крестьянских движениях они видели форму протеста против крепостничества. Возникновение крепостного права Н. Г. Чернышевский и объяснял как результат насильственных действий помещиков и самодержавного государства.

Для буржуазной историографии конца XIX—начала XX в. характерно, с одной стороны, стремление свести историю всего общественного развития России лишь к истории государства, с другой — перенесение буржуазных институтов в феодальное общество (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). Так, например, крупнейший буржуазный историк этого времени В. О. Ключевский объяснял закрепощение крестьян ростом их задолженности, т. е. чисто экономическими причинами, рассматривая закрепощение как частноправовой акт. Ему следовал и М. А. Дьяконов. Другой буржуазный историк, В. И. Сергеевич, основатель договорной теории происхождения Русского государства, выдвинул тезис об извечности частной собственности, о полном якобы отсутствии следов общинного землевладения в русской древности.

Касался сюжетов, связанных с историей крестьян, и украинский буржуазный националист М. С. Грушевский. Стремясь противопоставить историю украинского народа истории великорусского и белорусского народов, игнорируя их тесное родство и общность исторических судеб, Грушевский вопреки исторической правде пытался отрицать, что Киевская Русь была общей колыбелью великорусского, украинского и белорусского народов. Грушевский, в частности, утверждал, что нормы «Русской Правды» и отраженные в них социальные отношения применялись только на территории Украины, а не в других частях Руси. Между тем, как мы убедимся ниже, нормы

«Русской Правды» и породившие их социальные отношения были распространены в северо-восточной Руси, в Новгородской и Псковской феодальных республиках. Не менее тенденциозно изображал Грушевский структуру общества Киевской Руси и украинского общества в более позднее время. Грушевский представлял дело таким образом, будто у украинского народа на всем протяжении его истории, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, не было классов и не было буржуазии. Тезис о безбуржуазности украинского народа нужен был Грушевскому для «обоснования» его положения о якобы неоправданности социалистической революции историческим ходом развития украинского народа. Подобно другим буржуазным историкам Грушевский постоянно проводил мысль о надклассовости государственной власти. В связи с этим он считал, что в ущемлении интересов крестьянства виновата государственная власть, а не класс феодалов. Всем этим предвзятым концепциям в работах Грушевского подчинено и конкретное изложение истории крестьянства, что, в частности, проявилось в идеализации положения смердов Киевской Руси и украинских крестьян.

Совершенно очевидно, что при подобных искусственных построениях буржуазных историков не могло быть и речи о подлинно научном освещении истории крестьян в России.

Сказанным, конечно, далеко не исчерпывается характеристика основных направлений русской домарксистской историографии в изучении вопросов, связанных с историей крестьян. Более подробно литературу вопроса я рассматриваю в отдельных главах книги в связи с трактовкой различных сторон сложной и часто запутанной истории крестьян. Здесь же мне было необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кажущееся обилие литературы, история крестьянства оставалась по существу не изученной. В старой историографии для нас представляют интерес лишь отдельные накопленные ею факты и некоторые наблюдения по частным вопросам.

Подлинно научное изучение истории крестьянства стало возможным лишь на основе марксистско-ленинского подхода к пониманию исторического развития общества. В. И. Ленин открыл новый, марксистско-ленинский этап в изучении истории нашей родины вообще и крестьянства в частности.

В 90-х годах XIX в., когда на историческую арену выступил В. И. Ленин, в официальной науке господствовала, хотя и с различными оттенками, мысль об «особом» пути развития России. Защитники этой «теории» пытались «карантинной стеной» отгородить историю России от исторического процесса в Западной Европе с ее пролетариатом и революциями. В этой связи официальная наука старалась доказать отсутствие в Рос-

сии феодализма, ибо признать в России наличие феодального периода означало признать, что в своем развитии она принципиально не отличалась от других европейских стран. Из всех буржуазных историков того времени только Н. П. Павлов-Сильванский пытался ставить вопрос о существовании феодализма в России, но и он был далек от научного решения этого вопроса, поскольку рассматривал феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как сумму учреждений, т. е. трактовал его с узко юридической точки зрения.

Пользуясь марксистским учением об общественно-экономических формациях и применяя его к обширному конкретному материалу русской истории, В. И. Ленин разгромил антинаучную теорию «особого пути» истории России и, в частности, доказал существование в России в IX в. феодального строя. Ленин определил социальную природу древнерусского смерда и его место в феодальном обществе и дал классическую характеристику барщинного феодального хозяйства.

Исключительно важное значение для изучения судеб крестьянства имеют классические труды И. В. Сталина. Творчески обогащая марксизм-ленинизм, И. В. Сталин дал предельно ясную картину смены общественно-экономических формаций и, в частности, блестяще раскрыл сущность феодальных общественных отношений и феодальной собственности, что особенно важно для изучения истории крестьян феодального времени. Глубоко развив марксистское положение о базисе и надстройке, показав их соотношение и подчеркнув активную роль надстройки, И. В. Сталин дал ключ к пониманию важнейших проблем истории крестьянства, в том числе и к решению вопроса о возникновении феодальной зависимости крестьян.

Только с позиций марксизма-ленинизма, на основе трудов Ленина и Сталина, стало возможным научное изучение истории крестьянства в России. Освещению с этих позиций отдельных сюжетов из истории крестьян на Руси посвящено немало работ советских авторов[9].

Читатель данной книги легко может заметить, что в основу периодизации истории русского крестьянства с древнейших времен положена смена форм эксплуатации зависимого крестьянства, в свою очередь обусловленная ходом классовой борьбы и развитием экономической и политической жизни страны.

В отличие от тех авторов, которые занимались изучением русского крестьянства не только в отрыве от других стран Европы, но даже в отрыве от частей Руси, находившихся в изучаемое нами время под властью Литвы, Польши и Ливонии,

[9] Напр., см. обзор советской литературы по этому вопросу в статье И. И. Смирнова «Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе» (Сборник «25 лет исторической науки в СССР»).

я рассматриваю историю крестьян всей Руси независимо от того, под чьей властью они в данный момент находились, и не только Руси, но и соседних с нею стран, в твердом убеждении, что только таким путем мы сможем избежать многочисленных ошибок, сделанных авторами, не желавшими учитывать аналогичных процессов в странах, поставленных в одни и те же условия развития экономики и классовых отношений.

Меня, правда, могут упрекнуть в том, что в главах, посвященных не русским землям, я иногда ограничиваюсь справками из существующей литературы, не пересматривая вопроса заново.

Упрек, конечно, справедливый. Некоторым оправданием мне может служить то, что такой труд непосилен для одного человека. Тем не менее мне кажется, что даже отдельные главы справочного характера оправдывают себя в общем построении книги. Они, выполняя служебную роль, позволяют читателю не терять общей перспективы, важной при рассмотрении каждой исторической проблемы и особенно необходимой в столь запутанной различными авторами истории крестьян.

Мне хотелось показать жизнь крестьянина с древнейших времен, борясь с теми упрощенными представлениями, которые так часто имели место в литературе, когда авторы начинали изучать историю крестьян едва ли не с XVI в. в уверенности, что до этого времени все крестьяне свободны и их судьба не имеет для исследователя интереса. Я хотел показать, что нельзя безнаказанно отбросить киевского или галицкого смерда, если перед нами стоит вопрос о московском старожильце или «непохожем» человеке Литовского государства.

В книге прослеживаются судьбы сельского населения со времен докиевской Руси и кончая серединой XVII в., когда завершается один из крупнейших этапов в жизни русского крестьянина и в то же время намечается ряд новых явлений, развивающихся в течение XVII в. и переходящих в XVIII—XIX столетия. Экскурс в XVII в. для данной книги был необходим, поскольку необходимо было проследить завершение процессов, начавшихся гораздо раньше и рассматриваемых на протяжении значительной части книги.

Если моя работа послужит толчком к дальнейшему изучению истории сельского населения Руси, это будет лучшим оправданием затраченного на нее труда.

Часть первая

ВВОДНАЯ

I. НЕСКОЛЬКО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Перед исследователем истории крестьянства прежде всего встает вопрос, где в источниках искать следы его протекшей жизни, какими терминами оставленная нам в наследство письменность обозначала земледельца, своим инвентарем ведущего свое небольшое хозяйство, какими терминами обозначали источники различные прослойки той массы народа, которая своим трудом кормила огромную страну. От того или иного понимания терминов зависят и выводы исследователя.

Мы очень хорошо знаем, что все живущее изменяется. Имеют свою жизнь и слова. «...Словарный состав языка,— указывает И. В. Сталин,— как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...»[1]. Если бы мы могли познать жизнь слов, перед нами раскрылся бы мир во всей сложности своей истории. К сожалению, мы этого сделать пока не умеем. В нашем распоряжении только отдельные попытки, иногда удачные, но в целом недостаточные для задач историка.

Наши источники знают много терминов, обозначающих сельское население: смерд, сирота, сябр, крестьянин, изорник, мирянин, изгой, закуп, рядович, селянин, кмет, бобыль, половник, вотчич, человек (мн. ч.— люди). Различаются термины и по месту, и по времени, и по социальным оттенкам. Разобраться в этой пестроте совсем не так просто.

Одним из древнейших терминов, обозначающих земледельца-крестьянина, является термин «смерд».

Слово «смерд» очень интересно: оно имеет свою длительную и показательную историю. Недаром на него обращали внимание крупнейшие филологи.

Знаменитый славист П. И. Шафарик по этому случаю писал: «Древнерусское смерд (смердь, rusticus), морданица (servitus)

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд-во «Правда», 1950, стр. 20.

должно быть сравнено с именем народа мордва, мордвин (корень обоих слов персидский merd, т. е. человек, муж)»[2]. Эти же сопоставления мы находим и у А. А. Шахматова (мордовское — mirde — муж, вотякское murt — человек, авестийское mereta, новоперсидское mard — человек)[3].

Классовый смысл этот термин получил значительно позднее.

Термин имеет удивительно широкое распространение: иранское mard, таджикское mard, коми — морт, мурт, удмуртское — мурт (отсюда уд + мурт, морд + ва). Всюду этот термин обозначает, в основном, человека, людей, в переносном смысле употребляется для обозначения людей низшей социальной ступени, подобно тому, как в русском языке и термин «человек» употребляется в общем смысле и в более узком (человек — слуга, в украинском чоловік — муж, супруг). Разумеется, это вторичное значение термина могло возникнуть только значительно позднее, когда появилось разделение людей на высший и низший слои.

Полную аналогию с подобной эволюцией семантики термина мы имеем и в языке египетском, где слово «ромэ» первоначально обозначало человека вообще, а позднее стало обозначать слугу, зависимого человека, раба, т. е. человека социально приниженного[4].

При современном состоянии лингвистической науки едва ли можно найти более убедительный путь к решению этого сложного и интересного вопроса.

Правда, крупный славист прошлого века Миклошич, допуская два возможные решения о происхождении слова «смерд» (от смород и от персидского mord), отдает предпочтение первому[5]. В наше время соглашаться с мнением Миклошича уже невозможно.

Славяне и, в частности, народ русский есть продукт сложного этногонического процесса, и в русском термине «смерд» сказывается глубочайшая древность в истории различных племен и народов, следы многих этнических переплетений.

Одно это слово, сохранившееся на огромном пространстве от Пиренеев до Ирана, от Черного моря до Прибалтики, заставляет нас серьезно задуматься над историей взаимоотношений народов Европы и Азии.

---

[2] П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1, М., 1837, стр. 93.

[3] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, 1916, стр. 35.

[4] За это сообщение приношу благодарность академику В. В. Струве.

[5] Kr. Ks. Miklošič. Etimologisches Wörterbuch, 1886, стр. 310. Сторонники взгляда на происхождение термина «смерд» от слова «смердеть» имеются не только в русской литературе. J. Peisken («Zur Socialgeschichte Röhmens», Weimar, 1896—1897) тоже полагал, что слово «смерд» — общеславянское и производит его от слова «смердеть».

Проследить весь путь, пройденный этим термином, у меня нет возможности, да едва ли вопрос вообще разрешим сколько-нибудь полно. По отношению к судьбе этого термина на Руси я решаюсь высказать только некоторые предположения.

Если этот термин первоначально обозначал человека вообще, то в процессе выделения из людской массы более богатой и знатной прослойки, т. е. в процессе образования классов, потребовались для обозначения социальных верхов новые слова. Для определения землевладельца таким словом стало слово боляр-ин, боярин, для княжеского дружинника — княж муж и боярин, для купечества — гость. Масса, оставшаяся внизу, по-прежнему продолжала носить название смердов, но этот термин в классовом обществе приобрел уже другой оттенок. Его стали ассоциировать не со старинным smerd, merd, mard — человек, а с глаголом смердеть, т. е. придали термину смерд уничижительный, даже обидный смысл. В польском кошубском языке, как сообщает С. М. Соловьев, smird значит бедный селянин [6], в старой Латвии — крестьянин.

Очень характерны аналогии с пренебрежительным наименованием низших классов населения, обязанных работать на своих господ, и людей знатных у других народов. Homines lauti или mundi — люди опрятные, мытые, богатые, homines grassi, popolo grasso — люди жирные, богатые, в противоположность им — homines sordidi, sales, noir, т. е. люди, рожденные в грязи, бедные, homines tenujores — люди худые (нежирные), нуждающиеся, бедные [7].

Некоторую аналогию с этой эволюцией семантики термина «смерд» мы имеем и с термином «крестьянин».

Первоначально крестьянин есть не что иное, как «христианин» т. е. человек, исповедующий христову веру. До появления на Руси татар это слово не имело другого смысла. Когда же вместе с татарской властью на Руси над массой русского христианского населения нависла прослойка победителей, термином «христианин» стала обозначаться основная масса русского населения.

В. Мацеёвский ссылается на мнение Карамзина, что именно татары называли русских людей христианами (крестьянами) [8]. Но и сами русские люди крепко держались за этот термин, подчеркивая им свое отличие от татар [9].

---

[6] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 1, стб. 230, пр. 1 (в дальнейшем цит. «История России»).

[7] М. М. Покровский. Соображения по поводу изменения смысла слов, Изв. АН СССР, 1936, № 4, стр. 90.

[8] Wacław Alexander Maciejowski. Historja prawodawstw słowiańskich, т. III, 1835, стр. 179.

[9] П. Я. Черных. О связи развития языка с историей народа, Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1951, № 3.

Приблизительно такая же эволюция произошла и с термином «муж». В древнейшей Русской Правде этим термином обозначается понятие свободного человека вообще («А убиет муж мужа»...). В литовско-русском обиходе «мужик» обозначает крестьянина: «мужик покуль добр, потуль есть отчич», «мужик у мужика земли на вечность купити не может», «мужик простый не мает моцы земли господарской обель продавать».

В Литовском Статуте встречается «мужик тяглый»[10], в обиходе русском мужик иногда обозначает супруга, мужчину, а чаще это слово имеет уничижительный характер — некультурный, грубый человек.

Нечто похожее произошло и с термином «кмет», «къмет». Это славянское слово обозначало свободного человека, далее в некоторых славянских языках «кмет» начинает обозначать людей, стоящих выше народной массы («и паде голов о сте къметьства»— Новгородская I летопись по Синодальному списку, что в другом списке, Академическом, записано иначе: вместо «къметьство» стоит «доброименитых»).

У поляков это же слово рано стало обозначать селянина, крестьянина и свободного и зависимого. В песне Bogarodzica, в одном из древнейших памятников польской литературы, встречается: «Adamie, ty boży kmieciu, ty siedzisz u Boga w wiecu»[11]. «Божий кмет» здесь — «божий слуга», как сказал бы древнерусский книжник — «раб божий».

В «Польской Правде» (Księga Praw) этот термин не употребляется, очевидно, потому, что «Правду» эту записали немцы (она дошла до нас на немецком языке). В Вислицком Статуте, именно в том его варианте, который приспособлен был для Галицкой Руси, «кметь» в смысле крестьянина встречается часто и иногда заменяется словом «смерд». А. Свентоховский считает происхождение этого термина до сих пор невыясненным. Он допускает, что это термин не польский, хотя несомненно славянский, поскольку он рано упоминается у чехов, сербов, босняков, черногорцев. «Кметь» в XIII в. обозначал chłopa[12], крестьянина-оброчника. М. Кавчинский допускает, что кмет обозначал первоначально человека оседлого, полноправного обывателя, участника вечевых собраний и судов. Малецкий считает его за оброчника (czynszownika). Губе указывает, что первое упоминание кмета падает на 1241 г. и под этим термином разумелись люди свободные и несвободные [13]. «Не объяснена также и перемена значения этого выражения, которое первоначально обозначало, а у некоторых народов славянских и сейчас обозна-

[10] Литовский Статут, 1529, разд. XI, арт. 1—4.
[11] B. L i n d e. Słownik języka polskiego.
[12] A. S w i ę t o c h o w s k i. Historja chłopów, стр. 110, прим. 1.
[13] R. H u b e. Prawo polskie w XIII w., str. 52.

чает людей степенных, старцев, сановников, позднее, главным образом в Польше, стало обозначать «poddanych», «людей зависимых». Термин этот имеет обратный термину «дедич» путь: дедич сначала обозначал зависимого (poddanego), а потом (pana) господина-землевладельца»[14]. Последняя польская работа на эту тему, считающая термин «кмет» общеславянским, принадлежит Яну Отрембскому[15].

В специальной работе П. Лавровский тоже пришел к заключению, что «кмет» — термин весьма распространенный, известный у всех славян, имеющий свою историю и разные значения в зависимости от места и времени[16].

Следует также иметь в виду, что рядом с термином «смерд» существуют и другие равнозначащие: сирота, селянин, мирянин и др. Термин «крестьянин» постепенно на Руси стал вытеснять другие аналогичные по содержанию термины. Официально он завоевал полное право гражданства в Русском государстве с XV в., но в быту долго еще продолжали существовать и старые слова «смерд» и «сирота».

Не менее важный и сложный вопрос возникает при исследовании терминов «человек» и «люди». Я не беру на себя решения этого вопроса. Хочу только указать на то, что слово «человек» встречается у всех славянских народов: человек, члек; польск. człowiek, człek; чешск. člověk; словен. človek; сораб. člowek, člowk, člowk, zlowek, zlojek, člověck, винд. zhlovek, zlovek; карн. zhlovek; далм. chyovik, cjovjek; рагузск. cjovjek; славен. csovik; босн. človjek, clovjek, človik.

Множественное число — люди, чешское lide, lidi; польское ludzie; сораб. luže; винд. ludje; карн. ludji; славин. ljudi; хорватское lyud; рагузск. gljúdi; боснийское gljudi; немецкое Leute[17].

В каком отношении находятся эти слова к равнозначащему слову merd,— пусть решают вопрос филологи. У меня лишь возникает догадка: поскольку в Восточной Европе встречались разнообразные народы Востока и Запада, на этой огромной территории для обозначения одного и того же понятия могли появиться и вступить в конкуренцию несколько терминов.

На Руси, впитавшей и претворившей в себе много культур, остались оба термина приблизительно в одном значении, может быть, с некоторыми оттенками, с течением времени принявшими более четкое значение. «Люди» получило более широкое содержание, «смерд» — в своем значении сузилось. Повторяю, что не претендую на решение этого важного вопроса, и если решился

---

[14] A. Świętochowski. Historja chłopów, стр. 111, прим. 1.

[15] Jan Otzębski. O pochodzeniu wyrazu kmieci. «Slavia antiqua», t. I.

[16] П. Лавровский. Несколько слов о значении и происхождении слова «кмет». «Москвитянин», 1853, т. VI, стр. 79—92.

[17] B. Linde. Słownik języka polskiego.

его поставить, то исключительно с намерением обратить внимание языковедов на эту важную проблему.

Этой справкой по истории терминов, обозначающих сельское земледельческое население, я хотел лишь напомнить о том, что исследователь, поставивший себе задачу изучить историю сельского земледельческого населения, не может не обращаться к данным языка, отразившего следы столь глубокой древности, какую не в состоянии показать нам никакие письменные источники.

* * *

Историю сельского населения любой земледельческой страны следует начинать, конечно, с самого момента его появления, когда земледельческий труд в родовых общинах носил еще коллективный характер.

Но историю крестьян как класса можно изучать только тогда, когда общество стало классовым, когда выделились из общины экономически и политически сильные люди, сумевшие стать над общиной, овладевшие землей и теми, кто ее обрабатывал, когда, наконец, возникло государство, государственная власть узаконила создавшееся положение и обязала крестьян нести в пользу землевладельцев и государства различные повинности.

Образовалось два основных слоя крестьян: один — знающий над собой только власть государства, другой — и государства и землевладельца. Каждый из этих слоев имеет свою судьбу.

В этом плане я и собираюсь рассматривать историю крестьян на Руси, обращая главное внимание на тех крестьян, которые попали под власть землевладельцев.

II. МЕСТО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Русь как народ с определенными этническими признаками, с его бытовыми и хозяйственными навыками появилась на исторической сцене не вдруг. Народ со всеми его особенностями в языке, трудовых навыках, обычаях, духовном облике сложился в итоге непрекращающегося длительного этногонического и исторического процесса.

Далеко не все нам известно, как этот процесс протекал. Но совершенно ясно, что в тот момент, который впервые освещают нам наши источники, русский народ предстает перед нами уже с собственной культурой, несомненно генетически связанной со своим глубоким прошлым.

Подобно тому как смерда мы застаем уже земледельцем с весьма скромным общественным положением, но имеем основание думать, что было время, когда никаких классов еще

не существовало и все люди были просто люди, merd, mard, smerd — так точно и основное занятие смерда имеет свою историю.

Эту историю мы имеем возможность вскрыть, может быть, не с одинаковой ясностью во всех ее этапах, но все же достаточно конкретно и убедительно.

Историк русского народного хозяйства не может в настоящее время игнорировать блестящие открытия археологов. Имею в виду прежде всего успехи в изучении так называемой трипольской культуры. Это культура Поднестровья и Поднепровья, датируемая III—II тысячелетием до н. э., т. е. доскифская культура.

Это та самая территория, которая позднее стала центром Руси. У нас нет оснований сомневаться в том, что неизвестные нам по имени племена, населявшие эту территорию, генетически связаны с Русью.

Еще В. В. Хвойка открыл при раскопках трипольских площадок остатки культурных растений и на XIII археологическом съезде поставил вопрос о земледелии в трипольскую эпоху[1].

В настоящее время изучение трипольской культуры, особенно благодаря работам Т. С. Пассек, сделало очень большие успехи. Наблюдения и выводы Т. С. Пассек по вопросу о земледелии в эпоху трипольской культуры, т. е. за 3—2 тысячелетия до н. э., имеют для моей темы очень большое значение.

Раскопки Коломийщенского поселения выяснили, что в глиняной массе, употребляемой при постройке жилищ, имеется примесь растительных веществ: зерен, половы, мелких частиц колосьев хлебных злаков. Тщательное исследование этих остатков позволяет утверждать наличие пшеницы, ячменя, ржи и проса. Стало быть, племенам, жившим в Днестровско-Днепровском бассейне, уже в доскифское время было известно земледелие, которое мы имеем основание считать мотыжным. Земледельческие орудия в поселении Коломийщины преобладают. Тут найдены мотыги из лосиного или оленьего рога с заостренным концом и просверленным отверстием для прикрепления рукоятки. Для земледельческих работ приспособлялись орудия из мягких горных пород. Для сбора урожая употреблялись кремневые ножевидные пластинки, иногда серповидной формы, с зазубренным краем. В 1939 г. в Коломийщине найден был костяной серп значительных размеров, сделанный из лопатки быка или коровы.

Способ молотьбы остается до сих пор точно не выясненным, но зато довольно хорошо установлен способ обработки зерна.

---

[1] В. В. Хвойка. Начало земледелия и бронзовый век в среднем Поднепровье. Труды XIII Археологич. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1907, стр. 1—8.

Самым обычным средством здесь является размалывание зерна в каменной зернотерке. Зернотерка составлялась из двух частей: нижнего, широкого, плитовидного камня и каменного толкача. Эти зернотерки обычно находятся вблизи от больших сосудов, предназначенных для хранения запасов. Растирали зерно обычно женщины, на что указывает найденное тут же изображение женщины, склоненной над зернотеркой. Для хранения зерна употреблялись особые сосуды до 1 метра высотою, стоявшие в особых, предназначенных для этого, местах жилища по 10—15 штук вместе.

Т. С. Пассек на основании своего очень большого материала приходит к выводу, что земледелие здесь было главной отраслью хозяйства. Скотоводство, охота и рыболовство играли важную, но второстепенную роль[2].

Само собой разумеется, что в степной приморской полосе скотоводство должно было играть более заметную роль.

Установление дальнейших этапов в истории трипольской культуры — задача, над которой идет интенсивная работа археологов. Мы, однако, можем сказать, что нет противопоказаний к допущению преемственности культуры от триполья к скифам и от скифов к руси.

Геродотовская характеристика скифского земледелия всем хорошо известна. «Земля скифов,— пишет Геродот,— представляя собою равнину, изобилует травою и хорошо орошена. По ней протекают реки: пятиустный Истр (Дунай), за ним Тирас (Днестр) Гипанис (Буг), Борисфен (Днепр), Пантикап, Ипакирь, Герр, Танаис (Дон). Река Борисфен самая прибыльная: доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходные луга, рыбу в огромном количестве; вода ее очень приятна на вкус и отличается чистотой среди мутных рек Скифии: вдоль нее тянется *превосходная пахотная земля*, или растет очень высокая трава там, где почва не засевается; в устье ее сама собою залегает соль; в ней ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами». Страна скифов производит, по словам Геродота, хлеб, чечевицу, лук, чеснок, лен и коноплю; из животных водятся в ней лошади, быки, ослы, кабаны, олени, зайцы, козы. Геродот указывает также на наличие пчел.

По Геродоту, скифы этнически не представляют собою единства. Тут много племен, говорящих на разных языках. Нет единства и в занятиях населения. Одни племена занимаются скотоводством, другие усердно и успешно — земледелием не только для себя, но и на продажу. Одни кочуют, другие прочно сидят на земле.

---

[2] Т. С. Пассек. Трипільське поселення Коломийщина — в сб. «Трипільська культура», т. I, Киев, 1940, стр. 34.

Скифов-пахарей Геродот делит на две группы: ἀροτῆρες и γεωργοί. По мнению А. Д. Удальцова, геродотовский термин «паралаты» ἀροτῆρες обозначал на языке скифов-саков «плужники». Таким образом, население междуречья Днепра и Ю. Буга (паралаты) в V в. до н. э. прекрасно знает пашенное земледелие и употребление пашущего орудия [3], в отличие от сколотов, живших по левому берегу Нижнего Днепра, знавших лишь мотыжное земледелие, почему и названы Геродотом γεωργοί (земледельцы).

У нас нет данных, позволяющих говорить, что эти земледельческие навыки, известные нашей стране и в трипольское и скифское время, были забыты русью и что русь вернулась снова в состояние, когда земледелия либо совсем не знали, либо пользовались им в мало заметных размерах.

Поэтому очень трудно догадаться, почему некоторые из историков России считают восточных славян народом неземледельческим. Наиболее ярко высказал эту мысль В. О. Ключевский, а его последователь Н. А. Рожков постарался снабдить ее аргументами, убедившими Довнар-Запольского и многих других.

«История нашего общества, изменилась бы существенно,— пишет В. О. Ключевский,—если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном Среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область Верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом краю основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, там ее успехи были искусственны...» [4].

Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на «неестественность» и «искусственность» этого построения Ключевского, но тем не менее у многих

---

[3] Ср. легенду, сообщаемую Геродотом, о том, как с неба упали плуг и ярмо, благодаря чему скифы и научились возделывать хлеб.

[4] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, П., 1919, стр. 11 (в дальнейшем цит. «Боярская дума»).

представителей нашей науки этот предрассудок продолжал держаться.

С особенной силой выступил на защиту этого положения Н. А. Рожков. Он сделал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к системе защиты его положений.

По мнению Н. А. Рожкова, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но даже и не было очень важной отраслью хозяйства. «Кий, Щек и Хорив, по преданию, занесенному в Начальную летопись, были звероловами. Северяне платили дань хозарам по шкурке белки с дыма. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма. По словам арабского писателя Ибн-Хордадбе, жившего во второй половине IX века, русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц, т. е. продукты звероловства. В 944 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских «ловищ», т. е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгородской, и «перевесищ», приспособлений для птичьей охоты по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростене, предлагали ей дань «скорою», т. е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха» [5].

Дальше Рожков делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И тем не менее согласиться с такими положениями автора невозможно. Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н. А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений об этих трех братьях и особенно о первом из них. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там «великую честь... от царя». И мы не можем не согласиться в данном случае с летописцем: из всех трех версий предположение о том, что Кий был у полян одним из князей, подобных тем, о которых говорит Маврикий Стратег или которых упоминает летописец у восточнославянских племен, наиболее вероятно.

Стало быть, трактовка трех братьев как «звероловов» весьма сомнительна. Платеж дани мехами, конечно, говорит о наличии

---

[5] Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I, изд. 2, Пгр., стр. 76—77. Цитирую Рожкова как автора, более детально аргументирующего свои положения.

охоты как одного из важных промыслов, говорит также о значительной ценности мехов, что могло явиться только результатом торговли, спроса на этот продукт [6], но совсем не отрицает земледелия в качестве основного занятия населения.

Полезно, наконец, пересмотреть и обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что «козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма». Но не правильнее ли будет читать этот текст так, как он написан в Ипатьевской летописи, «по беле и веверице», где «бель» может быть понимаема и как серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представится нам в другом свете [7].

Для решения этого вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым, или дом, рало, плуг. Дым, или дом,— это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица [8]. Плуг или рало говорят сами за себя. Все эти термины в сущности обозначают одну и ту же единицу обложения, в основе которой лежит сельское хозяйство.

Вятичи в 964 г. говорили Святославу: «Козаром по шлягу и от рала даем». То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отець его имаше» [9]. Мы имеем — правда, несколько более

---

[6] Св. Марцан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у киевского князя Святослава и от него, а также и «от других знатных лиц богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха ценою в сто фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург». Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша (М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в., ЛЗАК, вып. 34, стр. 22).

[7] В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них [ятвягах] дань: ехав же Коснятин поима на них дань, черныя куны и бель серебро, и вдасть ему...». Под 1068 г., в Лаврентьевской летописи говорится о разграблении двора киевского князя Изяслава. Было разграблено «бещисленое множьство злата и сребра кунами и белью».

Ибн-Русте пишет: «белые круглые диргемы приходят к ним (булгарам. — *Б. Г.*) из стран мусульманских, путем мены за их товары» (Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 25). Вопрос этот требует специального исследования. Я высказываю здесь только предположение, навеянное терминологией арабских памятников и аналогией с летописным сообщением о том, что вятичи платили дань «шлягами».

[8] Этот дом-дым в совершенно конкретном виде вскрыт В. И. Равдоникасом в Старой Ладоге и больше никакой загадки не представляет.

[9] Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг.

позднюю — расшифровку этой земледельческой единицы обложения. Гельмольд (XII в.), рассказывая о западных прибалтийских славянах, между прочим, сообщает, что «существует у оботритов епископская подать, которая заменяет десятину, а именно: от каждого плуга, т. е. *от двух волов или одного коня* (курсив мой.— *Б. Г.*) — мера хлеба, 40 мотков льна, 12 нумм доброй монеты (XII nummi probatae monetae)...» [10]. Кедрин то же говорит о болгарах: «Каждый болгарин, владеющий парой волов, должен был вносить (Византии.— *Б. Г.*) ежегодно меру пшеницы, проса и сосуд вина». Тут речь идет о периоде зависимости Болгарии от Византии, т. е. о времени между 1018 и 1185 гг.[11]

По словам Гедеонова, «вендские князья получали от смердов вендской земли оброк, платимый хлебом от плуга, ...dequolibet aratro contulimus (Dreger, № 29). Этот оброк назывался плуговым poradlne (ср. Maciejowski, H. Rg., II, 270 Anm. 580)» [12].

Если единица обложения в данном обществе получила свое происхождение от главнейшего пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим.

Эти наши соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставить приведенные факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми при раскопках.

В этом отношении у археологов нет разногласий.

В своей работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» В. В. Хвойка, тот самый, который обратил свое внимание и на земледелие в трипольскую эпоху, делает опыт подведения итогов многочисленных данных археологических раскопок в Среднем Поднепровье, т. е. в районе, для нас особенно интересном, поскольку здесь образовался центр Киевского государства. Не только для «славянской эпохи» (терминология В. В. Хвойка.— *Б. Г.*), но и для периодов более ранних В. В. Хвойка с уверенностью говорит о господстве здесь земледелия, связывая тем самым трипольскую культуру с более поздней дославянской и славянской. «Итак, мы видели,— подводит итоги В. В. Хвойка,— что обитатели Среднего Приднепровья славянской эпохи знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения. *Первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству*. Это подтверж-

---

[10] H e l m o l d i. Chronica Slavorum, liber I, Monumenta Germaniae historica, t. XX.

[11] Ф. И. У с п е н с к и й. Образование второго Болгарского царства. Зап. Новоросс. унив., т. 27, 1879, стр. 113.

[12] С. Г е д е о н о в. Варяги и русь, ч. 1, СПб., 1876, стр. 311.

дается весьма частыми находками различных сельскохозяйственных орудий — *железных наральников*, мотыг, серпов, кос и прочих орудий, находимых в городищах и могильниках этого времени, а также и находками *огромного количества зерен хлебных злаков*, нередко хранившихся в особых помещениях. В жилищах, как обнаружило исследование древних построек, уничтоженных пожаром, в отделении, соседнем с жилым помещением, нередко оказывались целые слои поджаренных хлебных зерен — *пшеницы, ячменя, ржи и проса*: иногда они находились в деревянных обгоревших кадках или бочках. В некоторых случаях, например в Шарковском (Шаргородском) городище, хлебные зерна были обнаружены в специальных зернохранилищах, устроенных в отделении, находившемся по соседству с жилым помещением. Зернохранилища эти представляли собой круглую, выкопанную в желтой материковой глине, яму со сводчатым верхом, в котором находилось отверстие; стенки такой ямы были докрасна обожжены» [13]. «Славянскую эпоху» В. В. Хвойка начинает после «великого переселения народов».

Недавно умерший знаток истории хлебных злаков в нашей стране К. А. Флаксбергер в своих работах дает обильный и убедительный материал по вопросу о наличии различных хлебных культур в Восточной Европе с очень давнего времени. Он обследовал семена культурных растений из раскопок 1928 г. Банцеровского городища под Минском, относимого к VI—VIII вв. Оказалось, что главную массу семян составляли здесь горох и мелкоплодные конские бобы *vicia faba*. Бобы этих районов, как пишет К. А. Флаксбергер, «являются аборигенами, давность возделывания которых может быть отнесена более чем за 1300 лет назад». Тут же оказались большие куски спекшейся массы проса. Наконец, в горшках в виде примеси обнаружены семена кормовой вики (*vicia sativa*) и немного зерен мягкой пшеницы (*Tr. vulgare*). «Значит, — заключает К. А. Флаксбергер, — мягкая пшеница доходила до Минска уже в VI—VIII вв. Интересно, что здесь, как и в более поздний период под Смоленском, не обнаружено ржи» [14].

Оказывается, та же картина характерна не только для Среднего Поднепровья.

Очень интересны наблюдения П. Н. Третьякова во время раскопок укрепленного поселка в устье р. Сонохты, впадающей

---

[13] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913, стр. 61 (курсив везде мой. — *Б. Г.*).

[14] К. Флаксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Труды Института истории науки и техники, серия 1, вып. 2, стр. 177 и др.

в Волгу в 20 км ниже устья р. Шексны, вблизи дер. Березники. Раскопки производились в 1934—1935 гг. Поселок возник приблизительно к III—IV вв. н. э. и был уничтожен большим пожаром около IV—V вв. В этом укрепленном поселке 11 построек, из коих 5 жилых изб, 1 большое общественное здание, 2 помещения, связанные с производством и обработкой металла, 1 ткацкая изба, 1 помещение для хранения и размола зерен и 1 погребальное.

Для нас в данном случае весьма важно отметить, что люди этого поселка питались хлебом и занимались подсечным земледелием, о чем свидетельствуют наличие особой хлебной избы и орудий производства (специальные топоры для рубки деревьев, серпы, зернотерки). Какие именно хлебные злаки здесь возделывались, выяснить не удалось. Зато по косвенным данным устанавливается культура льна, из которого ткались полотна. Рядом с земледелием тут имеются явные следы и других отраслей хозяйства — охоты, рыболовства, добычи и обработки металла, прядения, гончарного дела, работы по дереву и др. Перед нами коллектив родственников, ведущих свое многостороннее хозяйство[15].

Работа П. Н. Третьякова одним этим объектом изучения (Березники) не исчерпывается. Он раскопал много поселков в Верхнем Поволжье и более позднего времени (VII—IX вв.) и пришел к выводу, что земледелие господствует в этом районе безраздельно и что характер земледелия постепенно меняется. Подсека, т. е. земледелие досошное, постепенно сменяется сошным, пашенным. Оснащенной железным наконечником сохе предшествует деревянное рало. Лошадь, которая в прежнее время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тяговой силой и начинает служить пищей лишь в очень ограниченной мере. Этот перелом в технике земледелия, т. е. переход от подсечного к пашенному земледелию, падает, по наблюдениям автора, приблизительно на VII—VIII вв. Вместе с тем он отмечает и перемену в формах поселений. На смену укрепленным городищам идут не укрепленные, но зато более крупные поселки, причем родственные коллективы сменяются коллективами, объединяемыми общностью хозяйственных интересов.

Вопрос об этнической принадлежности населения этих поселков (для данного случая не первостепенный) мы оставляем пока в стороне.

В 1929 г. украинский археолог А. Федоровский раскопал Донецкое городище в 7 км от Харькова, у с. Карачевки, на

[15] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 5, стр. 51 и сл.

правом берегу р. Уды. Это городище более позднего времени — XI—XII вв. Тут мы имеем уже не подсеку, а настоящее пашенное земледелие. А. Федоровский нашел здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу), а также лен и мак, нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что он в своем отчете обратил особое внимание,— это то, что вся поверхность селения покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Он раскопал около 80 таких ям, и это еще не все, так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выровнены, кое-где заметны следы лопат, кое-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков. «Русская Правда» и летопись тоже упоминают о таких хлебных ямах [16]. А. Федоровский относит их к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились вредители, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательство господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботы об устроении этих ям и их количество. Ассортимент хлебных злаков говорит о том же [17].

Совершенно очевидно, что земледелие и на этой территории существует не со вчерашнего дня, что для развития всех перечисленных культур требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями. Что эти находки А. Федоровского не исключительны и что харьковский район в этом отношении не единственный, видно из археологических данных раскопок и более старого периода, и современных.

В раскопках северянских курганов Д. Я. Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение А. Федоровского и сообщения летописи. И там серпы и сорта хлебных зерен указывают, по мнению Самоквасова, на земледельческий быт северян [18]. К таким же выводам приходят и

[16] «Оже крадуть гумно или жито в яме...» (Правда Русская), Карамзинский список, ст. 43).

[17] А. Федоровский. Археологічні розкопи в околицях Харкова—«Хроника археології та мистецьтва», ч. 1, Всеукраинская Академия Наук, Киев, 1930, стр. 5—10.

[18] Д. Я. Самоквасов. Северянские курганы и их значение для истории—Труды III Археологич. съезда, т. 1, Киев, 1878, стр. 219 и др.

С. С. Гамченко на основании раскопок в урочище Стуга [19] и В. Б. Антонович по данным раскопок древлянских курганов [20]. Раскопки селения «Райки» (в 10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний инвентарь поселения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, овес, рожь, горох, вика, а также пшено, конопля, мак. Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками — имущественным неравенством и специфическими преступлениями [21]. То же мы имеем по Роси в так называемой Княжой горе — поселении, относимом археологами к XI—XII вв. Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177) предметов, среди которых имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) А. Н. Лявданский говорит о сельском хозяйстве здесь в XI — XIII вв. совершенно определенно: «Главным занятием жителей было сельское хозяйство». Найденные в городище обуглившиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше — овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыги с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен,— отпечатки льняной ткани хорошо сохранились на обожженной глине. Несомненно были, но не сохранились и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище. Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы К. А. Фляксбергером [22], который пришел

---

[19] Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. 13, отд. II, стр. 31 и сл.

[20] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. «Материалы по археологии России», СПб., 1893, № 11, стр 15.

[21] Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 5, стр. 83—92.

[22] К. Фляксбергер. Хлебные зерна из Ковшаровского городища, Гриневской вол., Смоленского уезда. Научн. изв. Смол. гос. унив., общ.-гуманит. науки, т. III, в. 3, Смоленск, 1926, стр. 250—251. См. также работы того же автора: «Находка культурных растений доисторического периода». «Труды Института истории науки и техники Акад. Наук», сер. 1, вып. 2; Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», VIII, М.—Л., 1940, стр. 117—119.

к заключению, что здесь возделывались главным образом яровые хлеба, и больше всего ячмень. Но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках, не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно. Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах (если оно не случайно) наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, где сошники найдены в слоях X в., и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А. Н. Лявданский не сомневается, что в XI в. соха с железным наконечником в Смоленщине уже известна [23].

Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, подвергшейся тщательному обследованию Б. А. Рыбакова. На основании изученных им раскопочных материалов (около 150 курганов) он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляла занятие, не оставившее в курганных раскопках никаких следов.

Б. А. Рыбаков указывает также на то, что здесь сеялись не только хлебные злаки, но и технические культуры, и, прежде всего, лен. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла.

Сторонников теории о господстве в земле радимичей охоты не спасает и обычно приводимый ими, относящийся к 1150 г., факт платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и «по лисице с каждого дыма».

За период X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, сершы, косы-горбуши. Отсюда можно бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представлению о радимичах и вятичах как о племенах, отсталых в своем развитии по сравнению с другими восточно-славянскими племенами. Красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих «звериным обычаем», хорошо известно. Необходимо, однако, иметь в виду, что Б. А. Рыбаков не обследовал радимичских городищ, а изучал только могилы. Работы того же Б. А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии недалеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии или, во

---

[23] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ., Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, стр. 247.

всяком случае, о более высоких формах подсечной системы у дреговичей даже в IX в., если не раньше [24].

Недавние раскопки В. И. Равдоникаса на границе новгородских владений с Карелией говорят о той же роли земледелия даже для северного района.

Раскопки того же В. И. Равдоникаса Старой Ладоги привели его к тем же основным выводам. Население Старой Ладоги уже в VIII в. питается хлебом, имеет прирученных домашних животных, мясо которых идет в пищу, живет отдельными дворами («дым»), ведет индивидуальное хозяйство.

Очень показательны костные остатки животных, найденные на территории раскопа. Первое место занимала здесь свинья (42% в сборах 1938 г. и 46% в сборах 1939 г.), затем крупный рогатый скот (26% — 1938 г. и 28,1% — 1939 г.) и мелкий рогатый скот — преимущественно овцы, в меньшей степени козы (12% — 1938 г. и 14% — 1939 г.). Все эти животные употреблялись в пищу; процентное соотношение собранных костных остатков приблизительно соответствует количественному соотношению видов в составе стада. Далее мы имеем в сборах экспедиции В. И. Равдоникаса наличие лошади (4% — 1938 г. и 5,6% — 1939 г.), домашней кошки (10% — 1938 г.), собаки (6% — 1938 г. и 4% — 1939 г.) и, наконец, курицы (11% по отношению к определенным отдельным особям всего состава птиц).

Находки охотничьих орудий (наконечники стрел и копий, деревянные луки в материалах Н. И. Репникова отмечают значение охоты в хозяйстве ладожан, что еще конкретнее выступает при изучении собранных остатков дикой фауны. Не лишены интереса цифры, показывающие соотношение домашних и диких животных в общем количестве определенных отдельных особей. По млекопитающим мы имеем: для сборов 1938 г. 59 определенных особей, из них: 84,8% домашних животных, 15,2% диких, для сборов 1939 г. 308 особей, из них 87,7% домашних, 12,3% диких. Конечно, не все убитые охотниками дикие животные попадали в поселение; кроме того, в состав определенных костей не вошли изделия из кости и рога (среди них особенно часты изделия из рога лося, встречаются и клыки медведя, не представленного в костных остатках), но в известной мере приведенные цифры (в среднем 88% на домашних животных и 12% на диких) несомненно характеризуют удельный вес домашнего скотоводства и охоты в хозяйстве ладожан IX—X вв.

По видам дикие животные распределяются следующим образом: на первом месте бобр (44% в сборах 1938 г. и 42,1%

[24] Б. А. Рыбаков. Радзімічы, Працы секцыі археологіі, т. III.

в сборах 1939 г.), что невольно заставляет вспомнить «бобровые гоны» древнерусских источников, затем лисица (22,2%—1938 г. и 16%—1939 г.), заяц (11%—1938 г. и 13,1% — 1939 г.), лось (11,1% — 1938 г. и 10,5% — 1939 г.; для лося эти цифры, как указывалось, следует увеличить) и волк (1%—1938 г. и 1%— 1939 г.). Кроме того, в сборах 1939 г. оказались тюлень (4 особи, 10,5%), благородный олень и рысь — по одной особи.

В дикой фауне по числу особей значительнее, обильнее и разнообразнее, чем млекопитающие, представлены птицы, в первую очередь лесные куриные (т. е. глухари, тетерева, рябчики) и водоплавающие — утиные и гусиные. Очевидно, «перевесища» находили широкое применение в охотничьем промысле ладожан [25].

Земледельческое хозяйство и домашнее скотоводство, с ним тесно связанное, здесь подчеркнуты полностью.

Данные языка говорят о том же: уже в глубокой древности в славянском языке имеются термины, свидетельствующие, что славяне очень давно были хорошо знакомы с хлебными злаками, огородными овощами и сельскохозяйственными орудиями производства.

Очень важно в данной связи напомнить, что в венгерском языке терминология, связанная с земледелием,— в основном славянская, тогда как скотоводческие термины — венгерские.

Археологические и лингвистические данные вполне согласуются со сведениями древнейшей «Русской Правды». Отправляющемуся в «служебную командировку» вирнику полагалось «взяти 7 ведер солоду на неделю, тоже овен, либо полоть или две ногате, а в среду резану, въже [три] сыры; в пятницу тако же. А хлеба, поскольку могут ясти, и пшена; а кур по двое на день; кони 4 поставити и сути им на рот (овса), колько могут зобати». Дальше еще имеется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: «борошна, колько могут изъясти». Перед нами обычная продовольственная норма для командируемого сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду. Антоний Печерский «яды хлеб сухий, и того черес день, и воды в меру вкушая» [26].

---

[25] В. И. Равдоникас. Древнейшая Ладога. Ученые записки Лен. гос. унив. (юбилейная серия).

Свыше 7000 костей собрано в 1938 и 1939 гг. Определения производились в Зоологическом институте Академии Наук СССР научной сотрудницей Сусловой под наблюдением В. И. Громовой.

[26] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 110.

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана прежде всего на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

«Обилие» в наших старых письменных памятниках обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. «Бывше бо единою скудости в Ростовьстей области, въстаста два волхва от Ярославля, глаголюща: «яко ве свеве, кто обилье держит»[27]. Из дальнейшего видно, что под обилием разумелся прежде всего хлеб. В духовной новгородца Климента (XIII в.) читаем: «Даю за все то два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью...»[28]. Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу «земля наша велика и обильна», безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия.

«Русская Правда» не считает необходимым напомнить о том, что и так было ясно ее современникам. Но и в ее молчании иногда с полной необходимостью приходится подразумевать земледелие в качестве основного занятия населения. Как, например, понимать указание древнейшей «Русской Правды» на наличие у богатых людей челяди? Что делает в господской усадьбе эта челядь?

Для тех, кто убежден, что в это время наши предки занимались «охотой и торговлей», неизбежно предположение, что эта челядь ходит с луками по лесам, стреляет белок и куниц, с тем чтобы доставить «скору» своему хозяину, который ждет своих челядинцев с охотничьей добычей и готовит лодьи для отправки мехов на далекие заграничные рынки.

Для тех, кто думает, что мужи-дружинники этого времени живут данью с покоренных народов и не интересуются ни землей, ни хозяйством, челядь вообще необъяснима: она просто не нужна.

Для тех же, кто считает такую картину не соответствующей показаниям всех наших источников, кто считает, что основным занятием наших предков в эти древние времена было земледелие (подсечное и пашенное), неизбежно заключение, что челядь прежде всего работает на земле, обрабатывает землю и своим земледельческим трудом кормит своего хозяина-господина, как это прекрасно показано, правда для времени несколько более позднего, в житии Феодосия Печерского: главное, едва ли не

---

[27] Лаврентьевская летопись, под 1071 г.

[28] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 5, СПб.— Киев, 1899, стр. 137 (в дальнейшем цит. «Христоматия»).

единственное назначение челяди родителей Феодосия была работа в поле. Это заключение полностью подтверждается «Правдой» Ярославичей, где вотчина с ее сельским хозяйством изображена с такой ясностью, что ее может не видеть только тот, кто не хочет ее видеть. Игнорировать вопрос о том, когда успела возникнуть эта вотчина, к XI в. представляющая собой полную картину крупного земельного владения с полным и очевидным господством сельского хозяйства, невозможно. Десятилетиями такие процессы не измеряются, тут необходимы столетия.

Считаю уместным напомнить отмеченную в свое время акад. Ф. И. Успенским практику выведения византийским правительством славянских колоний в Малую Азию. Под 687 г., например, упоминается выведение славян из Македонии в Вифинию, в область Опсикий; около середины VIII в. в Малую Азию было выведено около 208 000 славян. *Всем им были отведены земли в Вифинии*, близ р. Сангария. «Поселенные в Малой Азии славяне наделены были земельными владениями и поставлены в такое состояние, чтобы иметь средства к отбыванию военной службы» [29]. Византия не сомневалась в том, что славяне — земледельцы, и уже в VII—VIII вв. создавала им на новых местах привычные для них условия жизни.

О том же говорит и «Земледельческий закон», несомненно отразивший в себе особенности славянского хозяйства и общественного строя [30].

Классическое изображение смерда-земледельца в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде (1103 г.) хорошо известно. Здесь смерд изображается в качестве мелкого непосредственного производителя, владеющего орудиями сельскохозяйственного производства, усадьбой, инвентарем — живым и мертвым — и пр. Смерды — эта самая многочисленная группа населения Киевской и Новгородской Руси — прежде всего земледельцы.

Вполне понятным делается и обращение княгини Ольги к древлянам, записанное в Лаврентьевской летописи под 946 г. (небольшая беда, если летописец этот рассказ украсил подробностями, взятыми отчасти из обихода современной ему жизни): «Вси гради ваши предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя, а вы хочете измерети гладом».

Относительно голодовок у нас имеется достаточное количество сведений, из которых с совершенной ясностью вытекает, что земледелие было основным занятием деревенского населения.

---

[29] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., стр. 398—399.

[30] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным земледельческого закона). Византийский сборник, 1945, стр. 106—114.

«Том же лете вода бяша велика в Волхове, а снег лежа до Яковля дня, а на осень уби мороз вершь всю (т. е. хлеб) и *озимице*; и бысть голод и через зиму ржи осьминка по полугривне»[31]. «Стояста 2 недели полне, яко искря жгуще, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дожгь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша...»[32]. «Том же лете стоя все лето ведром, и пригоре все жито, а на осень уби всю *ярь* мороз; еще же за грехи наши не то зло оставися, но пакы на зиму ста вся зима теплом и дожгем, гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О велика скорбь бяше в людях и нужа»[33]. «Той же осени найде дожгь велик и день и ночь на Госпожин день оли и до Никулина дни не видехом светла дни; ни сена людем бяше добыти, ни нив делати»[34]. «Изби мраз на Воздвижение честного хреста обилье по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворах по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овса по 13 гривен, и разидеся град наш и волость наша и полни быша чюжия грады и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети»[35].

Не остается никаких сомнений, что неурожай есть общенародное бедствие; не только деревня страдает от него, но и городской житель вынужден терпеть «скорбь велику и нужу», если по тем или иным причинам не родился хлеб. Эти факты, взятые из летописей, касаются Новгородской земли.

Самое серьезное внимание необходимо обратить на различение нашими ранними источниками озими и яри. Это говорит о пашенном устойчивом земледелии, весьма возможно, о трехпольной системе уже в XI—XII вв.[36].

Конечно, с первого взгляда может показаться, что все эти факты относятся только к XI—XII вв., что, может быть, в не-

---

[31] Новгородская I летопись, под 1127 г. (курсив мой.—*Б. Г.*).

[32] Там же, под 1145 г.

[33] Там же, под 1161 г. (курсив мой.— *Б. Г.*).

[34] Там же, под 1228 г.

[35] Там же, под 1230 г.

[36] П. П. Смирнов в своей работе «Образование Русского централизованного государства», возражая мне, пишет: «Трудно согласиться с Б. Д. Грековым, будто бы в Новгородской области в XII веке применялся трехпольный севооборот. Упоминание в Новгородской летописи под 1127 годом «озимища» (в тексте Летописи «озимица») и ярового свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трехполье, ни о двухполье это не говорит» («Вопросы истории», 1946 г., № 2—3, стр. 73, прим. 6). Если новгородцы сеют озимое и яровое, то гораздо вероятнее предполагать наличие трехполья или двухполье, чем отрицать и то и другое. Для опровержения этой мысли недостаточно голословного утверждения. Возражения на теорию П. П. Смирнова и, в частности, по данному вопросу, И. И. Смирнова я считаю вполне убедительными. (И. И. Смирнов. О путях исследования русского национального государства, «Вопросы истории», 1946, № 4).

сколько более раннее время (IX—X вв.) дело обстояло иначе. Эти сомнения разрешаются показаниями иностранцев и археологии, вполне подтверждающими наши наиболее ранние письменные свидетельства. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что «славянская земля (имеются в виду западные и отчасти восточные славяне) обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ». Восточные документы свидетельствуют, что славянский лен в X в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент[37]. Под 997 г. в Лаврентьевской летописи помещен рассказ об осаде Белгорода. Старик советует осажденным горожанам собрать «аче и по горсти овса или пшенице или отруб» для того, чтобы устроить кисельный колодезь и обмануть неприятеля. Предполагалось, что эти продукты имеются у большинства населения даже во время осады, рассчитанной на измор осажденных голодом. Маврикий Стратег, писатель конца VI в., сообщает, что у славян и антов большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности разновидностей проса κέγχρος καὶ ἔλυμος[38].

В IX в. не просто упоминается, как подчеркивал Рожков, рало (или плуг) у вятичей, но оно легло там, как мы видели, в основу обложения. В «Русской Правде» (Пространной) из продуктов сельского хозяйства называются пшеница, жито, горох, пшено, полба, ячмень; в «Вопрошании Кириковом» — горох, чечевица, пшеница и овощи. В церковном уставе середины XI в. записано: «аще муж иметь красти конопли или лен или всяко жито». Араб Ибн-Русте (первая половина X в.), рассказывая о жатве у славян, дает понять, что земледельческие продукты были главной их пищей (особенно они любили просо, о чем говорят также Маврикий и Лев Мудрый). Менандр, византийский писатель VI в., сообщает о том, что у антов имелись поля, подвергшиеся опустошению со стороны войск византийских. Хлеб и мясо — это, по словам Константина Порфирородного, обычная жертва славян, а значит, и пища и, конечно, весьма старинная, потому что жертвенный ритуал есть освященная вековыми обычаями традиция.

Тут надо обратить внимание и на другую сторону дела. Для того чтобы в XI в. могло появиться земледелие со всеми теми хлебными и техническими культурами, которые нам известны по письменным и археологическим источникам, необходимы века. Достаточно указать на сообщаемый восточными доку-

[37] А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал Баби... Византийский временник, т. XXV, стр. 74; Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда, изд. 2, 1951, стр. 19.

[38] Исторический архив, т. II, стр. 34, 36.

ментами факт, что славянский лен (конечно, лен-долгунец, годный для пряжи) в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент, чтобы у каждого, знакомого с культурой этого льна, появилось совершенно ясное представление о столетиях, необходимых для развития этой культуры в стране, где выращивали лен и откуда он вывозился на далекий Восток. То же в той или иной мере необходимо сказать и относительно других сельскохозяйственных культур, известных нашей древности.

Факты относительно дохристианской религии славян говорят о земледельческом культе по преимуществу. Солнце и земля, два главных божества во всяком земледельческом культе, имеются и у славян. Они даже считают себя «Даждь-божьими внуками», а землю называют своей матерью. Ранняя история христианства на Руси еще раз подтверждает земледельческий характер хозяйства древних славян IX—X вв.: та синкретическая религия, которая образовалась в результате принятия христианства, уже не носит на себе почти никаких существенных налетов тотемизма, что для концепции Ключевского — Рожкова было бы необходимо. Тотемизм в религии антов, как ее изображает Прокопий Кесарийский к VI веку, был уже этапом, для антов пройденным.

В христианские понятия и представления заметно вошли элементы земледельческого культа: весна превратилась в богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе; святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: он «жито родит», «ярь засевает», «горох сеет» и на поле «первый бог» [39]. Молиться славянин привык под «овином» [40] и т. д. То же можно наблюдать и у пруссов, непосредственных соседей восточных славян. Протестуя против насаждаемого среди них христианства, они говорят миссионерам, что из-за них земля прусская перестанет давать жатву, деревья — плоды, животные — приплод [41].

О земледелии как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной системы земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ, и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, называется сечень; второй, когда срубленные деревь яподсыхают, — сухой; третий, когда сожженные

[39] М. Н. Никольский. История русской церкви, изд. 2, М.—Л., 1931, стр. 50 и др.

[40] ДАИ, т. I, № 1.

[41] Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1897, стр. 71.

деревья превращаются в золу,— березозол; четвертый — травень; дальше идут кветень, серпень, вресень (от вреши — молотить)[42]. Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

В оценке этих фактов не может быть никаких колебаний, так как и у других земледельческих народов мы видим то же самое. Так, например, у земледельческого народа чувашей названия месяцев в переводе на русский язык означают: месяц пара, т. е. когда земля находится под паром, месяц унаважпвания, месяц сенокоса, месяц уборки сена, месяц серпа, месяц жатвы, месяц сбора льна, месяц молотьбы, овинный месяц и т. д. То же мы видим и у черемис (мари). Относительно армянского календаря Дюлорье и акад. Я. А. Манандян указывают, что и армяне делили год по циклам земледельческих работ.

Наоборот, у народов, у которых долгое время господствовало скотоводство, например у казахов, названия месяцев обозначают: месяц, когда ягнятся овцы, месяц, когда начинают доить кобыл для кумыса, месяц стрижки овец, месяц, когда режут скот в зимний запас, и т. д.

У якутов названия месяцев свидетельствуют об их основной заинтересованности в рыбной ловле: месяц, когда тает лед, месяц метания икры и т. д. и т. п.

То же надо сказать и относительно религии и религиозных обрядов. У земледельческого народа чувашей новый год, совпадающий со второй половиной марта и первыми числами апреля (т. е. с началом земледельческих работ), считался праздником «свадьбы плуга», где невестой являлась земля. Такой же «праздник плуга» имелся и у марийцев, и у казанских татар. Следующим по времени праздником был праздник «моления о дожде». Далее идет период, когда чуваши и марийцы считали землю беременной и оберегали ее от всякого беспокойства (рытья, пахоты, бросания на землю тяжестей). Этот праздничный период у великороссов соответствует периоду, когда бывает «земля-мати именинницей». Такими же праздниками и обрядами сопровождался весь цикл земледельческих работ[43].

М. С. Грушевский объясняет противоречия в показаниях византийских писателей относительно состояния земледелия у славян тем, что, по его мнению, эти авторы сталкивались со славянскими пограничными поселениями, население которых, в обстановке колонизационного движения среди постоянных опасностей, отставало от форм более культурной жизни славян, живших вдали от византийских границ. «Источники, которые

[42] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I, изд. 3, СПб., 1830, стр. 81—82, прим. 154 (в дальнейшем цит. ИГР).

[43] Т. С. Пассек. Круг чувашских праздников. Сборник «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру». М.— Л., 1935, стр. 527 и сл.

знали славян в нормальной обстановке — на насиженных местах,— говорит Грушевский,— показывают у них широко развитую земледельческую культуру, положившую свой глубокий отпечаток на весь славянский быт». «Правда,— продолжает тот же автор,— такие источники мы имеем за более позднее время — X и даже XI вв., но такое широкое развитие земледелия показывает, что мы имеем дело не с каким-нибудь новым, а очень старым культурным достижением»[44].

Допустив две причины «противоречий» в византийских источниках (неосведомленность авторов о земледельческой культуре славян в «насиженных местах» и различия в разновременных источниках), Грушевский не разъясняет вопроса. Ведь если более древние писатели говорят о славянском земледелии в очень скромных выражениях (один из них, Прокопий, даже утверждает, что «оба народа[45] живут в худых, порознь рассеянных хижинах и часто переселяются»), а более поздние свидетельства дают картину настоящего пашенного земледелия, то не следует ли здесь видеть прогресс в технике славянского земледелия и вытекающие отсюда вполне понятные следствия?

Итак, все имеющиеся в нашем распоряжении факты решительно противоречат утверждению Ключевского — Рожкова о том, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Для Рожкова это явствует, как мы видели, из того, что в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты «добывающей промышленности — меха, мед и воск». Рожков прав в том, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе», но этот факт не служит аргументом в пользу основного утверждения автора. Хлеб стал играть заметную роль на внутреннем рынке и отчасти на внешнем позднее в связи с переменами, происшедшими как в хозяйственной жизни всей Европы, так, в частности, и на Руси. Эти изменения, отразившиеся на сельском хозяйстве многих европейских стран, падают уже на XVI в. и будут рассмотрены в своем месте. Еще большее значение приобрел на мировом рынке русский хлеб в период, когда феодальные отношения совершенно явственно стали обнаруживать признаки своего разложения,— в конце XVIII и особенно в XIX в., но и сам Рожков не стал бы отрицать, что и тогда, когда и по его мнению земледелие было главным занятием сельского населения в России, пушнина, несомненно, продолжала оставаться одним из самых выгодных и преобладающих русских товаров на европейских и азиатских рынках.

[44] М. Грушевский. Історія України-Руси, т. 1, изд. 2, Львов. 1904, стр. 218.

[45] Т. е. славяне и анты.

Кроме столь определенных суждений относительно основной отрасли хозяйства в докиевское и киевское время, в литературе высказывались и мнения, не совсем отрицающие земледелие в древней Руси, а признающие его наличие с различными оговорками.

Так, Н. Огановский в 1911 г. писал о том, что «отрывочные факты и логические доводы могут дать нам такую картину эволюции производства: от VII до X века, приблизительно, всюду преобладают звероловное хозяйство и бортничество, а наряду с ними слабые зачатки земледелия. В X веке на юге, в XI — на севере земледелие становится уже заметным для посторонних глаз элементом хозяйства, а в XI—XII веках выдвигается на первый план, оттесняя остальные промыслы» [46].

В наших источниках нет данных для того, чтобы признать правильными не только основные положения Ключевского, Рожкова и их последователей, но и компромиссные соображения Огановского и других авторов.

Земледелие стало основным занятием населения у восточных славян (равно как и у других) задолго до образования Киевского государства. В Киевской Руси оно продолжало развиваться, приобретая новые организационные формы в связи с ростом производительных сил.

Охота на пушных зверей явилась в сколько-нибудь развитом виде следствием внешней и внутренней торговли, причем охота эта могла стать важным промыслом только на севере, так как в средней полосе (и особенно на юге) не могло быть пушного зверя, способного по своей ценности конкурировать с пушниной севера.

Итак, не только славяне, но и их предки были прежде всего земледельцами, в то же время прекрасно умевшими разводить домашний скот, ловить зверя, птицу и рыбу. Ремесленные навыки помогли славянину устроить свой сельскохозяйственный очаг. Феодальная земельная собственность и крестьянское хозяйство легли в основу общественной жизни Руси на много веков.

III. ТЕХНИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Земледельческая техника, как и самое земледелие на Руси, преемственно связана с теми культурами, где мы имеем основание искать корни самого русского народа.

В уже цитированной работе Т. С. Пассек приведены очень интересные факты, говорящие о технических приемах подготовки

[46] Н. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. 2, стр. 33—34.

к посеву земли, снятия урожая и обработки хлебных злаков за 3—2 тысячелетия до н. э.

В работе Т. С. Пассек помещен и весьма убедительный иллюстративный материал: мотыги из рога оленя, наконечник каменной мотыги, костяной серп, каменная зернотерка, глиняные сосуды для хранения зерна.

Все это для историка крестьянства имеет очень большое значение. Ведь материальное производство есть основа общественной жизни, средства труда являются также и показателями общественных отношений, при которых совершается труд. История общества не может быть построена без изучения этой стороны исторического процесса.

Для изучения исчезнувших общественно-экономических отношений остатки средств труда имеют такое же значение, как останки костей для изучения исчезнувших видов животных.

В поставленной задаче исследования техники сельского хозяйства раннего периода истории древней Руси необходимо иметь в виду всю сложность и взаимную обусловленность единого общественно-экономического процесса. Необходимо иметь в виду, что, изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом, конечно, если мы согласимся с тем, что сельское хозяйство было господствующим у наших предков задолго до образования государства.

Задача, таким образом поставленная (а иначе она ставиться едва ли может), приобретает колоссальное значение и делается ответственнейшей проблемой для решения основных вопросов исторического развития русского общества и прежде всего крестьянства.

Само собой разумеется, что одной постановкой вопроса, даже если она и совершенно правильна, задача еще не решается. Необходимо подлинное его изучение, которым, однако, до сих пор занимались недостаточно.

М. Н. Покровский сделал первую попытку связать эволюцию техники сельского хозяйства древней Руси с отдельными этапами в истории общественных отношений, но, как мы сейчас увидим, его построения и выводы требуют серьезного пересмотра.

М. Н. Покровский, связывая технику сельского хозяйства с общественными отношениями, представлял себе эволюцию этой техники в трех этапах: подсека, перелог, трехполье, причем временем победы трехполья он считал XV—XVI вв., в зависимости от района (в Новгородской земле раньше, чем в центре Московского государства). Подсека и перелог, по его мнению, делали невозможной прочную оседлость крестьянина, трехполье ее требовало; крестьянина, по мнению Покровского, прикрепило к земле и владельцу трехполье. Здесь безусловно

верно устанавливается принципиальная связь техники сельского хозяйства с общественными отношениями; остальные положения требуют значительных поправок. Прежде всего это относится к устанавливаемому Покровским чередованию систем сельского хозяйства. Основательное сомнение возбуждает также предлагаемая им датировка этих этапов. Наконец, необходимо указать, что крестьянская крепость не механически вытекала из состояния техники.

Имею основание полагать, что сам автор этих положений не всегда думал так прямолинейно, как это может показаться с первого взгляда. Ввиду важности предмета позволю себе привести несколько соображений того же автора, высказанных им в разных местах его произведений. В своем четырехтомнике Покровский говорит: «Что правнук русского крестьянина часто умирал очень далеко от того места, где был похоронен его прадед,— это верно, но очень поспешно было бы делать отсюда вывод, что и прадед и правнук при своей жизни были странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу, как на что-то вроде гостиницы»; «древняя Русь исходила из представлений о крестьянине как более или менее прочном и постоянном обитателе своей деревни. Кто хотел бродить, тот должен был спешить сниматься с места, иначе он сливался с массою окрестных жителей, которых закон рассматривал, очевидно, как оседлое, а не как кочевое население. Словом, представление о древнерусском земледельце, как о перехожем арендаторе барской земли [1], и об оброке, как особой форме арендной платы, приходится сильно ограничить, и не только потому, что странно было бы найти современную юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактам. Делиться с барином продуктами своего хозяйства крестьянин, очевидно, должен был не как съемщик барской земли, а по каким-то другим основаниям. Для феодализма, как всемирного явления, это основание западноевропейской исторической литературой указано давно. В ней давным-давно говорится о процессе *феодализации* поземельной собственности» [2].

Но дело в том, что Покровский в более поздней своей работе утверждает совершенно обратное: «Что касается самих крестьян,

---

[1] Здесь имеется в виду мнение Ключевского о крестьянине как о «вольном и перехожем съемщике чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда» (Курс русской истории, ч. 2, стр. 389, изд. 2).

[2] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, изд. 8, М., 1920, стр. 34—35. Некоторые поправки в свою трактовку вопроса о возникновении крепостного права в России Покровский внес в более поздней своей работе «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 84.

то их нельзя в это время было назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне в это время не было. Как мы сейчас указали, земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки этих лесов, сжигали их, устраивали там пашню. Когда эти места переставали давать урожаи, крестьяне передвигались на другие. Таким образом, население тогдашней России постоянно передвигалось с места на место. Очень редко внук крестьянина умирал на том месте, где родился дед, и даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть, даже не один десяток, пашен.

При такой подвижности населения господствующему классу не было никакой выгоды прикреплять это население к какому-нибудь одному месту. Крестьяне были прикреплены к земле и к владельцам только гораздо позже, когда стало тесно, земли стало меньше и появилось правильное хозяйство,— сначала переложное, потом трехпольное».

Совершенно очевидно, одно из этих мнений должно быть нами отвергнуто, так как совместное их существование немыслимо.

Я считаю, что у нас имеются все данные так же энергично поддержать первоначальное представление Покровского об оседлости крестьянина, как и отказаться от его же теории бродяжничества.

Род со своим главой сидел на земле более или менее прочно. Укрепленный родовой поселок, подобный открытым П. Н. Третьяковым Березникам, создавался именно с целью сделать оседлую жизнь возможной. Члены сельской общины со своим уже индивидуальным хозяйством жили в более значительных, уже неукрепленных, поселках и тоже не обнаруживали никакого желания отказываться от оседлого образа жизни.

Вместе с появлением классов, когда над народной оседлой массой появились сильные экономически и захватившие власть люди, с момента, когда мы получаем право говорить о крестьянстве как классе, ничего не произошло такого, что превратило бы доселе оседлого земледельца в бродячего искателя способов пропитания. Это, конечно, не исключает случаев, когда потерявший возможность вести свое мелкое хозяйство крестьянин вынуждался обстоятельствами кормиться случайной работой в местах, куда забросит его судьба. Речь идет не об этих, хотя бы и многочисленных, исключениях, а об основной массе крестьянства.

Эта же масса издавна оседлого земледельческого населения вместе с появлением господствующих классов стала и объектом внеэкономического принуждения. Оседлый крестьянин систематически попадал под власть феодала, конечно, не пренебре-

гавшего возможностью подчинить себе и тех, кто потерял средства к жизни и вынужден был итти к нему на работу, предложенную на любых условиях.

Как складывалось крупное феодальное землевладение и организовывалось феодальное хозяйство, занимал ли феодал первоначально пустую землю и затем уже заселял ее бродячим людом или же осваивал населенную и окультуренную землю? Этот вопрос имеет громаднейшее принципиальное значение. Ведь теория исконного бродяжничества крестьян легла в основу и другой теории, по которой крестьянин, попавший в крепостную неволю, никогда не был собственником земли, а искони являлся арендатором чужой. Бродившие по огромным пространствам Руси, не имевшие средств к жизни люди могли, согласно этой теории, получить землю и инвентарь только у землевладельца, который сажал их на свою землю, превращая таким образом кочующую массу русского народа в оседлых (на тот или иной срок) граждан Русской земли.

В этой теории два момента, принимаемые на веру ее сторонниками: 1) привилегированный крупный землевладелец занимал первоначально пустую землю и потом называл на нее арендаторов; 2) русский народ в своей основной массе бродил и не оседал прочно на землю до тех пор, пока его не осаживал в своем хозяйстве привилегированный землевладелец.

Нетрудно доказать, что оба эти положения решительно не имеют под собой никакой почвы, о чем речь идет впереди.

Работа П. Н. Третьякова «Подсечное земледелие в Восточной Европе» является в нашей историографии первой попыткой подойти к разрешению .большой проблемы развития техники земледелия применительно к России. Мне кажется, что этот опыт нужно считать в основном удачным. По крайней мере, главные выводы автора кажутся вполне убедительными. Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом в истории классового общества,— с патриархальной семейной общиной. Соха и борона, орудия нового периода в истории сельскохозяйственного производства, вырастая в условиях подсечного земледелия и окончательно сложившись, в свою очередь, в соответствии с общим ходом развития производительных сил, дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему. Важнейшей предпосылкой эволюции сохи явилась возможность использования скота в качестве тяговой силы.

Попробуем обратиться к подлинным свидетельствам нашей древности. При скудости наших источников по этому предмету, конечно, приходится пользоваться не только прямыми свидетельствами, но и косвенными намеками, все же помогающими уяснить эволюцию техники сельского хозяйства.

Прежде всего необходимо указать, что подсека в качестве господствующего способа земледелия (во всяком случае в IX—XI вв.) для некоторой части Киевщины решительно исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги — Оки. Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно на берегах Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устроения своих пашен. Если бы это было иначе, Геродот не преминул бы об этом упомянуть. Скифские орудия производства говорят о том же. У них было предание, что с неба упали золотые плуг, ярмо, секира и чаша; благодаря этому небесному дару скифы научились пахать. Плуг для подсеки не нужен.

Что касается нашей страны в более позднее время, то имеющиеся у нас сведения (пока исключительно археологического характера) говорят о том, что уже в VIII—IX вв. топор в качестве главнейшего орудия подсечного земледелия уступает место сохе даже на севере. Для Киевской земли эту дату нужно отодвинуть далеко назад, к скифскому времени.

Нужно, однако, сказать, что раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране начались очень недавно, и материал, добытый археологами, еще недостаточно систематизирован. Сейчас можно говорить только о некоторых данных, пролагающих пути к решению задачи, но еще не дающих ее полного разрешения. Перед Институтом истории Академии Наук СССР своевременно поставлена задача создать историю земледелия в СССР с древнейших времен до наших дней. К этой работе привлечены и советские агрономические научные учреждения.

Несомненно, что территорию в Европе, занятую восточным славянством, необходимо разбить на пояса, различающиеся по свойствам климата, почвы и растительного покрова, и трактовать каждый из них в отдельности. Затем необходимо установить связь между системой землепользования, качеством орудий производства и общественно-экономическим состоянием данного общества. Необходимо помнить, что всякое новое разделение труда влечет за собой создание особых орудий производства и что средства труда представляют характерные отличительные признаки каждой эпохи общественного производства.

Для наших целей прежде всего необходимо разделить территорию, занятую восточным славянством, по признаку наличия леса. Лесной север и значительная часть центра в этом отношении представляют, естественно, одну полосу, отличную от другой, южной, где леса мало или нет совсем.

Север представляет в известный период общественного развития страну подсечного земледелия, тогда как безлесный юг дает возможность на первых же ступенях развития земледелия вести залежную или переложную систему.

Не нахожу нужным описывать здесь подсечную систему в целом, но считаю все-таки необходимым указать на главную экономическую основу этой системы. Отличаясь большой трудоемкостью (на десятину около 45 дней мужских и женских), она требует для своего осуществления значительных человеческих коллективов; во владении этого коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева; срок пользования участками очень невелик: 3—4 года. Эта система может обходиться без тяговой силы животного [4-5].

Из этого видно, что обычная крестьянская семья не может справиться с подсекой как основной системой хозяйства. «Перелог» при подсечной системе хозяйства — это не система. Отдыхающее поле зарастает лесом и превращается снова в «лядину», требующую повторения процедуры выжигания, хотя и облегченной. Стало быть, «перелог» в лесных местах — не особая стадия в развитии сельскохозяйственных систем, а необходимый момент в подсечной системе земледелия. Настоящий перелог мы можем наблюдать только в степных пространствах.

К сожалению, мы не имеем по этому предмету специальных исследований. Однако, мне кажется, мы можем понять переложную систему, по крайней мере, в основных, наиболее характерных чертах, наблюдая ее у степных народов. В частности, я имею в виду земледелие казахов XIX в. Оно описано в материалах по казахскому землепользованию экспедицией, исследовавшей степные пространства Тургайской области. Совершенно очевидно, что буквально переносить эти наблюдения на причерноморские степи невозможно, но, несомненно, можно найти здесь ряд условий, которые мы должны учесть и при решении нашего специального вопроса.

Вследствие обилия обширных площадей и плодородия почвы казаху-земледельцу не было необходимости применять какие-нибудь сложные приемы для обработки своих пашен. Одна вспашка степи часто обеспечивает урожай на несколько лет. Впервые подняв целину и посеяв на ней хлеб, земледелец распахивает ее на другой год только в том случае, если не надеется без обработки получить хороший урожай, в противном случае семена только забороновываются, и земля не трогается плугом или сохой. Таким способом часто сеется хлеб на одной

[4-5] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 1, стр. 9—10.

и той же площади из года в год до тех пор, пока он не начинает совершенно заглушаться сорными травами.

Заброшенная залежь поднимается при первой возможности, если есть надежда получить с нее урожай, так как залежь распахать вообще легче, чем целину. Так поступает земледелец до тех пор, пока земля перестает давать хорошие урожаи. Обычно снимают подряд 5 хлебов: 1) просо или пшеницу, 2) пшеницу, 3) пшеницу, 4) овес, 5) овес.

Пашня обрабатывалась обыкновенными сабанами (купленными в земских складах вскладчину), какими пахали казахи и местные русские крестьяне. Сабаны и бороны покупались в Кустанае, Троицке, Орске и в ближайших поселках и часто приобретались артелями земледельцев, состоявшими из двух, трех, редко из пяти человек. В среднем по уезду на одно сеющее хозяйство приходилось по $^1/_2$ сохи и $^1/_2$ бороны. Казахи IV административного аула Кумакской волости говорили, что они помнят время, когда очень часто 10 хозяев складывались сообща и покупали один сабан; ко времени обследования каждый зажиточный земледелец уже стремился завести собственный сабан. Но большинство пахало «супрягой», т. е. вскладчину. Два-три земледельца вместе покупали сабан и пахали сообща: кто умел пахать — ходил за сохой, другой сеял, третий был погонщиком. Кто выставлял больше быков или лошадей, тот распахивал для себя больше. Вообще каждый распахивал и засевал себе особый участок, так как «урожай зависит от счастья». При такой комбинации, когда в артель вступал хозяин, у которого не было скота, но имелся сабан, ему выделяли одну пятую часть всего поля, вспаханного его орудием.

В супряге мог участвовать только тот, кто имел не менее двух быков. Если имелся только один бык, удобнее было отдать его в «маин» — на весеннюю пахоту, за что можно было получить $^1/_2$ десятины, засеянной просом или пшеницей.

Большинство казахов-земледельцев (61,2% общего числа) обрабатывало пашни супрягой, 22,7% пахало самостоятельно, 10,9%—посредством найма и 5,2%—смешанно. В последнюю категорию входили также хозяева, нанимавшие пахать казахов или русских, имевших собственные орудия, но пахавших скотом хозяина; сюда же входили те, кто одну часть пашни обрабатывал своим трудом или супрягой, а другой распахивал русским «исполу».

Таким образом, только последние две категории земледельцев, составлявшие в сумме 16,1% общего числа, прибегали к наемной силе при обработке пашни, другие же, составлявшие 83,9%, обрабатывали пашню самостоятельно или артелью [5].

[5] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V, Воронеж, 1903, стр. 124—127, 131.

Из наблюдений над подлинной жизнью казахов и над системой их земледелия с несомненностью вытекают следующие положения: 1) подсека здесь невозможна, 2) переложная система — единственно возможная при наличии большого количества свободной земли и при условии кочевания со стадами. Если устранить последнее условие, система земледелия должна будет измениться и превратиться непременно в двухполку или трехполку.

Итак, лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашенному земледелию.

Орудия производства при этом разные, и история их не одинакова.

На севере появляется трехзубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженное из-под леса поле. Дальнейшая история сохи заключается в уменьшении количества зубьев и в появлении лемеха. Это орудие следует связывать с новым видом земледелия — двухполкой и трехполкой, где становятся необходимыми унаваживание и орудия, отваливающие пласты земли.

На юге история пашенного орудия проделывает свою собственную эволюцию: мотыга — рало — плуг. Относительно тяговой силы, впрягаемой в рало, что-нибудь определенное сказать трудно; весьма вероятно, что это были волы, но не исключается и лошадь. Северная соха «предпочитает» лошадь. Может быть, и разнообразие систем самого рала также стоит в связи с тяговой силой. Во всяком случае рало — плуг выросли в совершенно других конкретных условиях, чем соха [6].

Ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком крестьянского типа сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуального мелкого земледелия, где орудия производства и техника труда должны были находиться в полном соответствии со свойствами тяговой силы прирученного животного.

Орудия обработки земли развиваются в той же закономерности.

О Поднепровье говорить не приходится: техника земледелия здесь связана со скифами и даже с доскифской эпохой. Что же касается северо-запада и северо-востока, то первые железные сошники в раскопках появляются приблизительно в VIII в. Сошник найден при раскопке Старой Ладоги в слоях VIII в.; в Волго-Камском районе сошник найден в слоях эпохи форми-

[6] Вопрос об истории сельскохозяйственных орудий производства разработан еще недостаточно.

рования болгарских городов. Сошники известны также и в местах, к этому району примыкающих. Здесь обнаружены сошники двухзубых сох, хотя в Болгарах найдены также и части плугов. В обследованных Н. А. Лявданским и его сотрудниками в верховьях Днепра городищах, число которых равно многим десяткам, ни разу не был найден сошник,— находили лишь косы, серпы и мотыги, хотя сам Лявданский и не переставал надеяться, что сошники здесь будут найдены[7].

Дальнейшие археологические работы, несомненно, дадут нам более обильный и еще более убедительный материал. Но и сейчас мы можем говорить определенно о том, что приблизительно в VIII—IX вв. в лесной полосе на территории, орошаемой Днепром и притоками, Ловатью, и в бассейне Волхова уже пахали землю сохой с железным наконечником, т. е. велось пашенное земледелие. Когда оно здесь началось, установить пока не удалось.

Этот более прогрессивный способ обработки земли не убил окончательно подсеку, которая продолжала бытовать в лесной полосе очень долго, но уже в качестве пережитка. Будущее во всяком случае принадлежало сохе и плугу.

Техника сельского хозяйства поднялась на большую высоту, и тем самым положено было основание для серьезных перемен в земельных отношениях, т. е. в конечном счете для весьма серьезного переустройства общественных отношений.

Посмотрим, что говорят по этому предмету наши письменные источники.

Стоит прочесть внимательно «Правду» Ярославичей, чтобы убедиться в том, что здесь действительно изображено уже хорошо организованное княжеское сельское хозяйство, княжеская усадьба с полями, устойчиво существующими. Пространная «Правда» называет орудия производства уже не подсечного, а пашенного земледелия — плуг и борону (ст. 57), которые мы не имеем никаких оснований считать для XII века новшеством. Аппарат управления княжеской вотчины тоже говорит о том, что здесь мы имеем не подсеку, а настоящее полевое хозяйство.

В некоторых списках Пространной «Правды» имеется статья «А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьное земли 30 кун без трии кун, тако же и от ролеиное земли, а от свободы 9 кун» (ст. 109 Троицкого I списка). Под ролейной землей, являющейся в данном случае предметом спора, разрешаемого на суде путем присяги, конечно, разумеется земля пашенная.

Посмотрите, с какой осторожностью относится население к княжескому полю. Иноки Киево-Печерского монастыря вместе со своими прихожанами выбирают место для постройки

[7] Н. А. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, стр. 247.

каменной церкви. Собралась значительная толпа, которая ходила «близь приležащего» княжого поля, не рискуя, однако, на нем остановить свой выбор, хотя место для ее намерений было самое подходящее. Случайно проезжавший здесь князь Святослав заинтересовался собравшейся толпой, спросил, «что творят ту» и, узнав, в чем дело, отдал свое поле монастырю под постройку церкви — очевидно неожиданно для присутствовавших, потому что автор этой повести (составитель жития Феодосия Печерского) объясняет этот поступок тем, что князь «яко от бога подвижен» был.

Термин «поле» в наших древних письменных памятниках имеет много значений: пашня, луг, пустое пространство земли вообще, степь и др. В каком именно смысле упомянуто поле в этом тексте, точно сказать трудно. Данный участок земли, лежавший близ Киева, имел определенные границы и представлял собой значительную ценность (иначе монахи не отнеслись бы к нему так осторожно). Во всяком случае без разрешения князя этим полем никто воспользоваться не смел. Если оно и не было распахано в то время, что как будто и подтверждается некоторыми деталями рассказа, то оно рассматривалось как участок, годный для пашни или для иного хозяйственного назначения.

Настоящие пашенные поля мы можем видеть не только в «Русской Правде», но и в некоторых дошедших до нас актах. Так, в жалованной грамоте 1146—1155 гг. князя Изяслава Мстиславовича новгородскому Пантелеймонову монастырю наличие пашенного поля совершенно ясно. Граница жертвуемой монастырю земли там обозначена так: «а завод той земли от Юрьевской границы простью вверх и с прости возле Ушковскую *ораницю* по верхней стороне... От Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую *ораницю* логом да по конець логу промеж *ораницы* Юрьевской Ушкова поля да в прость»[8].

Ушково поле, повидимому, здесь то же самое, что и Ушкова ораница, а ораница есть не что иное, как систематически вспахиваемое поле. Нельзя серьезно проводить границу и указывать на ней признаки случайные, не имеющие установившейся топографической точности.

Следует обратить внимание на тщательность, с какой проводятся и фиксируются в документах этого времени границы земельных владений вообще: «а обвод той земли от реки от Волхова Виткою ручьем вверх до Лющик, да Лющиком до кресту, а от креста на коровей прогон, а коровьи прогоном на

---

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, М.—Л., 1949, № 82, стр. 141.

ольху, а от ольхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов, а той земле и межа»[9].

Если эта грамота справедливо считается подновленной (есть даже мнение о том, что она подложна)[10], то никаких упреков нельзя сделать современной ей грамоте кн. Изяслава Мстиславича, где мы видим не менее подробные указания на границы жертвуемой монастырю земли[11]. Грамота князя Всеволода, несколько более ранняя, имеет те же особенности[12].

Не входя сейчас в разбор полемики по спорному вопросу о подлинности грамоты Юрьеву монастырю, хочу заметить, что и в подлоге сохраняются черты, которыми для моих целей пользоваться вполне возможно. Меня интересует не факт пожалований, не точность границ, а детальность их обозначения, что, несомненно, говорит об отношении людей начала XII в. к земле как вполне определенной ценности. Нисколько не сомневаюсь, что так было и в XI в., и в X в., и даже раньше. Земля в княжеских вотчинах X в., о которых говорят летописи, тоже не могла не иметь определенных границ.

С полной отчетливостью о межах между пашенными участками говорит «Правда» Ярославичей: «А иже межу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривен» (ст. 34). В Пространной «Правде» эта статья расшифрована с еще большей ясностью: «Оже межу перетнеть бортную, или ролейную межу разореть, или дворную тыном перетынить, то 12 гривен продажи» (ст. 72). Здесь мы имеем различные виды частной собственности, разграничиваемой межами: бортный участок леса, участок пашенной земли, дворовый участок.

Очень интересна терминология правонарушений по отношению к различным объектам: бортную межу можно «перетнуть», ролейную «разорать», дворную «перетынить». Не буду останавливаться на значении этого разнообразия и выразительности терминов. Я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что важнейший документ середины XI в., фиксирующий общественные отношения на данном этапе их развития, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам и разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после

[9] Данная Антония Римлянина (не позднее 1147 г.). Там же, № 102, стр. 159.

[10] С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомогательные исторические дисциплины, сб. статей, М.—Л., 1937, стр. 285—318. Возражения С. Н. Валку в защиту подлинности грамоты см.: М. Н. Тихомиров. О частных актах в древней Руси. «Истор. записки», т. 17, стр. 233—241.

[11] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 82, стр. 141.

[12] Там же, № 81, стр. 140.

штрафа за убийство. Вышеприведенные факты жалованных и купчих грамот находят себе в «Русской Правде» подтверждение обобщающего характера. Участки с установившимися межами, к тому же рассматриваемые параллельно с дворами, едва ли могут быть участками выжженного под пашню леса.

«Орать» в только что цитированных документах обозначало вспахивать землю не в смысле поверхностного ее разрыхления после сожжения на ней леса. Мы имеем как будто довольно точное разъяснение этого термина в Лаврентьевской летописи. Древнерусский проповедник, желая прославить князя Владимира Святославича, так изображает процесс подготовки земли: «якоже бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну, тако и сь: отец бо его Володимер землю взора и умягчи (т. е. вспахал и вскоронил.— *Б. Г.*), рекше крещеньем просветив; сь же насея книжными словесы сердца верных людии, а мы пожинаем ученье приемлюще книжное» [13]. О сжигании леса — ни звука. Совсем не похоже на то, что нам изображает «Калевала». Когда ее герой Вейнемейнен собирался заняться земледелием, то предварительно

На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели...
Сеет он по рвам березы...
Высоко растут деревья...

Затем, когда

Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый...
Старый верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья...
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Превращает рощи в золу...

Только тогда

Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя...

В итоге всей его работы

Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы,
Вейнемейнена трудами... [14]

---

[13] Лаврентьевская летопись, под 1037 г.

[14] «Калевала», руна вторая, пер. Л. П. Бельского, изд. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 8—12.

Очень интересно сравнить в этом отношении русские былины. Тут подсеки мы не видим. Микула Селянинович пашет сохой.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
. . . . . .
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит,
У оратая кобылка соловая,
Гужики у нее да шелковыя,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатныи,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота [15].

Исследователь этой былины о времени ее составления пишет: «Судя по обстановке, в которой встречаются князь и пахарь, тип самого Микулы и само сказание должны быть признаны в основе довольно ранними: это время старого строя Руси, когда существовало еще «полюдье» [16], о котором действительно много говорится в былине. Нужно подчеркнуть и место действия в былине. Это типичный северный пейзаж, повидимому новгородский, с его почвой, насыщенной валунами.

Илья Муромец на своей родине в селе Карачарове после своего чудесного исцеления помогал своим родителям в крестьянской работе. В некоторых вариантах этой былины говорится, что Илья помог им корчевать лес под пашню. Но есть и иной вариант, указывающий на подсечную систему земледелия.

Пошел Илья ко родителю, ко батюшке
На тую на работу на крестьянскую.
Очистить надо пал от дубья-колодья:
Он дубье-колодье все повырубил...[17]

«Пал» — выжженный участок леса под посев; «дубье-колодье» — остатки несгоревшего: их надо изъять из земли.

Но этот вариант былины с упоминанием «пала» можно понимать и иначе. Ю. М. Соколов считает этот вариант позднего происхождения (XVII—XVIII вв.) и видит в нем северные более поздние наслоения. На севере «пал» как остаток старинного способа земледелия был известен и в начале XX в.

Стало быть, память о подсеке, несомненно, жила, а в некоторых районах Восточной Европы в X в. и подлинная подсека

[15] Памятники мировой литературы. Русская устная словесность, т. II — Былины, М., 1919, стр. 8.
[16] Там же, стр. 4—5.
[17] Былины, изд. т-ва «Огни», СПб., 1911.

еще практиковалась, что и подтверждается нашим археологическим материалом. Но все же характерно, что в Поволховье Микула Селянинович самым настоящим образом пашет без всякой подсеки [18].

Весь былинный эпос говорит, во всяком случае, о стране, где пашенное земледелие — господствующее занятие населения.

Никакой подсеки не видим мы и в проповеди Кирилла, епископа Туровского (XII в.). Он рисует картину пахоты, несомненно, с натуры: «ныне ратаи слова, словесныя оуньця к духовному ярьму проводяще, и крестное рало в мысленных браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыплюще, надежами будущих благ веселится» [19]. Здесь тоже полное отрицание подсеки. Не видим мы ее и в известном описании битвы в «Слове о полку Игореве», где битва дана в земледельческих образах. В прославлении кн. Владимира совершенно отчетливо различаются, даже нарочито подчеркиваются два момента обработки поля: вспашка и бороньба. Эти стадии в подготовке земли к посеву характерны именно для пашенного земледелия, а не для подсеки. Поэтому вполне правильным будет в вышеприведенных документах трактовать и термин «поле» и «ораница» применительно к пашенному, а не к подсечному земледелию.

Смерд в знаменитой речи Владимира Мономаха имеет небольшой индивидуальный участок земли, который он и обрабатывает своей лошадью: «Дивно мы, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеть смерд орати...». «Не время ныне погубити смерды от ролеи... хощеть погубити смерды и ролью смердом... оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою...». Это тоже не подсека.

Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII в. упоминаются различные виды земельных хозяйственно эксплуатируемых угодий. «Се вдаде Варлааме святому Спасу землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни... Се другое село на Свудици... вдале св. Спасу и ниви и пожни и ловища

---

[18] П. Н. Третьяков в своих обобщениях археологического материала не случайно пришел к заключению, что новый строй жизни (новая форма поселений, пашенное земледелие и др.) сложился сначала на севере, у новгородцев и кривичей, южнее же, особенно на Оке и в области между Днепром и Десной, древние формы быта дожили до VIII—IX вв. См.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Изв. Акад. Наук СССР, Серия ист. и филос., 1945, т. II, № 3, стр. 165.

[19] Рукописи А. С. Уварова, т. II, СПб., 1858. Памятники словесности. Сочинения Кирилла Туровского, стр. 21.

и еже в нень...»[20]. Очевидно, оба села находились по технике ведения в них хозяйства в одинаковом положении, но в перечне их деталей допущено некоторое разнообразие терминологии: то, что во второй деревне называется нивой, в первой именуется землей, но, несомненно, и в том, и в другом случае разумеется постоянно возделываемое поле.

Епископ владимирский Серапион в одной из своих проповедей, желая изобразить ужасы татарского нашествия и связанного с ним опустошения страны, между прочим, говорит: «села наши лядиною поростоша». Стало быть, до татарского погрома здесь были настоящие пашенные поля. Лядина — это бедствие, итог татарского разорения, а не обычное явление, характерное для подсечной системы земледелия.

Приблизительно то же мы имеем и для более раннего времени: в 1093 г., после войны, «нивы поростоше, зверем жилища быша».

Между письменными памятниками и более ранними вещественными по этому вопросу нет никакого расхождения. С VIII—IX вв. мы можем смело говорить о ведущей роли пашенного земледелия даже в северных частях территории Руси. Среднее и Южное Поднепровье, как мы видели, знало его очень давно. Это, конечно, совсем не значит, что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно изжиты. Старые пережитки мы можем встретить в разных местах и в XVI, и в XVII, и даже в XX вв. Но основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом пути, конечно, с учетом различий северных и южных районов.

IV. ДРЕВНЕРУССКАЯ ОБЩИНА

Земледелие есть основное занятие наших далеких предков. До образования раннефеодального Русского государства оно пережило несколько этапов в своем развитии, и к тому времени, когда русский народ облекся в государственную форму, на большей части занятой им территории оно уже находилось на значительно высоком уровне: пашня пахалась взрыхляющим землю орудием при помощи тяговой силы животного. Это главнейшие выводы, к каким мы пришли.

Мы не могли не заметить также, что средства труда и техника производства в своей эволюции связаны с переменами в общественных отношениях, что восточные славяне до образования Древнерусского государства успели пережить период коллек-

[20] И эта грамота у некоторых авторов вызывает сомнения в ее подлинности. На защиту ее подлинности выступил М. Н. Тихомиров. (Указ. статья, «Истор. записки», т. 17, стр. 226—233.)

тивного хозяйства, другими словами — перешли от родового строя к сельской соседской общине.

Нам надлежит сейчас сосредоточить внимание на жизни сельской общины, этой организации земледельческого населения, того самого населения, которое с известного момента мы имеем основание называть крестьянами.

Конкретное (насколько, конечно, позволяют наши источники) изучение эволюции крестьянской общины позволит нам познакомиться с положением основной массы сельского населения как в период ее независимого состояния, так и во время наступления на нее нарождающейся феодальной знати.

Тут же мы можем найти и разрешение вопроса, который так остро ставился в литературе накануне освобождения крестьян и перешел в той же постановке в более позднее время, вопроса об отношении крестьянина к земле: был ли крестьянин когда-нибудь собственником земли или же искони сидел на земле господской.

Вопрос об общественном строе славян, в частности восточных и древней Руси, очень стар. Об этом предмете много думали и писали. Если отбросить случайные мысли историков XVIII и начала XIX в., случайные в том смысле, что авторы их сами не придавали им особого значения в системе своих построений (в строгом смысле слова у них «системы построения» и не было),— то нам придется указать на творца наукообразной теории, легшей в основу трактовки истории России,— антинорманиста Эверса [1] с его теорией родового быта, рядом с ним поставить С. М. Соловьева, положившего эту теорию в основу своей «Истории России с древнейших времен», и К. Д. Кавелина.

Эверс совершенно правильно отметил, что наши древние источники под термином «род» разумеют род в очень расплывчатом понимании слова, в которое входит и современное понятие семьи. Совершенно верно отмечено Эверсом, что государство идет на смену родовому обществу. Однако неприемлемым является его утверждение, что государство есть простое соединение родов. Эверса интересует прежде всего вопрос о процессе перехода родовых отношений в государственные. В этом отношении он с полным правом может считаться первым историком России, подошедшим к своему предмету социологически. Недаром С. М. Соловьев писал, что именно Эверс сделал эпоху в его умственной жизни, заставил его «думать над русской историей».

Соловьев тоже не имел нашего представления о роде, но он совершенно правильно подметил произвольность в употреблении этого термина нашим летописцем.

---

[1] И. Ф. Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии, СПб., 1835 (в дальнейшем цит. «Древнейшее русское право»).

Однако, несмотря на несомненные преимущества школы родового быта перед ее предшественниками, представители этой школы не справились со своей задачей, как не справилось с ней последующее поколение историков.

К. С. Аксаков очень метко упрекал представителей родовой теории в том, что они не сумели определить сущности рода. «Много написано по этой части статей и целых сочинений,— говорит Аксаков,— но надобно признаться, что ни один из этих новых ученых (читай: Соловьев и Кавелин.— *Б. Г.*) не определили настоящим образом, что́ такое родовой быт. Они довольствуются тем значением, какое придается ему в общественном разговоре, вместо: родовой употребляют они слово: патриархальный; также не определив этого слова и также довольствуясь тем, что смысл его известен» [2].

Собственные рассуждения ярого противника Соловьева и Кавелина — К. С. Аксакова звучат как будто очень четко: «...в древней Руси было (не родовое) общественное, именно общинное устройство — общинный быт... Русская земля есть изначала наименее патриархальная, наиболее общественная (именно общинная) земля».

Но если вдуматься в эти решительные утверждения Константина Аксакова, если принять во внимание, что самое понятие общины у него очень туманно, что это, в конечном счете, «нравственный союз людей», то нетрудно убедиться в том, что Аксаков так же мало справился с понятием общины, как Соловьев и Кавелин с понятием рода, с той только разницей, что у Соловьева и Кавелина, несмотря на их ошибки, были структурные перспективы. Из их понимания рода как первичной формы общежития с заложенными внутри элементами разложения вытекало диалектическое (в гегелевском смысле слова) объяснение последующих форм этого общежития, закономерная смена этих форм, тогда как община Аксакова и его последователей, существующая изначала, в прошлом, является в то же время и идеалом и основой будущего. Община, по мнению К. Аксакова, «начало народное, проникающее всю историю» России,— поэтому она и служит основанием для понимания истории России, а отнюдь не «преемство исторических явлений или форм», на чем настаивали представители теории родового быта. Становится совершенно понятным, почему Соловьев считал курс, взятый Аксаковым, антиисторическим.

Спор о русской общине, разгоревшийся в 50-х годах XIX в., был не просто академическим столкновением различных мнений. Обе стороны связывали свои мнения с вытекающими из них выводами. Защитники исконности и незыблемости русской

[2] К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 65.

общины (К. Аксаков и др.) видели в ней гарантию от проникновения в деревню капитализма и от нарождения в России пролетариата, с выступлением которого они связывали европейские революции и появление «язв капитализма». Община, по их мнению, предохраняет Россию от капитализма и вытекающих из него явлений. Противники К. Аксакова, стоя на эволюционной точке зрения, рассматривали род как один из этапов развития общества, подчеркивая основную свою мысль о том, что Россия идет по тому же пути развития, что и Запад, а отсюда вытекала и закономерность появления в России буржуазного государства.

В дискуссии по этому вопросу принял участие и Ф. И. Леонтович, автор теории о задружном быте древних славян. Стремясь подновить славянофильские построения, Леонтович привлекает в своих работах новые материалы из истории южных и западных славян[3] и вместе с тем делает попытку эклектически соединить элементы схемы Соловьева со взглядами славянофилов, отстаивавших самобытность пути исторического развития славянских народов. Он признает заслуги своих предшественников, в том числе Соловьева. «Соловьев,— пишет он,— действительно открыл первичную клеточку, из которой развилась и окрепла еще в доисторическое время общественность русского народа... В этом отношении теория Соловьева имеет вид логически построенной научной системы». В то же время Леонтович критикует «школу» Соловьева за то, что она «не подметила, что родовая клеточка в жизни русского народа завершила свой круг, реорганизовалась в иную клеточку, с другою более сложною организацией, еще в темную эпоху доисторических времен. На глазах истории, и то лишь на первых порах, задержались едва заметные следы и остатки от старой родовой организации в виде окаменелостей, потерявших всякую органическую связь с народным бытом».

Новые исторические формы быта, говорит Леонтович, школа Соловьева безразлично смешивает с такими доисторическими окаменелостями и не замечает между ними глубокой пропасти, которую не в силах наполнить и сгладить никакие усилия последователей родовой теории.

Правильно указав на слабые стороны родовой теории, Леонтович, однако, не сумел решить вопроса и в конечном счете только запутал его. Противоречивость построений Леонтовича очевидна. Например, признавая наличие родовых отношений у русского народа, он в то же время утверждает, что родовой строй исключительно господствует только у племен неосед-

---

[3] Ф. И. Леонтович. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту ЖМНП, 1867, апрель.

лых, у кочевников, ведущих «стадную» боевую жизнь в форме бродячих военных дружин и целых орд. При этом он подчеркивает, что исторический тип славянина — это тип хлебопашца, уже освоившего спокойное место оседлости. Славяне, по Леонтовичу, уже на первых исторических порах появляются с теми общественными формами, с какими застает их позже эпоха перехода в государственный быт[4]. Основной общественной единицей в этот период, по мнению Леонтовича, была задруга, которую он определяет как семейную общину, имеющую тенденцию к переходу в сельскую общину.

Вместе с тем Леонтович не отказывается и от соображений, в свое время высказанных С. М. Соловьевым: княжеский род Рюриковичей был «задругой, общею для всего народа, для всех волостей». Далее у Леонтовича оказывается, что род Рюриковичей распылен на огромной территории, что члены этого рода — князья — находятся в беспрерывном движении, преследуя задачу территориального «укоренения» народа путем организации общин и волостей.

На самом деле князья переходили с места на место не так часто, как представляет дело автор. Это — явление кратковременное и падает на начальный период расчленения Киевского государства и образования самостоятельных феодальных княжеств.

Что же касается деятельности князей, как ее представляет себе автор, то мы можем смело сказать, что не князья были организаторами общин и волостей, что им незачем было хлопотать над задачей территориального «укоренения» народа, так как этот народ раньше появления князей достаточно крепко укоренился на земле, которую привык считать своей.

Совершенно ясна невыдержанность терминологии и нарушение всего созданного автором построения.

Я не собираюсь в этом направлении пересматривать всю русскую историографию до наших дней. Хочу только указать на новый этап в истории разработки этого вопроса. В 80-х годах спор возобновился с новой силой, но уже в другой плоскости. Шла борьба с росшим тогда социалистическим движением, и сторонники устоев буржуазного общества выступили на защиту исконности частной собственности на землю. С этой целью делались попытки опровергнуть факт существования общины в древности. На Западе эти попытки возглавил крупнейший французский ученый Фюстель де Куланж. В России самым ярким представителем этого направления был В. И. Сергеевич. По его мнению, период поднятия интереса к древней общине у германцев, славян и других народов — «это... время глу-

[4] Ф. И. Леонтович. Задружно-общинный характер быта древней России. ЖМНП, 1874, июль, стр. 138 и сл.

бокой веры в древность поземельной общины»[5]. Он ставит себе задачу бороться с этим «предрассудком» и решительно выдвигает тезис об исконности частной собственности на землю и о полном отсутствии следов общинного владения землей в русской древности. Свои несомненно искусственные выводы он считает торжеством исторической истины.

В. И. Сергеевич не заметил того, что параллельно с его работой шла другая, приведшая в конечном счете к подлинному разрешению спорного вопроса. Это труды Льюиса Моргана (1818—1881), Максима Ковалевского (1851—1916) и особенно Фридриха Энгельса (1820—1895).

Моргану в его «Древнем обществе» на основе огромного фактического материала из жизни индейских племен Америки удалось осветить труднейшие участки истории и дать разъяснение основных черт общественного устройства первобытного времени, предшествующего появлению государства.

В том же направлении много и плодотворно поработал, главным образом над изучением кавказских народов, и М. М. Ковалевский. Энгельс использовал эти наблюдения и дал нам в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» ключ к разрешению проблем, до него остававшихся неразрешенными.

Сейчас мы можем представлять этапы развития первобытного периода в следующем виде:

1. Род есть основа общественного порядка у всех первобытных народов земли.

2. На высшей ступени развития родового строя, а именно при отцовском роде, возникает патриархальная семейная община, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семейной общины (familia). Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются из общих запасов. Глава общины избирается; при нем имеется совет, состоящий из всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин.

---

[5] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. III, стр. 412 (в дальнейшем цит. «Русск. юрид. древн.»). В 1884 г. Энгельман выступает не менее ярко против славянофилов и их общинной теории. Возражая И. Д. Беляеву, он пишет: «Лишенный критического чутья, он (Беляев), подобно всем славянофилам, питал непоколебимую уверенность в недостижимом совершенстве всех древнерусских порядков и учреждений. Так, вместе с своими друзьями, старыми славянофилами,— Аксаковым, Хомяковым и др. Беляев твердо держится фантастической гипотезы существования древнерусской исконной поземельной общины, на которую не имеется решительно никаких указаний в источниках» (И. Энгельман. История крепостного права в России, М., 1900, стр. 22, прим.).

3. С распадом родовых отношений у многих народов возникает сельская община как переходная ступень от родовой организации к политической. Однако и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья.

4. Родовая и сельская общины на протяжении своей жизни не остаются неизменными. Сельская община испытывает на себе не только влияние внутриобщинных процессов, но и воздействие государства: приспособляясь к его требованиям, она изменяется сама.

5. Родовое общество дальше союза племен не пошло. Союз племен означает уже начало его разрушения. Территориальное деление, идущее на смену племенному, и имущественное неравенство вместо равенства,— это уже предпосылки государственного строя.

Таковы основные положения, к которым пришла современная нам наука.

Моя задача заключается в том, чтобы на основе этих научных обобщений использовать по этому предмету данные источников и по возможности наметить процесс эволюции русской общины. Иначе история крестьян как класса понята быть не может.

Когда на Руси появилась потребность оглянуться на свое прошлое, русское общество успело уйти от родового строя уже так далеко, что представить его себе в XI в. было достаточно трудно. Родовой строй в XI в. в нашей стране, несомненно, можно было наблюдать у народов Крайнего Севера или кое-где в других местах, где жили племена, находившиеся на этой стадии развития. Без непосредственных наблюдений над этим строем, по пережиточным остаткам родового строя на Руси, которыми располагали наши летописцы, и, в частности, автор «Повести временных лет», без непосредственных наблюдений над народами, еще родовых отношений не изжившими, невозможно было понять сущность этих отношений. Когда появились на Руси письменные памятники, они отметили это далекое прошлое лишь в пережитках. Неудивительно, что наш летописец, всегда вообще конкретный, умеющий передавать подробности изображаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя.

Древнейшее упоминание о восточнославянском роде мы имеем в «Повести временных лет», в недатированной ее части, т. е. в части, для самого автора представлявшей наиболее непреодолимые трудности, так как он не имел об этом периоде точных данных. О полянах, наиболее ему известных, он мог сказать только очень глухо: «Полем же жившем особе и володеющем роды своими... и живяху кождо с своим родом и на

своих местех, владеюще кождо родом своим». Шахматов не без основания видит здесь наслоение двух редакций и первоначальный текст «Повести» представляет так: «Поляне живяху кождо своим родом на своих местех, владеюще кождо родом своим».

Тут мы имеем указания на то, что летописец все-таки знал кое-что о далеком прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом. Дальше он еще раз ссылается на это же место: «Поляном же живущим особе, якоже рекохом»[6].

Здесь «род» есть, несомненно, форма древних общественных отношений, хотя содержание его и не раскрыто в летописи. Но мы все же можем догадаться, о каком роде здесь идет речь. Материнский род тут, несомненно, исключается. О матриархате применительно к народам нашей страны летописец ничего не говорит, несмотря на то, что ему известны вообще различные формы семьи и брака, лежавшие в основании той или иной стадии в развитии родовых отношений. Летописец говорит, например, о групповом браке у халдеев, «гиллиомь», в «Бретании» («мнози мужи с единою женою спять и мнози жены с единым мужем похотьствуют»). Летописец, весьма вероятно, ошибается, приписывая эти формы брака определенным народам, но он с полной очевидностью обнаруживает перед нами знакомство с этими формами, и ясно, что если бы летописцу был известен хотя бы намек на групповой брак или на пуналуальную семью у славян, финнов или тюрок, он бы не преминул сказать об этом. Между тем в его изображении наиболее отсталые славянские племена (древляне, радимичи, вятичи и северяне, которых летописец нисколько не склонен щадить в своей характеристике и которых он готов упрекать в чем угодно) знают, во всяком случае, полигамную патриархальную семью, а может быть, и парный брак. «Браци не бываху в них,— пишет он,— но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская игрища, и ту умыкаху жены собе с нею же кто свещашеся; имаху же по 2 и по 3 жены»[7]. Идеал летописца — моногамная семья. Он стоит за нее не только потому, что она освящена христианским законом, но и потому, что моногамная семья, благодаря победе частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью, сделала уже решающие успехи, во всяком случае у полян.

Здесь победа моногамной формы семьи обнаружилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло, несомненно, задолго до времени, когда жил и писал автор

---

[6] Лаврентьевская летопись, стр. 8, 11, изд. 1910 г.
[7] Лаврентьевская летопись, стр. 13, изд. 1897 г.

«Повести». Понятно, почему он не видел рода и столь туманно о нем говорит в своем произведении.

В дальнейшем своем повествовании (не только с моментов, более достоверно известных летописцу, но и для более темного периода истории восточнославянского общества) летописец пользуется термином «род» в самых разнообразных смыслах. Кий становится родоначальником правящей у полян династии («но се Кий княжаше в роде своем»), повидимому, точно так же, как у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан появились свои князья, а может быть, и династии. Перед нами наследственность высшего представителя власти, по крайней мере в изображении летописца, и понимание термина «род» в смысле династии. Отсюда понятие княжеского рода: «вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа»,— говорит Олег, обращаясь к Аскольду и Диру. И совершенно прав был Соловьев, когда указывал на разнообразие в понимании этого термина летописцем [8]. Род означал и совокупность родственников и каждого из них («избрашася три братья с роды своими», т. е. с родственниками своими), этот же термин употреблялся в смысле соотечественника (Олег, хитростью вызывая на берег Днепра Аскольда и Дира, притворился гостем, плывущим в Византию, и обращался к Аскольду и Диру с приглашением в следующих словах: «да придета к нам, к родам своим») и в смысле целого народа («от рода русского, от рода варяжска»). Эта расплывчатость в содержании термина говорит о том, что он в данном обществе на Руси XI в. успел уже потерять свое конкретное содержание, что ему уже перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью.

Что касается термина «семья», то в наших источниках мы найдем буквально подтверждение того, что это не что иное, как известная нам familia. «Семья прежде всего означает — челядь, домочадцы, рабы», в Златоструе XII в. «семия множество или имения множество, злато и серебро». Семья здесь тождественна с греческим ἀνδραποδοι. Там же: «другыи на ближьнааго помысли, другый другааго семью исхыти». Тут термину «семья» соответствует греческое οἰκέται. В житии Нифонта XIII в.: «да был аз был и чада моя и семия моя живи были». В «Прологе» XVI в.: «Ни аз, ни семьянин мой, ни детищ мои, ни куря мое» и т. д. [9], в этих терминах живут уже успевшие отмереть существовавшие когда-то подлинные отношения.

Эта семья — familia — понимается, совершенно естественно, как патриархальная семья, т. е. организация некоторого

[8] С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 49.

[9] И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, слово «семья» (в дальнейшем цит. «Материалы»).

числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семьи, как дальнейшее развитие родовых отношений. Поэтому противополагать эту семью роду, как делали это сторонники «родовой теории» и их противники, решительно не приходится. Наконец, наличие большой семьи нисколько не отрицает одновременного с нею существования сельской общины, включающей большую семью как свою составную часть.

Стоит хотя бы обратить внимание, что в свое время отмечал уже Ключевский: областное деление русской земли при первых русских князьях далеко не совпадало с племенным, как его описывает «Повесть». «Не было ни одной области, которая бы состояла только из одного и притом цельного племени; большинство областей составилось из разных племен или их частей; в иных областях к одному цельному племени примкнули разорванные части других племен» [10].

П. Н. Третьяков этот вопрос рассматривает на основе археологического материала. Автор, изучая районы распространения типов женского убора (набора украшений) XI—XIV вв., приходит к выводу, что они укладываются в границы «не древних племенных образований, а в границы формирующихся феодальных областей». По мнению автора, к XI—XIII вв. племенных образований уже не существовало. «Судьба различных этнических компонентов была не одинакова, так как сами они далеко не равноценны. Одно дело язык, одежда, другое — специфические особенности экономики, постройки, третье — религиозные верования, украшения и т. п. Одни из них переживали века, и их следы можно найти еще и теперь, другие были менее жизненны», т. е. подвергались более частым и быстрым изменениям. Женские украшения относятся к компонентам последнего типа. Распространение их в той или иной области в значительной степени было обусловлено вкусами женского населения, которое приобретало украшения, выделывавшиеся в экономических центрах, где они являлись предметами массового ремесленного производства.

Наблюдения П. Н. Третьякова служат ему исходным пунктом для пересмотра вопроса о понимании летописного термина «племя» и основанием для вывода, что известные летописи «племена» являлись социальными организациями, вступившими на путь превращения из организации родового в организацию феодального характера [11].

---

[10] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, Пгр., 1918, стр. 161.

[11] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», т. IV, стр. 33—51. Возражения на статью П. Н. Третьякова, сделанные А. В. Арциховским (там же, стр. 53—61), говорят о необходимости продолжить и углубить

Иначе говоря, автор на своем археологическом материале подтверждает положения Ключевского. Стало быть, в областях, возглавляемых крупными городами (Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов и др.), мы имеем чисто территориальное деление, пришедшее на смену племенному, т. е. это уже признак разрушения рода и замены его отношениями иного, не родового строя.

Мы можем отметить еще ряд признаков того же порядка как в летописи, так и в «Русской Правде». Первая статья древнейшей «Правды», части которой относятся во всяком случае к VIII—IX вв., говорит о необязательности мести, о возможности заменить ее выкупом. Круг мстителей одновременно по женской и мужской линиям, устанавливаемый какой-то иной властью, чем родовая, причем в границах не рода, а большой семьи, говорит нам о том, что над обществом уже существует не родовая власть, что здесь месть есть осколок уже изжитых старых отношений. Эта же древнейшая «Правда» очень хорошо знает и «челядь», и рабов и вся насквозь проникнута собственническими элементами. В «Правде» Ярославичей, являющейся дальнейшим шагом вперед по сравнению с первой, древнейшей частью «Правды», мы можем наблюдать некоторые итоги эволюции: пашенная земля, бортные угодья находятся в частной собственности; за нарушение межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф; луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании: кони землевладельца и зависимых от него крестьян пасутся на одном лугу. Отмечается очень резкое имущественное неравенство.

Все это для X—XI вв.— абсолютно не «новости». Ново здесь лишь то, что законодателю пришлось сформулировать определенные положения в виде закона. Факты, лежащие в их основе, такого порядка, что о внезапном их появлении говорить невозможно.

Нельзя забывать, что у нас имеются и другие признаки не родовой, а какой-то иной организации: 1) перемена форм поселений, появление на место ушедших в прошлое городищ неукрепленных деревень с одиночными укрепленными дворами,

---

работу в этом направлении. От нее можно ждать больших результатов, способных облегчить нам более точное понимание летописного рассказа о расселении славян по Восточной Европе.

По поводу разгоревшегося спора Б. А. Рыбаков высказал свое мнение: он полагает, что в русской деревне X—XII вв. налицо «две стихии — старая племенная и новая городская», что продукция крупных феодальных центров накладывается сверху на карту племенных типов (ремесленного производства.— *Б. Г.*), не считаясь с былыми племенными рубежами, но в то же время и «не заменяя старых племенных типов», т. е. Б. А. Рыбаков находит одновременно сосуществование старого и нового и рекомендует не смешивать их при формулировке выводов.

выполняющими здесь функции западноевропейских замков; 2) наследственность княжеской власти; 3) налоговая и пенитарная система. Княгиня Ольга в X в. в завоеванной земле уже устанавливает уставы и уроки, т. е. упорядочивает взимание даней-податей, а может быть, и ренты, а установившиеся единицы обложения (дым, рало, плуг), говорящие о регулярности различных взиманий с народной массы, известны славянам задолго до Ольги, по крайней мере в самом начале IX в., если не раньше.

Это совсем не похоже на родовой строй. Патриархальная домашняя община, бывшая сама переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира, развивалась параллельно с эволюцией сельской общины или марки, для которой характерной чертой уже стало индивидуальное хозяйство ее членов.

Казалось бы, что это так. Тем не менее в нашей науке нет единодушия в подходах к решению этой большой задачи. И в старой и в новой литературе есть мнения о том, что вервь «Русской Правды» — это не соседская община, а кровный союз, семейная община.

Представителем этого течения следует считать прежде всего Леонтовича. Он вервь определял как семейную общину-задругу. Это, однако, у него не просто семейная община, а переходная ступень к формам жизни соседской общины. «Приняв в себя элементы, чуждые семье, — писал он, — коренясь отчасти в отношениях договорных, задруга отодвинула на второй план связи кровные, патриархальные» [12].

К этому взгляду на вервь примкнули и К. Н. Бестужев-Рюмин [13], и А. Я. Ефименко [14], и Г. Ф. Блюменфельд [15].

Против такого понимания верви выступил М. Ф. Владимирский-Буданов: «Ходить по семье, — говорит он, — хотя бы и большой («по вервь искати татя») и разыскивать вора — явление странное, особенно при общем пользовании, как в задруге». «Вместо термина погост, та же единица провинциального деления как в южных, так и в северных землях называется вервью (корень слова общий индоевропейский — Warf). Той же единице соответствуют и наименования *сотня* не только в городском,

[12] Ф. И. Леонтович. О значении верви по «Русской Правде» и Полицкому Статуту сравнительно с задругою юго-западных славян. ЖМНП, 1867, апрель, стр. 18.

[13] К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. 1, СПб., 1872, стр. 43.

[14] А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, М., 1884, стр. 238 и сл.

[15] Г. Ф. Блюменфельд. О формах землевладения в древней Руси, Одесса, 1884, стр. 53 и др.

но и провинциальном делении, и *губа* (термин, родственный «жупе») — в Псковской и Новгородской землях» [16].

А. Е. Пресняков тоже считает, что «для эпохи Русской Правды у нас нет оснований предполагать на Руси кровной связи между членами верви... Вервь Русской Правды уже территориальный, соседский, а не кровный союз» [17]. Н. П. Павлов-Сильванский думает так же [18]. Многие из старых историков были того же мнения.

В. Лешков в своем труде «Русский народ и государство» очень подробно останавливается на этой теме. Он указывает, что «до 15 статей можно найти в Русской Правде, говорящих о верви... Изучивши эти статьи, приходишь к заключению, что Правда представляет вервь не в бледном намеке, а в подробном описании, не гадательным призраком, а живым существом, с полною отчетливою деятельностию». «Люди, мир и вервь суть различные выражения для одного и того же понятия». Далее автор прибавляет еще один термин, соответствующий понятию верви,— это погост, и приходит к окончательному выводу, что вервь есть сельская территориальная община с собственным управлением [19].

П. Д. Беляев тоже видел в верви общину, не обусловленную родством: «русская земля в то время была разделена на общины, называвшиеся вервями, члены которых были связаны круговой порукой... Вирное устройство было исконным на Руси...» [20].

Из современных советских историков большое внимание вопросу о верви уделил С. В. Юшков. В своей работе «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», как и в более позднем труде, он возражает против понимания термина «вервь» как сельской общины и предлагает трактовать вервь, как большую семью, делая при этом попытку соответственно использовать единственный русский источник, знающий вервь,— «Правду» Ярославичей и Пространную «Правду». Признавая наличие в это время на Руси сельской общины, он отрицает, однако, упоминание ее в источниках. «Источники не дают нам,— пишет он,— никаких указаний на существование сельской общины

---

[16] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, Киев, 1907, стр. 79—80 (в дальнейшем цит. «Обзор»). Его же рецензия на книгу Блюменфельда «О формах землевладения в древней Руси», см. «Киевск. унив. изв.» за 1885 г.

[17] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1, М., 1938, стр. 55.

[18] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 99.

[19] В. Лешков. Русский народ и государство, М., 1858, стр. 99, 103 и др.

[20] П. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, изд. 2, М., 1888, стр. 189.

в IX—X вв. Но это вовсе не значит, что ее не существовало»[21]. Далее: «Если мы признаем, что вервь — задруга, то это значит, что сельская община содержала разлагавшиеся родовые коллективы, что патриархальные отношения в ней были еще достаточно сильны. Но мы вместе с тем должны знать, что и сама сельская община подвергалась разложению в дофеодальный период» (следуют изложения признаков и причин этого разложения сельской общины) [22]. А из предшествующей страницы узнаем, что и «большая семья *давно* подвергалась разложению в Киевской Руси» [23]. Итак, С. В. Юшков признает, что в Киевской Руси одновременно существуют и большая семья, и сельская община, причем обе эти организации, по его же мнению, начали «разлагаться». Значит, если снять вопрос о единовременном существовании в Киевской Руси сельской общины и большой семьи, что я признаю полностью, то остается только решить, как надо понимать вервь «Русской Правды».

Я не нахожу необходимым разбирать все статьи «Правды», которыми оперирует С. В. Юшков, так как большинство из них он сам признает, так сказать, нейтральными. Только статью о «дикой вире» [24] С. В. Юшков считает «серьезным затруднением» для истолкования верви в смысле большой семьи.

В доказательство того, что вервь не сельская община, а большая семья, С. В. Юшков выдвинул еще положение о том, что «вервь была незначительным коллективом» и поэтому-де княжеская власть предоставляла ей рассрочку в платеже виры, так как иначе вервь по своей малости не в состоянии была ее уплатить единовременно. Однако нельзя забывать, что размеры

[21] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 8 (в дальнейшем цит. «Очерки»).

[22] Там же, стр. 12.

[23] Там же, стр. 11 (курсив мой.— *Б. Г.*). В новой своей книге «Общественно-политический строй и право Киевского государства», изд. в 1949 г., С. В. Юшков, еще раз отвергая мое мнение о верви, упрекает меня в том, что я: 1) отрицаю какие-либо пережитки родового строя в XI—XII вв. в Киевской Руси, 2) безнадежно неспособен понимать разницу между «большой семьей» и «крупной патриархальной семьей». Первое утверждение просто неточно, так как сам С. В. Юшков на той же странице своего труда (стр. 87) указывает, цитируя меня, что родовые организации ушли «конечно, *не бесследно*, в прошлое» (курсив мой.—*Б. Г.*). Второе утверждение С. В. Юшкова совершенно точно: действительно, я не понимаю разницы между «большой семьей» и «патриархальной семьей» даже с прибавлением «крупной», какое тут делает мой оппонент. Энгельс во всяком случае пользуется терминами «патриархальная большая семья» (patriarchalische Hausgenossenschaft), «патриархальная семья» (patriarchalische Familie), большая семья (Hausgenossenschaft) в одинаковом смысле (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 41—43). Подробнее см. мою статью о верви в № 8 «Вопросов истории» за 1951 г.

[24] С. В. Юшков имеет в виду мое мнение, высказанное в книге «Киевская Русь», изд. 3, стр. 61.

вир варварских «Правд», в том числе и Русской, унаследованы от родового строя, когда выкуп платил весь род [25], а институт дикой виры понадобился тогда, когда родовые связи стали заметно распадаться и ответственность за преступления становилась индивидуальной. За значительность же территории мира-верви говорит процедура «гонения следа». А. Е. Пресняков, на мой взгляд, совершенно правильно понимает эту «процедуру». «По верви искать татя», ст. 70, он сопоставляет «с гонением следа», ст. 77 Пространной «Правды» [26], что соответствует «исканию убийцы» («А иже убьють огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити, в ней же вири [верви] голова начнеть лежати») [27]. Что «гонение» следа» шло по территории именно соседской общины, это видно и из пережитков русского права в Галицкой земле (см. стр. 287). Не вдаваясь в детали, хочу лишь отметить, что эта процедура была бы совершенно ненужной, если бы речь шла о большой семье, где все родственники знают друг друга и могли бы либо выдать своего родственника, совершившего кражу, либо заплатить за него без всякого «гонения следа». Не случайно это гонение имеет полную аналогию в «Польской Правде» с ее несомненной сельской общиной [28].

Что касается сравнительно раннего исчезновения из русского языка термина «вервь», отмечаемого А. Е. Пресняковым и С. В. Юшковым, то объяснение этого факта А. Е. Пресняковым мне кажется вполне убедительным. А. Е. Пресняков полагает, что этот термин стал отмирать уже в XI—XII вв. Он оказался неудобным, поскольку в более старое время он обозначал родственное объединение и не подходил к чисто территориальной единице, в состав которой входили уже не родственники [29].

Наконец, об исчезновении термина «вервь» надо вообще говорить осторожнее, потому что в другом памятнике, знающем «вервь»,— в Полицком статуте — «вервь» живет еще в XV—XVI, а может быть, в XVII в. и обозначает соседскую общину. Объясняется это тем, что на Руси архаизмы исчезали вообще интенсивнее, чем в Полице, этом совсем миниатюрном государстве (240 кв. километров), очень много заботившемся о сохранении в нерушимости своего быта.

Единственный выход из положения — это все-таки обращение к источникам, которые, как всегда, следует понимать в целом, руководствуясь всеми их данными, прямыми и

[25] Н. П. Грацианский. О материальных взысканиях в варварских «Правдах». «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 54—64.

[26] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 164—165 и сл.

[27] Краткая «Правда». Академический список, ст. 20.

[28] Более подробный разбор мнения С. В. Юшкова см. в моей книге «Киевская Русь», изд. 4, стр. 61 и сл.

[29] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 55.

косвенными. Прежде всего надо иметь в виду, что обе «Правды» («Правда» Ярославичей и «Правда» Пространная) и документы XI—XII вв.), содержащие тексты о верви, изображают общество, где безусловно доминирует индивидуальная семья, частная собственность на землю, крупное землевладение и другие признаки уже зрелого феодального строя. Стало быть, a priori можно думать, что в этих источниках должна, по крайней мере, подразумеваться сельская община-марка, а не родовые организации, несомненно уже ушедшие (конечно, не бесследно) в прошлое. «Чем дольше жил род в своем селе,— пишет Энгельс,— ...тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; *род исчезал в марке*, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины» [30].

Но ведь документы кое-что и прямо говорят о верви, не давая, однако, ни одного намека на наличие кровного родства среди членов верви.

В «Правде» Ярославичей наличие феодала и феодальной вотчины совершенно очевидно. Рядом с общиной существует среда богатых собственников-землевладельцев — феодалов, где с полной очевидностью господствует индивидуальное право собственности на пахотную землю, борти, места охоты, на орудия производства. Все это покупается, продается, передается по наследству.

Наступление феодала на общину, победа над нею и процесс внутренней ее эволюции видны также и в том, что из недр общины уже выделились отдельные неимущие элементы, вынужденные искать работы и защиты у феодала. Это—рядовичи, закупы — «вдачи» [31], изгои, о которых специально речь будет впереди.

Сейчас нам важно отметить эти наиболее существенные стороны мира-верви для того, чтобы показать, в каком направлении протекало перерождение родовой общины в сельскую, соседскую, иначе марку, где происходила уже индивидуальная обработка с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов. Процесс этот начался на юге раньше, чем на севере. Север сохранил следы старых отношений значительно дольше. На юге родовая община исчезла раньше и в «Русской Правде» нашла себе лишь слабое отображение.

В «Правдах» мы имеем термины, говорящие именно о сельской общине. Это мир, вервь. Древнейшая часть «Правды», дошедшая до нас в новгородской записи и носящая в себе следы

---

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 128 (курсив мой.—*Б. Г.*).

[31] Условно пользуюсь этим термином, поскольку он имеется в Карамзинском списке «Русской Правды».

северной терминологии, не знает верви и называет только «мир»: «Аще пошлеть кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем *миру*, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» [32]. «Миру» древнейшей «Правды» соответствует «вервь» Пространной. На это указывает соотношение только что приведенной ст. 13 древнейшей «Правды» со ст. 70 Пространной: «Аже будет росечена земля... то по *верви искати татя*». Сюжетно эти статьи расходятся, но, несомненно, процедура искания пропавшей вещи и татя происходит в одной и той же территории и среде. Это будет мир-вервь: Пространная «Правда», по времени отстоящая от древнейшей не меньше, чем на три столетия, и относящаяся к южной территории, вместо термина «мир» пользуется, очевидно, аналогичным термином «град». «Аче кто конь погубит, или оружие, или порт, а заповесть на торгу, а после познает в своем *городе*, свое ему лицем взяти...» [33]. В этой статье, несомненно соответствующей ст. 13 Краткой «Правды», под городом разумеется не просто город, а городской округ. Когда Ольга говорит древлянам: «Вси грады ваши предашася мне и ялися по дань и делають нивы своя и земле своя, а вы хочете измерети гладом, не имучеся по дань» [34], она под градами разумеет не только города, а и земли, так или иначе связанные с этими городами. Пространная «Правда» знает прекрасно и вервь, известную в «Правде» Ярославичей, составленной в Киеве приблизительно в середине XI в., но сохранившей в себе и более древние черты. Мы можем на основании данных наших «Правд» и данных Полицкого статута [35] до некоторой степени разгадать сущность этой верви.

«Русскую Правду» по вопросу о верви мы уже использовали. Полицкий статут, единственный славянский сборник законов, знающий термин «вервь», строго различает «вервь» и большую семью.

О большой семье ясно говорит ст. 33 статута: «Если братья или иные, имеющие право на участие в дележе (имеются в виду братья ближние или дальние, или сыновья от отца или иные родственники.— *Б. Г.*), пока еще не разделились, у них все общее: и добро, и зло, и корысть, и убытки, и долги; кому они должны и кто им должен — все это общее, пока не разделились, а когда разделились, тогда каждому своя часть». Это большая

---

[32] Краткая «Правда», ст. 13.

[33] Пространная «Правда», ст. 34.

[34] Лаврентьевская летопись, под 946 г.

[35] Полица помещалась на берегу Адриатического моря. Эта миниатюрная хорватская республика, общественный строй которой имел очень много общего со строем, отраженным в «Русской Правде», как по своей терминологии, так и по сущности отдельных правовых институтов. См.: Б. Д. Греков. Полица, М., 1951.

семья. В Полицком статуте она вервью не называется. Здесь «вервь» рисуется иначе. Ст. 59а Статута гласит:

«Закон о разделе леса или пастбища («котара»)[36] между собой. Если бы случилось, чтобы какое-либо село захотело между собой разделить лес или пастбища, ссылаясь на то, что они не могут или не хотят совместно пасти или держать, т. е. если бы один или больше просили от этого села части, которая им может достаться, или если бы все село захотело разделиться, пусть разделят и пусть смотрят, что есть чье: прежде всего пастбище, где нет леса, не может быть разделено между собой потому, что нельзя селянам возбранять пасти не только жителям этого самого села, но также и соседнего села, поскольку («не прико третьего котара») они не находятся по ту сторону третьего котара, как было выше сказано.

Если есть лес, им можно делиться следующим образом: прежде всего если бы знала «вервь» части, причитающиеся от племенщины внутри села по мере и по верви по праву наследования, тогда не надо изыскивать иного никакого деления леса, как только по правой верви и по числу голов, подворниц и племенщин...

Если вервь не знает и не может узнать частей внутри себя из племенщины, как это обычно встречается там, где есть в селе больше членов, участвующих в разделе, тогда лес делится так: прежде всего и первоначально издавна есть правило, чтобы на старые законные жеребьи на сады и «подворницы» (прусадебные участки) приходилась часть леса».

Итак, на основании сопоставления двух названных памятников, пока единственных, знающих «вервь», ясно, что вервь — это определенная территория: «А иже убьють огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же [верви] голова начнет лежати»[37]. Совершенно очевидно, что мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица. Что это за общество, в чем заключается связь ее членов, мы отчасти можем узнать из той же «Правды» Ярославичей. В верви живут «люди», которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени они коллективно отвечали за совершенное на их территории

---

[36] «Котар» имеет несколько значений. Здесь легче всего понимать в смысле «пастбища». Тут «вервь», очевидно, часть села, где живут селяне, уже разделившие между собой поля, имеющие свои сады и усадьбы, но связанные между собой более тесными соседскими узами, чем богатые люди, раньше выделившиеся из общины и успевшие стать над нею (привилегированные землевладельцы).

[37] Краткая «Правда», Акад. список, ст. 20.

преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским именем умышленно («аще убьють огнищанина в обиду»), «то платити за нь 80 гривен убийци, а *людем* не надобе» [38]. Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое и убийца неизвестен; тогда платят те люди — члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп.

В сущности то же дает и Полицкий статут с той только разницей, что Русская Правда рисует нам вервь XI—XII вв., а Полицкий статут — XV—XVI вв. В Полице «вервь» играет уже более скромную роль, чем в Киевской Руси.

«Правда» Ярославичей — специальный закон. Она по духу близка к Capitulare de villis Карла Великого. Ее назначение — оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала. Недаром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжой «Правде» подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

Пространная «Правда» начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви.

Вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. «А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведают, ни знают его» [39]. Разбойника вервь должна выдать вместе с женою и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в «Правде» Ярославичей не было. Стало быть, на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: «за разбойника *люди* не платят» [40]. Члены верви должны отвечать не только за убийство: «Оже будет рассечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати собе татя, а любо продажа платити» [41]. И здесь вервь обязана либо найти преступника, либо возместить убытки собственника земли или испорченной вещи.

Наконец, в Пространной «Правде» мы имеем очень интересный институт «дикой виры», который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. тем, кто вложился предварительно

[38] «Правда» Ярославичей, Акад. список, ст. 19.
[39] Пространная «Правда», ст. 19.
[40] Там же, ст. 7.
[41] Там же, ст. 70.

в «дикую виру». «Аже кто не вложится в дикую виру, тому людье не помогают, но сам платит»[42]. Это говорит нам о том, что к XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в «дикой вире». Не случайно Новгородская летопись под 1209 г. сообщает, что в Новгороде брали «дикую виру» с купцов, т. е. с людей богатых. Перед нами симптом разложения старой верви.

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине (Gegenote). Она тоже отвечает за убийство, совершенное на ее территории. Здесь мы видим, в сущности, то же, что и в «Русской Правде», только тут с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. *Господин* зовет к себе «Gegenote», он взыскивает Schuld и пр.[43].

В «Русской Правде» нет этой отчетливости, не обязательной как для ее редактора, так и для юриста-практика, поскольку им тут все было и без того ясно. Немцу, записывавшему «Польскую Правду» в чужой для него стране, многое было совершенно непонятно. Он должен был обращать внимание на все детали и записывать их для практических целей: немцу, овладевшему польской землей, необходимо было знать право подчиненного ему народа. Тем не менее и в «Русской Правде», если постараться извлечь из нее не только то, что там написано, но и то, что явно подразумевается, картина общественных отношений откроется с достаточной полнотой.

Обычно принято думать, что древнейшая недатированная часть так называемой Краткой «Правды» не содержит в себе никаких данных об отношении отображенного там общества к земле. Если рассуждать формально, то это, конечно, так. Но если мы вдумаемся в то, что говорит эта древнейшая «Правда», если мы попытаемся конкретно представить себе, как жили те люди, о которых говорит «Правда», то мы едва ли сможем удовольствоваться обычно принимаемыми в нашей науке первыми внешними впечатлениями.

Несомненно, эта «Правда» говорит главным образом о «мужах», под которыми можно разуметь свободных людей — мужчин вообще, но нетрудно вскрыть тут также и дружинную, рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником — боевым конем и оружием, с которым рыцарь не расстается; наконец, с его

---

[42] Пространная «Правда», ст. 8.

[43] Подробнее об общине по «Русской Правде» и «Польской Правде» см. стр. 283 и сл.

одеянием. Что эти мужи существуют не со вчерашнего дня, видно из того, что в их среде успел вырасти и окрепнуть условный кодекс рыцарской чести, обычный в этой среде для всей Европы. Но мы прекрасно знаем, что западноевропейское рыцарство своими корнями уходит в землю. Его кормят крестьяне, сидящие на его земле, оно входит в состав класса землевладельцев-феодалов, землей оно связано с деревней, с общиной, в каких бы отношениях оно к ней ни состояло.

И, конечно, у всякого исследователя древнерусской жизни естественно возникает вопрос о том, как живут «мужи» древнейшей «Русской Правды». На этот вопрос наши исследователи отвечают по-разному, либо вследствие неясности предмета предпочитают совсем на него не отвечать. Но мы должны согласиться с тем, что этот вопрос слишком важен, чтобы обходить его молчанием. Если состояние источников не позволяет нам ответить на вопрос точно, то мы не вправе игнорировать и неясные намеки этих источников. Они требуют комментария.

В древнейшей «Правде» в ст. 13 читаем: «Аще поимет кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познает в *своем миру*, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду».

Поскольку здесь речь идет о тех же «мужах», интересы которых отображены в тексте этой «Правды», на что также указывает и перечень предметов (конь, оружие, порт), характерных именно для «мужей»-рыцарей, на нас лежит обязанность объяснить, в какой связи находятся «мужи» и «миры».

Тут есть стороны дела совершенно ясные и несомненные, а также такие, о которых источник прямо не говорит и относительно которых можно делать лишь более или менее обоснованные предположения: 1) мир — это, несомненно, община-вервь; 2) община имеет определенные границы, которые учитываются законом при разыскивании пропавших вещей; 3) тот, кто ищет свою пропавшую вещь, т. е., по нашему предположению, мужрыцарь, связан со *«своим миром»*; это хотя и предположение, но его нетрудно обосновать.

В чем именно выражается эта связь, мы из данного текста не видим, но что она есть, это ясно, потому что мир по отношению к «мужу» называется в «Правде» *его* миром, т. е. тем миром, с которым он связан, в котором, по всей видимости, он и живет.

Мне думается, что до некоторой степени помочь нам в разрешении загадки могут и другие статьи той же «Правды». Ст. 17, хотя она и не одновременного с первыми статьями происхождения, говорит о господине, владеющем «хоромами», в которых скрывается ударивший «свободного мужа» холоп. Этот господин достаточно силен, чтобы оказать сопротивление тем, кто разыскивает скрывающегося холопа. Перед нами встает вопрос о том, где стоят эти хоромы, где живет их господин.

Можем ли мы игнорировать здесь наличие миров-общин? Думаю, что самая простая гипотеза, способная помочь уяснению конкретного смысла этих статей, заключается в том, что «господин» и «муж» — это два термина, которые могут обозначать одно и то же понятие, что все действие происходит на территории «мира», т. е. в общине.

В городе или в деревне — это в данном случае не столь важно, потому что города, кроме нескольких наиболее крупных, в это время еще не совсем обособились от «мира». Город в Пространной «Правде» не случайно сопоставляется с хоромами («А кто сам своего холопа досочится в чьем любо городе или в хороме...» — ст. 114 Карамзинского списка) [44]. Возникает вопрос — что это за «хоромы», где может найти себе убежище укрывающийся от преследования холоп, «хоромы», сопоставляемые с городом, т. е. в данном случае с укрепленным пунктом.

Самый простой ответ на этот вопрос будет тот, что «хоромы» — «грады» — это укрепленные места, принадлежащие определенным владельцам. На это указывает,— правда, несколько более позднее,— известие «Повести временных лет» о княжеских усадьбах-«градах», конечно, возникших раньше, чем упоминание о них попало в «Повесть».

Князь Владимир Святославич, устанавливая после принятия христианства десятину на содержание киевской Десятинной церкви, распорядился давать десятину «от именья своего и от град своих». Что нужно понимать здесь под термином «град», совершенно точно разъясняет «Повесть временных лет», называя Вышгород, т. е. подгородный княжеский замок-вотчину, «градом» («бе бо Вышегород град Вользин»).

Делаются понятными и сопоставление «хором» с «городом», и возможность для укрывающегося от преследования найти в «хоромах» убежище, и попытка хозяина «хором» не выдавать его. Подобные попытки, очевидно, были часты, если особая статья очень лаконического закона специально о них заговорила.

Если это так, а иначе едва ли можно понять эти статьи, то «мужи» древнейшей «Правды», не случайно изображенные здесь всегда вооруженными (даже во время пиров), всегда готовыми обнажить меч, всегда готовыми выступить на защиту своей кастовой чести, понятие о которой уже совершенно ясно успело оформиться,— не кто иные, как владельцы укрепленных «хором»-«градов», где живут они сами, окруженные своей челядью, обязанной их кормить, обувать, одевать, а в случае необходи-

---

[44] Хотя есть основание думать, что Карамзинский список является компилятивным, но чтение «в храме» встречается также и в одной редакции Пространной «Правды», имеющей, несомненно, архаические черты (Археографический II сп., ст. 114, акад. изд. Ср.: С. В. Юшков. Русская Правда, Киев, 1935, стр. 152, ст. 100).

мости и защищать [45]. «Хоромы»-«грады» — это то же, что двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке.

Эволюция соотношения между мирами и городами заключается в том, что по мере внутреннего развития городов, по мере роста их экономического и политического значения они становятся во главе миров, и самый термин «мир» заменяется в таких случаях термином «град». Именно в этом смысле летопись упоминает древлянские грады, которые успели сдаться Ольге и приступили к своему обычному занятию («делают нивы своя»). Этим же объясняется и отмеченный выше факт отсутствия термина «град» в древнейшей «Правде», где он поглощается термином «мир», и замена термина «мир» в позднейшей «Правде» XII в. словом «град» [46].

Приблизительно в таком же смысле употребляется термин «grod» и в Польше.

Итак, наиболее вероятное объяснение ст. ст. 13 и 17 древнейшей «Правды» позволяет нам представить себе дело так: мужи-рыцари связаны с мирами-общинами, живут на их территории, где и стоят их крепко сложенные хоромы, способные защитить своего хозяина и делающие его, по выражению более позднего памятника, «гордым и буйным» и для окрестного населения опасным.

Опасность была весьма реальной, потому что в конечном счете этот владелец замка-хором подчинял себе сельское окрестное население, превращая его в своих подданных.

Мне кажется, что все эти данные дают ответ на вопрос о том, какие этапы переживал родовой строй в процессе своего разложения у славян Поднепровья и Поволховья. На основе распавшегося патриархального рода мы имеем здесь

---

[45] Такое понимание «мужа» «Русской Правды» не исключает понимания этого термина в более широком смысле слова свободного мужчины вообще, поскольку вполне можно допустить, что эти мужчины тоже имели право носить оружие. Польское понятие рыцаря, свободного землевладельца, может служить к данному случаю аналогией.

[46] Ср. со ст. 36: «А оже будет в одном граде, то ити истцю до конца того свода...». ст. 39: «А не своего города в чюжду землю извода нет...». В ст. 114 «чей либо город» противополагается «хоромам». Здесь город, несомненно,— укрепленная усадьба. «Город» в смысле округа понимал, как мне кажется, совершенно правильно еще Эверс. «Град первоначально,— писал он,— на славянском наречии означает место, потом *огражденное*, т. е. *укрепленное* место, castrum (см. Треязычный лексикон и Церковный словарь). Очевидно, под сим словом должно разуметь не одни только сии места, но и зависящие от них земли и угодья... В России (до XVIII столетия) под именем города, получаемого каким-нибудь боярином для управления, понимаема была целая полоса земли, от него зависящая, и довольно часто значительная» (И. Ф. Г. Э в е р с. Древнейшее русское право, стр. 24, прим. 1).

несомненное наличие общины-марки, не исключающей и одновременного с нею существования большой патриархальной семьи, на наших глазах проделывающей свою дальнейшую эволюцию. Это был далеко не мирный процесс, и летопись сохранила некоторые намеки на борьбу между уходящим старым строем и наступающим новым.

Итак, едва ли может остаться какое-либо сомнение в том, что восточное славянство, как и все другие народы мира, пережило одни и те же этапы в своем развитии. Восточному славянству известен период родового бесклассового строя; в процессе его распада родовая община сменилась общиной соседской, рядом с которой существовала и большая семья.

Если родовой строй в VIII—IX вв. сохранился в пережитках, то к XI в. почти исчезли и эти следы.

В древнейших дошедших до нас русских письменных памятниках мы видим уже классовое общество, имеющее за собой солидное прошлое.

Земледельческая масса, организованная в общины, продолжает свое существование, но она под влиянием частной собственности на землю сильно изменила свою внутреннюю структуру. Члены общины ведут свое индивидуальное хозяйство. «Дым», «рало», «плуг» стали единицей, с которой члены общины несли свои повинности, чего не знала родовая община. Сельская община, в освещении древнейших русских письменных памятников, изображается находящейся под сильным воздействием государства: члены общины обложены податью (подымной, иначе поральной, или поплужной), по требованию власти они становятся в ряды войска, они обложены многими натуральными повинностями (подводная повинность, устройство дорог, построение крепостей и т. п.).

Нельзя не заметить, что община систематически осваивается растущей знатью, стремящейся расширить свои земельные владения за счет крестьянской общинной земли и превратить сидящее на ней земледельческое население в зависимых людей. Наконец, нельзя забывать, что сама община не остается неизменной: начавшийся очень давно процесс выделения из нее более состоятельных верхов свидетельствует о том, что внутри общины уже царит имущественное неравенство, подымаются вверх более состоятельные, появляются бедняки, которым становятся не под силу возлагаемые на общину обязанности. Для этих последних остается единственный путь, путь выхода из общины. Вот тут и начиналось пресловутое «брожение» крестьянина. Вынуждаемый покинуть свою общину, ту самую, где его деды, отец и он сам были полноправными членами, он искал прибежища и находил его там, где нуждались в его физической силе, в его земледельческой, воспитанной веками сноровке.

Но эта бродячесть, во-первых, не исконное явление, во-вторых, она относится только к одной части наиболее бедного крестьянства.

Оторванная от родной среды и попавшая в зависимость от хозяина, эта часть крестьянства встречалась здесь, в барской вотчине, с уже раньше ее очутившимися в неволе рабами и в значительной степени потонула в общей массе господской челяди. Первый попавший в господскую зависимость недавний независимый смерд, естественно, стал трактоваться хозяином по образу и подобию холопа.

Хотя прямых данных у нас и нет, но мы можем предполагать по соображениям косвенным, что и те смерды-общинники, которые, не выходя из общины, а часто вместе с нею, попали в зависимость к «ненасыщающимся богатством людям», оказывались в положении достаточно тяжелом (см. главу о смердах). Но не следует забывать, что огромная масса сельского населения в это время еще не испытала этой участи и продолжала жить свободно под защитой своих общин. Однако и этих свободных смердов наши письменные памятники застают уже в достаточно приниженном положении. Они только одной ступенью стояли выше зависимых от господ людей.

Историк крестьянства, работающий главным образом по данным письменных памятников, однако, не имеет права забывать того огромного пути, который прошло крестьянство от времени, когда слово merd, murd, смерд обозначало человека вообще, до времени, когда появились письменные памятники о смердах, трактующие их уже совершенно по-иному, забывшие первоначальный смысл слова и вложившие в него обидное для достоинства человека содержание.

Первые письменные известия знакомят нас с крестьянством как классом, существующим рядом с другими классами.

Поскольку судьба крестьянина определялась в значительной мере отношением его к высшему землевладельческому классу, для моей основной задачи необходимо рассмотреть (насколько возможно) как вопрос о происхождении землевладельческого класса, его экономическом и правовом положении, так и отношение крестьянина к господствующему классу в период раннефеодального строя.

Этому сюжету посвящена следующая часть книги.

Часть вторая

ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ПРИМИТИВНОЙ ОТРАБОТОЧНОЙ РЕНТЫ

(ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП)

I. КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Подходя к решению проблемы становления феодализма в России, исследователь должен твердо помнить, что каждая общественно-экономическая формация характеризуется своим способом производства. Поэтому прежде всего следует иметь ясное представление о сущности феодализма. Такого представления мы не найдем ни у дворянских, ни у буржуазных историков. Они либо вообще отрицали существование феодализма в России, либо понимали под феодализмом определенный строй юридических отношений. В последнем случае начало феодализма на Руси связывалось с появлением политической раздробленности.

Вопрос о сущности феодальных отношений нашел подлинно научное решение лишь в трудах основоположников марксизма-ленинизма, создавших учение об общественно-экономических формациях. Классическое определение феодального строя дано И. В. Сталиным. «При феодальном строе,— пишет товарищ Сталин, — основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,— крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»[1].

Совершенно очевидно, что одним из основных вопросов при изучении генезиса феодализма на Руси является вопрос о феодальной собственности на землю, вопрос о крупном землевладении у восточных славян.

Новые археологические данные и показания письменных источников (арабских, византийских и собственно русских),

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

рассмотренные в свете сталинского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать период VI—VIII вв. как время становления феодальных отношений и возникновения феодальной собственности у восточных славян [2].

Этот период можно назвать «полупатриархальным-полуфеодальным», пользуясь терминологией И. В. Сталина применительно к прошлому азербайджанцев и некоторых других народов[3]. Действительно, это был период, когда в восточнославянском обществе, в условиях разложения общинно-патриархального строя, происходило становление феодальных отношений, когда стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников, в этот период у восточных славян появились первые политические объединения.

Опираясь на данные археологии, мы можем утверждать, что приблизительно до V в. н. э. славянство переживало стадию развитого родового строя, хотя уже и в это время были налицо признаки разложения этого строя. Археологическое изучение культуры «полей погребений» (носителями которой, как известно, были племена полян, северян, волынян, уличей, бужан, белых хорватов и др.) позволило Б. А. Рыбакову установить не только основное занятие славян этого периода (пашенное земледелие и оседлое скотоводство), но и выявить некоторые черты их общественного строя: славяне живут в это время еще в больших укрепленных поселениях. Подобный укрепленный родовой поселок обнаружен и П. Н. Третьяковым в более северных районах нашей страны (Березняки).

Мы знаем поселения и более позднего времени. Они уже иного типа: селения эти не укреплены, но рядом с неукрепленными деревнями можно наблюдать укрепленные жилища, которые, несомненно, могли принадлежать только богатым и политически сильным людям.

Сосуществование неукрепленных крестьянских поселений и укрепленных жилищ знати, прослеживаемое археологами по крайней мере с VII в., несомненно, является показателем значительных сдвигов в социальном развитии восточного славянства.

В земледельческой стране основным видом собственности на средства производства неизбежно стала собственность на землю. На этой основе происходил процесс классообразования у славян, и несомненно, что владелец укрепленного жилища был одновременно и владельцем земли, населенной крестьянами-смердами. Хорошо зная враждебное отношение к себе со стороны попавшего в зависимость сельского населения, земле-

[2] См. мою статью: «Генезис феодализма в России в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания». Сборник материалов сессии Отделений общественных наук Академии Наук СССР, М., 1951.

[3] См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

владелец должен был воздвигать вокруг своего жилища особые укрепления. Такова социальная природа этих укрепленных жилищ-усадеб, расположенных в непосредственной близости от обычного, неукрепленного сельского поселения.

Интенсивный процесс классообразования у восточных славян в VI—VIII вв. подтверждается и другими исследованиями наших археологов. Особо важное значение имеют наблюдения Б. А. Рыбакова над знаками княжеской и боярской собственности X—XII вв.[4] По мнению Б. А. Рыбакова, элементы таких знаков у знатных людей прослеживаются начиная с VI—VII вв. В свете этих наблюдений становятся гораздо понятнее отрывочные и немногочисленные свидетельства византийских, арабских и других источников. Сообщение о деятельности вождя антов Божа и 70 старейшин в IV в., свидетельства об общественном и политическом строе славян в VI в., сведения о состоянии их религиозных представлений, известия об успешной борьбе славян с Византией — все эти данные письменных источников, сопоставленные с открытиями советских археологов, приобретают теперь для нас более глубокий смысл.

Из византийских источников мы узнаем о прогрессивной роли славянских народов, которую они сыграли в перерождении рабовладельческой Восточной Римской империи в феодальное государство.

Значительно расширяют наши представления о социальной и политической жизни восточного славянства этого времени и арабские источники. Сообщение Масуди (автор IX в.) о наличии на Волыни в VI в. политического объединения славян подтверждается и русской летописью. Приблизительно в VIII в., по свидетельству других арабских авторов, на территории Восточной Европы возникло несколько государственных образований, уже более зрелых и прочных, чем политическая организация на Волыни в VI в. Этими государственными образованиями были Куявия, Славия и Артания, прямые предшественники обширного древнерусского государства с центром в Киеве. Существование этих политических образований находит свое косвенное подтверждение и в дошедшей до нас древнейшей арабской карте Восточной Европы. Очень вероятно, что на территории Восточной Европы в период с VI по VIII в. возникали и другие политические объединения, существование которых мы пока только можем предполагать.

«Повесть временных лет» как будто подтверждает такое предположение сообщением о существовании особых княжений у полян (где «держали княжение» Кий, Щек и Хорив, а потом

---

[4] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., «Советская археология», т. VI, М.—Л., 1940.

их потомки), а также указанием на наличие подобных княжений и в других восточнославянских землях («княженье... в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде»[5]). Этот легендарный рассказ в своей подоснове, несомненно, содержит элементы реальной исторической действительности.

Эти политические организации содействовали дальнейшему упрочению экономических и политических позиций землевладельческой знати.

Таким образом, изучение данных археологии и письменных источников (византийских, арабских и др.), правильное их теоретическое осмысление заставляет нас придти к выводу, что отдельные показания сравнительно поздних русских источников (Русская Правда, Летопись, где помещены договоры с греками и др.) могут быть отнесены не только к X—XII вв., но и к значительно более раннему времени. Подходя к этим русским источникам, мы уже знаем, что перед их появлением русский народ успел пройти длительный путь своего развития, что успехи его на этом пути были уже весьма значительны и что, следовательно, источники эти не только являются основой для изучения русского общества X—XII вв., но могут и должны быть использованы при анализе более ранних периодов истории древней Руси. Огромное значение для понимания процесса становления классового, феодального общества имеет Русская Правда и, прежде всего, ее древнейшая часть.

Особенно интересны в этом отношении статьи, характеризующие социальное положение «мужей» в древнерусском обществе. Можно сказать, что «мужи» — главный предмет внимания древнейшей Правды. Живут эти «мужи» в хоромах, окруженные слугами; они не порывают связи с крестьянским миром. Эти хоромы могут быть сопоставлены с теми укрепленными жилищами, которые хорошо известны нашим археологам. «Мужи» эти вооружены, часто пускают оружие в ход. «Мужи» владеют имуществом, которое можно купить и продать. Они способны платить за побои, раны, личные оскорбления. Они-то и являются, видимо, землевладельцами.

Договоры с греками — памятник для моих целей не менее важный, чем «Русская Правда». Хотя первые договоры, дошедшие до нас, относятся к самому началу X в., но есть основания думать, что они заключались и в IX в.

М. Д. Приселков находит возможным на основании биографии византийского императора Василия и послания патриарха Фотия признать наличие не дошедшего до нас договора Руси с греками 866—867 гг., договора о союзе и дружбе, закрепленной со стороны Руси принятием христианства и епископа из Визан-

[5] «Повесть временных лет», ч. 1, М.—Л., 1950, стр. 13.

тип. М. П. Погодин и С. Ф. Платонов тоже признали наличие договора, предшествовавшего договору 907—911 гг.

Для этого признания есть достаточно веские основания. Ведь в договоре 911 г. прямо говорится, что у Руси с греками были давнишние отношения: послы русские прибыли в Константинополь с тем, чтобы заключить с греками соглашение «на удержание и на извещение от *многих лет межи христианы и Русью бывъшюю любовь*» [6]. Под русью разуметь варягов нельзя. Русь на заключенном с греками договоре присягает не по-германски, а чисто по-славянски: «царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше [сами] крест, а Олга водивше на роту, и мужи его по рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом (т. е. славянскими богами.—*Б. Г.*), и утвердиша мир» (договор 907 г.)[7]. Оружием клялись тоже не по германскому обычаю, а по своему собственному, снимая с себя оружие, кладя его на землю перед кумиром. Германцы при этом обряде вонзали меч в землю [8].

Наконец, что самое главное, договор заключался Русским государством, а не какой-либо этнической или общественной группой.

Самый факт заключения договоров совершенно ясно говорит о классовом обществе и государстве. Договоры нужны были не крестьянской массе общинников, а князьям, боярам и купцам.

Неудивительно, что уже в той части договора, которая помещена в летописи под 907 г. (если это не особый договор), мы имеем указания на наличность классового общества и государства. «Заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев, также на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы, по тем бо городом седяху великии князи, под Ольгом суще». В договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представители русской стороны в этом договоре посланы были «от Ольга, великого князя русского, и от всех иже суть под рукою его светлых... бояр»... «похотеньем наших великих князь и по повелению,—читаем в договоре,—от всех, иже суть под рукою его сущих руси». В летописи перед этим договором сказано, что Олег послал «мужи свои... построити мира и положити ряд межю Русью и Грекы». Такое же предисловие помещает летописец и перед договором 944 г.: «Посла Игорь муже своя к Роману. Роман же созва боляре

[6] Лаврентьевская летопись, стр. 32, изд. 1897 г.

[7] Там же, стр. 31.

[8] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 445.

и сановники. Приведоша Русския слы и велеша глаголати (и) писати обоих речи на харатье» [9].

Договор 944 г. дает еще несколько дополнительных данных. Русские послы и гости («слы и гостье») на этот раз оказываются отправленными «от Игоря, великого князя Рускаго, и от всякоя княжья и от всех людий Руския земли». «И великий князь наш Игорь и бояре его, и людье вси Русстии послаша ны к Роману... створити любовь с самеми цари, со всемь боляръством и со всеми людьми Гречьскими на вся лета, дондеже съяеть солнце и весь мир стоит»... «А великий князь Руский и боляре его да посылають в Греки к великим царем Гречьским корабли, елико хотят, со слы и с гостьми...». И дальше читаем: «ношаху слы печати злати, а гостье сребрени». Гостям по договору полагается от греков получать «месячное», послам — «слебное», в порядке перархии городов: Киева, потом Чернигова, Переяславля и др.[10].

В посольстве древлян к Ольге упоминаются, хотя и несколько позднее, лучшие и нарочитые мужи: «и послаша древляне лучьшие мужи, числом 20 в лодьи к Ользе», и в другое посольство: «древляне избраша лучьшие мужи, иже держаху Деревьску землю и послаша по ню». Ольга, обращаясь к древлянам, говорит: «...пришлите мужа нарочита» [11].

Кто эти светлые князья, бояре и лучшие люди? Это не родовые старшины, потому что рода как такового в договорах с греками вообще не видно, за исключением, быть может, отдельных намеков на некоторые его пережитки.

В этом смысле должны быть поняты и те факты, которые дают нам договоры с греками. Здесь мы имеем частное имущество, которым его собственник вправе распоряжаться и, между прочим, передавать его по завещанию: собственник может «урядить свое именне», что полностью подтверждается и «Русской Правдой». На «закон русский», вошедший в древнейший текст «Русской Правды», ссылается договор 911 г. (ст. 5): «Аще ли ударит мечем или бьет кацем-либо сосудом... да вдаст 5 литр серебра по *закону русскому*» (ср. «Русская Правда», Академический список, ст. 3). В «Законе русском», как и в «Правде Росьской» термин «русский» — «росский» никакого отношения к норманнам не имеет. Это запись чисто славянского права.

Светлые князья и бояре, которых летописец называет «лучшими», «нарочитыми» мужами,— не родовые старшины, а представители высшего класса древнерусского общества. Едва ли мы имеем родовых старшин даже у древлян этого времени.

---

[9] Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под 907, 913 и 945 гг.
[10] Лаврентьевская летопись, под 945 г.
[11] Там же.

В договоре Игоря 944 г. различаются послы и гости. Из вышеприведенного текста ясно, что послы имеют преимущества перед гостями: у послов печати золотые, у гостей серебряные; послам полагается особое продовольствие, «слебное», гостям — «месячина».

Если мы не затрудняемся расшифровать термин «гость», полагая, что тут разумеются купцы, то кого мы должны понимать под послами, стоящими выше купцов? Это, несомненно, бояре. Всех этих бояр и «лучших мужей» выделяли из массы богатство и связанная с ним власть.

Бояре нашей древности состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые часто людьми «лучшими, нарочитыми, старейшими» — продукт общественной эволюции каждого данного места, туземная знать, а также высшие члены княжеского двора, часть которых пришлого происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: «бояре» и «старци». «Старци», или иначе «старейшие»,— это и есть так называемые земские бояре. Летописец переводит латинский термин «senatores terrae» — «старци и жители земли» (Nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae — «взорен бывает во вратех муж ее, внегда аще сядеть на сонмищи с старци и с жители земли»). По возвращении посланных для ознакомления с разными религиями Владимир созвал «боляри своя и старци». «Никакого не может быть сомнения в том,— пишет по этому поводу Владимирский-Буданов,— что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется majores natu, seniores, кметы и др. терминами» [12]. Эти земские бояре отличаются от бояр княжеских. Владимир созывал на пиры «боляр своих, посадников и старейшин по всем городам» [13], в своем киевском дворце он угощал «бояр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей».

В Новгороде особенно ясно бросается в глаза наличие этих земских бояр. Когда при кн. Ярославе новгородцы в 1015 г. перебили варяжских дружинников, князь отомстил избиением новгородских «нарочитых мужей» [14], составлявших здесь «тысячу», т. е. новгородскую военную (не варяжскую) организацию. В 1018 г., побежденный Болеславом польским и Святополком, Ярослав прибежал в Новгород и хотел итти за море; новгородцы не пустили его и заявили, что готовы биться с Болеславом и Святополком, и «начаша скот сбирать от мужа по

---

[12] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 27.
[13] Лаврентьевская летопись, под 996 г.
[14] Новгородская летопись, под 1015—1016 гг.

4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Совершенно очевидно, что новгородское вече обложило этим сбором не княжеских дружинников, которых в данный момент у Ярослава и не было, потому что он прибежал в Новгород только с 4 мужами, а местное население, и в том числе бояр.

Таких же местных бояр мы видим и в Киеве. Ольговичи, нанесшие поражение киевскому князю Ярополку Владимировичу (сыну Мономаха) в 1136 г., как говорит летописец, «яша бояр много: Давида Ярославича, тысяцкого, и Станислава Доброго Тудковича и прочих мужей... Много бо бяше бояре киевские изоймали» [15]. Это были бояре киевские, а не Ярополковы, т. е. местная киевская знать.

Важные данные о классовом составе русского общества X—XI вв., и, в частности, о боярах, мы имеем в церковном уставе князя Ярослава.

Аще кто поимбаеть боярскую дщерь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота,... а меньших бояр — гривна золота...; а нарочитых людей два рубля...; а простой чяди 12 гривне кун... (ст. 3)

Аще кто зовет чужу жену б...ю, великих бояр за сором ей 5 гривен злата..., меньших бояр... 3 гривны злата... а будет градских людей... 3 гривны серебра...; а сельских людей... гривна сребра... (ст. 25)

Этот перечень — «бояре нарочитые, бояре меньшие, нарочитые люди и простая чадь» в Уставе повторяется по разным случаям неоднократно. Один раз вместо нарочитых людей названы «городские люди», а вместо «простой чади» — сельские люди («а сельской жене 60 резан» или «гривна сребра») [16].

Что мы тут имеем дело с вполне доброкачественным материалом, видно из ст. 7 «Митрополичьего правосудия», где повторяются те же данные: «Аще кто насилит девку ли умучит, а будет дщи боярская ли жена за срам ей 5 гривен злата, а меньших бояр дчи — гривна злата, а добрых — 30 гривен сребра, а нарочитых ли — 3 рубли...»

Хлебников на основании расчета Ланге соотношение этих штрафов представляет в следующем виде [17]: за оскорбление жен:

больших бояр	250	гривен	кун
меньших бояр	150	»	»
нарочитых (городских) людей	$22^1/_2$	»	»
сельских людей или чади	$17^1/_2$	»	»

[15] Ипатьевская летопись, стр. 214, изд. 1871 г.

[16] В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, Пгр., 1915, стр. 79 и 83.

[17] Н. Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории, СПб., 1872.

Несмотря на некоторые неясности в денежном счете «Русской Правды» и памятников, одновременных с нею, мы вправе все же считать, что соотношение этих цифр верно. А это для нас в данном случае чрезвычайно важно. Социальное расстояние между большим боярином и сельским свободным человеком (общинником) выражается в цифрах приблизительно как 14 : 1. Летописный факт 1018 г., приведенный выше, по той же расценке денег дает приблизительно то же соотношение. Итак, бояре суть разные, точно так же, как и городские и сельские жители, о чем речь будет ниже.

Очень интересные черты внутриклассовой жизни землевладельцев отражены в житии Феодосия Печерского.

Отец его по распоряжению киевского князя был переведен в Курск («Бысть же родительма блаженого переселитися в ин град, глаголемый Куреск, князю тако повелевшу»). Дал ли князь отцу Феодосия в Курске землю, или она у него была там раньше, нам неизвестно (вероятнее первое), но известно, что под Курском у родителей Феодосия оказалось имение. Когда умер отец Феодосия, 13-летний мальчик «оттоле начат на труды подвижнее быти, якоже исходити ему с рабы своими на село делати со всякым прилежанием». В этом же городе жил и «властелин града», тут же ниже названный «судиею». К этому «властелину» попал на службу и Феодосий. Он работал при «его церкви», а однажды этот вельможа велел Феодосию служить в его доме на званой трапезе, куда были приглашены другие «вельможи града».

Перед нами богатые курские вельможи, которым служил сын землевладельца небольшой руки. Мне кажется, отсюда неизбежен вывод, что курские вельможи тоже были землевладельцами, только крупными, служить которым не было зазорно Феодосию даже с точки зрения его матери, которая крепко блюла честь своего рода, находя несовместимым с его достоинством работу Феодосия по печению в церковь просфор («молю ти ся, чадо, останися от такыа работы,— твердила она сыну,— укоризну бо приносиши на род свой»). Достоинство мелкого землевладельца, по ее мнению, не страдало от службы в доме крупного феодала [18].

Поскольку не подлежит сомнению наличие отдельных слоев боярства, не одинаковых по своему материальному положению и происхождению, то вполне естественно допустить и разницу в характере их материальной базы, по крайней мере в начальный период их существования на территории Киевского государства, когда мы имеем основание говорить о двух слоях в составе боярства (ср. стр. 91). Если дружинники некоторое время могли

[18] Патерик Киевского Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 16—19.

пользоваться ленами, составлявшимися «только из даней», то говорить то же о местной знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе расслоения сельской общины и появления частной собственности на землю,— решительно невозможно.

Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что могущество этих бояр основывалось не на «сокровищах», а на земле.

Признание боярского землевладения в IX—X вв. в нашей литературе не ново: уже Хлебников в 70-х годах XIX в. вынужден был признать, что «богатство в древнейшее время всегда состояло (он разумеет, конечно, общество с преобладанием земледелия.— *Б. Г.*) в обладании поземельной собственностью» [19].

Для более позднего времени (XI в.) он высказывается об этом предмете еще более решительно: «слово бояре не означало наемников, дружинников, игравших прежде более важную роль в дружине, но местных землевладельцев», «старшая, или передняя, дружина, состояла отчасти из выслужившихся младших дружинников», «дружина стала наполняться местными боярами, богатыми землевладельцами» [20].

М. А. Дьяконов уже в XX в., подводя итоги разысканиям по этому вопросу, писал: «Одни предполагают, что лучшие люди древней Руси вышли из среды торговой аристократии; другие — что это была по преимуществу военная знать; третьи думают, что землевладение уже издревле выдвигало крупных собственников в первые общественные ряды. Несомненно одно, что в ту пору, от которой сохранилось достаточное число документальных данных, бояре и огнищане являются землевладельцами и рабовладельцами» [21].

Факты XI в., утверждающие наличие крупного землевладения на Руси, едва ли можно оспаривать, хотя в литературе и были попытки в этом направлении.

Процесс образования крупной земельной собственности весьма длителен. Сколько-нибудь точную его периодизацию установить невозможно. Но совершенно неизбежно предполагать, что если этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты к X—XI вв., то он протекал и в VIII, и в VII, и в VI вв., и даже раньше. Ведь это же процесс разложения родовых отношений и образования классового общества в земледельческой среде.

---

[19] Н. Хлебников. Указ. соч., стр. 102.

[20] Там же, стр. 215, 216, 219, 221 и др.

[21] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, СПб., изд. 3, 1910, стр. 83. М. А. Дьяконов относится к той группе ученых, которые не замечали того, что боярство владеет не только холопами, но и крепостными людьми.

Несмотря на то, что вопрос этот далеко не нов, что к его решению привлекаются, за неимением иных, обычно одни и те же письменные источники, мне кажется, что из этих старых источников по данному вопросу извлечено далеко не все возможное. Я опять имею в виду прежде всего договоры с греками, документы, далеко еще полностью не разгаданные.

А. Е. Пресняков в свое время обратил внимание на то, что в договоре кн. Игоря с греками 944 г. упоминаются не только те, кто по своему высокому положению в Киевском государстве представлял собою интересы русской стороны, но и уполномоченные этой облеченной властью знати. А. Е. Пресняков не сделал из своего наблюдения никаких существенных выводов. А между тем эти выводы напрашиваются сами собой. Договор Игоря 944 г. дает нам очень интересные детали, по которым мы можем несколько ближе всмотреться в тогдашние политические отношения и, в частности, в положение киевской знати.

Мы имеем здесь не только сообщение о том, что Игорь послал своих мужей к Роману, что уполномоченные, явившиеся к византийскому двору, были «посланы от Игоря, великого князя русского и всякоя княжья и от всех людии Русския земля», но и перечень этих уполномоченных «слов» и «купцов», над которым следует задуматься.

В данном случае нам особенно интересны «слы». Бросается в глаза их высокое положение в обществе и государстве: они и в договоре стоят на первом месте, имеют золотые печати и право на привилегированное положение в самом Царьграде как высокие представители своей страны. Но и этого мало. Мы имеем здесь совершенно ясные указания, кого именно представляют эти делегаты. Они ведь ехали в Константинополь не от своего имени: Ивор являлся послом самого Игоря, великого князя русского. Он стоит на первом месте и выделен особо. Он не смешивается с остальными «общими слами». Среди этих последних в порядке их упоминания в договоре идут Вуефаст — посол Святослава, сына Игорева; далее называется посол жены Игоревой, княгини Ольги, и Игоря, племянника Игорева: еще один представитель другого племянника Игоря — Якуна поставлен ниже. Здесь важно отметить, что послы даже жены Игоря и его сына попали в число «общих слов». Этим подчеркивается особое значение великого князя киевского, что находится в полном согласии и с другими имеющимися в нашем распоряжении показаниями источников. Называются дальше, повидимому, княжие мужи — бояре и знатные женщины, имевшие своих представителей в этом посольстве,— Предслава [22] и жена

[22] М. С. Грушевский без всякого основания считает Предславу мужчиной.

Улеба Сфандра. Всех мужей названо 20. За ними идут купцы их 30. Кто эти мужи? Прежде всего необходимо подчеркнуть их положение при князе и значение в качестве уполномоченных от киевского княжеского правительства. Это ведь все знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры. Это те, о которых Святослав в договоре 972 г. сказал: «иже *со мною*», в отличие от других, которые были «*под*» ним. Не сами они едут в Византию, а посылают своих людей, людей из своих собственных дворов, приблизительно таких же, какие были у кн. Ольги и кн. Святослава.

Что в договоре 944 г. представительство от князей и бояр не случайность, а система, видно из путешествия кн. Ольги в Царьград и приема ее при дворе византийского императора, описанного Константином Багрянородным. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми собственного двора (8 человек), представителями кн. Святослава, представителями («апокрисиарии») русских вельмож — οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων (20 человек или 22), купцами (43 или 44 человека). У представителей — апокрисиариев русской правящей знати — собственная свита. Стало быть, эти люди не мелкие, но представляют они еще более знатных людей. Здесь мы видим по сути дела совершенно тот же принцип, что и в делегации 944 г. Там был особо выделен князь Игорь, тут — княгиня Ольга: она называется в византийских документах гегемоном и архонтиссой руссов, т. е. так, как греки называли наиболее знатных и великих из иностранных гегемонов [23]; выделена она и ценностью подарков, выданных греками всему посольству. Ей подарили 700 милиспариев и золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями, между тем как племяннику Ольги, получившему подарок, самый ценный по сравнению с подарками, полученными другими членами посольства, выдано было только 50 милиспариев; «апокрисиарии» русских вельмож получили только по 24 милиспария, а купцы — по 20 [24].

В русском народном эпосе хорошо запомнилась эта черта в политическом строе Киевской Руси.

«Гой еси, Иван Годинович.
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей;
У княгини ты бери другое сто» [25].

Становится понятным, почему у кн. Ольги свой собственный замок Вышгород — свое село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи

[23] Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 71, прим. 117.
[24] Там же, стр. 47—48.
[25] Кирша Данилов. Древние русские стихотворения, стр. 138; С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стр. 219.

и доселе»), у Рогнеды — двор на Лыбеди, а позднее город Изяславль. Делается также понятным, для чего дань от древлян была распределена так, что две ее части поступали Киеву, а третья «ко Вышегороду». Сам летописец объяснил это так: «бе бо Вышегород град Вользин». Но все эти сообщения летописи — только небольшие куски старой жизни, несомненно, вырванные, так сказать, из контекста. Но и они в сопоставлении с другими материалами дают нам основание утверждать, что князья и бояре имели свои дворы, земли и хозяйство, во всяком случае в IX—X вв., и что землевладение на Руси в X в.— явление отнюдь не новое.

В этом аспекте делается понятным во всей конкретности знаменитое место летописи о путешествии кн. Ольги по Древлянской и Новгородской землям.

После окончания войны с древлянами Ольга восстановила дань, наложенную на них прежними князьями в усиленном размере («и возложи на ня дань тяжку»), а потом решила укрепить за собой Древлянскую землю новыми мерами, не довольствуясь той связью, которая через дань устанавливалась обычно победителем. «И иде Вольга по Деревьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; [и] суть становища ее и ловища». Те же административно-политические меры она применила и к части новгородских земель в следующем году (947): «...и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; [и] ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе» (Лаврентьевская летопись).

В Новгородской I летописи этот текст, особенно в части, касающейся Новгородской земли, звучит еще показательнее: «Иде Ольга к Новугороду и устави по Мсте погосты и дань; и ловища ея суть по всей земли и знамение и места по всей земли и погосты; а санки ея стоять во Пьскове и до сего дни; по Днепру перевесища и села, и по Десне есть село ея и доселе». В Ипатьевской: «Иде Ольга к Новгороду и устави по Мсте погосты и дань и по Лузе погосты и дань и оброкы; и ловища ея по всей земли, и знамения и места и погосты (и сани ея стоят в Плескове и до сего дне) и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и до сего дни».

Что же, собственно, делает Ольга в Древлянской и Новгородской земле? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах.

Стоит ближе всмотреться в вышеприведенное сообщение летописи, чтобы основной его смысл сделался ясен. Летописец повествует в только что процитированном тексте о двух моментах: один — прошлый, связанный с непосредственной деятельностью Ольги, второй — современный, доживший до времени писания «Повести временных лет», т. е. приблизительно до середины XI в. Первый момент для Древлянской земли выражен летописцем так: «И иде Вольга... уставляющи уставы и уроки», в I Новгородской — «и устави по Мсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани». Что же из этого вышло? В Древлянской земле: «суть становища ее и ловища», а в Новгородской: «ловища ее суть по всей земли, знамения и места и повосты. И сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и села по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе». Летописец вынужден был даже несколько расширить территорию деятельности киевского князя (может быть, уже и не Ольги даже), включив Днепр и Десну (где стояли Ольжичи), прихватив для своих итогов по аналогии следы деятельности и других князей.

Причем тут сани? Я думаю, что сани — это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга действительно ездила по Новгородской земле. Сани эти берегли в Пскове подобно тому, как в Ленинграде сберегался ботик Петра, в Новгороде хранилась баржа Екатерины II и т. п. Ольга ездила в этих санях. Летописец это хорошо знал или крепко в это верил. Он использовал этот факт в своих целях. Дальше остались от времен Ольги «по всей земле» Новгородской — ловища, знаменья, места, погосты, а по Древлянской земле — становища и ловища, по Днепру и Десне — перевесища и села.

Летописец понимает, что он пишет о прошлом, связывая его, однако, с настоящим, и поэтому в заключение опять прибегает к доказательству: «и есть село ее Ольжичи и доселе». Но ведь Ольга «сел» как будто и не устраивала! По крайней мере летописец об этом выше ничего не говорил. Вот тут-то и необходимо присмотреться ближе к тому, что делала здесь Ольга. Начнем с самого простого — с «погостов» (повосты). Конечно, Ольга их не устраивала, так как она их застала давно существующими. Не в этом суть. Летописец говорит совсем о другом. Ему нужно сказать, что Ольга известную часть погостов взяла на себя, освоила их. В состав погостов входили и села. И вот в доказательство того, что это так и было, летописец приводит факт их наличия уже в его время. Более убедительного доказательства он не смог привести, да и едва ли это было нужно.

Но кроме погостов и входящих в них сел Ольга брала на себя и «места». Что это за места? На этот вопрос, мне кажется, удачно отвечает И. И. Срезневский. «Не один раз находим в на-

ших древних сказаниях,— пишет он,— *место* в смысле особенного сельбища. Так, например, в Повести временных лет читаем: «Ярослав црькви ставляше по градом и по *местом*», в Лаврентьевской летописи: «несть *места*, ни *вси*, ни сел тацех редко. иде же (татарове) не воеваша»; в другой летописи (Ипатьевская летопись, под 1290 г.) «въеха в *место*, а в город нельзе бысть въехати...» (курсив автора.— *Б. Г.*) [26].

Основная мысль, заключенная в вышеприведенном тексте летописи,— освоение киевским князем земель населенных и ненаселенных на периферии государственной территории.

Обращаю внимание еще на одно место того же текста: Ольга ездит по Древлянской земле «уставляющи уставы и уроки». «Уставляет» она и по Мсте, и Луге. Уставы эти, повидимому, главным образом сводились к определению повинностей населения по отношению к Киеву, киевскому князю и, надо думать, местной знати, практическому осуществлению чего и служили княжеские места, погосты и села. Вспомним «Правду» Ярославичей с ее изображением княжеского имения, где огнищанин, подъездной (ездовой), вирник едва ли замыкаются в своей деятельности границами княжеской вотчины.

Уставы и уроки нам очень хорошо известны по «Русской Правде»: «уставлена» была «Правда Русской земли», известны «уроки смердам, оже платят князю продажу», уроки о скоте, уроки ротные, мостовые, железные, городнии и др.

Я думаю, мы имеем полное основание привести здесь и аналогичный факт из времен Ярослава Мудрого. По отношению к Ростово-Суздальской земле он вел, повидимому, ту же политику, что и его не очень далекие предки по отношению к Древлянской земле и бассейнам Мсты и Луги. В Новгородской IV летописи отмечен факт: Ярослав в 1024 г. ездил по Ростово-Суздальской земле и «устави ту землю». «Уставлять» значит подчинять закону, вводить определенные законом нормы. Киевские князья проявляют таким образом свою внутреннюю государственную деятельность.

В связи с таким пониманием деятельности Ольги стоит наше отношение и к другим документам и, как мне кажется, прежде всего к мало изученному «уставу» новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. Из его содержания и заголовка видно, что новгородский храм св. Софии со времен его построения содержался из средств княжеского двора [27], что Святослав Ольгович

---

[26] И. И. Срезневский. Чтения о древних русских летописях, Приложение № 4 к т. II «Записок Акад. Наук», СПб., 1862, стр. 35.

[27] «Устав, бывший преже нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний, и от вир и продаж, что входит в княж двор всего». М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 255.

застал здесь уже хорошо налаженный порядок содержания княжеского храма. Приехавший с юга князь в «уставе» своем пишет: «А зде в Новегороде, что есть десятина от даний, обретох уряжено преже мене бывшими князи». То, что он застал здесь, его не удовлетворило, и он решил провести реформу: вместо неопределенной и, повидимому, слишком большой суммы поступлений от княжеских вир и продаж, шедших из его двора в пользу св. Софии, он решил выдавать св. Софии определенную сумму в 100 гривен новых кун из доходов с Онежских земель, управляемых его уполномоченным («домажиричем из Онега») [28]. И только если у онежского домажирича нехватит средств выплатить всю сумму, то 20 гривен князь обещает выплачивать попрежнему из своей казны. Далее идет перечень отдельных погостов и мест, расположенных в различных пунктах Новгородской земли, с которых князь решил отдавать св. Софии десятую часть своих даней: «в Онеге на Волдутове погосте 2 сорочка, на Тудорове погосте 2 сорочка, на Ивани погосте с даром 3 сорочка» и т. д.

Часть имен географических в этом перечне происходит от имен личных, которые, по моему мнению, надо относить к лицам, возвышавшимся над массой, может быть, даже к прежним собственникам этих мест, теперь входящих в состав владений новгородского князя Святослава, получившего эти земли после изгнания Всеволода.

К числу имен личных, либо давших наименования новгородским погостам, либо возникших от территориальных названий, можно отнести следующие: Волдута, Тудор, Иван, Спирк, Вихтуй, Чюдин, Лигуй, Вавдит или Валдит и др.

Конечно, ручаться за точность отделения географических названий от имен личных нельзя. Но, несомненно, здесь переплетение территориальных наименований с именами людей, так или иначе связанных с землей.

Можно допустить, что «прежде бывшие князи» в Новгороде, т. е. предшественники Святослава Ольговича, его «прадеды и деды» (отец Святослава—Олег, дед — Святослав Ярославич, прадед—Ярослав Мудрый, прапрадед — Владимир Святославич, дальше идут по восходящей: Святослав, Игорь и Ольга,—это и есть «прадеды и деды» Святослава Ольговича) «уставили» Новгородскую землю, т. е. завели здесь свои княжеские погосты и села, обложили их «оброками и данями», ввели «уставы и уроки». Иными словами, я допускаю, что освоение земли в Новгороде началось давно и что Ольга «уставляла» лишь там, где этих княжеских владений еще не было. Если Ольга устраивала свои

[28] Доможирец по Срезневскому: домочадец. «Воздвиже господь... на Соломона Адера, своего ему доможирца» (материалы для словаря). Мне думается, что это не простой домочадец, а уже более высокого ранга человек — дворецкий, огнищанин, что и подтверждается Уставом 1137 г.

земли, погосты и села в местах, мало окняженных (Деревская земля, бассейн Луги и Мсты), то центральные части владений киевского князя (земля полян прежде всего) были «устроены» раньше. Едва ли могло быть иначе.

Итак, и князья киевские, и их окружение, бояре—мужи, не оторваны от земли, а выросли из земли и крепко с нею связаны.

Совершенно то же мы можем наблюдать и в других странах. Фамилии или прозвища дворян обычно происходят от их земельных владений. То же наблюдается и в Галицкой Руси и в Московской.

Боярство, окружавшее князя Игоря, было такого же происхождения. Знать посылает своих представителей в Константинополь с очень ответственными поручениями.

О чем говорит это представительство? Несомненно, прежде всего о том, что этим делегатам было кого представлять. Особенно характерны в этом отношении женщины, посылавшие своих уполномоченных. Ничего другого тут придумать нельзя, как только признать, что у перечисленных в договоре вельмож и, надо предполагать, их жен и вдов имеются свои дворы в самом обычном для того времени смысле этого термина, т. е. усадебная оседлость, хозяйственные постройки, земля, обрабатываемая руками «челяди», известное число военных и невоенных слуг. От этих крупных боярских фамилий, боярских домов, и посылались представители для заключения договоров с греками. В случае смерти боярина фамильный дом (двор, замок) не прекращал своей жизни: во главе его становилась жена — вдова («что на ню мужь возложил, тому же есть госпожа» — «Русская Правда», Троицкий IV список, ст. 93). Она тоже посылала своего представителя в Византию. Все это говорит нам об *устойчивости* этих крупных фамильных, переходящих от отцов к женам и детям, владений, об организованности этих дворов, прежде всего, в смысле людского комплекса, собранного под властью своего хозяина. О родовых старшинах здесь, конечно, не может быть речи. Перед нами верхи достаточно развитого классового общества. Иначе трудно себе представить и это представительство, и самый факт договора с Византией. Становится совсем не легендарным, а самым реальным замок княгини Ольги Вышгород, ее села, не одно, а много, и, конечно, совершенно реально село Ольжичи, принадлежность которого именно ей, княгине Ольге, засвидетельствовал наш летописец. Летописец ошибиться здесь не мог, а умышленно сочинять факты этого рода у него не было никаких специальных побуждений [29].

---

[29] То же мы видим и позднее: в 1159 г. «Изяслав же с княгинею пойде из Гомья к вятичем и взя *город княгини* на щит Святославлев» (Ипатьевская летопись, стр. 344).

Об *устойчивости* крупных фамилий говорят и интереснейшие наблюдения Б. А. Рыбакова, изложенные им в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.», где автор прослеживает «знаки собственности» не только у князей, но и у бояр. Об этих последних Б. А. Рыбаков, соблюдая осторожность, говорит, что они «могли принадлежать боярам и купцам», а о знаках на перстных печатях он говорит более определенно, что они «принадлежали не князьям, а киевским и черниговским боярам» [30]. По мнению Б. А. Рыбакова, следы таких знаков можно наблюдать начиная с VI—VII вв. Наблюдения эти имеют очень большое значение. Если пока не касаться вопроса о происхождении этих «знаков» и иметь в виду их функции в X—XI вв., то можно сделать ряд выводов: 1) знаки княжившего дома, сохраняя общую основу, индивидуализируются *посемейно*; 2) знаки эти распространяются *на весь двор — дом* каждой семьи, т. е. на людской состав (дружина носит эти знаки, дворовые ремесленники ими отмечают свою продукцию) и на инвентарь; 3) свои знаки имеют и бояре, очевидно, не входящие в состав дружины князя: иначе они пользовались бы знаком своего князя; 4) свои знаки имеют и крупные купцы; 5) боярские печати, о которых говорит договор 944 г., должны были, очевидно, иметь индивидуальные знаки именно тех лиц, которые посылали своих делегатов в Константинополь, так как эти делегаты входили в состав дворов делегировавшей их знати и являлись в греческую столицу не от себя, а от имени тех, кто их уполномочивал.

Мне кажется, что допустимость моих догадок подтверждается, правда, более поздними, но совершенно точными показаниями летописей.

Факт крупных земельных владений киевских князей на Новгородской территории подтверждается, например, тем, что Иван III Васильевич, отбирая у св. Софии и у многих богатых новгородских монастырей землю, решительно, со ссылкой на документы, утверждал давнюю принадлежность этих земель князьям и незаконное с его точки зрения их освоение вечем. Эта апелляция к истории должна была оправдать конфискацию земли у церкви: «зане тыи испокон великих князей, а захватили сами» [31] или «быша бо те волости первое великих же князей, ино они (новгородцы.— *Б. Г.*) их освоиша»[32].

Бояре новгородские в отношении к земле принципиально ничем от князей не отличались: один и тот же процесс сделал

---

[30] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., «Советская археология», т. VI, М.—Л., 1940, стр. 227—257.

[31] В. Н. Татищев. История Российская, М., 1848, стр. 67.

[32] ПСРЛ, т. VIII, стр. 204; т. XII, стр. 197, ср. т. XXIV, стр. 198.

крупными землевладельцами и бояр, и князей. Разница тут только количественная: князь — такой же землевладелец, как и его бояре, только несравненно более богатый.

Земельные владения новгородских князей, которые они унаследовали, несомненно, от древнейших времен, по своим размерам очень велики, а по составу, как и по историческому своему происхождению, сложны и очень интересны. Состоят они из отдельных погостов, у которых до перехода их в княжеское владение, может быть, были свои еще более давние владельцы, по именам которых они назывались и продолжали называться и после их окняжения.

Едва ли простой случайностью можно объяснить совпадение нескольких имен новгородских крупных землевладельцев-бояр (конечно, если принять предположение о связи названий географических с именами личными в уставе кн. Святослава Ольговича 1137 г.) с именами тех бояр, которые посылали своих уполномоченных в Византию в 944 г. Это Тудор, Спирк (Сфирк). В договоре 911 г. упомянут Лидул, весьма напоминающий Лигуя (грамота Святослава). Нет ничего невероятного в том, что несколько крупных новгородских знатных фамилий (они могли иметь владения не только в Новгородской земле, но и южнее) участвовали в большом политическом предприятии вместе со своими князьями Олегом и Игорем, новгородцами по происхождению, как не без основания уверяет нас летописец.

Конечно, это только догадки, которые, однако, заслуживают внимания, потому что они находят подтверждение в других фактах княжеского и боярского землевладения X в. Среди имен, связанных с названиями северных погостов, кроме одного Ивана, христианских имен нет, а многие из имен, весьма вероятно, — не славянские имена, что так понятно для Новгорода с известной пестротой его этнических элементов. Некоторые из имен (Искусеви — Jskusewi, Каницар — Kanizar, Апубъксар — Pubjinksar) признаются эстонскими (чудскими) [33].

Землевладельцы, князья и бояре после принятия христианства стали давать десятину со своих вотчин. В частности, новгородские князья из своих новгородских вотчин содержали новгородскую Софию до того момента, когда князья в Новгороде после событий 1136 г. были лишены своих земельных владений, и эти последние перешли к патрональному новгородскому храму.

Голубинский с полным основанием утверждает, что десятина была положена не на всех людей, а лишь на «одних вотчинников, которые владели недвижимыми имениями и

---

[33] Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв., «Историк-марксист», № 3, 1940, стр. 39—56.

получали с имений оброки»[34]. Как Владимир уставил для Десятинной церкви киевской «от *именья своего и от град своих*» (укрепленных дворов-замков.—*Б. Г.)* десятую часть, так и Ярослав после Владимира «ины церкви ставяше по градом и по местам, поставляя попы и дая им от *именья своего урок*».

Земля есть основная материальная база новгородской и киевской знати. Не случайно летописец, сообщая о вкладе князя Ярополка в монастырь земли («Небольская волость и Деревская и Лучская и около Киева»), говорит, что князь в монастырь «вда всю жизнь свою»[35], т. е. называет землю основой имущественного положения князя. В этой связи факты, случайно разбросанные в «Повести временных лет», уже не представляют никакой загадки.

Кн. Ольге, несомненно, принадлежало село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи и доселе»), Вышгород был городом (замком) той же княгини Ольги[36]. Ей же принадлежало село Будутино, куда она сослала свою провинившуюся ключницу Малушу. По аналогии вспоминается тут и Будятина пристань в Новгороде. Будята или Будута, несомненно, богатый новгородец, владелец судов, пристани и в то же время, вероятно, и землевладелец.

У Рогнеды был город Изяславль, а перед тем как она вместе со своим сыном получила этот город, Владимир отвел ей одно из своих имений. Иначе нельзя понять текста «Повести временных лет», где говорится, что Владимир одну из своих жен, полоцкую княжну Рогнеду, «посади на Лыбеди, идеже ныне стоит сельце Предславино»[37]. От Рогнеды Владимир имел шестерых детей, и, конечно, он позаботился о том, чтобы устроить ее с удобствами. У Рогнеды, несомненно, был на Лыбеди настоящий «двор» со штатом слуг и прочими обычными принадлежностями. Именно это, весьма вероятно, потом перешло к дочери Владимира Предславе, рожденной от Рогнеды, и стало называться Предславино. Более правдоподобное толкование этого летописного предания едва ли возможно.

Берестово было подгородным княжеским селом Владимира[38]. Под Новгородом уже в конце X и начале XI в. было княжое село Ракома, куда ездил князь Ярослав в ту ночь, когда новгородцы избили варягов на Парамоне дворе[39].

---

[34] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина, М., 1901, стр. 507.

[35] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.

[36] Лаврентьевская летопись, под 947 и 946 гг.

[37] Там же, под 1128 и под 980 гг.

[38] Там же, под 980 г.

[39] Новгородская I летопись, под 1015 г.

Это все факты, совершенно случайно дошедшие до нас от X в. Летописец не ставил себе задачи осветить вопрос о княжеском и боярском землевладении. Говорил он о княжеских селах тогда, когда требовалось это по ходу его рассказа о событиях совсем иного характера. Тем убедительнее должны быть эти попутно вставляемые замечания летописца.

Пресняков тоже считает боярское землевладение явлением старым. Он указывает на то, что «упоминания о боярских селах случайны и немногочисленны, но это — упоминания мимоходом, как о явлении обычном»[40]. У нас есть полное основание признать мысль Преснякова совершенно правильной. Упоминания о княжеских селах X в.— только слабые намеки на общественное явление, имевшее значительное распространение в жизни этого и значительно более раннего времени.

Фактический материал XI — XII вв. значительно богаче. У Изяслава Ярославича под Дорогобужем, повидимому, было имение до составления «Правды» Ярославичей, т. е. до середины (приблизительно) XI в. Там дорогобужцы убили его конюха[41].

В 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича летопись говорит: «Ярополк (конечно, при жизни.— *Б. Г.*) десятину дал от всих скот своих святой богородицы и от жита»[42]. Князь Мстислав в 1096 г., считая войну законченной, «распусти дружину по селом»[43]. Владимир Мономах проявлял большую заботливость о хозяйстве в селах, как видно из его «Поучения». «Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнуть»[44]. В житии св. Евфросинии называется не позднее 1128 г. княжеское село около Полоцка[45], в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян[46], в 1150 г.— в Смоленском княжестве[47]. Любеч и Чернигов были окружены в XII в. княжескими селами, у Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальской земле был город-замок Боголюбов и много «слобод купленных и сел лепших». В том же, XII в. неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских[48]. От влади-

---

[40] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 195.

[41] «Правда Русская» Краткая, ст. 23.

[42] Ипатьевская летопись, под 1087 г.

[43] Лаврентьевская летопись, стр. 230, изд. 1910 г.

[44] Там же, стр. 237.

[45] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина, стр. 522, прим.

[46] П. В. Голубовский. История Северской земли до половины XIV столетия, Киев, 1881, стр. 28.

[47] ДАИ, т. I, № 4.

[48] Ипатьевская летопись, стр. 24, 26, 54.

мирского епископа Федорца «много пострадаша человеци... и сел избыша, оружия и конь...»[49].

В 1128—1132 гг. князь Мстислав Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село Буйце «с данию и с вирами и с продажами»[50]. Смоленский князь Ростислав Мстиславич дал в 1150 г. несколько сел Смоленской епископии[51]. Князь Ярополк дал в монастырь волости Неблъскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же 5 сел с челядью[52]. Кн. Андрей Боголюбский заложил церковь во Владимире, между прочими дарами пожаловал ей «слободы купленные и з даньми и села лепшая»[53]. В 1192 г. Варлаам Хутынский дал «св. Спасу землю и огород, и ловища... и пожни»[54].

В 1171 г. Владимир Мстиславич, хитростью овладевший Дорогобужем по смерти Владимира Андреевича, говорил своей дружине: «целую к вама крест и к княгини вашей, якоже ни на вас не позрети лихом ни на ятровь свою, ни на села ее»[55]. А в 1150 г. князь Изяслав в обращении к своей дружине говорит о владении дружинниками землей, как о явлении обычном, само собою разумеющемся: «вы есте по мне из Рускые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Здесь дружинник мыслится именно в качестве землевладельца[56].

Под 1177 г. сообщается, что в Суздальской земле сожжены «села боярские»[57]. В 1146 г. киевляне «разграбища... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты»[58].

В 1209 г. новгородцы созвали вече на посадника Дмитра и на его братьев, а после этого зажгли их дворы, «а села их распродаша и челядь»[59]. Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 г., и даже не его отец приобретал и осваивал эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода.

У Святослава Ольговича на Путивле было большое село, о котором случайно мы знаем некоторые детали: во время нападения на него в 1146 г. неприятель забрал многое множество всякого товара: «И ту двор Святославль разделиша на 4 части: и скотнице и бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду и вина 80 корчаг;

---

[49] Ипатьевская летопись, стр. 377.
[50] ДАИ, т. I, № 2.
[51] Там же, № 4.
[52] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.
[53] Лаврентьевская летопись, под 1158 г.
[54] ДАИ, т. I, № 5.
[55] Ипатьевская летопись, под 1171 г.
[56] Там же, под 1150 г.
[57] Лаврентьевская летопись, стр. 362, изд. 1897 г.
[58] Ипатьевская летопись, под 1146 г.
[59] Новгородская I летопись, стр. 191, изд. 1888 г.

и церковь св. Вознесения всю облупиша, сосуды серебряные и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом и кадильнице две и кацьи, евангелие ковано и книги и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот»[60].

«Добре устроенный» двор князя Игоря, брата Святослава, довольно подробно изображается в той же летописи: «поидоста на Игорево село, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизнины много и в бретьяницех и в погребах вина и медове и, что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати и на возы собе и воем и потом повелеста зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот». Эти дворы, конечно, возникли не в начале XII в., а значительно раньше[61].

Новгородский летописец в конце XI в., вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплуатировали чрезмерно. Сейчас дело переменилось. Эксплуатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками. Летописец осуждает этот образ действий своих современников и говорит, что именно за это навел бог на русскую землю «поганые», «а и скоты наши и села наша и имения за теми суть»[62]. Он, стало быть, тоже подчеркивает наличие земельных владений у господствующих классов как в XI в., так и значительно раньше. Только в древние времена землевладельцы-де вели себя по отношению к своим подданным лучше, поэтому и имений у них никто не отнимал, что случилось позднее в наказание за их непохвальное поведение. Таков смысл рассуждения летописца.

Церковь на Руси с момента своей организации начинает владеть недвижимым имуществом. Мы имеем очень интересный факт, на который историки мало обращали внимания. Это — способ обеспечения первого русского митрополита. Владимир Святославич после крещения Руси, как известно, пригласил из Греции митрополита. Митрополит поставлялся для Киева («...взя у... патриарха у Царьградского первого митрополита Киеву»). Более чем естественно, что местом служения русского митрополита являлся Киев. Но, как нам известно, первому митрополиту был дан город Переяславль на Днепре. Совершенно справедливой считаю догадку Голубинского, что Владимир дал митрополиту этот город, «чтобы таким образом сделать его

---

[60] Ипатьевская летопись, стр. 237, изд. 1871 г.
[61] Там же, стр. 236.
[62] Новгородская I летопись, стр. 2, изд. 1888.

(митрополита.— *Б. Г.*) своего рода князем»[63], т. е. чтобы поставить его в одинаковое положение с высшей русской знатью, которая без земельных владений тогда уже не мыслилась.

Киево-Печерский монастырь в XI в. владеет селами. В житии Феодосия Печерского приводятся факты, говорящие не только о том, что сел этих было немало, но и о том также, что села эти эксплуатировались, что там для этого сидела монастырская администрация. Феодосий перед своей смертью собрал всю братию — «и еже и в селах или на иную кую потребу отошли» и стал наставлять, «еже пребывати комуждо в порученной ему службе со всякым прилежанием»[64]. Служба в селах, стало быть, обычное дело для братии Печерского монастыря в XI в. Значит, там велось сельское хозяйство, хотя собственное барское хозяйство было весьма небольших размеров. Села Печерского монастыря были не бедны. Одно из сел привлекло внимание разбойников. Почему, тем не менее, монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть завтра,— разгадать довольно трудно. Возможно, что автор жития Феодосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Но всего вероятнее, что автор жития нашел для себя полезным несколько сгустить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия.

Села в качестве базы существования феодалов в XI в. были настолько обычным явлением, настолько ценились землевладельцами, что лишение их приравнивалось, как мы уже видели, к потере источника жизни; иногда это бедствие сравнивается с бедствием потери любимых детей. Феодосий выразил эту мысль совершенно отчетливо: когда ему грозило заточение, он был совершенно спокоен и мотивировал свое состояние духа тем, что у него нет сильных привязанностей в мире («еда ли детей отлучение или сел опечалует мя»).

В рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче боярином Ефремом сел в монастырь.

Итак, для XI в. мы имеем достаточно убедительные сведения и о светском, и о церковном землевладении. Факты того же рода от XII в. значительно обильнее. Все они говорят с несомненностью о том, что князья, бояре, церковь, т. е. правящие верхи славянского и неславянского общества, объединенного под гегемонией Киева, были связаны с землей, хотя богатели

---

[63] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина, стр. 329, прим. 1.

[64] Киево-Печерский патерик, стр. 52—53.

далеко не всегда от земли. Тем не менее именно землевладение становилось все более и более важной базой, выделявшей эти верхи из массы; оно же давало возможность и всяких иных приобретений. Дальнейший рост землевладения шел по линии укрупнения землевладения, увеличения числа землевладельцев и изменения формы земельной докапиталистической ренты. В этом отношении XIII—XIV вв., конечно, сильно отличаются от IX—XI вв. Меняется также и характер хозяйства, и форма эксплуатации зависимого населения. Нисколько не отрицая эволюции в этой области и всемерно ее подчеркивая, я не имею возможности точно датировать ее этапы и сейчас указываю лишь на факты, с которыми не считаться нельзя.

Несмотря на то, что от XI в. у нас очень мало данных, говорящих о распоряжении землей, тем не менее, поскольку они все же есть, поскольку частная собственность на землю в IX и в XI вв. находится вне сомнения, мы вправе предположить, что землевладельцы своей землей распоряжаются по своему усмотрению.

Это право распоряжения землей сформулировано в Пространной «Правде», в ст. 91: «О заднице боярьстей и дружьней. Аже в боярах любо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будут сынов, а дочери возмут» [65]. Очевидно, было время, и может быть не так давно, когда княжеский двор в смысле людского состава жил на иждивении князя. Времена изменились: не только боярство стало классом землевладельческим, но и дружина. Все землевладельцы получили право распоряжаться своей землей. Пространная «Правда» в перечне наиболее частых судебных процессов называет и процесс о «ролейной земле»[66]. Прекрасно и с необычайной для «Правды» подробностью разработанное законодательство о наследовании земли по завещанию и закону говорит о том же [67].

Вслед за указанием на то, что бояре и дружинники имеют право распоряжаться своей землей, идет несколько статей в развитие этого положения. «Аже кто умирая разделит дом свой детем, на том же стояти...» (ст. 92); «Аже жена сядет по мужи, то на ню часть дати...» (ст. 93). «Дом» — это и есть вотчина. Тщательность и продуманность разработки этого сюжета говорят о большой заинтересованности землевладельцев в правах на свои вотчины.

Отсюда следует вывод: 1) количество землевладельцев растет; 2) земля делается все более значительной ценностью;

[65] Перед статьей 91 идет известная статья «Аже умреть смерд». После смерти смерда, если у него нет мужского потомства, земля переходит к «князю».

[66] Пространная «Правда», Троицкий список, ст. 109.

[67] Там же, ст. 90—95, 98—106, 108—109.

3) отношение к земле различных классов общества делается более сложным: выявляются черты собственности, характерные для феодального общества.

Однако не нужно думать, что в XI в. княжеская, церковная или боярская вотчины уже успели приобрести тот хорошо знакомый нам образец вотчины, который мы имеем в XIV—XV вв. в писцовых новгородских книгах, в духовных завещаниях князей и бояр [68], в договоре Юрьева монастыря с крестьянами Робчинской волости [69] и в других наших источниках XIV—XV вв. Так думать было бы большой ошибкой.

Вотчина XI в. отличается от вотчины XIV в. и своей организацией, и характером зависимости непосредственных производителей, работающих на своего хозяина-вотчинника, и формой земельной докапиталистической ренты, взимаемой с зависимых от вотчинника людей, и, наконец, своим хозяйственным и политическим значением.

До XV в. вотчина в своем развитии прошла большой путь. Но уже самым своим возникновением она сыграла решающую роль в истории сельского населения: 1) она ясно обозначила грань между классом привилегированных землевладельцев и массой сельского населения, продолжавшего жить в своих общинах; 2) владельцы вотчин заняли значительные пространства общинной земли и подчинили себе сидящих на этой земле общинников-земледельцев; 3) они же привлекли к себе значительную часть земледельцев, вынужденных покинуть общину, и превратили их в зависимых от себя людей.

Таким образом, оформились три основные слоя сельского населения: 1) крестьяне-общинники, еще не попавшие под власть феодала; 2) крестьяне-общинники, очутившиеся вместе со своей землей под властью феодала; 3) люди, оторванные от общины, лишенные средств производства, в силу чего оказавшиеся на чужой земле в качестве зависимой от феодала рабочей силы. Каждый из этих слоев сельского населения имеет свою особую историю. Непризнание различий в судьбе двух последних разновидностей сельского населения явилось источником очень многих заблуждений в трактовке всего вопроса в целом.

Чтобы познакомиться с двумя последними категориями зависимого от феодала населения, необходимо ближе всмотреться в организацию крупной феодальной вотчины на Руси X—XII вв.

---

[68] СГГиД, т. I, № 40, 130 и др.

[69] Б. Д. Греков. Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв., М.—Л., 1935, док. № 17; Макарий. Описание Новгородского Юрьева монастыря, стр. 66.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ КРУПНОЙ ВОТЧИНЫ X—XII вв.

Совещание Ярославичей — Изяслава, Святослава, Всеволода и их мужей, на котором рассматривались вопросы, связанные с княжеской вотчиной, оставило нам материал и для суждения об организации древнерусской вотчины. Совещание происходило, повидимому, после смерти Ярослава, т. е. вскоре после 1054 г.[70]

Мы можем только догадываться о причинах, вызвавших это совещание. Результаты же его налицо. Это так называемая «Правда» Ярославичей.

В Пространной «Правде» имеются указания, способные пролить некоторый свет на темные стороны интересующего нас совещания князей и их бояр: «По Ярославе же паки совокупившеся,— читаем в Пространной «Правде»,— сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячно, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а иное все, яко же Ярослав судил, тако же и сынове его уставиша».

Здесь как будто довольно ясно указана главнейшая цель совещания. Она заключалась в том, чтобы пересмотреть систему наказаний и окончательно отменить отмирающую месть, и раньше уже поставленную под контроль государственной власти. Эта система действительно была пересмотрена, и месть официально ликвидирована. Остальное все, что было при Ярославе, осталось нетронутым и при его детях. Это очень важное замечание. Весь вопрос, к какой части «Правды» оно относится: к древнейшей ли ее части, которую мы не без основания считаем «Правдой», данной Ярославом новгородцам, или же не только к ней. Какое бы предположение мы ни высказали, оно будет одинаково гипотетичным. Конечно, «спокойнее» оставить вопрос без ответа, но едва ли это будет лучшим выходом из создавшегося положения.

---

[70] М. Н. Тихомиров полагает, что это совещание происходило в 1072 г. в Вышгороде в связи с празднеством перенесения мощей Бориса и Глеба («Исследование о Русской Правде», М.—Л., 1941, стр. 64—65). Я думаю, что оно происходило значительно раньше, очень скоро после смерти Ярослава, почему и «Правда» о времени этого совещания выражается «по Ярославе» совершенно так же, как и об аналогичном совещании при Владимире Мономахе, которое произошло «по Святополце», т. е. непосредственно после смерти Святополка и прибытия Владимира Мономаха в Киев. Думаю, что и три сына Ярослава начали свою деятельность тоже непосредственно после смерти их отца. 20 лет спустя после этой смерти уже не говорили бы «по Ярославе». За этот более ранний срок говорит общая ситуация, создавшаяся со смертью Ярослава. Его сыновьям, которые условились править Русской землей сообща, необходимо было договориться по многим вопросам. Совещание было совершенно необходимо и именно «по Ярославе», т. е. непосредственно после его смерти.

Мы имели возможность убедиться в том, что князья и бояре владели земельной собственностью в X в. (несомненно, и раньше). Следовательно, Ярослав застал и в Новгороде, и в Киеве княжеские вотчины уже существующими и, конечно, так или иначе организованными. Несомненно, для ведения хозяйства в княжеском имении должны были быть люди: администрация и непосредственные производители различных специальностей.

Особенно много думать об изменении давно налаженного уклада, очевидно, не приходилось, если дети Ярослава оставили тут все основное, «якоже Ярослав судил». Правда, дети его не были в этом отношении совершенно пассивными. Изяслав, например, «судил» убийц своего старшего конюха, которого убили дорогобужцы. Это было до совещания князей. Судебное решение Изяслава на совещании было признано правильным и вошло в новый законодательный сборник. Убийство дорогобужцами изяславова конюха предполагает наличие поблизости к Дорогобужу или даже в нем самом княжеского имения.

Таким образом, мы как будто получаем некоторую ориентировку относительно времени, отображенного в «Правде» Ярославичей. Это не только время Ярославичей, но и время Ярослава, т. е. первая половина XI в.

Так как для нас очевидно, что вотчинная организация слагалась в течение достаточно длительного времени, то мы нисколько не сомневаемся, что данные начала XI в. вполне могут характеризовать и структуру тех княжеских вотчин X в., о которых мы имеем сведения в летописях, а также и тех боярских вотчин, о наличии которых говорят договоры с греками начала и первой половины того же, X в., а следовательно, и IX в.

Во избежание справедливых упреков в произвольном пользовании хронологически разновременными материалами, попробуем сначала восстановить основные черты древнерусской вотчины исключительно по материалам «Правды» Ярославичей.

Центром этой вотчины является «княж двор» (ст. 38 Академического списка), где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, жилища смердов, рядовичей и холопов, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины и, в частности, сохранность княжеского вотчинного имущества. При нем, повидимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъезд-

ной княж»[71]. В распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т. е. заведующий княжеской конюшней и княжескими табунами коней.

Все эти лица охраняются установленной той же «Правдой» удвоенной 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это — высший административный аппарат княжеской вотчины. Дальше следуют княжеские старосты — «сельский» и «ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Они, несомненно, люди зависимые. Как распределяются их функции, мы точно сказать не можем, но их роли в значительной степени определяются содержанием терминов «сельский» и «ратайный». Сельский староста, повидимому, выполнял функции наблюдения за населением вотчины, являлся исполнителем распоряжений высшего административного ее аппарата. Что касается ратайного старосты, то поскольку ратай — пахарь, ратайный — пашенный, у нас неизбежно возникает предположение, что на обязанности ратайного старосты лежит наблюдение за пашней; а так как речь идет о княжом старосте и княжеской вотчине, то естественно предположить здесь наличие княжеской пашни, т. е. княжеской барской запашки. Данное предположение подтверждается и тем, что эта же «Правда» называет межу и назначает за ее нарушение непомерно высокий штраф, по штрафной сетке следующий за убийством человека: «А иже межу переорет..., то за обиду 12 гривен» (ст. 34). Столь высокий штраф едва ли может относиться к крестьянской меже (за кражу княжеского коня — 3 гривны, за «княжую борть» — 3 гривны). У нас есть все основания признать в княжеской вотчине наличие княжеской пашни.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды» Ярославичей. Тут называются — клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве, ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются: кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским земледельческим хозяйством мы видим здесь также борти, которые так и названы «княжими»: «А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть, любо изудруть» (ст. 32).

«Правда» называет и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это —

[71] От слова «подъезд», что обозначало и в XV—XVI вв. право приезда епископа для получения причитающихся ему взносов, иногда — самый взнос в пользу епископа; подъездчик — сборщик «подъезда».

рядовичи, смерды и холопы. О них будет речь ниже. Их жизнь расценивается в 5 гривен.

Мы можем с некоторой уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом свидетельствует наличие охотничьих псов и приученных для охоты ястребов и соколов: «А оже украдут чюж пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны» (ст. 37). Тут, правда, не сказано, что эти пес, сокол и ястреб — принадлежности именно княжеской охоты, но мы имеем право сделать такое заключение, во-первых, потому, что в «Правде» Ярославичей в основном речь идет о княжеской вотчине, во-вторых, потому, что иначе делается непонятной высота штрафа за кражу пса, ястреба и сокола. В самом деле, штраф этот равняется штрафу за кражу княжого коня и на одну гривну меньше штрафа за кражу коня, с которым работает в княжом хозяйстве смерд [72].

Князь в своей вотчине рисуется «Правдой» в качестве землевладельца-феодала, имеющего известные феодальные права по отношению к зависимому от него как вотчинника населению. Вся администрация вотчины и все ее население, зависимое от вотчинника, подлежит его вотчинной юрисдикции. Судить их можно только с разрешения и ведома вотчинника («или смерд умучат, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине, и в тивунице, и в мечници 12 гривне» — ст. 33 Академического списка).

Нельзя не заметить еще очень важного обстоятельства, касающегося княжеской вотчины. Она существует не в безвоздушном пространстве, не изолирована от внешнего мира, а находится в миру, непосредственно и самым тесным образом связана с сельской общиной. Это не гипотеза, а теорема, которую совсем нетрудно доказать.

Если убьют огнищанина и убийца его известен, то наказанию (штраф в 80 гривен) подлежит именно он, «а людям не надобе», написано в «Правде» (ст. 19). Если убийца не обнаружен, то отвечают «люди»: «вирное платити, в ней же верви голова начнет лежати» (ст. 20). Это «вервь» «Правды» Ярославичей или иначе «мир» «Правды» Ярослава. О них шла уже речь в другом месте. Сейчас мне хотелось бы подчеркнуть отношение крупной вотчины к сельской общине, о чем уже приходилось (в другой связи) указывать выше. Крупная вотчина не только локально связана с сельской общиной; княжеская вотчинная администрация имеет какое-то отношение и к другим общинам,

---

[72] «Смердий конь» может быть понят как конь, принадлежащий смерду. Это толкование кажется мне наиболее вероятным. Однако возможно и другое понимание «смердьего коня», как княжеского, на котором работает зависимый от хозяина-князя смерд.

непосредственно не соприкасающимся с вотчиной. Огнищанин может быть убит не только в той верви, которая связана с вотчиной, но и в других вервях. Отвечает за убийство огнищанина, — и, конечно, не только его одного, а всех представителей вотчинной администрации, — та вервь, на территории которой найдено тело убитого (в случае необнаружения убийцы). Это обстоятельство может говорить о том, что огнищанин, подъездные, тиуны имеют радиус действия, выходящий за пределы вотчины; это обстоятельство может указывать и на то, что представители княжеской вотчинной администрации имеют не только экономические, но и политические функции.

Расположение княжеской вотчины в окружении крестьянских миров объясняет нам очень многое в содержании «Правды» Ярославичей. Мы начинаем яснее понимать, зачем она написана, для чего собиралось совещание из трех Ярославичей и их мужей, для нас проясняются и взаимоотношения между вотчиной и вотчинником, особенно таким вотчинником, как князь.

Может быть, мы не ошибемся, если скажем, что именно перед детьми Ярослава возникла необходимость рассмотреть вопрос о взаимных отношениях между вотчинником и крестьянской общиной. Пусть совещание сочло возможным оставить здесь то, что было и при Ярославе, за исключением отмены мести. Но оно, во-первых, придало старым обычаям форму писаного закона и, во-вторых, оно подчеркнуло роль государства, т. е. надстройки, необходимой феодалам для укрепления их позиций; отменой мести оно передало карательные функции общины органам государственной власти. Устав по важнейшим вопросам внутривотчинных отношений с этого момента становится, если можно так выразиться, настольной книгой каждого из князей. Это было, очевидно, необходимо потому, что власть киевского князя в середине XI в., особенно после смерти Ярослава, настолько пошатнулась, настолько выросли отдельные новые центры на огромной территории Киевского государства, что возникла необходимость приблизить власть к местам, подвести деятельность этих новых центров под единый закон.

Время Изяслава, Святослава и Всеволода ставило свои вопросы, и понятно, почему сыновья Ярослава политически не всегда мыслили так, как их отец. Они и собирались вместе для обсуждения создавшегося положения и для принятия мер, диктуемых требованиями момента.

Нельзя забывать и того, что вопрос о взаимных отношениях вотчинника и сельской общины касался интересов не только князей, но всех крупных землевладельцев, и прежде всего, конечно, бояр, также и церкви, хотя церковных крупных землевладельцев в то время было еще сравнительно очень немного.

Недаром бояре приняли к руководству и исполнению этот закон: интересы у всех феодалов-вотчинников были в основном одинаковы.

В Пространной «Правде» совсем не случайно на полях против перечня личного состава княжеской вотчины (значительно расширенного против «Правды» Ярославичей), очевидно, какой-то «юрист» приписал: «Такоже и за бояреск», т. е., что все штрафы, положенные за убийство вотчинных княжеских слуг, распространяются и на вотчины боярские.

Первое впечатление от «Правды» Ярославичей, как, впрочем, и от Пространной «Правды», получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений, собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы, владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждое деяние, направленное против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, крестьян, рабов, рабынь, на его землю, коней, волов, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.

От кого же приходилось защищаться феодалу-вотчиннику? Сосед, такой же феодал-вотчинник, едва ли станет красть голубя, курицу или утку, не станет запахивать межу княжеского или боярского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь имение и увезти отсюда все наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими отсюда следствиями. «Правда» Ярославичей, вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит опасность от населения соседних сел и деревень, враждебно настроенного к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу.

Население сел и деревень действительно прекрасно знало, что значит это соседство, и где только могло старалось предупредить внедрение в свою среду богатого землевладельца. Жития святых наполнены этими протестами. Окрестные крестьяне позднее, с усилением церковного землевладения, не раз заявляли отдельным старцам, строителям монастырей «почто в нашей земле построил еси монастырь, или хощеши землями и селами нашими обладати?» [73]

Недаром Даниил Заточник, размышляя о бедности и нищете, вспоминает царя Соломона, который в передаче Даниила говорит: «богатства и убожества не дай же ми, господи; обогатев,

---

[73] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I, М., 1909, стр. 88.

восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и на разбой...» «Татьба и разбой» в терминологии Даниила — это ответ бедного человека на насилие богатого. Недаром тот же Даниил Заточник давал характерный совет: «не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко же искры. Аще от огня устрежешися, но от искры не можешь устрещися...»

Это — несомненная картина с натуры, ценная для нас своей непосредственностью. Без прикрас и условностей, под видом шутки, Даниил Заточник преподносит нам полные реального смысла афоризмы, прекрасно характеризующие его время.

Я умышленно не хотел выходить за пределы «Правды» Ярославичей (ссылка на Даниила Заточника — это только небольшой комментарий к этой «Правде»), чтобы у читателя могло сложиться впечатление о том богатом материале, который дает нам эта «Правда» о вотчине, именно о княжеской, и о ее окружении. Но ведь внутривотчинными отношениями занимается и Пространная «Правда».

Вообще можно вынести вполне определенное впечатление о том, что закон все больше и больше начинает интересоваться жизнью вотчины. Если в древнейшей «Правде» говорится очень глухо о свободном муже и его челяди, что, несомненно, свидетельствует о наличии вотчины, если «Правда» Ярославичей раскрывает нам понятие челяди (рядович, смерд, холоп) и дает ясное изображение организации вотчины, прав ее хозяина и обязанностей зависимых от него людей, то «Правда» Пространная вносит в это изображение ряд деталей, на которые обратить внимание законодателей заставила сама жизнь. Иначе едва ли могло и быть: надстройка выполняла свои функции.

Владимир Мономах, призванный в 1113 г. в Киев в очень ответственный момент большого народного движения, городского и деревенского, должен был ознакомиться с истинным положением вещей и был вынужден несколько умерить аппетиты «славы хотящих и богатством ненасыщающихся». Свое участие в судьбе зависимых людей он сам сформулировал в своем «Поучении» («худого смерда и убогой вдовицы не дал есмь сильным обидети») и запечатлел на страницах «Русской Правды». Имею в виду не столько борьбу Мономаха с непосильными для должников процентами, сколько его вмешательство во внутреннюю жизнь крупной вотчины. Он коснулся вопроса о положении рядовичей, холопов и, как он сам говорит об этом, смердов.

Принципиально нового здесь «Правда» Пространная почти ничего не дает. Вотчина, та самая, которая изображена в «Правде» Ярославичей, продолжает жить своей давно налаженной жизнью и в XII в. «Правда» Пространная, собственно говоря,

только уточняет и расширяет уже имеющиеся в нашем распоряжении сведения.

Прежде всего эта «Правда» увеличивает перечень слуг княжеской и боярской вотчины. В ст. ст. 11—17 называются: отроки, конюх, повар, тиун огнищный и конюший, сельский тиун и ратайный, рядович, ремесленник и ремесленница, смерд, холоп, раба, кормилец и кормилица.

Если попытаться внести в этот перечень систему, то мы можем разбить все это зависимое население вотчины на две основные группы: 1) слуги и 2) непосредственные производители, рабочее население вотчины в узком смысле слова. К слугам надо отнести: отроков, конюхов, тиунов, кормильцев; к рабочему составу — рядовичей, смердов, холопов и ремесленников.

С этим составом населения крупная вотчина продолжала жить много времени и даже на тех территориях Руси, которые позднее подпали под власть Польши. Имею в виду Галицкую землю.

Пространная «Правда» значительно детальнее останавливается на положении прежде всего рядовичей и холопов, т. е. той части населения вотчины, которая, очевидно, больше всего подвергалась господскому произволу.

Рядовичей или одну из наиболее распространенных их разновидностей Пространная «Правда» называет закупами. О них специально будет речь в своем месте. Здесь мне хочется остановиться не на экономической и правовой природе закупа, а на самом вотчинном хозяйстве, в котором активно участвует закуп.

Пространная «Правда» уделяет особое внимание закупу «ролейному», т. е. работнику, занятому в сельском земледельческом хозяйстве. Хозяин-землевладелец старается привлечь к себе рабочую силу именно в свое земледельческое хозяйство, пользуясь тем, что появилось много людей, оторванных от средств производства и вынужденных итти на какие угодно условия. Хозяин владеет землей, скотом и сельскохозяйственными орудиями. Ему нужна рабочая сила. Получает он ее различными способами и в различных формах. Одна из этих форм — закупничество. От закупа хозяин требует работы и бережного отношения к хозяйскому скоту и орудиям производства. Плуг и борону хозяин дает закупу на руки под его ответственность. Иначе обстоит дело со скотом. Хозяин только в отдельных случаях разрешает закупу пользоваться барским конем и следит за тем, чтобы закуп усердно стерег господский скот.

Хозяин требует, чтобы закуп обязательно на ночь загонял скот в особые, для скота предназначенные, помещения, и больше всего боится, как бы закуп по небрежности не оставил скота на ночь в поле. Хозяина очень страшат «воры».

Так как земледельческую работу закуп выполняет хозяйским конем, то хозяин крепко следит за тем, чтобы

закуп обращался с конем заботливо и не погубил бы его. Очень характерная черта: хозяин, имевший в своем распоряжении рабов, прекрасно видел, что раб не имеет никаких побуждений особенно бережно относиться к хозяйскому имуществу, будь то плуг или конь. Хозяин не имел никаких оснований полагать, что закуп заинтересован в сбережении господского добра, и поэтому старается обезопасить себя на этот счет. Закон, декларативно заявлявший о защите закупа от хозяйского произвола, по существу стоял на стороне хозяина и заботился лишь о формальном провозглашении некоторых норм справедливости. Если пропадет конь не по явной вине закупа, закуп за пропажу его не отвечает. Он отвечает только тогда, когда коня украли вследствие явной небрежности закупа, либо когда конь пал на работе не хозяйской, а собственной закупа вследствие непосильной для коня нагрузки. В законе зазвучала нота об элементарной справедливости, которой, можно подозревать, закуп был лишен до восстания 1113 г. и до вынужденного вмешательства в жизнь вотчины Владимира Мономаха.

Если продолжать наши наблюдения в том же направлении, т. е. предполагать, что закон Мономаха пытался смягчить то, что вызвало народное движение, то придется указать и на тенденцию господ удерживать у себя закупа путем произвольного увеличения «купы», суммы денег, взятой закупом в момент заключения договора и так или иначе связывающей свободу закупа. Закабаленным закупом хозяин иногда делал попытки распоряжаться как рабом, отдавая его от себя внаймы и получая деньги себе; господин, не привыкший делать разницу в своих слугах, склонен был иногда просто продавать закупа, выдавая его за раба. Наконец, господин, привыкший бить своих рабов, бил и закупов. Закон находил это воздействие на рабочую силу вотчины настолько естественным, что не отменил битья, а только ограничил его некоторыми условиями: бить закупа можно только «про дело» и в трезвом состоянии. Хозяйские приемы воздействия на свою челядь, несомненно, выросли в атмосфере полного бесправия и приниженности зависимых от господина людей, среди которых не мало было рабов.

Однако необходимо отметить очень важное обстоятельство: эти хозяйские навыки начинают ограничиваться, ставятся под контроль суда, и самое холопство делается уже не тем, чем было раньше. Конечно, не потому, что господские нравы стали мягче, а потому, что менялась система хозяйства. Раб все более перестает себя оправдывать: его с успехом заменяют рядовичи и смерды. Пространная «Правда» отмечает эту перемену. Перечислив все источники рабства, кроме преступления, «Правда» старается указать путь, каким можно избежать последствий закона о рабстве, и тут же раскрывает перед нами роль раба в хозяйстве.

Интересно отметить, что раб в специальном разделе «Правды» «О холопстве» не рассматривается как рабочая сила в сельском хозяйстве (это, конечно, совсем не значит, что в сельском хозяйстве рабский труд перестал применяться). Говорится только о холопе, который от имени своего господина торгует и совершает операции с господскими деньгами.

Есть еще одна новость в Пространной «Правде». Она обмолвилась о свободных смердах. В то время как «Правда» Ярославичей говорит только о смердах зависимых, упоминая их в числе чёляди, рядом с рабом и рядовичем, Пространная «Правда» напоминает, что есть еще смерды, лично ответственные перед государственной властью. В конце статьи «А се уроци скоту» после подробной оценки различных видов домашнего скота прибавлена заключительная фраза: «то ти уроци смердам, оже платят князю продажю» [74]. «Оже», как и вообще в «Правде», значит «если». Таким образом, эта статья, выделяя наличие еще не потерявших правоспособности смердов, тем самым подчеркивает существование другой зависимой категории смердов, за которых «продажу» платит их господин. Об этой последней категории смердов ясно говорит ст. 90 Пространной «Правды» [75].

По совокупности данных всех частей «Правды» и принимая во внимание некоторые сообщения летописей и других источников, мы можем до некоторой степени представить себе систему вотчинного хозяйства времени «Русской Правды».

Вся вотчина называется в «Правде» «домом» [76]. В центре, всегда стоит господский «двор» (в княжеской вотчине — «княж двор»). Дети называют его «отчим», отцовским. Двор состоит из жилого дома хозяина и всевозможных хозяйственных построек. Во дворе, чем он богаче, тем больше всевозможных слуг. За двором — избы крестьян-смердов, рядовичей и холопов. А дальше тянутся поля, обрабатываемые частью на хозяина, частью на себя смердами, рядовичами-закупами и холопами.

Несмотря на то, что у хозяина есть значительный аппарат вотчинного управления, заметно непосредственное участие самого хозяина в делах вотчины. Очевидно, господское хозяйство не очень велико. Продуктов, добываемых в хозяйстве, хватает на содержание господского семейства и его слуг. Расширять собственное вотчинное хозяйство у господ не было особых побуждений, так как продукты сельского хозяйства еще не

---

[74] «Правда Русская», Учебное пособие, 1940. Троицкий список, ст. 45 и прим. на стр. 63.

[75] «Аже смерд умрет, то задницю князю».

[76] Термин «дом» в значении «вотчины» встречается часто и в других источниках: «дом св. Спаса», «дом св. Софии», «дом церковный св. Богородицы» и др.

стали сколько-нибудь заметным товаром. Хлеб, во всяком случае на рынке, еще не играл сколько-нибудь заметной роли; внутренний рынок еще достаточно слаб, чтобы заставить землевладельцев расширять свою сельскохозяйственную деятельность.

Замкнутость господского хозяйства и преобладание отработочной ренты бросаются в глаза. Челядь тут же, на глазах у своего хозяина, под угрозой физического воздействия, добывает все необходимое на господскую потребу. Даже смерд, владеющий средствами производства, попадая в среду рядовичей и холопов, по воле своего хозяина низводится на один с ними уровень. Явление — характерное для переходного времени. Вся организация вотчины еще сильно связана со старым временем, когда при формировании вотчины играл большую роль труд холопов (домашнее рабство).

Картина организации вотчины будет неполной, если мы не отметим в ней наличие ремесленного, а иногда и наемного труда. Понятно, что потребности вотчинника выходили за рамки сельского хозяйства; наконец, и самое сельское хозяйство нуждалось в помощи ремесленника: без кузнеца ни вотчинник, ни крестьянин обойтись никак не могли. Вотчинник одевался и обувался, обставлял свое жилище необходимой утварью, иногда даже весьма изысканной, и без услуг портного, сапожника, столяра и серебряных дел мастера не обходился. Чаще всего ремесленник был собственный, из своих же холопов. Но не всегда. Приходилось обращаться в отдельных случаях и к свободному ремесленнику, работавшему на заказ. Для этого, очевидно, нужно было обращаться и в город. Об этом говорят, хотя и очень скупо, письменные памятники. Древнейшая «Русская Правда» знает «мзду» лекарю, «Правда» Ярославичей называет плату «от дела» плотникам («мостникам») за ремонт моста [77]. «Закон Судный людем», памятник хотя и не русского происхождения, но очень популярный у нас на Руси, упоминает заработную плату портному («швецу») за исполнение заказа. «Аще швець исказить свиту, не умея шити или гневом, да ся биет, а цены лишен» [78]. Здесь же встречаем и труд ратая и пастуха: «Иже ратай, не доорав времене, и идет прочь, да есть лишен орания. Такоже и пастырь, иже пасет стадо». Весьма вероятно, что здесь мы имеем пашню исполу: ратай, ушедший до срока, лишается своей доли урожая, подобно изорнику «Псковской Судной Грамоты». Может быть, и пастух в аналогичном случае лишается части приплода.

Здесь уместно вспомнить и другую похожую фигуру, о которой говорит одна из статей «Кормчей», по всей видимости

---

[77] «Русская Правда», Акад. сп., ст. ст. 2 и 43.
[78] Новгородская I летопись, стр. 481, изд. 1888 г.

русского происхождения: «Аще ся даст человек или женщина у тошна времени, дернь ему не надобе. А пойдет прочь, да даст 3 гривны, а служил — даром». «Кормчая» имеет в виду человека, взявшего на себя какие-то обязательства на определенный срок, в течение которого он находится в зависимости от хозяина и не имеет права от него уйти. За уход до срока положен штраф и лишение платы за труд. Казус, который нельзя квалифицировать иначе, как договор найма в феодальном смысле. Аналогичное явление известно и Полицкому статуту. В нем имеется специальный отдел под заголовком «Законь од наѣамника» (ст. 93). Отдел этот делится на две части: 1) старый закон и 2) новый закон.

Старый закон сформулирован так: «Кто бы нанял наемника какого угодно рода («коъе хочь врсте») и за какую угодно цену или на какую-либо работу, на год или на меньший или больший срок, старый закон требует: если наемник уйдет от хозяина («господара»), не закончив своего срока и без всякого уважительного повода («през никога подобна узрока»),— хозяин («господарь») волен ему не платить ничего. Если же «господарь» без достаточного основания прогнал его до окончания срока, должен ему заплатить сполна». Таким образом, по старому закону, человек не только продавал свою рабочую силу, но и сам становился в некоторую зависимость от покупателя рабочей силы. Это чисто феодальная черта. Новый закон отменил эти феодальные черты, чем констатировал факт чистого договора найма без всякой примеси феодальных признаков. Но даже в XV—XVIII вв. в Полице больше доверия оказывали феодально зависимому человеку, чем свободно-наемному. Ст. 78с прямо противополагает феодально зависимого кмета наемнику: «если бы он (кмет) обокрал своего господина, отвечает головой и имуществом; если бы кто-либо обокрал господина, у которого находится в найме, отвечает вдвойне». К свободному труду доверия еще было мало. Полицкие феодалы предпочитали иметь дело с людьми, от них зависимыми[79].

Редкость применения личного найма в Киевской Руси вполне понятна. Мы ведь имеем дело не с обществом наемного труда, а с обществом, где на смену первичной формы эксплуатации человека человеком в форме освоения самого человека (рабство) пришла эксплуатация, основанная на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда — земли, с вытекающим отсюда крепостничеством.

Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплуатируют сильные люди путем принуждения, что не верило в возможность оплаты своего труда даже тогда, когда она, несомненно, предполагалась. Очень интересное сообщение по

[79] Б. Д. Греков. Полица, М., 1951, стр. 113—114.

этому предмету приводит С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Дело шло о постройке храма св. Георгия в Киеве. Рабочий народ не шел на работу из опасения, что ему не будут платить за труд. Князь Ярослав спросил тиуна, отчего мало работников у церкви. Тиун ответил: «дело властельское (т. е. делается по инициативе людей, облеченных властью, феодалов.— *Б. Г.*), и боятся людье труд подымше найма лишени будут». Тогда князь приказал возить куны на телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, что каждый работник будет получать за труд по ногате на день, т. е. по 35 коп. серебром на деньги второй половины XIX в.[80] Эта плата считалась в XI в. выгодной, и киевляне явились на работу в большом количестве[81].

Церковь, очевидно, наблюдая эту практику внеэкономического принуждения, нашла даже нужным в своих правилах рекомендовать духовенству воздерживаться от насилия в поисках рабочей силы. В святительском поучении новопоставленному священнику середины XIII в. дается такой совет: «Дом свой с правдою строй, нетомительно, нищих на свою работу без любве не нуди»[82]. В Постановлении Владимирского собора 1274 г. тоже имеется очень интересная в этом отношении статья: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая». Под нищими здесь нужно разуметь людей, способных к труду, но лишенных возможности вести свое хозяйство и вынужденных искать прибежища, между прочим, и у церкви. Характерно, что собор называет применение труда этих людей «насильем», очевидно имея в виду факты, наиболее обычные для данного времени. «Нищего» при монастыре в качестве писца мы встречаем и позднее. На купчей грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1435—1447 гг. имеется подпись: «А грамоту писал нищой Илья»[83].

Нас интересует в данном случае не только юридическая сущность продающего свою рабочую силу, но также условия, при которых мог появляться на рынке этого рода товар. Мы хорошо знаем, что природа не производит ни владельцев денег и товаров, ни владельцев одной только рабочей силы. Это — своеобразные общественные отношения, свойственные далеко не всем историческим периодам.

---

[80] По расчету Н. Аристова («Промышленность древней Руси», СПб., 1866, стр. 282).

[81] С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 245, прим. 4. Иной вариант того же рассказа в применении к св. Софии в Киеве см.: Макарий. История русской церкви, т. I, стр. 45.

[82] РИБ, т. VI, стб. 105.

[83] Н. Н. Дебольский. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века, СПб., 1903, стр. 367.

Однако нас не должны смущать факты наличия наемного труда в обществе, производственная база которого, как мы видели, строилась главным образом на труде крепостном и на остатках умирающего домашнего рабства. Несомненно, наемный труд — зародыш капиталистических отношений. Спорадические факты, говорящие о нем в глубокой древности, нисколько не колеблют нашего представления о господстве в это время других, некапиталистических общественных отношений. В рассматриваемый здесь период нашего общества наемный труд не имел условий для своего сколько-нибудь заметного развития, и мы отмечаем его лишь постольку, поскольку его знают, хотя и в очень ограниченных дозах, наши источники.

Вотчина не оставалась в неизменном состоянии. Вотчинник по мере своего экономического и политического преуспевания при поддержке государства расширяет свои владения путем включения под свою власть больших пространств земли и сидящего на ней населения. Естественно, что для этого необходимо было принуждение, которое шло и от государства и от знати. При помощи своих вооруженных дружин и опираясь на поддержку государства, крупные землевладельцы становятся по отношению к населению освоенных земель не просто хозяевами, а «государями». Вотчина превращается в сеньерию.

Сеньер уже не имел возможности знать своих подданных в лицо. Только в редких случаях приходилось ему бить их непосредственно «про дело», или без дела. Функции принуждения взял на себя усилившийся аппарат государственной власти, частью которого стал сам сеньер.

Меня могут упрекнуть в том, что процесс, сейчас изображенный, не всегда подтвержден фактами. Действительно, следить по источникам за всеми этапами эволюции вотчины, за процессом превращения ее в сеньерию, нет возможности. Тем не менее мы имеем полное основание делать свои заключения и именно в направлении, только что высказанном, потому что нам хорошо известны два определяющие момента: мы более или менее точно знаем состояние вотчинного хозяйства эпохи «Русской Правды», основанное преимущественно на эксплуатации зависимых людей в форме отработочной докапиталистической ренты, и совсем хорошо знаем боярское или церковное хозяйство середины XV в. с совершенно ясно обрисованной системой эксплуатации зависимого крестьянина в форме оброка.

Подобно тому как в геометрии две точки определяют направление прямой, два известные нам момента в истории вотчины определяют путь ее эволюции.

Нам, наконец, по источникам известны тенденции знати периода «Русской Правды», приведшие в конечном счете к состоянию хозяйства, изображенному в писцовых книгах XV в.

Наши источники ясно говорят о стремлении богачей к увеличению своих богатств и земельных владений, «иже прилагают дом к дому и села к селам». Тут разумеется именно экстенсивное расширение земельных владений, единственно возможное при данных условиях, так как интенсивное ведение хозяйства боярину X—XII вв. было не по силам: для этого у него нехватало средств, да и нужды в этом еще не было. Мы можем даже с полной уверенностью говорить о том, что Пространная «Правда» отразила в себе переходное время от вотчины к сеньории, от первоначальной барщины, осуществляемой челядью, к оброку, где главным источником господских доходов делается крестьянин-смерд, ведущий самостоятельное хозяйство, но обязанный путем внеэкономического принуждения делиться плодами своего труда с теми, кто, облеченный властью, оказался над ним.

В этом отношении весьма показательна Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г.

Князь Ростислав дает несколько своих сел учреждаемой им в Смоленске епископии: «село Дросенское со изгои и с землею... и село Ясенское и с бортником и землею и с изгои...; землю в Погоновичох Мойшинскую...; и озера Нимикерская и с сеножатми... и на горе огород с капустником и с женою и с детьми, за рекою тетеревник с женою и с детьми» [84]. Кроме пожалования земли, князь отдает епископии десятину от погостов смоленских и погородье от смоленских городов. Князь дает епископу также «прощеники с медом и с кунами и с вирою и с продажею». Источники доходов епископии, таким образом, распадаются на две категории: 1) десятая часть княжих даней плюс подгородье, 2) земля с людьми. Эти люди по своему социальному положению неодинаковы: а) изгои — несомненно люди крепостные, прикрепленные к земле и лицу, и б) холопы (бортник, капустник, тетеревник). Изгои, очевидно, пашут пашню. Холопы, здесь перечисленные, каждый имеет свою специальность. Прощенники платят оброк медом и деньгами. Что это люди, не лишенные гражданских прав, видно из того, что с них взимаются в случаях правонарушения виры и продажи, но в то же время о них сказано: «и ни надобе их судити никакому человеку», конечно, княжескому: они становятся вследствие пожалования подсудными суду епископа, не церковному, а вотчинному.

Раскрывается достаточно сложная картина. Поскольку всякая крупная вотчина этого времени строилась в принципе по одному плану, терминология для обозначения отдельных прослоек сельского населения, как в этом нетрудно убедиться, не отличалась большой устойчивостью и точностью, мы можем и в вотчине смоленского епископа подметить уже знакомые нам черты.

---

[84] ДАИ, т. I, № 4.

В двух названных селах велось собственное хозяйство епископа трудом холопов и крепостных людей, очень похожих на крепостных смердов, так как изгои не холопы и мыслятся в данном случае прочно сидящими на земле земледельцами, работающими не только на епископа, но и на себя, т. е. ведущими и собственное хозяйство. К такому предположению я прихожу отчасти путем исключения: изгой в данном случае не холоп, не рядович-закуп, не вдач. В то же время он прикреплен к земле и лицу. Кто же он в таком случае, если не крепостной землероб, очень близкий по своей социальной природе к зависимому смерду или западноевропейскому серву [85].

Слишком общий по неизбежности очерк истории организации крупной (княжеской, боярской и церковной) вотчины примет гораздо более конкретные очертания, если мы рассмотрим каждую из категорий непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих хозяйство феодала.

Совершенно понятно, что начинать наш обзор необходимо с расшифровки понятия челяди, которой оперирует древнейшая «Русская Правда».

Челядь

Совокупность работающего на вотчинника населения древнейшая «Русская Правда» обозначает старым термином «челядь».

Этот термин знают и летописи, и ряд отдельных документов частноправового и литературного характера, оставленных нам нашей древностью.

К сожалению, все эти документы дальше X в. в прошлое не идут, между тем как челядь — явление гораздо более старое.

Совершенно ясно, что на основании наших источников мы можем уверенно говорить о челяди только относительно IX—XIII вв. (может быть, и VIII в., поскольку содержание древнейшей «Правды» мы можем отнести приблизительно к этому времени). Вникнув в содержание этого термина, мы сможем увидеть, кто именно входил в это время в состав данного комплекса, и,

---

[85] Об этом думал А. Е. Пресняков, но пришел к другому выводу. «С одной стороны,— пишет он,— свидетельства о смердах не говорят о том, чтобы они сидели на княжой земле, с другой, свидетельства о княжих дворах и селах, грамоты о даровании земель духовенству — не указывают смердов на землях княжеских» («Княжое право», стр. 286). Первое замечание автора противоречит данным «Правды» Ярославичей, где в княжеском имении показаны смерды. В жалованных грамотах духовенству они действительно не показаны прямо. В смоленской грамоте, там, где говорится о погостах, конечно, подразумеваются смерды, не являвшиеся до пожалования епископу крепостными. Место крепостных смердов «Правды» Ярославичей в смоленской грамоте занимают, очевидно, изгои. В данной связи меня интересует не самый смерд, а организация крупной вотчины. О смердах речь будет ниже.

может быть, перед нами раскроется то, что до сих пор было покрыто плотной пеленой тумана.

В «Русских Правдах» мы имеем очень много сюжетов первостепенной важности, на которых часто сосредоточивалось внимание исследователей. Конечно, и «челядин» и «челядь» всегда относились к важнейшим объектам исследования, но нужно прямо сказать, что те представители старой науки, которые правильно понимали эти термины, не делали всех вытекающих отсюда выводов; в нашей же современной науке этим термином занимались очень немногие: одни не могли, другие не успели или не сумели использовать одно из наиболее ответственных и содержательных понятий, которыми так часто оперировала в определенный период наша древность. Ниже я вернусь к разбору литературы вопроса, а сейчас хочу обратиться к нашим источникам.

«Русская Правда» хорошо знает термины «челядь» и «челядин». В древнейшей «Правде» челядина называют две статьи— 11 и 16: «Аще ли челядин скрыется либо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведут, а познают и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду» (ст. 11). «Аще кто челядин пояти хощет, познав свои, то к оному вести, у кого то будет купил: а той ся ведет ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце» (ст. 16).

И непосредственно за этой 16-й статьей идет следующая, 17-я: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежит в хором; а господин начнет не дати его, то холопа пояти, да платит господин за нь 12 гривне; а за тым где его налезуть ударенный той муж, да бьют его».

Этим статьям древнейшей «Правды» имеются параллели и в Пространной «Правде».

Ст. 32 Троицкого IV списка под заголовком «О челяди»: «Оже челядин скрыется, а закличють и на торгу, а за три дни не выведут его, а познают и в 3-й день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи». Ст. 38 под заголовком «Извод татбе о челядине»: «Аще кто познает челядин свой украден, а поиметь и, то оному вести по конам и до 3-го свода; пояти же челядин в челядина место, а оному дати лице, ать (вариант «а тои») идеть до конечного свода, а то есть не скот, не льзе речи: не ведаю, у кого есмь купил, но по языку ити до конца; а где будет конечный тать, то опять воротить челядин, а свои поиметь, и протор тому же платити, а князю продажи 12 гривен в челядине или украдено или уведше».

Еще два раза Пространная «Правда» упоминает челядина. В статье об опеке над имуществом малолетних сирот говорится о том, что опекун отвечает за сохранность имущества опекаемых. Всякую прибыль, полученную опекуном во время опеки,

опекун может взять себе, но «от челяди плод или от скота» остаются за опекаемыми (ст. 99 Троицкого IV списка). И, наконец, ст. 107, говорящая о судебных уроках, устанавливает 9 кун от освобождения челядина.

Ни разу в этих параллельных статьях не нарушена терминология. «Челядин» никогда не заменяется каким-либо другим словом. Ни разу не попадается в этих статьях термин «холоп» или «роба». То же необходимо сказать и относительно статей, трактующих о холопах. Тут так же строго выдерживается употребление слов «холоп» или «роба».

Статье о холопе, ударившем свободного мужа, в древнейшей «Правде» соответствует ст. 65 Пространной «Правды» лишь с некоторыми дополнительными разъяснениями, относящимися к более позднему времени: «А иже холоп ударит свободна мужа, а убежит в хоромы, а господин его не выдаст... то Ярослав был уставил убити и, но то сынове его по отци уставиша на куны...» (ст. 65 Троицкого IV списка). Действительно, в ст. 2 той же «Правды» мы имеем отмену убиения за голову и установление кунного штрафа.

Дальше Пространная «Правда» трактует холопство в различных направлениях, никогда не сбиваясь с точной терминологии. Она говорит о холопах-татях, указывая на то, что эти холопы могут быть княжескими, боярскими или чернеческими (ст. 46) [1], говорит об обельном холопе, укравшем коня (ст. 63), указывает на то, что проворовавшийся закуп превращается в обельного холопа (ст. 64), не очень решительно отмечает, что холоп не может быть послухом (ст. 66), так как в ст. 85 указывается случай, когда холоп бывает послухом, и совершенно определенно говорит о том, что в холопе и в робе виры нет (ст. 89). Та же «Правда» сообщает нам сведения об источниках холопства (ст. 110—121) и указывает на различные случаи, связанные с бегством и поимкой холопов (ст. 112—121).

При внимательном отношении к употреблению в «Правдах» термина «холоп» придется сделать вывод, что и холопы суть разные, что термин «холоп» не всегда тождествен понятию раб.

Если «Русская Правда» своим разграничением терминов «холоп», «холоп обельный» и «челядин», подчеркивая нетождественность терминов челядин и холоп, предостерегает нас от поспешных выводов, то «Правосудие Митрополичье», этот сколок с различных источников, включивший в себя несомненно несколько статей и «Русской Правды», приспособленных к общественным отношениям XIII в., говорит о том же еще яснее и наводит на весьма серьезные размышления. Имею в виду ст. ст. 27, 28 и 29.

---

[1] О смердьих здесь ничего не сказано.

Ст. 27: «А се стоит в суде челядин-наймит, не похочет быти а осподарь (текст, несомненно, испорчен. Повидимому, нужно читать «у осподаря») — несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу».

Ст. 28: «Аще ли убиеть осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога» [2]. Ст. 29: «А закупного ли наймита, то есть душегубство». (Знаки препинания мои.— *Б. Г.*)

Несмотря на то, что этот интересный памятник воскрешен из забвения сравнительно недавно, он успел уже обратить на себя внимание современных ученых: им пользовались С. В. Юшков и П. А. Аргунов, пользовался и я [3].

Нужно, однако, заметить, что названные мною авторы понимают интересующее нас место «Правосудия» о закупах поразному. Не касаясь пока наших разногласий, я хочу подчеркнуть, что из приведенного текста «Правосудия» с полной ясностью вытекает, что термин «челядин» гораздо сложнее по своему содержанию, чем обычно принято думать. Здесь совершенно четко различаются два вида челяди: челядин-наймит и челядин полный.

Челядин-наймит, по-моему, это не кто иной, как хорошо известный нам закуп, о чем и говорит ст. 29 «Правосудия Митрополичьего», называя челядина-наймита закупным наймитом.

Иного мнения держатся С. В. Юшков и П. А. Аргунов. Комментируя ст. ст. 27 и 28 «Правосудия Митрополичьего», С. В. Юшков пишет: «Особого внимания заслуживает ст. 28, на основании которой можно установить, насколько был прав или неправ В. И. Сергеевич, отождествлявший закупов с наймитами. По смыслу данной статьи, закупы и наймиты — два различных института» [4]. Такого же мнения держится и П. А. Аргунов [5]. Он по этому поводу пишет: «В конце сборника читаем статьи о наймите и отдельно о закупе», причем ст. 29 он трактует по-своему, соответственным образом расставляя и знаки препинания: «А закупного, ли наймита, то есть душегубство». Такую расстановку знаков препинания автор объясняет тем, что, по его мнению, здесь частица «ли» указывает не на тождество понятий, а на их различие, в доказательство чего автор приводит несколько мест памятника, где действительно частица «ли» играет указанную автором роль.

---

[2] Ст. ст. 28 и 29 я считаю разделенными на две без достаточных оснований: их, на мой взгляд, следует соединить.

[3] См. также Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2., М., 1951, стр. 3, 6, 25—29, 375.

[4] ЛЗАК, вып. 35, стр. 119.

[5] П. А. Аргунов. О закупах «Русской Правды», Изв. Акад. Наук. Отд. общ. наук, № 10, 1934, стр. 792.

П. А. Аргунов все же напрасно не остановился на тех местах источника, где частица «ли» имеет другое значение. Статьи 28-ю и 29-ю надо читать вместе, поскольку они по смыслу и грамматически неотделимы. В ст. 29 нет даже сказуемого: оно по воле издателя осталось в ст. 28. Если подойти к этому тексту без предвзятых мыслей, то смысл его будет совершенно ясен: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства..., а закупного ли наймита, то есть душегубство...» Автор текста не хотел повторять в одной и той же фразе сказуемое дважды. Из стоящего вначале условного предложения автор во второй части текста оставил только частицу «ли» для того именно, чтобы показать, что «аще ли убиет» относится к двум противополагаемым друг другу объектам. («А закупного [аще ли убиет] наймита, то есть душегубство».) Мне кажется, что такое понимание текста наиболее просто и естественно. Оно не только не противоречит другим известным нам фактам, но находится с ними в полном соответствии: полный челядин здесь, как и всегда в источниках, противополагается закупу-наймиту, что то же — «закупному наймиту». Закупный наймит «Правосудия» известен и «Русской Правде», где эти термины употребляются как синонимы.

Отсюда, конечно, не вытекает, что я склонен защищать вывод Сергеевича о закупе как наймите. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Сергеевич в своем отождествлении закупа и наймита был по существу не прав, потому что под наймитом он разумел наемного в капиталистическом смысле слова работника [6], но формально он был совершенно прав, потому что отождествляет наймита и закупа сама «Русская Правда»: «продаст ли закупа господин обель, то наймиту свобода во всих кунах...» (ст. 61 Троицкого IV списка), конечно, под наймитом подразумевая совсем не то, что понимал Сергеевич.

«Правосудие Митрополичье», таким образом, говорит не о трех объектах (челядин-полный, челядин-наймит и закупный наймит), а о двух (челядин-полный и челядин-наймит, он же закупный наймит). Этот закупный челядин-наймит подразумевается и в ст. 27 «Правосудия Митрополичьего»: «А се стоит в суде челядин-наймит». Он не хочет оставаться у своего осподаря. Он имеет полное право уйти от господина, вернув ему задаток в двойном размере (удвоение суммы задатка несомненно в целях удержания за господином работника); если же он побежит от осподаря, то превращается в холопа. Ведь здесь нет абсолютно ничего нового против того, что говорит «Русская Правда» о закупе в ст. 56 Троицкого списка: «Оже закуп бежит от господина, то

[6] «Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед, то же делалось и в старину» (Русск. юрид. древн., т. I, стр. 191).

обель; идет ли искати кун, а явлено ходит или ко князю или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правда». В «Правосудии Митрополичьем» этот закуп рассматривается стоящим перед судом по вопросу о расторжении своих отношений с господином. Терминология этих двух памятников, тесно связанных между собою генетически, совершенно тождественна и, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений. В обоих памятниках говорится о рабе и закупе, причем в «Правосудии Митрополичьем» рабы и закупы считаются двумя разновидностями одного родового понятия — челядь.

Это разъяснение источника для нас имеет огромное значение, и здесь я должен полностью согласиться с замечанием С. В. Юшкова в его предисловии к «Правосудию Митрополичьему»: «Прежде всего выясняется, что нельзя отождествлять челядинов с холопами, как это до сего времени делалось. Оказывается, существовали челядины полные и челядины-наймиты» [7]. Это, конечно, совершенно верно, но все же требует некоторого уточнения.

В нашей старой литературе по этому предмету мы можем встретить немало интересного.

Вот, например, что говорит по этому поводу М. Ф. Владимирский-Буданов: «Факты языка указывают, что древнейший первоисточник рабства находился в связи с семейным правом. Слово «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы... Термины: челядь (чадь, чадо) [8], раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в малор. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам» [9].

Сергеевич по этому вопросу писал: «Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев». Дальше Сергеевич уже к этому термину не возвращается, но в своих толкованиях термина «холоп» дает понять, как он относится и к термину «челядь». «Русская Правда» не просто говорит о холопах, она различает еще «обельное холопство» (ст. 110 Троицкого IV списка); а иногда вместо того, чтобы сказать «холоп», она говорит «обель». «Были значит,— продолжает Сергеевич,— холопы совершенные и несовершенные. Что же такое несовершенный холоп?» — спрашивает он и отвечает так: «Холоп и роба... означает слугу и работницу. Но слугой и работницей могут быть и вольные люди. Вольная работница, следовательно, может быть тоже названа рабой, а вольный слуга — холопом». В доказательство этой мысли Сергеевич ссылается на указ 1597 г., говорящий о «добро-

---

[7] ЛЗАК, вып. 35, стр. 119.
[8] Чадо и челядь филологически не имеют между собой ничего общего.
[9] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 400—401.

вольном холопстве». «Только «обельные холопы» или «полные» суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова» [10].

Если исключить из этого рассуждения ссылку на указ 1597 г., относящийся к совсем иным условиям, к другому времени и поэтому ни в коем случае не могущий служить аргументом для мнения Сергеевича, то можно признать мысль автора, если не доказанной в полной мере, то во всяком случае весьма правдоподобной и интересной. Рассуждения автора о холопстве, несомненно, должны быть учтены и при рассмотрении термина «челядь».

Такого же приблизительно мнения о холопе был и М. П. Погодин. Он различал холопов временных и полных [11].

Самоквасов, как это очень часто бывает с ним, занимает и относительно этого вопроса особое место. «В эпоху Русской Правды,— пишет он,— рабские поселения, принадлежавшие церковным учреждениям, князьям и боярам, назывались селами». «Летописи говорят о существовании в XII в. многих княжеских, церковных и боярских сел, населенных челядью или чадью...». В доказательство этих своих положений он ссылается на известные тексты Ипатьевской летописи, говорящие о челяди. Но, считая челядь рабами, Самоквасов и часть смердов включает сюда же, так как он думает, что «земледельцы рабского состояния княжеских сел в эпоху Русской Правды назывались смердами в тесном смысле» [12]. Итак, Самоквасов зависимых от феодалов смердов называет «земледельцами рабского состояния». Стало быть, если учесть оригинальную терминологию Самоквасова, то станет совершенно ясно, что он считает челядь состоящей из рабов и зависимых смердов.

По некоторым признакам можно думать, что Аристов тоже не всегда считал «челядь» рабами. По этому предмету мы имеем у него следующую фразу: «В селах князей народонаселение состояло из челяди и рабов, число которых доходило до 700, напр., в селе Святослава» [13]. Далее, однако, он высказывается за понимание челяди в смысле рабов [14].

Другие исследователи совершенно определенно термин «челядь» понимали в смысле рабов. Так именно трактовали этот термин Б. Н. Чичерин, И. Д. Беляев, М. А. Дьяконов и др.

---

[10] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 98—100.

[11] М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. II. М., 1871, стр. 771.

[12] Д. Я. Самоквасов. Курс истории русского права, изд. 3-е, М., 1908, стр. 282 и 286.

[13] Н. Аристов. Промышленность древней Руси, 1865, стр. 53.

[14] Там же, стр. 184 и др.

Б. Н. Чичерин, говоря об источниках рабства, указывает на один из них, именно «рождение от рабыни», и тут же поясняет свою мысль: «плод от челяди, так же, как плод от скота, составляет собственность хозяина» [15]. И. Д. Беляев высказывает аналогичное мнение [16].

Так же смотрит на этот предмет и М. А. Дьяконов. Он понимает термин «челядь» очень прямолинейно. По его мнению, это одно из наименований рабов, и только. Известное упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г. о 700 человек челяди в Путивльском имении князя Святослава и другие упоминания челяди в том же источнике (под 1159 г.) М. А. Дьяконов относит к рабам без всяких оговорок [17].

Итак, в буржуазной литературе можно без труда различать два основных направления: 1) понимание термина «челядь» в смысле рабов и 2) понимание этого термина в более широком значении, куда входят и рабы и не-рабы.

Второе мнение мне представляется более приемлемым и доказуемым, но только за известный период времени.

В русских памятниках древней письменности, как подлинных, так и переводных, челядь встречается тоже нередко.

Особенно показателен в этом отношении перевод евангелия и библии, сделанный с особой тщательностью и максимальной точностью. Конечно, я имею в виду прежде всего тексты древнейших переводов. Некоторые из них современны «Русской Правде».

В Юрьевском евангелии 1119 г. от Луки, гл. 12, ст. 42, челядь соответствует греческому θεραπεία: «Кто убо есть верный строитель и мудрый, его же поставит господь над челядью своею даяти во время урок житный». В Вульгате термин «челядь» передан словом familia, в русском переводе евангелия — «над слугами своими».

В евангелии от Матфея гл. 24, ст. 45, тот же текст передан несколько иначе, но и здесь греческий термин θεραπεία, имеющий варианты οἰκία и οἰκετεία, в славянском переводе передан термином «дом» или «слуги». По-немецки — Dienerschaft.

В библии по списку XIV в. в книге Бытия сказано: «Приде же Иаков в Лузу, яже есть в земли Ханаанстей..., сам и вся челядь его» (Бытия, XXXV, ст. 6). Этот термин «челядь» по-гречески обозначен термином λαός, по-латыни populus. Этому термину здесь в древнееврейском соответствует «ом» (народ): «и вся челядь его» — по-еврейски: «весь народ (ом), который при нем» (или «с ним»). В книге Исход читаем: «Воздвигошася же

---

[15] Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, 1858, стр. 146.

[16] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, 1903, стр. 14.

[17] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 84, 111, 115 и др.

сынови израилевы от Рамессы в Сокхор до 600 000 пеших мужей разве челяди» (Исход, XII, 37, по списку XIV в.). В современной библии изд. 1900 г. термин «челядь» заменен словом «домочадство». По-гречески πλὴν τῆς ἀποσκευῆς, по-латыни apparatum. По-древнееврейски здесь стоит «тоф», т. е. дети; стало быть, слова «разве челяди» соответствуют еврейскому «кроме детей».

В договорах с греками под термином «челядь» не обязательно понимать только рабов.

«О том аще украден будет челядин рускый или ускочит или по нужи продан будет и жаловати начнут Русь, (да) покажеться таковое от челядина, и да поимуть и в Русь; но и гостие (аще) погубиша челядина и жалують, да ищуть обретаемое да поимуть е: еще ли кто искушенья сего не дасть створити, местник да погубить правду свою» [18].

Едва ли в этой статье имеются в виду обязательно только рабы, привезенные в Константинополь на продажу. Вполне возможно, что это слуги, сопровождающие своих господ в далекое путешествие, среди которых, естественно, были и рабы. Закон оберегает их от насильственной продажи, каковая удостоверяется, в случае если она имела место, самим челядином; возвращенный из бегов, из насильственной продажи челядин возвращается обратно в Русь. Эта мысль подчеркнута дважды. Среди этих слуг могли быть и подлинные рабы и не-рабы. Продавались, конечно, незаконно, в Киевском государстве и закупы [19], т. е. не-рабы, и, вероятно, другие категории населения.

Приведенный текст договора во всяком случае не дает права категорически утверждать, что в нем под термином «челядь» разумелись непременно только рабы. К сожалению, мы не знаем, что здесь стояло в греческом тексте: θεραπεία, ἀποσκευή или какой-нибудь из терминов, упоминаемых в евангелии и библии.

Несколько яснее среди челяди проглядывают не-рабы в «Поучении» Владимира Мономаха в том месте, где он говорит о предпринятой им карательной экспедиции против минского князя Глеба: «Изъехахом город (Минск.— *Б. Г.*) и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Он хочет сказать, что не оставил в Минске ничего. Трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не-рабов в момент нападения на город Минск. Тут, несомненно, часть населения была истреблена, часть уведена в плен без различия их социального положения [20].

---

[18] Договор 911 г., ст. 12. В договоре 944 г. говорится о бегстве челядина «от св. Мамы», т. е. из предместья Константинополя, где жили со своими слугами приезжие русы (Договор 944 г., ст. 3).

[19] «Русская Правда», Карамзинский список, ст. 61.

[20] Лаврентьевская летопись, стр. 239, изд. 1897 г.

Минский князь Глеб, с которым вел войну Владимир Мономах, едва ли действовал иными методами. О нем тот же Владимир Мономах говорит, что Глеб захватил у него людей («...Глеба, оже ны бяше люди заял...»[21]); Владимир Мономах их отнял обратно. Нет ничего невероятного в том, что этих захваченных Глебом людей с таким же успехом можно было назвать и челядью. Во время феодальных войн князья иногда возвращают ее обратно. «Володимир же умирися и начаста быть во велице любы. Владимир же и *челядь ему вороти*, што была рать повоевала»[22]. Так летописец описывает перемирие после войны владимиро-волынского князя Владимира Васильковича с польским князем Кондратом в 1279 г. Хотя это событие относится к более позднему времени, оно ничем не отличается от известных нам более ранних фактов обмена захваченных во время войны людей.

Здесь термины «люди» и «челядь» употребляются альтернативно.

Под 1100 г. описан весьма популярный в нашей ученой литературе факт соглашения князей на Уветичском съезде. После войны между собой князья Святополк, Владимир, Давид и Олег собрались в Уветичах и обратились к Володарю и Васильку с предложением мира на известных условиях, в число которых входило требование о выдаче холопов и смердов (*«а холопы наши и смерды выдайта»*[23], говорили собравшиеся в Уветичах князья Володарю и Васильку). Каким образом чужие смерды и холопы оказались у Володаря и Василька, догадаться нетрудно. Это — их полон. Это они успели ополониться челядью, которую недавно враждебные, а сейчас замирившиеся князья хотят получить обратно. «И не послуша сего Володарь и Василько», т. е. пленных холопов и смердов не выдали.

То же мы можем наблюдать и несколько позднее, когда князь Владимир Василькович волынский обращался к польскому князю Лестку, «абы ему *воротил челядь*, он же не вороти ему челяди его»[24] (1282 г.). То же мы видим и в первой половине XI в.: «В си же времена (1043 г.) вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за всно людий 800, яже бе полонил Болеслав, победив Ярослава»[25].

Понятие «челяди» в сопоставлении этих текстов раскрывается, как «холопы... и смерды».

Ополониться челядью не значит захватить только рабов. Захваченные в плен разные категории населения, однако, превращаются тем самым в челядь, где имеются и рабы и не-рабы.

---

[21] Лаврентьевская летопись, стр. 241, изд. 1897 г.
[22] Ипатьевская летопись, стр. 581, изд. 1871 г.
[23] Там же, стр. 181.
[24] Там же, стр. 586.
[25] Лаврентьевская летопись, под 1043 г.

Если мы дадим себе труд всмотреться в ряд летописных сообщений о военных действиях, сопровождавшихся захватом пленных, то еще больше укрепимся в убеждении, что челядь — не только рабы [26].

Едва ли будет правильно понимать термин челядь только в смысле рабов и в известной вкладной жены князя Глеба в Печерский монастырь: «а по своем животе (по завещанию) вдала княгиня 5 сел и с челядью и все да и до повоя» (1158 г.) [27]. Летописец хочет подчеркнуть, что княгиня отдала в монастырь все, до последней нитки. Стало быть, трудно предположить, чтобы она из этих пяти сел предварительно отобрала всех не-рабов, переселила их куда-либо, а потом только отдала эти села с челядью монастырю. Не проще ли этот текст понимать так, как и хотел передать нам его летописец? Княгиня отдала все свое имущество и в том числе 5 сел со всем сидевшим там населением, среди которого могли быть и рабы и зависимые смерды.

Думаю, что точно так же мы должны понимать и 700 человек челяди в путивльском имении князя Святослава [28].

Только что рассмотренные факты относятся к XI—XII вв. Здесь челядь прежде всего есть та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца, которая эксплуатируется им на барщинной работе, либо служит на барском дворе, выполняя здесь самые разнообразные функции вплоть до низшей военной службы в дружине феодала. Челядью в более расширенном смысле слова называли иногда всю массу зависимых людей, живших и по деревням. Этим я отнюдь не хочу отрицать того, что иногда термины «челядь» и «челядин» употребляются в смысле «холоп», но, как мы видели, самое понятие «холоп» для известного времени тоже достаточно сложное.

Если исходить от времени «Русской Правды» в глубь веков, то мы без особого риска сможем под термином «челядь» разуметь familia, οἰκέται того периода, когда рядом с хозяином и хозяйкой дома и ее дочерьми сидели патриархальные рабы и рабыни, выполняя домашние работы и находясь под властью patris familias.

Намек на то, что челядь когда-то обозначала familia, можно видеть в позднейших пережитках. В XVII в. употребляется термин «челядок» в смысле «сын» [29]. Но время, когда жила эта

---

[26] Ипатьевская летопись, стр. 572, 584—585. Подробнее об этом см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 1949, стр. 152—165.

[27] Ипатьевская летопись, стр. 338.

[28] Там же, стр. 237.

[29] А. А. Федотов-Чеховский. Акты гражданской расправы, Киев, 1862, стр. 407.

familia, в наших письменных памятниках отразилось только частично.

Итак, если попытаться подвести нашим наблюдениям итоги, то «челядь» в наших источниках обозначает не одну какую-либо категорию зависимого населения. В этом термине, как, впрочем, и во многих других, отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры.

Челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское keltis, латышское cilts,— это все слова одного корня, которые ведут нас к глубокой старине, когда keltis и cilts значило — genus. Geschlecht, т. е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей вообще, у поляков и чехов — домашнюю прислугу, дворню, зависимых людей, детей. Соответствуя понятию familia, этот термин менял свое содержание вместе с историей familiae, в состав которой первоначально входили домашние рабы, а с течением времени все чаще и чаще стали входить и не-рабы.

Меня в данном случае интересует больше всего вопрос, в какой стадии развития этого института встречается он в «Русской Правде» и как понимать этот термин в древнейших наших письменных источниках. Это вопрос, от того или иного решения которого зависит очень многое.

Несомненно, что евангельский текст начала XII в., отразивший словоупотребление и более раннего периода, пользуется этим термином в смысле θεραπεία, т. е. не-рабы по преимуществу. Библейские тексты пользуются этим термином согласно древнееврейскому точному смыслу слова в двух значениях: 1) народ (древнеевр. «ом», греч. λαός, лат. populus), где исключаются рабы, и 2) домочадцы (древнеевр. «тоф», греческ. ἀποσκευή, лат. apparatum), где наличие рабов в некоторой доле возможно [30].

Несомненным мне кажется понимание термина «челядь» в некоторых летописных текстах в смысле пленников, судьба которых может быть самой разнообразной. Не случайно Маврикий Стратег, византийский писатель VI в., сказал о славянских пленных, что находящихся у них в плену они не держат в рабстве (ἐν δουλείᾳ), как прочие народы. Для грека рабы противополагаются свободным, под которыми разумеются все не-рабы, т. е. не только подлинно свободные, но и зависимые люди всех оттенков, исключая рабов.

---

[30] В разъяснении греческих терминов, соответствующих древнерусскому «челядь», принимал участие недавно умерший незабвенный С. А. Жебелев.

Нам хорошо известно, что пленники продавались, но нам также хорошо известно, что они и выкупались и их сажали на землю в качестве крепостных [31].

Договоры с греками подчеркивают право обеих договаривающихся сторон на выкуп пленных даже и в том случае, если их успели уже продать.

Ополонившиеся челядью князья не раз сбывали свой товар за границу. В этом смысле Святослав и говорил о том, что в Переславец на Дунае, куда «вся благая сходятся», из Руси идет «скора и воск и мед и челядь».

Очень характерно, что Пространная «Правда» в особом отделе об обельном холопстве, т. е. подлинном, настоящем в узком смысле слова рабстве, среди источников рабства плен не упоминает. Здесь определенно и решительно эта «Правда» заявляет, что «холопство обельное трое», т. е. имеется только три источника рабства: 1) купля, 2) женитьба на рабе без особого договора, 3) поступление в тиунство без особого договора [32]. Стало быть, пленный как таковой — еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи, да и то со значительными оговорками, пример которых указывают договоры с греками.

Если наши старые письменные источники, и прежде всего «Русская Правда», различают просто холопов и холопов обельных, только под последними разумея настоящих рабов, то тем резче они, как мы видели, отличают холопов от челяди. И эта очевидная потребность провести границу между обельными холопом и челядином заставила составителей «Русской Правды» в этом отношении быть очень точными.

Принимая во внимание все эти обстоятельства и учитывая факт различения «Русской Правдой» челядина и холопа, мы, естественно, приходим к выводу, что если холоп даже и входит в понятие «челяди», то он там не растворяется целиком, и в отдельных случаях «Правда» находит необходимым говорить о нем отдельно.

Если мы правильно поняли смысл термина «челядь», тогда мы можем видеть в «Русской Правде» челядь и там, где она прямо не называется.

Известно, например, что «Правда» Ярославичей, заключающая в себе материал для суждения об организации крупной феодальной вотчины XI в., ни разу не пользуется термином

---

[31] Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собраста вои многы, идоста на ляхи и заяста грады Червеньская опять, и повоеваша Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделиста я; Ярослав посади своя по Роси и суть до сего дне».

[32] «Русская Правда». Троицк, IV список, ст. 110.

«челядь». Но поскольку здесь речь идет о зависимых непосредственных производителях, эксплуатируемых крупным землевладельцем (в данном случае князем), нельзя себе представить, чтобы законодатель мог обойтись без самой мысли о челяди. Имение для данного периода без челяди так же немыслимо, как фабрика без рабочих. Мне кажется, что законодатель челяди не забыл, но для данного случая он предпочел раскрыть перед нами конкретное содержание этого понятия, указав на отдельные элементы, в него входящие.

Возьмем знаменитые ст. ст. 24—26: «А в сельском старосте княжи и в ратайном 12 гривне»; «А в рядовници княже 5 гривен»; «А в смерде и в холопе 5 гривен». Перед нами перечень непосредственных производителей, находящихся под прямым наблюдением княжеских старост, т. е. представителей собственника земли. Можем ли мы назвать всю эту группу рабочего населения вотчины челядью? Думаю, что можем, хотя и с некоторыми оговорками. Несомненно, сюда входят холопы, затем люди, зависимые от собственника земли по договорам («ряд», отсюда «рядович», «рядовник»). Встречаем мы здесь и смерда.

Однако, насколько можно судить по очень скудным и неясным данным «Правды», смерд едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи. Смерд может работать на барском дворе, в барской усадьбе, в барском хозяйстве вообще, но он не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства, необходимыми для ведения самостоятельного хозяйства.

Появление смерда рядом с холопами и работающими по договору людьми нужно рассматривать как симптом, угрожающий самому существованию челяди в качестве основы барского хозяйства. Это симптом перехода к новому, более прогрессивному способу ведения хозяйства, стало быть, к следующему, новому этапу в развитии всего общества.

Смерд действительно сделал в конечном счете челядь ненужной. Но для данного отрезка времени, отраженного в «Правде» Ярославичей, смерд существует в барском хозяйстве рядом со старой челядью, в значительной степени подчиняясь режиму, созданному здесь очень давно. При этих условиях и на смерда иногда распространялись черты, характерные для челядина, значительно роднившие его с положением патриархального раба.

Итак, термин «Русской Правды» «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая при этом тенденцию к исчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколь и

важен для правильного понимания общественных отношений IX—XII вв.

Если термин «челядь» в XI веке заключает в себе уже понятие более сложное, чем рабы, если «Правда» Ярославичей, как можно думать, раскрывает нам содержание этого термина, то отсюда вытекает наша обязанность пойти по следам, намеченным «Правдой» Ярославичей, и по возможности полнее и конкретнее изучить каждый из ингредиентов, входящих в понятие «челядь», т. е. рабов, рядовичей и зависимых смердов.

Рабы

У исследователей общественных отношений средневековой Руси вопрос о рабах до недавнего времени не вызывал сомнений: рабы были хорошо известны во всей средневековой Европе, их общественное положение и хозяйственная роль казались достаточно ясными. Обычно ученые специалисты ограничивались констатированием факта наличия рабов и на Руси, относя их к категории людей несвободных.

Только в последнее время стали появляться работы, вносящие в историю холопов новые мысли.

Особенно обострился вопрос в конце 30-х годов XX в. в связи с поставленной в нашей науке проблемой общественного строя Киевской Руси.

После выхода в свет моей книги «Феодальные отношения в Киевском государстве», где проведена совершенно четко мысль о том, что Киевская Русь, как и другие средневековые европейские государства, пошедшие по пути развития феодализма, миновала стадию рабовладельческого общества, появилась попытка изобразить Киевскую Русь как общество рабовладельческое (рабовладельческая формация).

Ввиду того, что вопрос этот для нашей науки имеет большое принципиальное значение, на проблеме рабства в Киевской и докиевской Руси необходимо остановиться внимательнее.

В постановке юридической школы историков вопрос не представлял никакой принципиальной остроты.

Очень обстоятельно точку зрения на рабство древней Руси изобразил Б. Н. Чичерин. «К числу учреждений, составляющих завещанное веками наследие,— пишет он,— у всех народов, по крайней мере в известные эпохи их жизни, принадлежат состояния несвободные. Рабство мы видим уже в глубочайшей древности; нет народа, у которого бы оно не проявлялось в той или другой форме. Начало его теряется во мраке; впоследствии оно продолжает существовать, изменяясь с течением времени, принимая в себя новые стихии, но вообще смягчаясь по мере развития начал человеколюбия и нравственности. У каждого

народа оно получает свой оттенок, зависящий от народных свойств и от характера общественного развития». У всех народов первоначальным источником рабства был плен. Но не у всех народов пленные находились в одинаковом положении. «У славян, по свидетельству Маврикия, пленные держались в неволе только временно. Это не настоящее рабство. Настоящее рабство является у нас вместе с варяжскою дружиной и вероятно было внесено ею» [1].

Далее автор переходит к рассмотрению источников рабства по «Русской Правде» и другим документам, оставленным нашей древностью: «плен, женитьба, заем, наем, преступление, добровольное подданство — все могло свободного человека сделать рабом, не говоря уже о способах производных, как-то купле и рождении в холопском состоянии» [2]. «Холоп считался не лицом, а вещью, частною собственностью хозяина», «за действия холопа отвечает господин» [3]. Раб лишен всяких прав. «Одно только и встречается законоположение в пользу холопов: это то, что дети, прижитые хозяином от рабыни, после его смерти делаются свободными вместе с матерью. Здесь нравственное начало восторжествовало и ослабило юридическую строгость учреждений» [4].

Б. Н. Чичерин указывает также и на роль холопов в хозяйстве. Это по большей части личная прислуга князей и других лиц; холопы сажались и на землю, «но вообще сельское народонаселение состояло из свободных крестьян, между которыми, только как исключение, сажались холопы» [5].

М. Ф. Владимирский-Буданов не согласен с Б. Н. Чичериным в том, что холоп есть вещь. По его мнению, «холопы обладали некоторыми правами, почему и речь о них должна быть отнесена к учению о субъектах, а не к учению о вещах (объектах)» [6]. Источники рабства находятся в связи с семейным правом. Отсюда и разнообразие положения раба у разных народов: «у народов с суровыми семейными отношениями и институт рабства получает строгий характер; напротив, у народов таких, у которых отеческая власть менее сурова, и рабы почти приравниваются к подчиненным членам семьи. К этим последним принадлежали и славяне». Владимирский-Буданов отмечает двойственность трактовки правового положения раба в источниках: по одним источникам, определяющим юридическое

---

[1] Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, М., 1858, стр. 143—145.
[2] Там же, стр. 148.
[3] Там же, стр. 149, 150.
[4] Там же, стр. 153—154.
[5] Там же, стр. 158.
[6] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 400.

положение холопов («Русская Правда»), они лишены всякой правоспособности; по другим, говорящим о фактическом положении их, они являются наделенными некоторыми правами (договор 1229 г. с немцами, допускающий законность обязательств холопа; договоры 1195 и 1229 гг. имеют в виду честь рабыни).

Общее заключение об эволюции правового положения раба у Владимирского-Буданова сводится к утверждению: «права господ все ограничиваются, и рабство получает все более и более мягкий характер». Этому смягчению содействовали три главнейшие условия: 1) относительная национальная мягкость славянского права вообще; 2) распространение христианского учения; 3) изменения интересов государственных [7].

Владимирский-Буданов, старающийся оставаться в строго очерченных рамках права, хозяйственного применения рабов не касается.

М. А. Дьяконов в этом отношении не подражает Владимирскому-Буданову. Он обращается к хозяйственному строю Руси за объяснением самого рабовладельческого права. «Труд холопа находил широкое применение в домашнем хозяйстве при городских и загородных дворах и в селах, принадлежавших князьям, боярам и монастырям». М. А. Дьяконов челядь считает рабами, к рабам он относит и рядовичей («обыкновенные холопы»). Холопство сыграло важную роль в домашнем хозяйстве господ и в качестве товаров. Суровость правового положения холопов на практике значительно смягчалась, и эта практика подготовляла почву для улучшения юридического положения холопов, чему энергично способствовала и христианская церковь [8].

Много внимания правовому положению раба на Руси уделяет Сергеевич. Он тоже считает раба собственностью, но с оговоркой: «Раб есть собственность, но с некоторыми отступлениями от этого начала в частностях». Останавливается он на вопросе об отношении церкви к институту рабства [9]. Предки наши не могли не замечать, что есть разница между собственностью-человеком и всякой другой собственностью.

---

[7] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 401, 412—413, 415—416.

[8] М. А. Дьяконов ссылается тут на заповедь митрополита Георгия: «аще кто челядина убиет, яко разбойник епитемью приимет». Впрочем, сам М. А. Дьяконов здесь же указывает, что это «строгое правило» церковного права долго не проникало в общественные нравы. Двинская Судная Грамота конца XIV в. недалеко ушла в этом отношении от «Русской Правды». Увещания церкви «едва ли могли иметь серьезные результаты» (М. А. Дьяконов. Очерки общ. и госуд. строя, стр. 118—119.)

[9] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 101, 119 и др.

В трактовке древнерусского холопства у Сергеевича нет принципиальных расхождений с другими приведенными выше авторами. Заслуживает внимания лишь его оригинальное и не лишенное основания понимание ст. 110 Пространной «Правды». В ст. 110 («...оже кто купить хотя и до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть пред самем холопом...») Сергеевич видит в процедуре самопродажи холопа перед свидетелями и со взысканием пошлины («ногату даст») вмешательство государства в холопий вопрос, скрепление сделки государственной властью.

Владимирский-Буданов прибавляет к этим соображениям еще упоминание в статье 109 («А се уроци ротнии: от головы 30 кун...»), где «от головы» он склонен понимать как пошлину при продаже холопа [10]. Не придавая своим и Сергеевича соображениям решающего значения, автор все же считает необходимым напомнить, что и освобождение раба совершалось «формально перед общественной властью» («а освободивше челядин 9 кун, а метельнику 9 векош...», ст. 107) [11].

Для В. О. Ключевского вопрос о холопстве и особенно о юридической его природе имеет особое значение. Институт холопства интересует его не столько сам по себе, как один из институтов древнерусского права, а в гораздо большей степени с точки зрения его влияния на историю крестьянства, так как В. О. Ключевский убежден, что «крепостное право возникло прежде, чем крестьяне стали крепостными, и выражалось в различных видах холопства». По его мнению, «вопрос о происхождении крепостного права есть вопрос о том, что такое было крепостное холопское право в древней Руси, как это право привито было к крестьянству» [12].

В. О. Ключевский много раз возвращался к этому предмету. В статье «Подушная подать и отмена холопства в России» он подходит вплотную к древнейшим памятникам, имеющим отношение к холопству. Он вспоминает и отзыв Маврикия Стратега о славянских пленных и араба Ибн-Русте о руссах, хорошо обращающихся с рабами, но думает, что эти свидетельства относятся к области русских нравов, а не к области русского права.

---

[10] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 411. Христоматия, вып. 1, стр. 77—78, прим. 155. Впрочем, сам Владимирский-Буданов не настаивает на своем предположении и в «Обзоре истории русского права» (стр. 411) называет «все эти указания сомнительными». М. Н. Тихомиров такое толкование ст. 109 тоже считает «сомнительным» (М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 70).

[11] «Русская Правда», Троицкий IV список.

[12] В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Опыты и исследования, первый сб. ст., Пгр., 1919, стр. 193.

Право он видит в «Русской Правде» и находит между нравами и правом на Руси серьезное расхождение: нравы были мягки, а закон суров [13].

Свои заключения о древнерусском холопстве В. О. Ключевский строит главным образом на данных «Русской Правды». Он настаивает на том, что «Русская Правда» не различает видов холопства и знает только одно обельное, т. е. полное, что только позднее, уже в XII—XIII вв., «первобытное русское холопство» эволюционировало, и несвободные люди стали делиться на разряды по степени зависимости и общественного значения. «О русских холопах (в это время.— *Б. Г.*) уже можно было сказать, что один более холоп, другой менее» [14]. Тут автор имеет в виду образование привилегированного слоя челяди.

Почему автор относит появление этих холопских рангов только к XII—XIII вв., остается без разъяснения, и у читателя возникает недоумение, как быть с «Правдой» Ярославичей, отразившей в себе холопство X—XI вв.: ведь в этой «Правде» уже холопские ранги налицо и в достаточно развитом виде. Очень много автор отводит места влиянию церкви на смягчение холопского права. «Церковь произвела в положении русского холопства такой решительный перелом, которого одного было бы достаточно, чтобы причислить ее к главным силам, создавшим древнерусское общество» [15].

Для доказательства этого рискованного положения автор прибегает к соображениям косвенным и не всегда убедительным. Он, например, уверяет, что церковь установила три случая обязательного дарового отпуска холопов на волю: 1) раба, прижившая детей со своим господином, обязательно освобождалась после его смерти вместе с прижитыми от него детьми, 2) свободный человек, совершивший над чужою рабою насилие; этим самым делал ее свободной; 3) холоп или раба, которым причинено увечье по вине их господина, выходили на волю.

Инициативу церкви в первом случае В. О. Ключевский доказывает тем, что сюжет касается семейного права, находящегося вообще в ведении церкви. Последние два случая аргументированы недостаточно (второй из них требует особой осторожности).

В связи с ролью церкви в смягчении холопского права очень оригинальна трактовка автором изгойства. По его мнению, это холопы, получавшие новое юридическое лицо с переходом в церковное владение: «холоп, вступая в общество церковных

---

[13] В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России (там же, стр. 291).

[14] Там же, стр. 312.

[15] Там же, стр. 294.

людей, становился изгоем, зависимым от церкви вольноотпущенником» [16].

Я не ставлю себе задачей подробно излагать ни хода рассуждений В. О. Ключевского, ни всех его выводов. Мне хотелось подчеркнуть в его трудах только самое главное и имеющее отношение к стоящей передо мною теме.

В этой связи необходимо еще раз вернуться к мнению В. О. Ключевского о том, что холопское право и крепостное право — это одно и то же. Для современного марксистского понимания вопроса с точки зрения учения об общественно-экономических формациях эта мысль совершенно неприемлема, так как тут мы имеем два разных качества. Раб — собственность хозяина, живет на иждивении хозяина, средств производства не имеет, работает господским инвентарем на хозяина, никаких государственных повинностей не несет и рассматривается как объект гражданского права. Крепостной крестьянин имеет собственное хозяйство, основанное на личном труде, а в силу зависимости от своего хозяина-феодала обязан ему феодальной рентой и в то же время несет многочисленные государственные повинности. Это самый многочисленный класс феодального общества, имеющий даже в крепостном состоянии некоторые возможности дальнейшего развития.

Конечно, ни раб, ни крестьянин в одном положении на протяжении своего существования не оставались: эволюционировал раб в направлении изживания рабства и ликвидации самого института; эволюционировал и крестьянин до известного момента в направлении усиления зависимости от хозяина и уменьшения своих крестьянских прав; но ему как крестьянину уничтожение не угрожало. Он как крестьянин пережил и крепостное право, и капиталистический строй; как крестьянин вошел он в социалистическое общество.

Методологическая ошибка Ключевского заключается в том, что он сопоставляет два явления, разнородные по существу, имеющие лишь некоторые сходственные черты. Он ставит знак равенства между рабом, полностью зависимым от господина, и крепостным крестьянином периода наивысшего расцвета крепостничества, когда он находился в неполной собственности господина. Ключевский не считается с тем, что даже в это время, в этом своем положении, крестьянин от раба отличался экономической своей сущностью, своим местом в общественно-политических отношениях, что история рабов и крестьян глубоко различна.

---

[16] В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства России, стр. 318.

В 1915 г. появилась более смелая попытка, чем опыт Владимирского-Буданова, превратить раба древней Руси в субъект права, объявить его не вещью, а лицом. Имею в виду статью П. И. Беляева «Холопство и долговые отношения в древнерусском праве».

Автор этой статьи ставит вопрос очень определенно. «Среди историков русского права,— пишет он,— утвердилось то положение, что древнерусский холоп был бесправным и безличным существом и что только под влиянием церкви и под влиянием известных экономических факторов холоп уже очень рано стал приобретать имущественные и личные права».

Автор соглашается с этим положением только отчасти. Он признает, что «церковь и экономические условия сыграли большую роль», но эта уступка общепринятому мнению аннулируется убеждением автора, что «принципиально холоп никогда не был безличным и бесправным существом, что холоп с самого начала был не вещью, а лицом, субъектом, а не объектом права». Автор ссылается на Пространную «Русскую Правду» и на договоры с немцами, почему-то, однако, игнорируя «Правду» краткую.

Раб «мог быть субъектом таких сложных гражданских сделок, как торговые, быть поверенным в процессе, давать взаймы и быть должником по займу, приобретать движимое и недвижимое имущество, отчуждать недвижимое имение, передавать по наследству имущество». Рабы могли иметь семью [17], «рабы в качестве тиунов были субъектами публичных прав и публично-правовых действий» [18].

Тут автор ссылается и на Пространную «Правду» и на духовные грамоты и указы середины и конца XVI в., что, конечно, никак не может способствовать убедительности соображений автора, так как холоп X—XI вв. и холоп XVI в. a priori не могут быть тождественными. Столь широкие во времени обобщения вообще ничего не дают для уяснения общественных явлений, так как при этом всегда теряется самое главное — текучесть и изменяемость явления, иначе — его подлинная жизнь.

Но несмотря на крупные недочеты в работе П. И. Беляева, она заставляет пересмотреть старые представления на этот предмет. Если автор не доказал и не мог доказать, что холоп «с самого начала» был лицом, субъектом, а не объектом права, то он совершенно правильно подметил эволюцию холопства, внутренние изменения в холопском праве, идущие в направлении изживания самого института.

---

[17] П. И. Беляев. Холопство и долговые отношения в древнерусском праве, «Юрид. вестник», 1915, № 9, стр. 115.

[18] Там же, стр. 116.

Если обратиться к литературе послереволюционной, то на первое место, несомненно, надо поставить работу С. В. Юшкова. Имею в виду главу «Превращение холопов в крепостное крестьянство» его книги «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси».

Прежде всего хочется отметить тут бесспорную мысль о том, что и Русь, как всякая феодальная страна, знает процесс превращения раба в крепостного, т. е. серваж, что термин «холоп» в наших источниках имеет два смысла — широкий и узкий. Под холопом в узком смысле понимали раба (обельный холоп); в широком — холопом называли якобы «всякого зависимого человека». Автор далее старается показать, как конкретно происходил этот процесс превращения холопов в средневековых феодальных serv'ов: холопы получают определенную хозяйственную самостоятельность, начинают владеть инвентарем «и форма их эксплуатации начинает фактически сближаться с феодальной рентой». В доказательство этой мысли автор ссылается на то, что в XIII—XIV вв. в княжеском хозяйстве (и в других крупных хозяйствах) холопы перестали играть роль основной рабочей силы, что явилось в результате не отпуска холопов на волю, а превращения их в крепостных (страдники).

С. В. Юшков решительно не согласен с теми, кто думает, что холопы Киевской Руси сидели в рабских казармах. По его мнению, они жили в отдельных дворах со своими семьями (ссылка на купчую Антония Римлянина, вкладную Варлаама Хутынского и на летописное сообщение о расселении пленных Ярославом Мудрым по р. Роси).

Плодотворной мне кажется мысль С. В. Юшкова и о том, что при указанных им условиях неизбежно было правовое сближение холопов с зависимыми смердами [19] (С. В. Юшков наличия независимых смердов не признает).

С этих совершенно правильных, на мой взгляд, позиций С. В. Юшков разбирает и Устав о холопах Пространной «Правды». Исходя из убеждения, что «Правда» не только фиксирует действующее право, но и вносит много нового, отменяющего старину, С. В. Юшков делает очень смелое заключение: «...до Русской Правды холоп... не был субъектом преступления. Он

---

[19] Эту свою мысль С. В. Юшков старается обосновать в главе «Формы и характер зависимости закупов», где он, строго различая обельное холопство от холопства вообще, находит возможным под эту последнюю категорию подвести и закупов. Закуп «входит в состав неполных холопов» (Очерки, стр. 85). Полностью соглашаясь с тем, что холопы были не только обельные, все же думаю, что осторожнее будет следовать за терминологией источников, которые закупа никогда холопом не называют. В быту, весьма возможно, термином «холоп» пользовались более свободно и произвольно.

не платил никаких продаж. Холоп... не мог быть послухом ни при каких условиях; жизнь холопа защищалась только взиманием урока»[20]. «Русская Правда» создала новые нормы холопьего права.

Последняя по времени выхода в свет большая работа, специально посвященная холопству, принадлежит А. И. Яковлеву. Хотя автор поставил себе задачей изучение холопства в Русском государстве в XVII в., тем не менее он нашел нужным коснуться и того периода, которым в данный момент интересуемся и мы. Имею в виду первую главу его труда «Эволюция древнерусского холопства в X—XVI вв.».

В главе много деталей, прямо или косвенно относящихся к холопству; я их касаться не буду. Мне важно подчеркнуть основные положения автора. Первое из них — это признание Киевской Руси обществом не рабовладельческим, феодальным. Тезис, ясно говорящий о том, какую позицию занял автор в имевшем место научном споре.

Далее он отмечает большой рост интереса к холопьему вопросу в Киевской Руси, что, по его мнению, выразилось: 1) в количественно огромном возрастании в «Русской Правде» норм, посвященных холопству (в Краткой «Правде» 6 статей, в Пространной — 31); 2) в далеко ушедшей дифференциации холопов, заметной уже в Краткой «Правде»: «Холоп не только товар...; но личность...»; 3) в росте аппетитов холоповладельцев, принимающем «опасные размеры, угрожающие социальными взрывами и потрясениями», для предупреждения чего князь вынужден прибегать к мерам ограничения произвола холоповладельцев; 4) в попытке власти уточнить грань между свободным и холопом.

А. И. Яковлев отдает дань тонкости юридической мысли законодателя (князя-«кодификатора») по данному вопросу.

Если мы прибавим сюда замечание автора о том, что «в Киевской Руси рабский труд все сильнее и сильнее вытеснялся более прогрессивными формами производства» (следует цитата из Краткого курса истории ВКП(б) о смене рабовладельческого способа производства феодальным)[21], то получим представление о ходе мыслей автора: холопство постепенно вытесняется более прогрессивным трудом крестьянина, власть идет навстречу этому процессу, хотя с мотивами поведения власти, как их объясняет автор, можно согласиться только отчасти (не только боязнь «взрывов и потрясений» руководила законодателем в его

---

[20] С. В. Юшков. Очерки, стр. 66.

[21] А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М.—Л., 1943, стр. 18 (в дальнейшем цит. «Холопство и холопы»).

стремлении ограничить рост холопства, а и соображения хозяйственной целесообразности).

Но дело в том, что автор иногда отходит от этой прямой линии своих рассуждений и, например, несколькими страницами ниже пишет, что «на холопах... строилось все хозяйство князей и бояр (даже.— *Б. Г.*) удельного времени» [22].

Недоказанным представляется мне и изображение политики власти по отношению к холопьему вопросу. Автор считает «Устав о холопах» Пространной «Правды» крутым ответом верхов рабовладельческого общества на либеральные мероприятия государственной власти о закупах и вдачах [23].

Постараюсь ниже показать (это уже и было сделано С. В. Юшковым и мною в прежних работах), что холопий кодекс не «ответ» рабовладельцев на робкие попытки власти, а целеустремленное выступление власти, идущее навстречу прогрессивным требованиям хозяйственной жизни общества.

Итак, современная нам наука в вопросе о холопах отошла от старых представлений юридической школы, пошла по новому пути, поставила проблему по-новому. И нужно сказать, что в новой постановке вопрос получил очень большой удельный вес: от того или иного его решения зависит представление о ходе едва ли не всей истории Руси этого периода.

Для решения столь ответственной задачи одинаково необходимо ясное представление о месте Руси среди других народов средневековой Европы и о характере общественных отношений средневековой Европы. Только при учете этой всемирно-исторической обстановки мы можем правильно понять и наши источники.

Несомненно, рабство — самый старый вид эксплуатации человека человеком. Очень рано у всех народов пленников стали превращать в рабов и пользоваться ими как рабочей силой. Но для историка общественных отношений любого народа

---

[22] А. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 24.

[23] «Этот холопий кодекс «Правды» (устав о холопах.—*Б. Г.*) дополняет и иллюстрирует общую картину закрепостительных тенденций княжеско-боярско-дружинного хозяйства» (стр. 21). И на следующей странице: «Перед нами страна, имущие классы которой пытаются развить и укрепить нормы, способствующие «законному порабощению», облеченному в известные обрядовые правовые формы. Князья, бояре, дружинники всех разрядов, купцы... довольно дружно стремятся *к общей цели* — к развитию, оформлению и обработке норм, *содействующих порабощению* слабых элементов общества» (стр. 22, курсив мой.—*Б. Г.*). И тут же на стр. 21 читаем: «На робкие и несмелые статьи о закупах и вдаче (составленные княжеской властью, как это вытекает из контекста.—*Б. Г.*) *верхи рабовладельческого общества* ответили крутым и необычайно пространным для «Правды» и для своей эпохи холопьим кодексом,» систематически выраженным в целых 14 статьях» (курсив мой.—*Б. Г.*), будто бы этот кодекс составлен не той же самой властью, что и устав о закупах.

совсем недостаточно отметить наличие рабства. Историк обязан определить место раба в производстве, его удельный вес в экономике страны.

Огромная разница в положении раба в Римском государстве и в положении рабов у так называемых «варваров». В Риме раб — основа производства; у германцев, славян, армян, иберов (если не считать Урарту) рабы никогда не играли такой роли и не могли играть, так как эти общества развивались в иной исторической обстановке, в таких условиях, где главное место в производстве принадлежало сначала свободному труду крестьянина-общинника, а позднее — тому же крестьянину, но уже подневольному. По сравнению с античным периодом, это был большой шаг вперед в истории человечества.

Для исследователя, поставившего себе задачу изобразить историю сельского населения Руси, совершенно необходимо иметь в виду специфику того отрезка времени в истории человечества, когда создается русский народ и Русское государство. Необходимо для того, чтобы не потерять ориентиров, чтобы не исказить перспективы.

Древнеславянское патриархальное, домашнее рабство продолжало существовать и в Киевском государстве. Мы видели рабов в составе челяди. Их прекрасно знают и договоры с греками, и «Русская Правда», и летописи, и жития. Житие Феодосия Печерского, писанное в XI в. Нестором, сообщает, что тринадцатилетний Феодосий, сын небогатого землевладельца, будущий столп Печерской обители, ходил «с рабы своими на село делати с всяким прилежанием» [24]. Под 1066 годом Новгородская летопись говорит об удавлении епископа Стефана его собственными холопами [25]. Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из Печерского монастыря по распоряжению отца, служат «раб множество». Те же рабы и рабыни плачут, когда Варлаам, несмотря на все меры, принятые отцом, чтобы оставить его дома, настоял на своем и решил вернуться в монастырь [26]. В самом Печерском монастыре работали рабы, и когда монах Василий в течение нескольких лет днем и ночью вместо них молол на братию жито, «легота бываше рабом» [27].

Необходимо иметь в виду, что с термином «раб» в житиях святых надо обращаться очень и очень осмотрительно. Дело в том, что официальные юридические памятники и летописи не знают термина «раб» и всегда пользуются термином «холоп»

---

[24] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 17.
[25] Новгородская II и III летописи, изд. 1879 г., стр. 185.
[26] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 25.
[27] Там же, стр. 116.

(для женщины «роба») [28]. В памятниках церковной письменности терминология иная. Здесь слово «раб» встречается очень часто и в более широком смысле. Поэтому в житиях под термином «рабы» могут подразумеваться не только обельные холопы, но и всякие зависимые от хозяина люди — слуги вообще.

Наличие рабов-холопов княжеских, боярских, церковных и монастырских подтверждается и «Русской Правдой», где в ст. 46 читаем: «Аже будуть холопи тати любо княжи, любо боярьстии, любо чернець, их же князь продажею не казнит, зане суть не свободни...»

Однако констатировать эти факты — значит только доказать наличие рабов в Киевской Руси у князей, бояр и церкви. Этого очень недостаточно. Нам необходимо знать гораздо больше. Ведь каждое общественное явление, во-первых, есть часть целого и связано с ним генетически и функционально; во-вторых, оно живет, т. е. не остается неизменным в своей жизни. Стало быть, задача историка состоит в том, чтобы определить: 1) отношение каждого общественного явления к целому, в данном случае — определить место и значение рабов в общей системе русской жизни в Киевский период ее истории и 2) проследить изменения в положении рабов.

Бросается, например, в глаза факт значительного простора, предоставляемого законом выкупу пленных. Уже в VI в. Маврикий Стратег отметил положение пленных в славянском обществе, отличающее славян от греков. Славяне не превращают своих пленных в рабов, либо предоставляют им право выкупиться, либо дают им возможность остаться в их среде в качестве свободных. Это обстоятельство не могло не удивить византийца. Приблизительно то же мы видим и у восточных славян — руси в более позднее время.

О выкупе, например, говорит ст. 9 договора с греками Олега (911 г.): «аще от рати ят будет... такоже да возвратится во свою страну, и отдана будет цена его...» В договоре Игоря 944 г. об этом предмете говорится еще яснее: «Елико хрестиян от власти нашея (т. е. греков.— *Б. Г.*) пленена приведуть русь, ти аще будеть уноша или девица добра, да вдасть златьник 10 и поиметь и; аще ли есть средовечь, да вдасть златьник 8 и поимуть и; аще будеть стар или детищь, да вдасть златьник 5. Аще ли обрящуть русь, работающе у грек, аще суть пленьници, да искупають я русь по 10 златьник; аще ли куплл и будеть гречин, под крестом достоить ему, да возьметь цену свою, елико

---

[28] Роба, раба, а отсюда раб, робить, роботать, робота, работа — старое русское слово, совершенно незачем производить его от немецкого «Raub», как это делает А. И. Яковлев.

же дал будеть на нем» [29]. Здесь предусматривается даже случай, когда пленника успели продать; в этом случае вместо 10 златников нужно за пленника платить сумму, за которую он был продан.

«Закон Судный», хорошо привившийся на Руси, подтверждает это правило: «А се иже купить пленника от работных. Иже купить от работных пленника, свою цену дасть на нем, то вдав на себе то же, да идеть вспять свободь, да имать купли его дондеже изработеся, аще не имать что на себе юже свеща; а мьзде ему на всяко лето наречется 3 шлязя пред послухом; тако коньчявшю ему цену, да отпущается на свободу» [30].

Очень важно подчеркнуть здесь, что пленник, не имеющий никаких надежд на выкуп кем-либо из своих близких, может отработать сумму выкупа, после чего отпускается на свободу.

Плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению. Тем не менее выкуп пленного кем-либо со стороны или же путем отработки пленником известной суммы, повидимому, был делом не легким, и весьма вероятно, что масса пленников переходила из рук в руки в качестве товара чаще, чем отпускалась за выкуп на свободу.

Здесь важно, однако, отметить самый принцип, который едва ли был возможен в античном обществе.

Необходимо также обратить самое серьезное внимание и на другую сторону дела. Пленник либо отпускается за известное вознаграждение на волю, либо продается чаще всего за границу, т. е. и в первом, и во втором случае он рассматривается не столько как рабочая сила, необходимая на Руси, сколько как ценный товар, на который имеется спрос в некоторых странах зарубежных.

Если античные общества стремились сосредоточить у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем разрешался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь мы имеем обратный процесс — не концентрацию рабов, а их распыление.

Этими сопоставлениями русских рабов с античными рабами я отнюдь не собираюсь умалить роль раба в древнерусском обществе как рабочей силы. Я хочу лишь показать, что место его в производстве на Руси IX—XI вв. было иным, чем в античных рабовладельческих обществах.

Мы имеем сведения о том, что в XI в. пленных сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных. По крайней мере трудно иначе понять следующее место Лаврентьевской летописи, под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собраста вой много,

---

[29] Договор 944 г. — А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пгр., 1916, стр. 56—57.

[30] Новгородская I летопись, стр. 478—479, изд. 1888 г.

идоста на Ляхы и заяста грады Червенскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделиста я; Ярослав посади своя по Роси, и суть до сего дне» [31].

Жили они, конечно, в дни летописца в своих дворах и на своих участках со своими семьями. Если бы у них не было семейства, если бы они жили в казармах и работали в кандалах, то о посаженных в 1031 г. (уже в среднем возрасте) никак нельзя было бы сказать 80—90 лет спустя «суть до сего дне». О наличии семейств у холопов, как это отметил уже С. В. Юшков, говорят и купчая Антония Римлянина и вкладная Варлаама Хутынского («Тудор с женою и с детьми одерень. Волос с женою и детьми одерень») [32].

Пространная «Правда» в своем перечне источников рабства пропускает плен. Она говорит, что «холопство обельное трое: 1) оже кто купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а ногату дасть пред самим холопомь, а не без него; 2) а другое холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же и стоить; 3) а се третье холопьство: тиуньство без ряду или привяжеть ключь к собе, с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить» (ст. 110 Троицкого IV списка).

Совершенно ясно, что институт холопства взят под контроль государственной власти. Нетрудно подметить и курс государственной политики в данном вопросе. Нельзя не обратить внимания на то, что «Русская Правда», указывая на три источника обельного холопства, тут же рекомендует способ, каким можно уберечься от опасности попасть в категорию рабов: если при продаже раба не было послухов или продаваемый не видел, что за него платили деньги, он не холоп; при вступлении в брак с рабыней или при поступлении на определенную работу к хозяину стоит заключить договор, и угроза холопства аннулирована.

Непосредственно вслед за 110 статьей, определяющей источники обельного холопства и указывающей свободному человеку средства избежать превращения в холопа, идет статья 111, являющаяся прямым продолжением мысли законодателя о сокращении источников рабства. «А в даче (в Карамзинском списке: «А вдач») не холоп и ни по хлебе работять (в Карамзинском списке: «инии по хлебе роботять»), ни по придатце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть». Весьма вероятно, что именно грозные события 1113 г. понудили правительство пойти на уступки восставшей массе и включить в «Правду» эту статью. Она интересна тем, что

[31] Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, 1031 г.

[32] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 133, прим. 3. Даже если эти грамоты дошли до нас в несколько измененном виде, процитированное место не вызывает сомнений.

показывает нам как аппетиты холоповладельцев, так и курс политики власти по отношению к холопству. Закон запрещает за данный в долг хлеб или за проценты превращать бедного человека в раба и рекомендует отработку долга.

Весь этот устав о холопах составлен с явным стремлением не допустить дальнейшего разрастания рабства. Это, несомненно, говорит о том, что холопы не были главной рабочей силой в хозяйстве князей, бояр и церкви.

Супружеские отношения в качестве источника рабства известны древнерусскому обществу, но и они говорят о том, что у раба может быть семья и что далеко не обязательно превращение в рабов обоих супругов, если один из них свободный. В холопа превращается свободный человек только в том случае, если он «поиметь робу без ряду», «поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же и стоить» [33]. Повидимому, последний случай не был редкостью. В «Законе Судном людем», которым, несомненно, пользовались и у нас на Руси, помещено особое правило для тех, кто «работает из робы». Там сказано: «Тако иже работаеть из робы, свещаеть цену его пред послухы (это и есть ряд.— *Б. Г.*), да отпущается» [34], т. е. можно по договору с господином рабыни отработать за нее определенную перед послухами сумму. Дети от рабыни после смерти свободного отца (вероятно, самого господина) получают свободу вместе с матерью, хотя отцу и не наследуют [35].

Нужно сказать, что положение детей, прижитых свободными с рабыней, не всегда многим отличалось от детей, рожденных от свободной матери. Об этом как будто говорит нам известное место Новгородской летописи под 970 г., где рассказывается, как в Киев «приидоша людье Новгородьстии просяще князя собе». «Аще не пойдет к нам,— говорили они кн. Святославу,— то мы налезем собе князя». Святослав высказал некоторое сомнение: «да аще бы кто шел к вам». Тогда Добрыня посоветовал им просить Владимира, который, по его мнению, должен был быть несколько сговорчивее, так как был «от Малуши, ключнице Ользине». Она приходилась родной сестрой Добрыне, а отец их был Малк Любечанин. Добрыня, стало быть, приходился родным дядей Владимиру. Владимир согласился: «И пояша новгородци Володимира к собе, и пойде Володимер с Добрынею, уем своим, к Новуграду» [36]. Как видим, происхождение Владимира от ключницы-рабыни (это видно из дальнейшего) не

---

[33] «Русская Правда», Троицкий IV список, ст. 110.

[34] Новгородская I летопись, стр. 479, изд. 1888 г.

[35] «Русская Правда», Троицкий IV список, ст. 98.

[36] Новгородская I летопись, стр. 21, изд. 1888 г. По этому поводу см. замечания, сделанные А. А. Шахматовым в его «Разысканиях», стр. 373—378.

помешало ему пользоваться такими же правами, как и его братьям от свободных матерей. Уколола его рабским происхождением Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, когда Владимир изъявил желание на ней жениться. «Не хочу розути робичича»,— сказала она, что, правда, не остановило Владимира, а лишь вынудило его прибегнуть к насилию, однако подчеркнуло и другую сторону дела: гордая Рогнеда, несомненно, знала, что происхождение от рабыни не может не наложить некоторую тень на человека вообще и, в частности, на нежеланного для нее претендента на ее руку.

В договоре Новгорода с немцами 1195 г. честь рабыни оберегается особой статьей: «Оже кто робу повержет насильем, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна»[37]. Раба, имеющая детей от свободного, после его смерти делается свободной со своими детьми[38].

Как будто и супружеские отношения свободных и рабов не имеют аналогии, по крайней мере в римском рабовладельческом обществе.

Неисполнение обязательств по древнерусскому праву как будто не ведет к рабству. Правда, некоторые исследователи с этим положением не согласны. М. А. Дьяконов считает, что торговая несостоятельность в уплате долга, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: «ждуть ли ему, продадять ли его, своя им воля» (Троицкий IV список, ст. 54). В следующей статье идет речь вообще о задолженности («Аже кто многим должен будеть»), последствием которой также является продажа должника на торгу (там же, ст. 55)[39]. Но едва ли это не недоразумение. В «Русской Правде», в ст. 55 (Троицкий IV список) говорится: «Аже кто многим должен будет», то в случае нежелания или невозможности расплатиться с кредиторами, «вести и на торг и продати же и отдати же первое гостеви куны, а домачьным, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны преже взяти, а прок в дел». То же и в предыдущей статье: «Иже который купец, шед где любо с чюжими кунами истопиться, любо рать возметь или огнь, то не насилити ему, ни продати его...: оже ли пропьеться или пробьется, а в безумье чюж товар потравить, то како любо тем, чии то куны, ждуть ли ему, продадять ли его, своя им воля».

М. А. Дьяконов понимает термин «продать» в буквальном смысле продажи личности обанкротившегося купца в рабство.

---

[37] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 112.

[38] «Русская Правда», Троицкий IV список, ст. 98.

[39] М. А. Дьяконов. Очерки общ. и госуд. строя, стр. 113.

Однако с этим согласиться трудно уже по одному тому, что от продажи купца в рабство едва ли можно было получить столь значительную сумму, чтобы хватило расплатиться с кредиторами, среди которых имеется даже князь. Средняя цена раба, по «Русской Правде»,— рублей 35 на деньги середины XIX в. [40] Едва ли кто-либо захотел бы переплачивать за него только потому, что это бывший купец. Наконец, нам известно, что грозило обанкротившемуся купцу в XII в. Здесь уместно напомнить, что, согласно церковному уставу князя Всеволода (1125—1136), обанкротившийся купец превращается не в раба, а в изгоя («изгои трои: попов сын грамоте не умееть, холоп ис холопьства выкупится, купець одолжает») [41] и то не непосредственно, механически, а ввиду необходимости устраивать по-новому свою жизнь.

Термин «продать» гораздо проще объяснить иначе — именно так, как его понимали современники. В договоре Игоря 944 г. мы имеем прекрасное и совершенно ясное объяснение: «Ци аще ударить мечем или копием или кацемь любо оружиемь русин гречина или гречин русина, да того деля греха заплатить серебра литр 5 по закону русьскому; аще ли есть неимовит (несостоятелен.— *Б. Г.*), да како можеть, втоликоже продан будеть, ако да и порты, в нихже ходить, да и то с него сняти, а опроче да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничьтоже, ти такопущен будет» [42]. То же мы имеем и в Двинской Уставной грамоте 1397 г., построенной на основе «Русской Правды»: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклого татя; и от того наместником и дворяном не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат втретьие, ино повесити» [43]. И здесь продают не самого татя, а его имущество [44]: за первую кражу — в размере украденного, за вторую продается все его имущество, за третью он подвергается смертной казни.

Есть, однако, основание предполагать, что параллельно с этой узаконенной государственной властью практикой жила и другая тенденция, менее выгодная для несостоятельного должника. На нее намекает проект договора с немцами 1269 г., где немцы пытались вставить условие об обращении в раба несостоятельного

[40] Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 281.
[41] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып 1, стр. 245.
[42] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, Пгр., 1916, стр. 58.
[43] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 142.
[44] Ср. совершенно правильное, на мой взгляд, мнение по этому вопросу С. Г. Струмилина (Договор займа, стр. 60).

должника с женою и детьми [45]. Намек на наличие подобной тенденции можно видеть в ст. 111 Пространной «Правды», где запрещается превращать в раба должника.

Для продажи в рабство «Русская Правда» знает другой, более точный термин: «продать обель» («продаст ли господин закупа обель» — Троицкий IV список, ст. 61). И как будто для того, чтобы у нас не осталось никакого сомнения относительно того, что долг не превращает свободного человека в раба, в особом отделе «Русской Правды» (там же, ст. 111), посвященном вопросу о холопстве, после определения трех источников холопства (купля, женитьба без ряду на рабе и поступление без ряду в тиуны или ключники) помещается специальная статья: «А вдач не холоп и ни по хлебе работят ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость, отходит ли, то не виноват есть», т. е. за «ссуду» деньгами или хлебом или за проценты не обращают в рабство. «Должник» отрабатывает долг в известный срок. Если он не отработает этого срока, то должен возвратить долг. Едва ли, впрочем, тут мы имеем обычную ссуду. Вероятнее предположить, что здесь говорится об особой форме феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающей «добровольное холопство» или «служилую кабалу» раннего времени в Москве. Отчасти в связи с этим правилом в Карамзинском списке «Правды» мы имеем расценку труда женки с дочерью: «О сиротьем вырядке». «А женка с дчерию... по гривне на лето...» [46] В этой статье существенно то, что она знает переход обязательств рядовича в случае его смерти на его семью и подчеркивает возможность выхода из зависимости через отработку.

Все письменные памятники, трактующие о рабах, позволяют говорить о том, что рабство как способ производства не развивается, не растет, а идет на убыль.

Но так как мы прекрасно знаем, что хозяйство Киевской Руси прогрессировало, то сокращение рабства можно понимать только в том смысле, что взамен рабов вырастали иные кадры рабочей силы, обслуживавшие князей, бояр, церковь. Эти кадры, как мы увидим, пополнялись прежде всего смердами, попадавшими в зависимость путем внеэкономического принуждения; за ними следовали категории сельского населения, попадавшие в зависимое положение вследствие своей бедности и невозможности вести свое собственное хозяйство.

Интересно отметить факт, пока еще очень мало обследованный, что церковь, лучший хозяин во всех странах Европы и в Византии, владевшая рабами и пользовавшаяся ими, отказывается от рабского труда первой.

---

[45] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 31, стр. 67.
[46] «Русская Правда», стр. 354.

В средневековой Руси известны церковные рабы: епископские холопы в Новгороде, рабы Киево-Печерского монастыря, рабы Хутынского монастыря [47]. «Русская Правда» знает черных рабов. В «Правосудии Митрополичьем», где упоминается челядин полный, вероятно, тоже разумеется церковный раб. В дальнейшем, во всяком случае, мы рабов в церкви уже не встречаем. Церковь начинает пользоваться трудом крепостных.

Так постепенно меняется состав челяди. С русским холопом происходит то же, что и со средневековым рабом (servus) во всей Западной Европе. Термин продолжает жить в течение всех средних веков, но содержание его, естественно, меняется. Серв в средневековой Европе — не раб, а крепостной. Перемена в семантике слова обусловлена переменами в хозяйственном и правовом положении серва.

Рабов на Руси делается все меньше и меньше, по крайней мере в тех хозяйствах, которые умели во-время приспособляться к требованиям жизни.

Раб в древней Руси, как и в любой другой стране, конечно, имеет свою историю. Мы, к сожалению, не можем проследить ее начала. Мы не знаем конкретно, что представляет собой раб VII—VIII вв., но мы знаем, что он играл тогда в производстве серьезную роль, что именно он помог своему господину овладеть более прогрессивным трудом крестьянина.

Древнейшая «Русская Правда», отражающая общественные отношения приблизительно VIII—IX вв., говорит о рабах немного, потому что сюжет был слишком хорошо известен и, не возбуждая больших споров, не требовал специальных разъяснений. Нетрудно подметить, однако, и в этой древнейшей «Правде» несколько разновременных слоев: в более древней части раб скрыт под общим именем «челядь», в более поздней — он известен под термином «холоп».

О беглом челядине эта древнейшая часть «Правды» заговорила по особому поводу. Она имеет в виду случай бегства челядина и укрывания его у варяга или колбяга. Весьма возможно, что мы тут имеем распространение обычной нормы на специальный казус (на варягов и колбягов). Но этот случай дает нам для познания правовой и хозяйственной сущности раба очень мало. Мы узнаем только о том, что государство оберегает интересы господствующих классов и защищает их право и на рабов. Ст. 16 той же «Правды» устанавливает процедуру разыскания украденного или беглого раба и дает понять, что раб имеет свою цену, что его покупают и продают.

---

[47] Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю 1192 г. М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 134.

Ст. 17 той же «Правды», несомненно, более поздняя. Тут и терминология иная. Статья говорит о холопе, ударившем свободного мужа и укрывшемся в усадьбе своего господина. Статья наводит на ряд предположений: 1) очевидно, участились случаи избиения свободных людей холопами, если закон об этом заговорил специально; 2) господин холопа в таком случае не лишается его, но платит за него штраф в 12 гривен; господская усадьба достаточно крепка, и господин достаточно силен, чтобы укрыть у себя холопа, которого обиженный свободный человек, несомненно, ищет; 3) если обиженному удастся поймать обидчика-холопа, обиженный имеет право его «бить».

Вопрос о холопстве приобретает с течением времени и в связи с меняющейся обстановкой большую остроту. Жизнь требует вмешательства закона по отдельным возникающим в процессе эволюции общественных отношений случаям.

«Правда» Ярославичей имеет свою специфику. Она касается внутренних отношений в княжеской вотчине и, раскрывая перед нами ее организацию, естественно, показывает нам место холопов и роль их в княжеском домене и тем самым во всяком крупном хозяйстве. Бросается в глаза факт, что часть административного аппарата княжеской вотчины — холопы. Несомненно, холопы: старосты сельский и ратайный, кормилица (о ней и сказано «роба»), «кормиличиц». Их необходимо считать рабами, потому что за их убийство взимается не вира, а урок и продажа в 12 гривен: «А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины убьен, то за холопа урок платити или за робу, а князю 12 гривне продажи» [48]. Такое разъяснение дает устав Владимира Мономаха, более поздний, чем «Правда» Ярославичей, но вполне допустимо, что это правило действовало и до Мономаха. Очень хорошо понимаю, как опасно делать выводы на основании штрафной сетки, но позволяю себе прибегнуть к этому приему только потому, что между данными «Правды» Ярославичей и законом Владимира Мономаха имеется убедительное и подкупающее соответствие.

За убийство княжеского тиуна и старого конюха взыскивается вира, даже в двойном размере. Стало быть, это либо не холопы, либо не всегда холопы, либо холопы, высоко поднявшиеся по социальной лестнице.

В составе рабочей части населения вотчины рядом со смердом (крестьянином) и рядовичем (работающим по договору) стоит и холоп [49]. Как правильно заметил С. В. Юшков, это сближение смерда с холопом есть результат успехов феодализации общества (феодально зависимые группы крестьянства

---

[48] Пространная «Правда», ст. 89.
[49] Краткая «Правда», ст. 26.

эксплуатировались в феодальной сеньерии наряду и вместе с холопами) [50]. Холоп начинает приобретать характер средневекового серва; зависимый крестьянин, все больше теряя свои права, приближается к серву.

Пространная «Правда» уделяет холопству очень много внимания. Если в древнейшей «Правде» челяди и холопу посвящено три статьи, в «Правде» Ярославичей собственно холопу — три и две статьи — старостам и кормильцам, которых мы как будто тоже имеем основание причислить к холопам, то в Пространной «Правде» их 19 плюс две статьи о ремесленниках и кормильцах, как будто тоже холопах. Уже это количественное увеличение статей о холопстве заслуживает внимания; на эту сторону дела и указал А. И. Яковлев [51].

Наибольший интерес представляют статьи, написанные после совещания, созванного Владимиром Мономахом, так как они, как мы уже видели, вносят в жизнь холопов много нового. Кроме статей, уже рассмотренных выше, об источниках холопства, где явно обнаруживается намерение законодателя сузить круг этих источников и сделать их менее опасными для людей свободных, мы можем наблюдать и расширение правоспособности и судебной дееспособности холопов.

Мы видим здесь холопа торгующим по полномочию своего господина, вступающим в денежные обязательства [52], выступающим на суде в качестве послуха [53], имеющим собственность.

Очень важно отметить и условия, помещенные русской стороной в договоре с немцами 1195 г., документе, созданном 80 лет спустя после Устава Мономаха о холопах. Это условие о защите чести рабыни: за покушение на изнасилование установлен штраф, изнасилованная рабыня получает свободу.

Перед нами дальнейшая эволюция холопьего права. Холопство на наших глазах теряет прежние суровые черты и приближается к состоянию крепостничества.

Эти выводы покоятся на понимании «Русской Правды» как кодекса, созданного не для фиксации уже действующего права, а для введения в жизнь назревших новых норм, либо совсем, либо частично отменяющих старину.

В самом деле, зачем было собирать совещания «по Ярославе» и «по Святополце», если тут речь шла только о записи всем

---

[50] С. В. Юшков. Очерки, стр. 62.

[51] А. И. Яковлев насчитал в Пространной «Правде» 31 статью о холопах, но он в эту цифру внес и статьи о закупах (Холопство и холопы, стр. 19).

[52] Пространная «Правда», ст. 117: «Аже пустит холопа в торг, а одолжает...»; ст. 116: «Аче же холоп куны вылжеть, а он будет не ведая вдал...»

[53] «... будеть ли послух холоп...» (Пространная «Правда», ст. 85).

хорошо известного обычая? В самой «Правде» совсем ясно говорится о том, что дети Ярослава отменили некоторые законы, действовавшие при их отце [54], что Владимир Мономах отменил законы своего предшественника Святополка и заменил их новыми [55]. Только признав именно эту точку зрения на наши законодательные сборники правильной, на чем я настаиваю уже давно [56], мы сможем наблюдать и в «Русской Правде» отдельные этапы в развитии общественных отношений на Руси.

Не остается места для сомнений в том, что киевский период нашей истории IX—XII вв.— это период изживания рабства, период роста и укрепления феодальных отношений. Патриархальное домашнее рабство, прекрасно известное славянскому обществу хотя и продолжало существовать при дальнейшем развитии феодальных отношений, но все больше и больше теряло свое значение.

Значительное количество рабов в этот период истории Руси не должно нас смущать. Рабство уже стало обнаруживать явную тенденцию к исчезновению. Несколько дольше оно продержалось в боярских и княжеских вотчинах, дожив здесь как явление массовое приблизительно до конца XV в., когда и эти архаически организованные хозяйства стали явно стремиться к освобождению от рабов, былого источника своей силы и могущества, теперь превратившегося в свою противоположность и ставшего несомненной причиной их слабости. На наших глазах рабство таким образом завершает диалектический цикл своего развития [57]. Но в IX—XII вв. оно еще не дошло до своего естественного конца, оно еще продолжает существовать в недрах успешно развивающегося феодального общества.

В связи с процессом феодализации и крестьянская община претерпевала заметные изменения. Рост имущественного неравенства разлагал ее изнутри, заставлял обедневших членов общин искать прибежища у богатых землевладельцев, а с другой стороны, развитие феодального крупного землевладения ставило под удар независимость целых общин. В таких случаях крестьяне-общинники, даже и не лишенные средств производства, стали вместе со своей землей переходить под власть крупных собственников. Многие из недавних полноправных членов общины, обязанные барщиной своим новым господам, вынуждены были становиться в ряды барской челяди; они не

---

[54] Пространная «Правда», ст. ст. 2 и 65.

[55] Там же, ст. 53.

[56] Б. Д. Греков. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 130.

[57] Холопы в XVII в. в подавляющем своем большинстве иного происхождения и не связаны с патриархальными рабами киевского и докиевского периодов нашей истории.

смешивались окончательно с рабами, но в значительной степени, по крайней мере в глазах своих господ, им уподоблялись. Именно об этом периоде раннего крепостничества Энгельс говорил, что оно носило в себе еще много черт древнего рабства.

«Русская Правда» сохранила для нас ценнейшие указания на этот период существования общества и позволяет нам изучить этот интереснейший процесс, по крайней мере в основных его проявлениях.

Сейчас мы переходим к изучению не-рабских элементов челяди.

Рядовичи

Мое понимание термина «рядович», поскольку оно идет вразрез со значительной частью предшествующей научной трактовки этого предмета, нуждается в серьезном обосновании.

Я не буду разбирать всю литературу вопроса, но попытаюсь привести мнения, особенно интересные или принадлежащие ученым, авторитет которых до сих пор мало оспаривается.

У Сергеевича о рядовичах два мнения. Он считает рядовича, упоминаемого в «Русской Правде», «рядовым» рабом на том основании, что «ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба». Он же допускает, что рядович — не всегда раб. «Рядович — всякий, по ряду (договору) у кого-либо живущий» [1]. Мрочек-Дроздовский видит в рядовиче несвободного приказчика. Это несвободные подключники в княжеских, боярских или иных владельческих имениях [2]. Пресняков считает рядовича низшим агентом хозяйственного или административного управления и в доказательство приводит известный текст из Даниила Заточника: «Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры». «А сотским и рядовичем... не судити» [3]. Леонтович признает рядовича договорником [4]. Götz принимает толкование Сергеевича.

Для меня в данном случае не столь важны функции рядовича (он, действительно, в некоторых источниках рассматривается в качестве низшего агента вотчинной администрации), сколько его социальная природа. Тут с Сергеевичем можно согласиться только наполовину. Целиком приемлемой считаю его характеристику: «рядович — всякий, по ряду у кого-либо живущей». Стало быть, это не холоп. Соображения Сергеевича, вытекающие из оценки рядовича, одинаковой с рабом, не убедительны.

---

[1] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 196, прим.
[2] П. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, М., 1886, стр. 200.
[3] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 293, прим. 1.
[4] Ф. И. Леонтович. Крестьяне ю.-з. России. Киев. унив. изв. 1863, № 10, стр. 9.

Тогда и смерда нужно считать рабом, потому что и его оценка равна тем же 5 гривнам [5]. Вообще исходить только из штрафной сетки, применяемой к различным группам населения для определения социального положения различных категорий населения, — неосторожно. Мы, например, очень хорошо знаем, как «Уложение» Алексея Михайловича фиксирует эту сетку: «а деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел крестьян», т. е. по 2 рубля. Деловые люди, т. е. холопы, здесь стоят на одной доске с крепостными крестьянами и бобылями, между тем как за «гулящего человека», т. е. свободного, кормящегося временным заработком, взимается в два раза меньше («Уложение», гл. X, ст. 94). Здесь оценка хозяйского холопа выше оценки свободного рабочего, и этим смущаться совершенно нечего.

В самой «Русской Правде» имеются данные для объяснения социальной сущности рядовича. В ст. 110 Троицкого IV списка читаем: «А холопство обельное трое:... поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же и стоить. А се третье холопьство: тиуньство без ряду или привяжеть ключ к собе, с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же и стоить». Совершенно ясно, что человек, собирающийся жениться на рабе, имел полное основание предварительно заключить ряд с господином невесты. Так, повидимому, чаще всего и бывало на самом деле, как об этом, между прочим, очень ясно говорит «Закон Судный людем»: «А се иже работает из робы. Тако иже работает из робы, свещаеть цену его пред послухы, да отпущается» [6]. Перед послухами, очевидно, заключается ряд о цене выкупа за жену — рабу, который и погашается работой мужа рабыни. Так, повидимому, было не только в Болгарии, но и у нас. По ряду можно было поступить в ключники или тиуны.

Надо думать, что этими указанными двумя случаями не исчерпываются все возможные виды ряда при поступлении на службу или на работу, потому что оба эти случая приводятся «Русской Правдой» только в связи с происхождением обельного холопства и отнюдь самостоятельного сюжета не составляют. Мы имеем еще одно довольно важное подтверждение высказанного положения. Статья Карамзинского списка озаглавлена: «О сиротьем вырядке», а под этим заголовком значится: «А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами» [7]. Если отбросить расчет на 12 лет, примерно взятый

---

[5] Сергеевич считает, что в ст. 26 «Русской Правды» (Акад. сп.) речь идет о «смердьем холопе», с чем согласиться трудно.

[6] Новгородская I летопись, стр. 479, изд. 1888 г.

[7] «Русская Правда», т. I, стр. 354.

каким-то современным «Правде» «бухгалтером» вообще для всех его вычислений («а от 20 овец и от двою приплода на 12 лет...; а от 20 коз и двою приплода на 12 лет...; а от трех свиней приплода на 12 лет...» и т. д.), и отбросить итоговые цифры, всюду сопровождающие его примерные вычисления, то получим в этой статье очень краткое и вразумительное содержание: жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях «вырядка», т. е. для того, чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти «сирот» заключил ряд. Это — семья рядовича.

Аналогичное положение мы имеем в «Псковской Судной Грамоте»: «А у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него останется и дети не в записи... а та им покрута платить по той записи»[8]. В «Русской Правде» имеется в виду случай, когда рядович умирает и жена его отрабатывает какие-то предусмотренные рядом обязательства. «Выряд» — это аннулирование «ряда», выход из зависимого положения, созданного рядом.

Итак, рядович ни в коем случае не раб. Это, по московской терминологии, один из видов серебреничества. В хорошо всем известной грамоте середины XV в. князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю мы имеем довольно полный перечень поступающих на работу в монастырь людей: это — серебреники, половники, рядовые люди и юрьевские[9]. В грамоте разъясняется, что они могут уходить от своих господ только при условии выплаты серебра. Стало быть, это все, строго говоря, серебреники. «Рядовые люди» в этом перечне, повидимому, те же рядовичи.

Если рядович не раб, то он также и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость чисто феодальная, так как рядович через договор вступает в зависимость качественно иного характера и становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с холопом, т. е. входит в состав челяди.

Именно эти соображения и не позволяют мне согласиться с критическими замечаниями по моему адресу С. В. Юшкова, который рассуждает, как мне кажется, слишком формально. Отвергая мое толкование «рядовича» от «ряда»-договора, он приводит следующие соображения: «Ряд — договор; он предполагает какое-то конкретное содержание. Договор найма порождает наймитов; договор займа может породить закупов и вдачей. Какие иные моменты могут быть предметом договора? Едва ли смог вообще утвердиться самый термин «рядович», если под рядом понимается ряд о женитьбе на рабыне»[10]. Во-первых,

---

[8] Псковская Судная Грамота, ст. 85.
[9] ААЭ, т. I, № 48.
[10] С. В. Юшков. Очерки, стр. 131.

ряды мы имеем в «Русской Правде» не только о женитьбе на рабыне, но и при поступлении на службу в качестве тиуна или ключника. Во-вторых, в «Правде» приведены только те случаи, которые грозили превратить свободного человека в раба. Несомненно, в жизни были и другие варианты ряда. Но дело не в происхождении термина, а в последствиях ряда, заключающихся в том, что поряжающийся делался зависимым человеком. Это чисто феодальное право. Это и не договор найма, и не договор займа, а договор поступления в феодальную зависимость — своеобразный договор, характерный для феодальных общественных отношений. Спор о том, договор ли найма или договор займа лежал в основе трактовки рязанской или московской кабалы, был в свое время так же бесплоден, как и попытка объяснить рядовство путем применения норм, выросших в другой общественной обстановке. Не спорю, что рядович мог быть и «мелким хозяйственным агентом, помощником тиуна». Но это его функция, должность, а не социальная природа.

Институт рядовства по сравнению с рабством, несомненно, явление нового порядка, результат расслоения внутри общины, итог появившегося там имущественного неравенства. Откреплённые от средств производства недавние общинники вынуждены итти в эту кабалу. Положение рядовичей, как это видно из «Правды» Ярославичей, очень приниженное. «А в рядовницы княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен» — читаем мы там (ст. ст. 25 и 26). Эти 5 гривен не что иное, как возмещение убытка, причиненного хозяину-господину убийством челядина, каковым является и рядович.

Мы не знаем всех условий существования рядовичей, но летописи дают нам основание думать, что их приниженное и тяжелое положение в момент обострения классовых отношений в связи с усилением наступления землевладельцев на общину определило их позиции в народных движениях XI—XII вв., и особенно ярко проявившихся в 1113 г., после чего в Киев был призван Владимир Мономах.

Он был вынужден обратить внимание и на рядовичей. «Устав» Владимира Мономаха говорит не о рядовичах вообще, а только об их разновидности — закупах, в которых нетрудно видеть все элементы социальной природы тех же рядовичей.

Наша задача возможно полнее рассмотреть правовую и экономическую природу закупа.

Закупы

Вопрос о закупах — один из самых беспокойных вопросов. О закупничестве много писали, много спорили, спорят и сейчас.

Не считаю необходимым приводить здесь всю литературу вопроса. Но указать на основные труды, на разницу в постановке самой проблемы между различными историками нахожу полезным.

Самое старое мнение о закупах, высказанное еще И. Н. Болтиным, поддержанное потом Эверсом и Рейцом, сводится к тому, что закуп — это временно «служащий по кабале» человек [1]. Это состояние, близкое к тому, которое позднее стали называть кабальным холопством. Эверс называет закупа «наемником», «на время закабаленным человеком»; ролейного закупа он считает «наемным земледельцем», «наемным слугой» [2].

А. Рейц такого же мнения; он только прибавляет, что «служба по условию была вроде неволи, хотя неполной». Иногда этого слугу он называет «нанятым работником». А. Рейц допускает, что закуп заключал условие о работе на всю жизнь и сравнивает с «кабальными людьми», которые служили до смерти господина [3]. Автор только не учитывает, что прежде чем наступил этот момент в истории кабальных людей, т. е. до 80-х годов XVI в., кабала была срочной, обычно заключаемой на год. Срок продлевался в зависимости от возможности кабального человека вернуть хозяину сумму, взятую при договоре.

Наемным человеком закупа считали и В. Лешков [4] и В. И. Сергеевич [5]. К позднейшим «серебреникам» их приравнивал и Н. П. Павлов-Сильванский [6].

Постепенно к этому определению закупа как наемного человека начинает прирастать понятие долга. С. М. Соловьев так определяет закупа: «Закупнем или наймитом назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед, в виде займа» [7]. Так же рассуждает и Калачев [8] и И. Д. Беляев [9]. Н. А. Максимейко возражает против такой трактовки закупничества и настаивает на том, что «с юридической точки зрения закуп был должником, а не наймитом» [10].

Понимание закупа начинает осложняться еще новым сообра-

---

[1] И. Н. Болтин. «Правда Русская», СПб., 1792; М., 1799.
[2] И. Ф. Эверс. Древнейшее русское право, стр. 391, 402—403.
[3] А. Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 194, 196.
[4] В. Лешков. Русский народ и государство, стр. 155.
[5] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 189—190.
[6] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 225—226.
[7] С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 230.
[8] Н. Калачев. Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды», вып. 1, СПб., 1880, стр. 141.
[9] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 2, М., 1879, стр. 14. Автор различает юридическую природу закупов неролейных и ролейных.
[10] Н. А. Максимейко. Закупы Русской Правды, стр. 46.

жением о «залоге самого себя»[11], о «запродаже себя»[12], «личном закладе»[13].

М. Ф. Владимирский-Буданов определяет закупничество как «результат соединения договора займа с договором личного найма и найма имущества»[14].

В. О. Ключевский при определении закупничества тоже нагромоздил немало юридических признаков: закуп у него и закладень, и арендатор земли, и заемщик денег[15].

Давно начались и попытки найти разъяснение закупничества путем привлечения более поздних памятников, в частности памятников литовско-русского права. Особенно в этом отношении интересны работы М. Н. Ясинского. На основании литовско-русских памятников XVI в. он приходит к заключению, что закуп Русской Правды вполне соответствует закупному или «заставному человеку» и «человеку в (у) пенязех» Литовской Руси и определяет сделку о закупничестве как «сделку о займе..., сопровождавшемся личным залогом или закладом»[16].

Так же неверно понимает закупов и Грушевский. «Это был заклад человека,— пишет он,— самим собою или третьим лицом в обеспечение денег, которые он отрабатывал своею работой»[17].

Против отождествления закупов «Русской Правды» с закупными людьми Литовского статута выступил В. И. Пичета.

---

[11] Д. Мейер. Древнее право залога, Казань, 1855, стр. 7 и 8; Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, М., 1869, стр. 113, 128—129; Н. Хлебников, Общество и государство в домонгольский период русской истории, СПб., 1872, стр. 241—242.

[12] К. А. Неволин. Полн. собр. соч., СПб., 1857, т. 1, стр. 189. Договор этот автор определяет как «личный наем», при котором «свободный человек запродавал себя другому во временное холопство», плата выдавалась ему «вперед в виде займа».

[13] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 154.

[14] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 59, прим. 97.

[15] В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России. Опыты и исслед., т. I, стр. 372—375. «Ролейный закуп— пахотный «закладень», съемщик земли со ссудой, уплату которой он обеспечивал личным закладом, обязательной работой на владельца-кредитора». В своей «Истории сословий в России» В. О. Ключевский дает закупам более простое объяснение. Это хлебопашцы, которые «получали от землевладельцев ссуду на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца» (В. Ключевский. История сословий в России, изд. 2, М., 1914, стр. 49). В своем «Курсе» он называет «закупов» «сельскими рабочими, селившимися на землях частных собственников, со ссудой от хозяев» (Курс, изд. 1937 г., т. I, стр. 250).

[16] М. Н. Ясинский. Закупы «Русской Правды» и памятников западно-русского права. Сборник статей, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904, стр. 456—460.

[17] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, т. III, стр. 319—323.

Он указывает на то, что между закупами «Русской Правды» (XII в.) и закупными людьми Литовского статута (XVI в.) большой хронологический промежуток, не позволяющий говорить о тождестве двух общественных отношений, хотя сходных по созвучию. В. И. Пичета далее подчеркивает необходимость изучения правового и хозяйственного положения закупных людей в связи с эволюцией феодальных отношений XVI в.

Раздавались и голоса против формальной трактовки закупничества. А. Е. Пресняков, не придавая большого значения разногласиям по вопросу о юридическом содержании договора и признав, что «содержание договора и характер обязательств не ясны», высказался в том смысле, что «положение закупа — столь знакомое средневековому быту, двойственное и внутренне-противоречивое положение людей полусвободных»[18].

И. И. Яковкин, признав современную ему полемику по вопросу о закупничестве непродуктивной, предложил свой опыт рассмотрения закупничества, причем привлек к решению задачи скандинавские источники. Норвежский термин «caur» он считает занесенным в «Русскую Правду» в виде «купы». Попутно И. И. Яковкин высказал много других наблюдений и замечаний, причем некоторые из них имеют большую силу убедительности (наим-лихва, заклад-наем и др.)[19].

Наконец, в послереволюционное время делались попытки подойти к решению вопроса с марксистских позиций.

Н. Л. Рубинштейн, признавая наличие в России феодальных отношений, с этой точки зрения убедительно упрекал своих предшественников в «неправильном подходе»: они-де «давали анализ термина, ища объяснения его в современных (им.— *Б. Г.*) юридических понятиях», не замечая, что тут приходится иметь дело со «сложным явлением, заключающим в себе элементы разных правоотношений в нерасчлененном виде». Но в ходе конкретного решения вопроса Н. Л. Рубинштейн пришел к выводу, к сожалению, не подтверждаемому фактами, даже иногда им противоречащему. Закупа он решил приравнять к западноевропейскому прекаристу. Это «лицо, имеющее свой участок, свое хозяйство, ставшее в зависимость от другого лица, более сильного экономически и политически; оно отдает ему свою землю и хозяйство с тем, чтобы получить их от него обратно уже как милость или благодеяние»[20].

---

[18] А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси, СПб., 1909, стр. 300 и 301.

[19] И. И. Яковкин. Закупы Русской Правды, ЖМНП, 1913, апрель, стр. 236—295 и май, стр. 101—119.

[20] Н. Л. Рубинштейн. Нарис історії Київської Руси. Історія України, т. I, Передкапіталістична доба.

В том же приблизительно плане идет и исследование П. А. Аргунова. Отвергая построения представителей так наз. историко-юридической школы и особенно обрушиваясь на норвежские сопоставления И. И. Яковкина, он тоже находит у закупа собственность и собственное хозяйство и приходит к заключению о наличии двух разновидностей закупов: (1) ролейный закуп, работающий на господской пашне, господским инвентарем, и 2) закуп, платящий своему господину оброк («куну»). Закупничество как правовое явление автор приравнивает эмфитевзису, т. е. длительной или наследственной аренде под условием платежа оброка[21].

В своих книгах «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» и «Общественно-политический строй и право Киевского государства» С. В. Юшков отвел много места и закупничеству. В главе «Закабаление сельского населения» автор разбирает «институт, который, по его словам, был... одним из главнейших источников феодальной зависимости в наиболее жестокой ее форме — крепостничества». Это институт закупничества[22]. «Закупничество — это особый институт, отношение sui generis, к которому нельзя подходить с категориями римского или современного гражданского права»[23]. В итоге своего пересмотра вопроса автор приходит к выводу, что в основе этого института лежат долговые обязательства, что «закуп делается закупом в целях обеспечения и погашения этого обязательства»[24].

Глава заканчивается заключением, очень близким к тому, которое высказывал и Б. Н. Чичерин («Закупом назывался человек, который за долг отдавался в работу до уплаты... Такое состояние скорее можно назвать личным закладом»[25]).

Да не посетуют на меня работающие вместе со мною авторы, мнения коих я привел, за неполноту изложения их точек зрения, за умолчание их аргументации. Приводил я не исчерпывающий обзор литературы и в очень сжатом виде, не для того, чтобы разбирать все эти мнения или полемизировать с теми авторами, с которыми я расхожусь в понимании предмета. Сделал я этот, может быть слишком беглый, перечень многих существующих мнений исключительно с целью показать большой интерес к вопросу, трудность его решения, наконец, опыты применения к его решению различных приемов и методов.

Мне кажется даже такая справка полезной для тех, кто захочет глубже ориентироваться в вопросе. Эта справка послужит

---

[21] П. А. Аргунов. О закупах Русской Правды. Изв. Акад. Наук. Отд. обществ. наук, 1934, № 10, стр. 798.
[22] С. В. Юшков. Очерки, стр. 67.
[23] Там же, стр 75.
[24] Там же, стр. 71.
[25] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 154.

извинением и мне, «оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал». Вопрос действительно сложный и, как я думаю, может быть решен только тогда, когда мы правильно поймем всю историческую обстановку, в которой рождаются, живут и умирают явления древнерусской общественной жизни.

В некоторых редакциях «Правды» закуп называется «наймитом»[26], но, во-первых, этого недостаточно для решения вопроса о сущности закупничества, а, во-вторых, самый термин «наим» необходимо понимать так, как его понимали современники «Правды», а не так, как понимаем его мы. Термины часто переживают свое первичное содержание, и их приспособляют к условиям, совершенно не похожим на обстановку, их породившую. Поэтому необходимо в изучении подлинных явлений жизни итти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснять условиями, ее создавшими. В памятнике XII в. несколько раз встречается термин «наим» в смысле «лихвы», т. е. процентов, наряду с наймом в нашем смысле. Это сближение двух понятий в одном термине само по себе знаменательно.

В «Вопрошании Кириковом», на что обращали уже внимание И. И. Яковкин[27] и А. Е. Пресняков[28], мы имеем следующее место: «А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить: аже попа, то рци ему: не достоить ти служити, аще того не останеши. А еже простьця (мирянин в противоположность попу), то рци ему: не достоить ти имати наим...». Дажь не могут ся хабить (воздержаться), то рци им: «будите милосерди, возмете легко: аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возми или 4»[29]. В «Поучении» новгородского епископа Илии читаем: «А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено». В «Поучении, избранном от всех книг», имеем то же: «На наимы жь кун не дай отинюдь, святый бо апостол Павел лихоимцы с блудники вменяет»[30]. И в житии Андрея Юродивого: «Ци наимы дея, си еси приял за мзду»[31].

Совершенно ясно, что «наим» здесь, как весьма возможно и в «Русской Правде», нужно переводить термином «проценты», безуспешно запрещаемые церковными правилами в средние века и на Западе и у нас.

Закуп, названный наймитом, — это человек, не просто продавший свою рабочую силу, но при помощи «долга», через

---

[26] «Продасть ли закупа господин обель, то наймиту свобода во всих кунах...» (Троицк. IV сп., стр. 61).

[27] И. И. Яковкин. Закупы «Русской Правды», ЖМНП, 1913, апрель, стр. 258.

[28] А. Е. Пресняков, Княжое право, стр. 299.

[29] РИБ, т. VI, стб. 24—25.

[30] ЖМНП. 1854, XII, стр. 189.

[31] И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря.

особого рода «ряд», т. е. договор, попавший в особого вида личную зависимость. Не следует, однако, на мой взгляд, делать большое ударение и на понятие долга, так как мы и здесь рискуем модернизировать явление и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в «Русской Правде», но задолжавший человек еще не есть закуп. Закуп — зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости. Это одна из обычных категорий феодальной зависимости населения, в какой находились непосредственные производители в средние века вообще. Этот «долг» в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Русском государстве, т. е. был условием покупки рабочей силы в форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь, как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время В. И. Ленин: «И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!» [32].

Такой же старый оттенок в понимании термина «наймит» мы, кажется, имеем и в самом начале XIV в. в Москве. Великий князь Иван Данилович Калита в своей жалованной грамоте печерским сокольникам освобождает от платежа дани, между прочим, и наймитов, «кто стражет на готовых конех, а в кунах» [33]. Едва ли мы погрешим, если признаем в «готовых конех» аналогию с господским конем, на котором пахал хозяйскую пашню закуп, а в «кунах» — те самые деньги, при посредстве которых закуп становился в особую зависимость от своего господина.

В недавно воскрешенном С. В. Юшковым очень интересном памятнике, в состав которого входит частично и «Русская Правда», этот предмет трактуется также весьма вразумительно. Имею в виду «Правосудие Митрополичье» [34]. Ст. 27 звучит в несколько исковерканном старым переписчиком виде так (знаки препинания и некоторые исправления мои.— *Б. Г.*): «А се стоит на суде челядин — наймит, не похочет быти у осподаря [35]: несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу». И ст. 28 и 29: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то есть душегубство». Из этого текста видно, что закуп входит в состав челяди.

[32] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 237.
[33] ААЭ, т. I, № 3, 1328—1340 гг.
[34] ЛЗАК, вып. 35.
[35] В напечатанном подлиннике «а осподарь».

Здесь совершенно отчетливо различаются два вида челяди: челядин полный, т. е. холоп обельный, и челядин — наймит, или «закупный», несомненно, не кто иной, как хорошо известный нам закуп.

Напрашивается, естественно, сравнение со ст. 56 «Русской Правды» (Троицкий IV список): «Оже закуп бежить от господина, то обель: идеть ли искать кун, а явлено ходить к князю, или к судьям бежить обиды деля своего господина, то про то не роботять его, но дати ему правда». И того же списка ст. 89: «А в холопе и в робе виры нетуть, но оже будеть без вины убьен, то за холоп урок платити или за робу...» Аналогию имеем в «Уставной Двинской грамоте»: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют» [36]. И закупа господин имеет право бить только «про дело» [37].

В «Правосудии Митрополичьем» челядин-наймит, или «закупный», стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он на это имеет право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере. Обязанность возвращать при уходе двойной задаток говорит, конечно, о зависимости и имеет полную аналогию с изорниками Псковской судной грамоты (ст. 63), с французскими сервами, с германской Kurmede и др.

Тут закупный наймит выступает в виде зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу. Задаток — это тоже не совсем то, что мы привыкли считать под задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины «задати», «задатися» в смысле отдаться, принять подданство, поступить под чью-либо власть [38]. «Задаток» — это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это не совсем то, что мы сейчас называем ссудой.

Неустойчивость экономической природы крестьянина достаточно известна, чтобы о ней говорить снова. Если, кроме внутренних экономических процессов, способствовавших обеднению части крестьян, принять во внимание, что в феодальный период крестьянина подстерегало много разнообразных бедствий, связанных с феодальным строем, — и прежде всего беспрерывные внутренние и внешние войны, то станет вполне понятным массовое разорение смердов — одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости.

[36] Уставная Двинская грамота, ст. 11.

[37] «Русская Правда», Троицк. IV сп., ст. 62.

[38] «Чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялись», Новгородская I летопись, 1397 г. и др. Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 119.

Но одними стихийными бедствиями нельзя, конечно, объяснить происхождение ни этой, ни другой какой-либо формы зависимости. Нельзя забывать, что сейчас мы имеем дело с таким обществом, где отношения зависимости вырастают непосредственно из самого производства, где класс феодалов — земельных монополистов — прибегает к внеэкономическому принуждению как к одному из самых действительных при данных условиях средств подчинения новых групп непосредственных производителей. Но едва ли в классовом обществе есть какая-либо форма хозяйства, которой было бы неизвестно и экономическое принуждение в качестве, по крайней мере, подсобного метода присвоения прибавочного продукта. Именно таким экономическим путем попадал в подневольное положение и закуп.

Владимир Мономах, прибывший на киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и, в частности, должников против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание [39]. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть Пространной «Правды», которая носит заголовок: «А се уставил Володимер Всеволодичь». Происхождение всех элементов этого «Устава» до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп, как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в «Устав» на самом законном основании.

Последняя по времени попытка точнее определить содержание Мономахова Устава принадлежит М. Н. Тихомирову. Автор приходит к выводу, что «Устав» начинался сообщением о совещании в Берестове (1113 г.), включал в себя законодательство о резах и закупах и заканчивался словами: «а в мале тяже по нужи возложити на закупа» [40]. Я думаю, что и устав о холопах носит следы деятельности того же Мономаха.

Совершенно очевидно, что появление законодательства о закупах находится в тесной связи с обострением классовой борьбы. Закупу формально гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина «искать кун»; довольно точно определены случаи ответственности закупа

[39] И. И. Срезневский («Сказания о святых Борисе и Глебе», СПб., 1860, стб. 86) приводит очень интересный текст (он помещен в нашей книге на стр. 235,) дополняющий краткое сообщение Ипатьевской летописи о событиях 1113 г. и раскрывающий важные для нас детали этого крупного восстания низов (широкое распространение движения, участие киевской знати в приглашении Мономаха на киевский стол). Этим текстом пользовались М. Д. Приселков в своих «Очерках по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», стр. 322—323, и М. Н. Тихомиров (по другому варианту) в своем «Исследовании о Русской Правде», стр. 210.

[40] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 206—209.

за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. Во всех этих «гарантиях» ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. Вместе с тем они не менее очевидно свидетельствуют о том, что законодатель был вынужден итти на компромисс и «уступки», правда, по существу чисто декларативные. Характер деятельности Владимира Мономаха довольно ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир выступает в качестве «устрояющего словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща суд и правду по среде земля» [41].

Если есть основание полагать, что эти «гарантии», сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве.

Закупу посвящен специальный отдел в уставе вел. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха, входящем в состав так называемой Пространной «Правды». Ввиду того, что этот отдел «Правды» «О закупе» (по Троицкому IV списку, ст. ст. 56—62) — один из самых трудных для понимания вообще,— почему в нашей литературе в толковании его и существует так много разногласий,— остановлюсь на наиболее важных его местах, именно для того, чтобы в своих выводах не быть голословным.

Ст. 56 о том, что закуп за побег от господина превращается в раба, но что он в то же время может открыто уходить «искать кун», или даже бежать в суд с жалобой на своего господина, достаточно ясна, если не считать не совсем ясное «искание кун». Мне все же кажется, что здесь идет речь о том случае, когда закуп, по соглашению со своим господином, отправляется раздобывать деньги, в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния. Закуп, стало быть, формально, юридически имеет право ликвидировать свои отношения с господином, подобно московскому кабальному человеку в ранний период существования института кабального холопства. «Правосудие Митрополичье» вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: «А се стоит на суде челядин — наймит (это и есть «закупный».— *Б. Г.*), не похочет быти у осподаря». Закон ясно говорит: «несть ему вины», но с него в этом случае господин имеет право взыскать «вдвое задаток». Вот для чего закупу необходимо «искать кун».

Две следующие статьи, 57 и 58, возбуждают много споров. Я не буду разбирать каждое мнение в отдельности, а попробую

[41] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 211.

изложить собственное понимание этих двух статей, внутренне между собою связанных. Привожу здесь эти обе статьи целиком. «А иже у господина ролейны закуп будеть а погубить войский (в других вариантах «воинский» «свойскы») конь, то не платити ему (но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то погубившу ему платити) [42]; аще ли господин его отслет на свое орудие, а погибнет и без него, того ему не платити господину (ст. 57). Оже из хлева из забоя выведуть, то закупу того не платити; но еже погибнеть на поли или в двор не вженеть, где ему господин его велить, или орудиа своя дея, погубить, то ему платити» (ст. 58). Часть текста, взятая мною в скобки, представляется мне пояснительной вставкой на том основании, что она по содержанию и по форме вклинивается в текст «Правды», говорящий об очень определенном предмете.

Обе эти статьи говорят о ролейном закупе (стало быть, закуп может быть и не ролейным, как и кабальный человек московский) и о господском коне, с которым ролейный закуп не расстается в своей работе. Предусматривается здесь несколько случаев: 1) господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина (на барщине); 2) господский конь погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп, исполнив, таким образом, свои обязанности; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его, куда следовало); 5) хозяйский конь погиб в тот момент, когда закуп работал им на себя. В первых трех случаях закуп за коня не отвечает и убытков в случае погибели коня не возмещает; в двух последних случаях закуп обязан выплатить хозяину стоимость коня.

Вставка относительно плуга и бороны, сделанная по аналогии с сюжетом о коне, мне представляется, имеет следующий смысл: плуг и борону господин закупу «дал», т. е. предоставил ему право пользования этими орудиями под условием возмещения убытка в случае их гибели. Это «дал», ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находился в господском хлеве или забое, закуп берет его только тогда, когда требуется по ходу работы на хозяина и в отдельных случаях на себя, конечно, с разрешения хозяина; между тем плуг и борона «даны» хозяином закупу, и он держит их у себя дома, на своем участке, или оставляет их просто в поле, как это часто делалось и позднее. Поэтому здесь не может быть никаких сомнений: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость; никакие детали пользования этими орудиями хозяина решительно не интересуют.

[42] Скобки мои. — *Б. Г.*

Такое понимание этого отдела «Русской Правды» требует некоторого комментария, особенно после выхода в свет академического издания «Правды». Совершенно прав С. В. Юшков, когда говорит о том, что до издания «Правды» по всем дошедшим до нас спискам исследователи обычно выбирали по своему произволу то или иное разночтение (речь идет о коне «войском», «свойском» и «воинском») и в зависимости от этого выбора давали различную конструкцию институту закупничества. Прав он и тогда, когда утверждает, что «все древнейшие списки — Троицкий, Синодальный, Пушкинский и все производные от них без всяких отступлений говорят только о «войском коне». Отсюда он выводит заключение, что термин «войский» в «Правде» следует считать первоначальным [43].

Заключение это едва ли может вызвать у кого-либо возражения. Иначе обстоит дело с попыткой расшифровки древнего термина «войский». Общепринято думать, что это слово имело в старину тот смысл, какой имеет сейчас, и соответственно с таким пониманием иногда делаются очень ответственные выводы вплоть до того, что закупа превращают в человека военного и кавалериста [44]. Между тем для подобных крайностей нет никаких оснований.

«Правда» представляет дело четко. Общий смысл статей о ролейном закупе заключается в том, чтобы оформить положение закупа именно в сельском хозяйстве вотчинника: потому он и называется ролейным, потому ему дается от господина плуг и борона, потому он и работает барским конем на барской пашне, а с разрешения господина и на себя; потому он и обязан загонять этого коня в хлев или забой и отвечает за его пропажу, если виновен в его погублении.

Все это явно вытекает из текста «Правды» и, как я собираюсь показать, нисколько не противоречит термину «войский». Надо только ближе остановиться на истории этого термина.

У западных славян «wojsko» обозначает «множество», «число» [45]; «wojski» значит — его, свой». У южных славян значение этого термина, сохранившееся в некоторых местах и доныне, не менее интересно. У хорватов vojska значит die Leute, homines, čeljad, ljudi, liudstwo, narod, puk, swijet, swijetina, domači, familia, glota obitely, župa, celjad (liudi, žene i dieca) n. p. ovoj kući ima mnogo vojska [46]. У сербов и до настоящего

---

[43] С. В. Юшков. Очерки, стр. 75—76.

[44] Подробнее см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 1949, стр. 118.

[45] B. Linde. Słownik języka polskiego. Wojsko czego, mnóstwo, liczba, tłum, tłuszcza, chmura, eine grosse Menge, grosse Zahl. Wojski — jego.

[46] Rječnik Hrvatskoga jezika. Skupili i obradili Dr. Ivekovič i dr. Ivan Kroz u Zagrebu 1901. Ср. также Meynert Hermann, Geschichte

времени vojska означает то же, что župa, домашний люд. Сербская женщина и сейчас называет своего мужа «войно». По мнению Иречека, «воевода» = вое + вода, т. е. начальник рода.

Стало быть, первоначальное значение слова «войско» у славян было — люди, объединенные либо родством (куча), либо хозяйственными интересами (жупа). Отсюда и «войский» первоначально обозначало «домашний», «принадлежащий данному хозяйству», «свой». Термин этот по мере устарения был заменен совершенно равнозначащим «свойский», на юге нашей страны и на Украине до сих пор употребляющимся в значении «домашний, принадлежащий данному хозяйству». Вероятно, на севере, где этот термин не был знаком, переписчики, перестав понимать смысл слов «войский» и «свойский», произвольно изменили его на термин «воинский», чем, несомненно, исказили первоначальный их смысл.

Мне думается, это — самое простое и естественное объяснение терминов «войский» — «свойский», вполне соответствующее общему смыслу отдела «Русской Правды», трактующего о закупах.

Итак, закуп в «Русской Правде» связан с конем не военным, а рабочим. Этим конем он и барскую пашню пашет, и работает на себя на предоставленном ему от господина участке. Он не военный человек, а сельскохозяйственный работник, не наемный в капиталистическом значении термина, а феодально зависимый, сидящий на предоставленном ему от хозяина участке земли, именуемом в «Правде» «отарицей».

Из разнообразных мнений о значении слова «отарица» наиболее правдоподобным представляется мне мнение, что это участок земли, данный закупу хозяином.

Для такого именно понимания термина имеются достаточные основания: 1) оно соответствует общему социальному облику закупничества; 2) имеет подтверждение в источниках.

Суздальский архиепископ Дионисий в грамоте 1382 г. этим термином переводит греческое слово πεκούλιον [47]. Архиепископ Дионисий пишет о недопустимости частной собственности в мона-

---

des Kriegswesens und Heerverfassungen in Europa. Wien, 1868, стр. 35. «Župa» bedeutet noch gegenwärtig bei den Dalmatinern das «Hausvolk» und ist gleichbedeutend mit den (serbischen) vojska, puk (plk, pluk, plok), mit cělěd, žlachta, deti, detic, otroci u. dgl. Daher ist auch «Župa» sowohl als «plk» mit dem deutschen «Sippe» und «Volk» nicht sprach, sondern auch sachverwandt. In der Folge haben die Worte cělěd, wojska, pluk, die engere Bedeutung des Kriegsvolks angenommen». Vgl. «Ueber Eigenthumsverletzungen und deren Rechtsfolgen nach dem altböhmischen Rechte, von Dr. Herm. Jireček. Wien, 1885, стр.1.

[47] Рукопись Моск. синод. библ., № 455, л. 64. РИБ, т. VI, стб. 208, примечание.

стырях и указывает, что институт собственности, или отдельного частного владения посеян диаволом и называется πεκούλιον по-русски «отарица». Πεκούλιον — это старый юридический термин, означающий имущество, которое pater familias передает сыну или рабу во владение, но которое он может всегда у него отнять. Права распоряжения этим имуществом владелец не имел. Впервые смысл слова πεκούλιον был разъяснен законом при императоре Августе [48].

В Уставе Евфросина Полоцкого «отарица» расшифрована как «особина»: «Ітарица, еже есть особина» [49]. Отарица закупа, стало быть, не что иное, как участок земли, выделенный ему господином в пользование.

В разбираемом сейчас тексте «Правды» имеется еще термин, от того или иного понимания которого зависит и наше представление о юридическом и хозяйственном положении закупа. Это «куна» («...но еже дал ему господин плуг и борону, от него же *куну* емлеть...»). В литературе, особенно в последнее время, по этому предмету высказывались различные суждения.

После некоторых колебаний в прошлом я прихожу к мнению, что куна — это та сумма денег, которую закуп получает от господина при заключении с ним договора. Такое толкование «куна» очень старо и широко распространено. Так понимал «куну» еще Карамзин [50], и в настоящее время это мнение принимается большинством исследователей.

Действительно, за это мнение имеется ряд серьезных аргументов. Может противоречить ему лишь то, что в слове «емлет» предполагается систематическая повторяемость действия, между тем как «куна» в смысле денег, полученных от господина закупом, такой повторяемости как будто не допускает. Однако и это «противоречие» устраняет, как мне представляется, совершенно правильное замечание проф. Г. О. Винокура. В тексте «но еже дал ему господин плуг и борону, от него же куну емлет», Г. О. Винокур считает необходимым слова «от него же» переводить «от которого». Что же касается «емлет», то он указывает на то, что глаголы несовершенного вида в русском языке очень часто обозначают действие, которое имеет значение какого-либо постоянного отношения. Например: «он у него снимает комнату» в значении — «снял однажды и затем пользуется вытекающим отсюда правом». Наш текст он рекомендует переводить «господин... от которого взял куну».

---

[48] Фр. Любкер. Реальный словарь классической древности.

[49] Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, стр. 511. Устав Евфросина Полоцкого, § 5. О детии и питии.

[50] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, примечание 92.

Коренное родство терминов «закуп» и «купа» говорит о предпочтительности именно такого понимания слова. Это деньги, при помощи которых недавний смерд приобретал новую социальную оболочку и превращался в закупа.

Статьи 59—62, рассматривающие случаи, когда господин, превышая права, причиняет закупу некоторый ущерб, также помогают нам понять общественную природу закупа. Вот какие «обиды» может причинить закупу господин: 1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент заключения договора; 2) изменить, конечно, в свою пользу, размеры участка земли, отведенного закупу (отарица), может быть отобрать отарицу у закупа без достаточных оснований; 3) сделать попытку эксплуатировать закупа путем продажи или отдачи его внаймы; наконец, 4) побить его не «про дело», а «несмысля, пьян, без вины». Замечание Владимирского-Буданова о том, что здесь, в ст. ст. 59—62, имеется в виду закуп вообще, всякий закуп,— мне кажется очень приемлемым, за исключением пункта об «отарице»: едва ли городскому закупу, работавшему во дворе своего господина, выдавался участок земли. Общий смысл этих статей мне кажется ясным, не вызывающим сомнений.

В ст. 64 рассматривается случай совершения закупом кражи не у своего господина, а на стороне. За него отвечает господин, но в этом случае сам закуп превращается в раба.

В «Русской Правде» есть еще ст. 66, которая решительно запрещает послушествовать холопу и разрешает в малых тяжбах в случае необходимости («в мале тяже по нужи») привлекать к послушеству закупа.

Вот, собственно говоря, и все, что нам известно о закупе.

Все наши наблюдения позволяют, как мне кажется, сделать ряд вполне обоснованных выводов.

1) Закуп — зависимый от феодала человек. 2) Зависимость устанавливается договором, сопровождаемым выдачей господином закупу денег, подлежащих возврату, если закуп пожелает уйти от хозяина. Зависимость закупа срочная. 3) Закуп может выполнять самую разнообразную работу на господина. Так называемый ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. Повидимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролейным закупничеством связывалось большее количество казусов, влекущих за собой судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролейному закупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше всего внимания. Ролейный закуп вне барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские

распоряжения; в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина. Трудно более ясно показать форму эксплуатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты прежде всего.

Итак, по своему происхождению закуп — это в большинстве случаев недавний смерд, лишенный средств производства и вынужденный экономической необходимостью искать заработка у крупного землевладельца. Это один из симптомов разрушения соседской общины под натиском феодальных отношений.

Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что закуп — одна из разновидностей рядовичей. Трудно также не согласиться и с тем, что закуп, постоянно работающий во дворе своего господина рядом с холопом, входит в состав барской челяди.

«Русская Правда» дает нам возможность познакомиться еще с одной разновидностью рядовичей. О них говорит ст. 111 Пространной Правды. «А в даче [51] не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатце; но оже не доходять года, то ворочяти ему милость; отходить ли, то не виноват есть». Смысл этой статьи может быть передан так: долг, взятый хлебом или деньгами не превращает должника в раба: долг подлежит в случае желания работника уйти от хозяина раньше срока либо отработке в определенный срок, либо возврату.

Владимирский-Буданов полагает, что «здесь указывается источник одного рода закупничества» [52]. Сергеевич цитирует этот текст по списку Мусина-Пушкина: «Вда цену не холоп...» и полагает, что эта статья имеет в виду «рабочих, нанимаемых на определенный, годовой, срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами (вда цену)» [53].

Едва ли, однако, можно согласиться с толкованием термина, предложенным Сергеевичем. Прежде всего недоказанным здесь является понимание слова «придаток». Придаток ведь можно понимать и иначе. Владимирский-Буданов, хотя и неуверенно, склонен под «придатком» разуметь процент, и едва ли это будет неправильно.

Вся статья говорит не о найме в смысле капиталистического найма, а о привлечении людей на работу путем выдачи хлеба

---

[51] В различных текстах «Правды» тут имеются разночтения: «А вда чену» (Мясниковский список), «А в дачь» (Троицкий IV, где возможно и чтение «А вдачь»).

[52] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 78, прим. 160.

[53] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 191.

или денег, что вполне естественно подразумевает проценты, причем самая «дача» есть один из способов привлечения рабочей силы. Вдач обязуется хозяину работой на определенный срок в погашение долга, и совершенно необязательно, как думает Сергеевич,— годовой, потому что слово «год» значит, чаще всего, время вообще, и в «Русской Правде», когда требуется обозначить определенное количество времени, равное году в нашем смысле слова, употребляется термин «лето»: «А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето» [54] и т. д.; так что естественнее всего здесь разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги и обязующегося при этом отработать этот свой долг в определенный срок либо вернуть долг хозяину в случае желания вдача уйти от хозяина раньше срока.

Не следует игнорировать и термина «милость», который, несомненно, может приблизить нас к правильному пониманию всей статьи. Милостью тут называется хлеб или деньги, вернее, все то, что бедный человек в тяжелую для него минуту получил от зажиточного или богатого хозяина и что он обязан ему отработать.

Мы знаем, что таким путем работили людей и в XVII веке [55]. «Русская Правда» такой способ порабощения считает изжитым.

Во всяком случае «купа», если под нею разуметь деньги, при помощи коих бедный человек попадал в кабалу, и «дача», о которой говорит ст. 111 «Русской Правды»,— понятия, очень близкие друг другу.

Смерды

В «Правде» Ярославичей среди рабочего состава барского имения упоминается и смерд. Каким образом он попал сюда, каково его положение здесь, станет ясным после того, как мы разберем вопрос о том, кто такой смерд вообще.

О смердах наши историки писали больше, чем о каком-либо ином сюжете истории Руси.

С. В. Юшков сделал наиболее полный обзор литературы вопроса. Он предложил также и свой опыт классификации суще-

---

[54] Правда Русская, изд. Инст. истории Ак. Наук СССР, т. I, стр. 354 (Карамзинский список).

[55] «Годунов и ини мнози от вельмож..., многих человек в неволю к себе введше служить, инех же ласканием и дарми в домы своя притягнувше... И мнозии ини, начальствующем последующие, в неволю порабощивающе кого мощно и написание служивое силою и муками емлюще, инех же винца токмо испити взывающи — и по трех или по четырех чарочках достоверен неволею раб бываше тем». Сказание Авраамия Палицына, РИБ, т. XIII, стб. 482—483).

ствующих мнений [1]. Я поэтому не буду делать перечня всех разнообразных соображений различных авторов, остановлюсь только на наиболее ярких.

Мне хочется показать, что эта разноголосица в мнениях о смердах объясняется состоянием нашей дореволюционной науки, ошибочными теоретическими предпосылками, из которых логически выводились и конкретные суждения по данному вопросу.

Для примера возьму небезынтересные для нас высказывания по поводу этого сюжета В. Лешкова. «Соображая статьи устава (Русской Правды.— *Б. Г.*),— пишет он,— по которым всякий смерд, умиравший бездетным, давал право наследовать в своем имуществе *князю*, или по которым умучение смерда, *без княжеского слова*, подвергало виновного наказанию; по которым имущество смердов постоянно противополагалось имуществу князя, напр., *конь смерда — коню князя и борть смерда — борти княжеской*; и по которым были *особые уроки смердам*, оже платят *князю* продажу: мы заключаем, что смерды были *люди князя*, *могли быть только у князя*, подобно тому, как холопы и закупы принадлежали другим владельцам. Может быть, то были военнопленные, поселенные на землях князя, или казны, как впоследствии в Новгородской земле» [2].

Итак, по Лешкову, смерды могут быть лишь у князя, у других землевладельцев—только холопы и закупы, смерды исключаются.

Не говоря уже о том, что новгородские источники решительно опровергают утверждение В. Лешкова, что холопы в самой «Русской Правде» показаны княжескими, боярскими и черническими [3] (стало быть, В. Лешков сделал попытку лишить князя его холопов совершенно произвольно), достаточно лишь представить князя не только как главу государства, но и владельца своего домена, как все рассуждение В. Лешкова рухнет. Окажется, что князь как собственник домена владеет землей, бортями и другими угодьями, что у князя есть свое собственное хозяйство, отдельное от хозяйства зависимых от него по домену крестьян, что княжеское хозяйство обслуживается трудом зависимых от него людей, уже знакомой нам челядью. Другими словами, нам придется признать, что князь в качестве землевладельца ничем принципиально не отличается от других крупных землевладельцев, которым Даниил Заточник рекомендует не приобретать земли в непосредственной близости к княжескому домену, поскольку княжеские слуги, опираясь на авторитет

---

[1] С. В. Юшков. К вопросу о смердах; его же. Феодальные отношения в Киевской Руси. Обе статьи — в Уч. зап. Сарат. унив., 1923, т. I, в. 4 и 1925, т. III, в. 4.

[2] В. Лешков. Русский народ и государство, 1858, стр. 156—157. Курсив везде самого Лешкова.

[3] Троицкий список, ст. 46.

князя, позволяют себе много лишнего, для более скромных соседей неприятного. Стало быть, если представить в другом свете общественные и политические отношения Киевской Руси, понимание смерда будет неизбежно другим, чем у Лешкова, да и вся «Русская Правда» заговорит иначе.

Не столь уверенно точку зрения В. Лешкова поддерживает В. Никольский, книга которого вышла годом позже. Он признает, что прямого ответа, кто такие смерды, источники не дают. А дальше рассуждает так: «если князь отбирал у бессыновно умерших смердов имущество, то, следовательно, он имел на это какое-нибудь *право*, точно так, как смерды *обязаны* были подчиняться этому праву — отдавать свое имущество». Но вместо того, чтобы определить, по какому именно праву князь наследовал землю бессыновно умершего смерда, автор, решив про себя этот вопрос, пишет: «по существу и прямому смыслу постановления о *задниче смердьей*, мы необходимо должны признать, что смерды были люди *обязанные* князю, следовательно, непосредственно от него зависимые».

Автор находит все же необходимым поставить трудный вопрос: «в чем состояла эта зависимость?». В. Никольский не оставляет его без ответа. Но ответ едва ли может кого-либо удовлетворить. Он заключается в том, что когда бродящие варяжские князья осели, они заняли пустопорожние земли, которые и «сделались одним из главных источников» дохода казны вместо прежней дани. Князья начали заселять эти земли для их обработки всякого рода людьми: военнопленными, рабами, обедневшими свободными. Это и есть «смерды, низший, рабочий, безземельный класс». «Они были как бы наймиты, закупы княжеские, работавшие на князя из хлеба и, следовательно, обязанные отдать ему все свои силы за полученную от него землю, хлеб, жизнь, содержание и за защиту, которою пользовались, как люди бесприютные, беззащитные» [4].

В. О. Ключевский всю княжескую землю считает государственной. Смерда он видит только на государственной земле и потому называет его государственным крестьянином. По его мнению, «Русская Правда» пользуется термином смерд в двояком значении: это «свободный простолюдин вообще и свободный крестьянин в частности. «Правда» указывает на ближайшее отношение смерда к князю: князь наследовал имущество смерда, не оставившего после себя сыновей. Позднее в Новгородской и Псковской областях XIII и XIV веков смердом назывался вольный хлебопашец, пользовавшийся казенной землей, т. е. государственный крестьянин. Повидимому, такое же значение имел

---

[4] В. Никольский. О началах наследования в древнейшем русском праве, М., 1859, стр. 357—359. (Курсив автора).

этот термин и во время Русской Правды: так назывался вольный хлебопашец, живший на княжеской земле» [5].

В 1934 г. эти основные положения взял под свою защиту С. Н. Чернов в статье «О смердах Руси XI—XIII вв.» [6].

Иной взгляд на смердов высказывает другая группа ученых, среди которых мы можем отметить имена М. Ф. Владимирского-Буданова, Д. Я. Самоквасова, Н. П. Павлова-Сильванского, Н. А. Максимейко. Всех этих ученых объединяет признание двух категорий смердов: 1) смерды-сельчане, сидящие на старых общинных землях, еще не освоенных феодалами, и 2) смерды, зависимые от феодалов. Разъединяют — некоторые другие стороны дела.

М. Ф. Владимирский-Буданов первую группу крестьян склонен считать государственными или княжими [7], тогда как Н. П. Павлов-Сильванский этих «княжих» смердов считает владельческими, поскольку они сидят на земле княжеского домена и поэтому ничем принципиально от смердов боярских не отличаются [8]. Оба названных автора признают наличие прикрепленных смердов, хотя и по-разному понимают их. М. Ф. Владимирский-Буданов прикрепленными смердами считает и закупов, и половников, и изорников.

Д. Я. Самоквасов, если внимательно разобраться в его оригинальной терминологии, должен быть отнесен тоже к этой группе ученых. Он различает население «городских общин, обращенных в подданных завоевателя, обложенных данью», т. е. в тяглое состояние. Иногда это население автор называет «горожанами-смердами» — это черные люди Русской земли дотатарского времени; в Москве называются они, по его мнению, крестьянами. Он отмечает и владельческих крестьян и называет их рабами. «Земледельцы рабского состояния княжеских сел в эпоху Русской Правды назывались смердами в тесном смысле», позднее они стали называться «дворцовыми крестьянами» [9].

В. И. Сергеевич, резко подчеркивая «свободу» смердов («смерды составляют свободное население»... «у смердов может быть собственность» и пр.), тем не менее признает, что некоторые

[5] В. О. Ключевский. История сословий в России, стр. 49. Короче ту же мысль В. О. Ключевский выразил в своем «Кратком пособии»: «Свободные крестьяне, жившие на княжеской государственной земле и обрабатывавшие и своим инвентарем, назывались смердами» (В. Ключевский. Краткое пособие по русской истории, изд. 7, Владимир, 1909, стр. 40).

[6] С. Н. Чернов. О смердах Руси XI—XIII вв., сборн. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», стр. 761—777.

[7] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 34—36.

[8] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 222—225.

[9] Д. Я. Самоквасов. Курс истории русского права, М., 1908, стр. 270, 286.

смерды сидели на землях землевладельцев и были обязаны им урочными работами [10].

Наличие двух категорий смердов признает и Н. А. Максимейко. В своей специальной работе «Про смердів Руської Правди» он высказывается за то, что были смерды не только княжеские, жившие в княжеском домене, но и частновладельческие. Под словом «смерд» в широком смысле слова он понимает селянина, т. е. крестьянина вообще [11].

С некоторыми оговорками к этой же группе исследователей можно отнести и А. И. Никитского [12]. «Под смердами в древней Руси,— пишет он, например, в «Очерках внутренней истории Пскова»,— разумелись лица, пользовавшиеся всеми правами свободных состояний, сами отвечавшие перед судом за свои преступления и платившие судебные штрафы— виры и продажи». Судя по терминологии, автор здесь имеет в виду смердов «Русской Правды». В дальнейших своих высказываниях он касается исключительно смердов псковских и новгородских.

Не исключена возможность, что А. И. Никитский видел некоторые особенности в их положении по сравнению со смердами киевскими. Автор подчеркивает, что смерды — плательщики дани, и считает необходимым указать, что это и есть «*собственно* смерды», которые, по его мнению, обитали «на землях Господина Пскова». Несколько ниже автор пишет: «...смерды находились, кажется, в менее выгодном (по сравнению с половниками.— *Б. Г.*) положении; по крайней мере, постановления «Правды» (автор имеет в виду Псковскую Судную Грамоту.— *Б. Г.*) не имели относительно смердов никакого значения, так как обязанности последних к *землевладельцу* определялись особенною, так называемою смердьею грамотою, хранившеюся, наравне с другими бумагами, в архиве Троицкого собора» [13]. Как надо понимать соотношение «земель Господина Пскова» и земель «землевладельцев», автор не разъясняет и ставит в большое затруднение тех, кто хотел бы узнать точно его соображения относительно смердов. «Под смердами в древности,— говорится у того же автора в другой его книге,— разумелись люди, не имевшие собственной земли и принужденные жить на чужой» [14]. И в то же время автор отмечает наличие «крестьянского землевладения»: «было бы

---

[10] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 182.

[11] М. Максимейко. Про смердів Руської Правди. «Праці Комісії для вивчування історії Західньо-Руського та Вкраінського права», в. III, 1927.

[12] Его книга «Очерки внутренней истории Пскова» вышла в 1873 г.

[13] А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, СПб., 1873, стр. 278—282. (Курсив мой.— *Б. Г.*).

[14] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, М., 1883, стр. 41.

несправедливо думать, что... самостоятельное крестьянское землевладение в настоящую эпоху (речь идет о XIII в.— *Б. Г.*) исчезло совершенно. Оно не только не исчезло, но продолжало образовывать все еще заметную величину»[15]. Как будто А. П. Никитский и этих крестьян-землевладельцев склонен причислять к смердам. Приходится говорить столь осторожно, потому что у автора нет полной ясности в изложении его мнения о смердах.

Если, однако, взять на себя труд подытожить мысли автора, то придется признать наличие трех категорий сельского населения, которые могут быть подведены под понятие «смердов». Это будут: 1) земледельцы, «снимавшие земли у частных собственников», 2) «собственно смерды, обитавшие на землях Господина Пскова», т. е. на землях государственных, однако осваяемых и в значительной мере освоенных крупными землевладельцами (как видно из разъяснения автора на стр. 282), и, наконец, по «Очеркам экономического быта Великого Новгорода», 3) крестьяне-собственники.

Много над вопросом о смердах думал А. Е. Пресняков. Тонкий критик разрушил ряд нагроможденных в исторической литературе предрассудков, но своего мнения о смердах в законченном виде не дал. Он согласился с господствующим в его время мнением, «что слово смерды означает всю массу сельского населения», и в то же время как будто признает наличие и зависимых от князя смердов, смердов княжеского домена. Но когда ему пришлось подводить итоги своих наблюдений, он пришел к очень неутешительному выводу: «Решение его (вопроса о смердах.—*Б. Г.*) представляет трудности почти непреодолимые. Вопросу о древне-русских смердах суждено, повидимому, оставаться крайне спорным — надолго, б. м. навсегда. Причина тому в скудности данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи, да тексты «Русской Правды»[16].

Последние годы над этой проблемой в некоторых отношениях довольно успешно работает С. В. Юшков. Ему принадлежит заслуга изучения правового положения зависимых смердов. Разъединяет меня с ним только то, что он, признавая в Киевской Руси наличие свободного крестьянства, отказывается видеть их под термином «смерды», на мой взгляд включающим в себя свободных и зависимых смердов. С. В. Юшков не считает термин «смерд» равнозначным с более поздним термином «крестьянин»,

---

[15] А. П. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, стр. 278, 281.

[16] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 287 и др.; его же. Лекции по русской истории, т. I, стр. 192—193 и др.

обозначающим на протяжении его истории два состояния: независимое и зависимое крестьянство [17].

В дальнейшем мне придется по ходу дела сталкиваться с аргументацией разных авторов, в том числе и с аргументами С. В. Юшкова.

В последнее время в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси вопросу о смердах отводится видное место, и, на мой взгляд, вопрос близится к своему правильному решению.

На этом свой краткий обзор состояния литературы о смердах я считаю возможным закончить и перейти к рассмотрению вопроса по существу.

Причина неудач в разрешении проблемы у исследователей крылась, а отчасти и кроется, не столько в недостаточности источников, сколько в неправильной постановке вопроса, т. е. дело не столько в материале, сколько в методе исследования.

У нас имеются все основания полагать, что В. И. Ленин считал смердов крестьянами и к тому же не однородной по своему хозяйственному и правовому положению массой. Об этом говорят всем известные места из его сочинений. «И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками»[18]. Отработки в России держатся «едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)» [19]. По мнению В. И. Ленина, крепостничество существует на Руси с IX века [20]. Ясно, что В. И. Ленин тоже не считал всех смердов закабаленными; в крепостном состоянии оказалась только часть смердов. Едва ли можно сомневаться в том, что В. И. Ленин предполагал в этот период истории Руси наличие двух категорий смердов — зависимых, крепостных, и независимых, свободных.

Как мы могли убедиться даже из краткого историографического обзора, значительная часть ученых искала единого юридического определения для всех смердов. Так как источники действительно не дают возможности дать такое единое определение, то некоторые из ученых даже приходили к заключению о безнадежности исканий точного определения понятия смерд.

На мой взгляд, необходимо отказаться от попытки дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему и не

---

[17] С. В. Юшков. Статья «К вопросу о смердах» и книги: «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» и «Общественно-политический строй и право Киевского государства».

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 237. (Разрядка моя.— *Б. Г.*).

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 170.

[20] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 348.

могущему иметь единства в конкретной действительности, поскольку мы имеем дело с динамическим явлением, в процессе жизни которого неизбежны были изменения. Необходимо подойти к решению задачи с мыслью о текучести, сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде. Необходимо в каждый данный отрезок времени стараться найти место смерда в определенной исторической системе производства.

По своей экономической природе крестьянин есть непосредственный производитель, владеющий собственными орудиями производства и самостоятельно ведущий свое хозяйство, необходимое для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущий свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность [21] в противоположность рабу, работающему при помощи господских средств производства и представляющему собой полную собственность своего господина.

Крестьяне могут быть либо свободными земледельцами, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев как светских, так и церковных. Общая тенденция в судьбе крестьянина в период феодализации общества есть превращение его из свободного в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становящегося крепостным.

В Германии, например, в XII—XIII вв. только к востоку от Рейна находилось некоторое количество свободных крестьян. Вся же масса крестьян к этому времени оказалась в крепостной зависимости от феодалов.

И свободный и зависимый крестьянин сохраняет, однако, свою экономическую сущность. Это всегда владеющий средствами производства земледелец. Только в этом смысле и можно говорить об исчерпывающем определении этого класса.

Киевский и новгородский смерд есть не кто иной, как крестьянин в смысле только что данного определения. Иначе никак нельзя понять ни статей «Русской Правды», ни известных мест летописей, и совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным общинником и зависимым, вырванным из общины человеком, может оказаться в зависимости и не порывая связи с общиной, поскольку вся общинная земля с сидящим на ней населением могла попасть и попадала под власть землевладельца: князя, княжеского дружинника, боярина, церковного учреждения. Характер зависимости совершенно не мыслится

[21] См. К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 803.

обязательно во всех случаях однородным [22], как могут быть разнообразны и термины, обозначающие крестьянскую массу. Я не собираюсь приводить здесь все известные места наших источников о смердах полностью, но считаю нужным указать на те из них, которые могут пролить достаточный свет на темный вопрос.

Исходя из мысли, что между социальной природой киевского и новгородского смердов принципиальной разницы нет, дальнейшие выводы свои относительно смердов я строю как на новгородском, так и на киевском материале, конечно, с учетом особенностей в истории южной и северной частей Руси.

Смерды — свободные члены общины

Под этим термином я разумею основную массу сельского населения всей Руси, не попавшую в частновладельческую зависимость и подчиненную только государству.

Считаю необходимым тут же сделать оговорку, что в документах, какими мне придется пользоваться для изучения свободных смердов, далеко не всегда отграничена именно эта категория смердов. Часто источники говорят обо всех смердах без деления их на отдельные прослойки. Иногда бывает очень трудно различать, о каких именно смердах идет речь, особенно когда источники имеют в виду государственные повинности смердов: ведь подати платили и зависимые, и независимые смерды. Однако есть документы, приводимые мною ниже, совершенно четко говорящие именно о смердах — свободных общинниках.

Но показательно уже и то, что в некоторых источниках термином «смерд» обнимается все сельское земледельческое население, организованное в общины. Если бы под смердами разумелась, скажем, только зависимая от господ часть населения, такое словоупотребление было бы невозможно.

Если судить по всем известным текстам договорных новгородских грамот со своими князьями («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост. Тако пошло в Новегороде»), то совсем нетрудно сделать вывод о том, что смерды — основная масса сельского тяглого населения новгородских погостов с древнейших времен («тако пошло»).

В других местах тех же договоров встречается не менее показательное противопоставление смердов, как сельского населения, горожанам («закладников не принимати, ни смерда, ни купчины»). Грамоты говорят и здесь о том, что так «пошло», т. е. что это старина. Когда те же грамоты хотят исчерпывающим образом назвать все новгородское население, сельское

[22] Этим утверждением я отнюдь не собираюсь отвергать значения в феодальном обществе юридических признаков в положении любого из общественных классов и внутриклассовых прослоек.

и городское, то пользуются двумя терминами — «смерд» и «купчина», под смердами, несомненно, разумея всю массу сельского населения. То же мы можем видеть и позднее.

Смердов-общинников мы можем видеть, например, в псковской грамоте XIII века: «...Стояли Лочко и Иван и все рожитчане, тяжучися с Радишею и с Кузьмою и с черньци спасовскими про мох, что черньци, Кузьма и Радиш, почали лишати мха Лочка и Ивана и всех рожитчан. И Лочко и Иван и все рожитчане выложили смердью грамоту аже в грамотах мох Лочков и Ивань и всех рожитчан...» [1]. Совершенно ясно, что Лочко и Иван представляют собою всех рожитчан, и что все они вместе несомненные смерды.

Совершенно ясно показаны свободные смерды-общинники в давно напечатанной «ободной грамоте» 1375 г.: «Се докончаша мир в мир с Челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и с его детьми... Староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да шунские смерды: Иван Герасимов да Василей, прозвищем Стойвов Глебовы, да Игнатей прозвищем Игоча, да Осафей Перфирьевы дети, да и все шунжане... мир взяли и межу в Челмужском погосте урядили (дальше идет определение границ спорной земли)... и не вступатися нам в тую Григорьеву землю, да в ту межю... владети тою межою Челможскому боярину Григорию и его детям во веки» [2]. Если признать эту грамоту заслуживающей доверия, в чем не сомневаюсь, то придется отметить, что здесь изображены шунгские смерды в качестве общинников-землевладельцев, у которых был какой-то спор о земле с соседом, челмужским боярином, разрешившийся миром и новой фиксацией земельных границ.

Вот и другая аналогичная договорная запись архимандрита Юрьева монастыря Григория с крестьянами Робичинской волости 1458—1472 гг. В ней читаем: «...урядишася робичане с архимандритом Григорием и с попы и с черньци Юрьева монастыря, Федоре, Семене Онкундинове, Овдоте Максимове, Софонтеи Васильеве, Петре Сидорове и вси христьяне рабочичине давати им успы и житницю...» [3].

После перечня нескольких крестьян Робичинской волости следует обобщение «и вси христьяне робичичане» совершенно так же, как в предыдущих грамотах после перечня нескольких

---

[1] Имеется в виду остров Рожицкии у западного берега Псковского озера. В XIX в. здесь было 5 деревень с 35 дворами (Чт. ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 573—574).

[2] Чт. ОИДР, 1868, кн. 1. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае, стр. 138—139; ср.: Н. С. Чаев. Северные грамоты, ЛЗАК, в. 35, стр. 157, № 53.

[3] Архимандрит Макарий. Описание Новгородского Юрьева монастыря, изд. 2, СПб., 1862, стр. 66.

смердов прибавлено обобщение «да и вси шунжане», «да и все рожитчане». Едва ли можно сомневаться в том, что перед нами смерды-крестьяне, выступающие организованно.

Если крестьяне Робичинской волости находятся в феодальной зависимости от монастыря, то относительно рожитских и шунгских смердов этого сказать нельзя: в грамотах, по крайней мере, об этом ничего не говорится. Можно предполагать тут смердов, еще не попавших в зависимость к феодалу.

Смерды — плательщики даней. Не приходится сомневаться и в том, что таких плательщиков дани имеет в виду Новгородская летопись в рассказе о походе новгородцев на Югру, когда осажденная Югра в 1193 г. говорит осаждающим: «...а не губите своих смерд и своей дани» [4].

В старинных переводах слову «смерд» соответствует греческое «ἰδιώτης γεωργός», т. е. собственник-земледелец [5]. Это основная масса сельского населения. Это же и основная масса плательщиков дани. Под 1169 г. в Новгородской I летописи записан поход новгородцев на Суздаль, где, между прочим, сказано: «и отступиша новгородьци, и опять воротившеся, взяшя всю дань, а на суждальских смердех другую» [6]. Под 1229 г. в той же Новгородской летописи записано: «приде князь Михаил ис Чернигова в Новгород... и целова крест на всей воли новгородьстей и на всех грамотах ярославлих; и вда свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжю землю, а сим повеле кто сде живет, како уставили передние князи, тако платите дань». Так кн. Михаил рассчитывал вернуть крестьян, разбежавшихся от притеснений, вызванных политикой посадника Дмитра Мирошкинича, результатом чего, повидимому, и было восстание 1209 г. [7]. Что именно такое понимание этого текста летописи единственно правильное, говорят многочисленные

[4] Новгородская I летопись, под 1193 г.

[5] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, Сб. «Крестьянский строй», т. I, СПб., 1905, стр. 5, прим. 2.

[6] Новгородская I летопись, стр. 149, изд. 1888 г.

[7] Там же, стр. 230, изд. 1888 г. Никоновская летопись, как мне представляется, искажает этот текст и передает так: «Даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платити, а которых из земли бежали в долзех, тем платити дань, како уставили прежнии князи, или без лихв полетья». Текст Новгородской летописи достаточно ясен и понятен. Здесь, несомненно, разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, которых князь желал вернуть на старые места жительства. С. В. Юшков отдает предпочтение Никоновской летописи перед Новгородской, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований (Уч. зап. Сарат. унив., т. I, вып. 4, стр. 73; Очерки, стр. 102—103). Мои возражения С. В. Юшкову подробнее см. «Киевская Русь», изд. 5, стр. 215. С. Н. Чернов полагает, что здесь смерды бегут с государственных земель на частные, но ничем своей неправдоподобной мысли не доказывает («О смердах Руси XI—XII вв.» — сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», стр. 771).

аналогичные факты из жизни Русского государства. В грамоте Василия Васильевича Темного митрополиту Фотию 1426 г. говорится: «...с того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять на свои места, ино им на 5 лет не надобе никакая моя дань...» [8].

Совершенно аналогичный факт мы имеем в грамоте польского короля Сигизмунда 1525 г. Пограничная с Псковской землей Себежская волость пострадала от военных действий московского войска. Многие крестьяне «з домов своих прочь разошлись», другие сбнищали. Король принимает меры к восстановлению жизни сбласти и в своей грамоте пишет: «Мы, хотячи, абы они (крестьяне.— *Б. Г.*) зася на свои отчизны ся вернули... дали им воли на чотыре годы» [9]. Можно количество таких примеров и умножить. Вопрос совершенно ясен. Для возвращения по тем или иным причинам ушедших крестьян власть принимает наиболее действительное средство: облегчает крестьянские тягсты, конечно, на определенное только время, так как освобождение крестьян от податей вообще было с точки зрения господствующего класса делом совершенно немыслимым.

Если мы примем во внимание факты, совершенно четко знающие свсбодных смердов-общинников, если допустим, что в тех случаях, когда говорится в документах о смердах вообще, могут подразумеваться и смерды независимые, наконец, если мы признаем всем хорошо известный факт наличия на Руси крестьянства, не освоенного феодалами, даже в более позднее время, когда количество феодалов значительно выросло, то существование в Киевской Руси свободных независимых смердов станет для нас совершенно очевидным.

Процесс освоения феодалами земли с сидящим на ней населением (смердами) и заключался в том, что феодалы систематически при поддержке государства овладевали землей и подчиняли себе доселе независимых смердов. Если мы не признаем этого повторяющегося во всей Европе процесса, нам придется сглашаться с теми из наших исследователей, кто считал, что землевладельцы занимали ненаселенную землю и ловили бродячее население с целью водворения его на своих пустырях.

Мне кажется, что для этого решительно нет никаких оснований. О том, что смерды самая значительная часть населения Киевского государства, весьма красноречиво говорит и топонимика. «Ни одно социальное обозначение,— говорит по этому поводу автор специального исследования,— не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражений

---

[8] М. И. Горчаков. О земельных владениях всеросс. митрополитов... СПб., 1871. Приложения, стр. 11—12.

[9] АЗР, т. II, № 138, стр. 159.

в топонимике, как слово «смерд». Тот же автор указывает огромные пределы распространения этого термина: на первом месте в этом отношении стоит Новгородско-Псковская область, к ней примыкают северная и северо-восточная часть Двинской области и северо-западная часть б. Вятской губернии; вторая большая группа земель, хорошо знающих этот термин,— Волынь, Подолия, Холмщина, Галичина, Малая Польша; к ним примыкают Познань, Силезия и Восточная Пруссия. Значительно распространен термин в Белорусских и Литовских землях, в районах Ковно, Вильно, Гродно. Очень редко встречается термин в Верхнем Поволжье (районы Твери, Владимира и Ярославля). Здесь термин замирает. На Западе этот термин известен еще в некоторых частях Германии [10].

Казалось бы, что есть достаточно оснований для подтверждения мнения о смердах как массе сельского населения, хотя термин этот и не исчерпывает всех его категорий.

Такого именно мнения и держится большинство исследователей (Н. А. Максимейко, С. Н. Чернов, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов и др.).

С. В. Юшков о смердах думает иначе. Во многих своих трудах, где он касается этого сюжета, и особенно в своих работах «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» и «Общественно-политический строй и право Киевского государства» он старается доказать, что под термином «смерд» наши источники разумеют только зависимых людей. Само собой разумеется, многие из вышеприведенных мною источников он понимает по-своему [11]. Кроме того, в подтверждение своей основной мысли он выдвигает следующие пункты: 1) «быстрое» исчезновение термина «смерд», что было бы невозможно, если бы этот термин обозначал большую массу сельского населения; 2) в известном тексте Никоновской летописи («несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, и наши смерды в нем живут и холопы: каменносечцы, и древоделы, и орачи») якобы смерды противопоставляются орачам. Это, по мнению С. В. Юшкова, должно обозначать, что термин «смерд» не покрывает всего сельского населения; 3) в поучении Владимира Мономаха говорится, что неприятели «только семцю (земца) яша единого живого, ти смерд неколико», где земцы, сельские жители, противополагаются смердам.

Вот как будто самые главные возражения С. В. Юшкова. На мой взгляд, ни одно из них не колеблет опровергаемого С. В. Юшковым мнения.

---

[10] Е. А. Рыдзевская. Слово «смерд» в топонимике. «Проблемы источниковедения», сб. 2, М.—Л., 1936, стр. 5—16.

[11] См. Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 5, стр. 217 и сл.

1) Термин «смерд» не исчез «быстро». Только надо искать его там, где он имел свое распространение. В Волжско-Окском бассейне он и не был значительно распространен, как это видно из топонимических данных Е. А. Рыдзевской и из письменных памятников. Новгородцы по-своему называли сельское население Суздальщины смердами, а сами суздальцы, как и вся Волжско-Окская территория, этим термином пользовались редко. В Центральном Междуречье летописный термин «смерд» юга и северо-запада Руси заменялся терминами «сирота» или «крестьянин». Возьмем хотя бы знаменитое описание Долобского съезда, где дано классическое изображение смерда. Оно в Воскресенской летописи, составленной в Москве в 30—40-х годах XVI в. [12], передано с характерной заменой термина «смерд». «И реша дружина Святополка: не годно ныне пойти на весне кони изморити, а *христиан* рольи лишити. И рече Володимир: дивно ми, о дружино, оже жалуете лошадей, ими же орете, и ролии *христианские*; а сего о чем не промыслите, егда начнуть *люди* орати...» Смерды = крестьяне = люди (достаточно широкое значение термина!).

Там же, где этот термин был в ходу издавна, как, например, в Новгороде, он не исчез до самого конца новгородской независимости. «А купец поидет во сто, а смерд потянет в свой потуг»— стоит в договорной грамоте 1471 г. Нет никакого сомнения в том, что в быту этот термин держался еще дольше. К сожалению, мы не знаем бытового языка, а в официальных документах после присоединения Новгорода к Москве стала употребляться терминология, возникшая на Руси в татарское время, и термин «смерд» был вытеснен термином «крестьянин». В 80-х годах XV в. смерды под своим именем выступают и в Пскове.

В украинско-русских землях, отошедших к Литве и Польше, этот термин живет и в XIV в., встречается и в XVI в. Так, в Вислицком статуте, переведенном с латинского языка на украинско-русский, имеется термин «смерд» («О смерде, который забьет другого смердя», ст. 56). Смерд здесь противополагается рыцарю: «Много смердов из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити» (ст. 70) и др.

Наконец, и в Москве жив этот термин в XVI в. В трактате Иосифа Волоцкого о неприкосновенности монастырских имуществ есть такое место: «Того ради неции от вельмож зело не любяху мя и глаголаху: с собою ли смерд принес?» (речь идет о монастырском имуществе) [13]. А Берсень-Беклемишев,

---

[12] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., 1938, стр. 370.

[13] А. Павлов. Историч. очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса, 1871, стр. 55.

осмелившийся высказать Василию III свое недовольство новыми порядками, услышал от него в ответ: «Поди, смерд, прочь — не надобен ми еси!» [14].

2) Смысл выступления ростовских бояр против города Владимира тоже ясен. Ростовцы хотят показать, что Суздаль не город, а зависимый от них пригород, и что живут там *зависимые от них люди — смерды и холопы*, после чего указывают на тех же зависимых от них людей, но уже по профессиональному признаку. Каменносечцы, древоделы и орачи — это занятия смердов и холопов. Никакого «противопоставления» смердов орачам тут нет. Конечно, смерды тут подразумеваются зависимые, о чем речь будет впереди.

3) В «Поучении» Владимира Мономаха, наконец, приведено не совсем ясное для нас выражение «семцю». Допустим — это «земец». Нужно сознаться, что о земцах даже более позднего времени (XV в.) мы знаем очень мало. Насколько позволяют судить скудные источники, все же видно, что это — мелкий землевладелец, но стоящий по своему достатку выше крестьянина и отличающийся от него тем, что земец эксплуатирует в своем небольшом хозяйстве чужой труд. В Псковской I летописи под 1431 г. называются земцы: «а земцы березкыи даша мастером 300 рублев» (речь идет об укреплении Гдова) [15]. В Псковской II летописи то же место сформулировано яснее: «а на гдовскых земцах, в кого тамо отчина, взяша 300 рублей в камену стену» [16]. Земцев приходится, таким образом, рассматривать как одну из низших прослоек господствующего класса. Это вотчинники, а не крестьяне. Противоположение земца крестьянину уместно, но оно не может поддержать мнения С. В. Юшкова о смердах.

Очень интересна своей терминологией Жалованная грамота сиротам Терпиловского погоста 1411 г. Она называет население Терпилова погоста, т. е. смердов, тремя однозначащими терминами: «Даша грамоту жаловалную на Ярославле дворе *сиротам* Терпилова погоста: давати им поралье посадниче и тысяцкого по старым грамотам, по 40 бел, да по 4 сева муки, по 10 хлебов. А кто *крестьянин* Терпилова погоста в Двинскую слободу войдет, ино ему, *мирянину*, тянути в Двинскую слободу; а который двинянин слободчанин почнет жити на земле Терпилова погоста, и той потянет потугом в Терпилов погост» [17]. Члены Терпилова погоста названы здесь и сиротами, и крестьянами, и мирянами. Если мы вспомним, что новгородские документы неоднократно повторяют, что основное население погостов — смерды, то получим очень интересный ряд: смерд — сирота — крестьянин —

[14] ААЭ, т. I, № 172.
[15] Псковские летописи, в. I, стр. 39, изд. 1941 г.
[16] ПСРЛ, т. V, стр. 27, изд. 1851 г.
[17] АИ, т. I, № 17.

мирянин, а в сочетании с только что приведенными другими текстами получаем: смерды — сироты — крестьяне — миряне — люди. Терминология, обозначающая очень широкие слои сельского населения.

Можно к вопросу подойти и с другой стороны. Предположим, вслед за С. В. Юшковым, что смерды есть только один из разрядов зависимого от феодалов населения — homines pertinentes. Тогда возникает вопрос — как назывались крестьяне, не попавшие в зависимость? Где они? С. В. Юшков предполагает наличие такого сельского населения. О «свободном крестьянстве» он говорит в связи с вопросом об увеличении размеров княжеского землевладения («...земельный массив увеличивался по мере того, как князья превращали свободное крестьянство в зависимое сельское население») [18] но не находит для этого свободного крестьянства никакого наименования. В другом месте С. В. Юшков пишет: «там, где *сельское население* окончательно превратилось *из данников* в рабочую силу княжеского домена, или церковной или боярской сеньерии, ему присваивалось название смердов» [19]. Стало быть, свободное сельское население, платящее дань, по мнению автора,— не смерды. Смердами оно становится с момента превращения в зависимую от сеньера рабочую силу.

Однако С. В. Юшков до конца не удерживает своих позиций: на стр. 128 он говорит: «...вначале, когда *смерды еще не все были феодально зависимыми людьми*,— платили только дань..., т. е. приблизительно в IX—X в...» (курсив мой.— *Б. Г.*). С. В. Юшков здесь очень близок к моей точке зрения на смердов: он как будто признает, что смерды не всегда и не все были феодально зависимыми людьми и что часть их была свободными плательщиками дани.

Новгородских смердов С. В. Юшков выделяет и говорит о них иначе, чем о киевских: «и в Новгороде,— пишет он,— данщики с течением времени стали называться смердами...» [20]. Но, по мнению автора, новгородские смерды находились в особом положении по отношению к князю. Очевидно, таким способом автор подходил к пониманию известного места Новгородской летописи о походе новгородцев на Югру: «Югра лестьбою рекуще тако, яко копим сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани».

Я думаю, что Югра, притворяясь покорною, назвала себя смердами-данщиками, учитывая, что это наиболее естественное состояние смердов, населяющих погосты-потуги. Между нов-

[18] С. В. Юшков. Очерки, стр. 45, 50.
[19] Там же, стр. 89.
[20] Там же, стр. 240. К сожалению, С. В. Юшков не разработал этого вопроса с такой же тщательностью, как вопрос о зависимых смердах.

городским смердом и киевским установить какую-либо принципиальную разницу нет возможности.

«Русская Правда», имея в виду и киевских и новгородских смердов, знает не только крепостных смердов, но, как мы уже видели, и свободных. Свободный смерд отвечает сам за свои преступления: «то ти уроци смердом, оже платять княжю продажю», говорит ст. 45 Пространной «Правды». Стало быть, не все смерды платят князю продажу, т. е. отвечают за себя, а только свободные. Зависимые смерды отсюда исключаются.

Как видно из этой главы, я сделал попытку доказать, что смерды Киевской Руси — это широкая масса сельского населения, часть которых, как и у всех народов Европы в связи с процессом феодализации переходила и перешла из состояния свободных в положение зависимых и крепостных.

В Киевской Руси в IX—XII вв. этот процесс перехода смердов в зависимое состояние полностью и не завершился, и поэтому совершенно понятно, почему мы находим на Руси в это время и свободных, и зависимых смердов.

Все эти соображения я счел необходимым привести здесь с тем, чтобы мобилизовать материал для решения проблемы о положении основной массы сельского населения в период развития феодальных отношений в Киевском государстве. Не наша вина, если мы сейчас не можем ответить на все вопросы, поставленные перед нами в связи с проблемой положения смердов в древнейший период истории нашего общества. Но если мы не можем ответить на эти вопросы полностью, то во всяком случае для нас ясно, что смерды и в Киевском государстве были основным сельским населением и переживали те же этапы в своем историческом развитии, что и крестьяне любой феодализирующейся и феодальной страны.

Независимые смерды-общинники, хотя и под другим именем (крестьян), сохранялись в течение многих столетий на севере Руси.

Смерды зависимые

Если для большинства ученых смерды являлись основной массой сельского населения, если многие специалисты-исследователи не сомневались в наличии свободных смердов, а некоторые считали их только свободными и независимыми, то вопрос о зависимых смердах оставался как бы в тени. Если о зависимых смердах иногда и говорили, то не делали из этого признания надлежащих выводов. Это ясно из вышеприведенной историографической справки.

О «прикрепленных» смердах говорил М. Ф. Владимирский-Буданов. «Русская Правда» и летописи, по его мнению,

«содержат в себе...указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т. е. прикрепленным». «...Положение свободных крестьян... было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных. Прикрепление могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество Рус. Правды, которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу...» «...Прикрепленные смерды были многочисленны уже в древнейшее время: Рус. Правда древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда» [1].

Признавая, таким образом, наличие в Киевской Руси свободных и зависимых смердов, Владимирский-Буданов под последними разумеет не только смердов в буквальном смысле термина, а и закупов.

Совершенно ясно и четко о зависимых настоящих смердах писал Н. П. Павлов-Сильванский [2].

В сравнительно недавнее время появились работы, уделяющие этому предмету серьезное внимание. Я имею в виду статью С. В. Юшкова «К вопросу о смердах» и его книги «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» и «Общественно-политический строй и право Киевского государства» [3], работу Н. А. Максимейко «Про смердів Руської Правди» и др.

Здесь проблема ставится по-новому и, мне кажется, правильно, что не мешает мне, однако, расходиться с некоторыми положениями этих авторов. Спешу заранее оговориться, что основное расхождение с некоторыми из указанных авторов заключается в том, что я различаю две группы смердов: 1) смердов, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев, и 2) смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ.

Доводы С. В. Юшкова в доказательство наличия зависимых и ограниченных в правах смердов кажутся мне убедительными. Я совершенно согласен с С. В. Юшковым в том, что крепостное состояние смердов — давно сложившаяся практика [4].

Процесс феодализации, развивавшийся на Руси давно, к IX—XI вв. уже успел дать весьма определенные результаты. Значительная часть смердов-крестьян к IX—XI вв. уже успела потерять свою независимость.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 34—36.

[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм удельной Руси, стр. 222 и сл.

[3] С. В. Юшков. Очерки, стр. 101 и сл.; Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 287 и сл.

[4] Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. I, вып. 4, 1923; Очерки, стр. 102 и сл.

Смерды, в качестве одной из категорий зависимого от феодала населения вотчины, по своему бесправному положению весьма близки к холопам. Попробуем собрать указания источников по этому предмету.

Важные постановления «Русской Правды» о смердах содержатся в «Правде» Ярославичей, т. е. в «Правде» по преимуществу княжой и имеющей назначение оградить прежде всего интересы княжеского двора и хозяйства; в числе зависимых от князей людей, сидящих в его вотчине и обслуживающих ее, называются и смерды: «в рядовници княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен» (ст. ст. 25 и 26). Это расшифровка понятия «челядь»: рядовичи, смерды и холопы.

Однако решение этой важной и интересной проблемы упирается в спорный вопрос источниковедческого характера. Дело в том, что в Троицком списке «Русской Правды» и в большинстве других этот текст читается иначе: «за смердии холоп», «за смердьи холоп». В научной специальной литературе этому предмету уделялось и уделяется много внимания и по причинам, вполне понятным. Ведь перед нами один из малочисленных источников, дающих возможность понять правовую и хозяйственную природу смерда. От того или иного чтения текста зависит и решение вопроса о том, кто такой смерд (конечно, не вообще, а лишь в данном контексте): зависимый ли это крестьянин, низведенный в социальном отношении до уровня холопа, или же это свободный человек, владеющий холопом, т. е. рабовладелец, эксплуатирующий холопа.

Как мы могли уже убедиться, «Правда» Ярославичей, где и помещен этот текст, имеет в виду княжескую вотчину, княжеское хозяйство с разнообразным составом княжеских слуг и непосредственных производителей. Естественнее всего предполагать поэтому, что в этой «Правде» речь идет не о смерде, самостоятельном и независимом, а о смерде, работающем в княжеском домене, вместе с рядовичами и холопами. Об этом говорит и штраф в 5 гривен, одинаковый за смерда, рядовича и холопа.

Даже если бы допустить, что в этой «Правде» говорится о независимом смерде, то и тогда мы имеем все основания усомниться в том, что смерд имеет своего раба. Теоретически, конечно, можно допустить, что независимый смерд может эксплуатировать чужой труд, но фактически — явление это во всяком случае настолько редкое, что едва ли бы закон об этом стал говорить. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники рисуют нам смерда человеком бедным, требующим к себе снисходительного отношения.

В последнее время этот текст подвергся обстоятельному изучению. Имею в виду крупнейшего знатока «Русской Правды»

В. П. Любимова, которому принадлежат две остроумно задуманные работы [5]. В «Палеографических наблюдениях над текстом «Русской Правды» автор приходит к убедительному выводу о том, что весь комплекс статей «Правды» Ярославичей, трактующий о людском составе вотчины от тиунов до смердов и холопов, в древнейшем, не дошедшем до нас, тексте, с которого снимал копию переписчик XV в., был объединен графически. Следовательно, в сознании людей XI—XII вв. весь этот перечень слуг и непосредственных производителей мыслился как комплекс людей, зависимых от вотчинника (что подтверждается и содержанием закона).

Ту же мысль с исчерпывающей убедительностью автор доказывает и в другой своей специальной работе «Смерд и холоп». Тут автор в качестве аргументов пользуется и наблюдениями над языком «Правды» и ее содержанием.

После этих работ, мне кажется, спор может считаться законченным и решенным в пользу чтения «в смерде и холопе».

Тут же уместно напомнить, что в Пространной «Русской Правде» в ст. 46 имеется перечень рабовладельцев (князь, боярин, церковные учреждения). Смерды в качестве рабовладельцев здесь не названы и, конечно, не случайно.

С другой стороны, в нашем распоряжении много фактов, говорящих весьма определенно о том, что смерды и холопы очень часто трактуются вместе, что сочетание смерда с холопом для уха современников «Правды» было самым привычным.

Села, принадлежащие феодалам, в X в., по сообщению В. Н. Татищева, имевшего на то серьезные основания, были населены холопами и смердами. Татищев сообщает, что по договору Владимира I с болгарами этим последним запрещалось торговать непосредственно со смердами и огневщиной (челядь). Очевидно, феодалы сохраняют это право исключительно за собой. В «Вопрошании Кириковом», памятнике XII в., мы имеем подтверждение слов Татищева. Там прямо сказано, что смерды населяют села. Замечательно, что Кирик о рабах не упомянул. Очевидно, главной массой населения сел были все-таки смерды. «А смерд деля помолвих, иже по селом живуть».

Князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов: «а холопы наши и смерды выдайта» [6]. Ростовцы высокомерно говорили о владимирцах: «несть бо свое княжение град Владимер, но пригород есть нашь, и наши смерды в нем живут и холопи...» [7].

---

[5] В. П. Любимов. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды. «Историк-марксист», 1938, № 5, стр. 156—161; Смерд и холоп. «Истор. записки», т. X, стр. 66—83.

[6] Ипатьевская летопись, под 1100 г., стр. 181, изд. 1871 г.

[7] Никоновская летопись, под 1177 г.

Буквально то же мы видим и позднее в Новгороде, где по договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче сбежавших смердов и холопов [8]. Едва ли более высокое положение смердов можно усмотреть и в известном сообщении Новгородской I летописи под 1016 г., когда кн. Ярослав, отпуская новгородцев, помогавших ему овладеть киевским столом, «нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородьчем (т. е. горожанам.— *Б. Г.*) по 10 всем» [9].

В различных редакциях Печерского патерика терминами «рабы» и «смерды» переписчики пользуются альтернативно. Так, в «Слове о святых и преподобных отцех Феодоре и Василии» рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на братию. Униженные таким образом бесы, «аки рабы куплени, работають, и древа носять на гору». В этом месте другой вариант патерика заменяет слово «рабы» словом «смерды» [10].

В докончаньи Новгорода с королем Казимиром, правда уже 1440 г., говорится: «а межи собою нам, будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника и за смерда не стояти ни мне ни вам, а выдати его по исправе» [11]. Эти смерды должны выдаваться не в качестве преступников, о которых говорится особо, а именно в качестве смердов, которые и здесь мыслятся рядом с холопами. Ганзейские купцы новгородских смердов считают принадлежащими их господам, которые и являются ответственными за их преступления. «Смерды *ваши*,— говорят они новгородским боярам,— и вы повинны по праву за них отвечать» [12].

Связь смерда с княжеским домениальным хозяйством обнаруживается и в том факте, что княжеские кони, повидимому, пасутся на одном лугу со смердьими и отличаются от смердьих особым тавром — «пятно» [13].

Смердов как рабочую силу княжеского домена и как зависимых от князя людей «Правда» запрещает мучить «без княжа слова», подобно тому как и иных людей, принадлежащих к княжескому двору: огнищан, тиунов, мечников [14]. Смерды-волхвы

---

[8] СГГиД, т. I, № 87; АЗР, т. 1, № 39.

[9] Новгородская I летопись, стр. 84, изд. 1888 г.

[10] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 118 и 230 (варианты). Такое словоупотребление, вероятно, объясняется тем, что на церковном языке все слуги назывались рабами.

[11] АЗР, т. I, № 39.

[12] «Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere». S a r t o r i u s. Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, вып. 2, т. XXIII, стр. 165.

[13] «Русская Правда», Акад. сп., ст. 28.

[14] Т а м ж е, ст. 33.

в 1071 г. ссылались на свое право: «нама стати перед Святославом, а ты,— обращались они к Яну Вышатичу,— не можеши створити ничто же». Тут не может быть и речи о подданстве, так как белозерцы были тоже под данью кн. Святослава, а между тем невозможно предположить, что без княжа слова княжеский воевода не мог судить вообще белозерцев. Повидимому, княжие смерды, о которых здесь идет речь, принадлежали к феодальной вотчинной юрисдикции князя.

Князья распоряжаются своей землей и населяющими ее смердами. Прямых доказательств этого у нас нет, но достаточно убедительные косвенные доказательства имеются. В 30-х годах XIII в. рязанские князья Ингвар, Олег и Юрий вместе с 300 бояр и 600 мужей дали монастырю «9 земель бортных и 5 погостов» с 1010 «семьями», несомненно не холопскими, а именно крестьянскими, т. е. по терминологии киевской и новгородской — смердьими [15]. Если признать правильным чтение и толкование грамоты кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1136—1154 гг., предлагаемое С. В. Юшковым [16] (в этом предположении, конечно, остается место для сомнений): «село Витославицы и смерды» вместо прежнего «и Смерды», т. е. если отказаться под словом «смерды» подразумевать географическое наименование и понимать его как обозначение определенного общественного класса, то мы получим еще одно прямое доказательство того, что часть смердов в X—XII вв. уже находилась в феодальной зависимости.

Положение смердов, зависимых не от князей, а от других феодалов, принципиально ничем не отличается от положения смердов в княжеской вотчине и не может быть качественно иным. Заинтересованность дружинников в смердах, в их конях и пашне несомненна.

Трудно иначе понять запись в Ипатьевской летописи под 1111 г., когда по инициативе Владимира Мономаха к Долобскому озеру приехал князь Святополк с дружиной. «Седоша в едином шатре Святополк со своею дружиною, а Володимер с своею. И бывшу молчанию. И рече Володимер: «брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли». И рече Святополк: «брате, ты почни». И рече Володимер: «како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя рекуще: хочет *погубити смерды и ролью* смердом...»[17]. Этих подробностей нет в записи о том же предмете под 1103 г. Между тем деталь, изложенная в тексте 1111 г., очень характерна.

---

[15] АИ, т. I, № 2.

[16] С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. III, вып. 4, 1925, стр. 39.

[17] Ипатьевская летопись под 1103 и 1111 гг.

Чем объяснить заинтересованность дружинников в смердьей пашне, как не тем, что эти смерды жили в селах дружинников и были обязаны в той или иной форме отдавать часть прибавочного труда своим господам? На это же обстоятельство намекают и другие места той же летописи.

В 1146 г. «разграбиша киане... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты...» Князь Изяслав говорит своей дружине в 1150 г.: «вы есте по мне из Русскые земли, вышли, своих сел и своих жизней лишився». Тот же князь в 1148 г. говорил своей дружине о черниговских князьях: «се есмы села их подожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут: а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь» [18]. В этих селах, как мы видели, жили «огневщина» (челядь) и смерды. Несомненно и то, что вопрос о наборе смердьих коней не разрешается княжеской властью, а зависит от самих дружинников. Повидимому, то же можно сказать и об участии в войске самих зависимых смердов. Эти зависимые смерды знают прежде всего своих господ-феодалов.

О том, что отношения в княжеской и боярской вотчинах принципиально ничем не отличаются, говорит, хотя и не прямо, а косвенно, и характерная приписка, сделанная к ст. ст. 13—14 Пространной «Правды Русской», где идет речь о княжеских людях — сельском или ратайном тиуне и о рядовиче: «А в сельском тиуне княже или в ратайном 12 гривен, а за рядовича 5 гривен» — «Тако же и за бояреск».

Совершенно ясный смысл этой приписки может быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины.

Очень много споров вызывала и вызывает ст. 90 Троицкого IV и других списков Пространной «Правды»: «Оже смерд умреть без дети (цитирую по Троицкому IV списку), то задница князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на ня; аже будеть за мужем, то не дати им части». О каком смерде здесь говорится? Это либо не зависимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, либо же это смерд княжеский, крепостной. Если принять последнее понимание текста, то статья делается более понятной, но является вопрос: можно ли это правило распространить и на не княжеских смердов, зависимых от других феодалов? На этот счет мы, кажется, имеем положительные показания в Уставе кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовых» людях, и церковных и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. «Безатщина» этих людей,

---

[18] Там же, под 1146, 1150 и 1177 гг.

т. е. их имущество, при отсутствии прямых, надо думать, мужских наследников, «епископу идет» [19].

В. И. Сергеевич находит невозможным проводить параллель между епископской безатщиной и правом наследования бояр после бездетно умерших их дружинников, ссылаясь при этом на чтение Пушкинского списка «Русской Правды», которому он отдает предпочтение. «Аще в боярстей дружини, то за князя задница не идет...» [20]. Но здесь идет речь не о княжеских смердах, а о княжеских дружинниках, которым, в случае их бездетности, наследовал когда-то князь, их сюзерен.

Мне кажется, что мы очень значительно приблизимся к правильному решению вопроса о наследовании после смерти бездетного смерда, приняв во внимание аналогичную статью «Польской Правды», которая совершенно определенно говорит о том, что князь, как князь, тут ни при чем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода. Это — хорошо известное Западной Европе право мертвой руки. Об этом интересном предмете речь идет в специальной главе. Здесь я хочу воспользоваться аналогией с «Польской Правдой» только для уяснения ст. 90 «Русской Правды».

Зависимость крестьянина по этим двум «Правдам» одинакова. Одинакова и судьба, по крайней мере в основных чертах, польского и русского крестьянина. Параллельный процесс шел не только в этих двух смежных славянских странах, а во всей Европе. Если челядь как основной контингент эксплуатируемой в барской вотчине рабочей силы имела в той или иной форме тенденцию к постепенному исчезновению, то эксплуатация непосредственного производителя, сидящего в деревне на своем участке земли, интенсивно развивалась. Главный интерес феодалов переключался все больше и больше на освоение новых пространств земли и на увеличение количества подданных. Эти тенденции дали себя в совершенно четкой форме знать уже в XIII—XIV вв. Тогда и отношение земледельца к вопросу о наследовании после бездетных смердов существенно изменилось. Но едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI и XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей.

Для изучения хозяйственного и правового положения смерда мне кажется, мы можем выйти за пределы тех источников, которые трактуют непосредственно о смерде, называя его по имени. Мы имеем основание сопоставлять смердов с сиротами, сябрами, а иногда и с «людьми».

[19] Ср. положение Lex salica об исключении женщин из наследования земли: вся terra salica переходила к мужскому полу (гл. LIX).

[20] В. И. Сергеевич. Лекции и исследования. СПб., 1910, стр. 558.

Сироты, повидимому, те же смерды, только живущие в северо-восточной Руси, хотя нужно сознаться, что терминология здесь не совсем выдержана. Здесь, на северо-востоке, термин «смерд» почти неизвестен. Только новгородцы называют по-своему сельское население Суздальщины смердами. Термин «сирота» известен и Новгороду и Суздальской земле. В Суздальской земле официально он дожил до XV в., а в частном быту им во всем Русском государстве пользовались крестьяне, именуя себя иногда сиротами и в XVI и в XVII вв. Сирот мы видим, так же как и смердов, и свободными и зависимыми.

О зависимых сиротах говорит, между прочим, новгородский архиепископ Илия (XII в.) в своем поучении: «А сирота не мозите великой эпитемьи давати. Пишеть бо в заповедях: «сущим под игом работным наполы даяти заповеди». Да не мозите отягчати заповедью, оть вси каются. Иго бо христово легко есть» [21], т. е. архиепископ запрещает накладывать на сирот, как на людей, находящихся под «игом работным», стало быть, вынужденных к подневольному труду и не располагающих полной свободой действий, большие эпитимии, для них невыполнимые именно вследствие их подневольности.

Другой новгородский епископ, Лука Жидята (около 1036 г.), пишет: «Помните и милуйте странныя и убогия и темничники и *своим* сиротам милостивы будете».

О свободных сиротах и об их освоении говорит в своей проповеди Серапион, епископ владимирский (XIII в.), когда он упоминает о людях, «именья не насыщающихся», порабощающих и продающих свободных сирот [22].

В Пушкинском виде «Русской Правды» имеется дополнительная статья «О коне», где говорится: «А кто конь купить княжь боярин, или купечь, или сирота...». То же и в Новгородско-Софийском и в Археографическом виде Пушкинской группы [23]. Тут краткий перечень населения: боярин, купец, сирота. Последний термин, конечно, обозначает крестьянина.

Смерда мы можем подразумевать в зависимости от общего смысла документа и под очень широким термином «люди». Так, например, в завещании галицкого князя Владимира Васильковича 1287 г. написано: «...Дал есмь ей (жене) село свое Городел и с мытом, а людье како то на мя страдали (другой вариант — «яко на мя тягли»), тако и на княгиню мою по моем животе; аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и татарщиного

---

[21] РИБ, т. VI, стр. 356—357.

[22] Е. Петухов. Серапион, епископ Владимирский, СПб., 1888, Слово о мятежи жития сего.

[23] Правда Русская, изд. Инст. истории АН СССР, т. I, стр. 159, 289, 311.

ко князю» [24]. Последнее дополнительное распоряжение говорит о том, что люди, здесь упоминаемые, не рабы, а крепостные смерды, или сироты. Они «страдают», т. е. работают на господина, или же дают ему оброк и в то же время тянут тягло.

Едва ли мы будем очень неосторожны, если вспомним здесь древнейшее сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 947 г. кн. Ольга по Мсте и Луге устанавливала «погосты и дани», «оброки и дани». Несомненно, что в погостах и тогда жили смерды, и кн. Ольга, наученная горьким опытом своего супруга, сочла за благо упорядочить взимание этих даней и оброков. Эта «реформа» была рассчитана на упорядочение эксплуатации смердов прежде всего, и, конечно, не только смердов. Не будет натяжкой, если мы скажем, что здесь можно подразумевать и некоторую организационную работу по устроению княжеских доменов.

Если в нашем распоряжении имеется достаточно оснований видеть в наших источниках две категории смердов, из коих одна — это смерды, находящиеся в непосредственной зависимости от своих господ-феодалов, то нужно сознаться, что у нас слишком мало данных для того, чтобы точно судить о характере этой зависимости.

Нам хорошо известно, что феодальное общество характеризуется прежде всего наличием крупного землевладения и зависимого от землевладельцев крестьянства. Качество этой зависимости может быть и в действительности бывает, как нам тоже известно, самым разнообразным.

В какой зависимости находились рядовичи (закупы), мы уже видели. Но о характере зависимости смердов мы знаем значительно меньше, да и то, о чем говорят наши источники, может иметь, как мы могли убедиться, различные толкования.

Принимая во внимание, что в состав челяди входили рабы, более чем вероятно, что феодал, имея в своем распоряжении крепостного крестьянина, был мало склонен проводить какую-либо большую разницу в степени своей власти над рабом и крепостным, считая и того и другого своими людьми. Но наличие крестьянской общины, этого оплота крестьянской независимости, во всяком случае должно было сыграть весьма определенную роль по отношению к массе свободных смердов, задерживая темпы процесса феодализации, с одной стороны, и — с другой, смягчая формы крестьянской зависимости.

Как конкретно протекал этот процесс в ранней своей стадии на территории Восточной Европы, мы, к сожалению, ничего

---

[24] СГГиД, т. II, № 4—5; Ипатьевская летопись, стр. 595, изд. 1871 г.

не можем сказать точно. Во всяком случае, нам известно, что свободный смерд, путем внеэкономического и экономического принуждения попадавший в зависимость от феодала, боролся против надвигающегося на него феодализма путем коллективных восстаний, в летописи по вполне понятным причинам не нашедших себе полного отражения; протестовал он также и в форме индивидуальных действий, и прежде всего путем побега. Мы могли видеть случаи бегства смердов, отмеченные Новгородской летописью в начале XIII в., знаем также меры, принимаемые новгородской властью для борьбы с бегством смердов, холопов, должников и др. Хотя у нас и нет никаких оснований думать, что эти меры были выработаны только в это время, хотя неизбежно предположить, что эти меры подразумеваются уже в древнейших из дошедших до нас договорах Новгорода с князьями, тем не менее это не прямые, а лишь косвенные доказательства.

Аналогия с положением польского зависимого крестьянина, которого господин в XIII в. мог не только возвратить из бегов но и сильно наказать за это [25], тоже не прямое доказательство. Древнейшая «Правда», равно как «Правда» Ярославичей и Пространная «Правда», ясно говорят только о бегстве челядина, вполне вероятно включая сюда и смерда. «Устав» Владимира Мономаха, помещенный в «Пространной Правде», знает бегство закупа, но ни одна из «Правд» не говорит прямо о бегстве смерда. Это отсутствие ясного упоминания о беглом смерде может на первый взгляд дать повод к заключению о независимости смердов вообще, но это заключение будет решительно противоречить тому, что мы знаем о зависимом смерде из всех других наших источников. Ведь в Пространной «Правде» имеется статья: «А в холопе и в робе виры нетуть...» (Троицкий IV список, стр. 89), о том, что в зависимом смерде тоже нет виры, в «Правде» нет ни звука. А между тем это так: за смерда, за холопа, за рядовича, кормильца, кормилицу, сельского и ратайного старост, т. е. за весь рабочий состав княжого двора, изображаемого в «Правде» Ярославичей, взыскивается не вира, а вознаграждение за истребление ценностей, в данном случае, принадлежащих князю. Так понимает статьи 24—27 «Правды» Ярославичей и Владимирский-Буданов [26], с которым нельзя не согласиться. Ст. 66 Пространной «Правды» говорит о том, что к послушеству

---

[25] Potestates corferimus abbati homines suos ascripticios a se fugientes, ubieunque locorum eos deprehenderit, capiendi, incarcerandi et in servitium perpetuum redigendi. Codex diplomaticus Majores Poloniae. Цитирую по R. H u b e. Prawo Polskie w XIII w., Warszawa, 1874, стр. 43. Там же см. и другие примеры более раннего времени.

[26] М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Христоматия, вып. 1, стр. 31, прим. 6.

нельзя привлекать холопа, закупа можно только в крайнем случае. А зависимого смерда? — Опять молчание. Если молчание повторяется слишком часто, то это что-нибудь да значит. Почему «Псковская Судная Грамота» ни разу не говорит ни о смерде, ни о холопе, между тем как существование в это время и смердов и холопов нам очень хорошо известно? О «Псковской Судной Грамоте» у меня идет речь специально в другом месте. Относительно молчания «Русской Правды» мы можем лишь сказать, что это — загадка, одно из решений которой в смысле независимости всех смердов, или, точнее, в смысле отсутствия в это время, т. е. в XI—XII вв. (а надо думать, и раньше), зависимых смердов, исключается.

Выводы из молчания источника — вещь опасная и часто приводят исследователя к ошибкам. Яркий пример тому — заключение на основании молчания «Псковской Судной Грамоты», о холопах и смердах об отсутствии в Пскове тех и других, и об изорниках, как об основном населении псковской деревни (см. стр. 466 и сл.). Осторожность в выводах особенно необходима при исследовании «Русской Правды», лаконичной по существу, говорящей далеко не о всех сторонах общественных явлений, ею затрагиваемых.

Молчание «Русской Правды» о побегах смердов, факты чего мы знаем из других источников, быть может, объясняется тем, что в XI—XII вв. количество крепостных смердов было еще сравнительно невелико, что зависимость смердов носила разнообразный характер. Но что одна из форм зависимости смерда вполне соответствует западноевропейскому серважу, у нас нет сомнений. Наконец, мне кажется, в «Русской Правде» имеется статья, в которой естественнее всего как будто понимать бегство всякого зависимого человека вообще, за исключением холопа. Это ст. 120 Троицкого IV списка. Предыдущая статья говорит о беглом холопе: «Аже холоп бегая добудеть товара, то господину же и холоп и долг, господину и товар...». Следующая ст. 120, начинающаяся с красной киноварной буквы, что подчеркивает новую, отличную от предыдущего текста мысль, говорит: «Аще кто бежа, а поемлеть что суседнее или товар, то господину платити за нь урок, что будеть взял». Хочу обратить внимание на употребление этого словосочетания во всем этом отделе «Правды», имеющем общий заголовок «О холопстве».

112. Аже холоп бежить...
113. Аже кто переиметь чюжь холоп...
114. А кто сам своего холопа досочиться...
115. Аще кто неведая чюжь холоп устрящеть...
116. Аже где холоп вылжеть куны...
117. Аже кто пустит холопа в торг...
118. Аже кто купить чужь холоп...

119. Аже холоп бегая добудеть товара...

120. Аще кто бежа...

121. Аже холоп крадеть кого любо...

Шесть раз упоминается здесь «кто» и всегда не в смысле холопа. Четыре раза говорится прямо о холопе. Очень похоже на то, что в ст. 120 «кто» — не холоп. Однако у него есть господин. Под этим «кто» может вполне скрываться и зависимый смерд [27].

Нужно также отметить, что в «Правдах» имеются в виду три случая пропажи холопа: кража холопа, бегство его после нанесения побоев свободному человеку, т. е. укрывание от наказания, и просто бегство от своего господина. Закупа, очевидно, никто не воровал, укрываться от наказания, вероятно, и он был способен, хотя закон об этом молчит; бегство закупа от господина закон знает. Закупов и смердов землевладельцы могли переманивать к себе. Если смерда забирали в плен, он отрывался от всех своих условий производства, превращался в живой товар и приравнивался к рабу. Бежать смерд, конечно, мог и фактически бегал, как мы это и видели, но «Правды» об этом ясно не говорят ничего.

Итак, наличие зависимых смердов в Киевской Руси несомненно. Появление зависимых смердов и дальнейшее распространение власти феодалов над свободным сельским населением — неизбежный процесс во всякой стране, знающей феодальный строй.

Необходимо, однако, сказать, что в современной нам литературе существуют мнения, отрицающие наличие зависимых смердов в Киевской Руси. Имею в виду статью Б. И. Сыромятникова «О смердах древней Руси» [28] и рецензию С. А. Покровского на первое издание моей книги «Крестьяне на Руси» [29].

Б. И. Сыромятников, считая Киевскую Русь обществом рабовладельческим, полагает, что в киевском обществе именно не смерд, а раб был основным производителем. Соответственно с этой своей совершенно не доказанной и недоказуемой мыслью он старается тенденциозно истолковать данные «Русской Правды».

С. А. Покровский признает Киевскую Русь страной феодальной, но феодально зависимыми людьми считает только закупов. Смердов-крестьян он признает свободными.

Состояние источников таково, что мы лишены возможности всесторонне рассмотреть правовое положение зависимого смерда. Однако этих источников достаточно, чтобы расстаться со старым

---

[27] В сокращенном списке «Правды», ст. ст. 120—121 слиты в одну, в которую автор сокращения влил свое собственное толкование текстов.

[28] Уч. зап. Юридич. фак. Моск. гос. универс., кн. 2, 1946.

[29] Известия АН СССР. Отделение экономики и права, № 2, 1947.

представлением о независимости смерда-крестьянина на Руси до XVI или даже XVII в.

Источники совершенно определенно говорят о крепкой зависимости попавшего под власть феодала смерда. «Русская Правда» знает институт мертвой руки, и этого одного достаточно, чтобы понять характер этой зависимости.

Русь в своем развитии шла с древнейших времен по тому самому пути, по которому шли все народы средневековой Европы.

Заключение о смердах

В приведенном выше опыте изучения экономического и правового положения двух категорий смердов затронуты были многие стороны большой проблемы, в том числе и вопросы о месте смерда в производстве.

Ввиду особой важности именно этого сюжета, до сих пор вызывающего, правда, у немногих исследователей, попытку решить вопрос по-иному, будет небесполезно в заключение всего этюда о смердах еще раз вернуться к тому же сюжету.

Для тех, кто верил, а может быть и продолжает верить, в то, что Киевская Русь — страна рабовладения, что Русь в это время переживала рабовладельческую формацию, основой производства должен представляться труд раба.

Для тех, кто считает Русь одним из средневековых государств, государств, выросших в борьбе с рабовладельческим миром и создавших новый, более прогрессивный общественный порядок на развалинах рабовладельческого строя, ясно, что в этих государствах раб не мог быть главной производительной силой.

Свободный член общины, положение которого так сильно манило к себе простолюдина римлянина и грека,—вот кто составлял производственную базу у германцев и славян в дофеодальный период. Наступление феодализма несло свободному общиннику закрепощение, а не рабство. Феодал «предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде...» [1]. Крепостничество — система общественных отношений, характерная для всей средневековой Европы, появилось рано и на Руси. В IX в., во всяком случае, оно уже не было новостью. Дальнейшее его развитие протекало быстро, но долго еще рядом с крепостным смердом продолжали жить свободные крестьяне, находившиеся под властью государства.

Смерд свободный и крепостной — это и есть основная производительная сила в Киевской Руси. Наличие рабства в это время нас смущать не должно. Это спутник феодальных

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 556.

общественных отношений, имеющий тенденцию к ослаблению и в конечном счете исчезающий совсем.

Стоит взглянуть в наши источники, и мы в этом можем убедиться. Смерды — главные плательщики даней и ренты. Никак иначе нельзя понять хотя бы следующие тексты наших летописей: в 1169 г. новгородцы, ходившие в Суздальскую землю войной, взяли много дани, потом снова вернулись и снова «взяшя всю дань и на суздальских смердех другую» [2]. В 1193 г. югра обращалась к наступавшим на нее новгородцам, с лукавой покорностью называя себя их данниками [3].

Совершенно ясно, что пушнина, как и другие «узорочья», поступали к князьям и их дружинникам от этих самых смердов, платящих со своих дымов и плугов чаще всего белками, куницами, соболями и другими ценными мехами, превращавшимися в руках князей и дружины в товар. Как мы видели выше, платили они свои дани и деньгами.

Дань, и очень часто именно пушниной, в раннефеодальный период истории Руси и была способом эксплуатации смердов государством в интересах господствующего класса. В связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением свободного смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного, возникает и утверждается отработочная и натуральная рента. Смерд, попадавший под непосредственную власть феодала, привлекался и ко всевозможным работам на боярском дворе и для этого двора. В «Правде» Ярославичей мы видели смерда рядом с холопом и рядовичем в княжеской вотчине. К сожалению, «Правда» не дает нам материала для ответа на вопрос, как именно эксплуатировался здесь смерд (закуп, несомненно, выполнял барщинные работы). Мы можем только предполагать, что и смерд принуждался к тем же работам. Но, конечно, не всегда. Позднее (XIII—XIV вв.) во всяком случае смерд, попадая в частную зависимость, отдавал своему господину продукты своего труда.

Обе формы ренты, отработочная и продуктами, обычно живут параллельно, хотя и находятся в различные периоды феодальных отношений в известной друг к другу пропорции.

Усиление ренты продуктами за счет примитивной барщины знаменовало переход к следующему, высшему этапу в истории феодальных отношений.

У нас нет недостатка в сведениях относительно стремления богачей подчинить себе свободных смердов, как основного источника своего богатства. Нет недостатка в сведениях и об эксплуатации смердов, об их пауперизации и причинах, заставлявших

---

[2] Новгородская летопись, стр. 149, изд. 1888 г.
[3] Там же, стр. 167.

часть их переходить на еще более низкую ступень социальной лестницы и искать помощи у богатых землевладельцев. Владимир Мономах, как мы уже видели, ставит себе в заслугу, что он «худого смерда и убогие вдовицы не дал сильным обидети». Из поучения епископа Серапиона узнаем, что действительно было от чего их защищать: сильные люди «имения не насыщаются, но и свободные сироты (это и есть смерды.— *Б. Г.*) порабощают и продают» [4]. Мы видели, что митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Сябры — это свободные крестьяне, независимые смерды. Епископ тверской Симеон (умер в 1289 г.) в одной из проповедей говорит: «Но глаголю вам царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам яко защитником благим; но вы цари и князи и наместници, подобни есте тучи дождевней, иже истечает над морем во время ведра, а не над землею, жаждущею воды: вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем иже не имуть ни пенязя: бедных порабощаете, а богатым даете». Об этом епископе летописец говорит: «Князя не стыдящеся пряся, ни вельмож... нищая же и сироты жаловаше».

Эти сильные, энергичные, ненасытные люди ищут не рабов. Их взоры обращены на села, населенные смердами. Им интересна земля смердов и сами смерды, выросшие на этой земле, сросшиеся с нею и от нее, как правило, неотделимые. Захватить под свою власть эту производительную силу, заставить ее работать на себя — мечта и план каждого феодала. Как нам хорошо известно из истории Европы (и не только Европы), этот план был осуществлен полностью. Об этом естественно, заботилась и власть феодального государства. В процитированных источниках перед нами раскрывается процесс освоения земли с населяющими ее смердами различными категориями владельцев.

При этих условиях два основных типа смердов — еще не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосред-

---

[4] «И ничтоже несть известно в человецех, но вся суть стропотна суть: иному землю изхыти, а ин имение отъят, и того село слышавше, а дом иного ныне есть. Друзии же имения не насыщашеся и свободные сироты порабощают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хощют собрати...; богатство нам дал есть бог, да от него неимущим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем и убогих отнимаем». Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего. «Православный собеседник», кн. 2, Казань, 1858, стр. 481—483. Петухов считает это «Слово» произведением домонгольского периода и отказывается считать его автором Серапиона (Е. Петухов. Серапион Владимирский, стр. 12).

ственную зависимость — есть факт столь же обычный, сколь и неизбежный. В одних феодальных странах в разные периоды их истории оставалось больше не освоенных феодалами крестьян, в других — меньше, но оба типа крестьян очень хорошо известны всем этим странам. Судьба крестьянства в феодальной Европе в основном одна и та же везде.

Попробуем подвести главнейшие итоги наших наблюдений над историей смердов.

1. Смерды есть основная масса русского народа, из которой в процессе классообразования выделились другие классы русского общества.

2. С появлением господствующих классов смерды оказались внизу «общественной лестницы».

3. Источники Киевского периода истории Руси застают их организованными в общины.

4. Победа феодальных отношений внесла в жизнь смердов очень важные изменения и прежде всего разбила смердов на две части: а) смердов-общинников, не зависимых от частных владельцев, и б) смердов, попавших под власть частных владельцев.

5. Процесс внутреннего расслоения в общине привел часть смердов к необходимости покинуть общину и искать заработка на стороне. Таким путем у землевладельцев появились новые кадры рабочего населения из смердьей среды.

6. Не зависимые от частных владельцев, смерды продолжали существовать, несмотря на систематическое наступление на общину привилегированных землевладельцев-феодалов.

7. Независимые смерды попадали под власть феодалов при активном содействии феодального государства.

8. Правовое положение зависимых смердов не поддается точному определению. Во всяком случае есть основание считать их в своих правах сильно ограниченными.

9. Форма их эксплуатации определяется условиями жизни смерда: если он живет непосредственно в барской усадьбе, он работает на барщине и входит в состав челяди; если он живет вдали от усадьбы, он платит ренту продуктами.

10. В XII—XIV вв. весьма энергично растет рента продуктами в связи с расширением землевладения феодалов, увеличением количества их подданных и превращением вотчины в сеньерию.

Изгои

До сих пор мы знакомились с отдельными прослойками сельского населения, имея в виду расшифровку общего понятия «челядь».

Рядович, смерд и холоп — так раскрывает нам содержание этого понятия сама «Правда» Ярославичей.

Но древнейшая «Правда», хотя и в более позднем дополнении к ст. 1, называет в перечне различных групп новгородского населения и изгоя.

Изгоев мы встречаем и в других источниках. Это предмет, заслуживающий серьезного внимания, особенно для того, кто поставил себе задачей сделать обзор истории сельского населения на Руси.

Как мы сейчас убедимся, институт изгойства в Киевской Руси есть новое доказательство того, что не рабский труд лежал в основе производства в Киевской Руси, что рабство здесь постепенно изживалось за счет растущего крепостничества.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что у современного читателя при слове «изгой» невольно вызывается в памяти знаменитый текст, где фигурируют — не знающий грамоты попов сын, обанкротившийся купец, выкупившийся холоп и, наконец, даже осиротевший князь [1]. Обычность этих ассоциаций говорит, несомненно, о популярности приведенного текста, но и после ссылки на этот текст вопрос остается нерешенным, потому что он гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда.

В ст. 1 древнейшей «Русской Правды» в числе общественных категорий, имеющих право на 40-гривенную виру, значится и изгой («аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь»). Обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что источники говорят о разных изгоях — городских и деревенских; исследователи мало также отмечают и ту эволюцию, какая происходит с изгоем на протяжении времени, освещаемого памятниками, знающими этот термин. А между тем совершенно очевидно, что между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру (а по древнейшей «Правде» другой виры вообще и не было), и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским смоленскому епископу, или которых, по сообщению митрополита Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный «Устав» Всеволода начала XII в. зачисляет в состав людей церковных, богадельных,— разница очень заметная.

Уже в свое время Калачев высказал интересную мысль, отчасти поддержанную Мрочек-Дроздовским, что «начало изгойства коренится... в родовом быте» [2]. Несмотря на то, что Мрочек-Дроздовский не во всем, на мой взгляд, удачно

[1] Устав вел. кн. Всеволода. М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 245.

[2] П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, прил. к вып. 2, стр. 44, 47. Но там же мы можем прочесть и такую фразу: «Родовой быт скользнул по изгойству, как по зеркалу» (стр. 48).

разрешает задачу, у него имеются очень интересные и вполне приемлемые замечания. «Как явление историческое,—пишет он,— изгойство жило и развивалось при наличности известных условий быта, и, поскольку менялись эти условия, постольку менялось и положение изгоя в древнем обществе». «Для определения положения изгоя в обществе,— продолжает он дальше,— надобно знать, при каких условиях и в какой форме общежития жило само общество. Это необходимо вследствие того, что народ на различных ступенях своего развития живет в данное время в различных общественных союзах, строй которых соответствует именно данной эпохе народной жизни. Первичной формой общежития является род...; впоследствии, в силу различных причин, родовая замкнутость исчезает, и на место рода... является община земская, обоснованная... поземельною связью». Но Мрочек-Дроздовский, автор цитированных рассуждений, не вполне воспользовался этими соображениями при решении задачи в целом. В итоге своего исследования об изгоях он приходит к соловьевскому определению изгойства («Изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому»), хотя и считает, что этого определения недостаточно, так как в нем не принята «в соображение среда, вытолкнувшая из себя изгоя, ни права изгоя, различные при различных состояниях общежития» [3], между тем как, по его же собственному признанию, только этот путь исследования может быть плодотворным.

Есть еще любопытные мысли у Мрочек-Дроздовского: «Добровольные выходы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега... Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта...; самое стремление родича вон из рода есть также не что иное, как то же начало конца».

Наши источники ничего не говорят об изгойстве в связи с распадом родовых отношений: никаких письменных источников в столь ранний период нашей истории не было. Догадки Мрочек-Дроздовского основаны не на документальных фактах, а на теоретических предположениях. Тем не менее отказать им в вероятности нельзя.

Если ограничиваться областью фактов, то мы должны обратить внимание прежде всего на факт характера филологического. Слово «изгой» состоит из приставки и корня, обозначающего и сейчас в живых великорусском, украинском и белорусском

---

[3] П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, прил. к вып. 2, стр. 75.

языках понятие «жить». Изгой — человек выжитый, или вышедший из обычного своего состояния.

Но этим определением изгойства удовлетвориться нельзя: оно слишком общо. Термин этот жил вместе с изгоем и наполнялся новым содержанием. В конце концов он перестал обозначать то, что обозначал раньше. Н. П. Ланге и М. А. Дьяконов едва ли не близки были к правильному решению вопроса, когда высказывали смелую мысль о том, что изгой, ведя свое филологическое происхождение от слова «гоить» — жить, стал обозначать человека, не имеющего «жизни», «животов», т. е. человека неимущего, так как, по понятиям древности, «жить»— значило иметь средства к существованию. В 1150 г., например, кн. Изяслав говорит своей дружине: «вы есте по мне из Русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився» [4]. Отсюда необходимость для изгоя искать пристанища у землевладельцев, могущих предоставить ему эти средства жизни на известных, конечно, условиях.

Близок к Ланге и Дьяконову и Сергеевич, считающий изгоями «людей, находящихся в бедственном положении», и указывающий на то, что «отдельных видов таких людей может быть очень много» (из них Всеволодов «Устав» перечисляет только три вида). Далее Сергеевич готов применять этот термин «вообще для обозначения низшего разряда людей» [5]. Но и Ланге, и Дьяконов [6], и Сергеевич говорят об изгоях деревенских.

Может быть, если термин «изгой» действительно возник в родовом обществе, чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало особенно развиваться в процессе распадения родовых союзов и в «Русскую Правду» попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, повидимому, и упомянут в «Русской Правде» в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще как будто считается полноправным членом нового, повидимому городского, общества, в некотором отношении стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже с русином, представителем правящей верхушки общества. Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения и так же относительно, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не «про дело», т. е. что это есть компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть,

---

[4] Н. П. Ланге. Исследование об уголовном праве «Русской Правды», стр. 59, 60, 69, 70.

[5] В. П. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 273.

[6] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 122, 123.

в значительной степени вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего текста «Закона русского». Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто и, может быть, служило неписаным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.

Но изгоев мы встречаем не только в городе, а гораздо чаще именно в деревне, и нет ничего невероятного в том, что городские изгои в своем положении отличались от деревенских, что первые были свободны, и древнейшая «Правда» в ст. I говорит именно о них.

Если нет ничего невероятного в том, что изгои могли появиться в период разложения родового строя, то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, может быть принятый с некоторыми ограничениями в правах, мог оставаться здесь под именем и на положении изгоя.

Если искать аналогий для этого очень неясного явления древнерусской жизни, то мне кажется допустимым сравнение деревенского изгойства этой древнейшей поры с migrans «Салической Правды». В тит. XIV «De migrantibus» мы имеем следующее положение: «Если кто захочет вселиться в виллу к другому, и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться» (§ 1); «если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи» (§ 3).

Перед нами германская древняя община, которая имеет право принимать и не принимать к себе чужого. Будучи принят, этот чужак является полноправным членом общины. Может быть, изгой древнейшей поры и представлял собой общественную фигуру, несколько напоминавшую этого вселенца, но это было очень давно. В XI—XII вв. изгой уже ничего общего с migrans не имеет.

Необходимо иметь в виду, что перечень групп, среди которых в «Русской Правде» обретается изгой, представлял собой уже тогда, когда он составлялся, далеко не одинаковые по своей социальной значимости общественные элементы, и прежде всего это замечание относится к изгоям. Во всяком случае, в деревне начало XII в. уже застает их в совершенно ином общественном положении. Здесь они — прикрепленные к земле и хозяину люди. Встречаем мы их в числе людей церковных, богадельных, стоящих на самой последней ступени общественной лестницы — после вдовицы, пущенника и задушного человека.

С попыткой Преснякова восстановить первоначальный текст этого места «Устава» нельзя не согласиться [7]. Тогда этот текст примет следующий вид: «А се церковные люди: игумен, игуменья следует перечень церковнослужителей), слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгойской» [8]. В этот первоначальный текст сделана вставка неизвестного глоссатора: «изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает», к которой, по справедливому мнению Преснякова, приросло «лирическое» восклицание какого-то князя: «а се четвертое изгойство, и сего приложим: аще князь осиротеет». Это не столько «лирическое», сколько ироническое восклицание действительно нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богадельных, находящихся под церковной юрисдикцией, людей.

Но и эта принадлежность к церковным людям не решает вопроса об экономической сущности изгойства, так как среди церковных людей имеются, как мы видим, и игумен и игуменья т. е. люди, возглавляющие монастыри и принадлежащие в большинстве случаев к верхним слоям общества. Наконец, как оказывается, изгои не обязательно люди церковные.

В Церковном уставе перечислены подсудные церкви люди, в числе их, действительно, имеются и изгои. Но нахождение изгоев среди людей церковных не делает их исключительно церковными людьми. Мы гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях. Кн. Ростислав Мстиславич дает смоленской епископии «село Дросенское со изгои и с землею... и село Ясенское, и с бортником и с землею и с изгои» [9]. Митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме говорит вообще о ненасытных богачах, «иже прилагают дом к дому и села к селом, изгои же и сябры, и борти, и пожни, ляда же и старины» [10]. Едва ли церковными людьми можно считать и тех изгоев, которые населяли некоторые части Новгорода и были обязаны по разверстке с другими горожанами мостить новгородские улицы. Псковская летопись упоминает княжеское село Изгои под 1341 г. Наконец, упоминание изгоев и изгойства мы имеем в нравоучительной духовной литературе, из которой решительно не видно, что речь идет только о людях церковных, скорее можно предположить обращение церкви по этому предмету именно к мирянам.

В «Наставлении» духовника кающемуся имеется перечень грехов в их восходящей степени. В числе грехов упоминается неправедное обогащение: резоимство тут поставлено на первое

---

[7] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 48.
[8] Термин «изгойской» имеется в одном из вариантов Устава.
[9] ДАИ, т. I, № 4.
[10] Н. Никольский. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII века, СПб., 1892, стр. 104.

место. Этот грех считается бо́льшим, чем кража. Но выше и этого греха считается взимание изгойства: «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою божиею человека, ниже насытившеся ценою уреченою»[11]. Изгойство по отношению к «цене уреченной» есть то же, что проценты по отношению к «истому» (занятой сумме). Брать цену раба при его выкупе позволяется, но брать сверх этой цены (это собственно и считается изгойством) — большой грех. В этом же «Наставлении» имеется еще одна важная подробность. Церковь борется с теми, кто склонен брать изгойство и с детей выкупившихся холопов, рожденных после их освобождения. Пресняков справедливо склонен здесь видеть старый пережиток, когда либертин продолжал оставаться под некоторой властью своего господина[12].

В памятниках нравоучительной церковной литературы подчеркивается происхождение изгойства из холопства и тем самым подтверждается факт, отмеченный и «Уставом» кн. Всеволода («холоп из холопства выкупится»). Если церковь говорит больше всего об изгоях именно этого происхождения, то едва ли будет несправедливо вывести отсюда заключение, что *главная масса изгоев — это вышедшие из холопства люди. Стало быть, это главным образом вольноотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю крепостные.*

Здесь ясно отмечается процесс изживания рабства. Поскольку церковь раньше других землевладельцев сочла для себя выгодным отказаться от рабского труда и перейти к более прогрессивным формам эксплуатации, неудивительно, что именно в церкви оказалось много вакантных мест для вольноотпущенников изгоев. От церкви, впрочем, в этом отношении мало отставали и другие категории землевладельцев.

С. В. Юшков в трактовку вопроса об изгоях вносит свои догадки. Прежде всего заслуживает, несомненно, внимания его остроумное замечание о познавательной ценности знаменитого места об изгоях в «Уставе» кн. Всеволода. «Всякому, жившему в XII в., было прекрасно известно, что́ собой представляют изгойство и изгои, и поэтому, конечно, в Уставе не объясняют, кто такие изгои, а перечисляют их категории, которые, по Уставу, входят в состав церковных людей, находящихся под патронатом церкви».

По мнению С. В. Юшкова, Устав имеет в виду только одну категорию изгоев—церковных. Далее С. В. Юшков указывает

---

[11] РИБ, т. VI, стб. 842; С. И. Смирнов. Материалы для ист. древнерусской покаянной дисциплины. Чт. ОИДР, 1912, кн. III, отд. II, стр. 50 («Аще кто на изгои емлет куны»).

[12] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 275.

и на другую категорию — княжеских изгоев, изгоев, находящихся «под специальной защитой князя». Принимая безоговорочно первую категорию, я в то же время считаю необходимым сделать несколько замечаний относительно второй. Обязательно ли обанкротившийся купец или либертин должны мыслиться под патронатом церкви или князя? Не могут ли они оказаться и под чьим-либо иным патронатом? Источники говорят, что могут. О таких изгоях упоминает, например, киевский митрополит Климент Смолятич (1147—1154 гг.). Он, имея в виду крупных землевладельцев вообще, а не одну какую-либо их группу, осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины»[13].

Эти «славы хотящие» совсем не обязательно только князья и высшие представители церкви. Митрополит в данном случае меньше всего говорил о себе и церковных магнатах, а указывал на явление, широко распространенное в обществе.

Отсюда вытекает на мой взгляд необходимость значительного расширения второй, предлагаемой С. В. Юшковым, группы изгоев путем включения в нее изгоев, живущих в качестве людей крепостных и в светских некняжеских вотчинах. К тому же у самого С. В. Юшкова есть одна заключительная фраза, как будто говорящая, что он сам склонен выйти из тесных рамок, им же и установленных. «Дальнейшая эволюция изгоев всех категорий ясна,— пишет он.— Это путь постепенного превращения в рабочую силу феодальных владений» [14].

Но, конечно, не может быть сомнения в том, что церковь широко пользовалась трудом изгоев. Поскольку в состав зависимых от церкви людей входили и изгои, мы имеем право и к ним отнести правила «Устава» кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовных» людях (т. е. людях, принадлежащих архиерейским домам) и церковных и монастырских. Их судит церковная власть. «Княжи волостели» в этот суд не вступают, и «безатщина их епископу идет», т. е. их имущество при отсутствии прямых наследников переходит к епископу точно так же, как имущество княжого смерда в аналогичном случае переходит к князю.

Из всего, что нам известно об изгоях, можно сделать следующее заключение: 1) о городских изгоях мы почти ничего не знаем; 2) деревенские живут в селах церковных, княжеских, боярских; 3) состав изгойства сложен; очевидно, много путей вело в это состояние, из которых наиболее проторенным в данный отрезок времени нужно считать путь, ведущий в изгойство из холопства через отпуск-выкуп; 4) количество изгоев у земле-

[13] С. В. Юшков. Очерки, стр. 119.
[14] Там же, стр. 123—124.

владельца, между прочим, характеризует его богатство: 5) изгои прикреплены к владельцу и к земле, землевладелец распоряжается землей и населяющими ее изгоями; 6) изгои подлежат суду своих господ; 7) к ним же, весьма возможно, переходит и имущество изгоев при отсутствии наследников.

О хозяйственном использовании изгоев можно догадаться без особого труда. Это чаще всего земледельцы, обязанные работой на своих хозяев, т. е. это категории людей феодально зависимых, крепостных.

Итак, наши очень скудные и сбивчивые источники позволяют отметить довольно большой путь, пройденный изгоями от неизвестного нам момента их возникновения до XIII в. (позднее этот термин уже не встречается).

К XII в. положение, по крайней мере, деревенского изгоя, несомненно, более или менее определилось, и мы видим изгоя уже в вотчине крупного землевладельца в качестве крепостного, передаваемого в другие руки вместе с землей; в новом своем положении он начал смешиваться с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим индивидуальным общественным лицом и свое особое наименование. Настаивать на тождестве зависимых сирот, смердов и изгоев, конечно, невозможно, но, несомненно, их объединяет некоторая общность положения: и сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в.— люди если не всегда крепостные в обычном для нас узком понимании этого термина, то, во всяком случае, находящиеся в достаточно крепкой зависимости от своего землевладельца-феодала, люди, которых мы сможем смело относить к категории лично зависимых, люди, трудом которых живет крупная вотчина.

В заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта категория зависимого населения Киевского государства меньше всех других поддается изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться главным образом более или менее обоснованными предположениями.

Пущенники, задушные люди и прощенники

Среди зависимого от церковных учреждений населения наши источники называют еще несколько категорий: пущенники, задушные люди, прощенники. Прощенники имеются не только в церковных вотчинах, но и в княжеских[1],—стало быть, и в боярских, так как у нас нет никаких оснований предполагать какое-

[1] Уставная грамота смоленского кн. Ростислава смоленской епископии 1150 г.: «А се даю святей Богородици и епископу прощеники с медом, и с кунами, и с вирою и с продажами и ни надобе их судити никакому же человеку» ДАИ, т. I, № 4).

либо принципиальное различие между вотчинами княжескими и боярскими.

Кто они, эти люди?

Задушный человек—это, повидимому, холоп, отпущенный на волю по духовному завещанию и данный в монастырь в качестве вклада с расчетом на молитвы братии «за душу» умершего вкладчика. Не подлежит сомнению, что задушный человек при этом переставал быть холопом и делался крепким монастырю крепостным.

Что касается пущенников, то нетрудно догадаться, что это люди, отпущенные из холопства и тоже ставшие крепостными.

Наших ученых давно уже занимает вопрос о соотношении этих пущенников с прощенниками. В «Церковном уставе» Владимира термин «прощенник», правда, встречающийся далеко не во всех вариантах этого «Устава», и, повидимому попавший сюда позднее [2], соответствует термину «пущенник» «Устава» Всеволода (1125—1136), тоже дошедшего до нас не в первоначальном своем виде. Если опираться на эту замену одного термина другим, весьма вероятно, однозначащим, тогда придется трактовать их рядом.

Принимая во внимание, что и прощенники и пущенники в названных документах считаются людьми церковными, можно было бы понимать происхождение этой категории зависимых от церкви людей в том смысле, что это люди, которым «прощены» или «отпущены» их грехи. Такая терминология сохранилась в церковной практике и позднее.

В Соловецком монастыре, например, и в XX в. живали и работали на монастырь не только люди, давшие обет во время болезни на случай выздоровления, но и дети выздоровевших при таких же обстоятельствах родителей. В старину такие случаи могли быть еще более частыми.

Герберштейн тоже так объясняет этот термин: «Владимир подчинил власти и суду духовных... и тех, кто получил чудо от кого-нибудь из святых или был отпущен на волю ради спасенья чьей-нибудь души» [3]. Характерна в этом отношении и прибавка в других текстах к термину «прощенник» слова «божий» («прощенники божии») [4].

Если бы прощенники-пущенники были только людьми церковными, то вопрос разрешался бы довольно просто. Но дело в том, что мы имеем «прощенников» и в княжеской вотчине. Смоленский князь Ростислав передает их смоленской епископии. И это последнее обстоятельство осложняет решение задачи.

---

[2] С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, в. 1, стр. 103. Автор полагает, что в «Устав» Владимира прощенники первоначально не входили совсем.

[3] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 69.

[4] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1, стр. 120.

С. В. Бахрушин предлагает понимать прощенников-пущенников так же, как понимал их и В. О. Ключевский. Он называет их «людьми, либо совершившими преступление, либо задолжавшими неоплатными долгами, которые избавлялись от взыскания под условием пожизненной работы (иногда даже потомственной) на землях церкви» [5]. Но тут необъясненным остается, почему эти люди считаются «церковными» [6]: ведь попасть в неоплатные должники можно было и к светским вотчинникам, особенно если принять во внимание, что церковных учреждений тогда было не так много. К тому же «Русская Правда» ясно говорит нам, как закон поступал в таких случаях с вдачами, отчасти закупами. Прощение совершенного преступления могло происходить не только в монастырях и церковных учреждениях: но главное тут в том, что отказ потерпевшей стороны от иска едва ли снимал с преступника ответственность за преступление, а по мнению В. О. Ключевского — вовсе не снимал ее [7].

Пример прощенников, который приводит С. В. Бахрушин, ссылаясь при этом на Ключевского, мне кажется, не совсем убедителен, потому, что в рассказе Поликарпа об иноке Григории нет «прощенья», а скорее есть именно наказание. Один раз Григорий выкупил воров от государственного судьи: «властелин градский нача мучити их» (воров.— *Б. Г.*), и выкупленные воры сами «вдаша себе Печерскому монастыреви»; в другой раз тот же Григорий пойманных воров наказал сам, не доводя дела до суда, «*осуди* (курсив мой.— *Б. Г.*) я в работу Печерскому манастыреви». Воры действительно стали работать на монастырь «и с чады своими». Ключевский тоже не считает этих воров «прощенниками». Он этими примерами хочет лишь показать, как делались монастырскими слугами и на каких условиях служили монастырю люди, отрывавшиеся от общества или угрожаемые изгнанием из него [8]. Ключевский больше склонен причислять этих «воров» к категории изгоев. Прощенниками грамоты кн. Ростислава Ключевский считает предположительно людей, «доставшихся князю в холопство за преступления или за долги, может быть, приобретенных и каким-либо другим способом и им *прощенных* (курсив Ключевского.— *Б. Г.*), отпущенных на волю без выкупа». «Медовый и денежный оброк они платили, вероятно, за пользование бортными лесами и полевыми участками на княжеской земле, на которой они были поселены еще до освобождения и на которой остались, получив свободу, подобно тому

---

[5] С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси, «Историк-марксист», 1937, № 2, стр. 66.

[6] Может быть, потому, что Устав говорит только о людях церковных, не касаясь прощенников-пущенников светских вотчин.

[7] В. О. Ключевский. Опыты и исследования, т. I, стр. 320.

[8] Там же, стр. 319.

как в Византии сельские рабы иногда получали личную свободу с обязательством оставаться на пашне в положении прикрепленных к земле крестьян»[9].

В своих работах «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» и «Общественно-политический строй и право Киевского государства» о прощенниках высказался и С. В. Юшков[10]. Он считает их людьми, «которые были превращены в холопы за долги, но впоследствии получили прощение, свободу», однако каких-либо доказательств в пользу именно такого объяснения он не приводит, ограничиваясь лишь критикой мнения о прощенниках как людях, получивших «чудесное исцеление».

Не скрывая перед собой трудности в разрешении всех деталей вопроса, связанного с расшифровкой понятия «пущенник-прощенник», и не имея возможности сколько-нибудь убедительно истолковать применение этой терминологии к определенной категории церковных и не церковных людей, я хочу подчеркнуть лишь то, что представляется мне несомненным.

Это люди, по тем или иным причинам и мотивам вышедшие из недавнего своего состояния (точно неизвестно, какого именно: может быть, это бывшие холопы, может быть, и свободные люди) и попавшие в зависимость от своих господ-феодалов (церковных и светских). Это люди, по своему новому положению очень близкие к изгоям. Характерно, что они крепостные, а не рабы, и это последнее обстоятельство еще и еще раз говорит об изживании рабства и замене рабского труда трудом более прогрессивным — трудом крепостных.

III. НЕСКОЛЬКО ОБОБЩАЮЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Мне хотелось бы здесь отметить еще несколько штрихов в истории рассмотренного нами отрезка времени.

Бросается в глаза факт, что наш летописец сам подчеркивает несколько периодов в истории Русской земли («Откуда пошла Русская земля»). Он говорит, правда очень сбивчиво и туманно, о родо-племенном строе восточного славянства, затем отмечает период образования Киевского государства и, наконец, трактует о его распаде. При этом летописец имеет в виду не только политические события, которыми он совершенно естественно интересуется в первую очередь, но и общественные отношения.

Составитель «Начального свода» писал уже в то время, когда феодальные отношения настолько созрели, что раннефеодальный период, успевший для него стать далеким прошлым,

[9] В. О. Ключевский. Опыты и исследования, т. I, стр. 321.
[10] С. В. Юшков. Очерки, стр. 119; Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 307.

вызывал у летописца сочувственные идеализированные воспоминания. Вот как автор «Начального свода» говорит об этом прошлом: «Вас молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся; тии бо князи не збираху много имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди; но оже будяще правая вира, а ту возмя, даяше дружине на оружие. А дружина его кормяхуся воююще ины страны и бьющеся и ркуще: «братие, потягнем по своем князе и по Руской земле!», глаголюще: «мало есть нам, княже, двухсот гривен». Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребряных, и расплодили были землю Руськую». Вслед за этим летописец обращается уже к своему времени и продолжает: «За наше несытьство навел бог на ны поганыя; а и скоты наши и села наша и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем. Пишет бо ся: богатетство, неправдою сбираемо, извеется; и паки: сбирает, а не весть, кому сбирает я; и паки: луче малое праведнику паче богатьства грешных многа». Отсюда он выводит мораль: «Да отселе, братия моя возлюбленая, останемся от несытьства своего, но довольни будете урокы вашими, яко и Павел пишет: ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще...» [1].

Составитель «Начального свода» совершенно четко противопоставляет один, более ранний период другому, более позднему, отдавая явное предпочтение первому за то, что князья и их мужи тогда воевали иные страны, богатели за счет этих иных стран, свою же землю не обременяли тяжелыми поборами. Автору «Свода» определенно не нравится новый порядок вещей. Он, несомненно, предпочитает военную добычу и дань с завоеванных народов новому способу обогащения знати, освоению больших пространств своей же русской земли и превращению свободных доселе соотечественников в своих подданных, обязуемых с этого момента работать не только на себя, но и на своих господ.

Факты говорят о том, что летописец действительно имел основание отделять один период от другого. Первый период сложения раннефеодального государства, сплочения отдельных племен в народ характеризуется завоеваниями, беспрерывным и систематическим расширением территории главным образом путем включения в состав Киевского государства территорий, в свое время отторгнутых соседями, либо таких, которым грозила эта опасность от соседей. Политические события этого периода главным образом сводятся к большим

[1] Новгородская летопись по Синодальному хартейному списку, стр. 2, изд. 1888 г.

внешним военным предприятиям и к усилиям защитить границы своего государства от врага.

Общественные отношения этого периода отразились в древнейшей «Русской Правде», где показаны те самые мужи, которые вызывали восхищение у летописца. Часто повторяемое явление: человек, недовольный настоящим, обращается к прошлому, которое кажется ему лучшим. Идеализация прошлого в таких случаях понятна. Этого простительного греха не избежал и наш летописец. Ведь и воинственные мужи прошлого, как мы видели, уже имеют свою землю, свои хоромы-замки, свою челядь, т. е. являются владельцами подневольных людей, живут за счет эксплуатации чужого труда.

Сильное государство в этот период было необходимо господствующему классу прежде всего для углубления и расширения феодальной эксплуатации. Однако процесс феодализации еще не достиг того напряжения, какое видел перед собою наблюдательный человек XI в.

Государство в итоге труда прежних поколений достигло апогея своего могущества. И вместе с тем, в связи с усилением местных центров, росла и опасность его расчленения, ослабления его мощи. Тенденции крупных вотчинников-государей на местах стали очевидными и угрожающими. Великое явно приносилось в жертву малому. Было над чем задуматься. Старина представлялась в ином свете. Она исполнена силы, блеска и славы. Не один летописец увлекался подвигами и достижениями предков. Совершенно так же смотрел на прошлое и митрополит Иларион, и автор «Слова о полку Игореве». Увлечение прошлым было не чуждо и народным массам, прекрасно умевшим разбираться в том, что добро и что зло, и сберегшим в своей памяти светлые предания глубокой старины. Эти образы и идеалы с новой силой воскресли в Москве, когда на Куликовом поле родились надежды на объединение всей Руси [2]. Второй период в жизни народа оказался сложнее и тревожнее. Явное растаскивание родной земли выросшими в огромную силу государями-вотчинниками вело страну к величайшей опасности. Основное стремление знати — увеличение своего богатства и своей политической силы, борьба с центральной властью, когда-то опиравшейся на знать и помогавшей ей обогатиться, сейчас сдерживающей сепаратистские ее стремления.

Крестьянская община в этом процессе играет страдательную роль. Обогащение знати идет за ее счет.

В X и начале XI в. давно начавшийся процесс освоения земли и сидящего на ней населения делается особенно замет-

---

[2] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, М.—Л., 1945, стр. 75.

ным. Этот сдвиг нашел себе отражение в тематике «Правды» Ярославичей. Несомненно, что самое появление «Правды» Ярославичей вызвано потребностью господствующих классов в защите завоеванных ими позиций, и нетрудно видеть в «Правде» Ярославичей, против кого и чего направлено острие этого закона.

Управляющий княжеским доменом (огнищанин), сборщик княжеских доходов (подъездной), заведующий княжескими конюшнями могут быть убиты умышленно, с явным намерением расправиться с ними. Может быть произведено нападение на княжеское имущество, убиты егослуги, уничтожен сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, запахана княжеская земля, разрушены приспособления для ловли птиц и проч... Княжеское имение (конечно, и не только княжеское) вынуждено принимать постоянные меры против растущего сопротивления крестьян. Мы знаем, что, крестьянин-общинник не мог быть спокоен: ему непосредственно угрожали «буйные и гордые», «славы хотящие» и «имения ненасыщающиеся» богачи-землевладельцы. Об этом совершенно недвусмысленно говорят наши источники. На наших глазах идет обострение борьбы основных двух классов феодального общества. «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»[3].

В процессе феодализации наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда. Жертвы и итоги этого процесса мы видели. Это — закупы, изгои, рядовичи, сироты, попадавшие в непосредственную зависимость от феодалов смерды, нищие, бедные люди, привлекаемые на работу к хозяевам через выдачу им вперед хлеба и денег. Все эти категории зависимого населения выхвачены из рядов свободного крестьянства или рекрутируются из вольноотпущенников.

Совершенно понятно, почему именно на это время, время интенсивного наступления феодалов на крестьянскую массу падают сведения о крестьянских движениях, часто сочетающихся с выступлениями и городских масс.

Рабских восстаний, характерных для античных обществ, мы в Киевском государстве не видим. Единственный и мало правдоподобный намек на восстание рабов, приводимый Герберштейном в его «Записках» [4] и отвергнутый в свое время Татищевым [5], едва ли может быть серьезно учитываем.

---

[3] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 119.
[4] В. Н. Татищев. История Российская, кн. 1, М., 1768, стр. 377—378.
[5] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

Во всяком случае, без предварительного специального изучения происхождения этого предания считаться с ним сейчас нет никаких оснований.

Как ни может показаться странным с первого взгляда, но это несомненный факт, что мы Киевский период нашей истории в отношении общественного строя знаем лучше, чем следующее за ним время раздробленного существования Руси.

Тяжелое по своим последствиям разъединение государства, татарская туча, повисшая затем над миром и всей своей мрачной тяжестью павшая на Русь и особенно северо-восточную, надолго повели восточное славянство разными путями, еще больше разорвали его недавнее, хотя и не очень прочное, политическое единство, а у некоторых его сынов затуманили самую память об их предках, великим трудом когда-то собравших Русь вокруг Киева.

Положение историка крестьян особенно трудное. Если в распоряжении нашей науки сохранились такие перлы, как русские летописи, дающие историку возможность следить за неугасающей политической жизнью огромной страны, то надо признать, что летописцы очень мало уделяют внимания сельскому населению. Оно продолжало пахать землю, кормило своим хлебом себя и тех, кто либо не мог, либо не хотел ходить за плугом, платило исправно государственные подати, ходило на войну, и чем исправнее несло свою службу, тем меньше привлекало к себе внимание летописца. Иногда оно заставляло о себе говорить. Но это были моменты народного гнева, когда земледелец терял терпение и когда в его руках самые мирные орудия — коса и топор — превращались в грозное оружие против его угнетателей.

А между тем для всех было ясно, что крестьянский труд — основа жизни общественной и государственной.

Историк крестьянства обязан преодолеть трудности и сделать все возможное, чтобы восстановить жизнь земледельческой народной массы. Иначе будет непонятна и вся сложная история Руси.

IV. ДВИЖЕНИЯ СМЕРДОВ

На свободного смерда-крестьянина со всех сторон надвигались тучи. Крепнущее государство для осуществления стоящих перед ним задач требовало людей в войско, всевозможных материальных средств, необходимых как для войны, так и для мирных целей. Росло число князей и княжеских родственников, предъявлявших повышенные требования к материальной стороне жизни, увеличивалось количество княжеских слуг,

боярство множилось, дружины княжеские и боярские осели на землю. Земля была попрежнему велика и обильна, обрабатывали ее попрежнему только крестьянские руки и крестьянские кони. Но непомерно выросло и продолжало расти число людей, рассчитывавших на крестьянский хлеб.

Города, особенно большие, новые и старые (Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Чернигов, Ростов, Суздаль, Владимир, Галич, и очень многие другие) требовали от крестьянина продуктов. Разбогатевшие и продолжающие богатеть землевладельцы устремлялись к тому же источнику материальных благ. Новая религия учила народные массы терпению и повиновению: «всяка душа властем предержащим да повинуется, потому что «несть власти, аще не от бога», рабы повинуйтесь своим господам, кесарево отдавайте кесарю».

Все это звучало для еще непривычного уха крестьянина по-новому и вызывало протест. Вполне понятно, что крестьянская масса предпочитала свою старую веру, держалась своих волхвов и косо поглядывала на прибывших из Византии и своих русских архиереев, архимандритов, священников, за которыми стояла сила государства.

Эта обстановка не могла не создавать недовольства народной крестьянской массы.

Так было не только на Руси. Буквально то же мы видим во всех европейских странах. Где позже, где раньше крестьяне выступали на защиту своих прав с протестом и против новых идей, и против новых общественных отношений, несущих крестьянским общинам не известный доселе для них гнет.

Русские летописцы мало касаются настроения и поведения крестьянства. Их интересуют больше всего огромные успехи Русского государства и подвиги государственных деятелей. Только в отдельных случаях в летопись проникают отголоски народных будней, иногда приобретающие грозный для привилегированных классов смысл.

Только новгородские летописцы с того момента, когда вече стало руководить политической жизнью края, стали отклоняться от торжественного стиля первых историков Руси и сообщать сведения о жизни простого человека, через вече получившего возможность (и то не всегда) официально заявлять о своих нуждах и чаяниях.

Неудивительно поэтому, что в единственном источнике, имеющемся в нашем распоряжении,— «Повести временных лет», от которого мы только и могли бы ждать сообщений о том, как реагировал крестьянин на нарушавшие его привычный уклад новшества, мы так мало находим материала по крестьянским движениям. Но он все же есть, и нам необходимо с ним познакомиться.

В Лаврентьевской летописи под 1024 годом имеется запись: «В се же лето восташа волсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе *мятеж велик* (курсив мой.— *Б. Г.*) и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша. Слышав же Ярослав (находившийся тогда в Новгороде.— *Б. Г.*) волхвы, приде Суздалю; изымав волхвы, расточи, а другыя показни, рек сице: «Бог наводить по грехом на кующдо землю гладом, или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже» [1]. Под 1026 годом, где повествуется об окончании войны между Ярославом и Мстиславом, летописец делает заключение: «и уста усобица и *мятежь* (курсив мой.— *Б. Г.*) и бысть тишина велика в земли» [2]. Если термином «усобица» обозначается обычно феодальная война, то под словом «мятеж» всегда понимается народное движение, направленное против власти и господствующих классов.

Мы прекрасно знаем, что протест народных масс против гнета принимает форму восстания в моменты, когда по тем или иным обстоятельствам обостряются отношения между классами. Голод — одно из таких обстоятельств. Кроме голода, мы видим в данном случае и другой фактор. Это длительная борьба сначала между Ярославом и Святополком Окаянным, наводившим на Русь поляков и печенегов, потом между Ярославом и Брячиславом Полоцким и, наконец, между Ярославом и Мстиславом. Этот тяжелый для Руси период тянулся десять лет и закончился именно в 1026 г.

Феодальные войны, особенно столь большого масштаба, как война со Святополком Окаянным, переросшая в войну международную, не могли не разорять сельское население. Народ волновался, несомненно, повсюду, но летописец фиксировал Суздальское движение потому, как можно догадаться, что тут замешаны были в качестве вождей народного движения волхвы, естественные вожди народных масс, близкие ей и для нее авторитетные. Так летописец и сообщает «всташа волсви», «слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю, изымав волхвы». Конечно, речь идет о главарях движения, за которыми шла масса.

Голодали общественные низы. «Старая чадь» — богатые люди не голодали. У них были большие запасы: именно они скрывали «гобино» [3]. Против них и направлен был народный гнев.

В литературных произведениях XI—XII вв. мы не раз видели этих богачей. Не раз обращались к ним проповедники с призывами не злоупотреблять своей властью, не чинить насилий смер-

---

[1] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 144.
[2] Там же, стр. 145.
[3] «Гобино» — изобилие, по преимуществу хлебных злаков.

дам, сиротам. Проповеди эти нигде и никогда, как мы знаем, не достигали своих целей: унять классовую борьбу было невозможно.

Движение киевлян в 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс. Но не только в XI в., а и позднее отделить городскую народную массу от сельского населения трудно. Необходимо допустить, что и в этом движении принимало участие сельское население, подобно тому, как это, несомненно, было и в 1113 г. в Киеве.

Не случайно в конце 60-х годов [4] прибыл в Киев волхв, может быть даже из Суздальской земли, где, очевидно, их было больше, чем в Поднепровье, в это время более глубоко христианизированном. Волхв и сюда явился «прельщен бесом». Он стал агитировать среди общественных низов.

Автор «Повести временных лет» старается изобразить волхва в карикатурном виде и сообщает о нем детали, рассчитанные на то, чтобы привлечь симпатии читателя на свою сторону, посрамить волхва, а заодно с ним и бесов. Но едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что летописец пользовался в этом случае какими-то вполне конкретными сведениями о поведении волхва в Киеве. Летописец, желая представить речи волхва в нелепом виде, уверяет, что волхв-де говорил, будто через 4 года Днепр потечет вспять и предстоят большие международные события («землям преступати на ина места... стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскей на Гречьской, а прочим землям изменитися») [5]. Само собой разумеется, задача волхва заключалась не в том, чтобы делать международный обзор и предсказывать будущее. Это только средство для возбуждения народной массы. Повидимому, миссия волхва здесь не имела успеха: волхв ночью внезапно бесследно исчез («во едину нощь бысть без вести»).

Изложенный летописцем факт наводит его на размышления, и он помещает в своем произведении большой трактат о бесах и об их воздействии на человека. Бесы человека подстрекают на зло, а потом насмехаются над ним и ввергают его в «пропасть смертную». В доказательство своей мысли автор приводит несколько фактов: 1) события в Ростовской земле, где действовали по наущению дьявола волхвы, 2) происшествие в Чудской земле, куда один новгородец прибыл к кудеснику для волхвования; 3) выступление волхва в Новгороде при князе Глебе.

Факты эти приводятся без дат, иногда очень глухо («в си же времена, в лета си, приключися некоему новгородцю прити

---

[4] В Повести временных лет под 1071 г. записано: «В си же времена...», т. е. без точной даты.

[5] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 170. Тут какие-то намеки на происходившие во второй половине XI в. международные осложнения.

в Чюдь...»), но сами по себе они очень интересны и не вызывают сомнений в конкретности обстановки, их породившей. Бесы, в изображении летописца, чаще всего смущают волхвов, а эти последние воздействуют на массы. Так было в Ростовской земле и в Новгороде.

Особенно интересны ростовские события. С первого взгляда они вызывают подозрение. Не есть ли это то самое событие, которое описано летописцем под 1024 годом? Тут тот же голод, те же волхвы, действующие на смердов по наущению бесов. Но если всмотреться в рассказ ближе, то нетрудно будет заметить и разницу, позволяющую считать излагаемые тут ростовские события новыми, имевшими место в конце 60-х годов или в самом начале 70-х годов XI в.[6]. Во-первых, рассказ относится не к Суздалю, а к Ростову, во-вторых, он упоминает кн. Святослава Ярославича, что говорит во всяком случае о времени после 1054 г.

В Ростовской области волхвы стали во главе движения смердов тоже во время голода. Они и здесь повели крестьянскую массу против «лучших», т. е. богатых людей, не только имеющих достаток во время голодовки, но и скрывающих пищевые продукты (жито, мед, рыбу). Богатых людей убивали, имущество их брали себе. Летописец говорит, правда, только об избиении «лучших жен» и о конфискации их имущества [7]. Но едва ли мы сделаем большую ошибку, если несколько расширим круг богачей, пострадавших во время этого движения смердов. Во-первых, едва ли имущество женщин было строгой принадлежностью только их пола, во-вторых, едва ли братья, сыновья и мужья могли оставаться спокойными зрителями истребления их сестер, матерей и жен. Правда, летописец говорит, что братья, сыновья и мужья «привожаху к нима (двум волхвам.— *Б. Г.*) сестры своя, матере и жены своя... и [волхвы] убиваше та многы жены, и именье их отъимаше та собе». Но ниже тот же автор рассказа дает нам основание думать, что так поступали далеко не все братья, сыновья и мужья, что скорее это были лишь единичные случаи. Такой вывод мы вправе сделать из описания акта мести над волхвами. Тут именно мужчины-родственники расправились с волхвами («убиша я и повесиша я на дубе»). Едва ли могло быть иначе. Ведь речь идет о богатой прослойке населения Ростовского края, против которой выступили смерды, возглавляемые волхвами. Совершенно естественно предположить, что богатые люди, которым угрожала смерть и конфискация имущества, не могли итти навстречу волхвам, а должны были

[6] Автор «Повести временных лет» не датирует и этих событий, а пишет: «Бывши бо единою (т. е. однажды) скудости в Ростовьстей области»... изд. 1910 г., стр. 170.

[7] Тут, повидимому, имеются в виду обычаи мордвы,— у них общественные запасы продовольствия хранили женщины.

протестовать, как это и случилось в Белоозере, куда попали те же волхвы с тремястами вооруженных своих сторонников.

Эта история волхвов на Белоозере в Летописи описана очень ярко. Белозерцы обратились к военному человеку, боярину князя Святослава Ярославича Яну Вышатичу с просьбой о помощи. Он, счастливо для богатых белозерцев, оказался в их земле, будучи послан своим князем за данью. Белозерцы пожаловались на бесчинства волхвов («яко два кудесника избила уже многы жены по Волзе и по Шексне и пришла еста семо»). Ян прежде всего разузнал, что это за кудесники (оказалось — смерды князя Святослава) и потребовал их выдачи.

Тут обнаружилась вполне понятная вещь: одни белозерцы жалуются и просят военного вмешательства власти, другие — являются сторонниками волхвов и не желают их выдавать. Совершенно ясно, что первые — это богатые и знатные люди, вторые — смерды и близкие к ним слои населения.

Ян стал на сторону «лучших» людей и выступил с оружием против восставших смердов. Он победил. Волхвы были взяты, избиты, у них вырваны бороды. По предложению Яна, над волхвами была произведена расправа. Ян обратился к сопровождавшим арестованных волхвов с вопросом: «ци кому вас кто родин убьен от сею?». Они отвечали: «мне мати, другому сестра, иному роженье». Ян сказал: «мьстите своих». Волхвы были убиты и повешены на дубе. Летописец и делает вывод: «отмьстье приимша от бога по правде» [8].

Тут же летописец рассказывает и о «мятеже», поднятом волхвом в Новгороде. И здесь волхв агитировал среди масс, главным образом городских, но тут необходимо допустить и присутствие сельского населения.

Волхв агитировал против христианства за старую языческую веру. Замечательно, что «людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь велик межи ими». За христианство стали только князь Глеб и его дружина [9]. Секрет именно такого разделения идеологических симпатий объясняется в значительной степени тем, что народные массы с новой религией связывали перемены, происходящие в их хозяйственном и правовом положении:

---

[8] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 171—173. Это восстание смердов под главенством волхвов было предметом исследования не раз. А. В. Арциховский и С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г., «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8; В. В. Мавродин. К вопросу о восстании смердов, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6; А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи, «Изв. ГАИМК», т. XIV, в. 2, стр. 34; его же. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 36—37; Н. Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. «Истор. журнал», № 2, 1940.

[9] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 176.

князья и их окружение, т. е. наступающая на старую крестьянскую общину сторона, освящали свое поведение новой религией, между тем как волхвы отстаивали старину, при которой смерд когда-то чувствовал себя свободно.

Волхв действовал снова в Ростовской земле в 1088 г., но, повидимому, без успеха. В Новгородской IV летописи отмечается этот факт глухо и дается лаконическое сообщение, что волхв «вскоре погыбе» [10].

Последний раз упоминаются волхвы как опасный для существующего строя элемент под 1227 г. в Новгородской I летописи, где сообщается о том, что в Новгороде на Ярославском дворе были сожжены четыре волхва[11]. В чем их обвиняли, остается неизвестным. Их судили и казнили в Новгороде, откуда мы можем сделать вывод, что их деятельность протекала в Новгородской земле.

Очень интересно отметить, что одновременно с движением смердов на Руси происходили такие же движения крестьян в соседней с Русью Польше, причем и там и здесь — под знаменем защиты язычества. Польские источники датируют эти события 1034 и 1077 г.[12].

В самом крупном движении — в Киеве 1113 года — волхвы уже участия не принимали. Оно было проведено низами городского киевского общества при самом активном участии сельского крестьянского населения. Это движение интересно прежде всего в том отношении, что созрело в народной массе и протекало без участия волхвов, имело более четкую и конкретную цель и ставило определенные требования, на которые и вынуждена была откликнуться власть в лице крупного политика — Владимира Мономаха.

Это движение кратко описано в Ипатьевской летописи. Оно вспыхнуло на другой день после смерти Святополка. Святополк делал все, чтобы возбудить против себя киевскую народную массу. Даже монахи Киево-Печерского монастыря, воспитанные на принципах почитания власти, отзывались о нем дурно. («Много насилиа людем сотвори Святополк, домы сильных до основания без вины искоренив, имениа многых отъем»). О его алчности и злоупотреблении властью говорится и в других местах Патерика[13]. Его вдова, повидимому, ожидала народного взрыва и пыталась предотвратить невиданной щедростью («княгини же его много роздели богатьство монастырем

---

[10] Новгородская IV летопись, изд. 1915 г., стр. 135.

[11] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 224.

[12] Г. Шмит. История польского народа, т. I, СПб., стр. 38, 49—50; А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II, СПб., 1881, стр. 457.

[13] Киево-Печерский патерик, стр. 106—107, 208.

и попом и убогым, яко дивитися всем человеком, яко такоя милости никтоже может створить»). Это не помогло: утром 17 апреля (Святополк умер 16 апреля) «совет сотвориша Кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: «поиди, княже, на стол отен и ден». Обращение именно к Владимиру Мономаху было знаменательным само по себе. Владимир Мономах был хорошо известен как сторонник целостности Руси, как враг тех, кто во имя своих личных интересов готов был пожертвовать государственным единством, т. е. феодальной знати. Со Святополком лично у него были столкновения не раз: он выступал против Святополка, когда последний в союзе с Давидом ослепил Василька Ростиславича; выступил на защиту черноризца Прохора, когда Святополк хотел сослать его в заточение в Туров, и он бы это сделал, «аще бы Володимир Мономах на сего не встал»[14].

В 1097 г. на Любечском съезде он изложил свою точку зрения. Как реальный политик, он не требовал невозможного. Он признал права, завоеванные феодалами, но считал нужным ограничить их в той мере, в какой это было необходимо для целостности государства.

У Татищева имеется известие, что «совет», о котором говорится в Ипатьевской летописи, был собран в Киевской Софии[15]. А это значит, что там собрались по преимуществу верхи киевского общества. В «Сказании о Борисе и Глебе», помещенном в Синодальном Сильвестровском сборнике и изданном И. И. Срезневским, имеется сообщение о событиях 1113 г. и о роли киевской знати в приглашении Мономаха. «Святополку преставившуся... многу мятежю и крамоле бывши в людех и молве не мале, и тогда совокупившеся вси людие, *паче же большии и нарочитии мужи*, шедше причетом всих людий, моляху Володимера да шед уставит крамолу, сущюю в людех. И вшед утоли мятеж и голку в людех»[16]. «Большии и нарочитии мужи», напуганные народным движением, решили призвать князя, хотя и не имевшего, согласно решению Любечского съезда, никаких прав на Киев, но популярного и в тех слоях феодалов, которые сочувствовали программе Мономаха.

Владимир Мономах от предложения отказался. «Кияни же,— продолжает летописец,— разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я». Путята — самый близкий человек Святополку. Он и пострадал первым.

Последовало второе обращение к Владимиру: «поиди, княже, Киеву. Аще ли не поидеши, то веси, яко много зло

[14] Киево-Печерский патерик, стр. 109.

[15] В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 211.

[16] И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе, СПб., 1860, стр. 86.

уздвигнеться: то ти не Путятин двор, ни соцьских, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастыри, и будеши ответ имел, княже, оже ти монастыри разграбять». Владимир согласился. «И вшед утоли мятеж и голку в людех», как изображает следствие прибытия Мономаха в Киев «Сказание о Борисе и Глебе».

«Мятеж и голка в людех» — это достаточно широкое определение массового движения, куда можно включить не только горожан, но окрестных сельчан, всегда так или иначе связанных с городом.

Но у нас есть более убедительные доказательства тому, что мы имеем здесь движение, охватившее и город и деревню. Доказательство это — в законодательстве Владимира Мономаха. Чем, какими средствами «утолил» Мономах мятеж? У нас нет точного, обстоятельного ответа на этот вопрос. В Ипатьевской летописи об этом сказано слишком кратко. «Володимер Мономах седе Киеве в неделю... и вси людье ради быша, и мятеж влеже». «Русская Правда» дает для ответа на наш вопрос гораздо больше.

«Володимир Всеволодич по Святополце созва дружину свою на Берестовем: Ратибора Киевского тысячьского (ненавистный народу Путята был устранен), Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Ольгова мужа и уставили до третьего реза...» Совещание происходило непосредственно по прибытии Владимира Мономаха в Киев, так как киевские события не допускали промедления[17].

Совещание несомненно занималось рассмотрением мероприятий по ликвидации народного движения. Ясно, что кроме мер репрессивных, Владимир прибег к средствам иного характера: он вынужден был пойти на уступку требованиям народных масс как городских, так и деревенских. Вот тут мы и имеем доказательства того, что движение охватило и город и деревню.

---

[17] М. Н. Тихомиров приводит доказательство тому, что заседание это было до 8 августа 1113 г. (по Лавр. лет., по Ипатьевской — 1 августа), когда умер Олег Святославич (М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде», стр. 209). Святополк умер 16 апреля 1113 г., 17 апреля начался мятеж. Переговоры с Владимиром Мономахом тянулись, вероятно, недели две. Когда именно прибыл Владимир в Киев, неизвестно. Ипатьевская летопись сообщает события этого года без обозначения месяца и числа, и только под 1 сентября 1113 г. она сообщает о том, что Владимир женил своего сына Романа. До этого Владимир успел создать коалицию против половцев и прогнать их, произвел ряд перемен в управлении государством. Совещание, очевидно, предшествовало этим его действиям; не мог Владимир заниматься этими делами, не ликвидировав предварительно народного движения в столице.

Если город страдал главным образом от гнета ростовщиков, то сельское крестьянское население — от притеснений феодалов-землевладельцев. Закон, созданный на этом совещании, ответил на нужды и городских и деревенских угнетенных масс.

Уставы о процентах, о закупах и о холопах — это основное, что было сделано в этот момент, и, повидимому, этого одного было достаточно, чтобы произвести успокаивающее впечатление на восставших и дать право самому Владимиру Мономаху вписать в свою автобиографию фразу «и худого смерда и убогие вдовице не дал есмь сильным обидети». М. Н. Тихомиров приводит текст из послания митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, подтверждающий именно такой характер деятельности Мономаха[18].

Если мы будем руководствоваться не формальными признаками, которых, кстати сказать, у нас мало и недостаточно для выводов, а содержанием той части «Русской Правды», которая озаглавлена «Устав Володимерь Всеволодича», то нам станет ясно, что: 1) эта часть «Правды» (в основном, конечно: позднейшие вставки возможны и даже неизбежны) действительно принадлежит инициативе Владимира Мономаха, 2) она проникнута единой мыслью и несомненно связана с событиями 1113 г.

Следы революционного происхождения законодательства о должниках, закупах и холопах очень заметны. О должниках говорить много не приходится: закон до прозрачности ясен. Относительно закупов речь была выше. Совершенно очевидно, что законодатель здесь пошел на компромисс и частично удовлетворил требования деревенского простого люда, страдавшего от произвола богатых землевладельцев. Холопы были и в деревне, и в городе. Положение их тоже было облегчено, и это служит доказательством, что в движении 1113 г. принимали участие и холопы[19].

---

[18] «Крепки молитвы покажи, пение, милостыню к нищим, отдаждь должником долги. Аще ли то немощно, поне де великий рез остави, еже яко же змия изъедають... Аще ли постишися, емлеши рез на брате, никоея же ти пользы быть... режа бо жилы и закалая его злым ножем лихоманием неправедных мзды тяжкого реза...» «Тобе, мудрого нашего кормьчию, благочестивого князя, заступника воистину востави, устраяюща словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща суд и правду по среде земля... и *украси законоположении*, аки некими стенами чюдными свое стадо крестьянское огради» (М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде», стр. 210—211).

[19] Об этом движении, которого, конечно, нельзя было не заметить, писали много. М. Н. Покровский называл это движение «второй киевской революцией», подчеркивая участие в ней «городской и деревенской бедноты» (М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, М., 1920, стр. 88—89). См. также: Н. А. Рожков. Рус-

Если мы захотим продолжить наши наблюдения и привлечем материал, не прямо, а косвенно говорящий об участии сельского населения в выступлениях против ложившегося на него гнета, то в нашем распоряжении окажется еще несколько небезынтересных фактов. Известные события в Новгороде 1136 г., положившие начало республиканским формам политической жизни Новгорода, предполагают прежде всего выступление городского населения, прекрасно изображенное новгородским летописцем, который, однако, в одной детали дает нам понять, что движение одними городскими низами не ограничивалось, что в нем принимали участие и смерды. Осужденному по нескольким пунктам обвинения князю Всеволоду вменялось в вину прежде всего то, что он «не блюдеть смерд»[20], т. е. не оберегает интересов смердов, дает их «сильным обидети», как сказал бы по этому случаю Мономах. Трудно представить себе, чтобы пункт в защиту смердов был внесен без всякого участия смердов.

Возможно, что некоторый намек на активный протест сельского населения заключается и в описании событий в Киеве, последовавших за смертью Юрия Долгорукого. В Ипатьевской летописи есть такое сообщение: «И много зла створися в то день: разграбиша двор его красный и другый двор его за Днепром разграбиша, его же звашет сам Раем, и Васильков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть суждальци по городом и по селом, а товар их грабяче»[21].

В. В. Мавродин видит тут протест против бояр-суздальцев, которые, по его мнению, «безнаказанно до этой поры закрепощали смердов». Может быть, бояре-суздальцы, прибывшие сюда вместе с Юрием Долгоруким, действительно повинны в этом. Но, повидимому, тут все же говорится о суздальских купцах, а не боярах. Избивали суздальцев по городам и селам, а товар их отбирали. Суздальские купцы, как это видно из различных источников, между прочим, и из договоров Новгорода с суздальскими князьями, отличались большой предприимчивостью, разъезжали со своими товарами по всей Руси великой, конечно, ездили и в Поднепровье. Им-то, этим купцам, находившимся под покровительством кн. Юрия, и досталось после его смерти.

ская история в сравнительно-историческом освещении, т. I, стр. 184. Касался этого не раз и С. В. Юшков. Писал по этому вопросу и В. В. Мавродин («К вопросу о восстаниях смердов»— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934), № 6. Как указывал я выше, вопросом этим занимался и М. Н. Тихомиров (Исследование о «Русской Правде», стр. 208—211).

[20] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 129.

[21] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 336.

После убийства Андрея Боголюбского в событиях в Боголюбове, вызванных обострением классовых противоречий, принимали участие не только горожане, но и сельчане («грабители же и ис сел приходяче грабяху»). Конечно, у боголюбовских сельчан оснований для протеста было достаточно. Но это и не 1071 г. и не 1113 г.

Хорошую аналогию событиям этих годов мы имеем в Новгороде в 1209 г. Здесь перед нами подлинное выступление города и деревни, закончившееся некоторыми политическими переменами в новгородском правительстве. Участие здесь смердов доказывается тем, что: 1) летописец прямо указывает на тяжелое положение сельского населения как на одну из причин восстания против Мирошкиничей и на бегство смердов, 2) когда появился новый князь Михаил из Чернигова, он счел необходимым облегчить положение именно сельского населения. Он дал податную льготу бежавшим смердам с целью вернуть их на их старые, покинутые ими места. Меры, принятые Михаилом, достигли цели. Летописец счел необходимым отметить: «бысть легко *по волости* Новугороду».

Итак, едва ли у кого-либо может остаться тень сомнения в том, что Киевская Русь знает крестьянские движения как форму протеста сельского населения против тяжести своего положения. Это чисто антифеодальные народные движения, известные во всех европейских странах.

По мере роста городов, усиления городских вечевых собраний, инициаторами народных движений делаются массы городского населения, за которыми идет и деревня.

* * *

Если мы попытаемся обобщить наши наблюдения над хозяйством и общественными отношениями Киевской Руси, и, в частности, над положением сельского населения, то нам придется отметить следующие основные положения:

1. Наша страна знает земледелие в качестве господствующего занятия населения очень давно, и этот факт самым непосредственным образом отразился на истории происхождения в нашем обществе классов и на истории взаимных их отношений.

2. Поскольку земледелие играло в истории нашей страны с давних пор крупнейшую роль, вопросы о землевладении, его возникновении, организации вотчины, о категориях зависимого от вотчинника населения являются важнейшими вопросами, без изучения которых немыслимо понять не только нашу древность, но и весь ход нашей истории в последующие века.

3. Время появления частной собственности на землю точно датировано быть не может. Во всяком случае, в VII—IX вв. частная собственность в бассейне Волхова — Днепра несомненна.

4. Для IX—XI вв. имеется уже вполне доброкачественный материал, позволяющий нам составить достаточно цельное представление о характере древнерусской вотчины и внутривотчинных отношений в ней.

5. Княжеская, боярская или церковная вотчина, по данным XI в., является организованным сельским хозяйством, базирующимся на эксплуатации крепостного и рабского труда, причем рабство очень заметно уступает место более прогрессивному феодальному способу производства (крепостной труд).

6. В крупной вотчине ведется сравнительно небольшое господское земледельческое хозяйство, обслуживаемое непосредственным трудом челяди (отработочная рента).

7. Расширять собственно барское хозяйство у крупных землевладельцев нет ни средств, ни побуждений, так как продукты сельского хозяйства еще не успели занять сколько-нибудь видного места ни на внутреннем ни на внешнем рынках.

8. Стремившиеся к расширению своих владений богатые люди уже успели создать необходимую для них надстройку (государство). Опираясь на государственную власть, они путем заимок и княжеских пожалований систематически увеличивают свои земельные владения и количество своих подданных, подготовляя превращение вотчинника в «государя», вотчины — в сеньерию.

9. Значительную часть населения Киевской Руси IX—XI вв. все еще составляют свободные крестьяне-общинники, в ходе интенсивного развития феодализма систематически закрепощаемые.

10. Получившие в свое распоряжение землю дружинники увеличивали кадры землевладельцев, следствием чего являлось систематическое уменьшение количества независимых смердов.

11. Усиленное наступление феодалов на крестьянскую массу вызвало в ней протест, выражавшийся как в постоянных актах враждебности по отношению к своим угнетателям, так и в вооруженных против них спорадических выступлениях.

12. «Русская Правда» в системе наказаний за преступления направлена на защиту интересов феодалов против недовольства угнетенной народной массы и прежде всего — крестьянства.

Часть третья

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ В КРУПНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ. СЕНЬЕРИЯ И РЕНТА ПРОДУКТАМИ

Эта новая часть книги посвящена следующему периоду в истории зависимого крестьянства.

В связи с ростом и углублением феодальных отношений (приблизительно с XI—XII вв.) преобладание примитивной отработочной ренты стало уступать и, наконец, уступило место ренте продуктами, что очень серьезно изменило положение зависимого крестьянина. Изменилось и положение землевладельца.

Вместо непосредственного принуждения зависимый крестьянин стал выполнять свои повинности под собственной ответственностью перед феодальным законом; вместо работы в господской усадьбе крестьянин, как правило, сейчас работает на своей земле, имеет больший простор для того, чтобы выбрать время для избыточного труда. Вместе с тем выступили заметные различия в экономическом положении отдельных прослоек непосредственных производителей [1].

Само собой разумеется, что предыдущая форма докапиталистической земельной ренты окончательно не исчезла: изменился только ее удельный вес; она продолжала сопровождать успешно завоевавшую себе место новую форму ренты. Конечно, продолжает существовать и вотчина, но она значительно изменила свой внутренний строй. Изменилось и политическое значение вотчинника.

К сожалению, следить шаг за шагом за всеми деталями этого важного процесса мы не имеем возможности. Мы вынуждены отмечать только то, о чем говорят наши источники, для этого именно периода особенно скудные.

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 807—809.

I. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ XII—XV вв.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Тогда бо бяше в своей чести и времени земля Волынская, всяким обильством и славою аще и ныне по многих ратех»

Митр. Киприан. Житие митр. Петра.

В 1927 г. крупный знаток «Русской Правды», выступая со своей специальной работой «Про смердів Руської Правди», между прочим писал о том, что он расширяет сознательно рамки своих наблюдений над смердами через привлечение литовско-русских источников. «Я стал на этот путь,— пишет он,— не для того только, чтобы отыскивать аналогию. Обращаясь к сравнениям, я хотел показать, что нить развивающегося процесса не оборвалась, когда создано было Московское царство; она шла и дальше. Если в Московском царстве не сохранилось и памяти о смердах Русской Правды, то в Западной Руси и на Украине они имели своих непосредственных и законных наследников, в особенности в волостных или тяглых людях, правовое положение коих опиралось на основу, заложенную еще в Русской Правде»[1].

Нетрудно доказать, что автор этих слов сильно ошибается относительно «Московского царства», выросшего, конечно, на почве Киевской Руси, что в «Московском царстве» нашли свое продолжение процессы, начавшиеся в киевское и даже докиевское время. В этом легко убедиться, если глубже и беспристрастнее всмотреться в жизнь восточного славянства во всех ее формах и проявлениях.

Действительно, под влиянием татарщины, с особой силой обрушившейся именно на северо-восточную Русь, терминология здесь значительно изменилась, появились слова, не знакомые Киевской Руси, и в числе их: крестьянин, кабала и некоторые другие; но ведь дело не в словах, а в самой сущности общественных явлений, независимо от того, какими терминами они обозначаются. Плох тот историк, который в любой словесной оболочке не умеет распознать социальной сущности явления.

Но Н. А. Максимейко совершенно прав в том отношении, что Галицкая Русь, как и Русь, занятая Литвой, меньше пострадавшие от татар, в своем быту (что сказалось и в письмен-

---

[1] Н. А. Максимейко. Про смердів Руської Правди — «Праці Комісії для виучування історії Західньо-Руського та вкраїнського права», стр. 1.

ности) весьма заметно сохранили отпечаток «Русской Правды», конкретнее отразили связь с нею и таким образом дают в руки исследователю большой материал для изучения эволюции норм древнерусской жизни.

«Русская Правда» подобна знаменитому Оковскому лесу, откуда «на полдень в Понт-море течет Днепр, на полунощье в самем море Варяжское Двина, а на восток семьюдесятью жерелами стремящаяся в море Хвалынское Волга». Это неиссякаемый источник, питающий и Украину-Русь, и Русь Белую, и Русь Великую, и всякую другую Русь, память о которой столь бережно хранилась восточнославянскими народами на протяжении многих столетий.

Я, как и некоторые из моих предшественников, тоже не теряю надежды именно в Галицкой и Волынской Руси найти ответ на вопрос, что несли крестьянству XIII и XIV века — вопрос, меня в данном случае больше всего интересующий.

Предстоит путь нелегкий. Следует иметь в виду, что история крестьян на Руси XIII—XIV вв. почти не разработана. Я буду полностью вознагражден, если мне удастся, хотя бы отчасти, заполнить этот пробел в нашей науке.

Действительно, попытки изучить историю общественных отношений на Руси XIII—XIV вв. всегда наталкиваются на отсутствие или крайнюю скудость источников. Конец XIV в. дает нам Двинскую уставную грамоту, XV в.— Новгородскую и Псковскую Судные грамоты, Судебник Ивана III, Судебник Казимира; начало XVI в.— Первый Литовский Статут (1529 г.). К этому надо прибавить немногочисленные для XIV и начала XV в. документы частно- и государственно-правового характера.

Все эти источники, несомненно, связаны с «Русской Правдой». Следы ее бросаются в глаза, но их совсем не достаточно, чтобы проследить, как последовательно развивались институты «Русской Правды» в XIII—XIV вв. Период феодальной раздробленности остается в этом отношении совсем не освещенным.

Особенно это состояние источников сказывается во всех попытках изучить экономическое и правовое положение сельского населения.

А между тем каждому исследователю этого вопроса необходимо считаться с очевиднейшим фактом крупных перемен, происшедших в состоянии сельского населения за период от времен «Русской Правды» до конца XV в., так хорошо отображенного, например, в древнейших новгородских писцовых книгах, в люстрации Киевской земли 1471 г. и др.

Бросается в глаза, что рядович-закуп, смерд и холоп «Русской Правды», работавшие в барской усадьбе IX—XI вв., эксплуатируемые в форме барщины по преимуществу, находящиеся

под непосредственным наблюдением и физическим воздействием своих господ, совсем не похожи на новгородских смердов или киевских селян XV в., живущих очень часто на далеком расстоянии от господских дворов и от самих господ. Эти смерды и селяне ведут самостоятельно свое хозяйство и выплачивают господам-землевладельцам установленные обычаем оброки. Качественная дистанция между этими смердами и смердами, входившими в состав господской челяди, огромного размера. Успело сильно расшириться землевладение знати, увеличилось у каждого из них количество подданных, обязанных платить им оброки, окрепла материальная обеспеченность знати за счет именно этих оброков, заметно выросло политическое могущество крупного землевладельца-сеньера. Вместе с тем заметно обозначилась заинтересованность землевладельцев в сохранении материальной базы своих подданных. Если мы имеем основание думать, что знаем, почему это произошло, то мы не всегда можем ответить на вопрос, как это конкретно происходило.

К Галицкой земле я обращаюсь не случайно. Во-первых, это часть Киевской Руси, жившая с нею одной правовой жизнью; во-вторых, после политического упадка Киева, она, наименее пострадавшая от татар земля на юге, как Новгород на севере, дала образцы яркой общественной жизни и политической организованности; в-третьих, что чрезвычайно важно, в нашем распоряжении Вислицкий статут 1347 г., переведенный на русско-украинский язык и приспособленный, повидимому, в конце XIV в. несомненно для Галицкой Руси; конечно, он содержит в себе нормы польского права, но так или иначе учитывает и состояние общества Галицкой Руси и положение галицких крестьян, в частности; наконец, в-четвертых, мы имеем ценную Галицко-Волынскую летопись, доведенную до самого конца XIII в.

Заранее должен оговориться, что и Галицкая Русь XIII — XIV вв. освещена источниками далеко не в достаточной степени, чтобы дать ответ на все интересующие нас вопросы. Не раз к этим источникам с надеждами подходили и русские и польские историки. Много разочарований они встречали на этом пути, но поисков все-таки не прекращали. Исследователь, поставивший себе задачу проследить эволюцию норм «Русской Правды», никогда не перестанет снова и снова обращать свое внимание именно сюда, в этот уголок древней Руси, потому что если вообще суждено разрешить в какой-либо мере вопрос об общественном строе Руси после «Русской Правды», то он скорее всего может быть решен на галицко-волынском материале.

Общественная жизнь Галицкой земли очень сложна, гораздо сложнее других древнерусских земель. Эта сложность отразилась и в дошедших до нас источниках. Но самое главное,

что история Галицко-Волынской Руси данного периода лучше освещена в источниках, чем история других русских земель.

Социально-экономическая жизнь Галицко-Волынской Руси в интересующий нас период характеризуется дальнейшим развитием феодальных отношений, что проявилось в росте крупного землевладения, в превращении вотчины в сеньерию, в развитии городов и т. д. Все это сопровождалось обострением классовой борьбы [2]. Чрезвычайно осложнилась внутриполитическая жизнь княжества — усилилась борьба между княжеской властью и окрепшим боярством. Очень сложным оказалось международное положение Галицко-Волынской Руси. Соседние государства — Польша и Венгрия — постоянно делали попытки вмешаться во внутренние ее дела. В особенно тяжелом положении оказалась Галицко-Волынская земля с начала XIII в.— века величайших потрясений в Азии и Европе, века вторжения бесчисленных монгольских орд, уничтожавших на своем пути культурные ценности, добытые упорным и длительным трудом человека. Русь приняла на себя главный удар врага и долго не могла залечить свои раны.

О разорении Восточной Европы монголами писали много и писали по-разному. В этих писаниях необходимо разобраться. Вот, например, А. Яблоновский, рассуждающий о роли Польши в ликвидации последствий монгольского нашествия, писал: «После монгольского погрома Русь не имела совершенно никаких сил к своему восстановлению и никогда не была бы в состоянии исполнить это сама... Такая историческая задача выпала на долю Польши. Будучи для нее залогом фактического обладания русскими землями и моральным оправданием этого обладания, такая задача сделалась с течением времени ее высокою историческою миссиею. И эту задачу она выполняла тщательно и усердно» [3]. Совсем иначе по этому же поводу писал другой польский историк — Колянковский. Он подчеркивает, что Русь, разбив татар на Куликовом поле, выполнила то, что не удавалось до этого времени ни одному из литовских великих князей [4]. Не следует забывать, что этот подвиг совершила часть Руси, наиболее разрушенная и угнетенная татарами.

М. Ф. Владимирский-Буданов в свое время уже сделал попытку опровергнуть мнение Яблоновского. М. Ф. Владимирский-Буданов не мог согласиться с основными положениями автора, ни с изображаемой им степенью разорения Галицкой Руси, ни с утверждением о ее бессилии, ни с ролью Польши в деле возрождения Руси. Между прочим,

---

[2] См. В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, 1950, стр. 134—289.

[3] A. Jabłonowski. Źródła dziejowe, t. V, str. VI—VII.

[4] L. Kolankowski. Dzieje W. Ks. Litewskiego za Jagellonów, t. I, Warszawa, 1930, str. 20.

М. Ф. Владимирский-Буданов отметил и некоторый поворот в решении вопроса в самой польской исторической литературе. «С удовольствием должны мы отметить,— пишет Владимирский-Буданов,— что некоторые из польских писателей не повторяют уже заблуждений своих соотечественников»[5]. Однако, правильно уловив порочность построений Яблоновского, Владимирский-Буданов не сумел раскрыть истинных причин возрождения Руси, не смог оценить все значение героической борьбы русского народа против татарского ига.

Известно, что не подчинение другому феодальному государству (в данном случае Польше или Литве) могло обеспечить подлинный культурно-хозяйственный подъем Руси, а самоотверженная борьба русского народа с татарским нашествием и объединение русских земель в единое централизованное государство.

Несколько в особом положении оказалась Галицко-Волынская Русь. Для более конкретного понимания ее исторических судеб в XIII—XIV вв. и соотношения здесь между русским и польским феодальным правом нельзя забывать огромной важности факта — существования королевства Даниила Романовича, в состав которого входила не только вся Галицкая земля, но и часть Волынской, Подолия и самый Киев, государства, в котором политическая и общественная жизнь била ключом. Время твердого установления власти Даниила Романовича падает на годы 1239—1264 (с 1253 г. он — король), т. е. существование государства Даниила охватывает время татарского нашествия на русские и нерусские земли.

Нам хорошо известно, что татары принесли Галицкой земле меньше разрушений, чем другим частям Руси. В Галицком королевстве уцелели города Кременец, Данилов, Холм, уцелела Болоховская земля со всеми ее городами (Деревич, Губин, Кобудь, Кудин, Городець, Божеский, Дудьков). Население Болоховской земли специально было сохранено татарами, чтобы оно могло сеять на них пшеницу и просо[6].

Много галицких городов не было разрушено целиком. Сам Галич после разгрома оказался не совсем пустым. Даже непосредственно после погрома там не прекратилось обычное течение жизни. Боярство во всяком случае не изменило себе и, несмотря ни на что, продолжало попрежнему хозяйничать в городе. Боярин Доброслав даже нашел уместным демонстрировать свою боярскую «гордыню»: по городу проехал «в одиной сорочьце... ни на землю смотрящю; галичаном же

[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII века, Киев, 1886, стр. 4.

[6] Ипатьевская летопись, стр. 526.

текущим у стремени его»[7]. Это было несколько месяцев спустя после взятия татарами Киева и галицких городов: Каменца, Изяславля, Владимира и Галича. Батый в это время воевал Венгрию. Уцелел и Перемышль. В 1245 г. в Перемышльской земле князю Ростиславу удалось набрать значительное количество пешего войска из сельского населения («собравше смерды многы пешце»[8]). Под 1249 г. в Галицкой летописи упоминается город Ярославль со значительным населением («людем же бывшем во граде... и бояром многым...[9]»).

У нас есть основание думать, что Галицкая земля во время Батыева погрома Руси по сравнению с другими ее частями даже увеличила свое население, так как стала местом, куда стекались спасавшиеся из разоренных мест люди. Многие из них там и оставались уже навсегда.

Между 1243 и 1260 гг. Галицкая Русь относительно отдыхала от татарских опустошений. За эти 17 лет Даниилу удалось много сделать по восстановлению порядка в своих владениях. Даниил сейчас же после первого татарского погрома усердно ездил по стране «хотя уставити землю»[10] и делал это не без успеха.

Даниил построил несколько значительных городов до татарского нашествия (Данилов, Угореск, Холм). После татарских опустошений он стремится восстанавливать пострадавшие города (Галич, Владимир, Луцк, Дрогичин). Ипатьевская летопись называет его создателем многих городов. Охотно заселялись эти города и не только русскими людьми, но и поляками, и немцами, и евреями, и вообще «иноязычниками». Но князь-король Данило не изменял «обычаю русскому». Венгерский король был так восхищен его вооружением и костюмом, что воскликнул: «Не взял бых тысяще серебра за то, оже еси пришел обычаем русским отцов своих!» И тут же раскрываются детали этого обычая русского: «бе... конь под ним дивлению подобен и седло от злата жжена и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожюх же оловира грецького и круживы златыми плоскими ошит и сапози зеленого хза шити золотом». Венгры смотрели и «много дивились»[11]. Это было в 1252 г., на двенадцатом году после разрушения Киева.

С Даниилом в устроении земли соперничает брат его Василько и сын Василька Владимир. Галицкая летопись, пове-

---

[7] Там же, стр. 525.
[8] Там же, стр. 529.
[9] Там же, стр. 532.
[10] Там же, под 1241 г., стр. 527.
[11] Там же, под 1252 г., стр. 541. Оловир — шелковая затканная золотом ткань.

ствуя об этом, подводит под градостроительство Владимира идеологическое основание. Василько разогнул как-то книги пророческие и нашел у пророка Исаии следующее место: «И созижють пустыня вечная, запустевшая преже, воздвигнути городы пусты, запустевшая от рода»[12]. Владимир увидел тут одобрение и подтверждение своих мыслей и уверенно продолжал свое дело. Был у него архитектор, «муж хитр именем Алекса, иже бяше при отце его многы городы рубя». Владимир Васильковичи и поручил ему создать город Каменец. О князе Владимире Васильковиче летописец говорит так: «Князь же Владимир в княжении своем многи городы сруби: по отци своем сруби Берестий и за Берестием сруби город на пустом месте» (это и был Каменец). Украшались и старые города.

Татары не только не имели здесь успеха, но вынуждены были под натиском Даниила в 1257—1258 гг. отойти. В 1261 г. татары потребовали от Даниила и Василька срытия крепостей. Тогда были разрушены Данилов, Истожек, Львов, Кременец, Луцк и Владимир. Холм уцелел. Земли Владимирская и Львовская подверглись новому нашествию в 1283 г.[13]. Но несмотря на эти систематические кровопускания, государство Даниила не стало пустыней. После погрома население быстро восстанавливалось: в селах оставалось много местного крестьянского населения и сюда же бежали крестьяне из Поднепровья.

В галицких городах рано можно наблюдать довольно пестрый этнический состав населения. Кроме основного галицко-русского населения, мы видим здесь поляков, немцев, валахов, евреев.

Галицкая Русь раньше других западнорусских земель попала под власть Польши и потому первой подверглась ее воздействию.

Чтобы правильно ориентироваться в польской политике в Галицкой Руси XIV—XV вв., несомненно отражавшейся

---

[12] Ипатьевская летопись, под 1276 г., стр. 578.

[13] В 1261 г. Холм «затворен бысть и сташа пришедше к нему (татары.— *Б. Г.*) одаль его и не успеша у него ничто же: бяхуть бо в нем бояре и людье добрии и утверждение города крепко порокы и самострелы». Военачальник татарский Буранда послал князя Василька с тремя татарами и своим толмачом, понимавшим русский язык, к городу уговаривать граждан сдаться. Василько, на словах уговаривая граждан сдаться татарам, сумел, однако, хитростью внушить им намерение крепко защищаться, и Буранде пришлось уйти ни с чем.

В 1283 г. татары громили Польшу и землю Владимирскую, а в самом городе Владимире «насилье велико твориху... и пограбиша товара бещисленое множьство и конии». В этом же году в Польше и в Галицкой и Волынской землях был «мор велик». После этих событий князь Лев счел необходимым произвести перепись населения. Ипатьевская летопись, стр. 563, 589.

прежде всего на положении класса землевладельцев, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства: 1) общественные отношения в Галицкой Руси в это время, не будучи тождественны с польскими, имели между собой очень много общего, 2) основная цель Польского государства в Галицкой земле заключалась в том, чтобы инкорпорировать завоеванную русскую землю и усилить в ней элементы, на которые Польша могла бы опираться в деле упрочения здесь своей власти.

Понимаю, что первый тезис требует доказательств, и по этому предмету мне придется говорить в специальном отделе и неоднократно в различных частях работы. Второй может быть освещен здесь же.

Не имея никаких оснований считать исстаринное население Галицкой Руси удовлетворенным происшедшей переменой политического режима, польское правительство стремится разбавить русское население Галицкой Руси различными способами. Оно предоставляет большие возможности польским феодалам в приобретении земли в завоеванном крае, поощряет вселение сюда немцев и венгров, старается урезать права русских землевладельцев и соблазнить их преимуществами польского шляхетского права.

Внедрение чужих этнических элементов в Галицкую Русь, как отмечает польский историк Длугош, делалось часто путем изгнания местного населения, в отчаянии искавшего спасения даже у татар[14].

Русские землевладельцы, переходя на польское право, освобождались от обязательной военной и городской службы, даней и престации, от ограничений в распоряжении своим имуществом, получали право выбирать себе судей, право земского самоуправления. В таких случаях национальные соображения отходили на второй план перед классовыми интересами. Во второй половине XV в. бóльшая часть галицкого боярства, все, что было в нем наиболее значительного, растворяется в польской шляхетской массе. Верными старым традициям остаются только крестьянство, мелкое мещанство и православное духовенство, лишенные права или ограниченные в праве участвовать в государственной жизни. Оставались у них только родной язык и вера, но и эта последняя часто господствующими классами не считалась христианской, и иногда о поляке-

---

[14] Augebat etiam huiusmodi malum baronum Poloniae ambitio, qui a rege donationibus oppidorum et villarum in terris Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Thartaros confugiebant, illosque postmodum ab vastandum terras Russiae et possesiones de quibus eiecti fuerant, inducebant (I. D ł u g o s z. Historia Polonica, lib, XII, стр. 683).

католике так и говорилось: «он христианин, а не русский» («est Christianus, non Ruthenus»)[15].

Несомненно, что Люблинская уния 1569 г. сделала в этом направлении еще один большой шаг. Шире раскрылись для польской шляхты двери в старые русско-украинские земли. Шляхта прекрасно использовала новые возможности: на Волынь, в Киевщину и другие украинско-русские земли влился новый поток шляхты, а вместе с нею польское право, энергично внедряемое в среду местного населения.

Все это происходило не вдруг. Для моих целей важно рассмотреть именно тот период в жизни Червоной Руси, когда она, развиваясь на основе права «Русской Правды», была вполне самостоятельна, а затем благодаря сложившимся международным условиям вошла в состав Польши, когда русское право в ней еще не успело уступить своего места ни польскому, ни немецкому. Словом, меня интересует то время, которое польские документы XV в. называют «временем русского права» («tempus juris Ruthenicalis»)[16].

Не может не интересовать меня и та часть Волыни, которая отошла не к Польше, а к Литве. Эта часть Волыни до XVI в. оставалась наименее затронутой польским правовым режимом.

Те русские земли, которые достались Литве, оказались в несколько ином положении. Литву-победительницу взяла в плен побежденная Русь—победила более высокая культура Руси. Русский язык и русское право нашли свое место и в Литве. Литва не только не находила нужным изменять русскую старину, но демонстративно не раз заявляла словами закона о желании ее сохранить. В жалованной грамоте, например, короля Казимира Луцкому старосте Петру Яновичу о невзимании у мещан подвод при отправлении на войну (1486—1490 гг.) великий князь литовский (он же и король польский) поручает маршалку Волынской земли Петру Яновичу восстановить старину, нарушенную его предшественником. Заключается грамота характерными словами: «бо мы старины не рухаем, а новины не уводим»[17]. В грамоте 1495 г. литовского великого князя Александра Витебскому наместнику кн. Михаилу Жеславскому по жалобе на него витеблян о введении им «новин» встречаем тот же мотив и даже в той же самой формулировке: «бо мы новин не уводим, а старин не рухаем»[18]. М. С. Грушевский из этой окристаллизо-

---

[15] И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894, стр. 87 (в дальнейшем цит. «Черты»).

[16] Acta grodzkie i ziemskie, t. XI, № 1445, стр. 189.

[17] АЗР, т. I, стр. 110.

[18] Там же, стр. 151.

ванной формулы выводит заключение, что у литовского правительства, как и у его подданных, создалось убеждение, что старорусские порядки в княжестве Литовском должны оставаться нетронутыми. Они, по мнению того же автора, действительно оставались долго нетронутыми, пока в дело не вмешалась польская шляхта.

Казалось бы, что именно литовско-русские материалы могут дать наиболее полный ответ на стоящий передо мною вопрос. Но опыт исследования этих материалов, проделанный Ф. И. Леонтовичем в его книге «Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве»[19], говорит другое. Автор прекрасно демонстрирует связь Литовских статутов с «Русской Правдой», но связь эта оказывается далеко не непосредственной. Большое хронологическое расстояние межу двумя знаменитыми памятниками остается мало заполненным.

И все же Галицкая земля для моих целей имеет преимущество. В нашем распоряжении, повторяю, кроме отражения пережитков русского права в источниках XV в., имеется Вислицкий статут XIV в. в специально приспособленной для Галицкой земли редакции.

Польские историки А. Ветулани и С. Роман сделали попытку определить время и характер перевода Вислицкого статута на украинско-русский язык. Они показали, что это не просто перевод, а перевод, приспособленный к условиям жизни Галицкой Руси, и пришли к заключению, что перевод этот сделан приблизительно между 1423 и 1433 гг.[20].

В изучении общественного строя Галицкой Руси у меня есть крупный предшественник — И. А. Линниченко, автор серьезной книги, но уже во многих своих частях устаревшей,— «Черты из истории сословий в юго-западной (Галицкой) Руси в XIV—XV вв.» (М., 1894). Сравнительно недавно появился специальный труд Wojciecha Hejnosza «Jus Ruthenicale, Przeżytki dawnego ustroju społecznego na Rusi Halickiej w XV wieku», построенный на твердой базе источников, изученных умело и тщательно, но опирающийся в то же время на сильно устаревшую русскую историческую литературу, что не могло не отразиться на многих сторонах всей этой работы.

Основное недоразумение, легшее в основу построения автора, это уверенность (навеянная в значительной мере русской литературой) в том, что польские общественные отношения XIII—XIV вв. были «значительно» выше галицко-русских.

---

[19] Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, вып. 1, СПб., 1897.

[20] A. Vetulani i S. Roman. Średniowieczny ruski przekład statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagełły, Wrocław, 1950.

Этот тезис требует самой серьезной проверки. Иначе мы многого не поймем в развитии правовой жизни Галицкой Руси и не сможем правильно использовать источники (прежде всего Вислицкий статут) для изучения эволюции норм «Русской Правды» на галицкой почве.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГАЛИЦКОЙ РУСИ И ПОЛЬШИ в XIII—XIV вв.

Вопрос этот ставился и в русской, и в польской литературе не раз. Каждый исследователь понимал, что без освещения этой стороны дела трудно разобраться в той сложной обстановке, какая образовалась в Галицкой Руси в XIII—XIV вв. Столкновение двух государств, различных по национальному составу, но поставленных в конце XIV в. в условия совместной жизни, вызывало ряд осложнений. Чтобы уяснить их смысл, понять характер борьбы и ее итоги, надо внимательно присмотреться к обеим сторонам. Вопрос, имеющий научную важность, далеко не безразличен и в отношении политическом, так как обе стороны, не нашедшие примирения во время развертывания самой драмы, не нашли его и позднее. Польская Речь Посполита, с одной стороны, Россия — с другой, не только действовали согласно своему пониманию обстановки и своих интересов, но не переставали позднее, уже post factum размышлять о прошедшем, ища оправдания своим действиям.

Я не собираюсь распутывать весь клубок этих сложных переплетений. Мне важно разрешить лишь одну, хотя и очень важную, сторону проблемы, уяснить соотношение уровня *общественного развития* двух народов, галицко-русского и польского, без чего невозможно понять и их взаимные отношения, начиная с первых попыток Польского государства проникнуть на галицкую территорию и кончая завершением, хотя и далеко не полным, их надежд.

Правда ли, что Галицкая Русь в момент включения ее в состав Польши была страной по сравнению с Польшей не только пустынной, но и в своих общественных отношениях отсталой, и что Польша не только «к великому ущербу для себя» [1] вынуждена была заселять эту опустевшую землю, но и подняла Галицкую Русь на более высокую ступень общественных отношений?

В 1928 г. на этот вопрос пытался дать ответ специальный исследователь пережитков русского права в Галицкой Руси XV в. проф. В. Гейнош. «Когда Галицкая Русь вошла в непо-

[1] A. Jabłonowski. Źródła dziejowe, t. V, str. IX.

средственную связь с Польшей,— пишет он,— между двумя землями существовала значительная разница в строе: Польша с первой половины XIII в. превращается в государство сословное и в момент присоединения Руси уже является полностью таковым... Тогда как Русь Галицкая в своем общественном развитии еще значительно отставала: польская власть застала там по преимуществу отношения, которые лучше всего можно определить как строй княжеско-городовой, строй предсословный». Под влиянием польских общественных отношений на Руси начинает происходить перемена, вернее, ускоряется путем эволюции процесс оформления сословного строя[2].

Сам В. Гейнош над русскими источниками не работал. Он ссылается на мнение И. А. Линниченко, который действительно мог ввести в заблуждение польского историка. К сожалению, не только один Линниченко. В его книге читаем: «...Старое русское боярство не являлось сословием, не было и придворным чином, оно составляло лишь класс общества, выдававшийся своим материальным положением»[3]. Совершенно то же можно прочитать и у Сергеевича: «Звание боярина в древнейшее время является... не чином, раздаваемым князем, а наименованием целого класса людей, выдающихся среди других своим материальным превосходством»[4].

М. Ф. Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» в параграфе «Социальный состав населения (классы общества)» тоже подчеркивает мысль об отсутствии в Киевской Руси сословий. «Три класса (*но не сословия*) древней Руси. Общество каждой из древнерусских земель состоит из трех классов, которые отнюдь не могут быть названы сословиями в западноевропейском средневековом смысле. Классы эти суть: бояре, горожане и смерды»[5].

М. А. Дьяконов бояр называет «высшим классом» и очень подробно изображает их материальное и государственно-правовое значение. Но в то же время, не будучи склонен подчеркивать отсутствие у них сословных признаков и все же считая нужным отдать дань ходячему представлению о боярстве, он в заключение пишет: «Этот класс и не наследствен», но детям бояр «это звание (боярина.— *Б. Г.*), конечно, доступнее...»[6].

Специальная книга В. О. Ключевского «История сословий в России (курс, читанный в 1886 г.) построена на вполне определенном понимании принципа сословности, но в конкретном

---

[2] Wojciech Hejnosz. Jus Ruthenicale, str. 20.
[3] И. А. Линниченко. Черты, стр. 58.
[4] В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 381.
[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 26.
[6] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, изд. 3, СПб., 1910, стр. 94.

исследовании вопроса у автора нет ясности: то он говорит о «классах» XI—XII вв., которые, по его словам, разграничиваются только «различными экономическими положениями», то они же оказываются разделенными «юридическим неравенством: различием прав»[7].

«В нашей исторической жизни не было условий,— по мнению П. Н. Милюкова,— для образования крепко сплоченных сословий... дворянство было и осталось (тут П. Н. Милюков ссылается на Кошелева)... тестом, из которого государство пекло себе чиновника»[8].

В общем можно сказать, что старая домарксистская историография либо совсем не видела в Киевской Руси сословного строя, либо очень смутно его ощущала. И тут сказалось общее состояние русской исторической науки, когда она при отсутствии твердой научно-теоретической основы изучала Русь изолированно от мировой истории и видела в русском историческом процессе индивидуальный, своеобразный процесс, не только отличный от западноевропейского, но даже ей противоположный.

Поэтому нисколько не удивительно, что недавний исследователь пережитков русского права в Галицкой земле проф. Гейнош, опираясь на мнение Линниченко, повторяет его слова, не замечая, что сам он исходит из иного понимания термина «сословность»: к Польше и Руси он подходит с разными критериями. Между тем критерий здесь непременно должен быть один.

Для ориентировки в этом запутанном вопросе прежде всего необходимо установить единое и точное разграничение понятий «сословия» и «класса».

Вот что говорит по этому поводу В. И. Ленин:

«Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе),

---

[7] «Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям», «сословное деление — существенно *юридическое*, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых условиями экономическими, умственными и нравственными, не говоря о физических». Сословное право — «это всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание» (В. Ключевский. История сословий в России, стр. 1—2, 50).

[8] П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. II, СПб., 1904, стр. 223. Милюков не видит никакой разницы между классом и сословием.

и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»[9].

Стало быть, если мы признаем и на Руси и в Польше в определенное время наличие феодальных отношений, то должны отпасть всякие колебания относительно признания или непризнания в обоих государствах сословного строя: классы тут будут одновременно и сословиями. Никакой принципиальной разницы между общественным строем двух государств не будет. Речь может и должна итти лишь о характере и степени разрастания сословных прав в Польше и на Руси в определенные периоды времени.

Современная нам наука именно так и смотрит на эволюцию общественных отношений в Киевской Руси. В 1939 г. С. В. Юшков в своем труде «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» совершенно четко и на мой взгляд правильно, если не считать некоторых деталей в трактовке предмета, подошел к этому вопросу.

«...Бояре — верхушка класса феодалов,— пишет он,— стали стремиться оформить свое правовое положение, обеспечив за собой целый ряд привилегий»[10]. Среди привилегий боярства, отмечаемых источниками, С. В. Юшков останавливается на следующих:

1. Сеньериальное право владения землей, в содержание которого входило и право суда и управления над феодально зависимым населением.
2. Усиление защиты жизни, здоровья и личности.
3. Усиление защиты чести.
4. Особые привилегии в наследственном праве.

«Ясно,— пишет С. В. Юшков,— что в жизни и быту сложилось множество других форм (в правовом положении боярства.— *Б. Г.*), которые нам остались неизвестными». Отсюда вывод: «следовательно, класс феодалов стал постепенно превращаться в наследственное сословие»[11]. Поскольку С. В. Юшков аргументирует свои положения данными «Русской Правды» и церковного устава Ярослава, мы имеем основание думать, что он считает боярство сословием уже в XI—XII вв.[12].

Я решительно готов поддерживать именно такое понимание боярства в эту пору. К этому времени действительно успела

---

[9] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97, прим.
[10] С. В. Юшков. Очерки, стр. 158.
[11] Там же, стр. 160.
[12] «. . . К XII в. дружинные отношения в основном переросли уже в вассальные» (там же, стр. 147).

образоваться настоящая феодальная лестница: князь, бояре, княжеские и боярские вольные слуги. Считаю только необходимым отнести сюда также X в. и даже часть IX в., поскольку в договорах с греками признаки сословий уже налицо.

Бояре, как и их вольные слуги,— прежде всего военные люди, т. е. облечены рыцарским правом (jus militare).

В Галицкой земле эти отношения развились с особой четкостью даже в своей обрядовой стороне. Именно тут мы можем наблюдать характерную для феодализма процедуру посвящения в рыцарское звание уже в первой половине XII в.

Когда в 1149 г. с новой силой вспыхнула борьба за киевский стол между Юрием Долгоруким и его племянником Изяславом Мстиславичем, последний обратился за помощью к родственникам — к своему зятю королю венгерскому (Гейзе II) и к своим сватьям[13] — королю польскому Болеславу и чешскому князю.

Родственные связи и общность политических целей в разыгравшихся событиях объясняют нам и поведение польского короля, прибывшего со своим войском в Луцк на помощь Изяславу Мстиславичу. Болеслав во время своего пребывания в Луцке «пасаше... сыны боярьскы мечем многы»[14], т. е. посвятил в рыцари военную молодежь Волынской земли, детей волынского боярства.

Постоянное общение Галицко-Волынской земли со своими соседями — Польшей, Чехией, Венгрией — не могло, конечно, пройти бесследно для быта господствующих классов Галицко-Волынской Руси, развивавшихся в совершенно аналогичном направлении.

Польская шляхта XIII в. находилась в таком же состоянии, как и землевладельцы Галицко-Волынской Руси.

«Шляхтич (nobilis),— читаем у Р. Губе,— обозначает то же самое, что и рыцарь (miles), т. е. человека, облеченного рыцарским правом (jus militare). Понятие рыцарского права образовалось постепенно путем отдельных королевских пожалований отдельным лицам за их заслуги. (С этим положением мы согласиться не можем.— *Б. Г.* См. стр. 261). Позднее оно превратилось в обычай, который уже нельзя было нарушать. Рыцарское право главным образом состояло в том, что наделенный землей рыцарь держал ее на праве вечного владения, которое передавал своему потомству (jure haereditario), что был

---

[13] «Сват» — отец или родственник одного из вступивших в супружество в отношении к отцу или родственнику другого (И. Срезневский. Материалы для словаря). За королем венгерским была сестра Изяслава Евфросиния, племянница его была замужем за королем польским, брат Изяслава был женат на чешской княжне.

[14] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 270.

свободен от некоторых государственных повинностей, что пользовался правом суда над сидящими на его земле людьми и мог обращать в свою пользу повинности и службы этих людей, которыми они были обязаны князю»[15].

У историков польского права лишь то преимущество перед историками права русского, что в их руках имеются специальные документы, определяющие права шляхты уже со второй половины XIII в., между тем как русские аналогичные документы погибли почти все целиком во время нескольких разгромов Киева, следовавших один за другим (1169, 1203, 1240 гг.). Но в обобщенном виде следы указанной практики мы можем видеть и в «Русской Правде», и в церковных уставах, и в летописях.

Есть все основания думать, что к XIV в. земля в Галицко-Волынском княжестве была уже освоена князьями и феодальной знатью либо полностью, либо в огромных размерах. Ведь именно эти оба княжества выделялись на Руси (сюда надо включить и Новгородскую боярскую республику) своим могущественным боярством, силы которого не могли окончательно сломить даже такие могущественные князья, как Роман и Даниил, несмотря на все свои попытки в этом направлении. Упорная борьба велась с переменным успехом. «Бояре галичьстии,—по характерному выражению Галицкой летописи,—Данила князем себе называху, а сами всю землю держаху»[16]. Галицкая летопись не раз говорит о том, что бояре «грабят землю»[17].

Право передачи боярских земельных владений по наследству к детям отмечено уже «Русской Правдой». «О заднице боярстей и о дружьней. Аже в боярах любо в дружине (другой вариант: Аше в боярстей дружины), то за князя задница не идеть: но оже не будеть сынов, а дчери возмуть»[18].

Понятно, почему боярские роды прочно сохраняют свои земельные владения, почему эти роды вообще держатся крепко и долго в своих наследниках. На это указывают, между прочим, и прозвища бояр не только по отцу, но и по деду: Мирослав Хилич внук[19], Ивор Гюргевич Мирославль внук[20], Ольстин Олексич Прохоров внук[21]. О наследственном владении землей говорит, например, и следующий случай, записанный в Галицкой летописи. Боярин галицкий Владислав, одно время княживший в Галиче, «кормилич» Даниила Романовича, агитирует за Даниила и обращается к жителям Перемышля, к

---

[15] R. Hube. Prawo Polskie w wieku trzynastym, Warszawa. 1874, стр. 37.
[16] Ипатьевская летопись, 1871, стр. 525.
[17] Там же, стр. 525, 526.
[18] «Русская Правда», ст. 91.
[19] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 231.
[20] Там же, стр. 233.
[21] Там же, стр. 431.

которому он подошел с венгерским войском: «брате! почто смущаетеся? не сии ли (Игоревичи.— *Б. Г.*) избиша отци ваши и братью вашю, а инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отечествии ваша владеша инии пришельци? то за тех ли хочете душю свою положити?» «Отечествия» — это, несомненно, то же, что «вотчина», т. е. земля, полученная от отца [22].

О том же говорят и многие фамильные прозвища, ведущие свое происхождение от земельных владений: Семьюн Коднинский (от Кодни Житомирской обл.)[23], Климята с Голых гор (Голая гора близ Звенигорода Галицкого)[24], Лазарь Саковский (Саков в Переяславской земле, ныне с. Сальков; ср. «засаковцы»: Святополк срубил новый город на Витичевском холме и «повеле епископу Марину с гургевци сести ту, и засаковцем, и прочим от инех град»)[25], Ходко, Андрей и Васько Бибельские (с. Бибель, сейчас Быбло в повете Рогатинском или в повете Низанковице)[26], Дорслав Бибельский[27].

Боярские роды удерживают свои вотчины и тогда, когда сами они переходят на службу к другим князьям, иногда даже враждебным прежним их сеньерам. Очевидно, княжеское боярство составлялось из людей богатых, крупных землевладельцев, занимавших высокое общественное положение независимо от службы и до службы. Бояре были сами по себе «лучшими людьми». Рыцарское право более старого происхождения, чем княжеские пожалования. Боярин мог обойтись и без службы князю, и если он вступал в эту службу, то находил для себя в этой службе некоторые преимущества, от которых он мог легко и отказаться, чему примеров мы имеем очень много. Княжеские пожалования влили в состав рыцарства новые слои.

Боярство, несомненно, сословие. Проникнуть в его состав не так легко. Иногда князьям удавалось проводить в это сословие чем-либо отличившихся людей, но это были исключительные случаи.

В 1169 г. бояре обнаружили явное недовольство поведением

---

[22] А. Е. Пресняков под «отечествиями» разумеет вотчины (Лекции по русской истории, т. II, стр. 27). Мне кажется более простым понимание термина в смысле «вотчина».

[23] Ипатьевская летопись, стр. 491.

[24] Там же, стр. 510.

[25] Там же, стр. 222, 231. Лаврентьевская летопись, под 1095 годом, изд. 1897, стр. 221.

[26] Acta grodzkie, t. I, стр. 6, 25—26, 32, 33. Грамота 1361 г., подтверждающая пожалование кн. Львом Ходко Бибельского селом Быблом. Грамота на русском языке (стр. 6); т. II, стр. 6, 8, 10, 16 и др. Годы 1375—1378. Подобных фактов в тт. I и II много.

[27] Там же, т. I, стр. 25.

своего князя. «О собе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе: мы того не ведали»,— заявили бояре — вольные слуги своему князю-сюзерену, Владимиру Мстиславичу, в 1169 г. Князь не усмотрел здесь никакого нарушения права, а лишь попытался найти выход из неприятного для него положения. Он свою младшую дружину решил повысить рангом: обратившись к «детским», он сказал: «а се будуть мои бояре». Ничего хорошего, однако, от этого не получилось: его союзники, черные клобуки, увидев Владимира без обещанной им поддержки своей сильной дружины (отроки оказались плохой заменой бояр), обратились к нему: «се ездиши один и без мужей своих» и не только «избиша децкыи около его», но стали пускать стрелы и в самого князя Владимира (две стрелы попали в него). Намерение князя превратить отроков в бояр оказалось неосуществленным, а, может быть, было вообще неосуществимым.

Сами киевские князья периода древнерусского государства были не только носителями верховной власти, но и собственниками своих имений — доменов, т. е. в отношении к своей домениальной земле и сидящему на ней населению принципиально ничем от бояр не отличались.

И. А. Линниченко обратил на эту сторону дела свое внимание. Подчеркнув ее достаточно сильно, он сделал неудачную, на мой взгляд, попытку отнять у древнерусского князя одну из его существенных прерогатив, право феодального верховного собственника государственной территории, и попал в безвыходное положение в трактовке вопроса о сущности княжеской власти в древней Руси. «Основные черты русского государственного права княжеского периода,— пишет он,— существенно отличались от оснований государственного устройства древней Польши. Отличия эти выступали особенно резко в вопросе о праве на земельную собственность. Древнерусский князь не был верховным собственником всей территории своего княжения. Главная масса поземельной собственности на Руси состояла во владении городских и сельских общин»[28].

И. А. Линниченко понадобилось это рассуждение для того, чтобы оправдать последующий тезис о судьбах русских землевладельцев при переходе Червоной Руси под власть Польши, когда-де собственником всей земельной территории Червоной Руси стал король. Получивший вследствие завоевания право распоряжаться здесь земельной собственностью как верховный собственник, он раздавал на разных условиях земельные участки частным лицам.

---

[28] И. А. Линниченко. Черты, стр. 48.

Вопрос для разрабатываемой мною темы слишком важный, чтобы на нем не остановиться. Действительно ли с переходом Червоной Руси под власть Польши так радикально изменилось положение землевладельцев, а следовательно, и зависимого от них населения, а если эти изменения произошли, то явились ли они следствием различных политических режимов Польши и Руси, или же это результат эволюции общественно-экономических отношений, протекавшей параллельно в двух названных государствах?

И. А. Линниченко, оставаясь на почве фактов, вынужден сам признать несостоятельность противопоставления земельной политики польской и русской власти. Перечисляя пути образования частной земельной собственности на Руси, он сам указывает и на «княжеское пожалование». «Последний способ приобретения,— продолжает он,— может возбуждать некоторые недоумения и как бы стоит в противоречии с выше нами высказанным положением об отсутствии у князя вотчинного права на всю территорию княжения. Каким образом князь мог пожаловать боярину или кому другому то, что ему не принадлежало на правах собственности?»[29] Автор прав. Его построение действительно вызывает недоумение и стоит в противоречии не только с вышевысказанным им положением, но и с фактами.

Выход из затруднительного положения И. А. Линниченко видит в «давно уже указанном нашими исследователями древнерусского права факте смешения государственного права с правом частным». Но, как признает сам Линниченко, противоречие, в какое он неизбежно попадает, разрешается этой ссылкой на авторитет старых исследователей только «отчасти»[30].

Едва ли такое решение может нас удовлетворить, особенно если принять во внимание, что в построении Линниченко имеется не только дефект, отмечаемый самим автором. Вотчинное право князя на всю территорию, о котором говорит Линниченко, может иметь совсем не тот смысл, какой автор ему придает.

Если для князя, носителя верховной власти, государство есть его вотчина, в том смысле, что князь получил государственную власть по преемству от отца, то нельзя забывать, что речь здесь идет о государстве, а не о частной собственности, причем в данном случае о государстве феодальном, тем самым и о феодальной собственности. Если князь в силу своей власти передает кому-либо землю и утверждает ее владельца в правах,

---

[29] И. А. Линниченко, Черты, стр. 51.
[30] Там же, стр. 52.

то делает он это как государь, т. е. пользуется тем правом, которое в Польше обозначается латинским термином jus ducale [31].

В то же время князь есть и собственник своего домена, но распоряжается он своей доменпальной землей уже на иных основаниях.

Очень трудно в наших источниках, говорящих о княжеских земельных пожалованиях, распознать, где и в каком случае князь действует как носитель верховной власти, а где — как собственник домена. В наиболее, например, ранней из дошедших до нас жалованных княжеских грамот, в грамоте 1130 г. великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю написано: «Се аз Мстислав Володимирь сын, держа Русьску землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице [32] святому Георгиеви с данию и с вирами и с продажами и вено вотское (или волоцкое). Даже который князь по моем княжении почнет хотети отъяти у святого Георгия, а бог буди за тем... А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровное [33] полтретиядесяте гривен... А се я Всеволод дал есмь блюдо серебрено...» [34]. Тут великий князь Мстислав Владимирович выступает в двух ролях: 1) как государь «Русской земли», дающий распоряжение новгородскому князю, в данном случае своему сыну Всеволоду, jure ducali и 2) в качестве богатого человека, распоряжающегося своим имуществом (25 гривен и серебряное блюдо). В первом случае он повелевает, во втором «рукою» своею дает.

К сожалению, мы не знаем ничего о Буйцах; входили ли они в состав новгородского княжеского домена, или же не входили. А от того или иного решения вопроса зависит, конечно, очень многое. Над этим вопросом задумывался и А. Е. Пресняков. Во-первых, он признал, что речь идет

---

[31] Jus ducale, по мнению Владимирского-Буданова, «есть сумма прав княжеских, принадлежавших сперва исключительно княжеским родам, а потом (с XII—XIV века) сделавшихся достоянием землевладельцев и общин. В понятии jus ducale заключаются права на подати, повинности, регалии, права судебной и административной власти» (М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве, СПб., 1868, стр. 9). Владимирский-Буданов, не признававший на Руси феодальных отношений, не мог дать точного определения и термину jus ducale.

[32] Буец числился за Юрьевым монастырем еще в XV в. Новг. писц. кн., т. II, стр. 806.

[33] «Полюдье даровное» — это, повидимому, полюдье, превратившееся в регулярную подать, «дар», в данном случае выраженный в денежной форме.

[34] В. Н. Бенешевич. Сб. памятников по истории церковн. права, вып. 1, Пгр., 1914, стр. 90.

о пожаловании земли, населенной смердами, во-вторых, он видит здесь «*земельное* (курсив автора) пожалование, соединенное с передачей монастырю определенных прав на княжие доходы, шедшие с населения Буец». «Если такое понимание грамоты правильно,— продолжает автор,— то мы имели бы в ней первое и весьма ценное свидетельство о распоряжении князя землей, не входившей в состав его дворцового землевладения» [35].

Трудно не согласиться с осторожно высказанным мнением А. Е. Преснякова. Но необходимо все же обратить внимание на то, что Буйцы жалуются с правом получать постоянную, прямую подать — дань, взимание которой первоначально принадлежало князьям как государям. Стало быть, здесь мы имеем пожалование от государственной власти.

К сожалению, неясность имеется и в других жалованных грамотах тому же Юрьеву монастырю князя Всеволода, выданных до 1136 г., когда Всеволод из Новгорода был изгнан.

«Се аз князь великый Всеволод дал есми св. Георгию рель от Волхова до крест по ручью в Мячино...»,— читаем в первой грамоте. Во второй: «Се аз князь великый Всеволод дал есмь св. Георгию Терпужский погост Ляховичи с землею и с людьми и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати...» [36]. Входила ли рель (т. е. луг) до этого пожалования в княжеский домен, мы не знаем. Не знаем точно и относительно Ляховичей. Но во втором случае вероятнее предположение, что это княжеская домениальная земля, поскольку князь отдает ее «с людьми и с коньми». Люди и кони — здесь княжеское имущество.

В нашем распоряжении есть еще один, давно интригующий историков факт пожалования князем Изяславом Ярославичем горы Печерскому монастырю. Когда умножилась братия и жить в пещерах было уже невозможно, монахи решили поставить вне пещеры монастырь. Антоний «посла единого от братье ко Изяславу князю, река тако: «княже мой! се бог умножаеть братью, а местьце мало; да бы ны дал гору ту, яже есть над печерою». Изяслав же, слышав и рад бысть, посла мужь свой, и вда имь гору ту» [37–38].

Владимирский-Буданов, не колеблясь, говорит: «Князь Изяслав не был частным собственником горы над пещерою; ста гора никому не принадлежала; однако основатели монастыря не считали ее res nullius и обратились к князю как представителю общественной власти. Они... просят о *пожа-*

---

[35] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 296.

[36] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, № 79–80, стр. 139—140.

[37–38] Лаврентьевская летопись, под 1051 г.

лсвании («дабы ны *дал* гору ту»); князь «*вда* им гору ту». Ясно, что земля, никем не занятая, считалась собственностью государства; всякая частная заимка имеет теснейшую связь с пожалованьем... Государство, жалуя землю окупатору, производит отвод через специальный орган (князь «посла муж свой»). Для чего это? Отводом определяются границы и придается публичность народившемуся новому праву собственности» [39].

Е. Голубинский несколько иного мнения, хотя у него и нет полной ясности в этом вопросе. Он полагает, что Антоний поселился в Иларионовой пещере «в смежьи с землей или на земле подгородного великокняжеского села Берестова» (местонахождение которого, однако, Голубинский точно определить затрудняется) [40]. В другом месте того же своего труда Голубинский говорит уже уверенно о том, что Антоний «испросил у в. к. Изяслава гору, в которой находилась пещера» (принадлежавшую к земле села Берестова)» [41].

Я думаю, что Владимирский-Буданов все же прав, хотя окончательно убедительных доказательств его мысли в источнике и не имеется.

Для решения вопроса надо учесть многие обстоятельства общего характера. Прежде всего характер княжеской власти киевского князя и князей удельных. «Бог дает власть,— отмечает летописец,— ему же хощет, поставляет бо царя или князя вышний... понеже то глава есть земли». Такого убеждения держались русские люди в XI—XII вв., потому что это была не отвлеченная формула, а факт, подтверждаемый каждодневно: князь действительно был главой земли. Ему принадлежала вся полнота государственной власти: власть управления и суда, власть законодательная, военная и даже религиозная. Ему принадлежало право сбора налогов и распоряжения казной.

В этой связи очень интересно остановиться на вопросе о том, как воспринимались термины римского права, относящиеся к интересующему нас предмету, на Руси.

Нам известно, что Русь знала римские и греческие законы: церковь руководствовалась ими, да и светская власть не раз заглядывала в них. Но пересадки римско-византийского права на Русь не получилось. Русь продолжала пользоваться собственной, хотя и менее изощренной, практикой и терминологией,

---

[39] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 529 (курсив автора).

[40] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вторая половина, М., 1904, стр. 572.

[41] Там же, стр. 580.

не считая нужным допускать заимствования. Несколько примеров, взятых из сюжетов, близких к разбираемой теме, могут вполне нас убедить в этом. Термины δημόσιον, fiscus наши древние переводчики-юристы пробовали переводить терминами «людское сокровище», «казна обчая, еже ко князю», а иногда не мудрствуя, а стараясь держаться ближе к русской подлинной жизни, вспоминали, что ведь распорядитель государственного имущества есть князь, и поэтому позволяли себе переводить δημόσιον, fiscus филологически не точно, зато по смыслу весьма выразительно «князь»[42].

Есть основание предполагать, что в обиходе древнерусских книжников встречалось как понятие государственной территории, так и права верховной власти распоряжения ею. Римское понятие «жалованье чиновникам» они переводили «честь и власти, яже от князя». Весьма возможно, что слово «власти» здесь надо понимать так, как иногда оно понимается и в летописи,— волость, земля. Как бы то ни было, перед нами, несомненно, выражение, обозначающее княжеское пожалование, иногда даже землей. Даниил Заточник говорит: «Всякому дворянину (подобает) имети честь и *милость* у князя». Под «милостью» он разумеет «села»[43].

Княжеские пожалования признает и М. А. Дьяконов, но при этом делает так много оговорок, что в конце концов со-

---

[42] Н. Калачев. О значении кормчей, 1850, стр. 61. М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 39.

В 60 книге Василикона в главе «De spoliis dividendis» «Περὶ μερισμοῦ σκύλων.» «О полоне», «О разделении корысти» имеются следующие тексты, которые я привожу с переводами на русский язык, сделанными в Киевской Руси.

«Sextam partem spoliorum *fisco*, consecrari oportet», «Sexta parte duntaxat fisco reservata», «Τὸ ἕκτον μέρος ἀφιεροῦσθαι δεῖ τῷ δημοσίῳ». «Шестую часть достоит взимати князю», «шестую часть достоит взимати *всем людем*», «шестая часть токмо имется в людское сокровище».

В одном из вариантов, приведенных Д. Дубенским, этот текст читается так: «... шестой токмо доли отделене к обчей казне, еже есть ко князю... Довлеет бо властелем честь и власти, яже от князя» («Русск. Достопам.», 1843, ч. 2, стр. 204. Дубенский, предполагая описки в тексте, рекомендует без достаточных оснований вместо «честь и власти» — «часть из части»).

Древнерусский переводчик-юрист иногда колебался, как лучше передать греческое δημόσιον или латинское fiscus. Дословный перевод «людское сокровище» наиболее, конечно, точен, но это понятие было чуждо древнерусской жизни. Князь, как хозяин и распорядитель государственной казны, приходил, естественно, в голову. Это полностью соответствовало древнерусской действительности (А. Г. Розенкампф. Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829, Примечания, стр. 132—137).

[43] М. Н. Тихомиров, сопоставляя показания о «милости» Законника Стефана Душана и русских источников XII—XIII вв., делает вывод, что «милостниками» были зависимые княжеские люди, получавшие от князя «милость» в виде коней, оружия, а вероятно, и землю» (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1946, стр. 166— 167).

всем затемняет смысл этого термина. Отмечая «ряды» князя со своей дружиной, заключаемые устно, М. А. Дьяконов делает попытку установить содержание этих договоров и указывает при этом на условие ратной службы со стороны дружинника и о *пожаловании за службу* со стороны князя, допускает также и обязательство старшего дружинника участвовать в совещаниях при князе[44]. Акт «целования креста», скрепляющий договор, он доказывает ссылкой на документы[45].

«Князья,— далее пишет он,— должны были «жаловать» своих дружинников» и тут же прибавляет: «но постоянного жалованья дружинники не получали; наша древность не знает даже и понятия «государственное жалованье». Наш древний книжник передал византийский термин «жалованье чиновникам» таким современным ему понятием: «честь и власти, яже от князя». Почетом и назначением на должности князья награждали своих дружинников. Не подлежит сомнению, что и то и другое сопряжено было с материальными выгодами». А на следующей странице у него же читаем: «дружинники, становясь мало-по-малу все более оседлыми, переходят в разряд местных землевладельцев...». «Естественные выгоды заставляли всю эту местную знать группироваться около князя. Этим она лучше и прочнее укрепляла за собой все унаследованные и благоприобретенные фактические преимущества: материальное благополучие и политическое влияние»[46].

Если М. А. Дьяконов под термином «государственное жалованье» разумеет жалованье, какое получали до революции российские чиновники каждое 20-е число, то, конечно, он прав. Но такая трактовка термина «государственное жалованье» противоречит характеру общественных отношений XI—XII вв. Ведь тут речь должна итти о том, «жалует» ли своих дружинников носитель верховной власти, князь, или не жалует, и в чем выражается это жалованье. И сам М. А. Дьяконов отвечает: жалует материальным благополучием, выражавшимся, конечно, прежде всего в пожаловании земли, иначе непонятно, каким образом дружинники, по признанию самого автора, стали «мало-по-малу» «землевладельцами»; одного «почета и назначения на должности» тут, конечно, мало.

«Честь и власти» исходят от князя. А эта формула о «чести и власти» была хорошо известна на Руси. Автор «Повести

---

[44] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 33.

[45] «На том же и мужи его целоваша хрест, ако межи има добра хотети и чести его стеречи» (там же, стр. 91).

[46] Там же, стр. 92—93.

временных лет», желая заклеймить поведение Блуда, воеводы кн. Ярополка Святославича, изменившего своему князю и перешедшего на сторону кн. Владимира в 980 г., называет «неистовыми» тех, кто «приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на пагубленье»[47]. Но так как при Святославе и даже при его сыне Владимире часть княжеской дружины еще находилась на иждивении князя, то тут говорится о дарах, которые заменены были позднее «властями» (волостями, как мне кажется возможно понимать этот термин в данном контексте).

Если под этим углом зрения мы подойдем к толкованию наших источников, нам, несомненно, будет легче понимать их смысл.

В результате переворота 1136 г. князья новгородские были лишены своих прежних прерогатив и, между прочим, своих доменов, переданных государству. Учитывая эти перемены, великий князь киевский Изяслав Мстиславич, в 1147 г., желая пожаловать Новгородский Пантелеймонов монастырь, обращается к государственной новгородской власти и «испрашивает» у Новгорода святому Пантелеймону землю: «село Витославиць и смерд (может быть, Смерд) и поля Ушьково и до прости»[48]. Тут абсолютно не может быть никаких сомнений в государственном пожаловании земли монастырю, даже если мы и не знаем, входила ли эта земля до переворота 1136 года в состав княжеского домена или она была и до этого землей государственной.

Необходимо учесть и другое обстоятельство, вытекающее из тех же событий в Новгороде 1136 г. Новгородская республика постановила: 1) никто не может владеть землей на частном праве внутри новгородской территории, не будучи гражданином Новгорода; 2) никто не может приобретать земли на новгородской территории без пожалования новгородской государственной власти. Едва ли тут принципиально много нового. Новы были не столько функции новгородской государственной власти, сколько форма новгородской государственной власти: место князя заняло вече, и едва ли можно сомневаться в том, что в вопросе о праве распоряжаться государственной землей вече заменило князя. Поэтому и в новгородских жалованных от имени князей грамотах на землю, если они не содержат прямых противопоказаний, мы можем видеть факты распоряжения князьями не только своей домениальной, но и государственной землей.

Буйцы, Ляховичи и рель на Волхове могли и не принадлежать к княжескому домену и тем не менее распоряжением власти могли быть переданы монастырю. Волынский

[47] Лаврентьевская летопись, под 980 г.

[48] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 82, стр. 141.

князь Владимир Василькович в 1287 г. распоряжается одинаково как своей государственной территорией, так и своей доменальной землей. Мы имеем две его духовные грамоты: одну, которой он передает всю государственную территорию двоюродному брату Мстиславу, другую, по которой он завещает недвижимое имущество жене. В последней не совсем ясно различается вотчинная, княжеская земля от государственной территории.

Вот завещание Мстиславу: «Во имя Отца и Сына и святого духа. Молитвами святыа богородица и приснодевица Марьи и святых ангел. Се аз князь Володимер, сын Васильков, внук Романов, даю землю свою *всю* и городы по своем животе брату своему Мстиславу и стольный свой город Володимер»[49].

Совершенно так же князь Владимир пишет и завещание своей жене, о чем он и предупреждает: «Хочю и еще и княгине своей псати грамоту такую же»[50]. Вот эта грамота:

«Во имя Отца и Сына и святого духа. Молитвами святыя богородица и приснодевица Марья, святых ангел. Се аз князь Володимир, сын Васильков, внук Романов, пишу грамоту: дал есмь княгины своей по своем животе город Кобрынь и с людьми и з данью, како при мне даяли, тако и по мне ать дають княгине моей. Аже дал есмь ей село свое Городел и с мытом, а людье како на мя страдали (яко на мя тягли), тако и на княгиню мою по моем животе[51]. Аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и тотарщиною ко князю. А Садовое и Сомино же дал есмь княгини своей. И монастырь свой Апостолы же создах и своею силою (иже создал своею силою). А село есмь купил Березовичи у Юрьевича у Давыдовича Фодорка, а дал есмь на нем 50 гривен кун, 5 локоть скорлата, да брони дощатые. А тое (село) дал есмь ко Апостолом же. А княгини моя по моем животе, оже восхочет в черницы пойти: пойдет; аже не восхочет ити, а како ей любо: мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моем животе»[52].

Если первой грамотой князь передал *всю* государственную территорию брату, то вторая — повидимому, имеет в виду домен. Обе грамоты совершенно ясно говорят о праве распоряжения князем и тем и другим.

М. Горчаков в своем специальном труде не только не

---

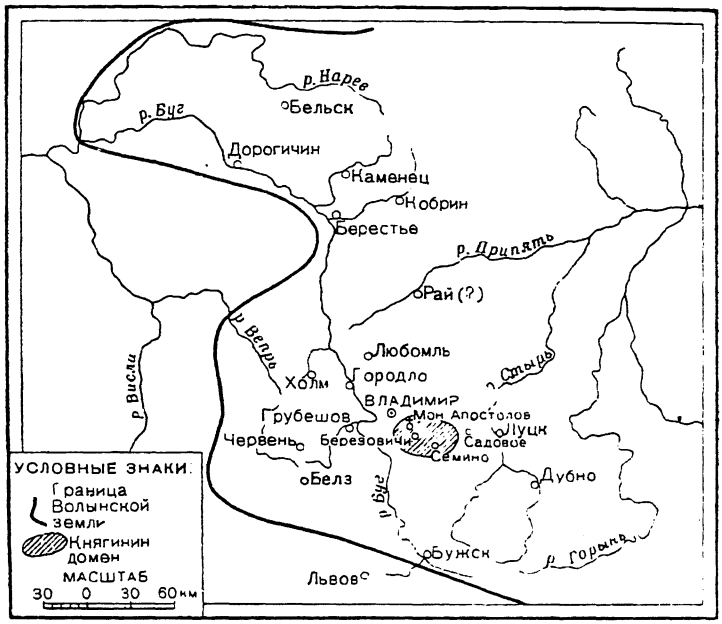
[49] Ипатьевская летопись, стр. 594.

[50] Там же, стр. 592.

[51] Ср. «А Константиновський монастырь извечный митрополичь и с селы; также и Борисоглебьский монастырь и с селы, как тягли издавна и при Олексеи митрополите, потомужь и нынеча потянут» (Уставная грамота в. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1389—1404 г.— ААЭ, т. I, стр. 5).

[52] Ипатьевская летопись, стр. 595, изд. 1871 г.

сомневался в праве князей распоряжаться государственными землями, но даже относит первые княжеские пожалования земли церкви ко временам Владимира I. «Нет сомнения,— пишет М. Горчаков,— что самые первые христианские русские князья, св. Владимир и Ярослав, предоставили митрополиту всея России право владеть земельными имуществами. Примеру первых князей следовали в этом отношении другие князья XII в., великие и удельные»[53].



Границы Волынской земли

Милютин подвергает сомнению наличие земельной собственности у митрополита при Владимире Святославиче, но нисколько не отрицает этого для XII в.[54].

И русские образованные люди XIV—XV вв. в этом нисколько не сомневались. В подтвердительной грамоте кн. Василия Дмитриевича 1402 г. написано: «Крести ся Володимер и всю Русь... и по нем правоверни велицин князи тоже

[53] М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, СПб., 1871, стр. 46.

[54] В. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России (Чт. ОИДР, 1859, кн. IV, отд. 1, стр. 20—33).

приняли готово, а к тому и много приложили, создавше церкви божии и монастыри и епископью, городы, погосты, села, виноградъ, земли, борти, озера, реки и волости дали со всеми прибытки»[55]. В грамоте киевского князя Александра Владимировича от 5 февраля 1441 г. говорится то же: князь «придал... по старому, все (волости и села, земли и воды) к церкви божией и... Сидору, митрополиту Киевьскому и всея Руси»... что «при великых благоверных и благородных князех и княгинех, великых прародителех» его было «издавна придано к церкви божией». Митрополиту предоставляется держать свои владения «как держали из старины первыи митрополиты»[56]. XIV и XV века унаследовали это убеждение от более старого времени. Татарские ханы застали у церковных учреждений на Руси значительные земельные имущества и не только не нарушали этого установления, но и сочли возможным сохранить этот порядок.

Итак, тезис И. А. Линниченко о том, что древнерусские князья не имели права распоряжаться государственной землей, что ею распоряжались только городские и сельские общины, чем якобы и отличался общественно-политический строй древней Руси от Польши, якобы пошедшей в этом отношении далеко вперед,— не подтверждается фактами.

Что же было в это время в Польше?

«В старом нашем государственном праве,— пишет Р. Губе,— под терминами dominium, jus dominii разумелась сумма прав князя по отношению к земле и сидящему на ней населению. Князь, как лицо, которому принадлежало это право, назывался panem ziemi (dominus terrae), которую он держал, а вся земля, которой он владел,— его państwen (dominium) или владением». «Право dominii заключало в себе, кроме права свободного распоряжения землей, право привлечения населения, сидящего на ней, к выполнению различных государственных повинностей и право привлечения его к суду». Князья передавали путем пожалования часть или все свои права отдельным лицам[57].

Автор приводит большое количество документов XIII в., подтверждающих его выводы. Среди них имеются указания на пожалования, как собственных, доменциальных земель королей, так и земель, подвластных им, как государям[58]. Пожалование оформлялось королевским чиновником[59].

---

[55] ПСРЛ, т. VI, стр. 83—84.

[56] АИ, т. I, № 259.

[57] R. Hube. Prawo Polskie w wieku trzynastym, стр. 93—94.

[58] «*meas* duas villas... et quidquid mei dominii et juris fuit est in villis eisdem... donavi (1223). Передавались жеребьи (sortes, źrebia) и свободного сельского населения (R. Hube. Указ. соч., стр. 98).

[59] Там же, стр. 97.

Жаловались земли населенные и пустыри (terrae incultae, campi inculti)[60].

То же мы видим у проф. С. Кутшебы[61] и у проф. З. Войцеховского[62].

Принципиальной разницы между Польшей и Русью здесь нет.

Такое же недоумение вызывает и другое утверждение И. А. Линниченко о том, что якобы «главная масса поземельной собственности на Руси состояла во владении городских и сельских общин»[63], тезис, который в несколько ином виде в свое время отстаивал В. И. Сергеевич, что и вызвало совершенно законные возражения Владимирского-Буданова. Последний настаивал на наличии в древней Руси понятия именно «государственной территории», что, конечно, не исключает частного владения и собственности.

Основная ошибка И. А. Линниченко в его выводах, построенных на сравнениях русского и польского права в Галицкой земле, заключается в неправильном понимании основных моментов в истории Руси XIII—XIV вв.

Не исследуя вопроса сам, а идя за общепринятыми суждениями в современной ему науке русского права, И. А. Линниченко держится и другого предрассудка, будто Русь в это время не знает вотчинного сеньериального суда и никаких форм крестьянской зависимости. Отсюда новое противопоставление: в Польше «действительно в XIV столетии уже *все* (курсив мой.— *Б. Г.*) население частных земель было подчинено судебной власти помещиков и... вообще закрепощение населения началось весьма рано.

Что касается Руси, то здесь в XIV столетии крестьянское сословие пользовалось еще полною имущественною и личною свободой. По мнению компетентных исследователей, вотчинный суд существовал в древней Руси лишь в землях, заселенных рабами и изгоями»[64]. И. А. Линниченко настолько убежден в этом, что даже документы, в которых решительно нет подтверждения его взглядов, а скорее имеется их опровержение, понимает субъективно, стараясь истолковать их в свою пользу.

Беру, например, одну из грамот кн. Льва, которую А. И. Линниченко не решается назвать подложной: «А се я

---

[60] R. Hube. Указ. соч., стр. 100.

[61] St. Kutrzeba. Historja ustroju Polski w zarysie, 8-е изд., стр. 55.

[62] Zygmunt Wojciechowski. Państwo Polskie w wiekach średnich, 1948, стр. 91.

[63] И. А. Линниченко. Черты, стр. 48.

[64] И. Линниченко. Критический обзор новейшей литературы по истории Галицкой Руси, ЖМНП, 1891, июль, стр. 145.

князь Лев вызвали есмо с Литовское земле два братеньпа Тутеня а Монмсека. Дал есмы ема у Перемыское волости село Добаневич и с землею и с сеножатями и с гаи и с дубровами и с рекою и ставом и с потоки и с криницами, со усеми поборы и с винами и с головнитством и с серпом и с косою и с млином со усеми ужитки, как есмы сам держал. А дал есмы им у век и детем их и унучатом их и праунучатом их. Не надобе уступатися на мое слово никому. А кто ся уступит, тот уведается со мною перед богом»[65].

Никаких совершенно ясных указаний на правовое положение населения села Добаневич здесь нет. Можно только настаивать на том, что тут живут обычные тяглые крестьяне. Но И. А. Линниченко видит здесь то, чего тут нет. «...Мы имеем основание предполагать,— пишет И. А. Линниченко,— что население таких пожалованных имений... могло состоять из невольной челяди (быть может, военнопленных)». Так же он толкует и известное завещание Владимира Васильковича[66].

Вопрос не так прост. Каждый из названных мною исследователей на пути его разрешения, несомненно, встречал большие затруднения, так как источники, отражавшие подлинную жизнь своего времени, не укладывались ни в одну из схем, которыми руководствовались исследователи, потому что исходные их теоретические предпосылки, взятые из арсенала иных общественных отношений, явно не подходили к изучаемому времени и неизбежно противоречили фактам. Ни Сергеевич, ни Владимирский-Буданов не видели того, что им приходится иметь дело с феодальными общественными отношениями, к которым требуется особый подход, что они имеют дело с феодальной собственностью, не похожей на собственность капиталистического общества.

Может быть, не лишним будет здесь напомнить несколько теоретических соображений относительно феодального строя вообще. «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»[67]. В феодальных государствах,

---

[65] Acta grodzkie i ziemskie, t. I, стр. 5. В некоторых словах текста букву «ѣ» я передаю как «и» (ѣх — их, волостѣ —волости).

[66] И. А. Линниченко. Черты, стр. 146, 147.

[67] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

независимо от отдельных особенностей в каждом из них, господствующий класс, держащий в своих руках власть, представляет иерархическую организацию сеньериата и вассалитета, так называемую феодальную лестницу, в которой каждый член иерархии был вассалом по отношению к своему сеньеру и сеньером по отношению к своим вассалам. На верху этой лестницы стоял носитель верховной власти.

Понятие феодальной собственности на землю, в отличие от единоличной, при этих отношениях очень усложнено. Здесь собственность неизбежно имеет иерархический, условный характер, поскольку наряду с феодалом, непосредственным собственником или владельцем земли, на эту же землю имел право его сюзерен и носитель верховной власти (король, князь, царь).

На Руси в период существования Киевского государства князь представлял большую силу, с которой одни охотно, другие по необходимости, безусловно, считались. С расчленением Киевского государства положение князей в отдельных княжествах оказалось неодинаковым. В Новгороде после 1136 г., благодаря усилению боярства, власть князей свелась почти к нулю, во Владимирско-Суздальской земле, благодаря своеобразию классовых отношений, эта власть оставалась в большой силе, в Галицко-Волынском княжестве шла жестокая борьба между сильным боярством и княжеской властью, борьба, на разных ее этапах склонявшаяся в пользу то той, то другой стороны.

В своих «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси» С. В. Юшков ставит эти интересующие меня в данной связи вопросы. Он убежден, что к XII в. «дружинные отношения в основном переросли уже в вассальные»[68]. Дружинники, до известного времени жившие на иждивении своих вождей, осаживаются на землю и превращаются в вольных слуг. Источники, естественно, больше всего говорят о вольных слугах князей. Они вольны «приказываться» и «отказываться» и пользуются этим своим правом постоянно. На вопрос, какое вознаграждение получало за свою службу боярство, С. В. Юшков решительно отвергает мысль о том, что боярин служил только из-за «чести», и настаивает на земельных пожалованиях сначала на правах бенефиция, потом — феода [69]. «Корень вопроса...,— пишет он,— в особых формах землевладения»[70].

---

[68] С. В. Юшков. Очерки, стр. 147; Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 246.

[69] С. В. Юшков, правда, говорит и о «денежном вознаграждении» бояр, но имеет в виду только единичные случаи пожалования денег боярам: «Невозможно и предположить,— пишет он,— что все боярство за свою службу получало денежное жалованье» (Очерки, стр. 150).

[70] Там же, стр. 154.

С. В. Юшков отмечает две главные формы боярского землевладения: 1) земельные владения, находившиеся в полной собственности владельцев, и 2) землевладение, обусловленное службой (бенефиций и феод). Он же подчеркивает и факт, хорошо известный во всех странах европейского средневековья, факт превращения временных, пожизненных держаний в наследственные вотчины, т. е. констатирует тенденцию слияния этих двух форм землевладения и превращения феода в землю аллодиальную.

Галицкая земля дает особенно много фактов, подтверждающих это положение. Тот, кто хочет разобраться в деталях общественно-политических отношений феодальной Руси, должен считаться как с особенностями структуры феодального общества и государства, так и с отдельными их вариантами в каждом русском княжестве. То же, конечно, относится и к другим государствам, в частности, к Польше. В момент захвата польскими феодалами Галицкой и Белзско-Холмской Руси государственная власть в лице Казимира Великого (1333—1370) находилась в кратковременном расцвете своей силы. Казимир сумел объединить раздробленную Польшу и взамен потерянных Силезии и Поморья устремился на русский восток, чему помогло прекращение княжеской галицкой династии и готовность галицкого боярства признать власть Польши. Галицкое боярство, столь упорно и долго боровшееся за свои привилегии со своими князьями, прекрасно рассчитало, что никакая другая власть не пойдет так широко навстречу их боярским претензиям, как власть королей польских. И действительно, галицкое боярство в своих надеждах не ошиблось, но вынуждено было купить сохранение своих привилегий и дальнейшее их расширение ценою отказа от своей национальности, своей родной культуры.

Польское правительство для упрочения своей власти во вновь присоединенной земле решило опереться на местную знать и сделало все, чтобы перетянуть эту знать на свою сторону. Нельзя не отметить ту исключительную энергию, которую проявило польское правительство для освоения вновь приобретенного края. Казимир употребил для этого много усилий. Он привлек в присоединенную русскую землю католическое духовенство, поставил в Галиче, Перемышле и Холме католических епископов, а для того чтобы изолировать русских людей, дороживших своей верой, от остальной Руси, выхлопотал у константинопольского патриарха особого, православного митрополита для Галицкой Руси.

«Чтобы при едином государе было и одно право и одна монета», Казимир поручил крупным юристам составить общегосударственный свод законов, который и был принят в

Малой Польше (Вислицкий статут) в 1347 г.; с некоторыми изменениями он введен был и в Великой Польше (Петроковский статут); оба статута были соединены в один кодекс в 1368 г.

Вислицкий статут в особой редакции, переведенной с латинского языка на язык украинско-русский, стал действующим законом и для Галицкой и Белзско-Холмской земель [70а].

Введение статута Казимира Великого в качестве общегосударственного кодекса в Польше есть событие исключительной важности, равное введению Судебника Ивана III в Русском государстве. Вислицкий статут предназначался для всей Польши, был законом общеобязательным.

Но так сложилась история Польши, что благим намерениям Казимира Великого не суждено было осуществиться полностью, и статут Казимира Великого в значительной своей части не выполнялся, так как шляхта, успевшая получить новые привилегии, на своих сеймиках стала выносить постановления, не всегда согласованные с законом Казимира.

Надо, конечно, иметь в виду, что Червоная Русь в 1387 г. была завоевана и, как страна завоеванная, подверглась воздействию завоевателя. Появились агенты польского государства, снабженные полномочиями, встретившие здесь и русские учреждения и нормы права, правда, близкие польским, но не тождественные с ними. За польскими властями в огромном количестве потянулась в новую землю шляхта, как правило, бедная, ищущая случая поправить свое материальное положение. Устремившиеся сюда шляхтичи, как показывают их родословцы, у себя на родине не играли никакой роли. Шла сюда и не шляхта, а люди полушляхетского достоинства. Червоная Русь манила к себе и многих немцев, венгров, валахов[71].

Относительно социального и экономического характера польских колонизаторов Галицкой Руси существует в литературе разногласие. И. А. Линниченко подчеркивает мысль о том, что это была главным образом бедная или обедневшая

[70а] Ф. Ф. Зигель. Об ученой деятельности Р. М. Губе, ЖМНП, 1891, июль, стр. 114 и сл. Вислицкий статут, к сожалению, не издан научно (Краковское издание есть собрание текстов без их классификации и обработки) и не исследован с источниковедческой точки зрения. В 1947 г. появилось незаконченное (посмертное) исследование О. Бальцера «Statut Kazimierza Wielkiego» (т. XIX «Studja nad historją prawa polskiego»), но оно касается только Вислицкого статута (без Петроковского) и представляет собой опыт реконструкции первоначального текста.

Перевод статута Казимира Великого, приспособленный для Галицкой Руси, сделан приблизительно между 1423 и 1433 гг.

[71] И. А. Линниченко. Черты, стр. 38—39.

часть шляхты. Против него выступил проф. А. Прохаска с упреком, что И. А. Линниченко выставил свое положение, не подтвердив его документами. Сам проф. А. Прохаска высказывает другое мнение: пожалования земель в Галицкой Руси, по его мнению, заключались в пустых незаселенных пространствах, «не земля была кормилицей колонистов, а труд, подкрепленный капиталом; тяжелой работой и великими издержками на нежилых местах и пустырях добывали хлеб насущный (колонисты.— *Б. Г.*), пожалованные землей на Руси». Автор ссылается на слова, вставляемые в жалованные грамоты, «ut loca vasta eo facilius possint collocari»[72].

Очень убедительный материал по этому вопросу приводится в обширном предисловии М. С. Грушевского к Актам Барского староства XV—XVI вв. Автор дает обильный материал о земельных пожалованиях в Подолии. Оказывается, что польское правительство дает полякам населенные земли (villae), а не пустые (vastitates). «Пересмотрев документы за первую половину XV в., мы не встречаем ни одного случая пожалования пустырей (vastitas) поляку»,— пишет М. С. Грушевский. Параллельно с этой практикой шла другая — «реквизиция имений туземцев и пожалование их полякам» [73].

Трудно, конечно, отрицать, что прибывшая на Русь польская шляхта затрачивала энергию, проявляла инициативу и вкладывала в организуемое хозяйство деньги, что среди колонистов были и люди зажиточные. Но все же остается не опровергнутым факт, записанный польским историком Длугошем, что польская шляхта, выпросившая себе землю в Галицкой Руси, изгоняла с земли старых русских владельцев, которые в отчаянии убегали к татарам и потом вместе с ними нападали на те земли, откуда их выгнали.

Прибывшие в завоеванный край колонисты (главным образом шляхта) шли сюда, соблазняемые землей, и, конечно, не просто пустая земля их интересовала, а либо населенная, либо такая, которую шляхтич не без основания надеялся скоро и легко заселить; иначе ехать в чужой край для него едва ли был какой-либо смысл. Желаемое они и получали. Земля давалась им jure feodali, т. е. в условное владение, впрочем, очень скоро, особенно в центре края, превратившееся в вотчинное

---

[72] Antoni Prochaska. Nowsze poglądy na stosunki wewnętrzne Rusi w XV w. «Kwartalnik Historyczny», 1895, Roczn. IX, Zeszyt I, str. 27.

[73] Арх. ЮЗР, ч. 8, т. I, Киев, 1893, стр. 60, 61.

(jus hereditarium). Если это была земля не заселенная, то получивший ее старался назвать к себе людей и привлекал их льготами на значительные сроки.

Новая власть в Червоной Руси не уничтожила здесь всего старого. Она даже обнаружила явную тенденцию опереться на определенные слои господствующего класса Галицкой земли, подтверждая их права на старые земельные владения, наделяя новыми.

В 1361 г. Казимир подтверждает Ходку Быбельскому «*князя Львовы листы и иных старых князий листы*». В 1352 г. Казимир подтверждает детям львовского войта Матвея пожалования их деду Бертольду «per magnum principem felicis recordacionis dictum *Leonem Ducem Russiae*». В 1469 г. Казимир Ягеллончик подтверждает Шептицким владение имением Шептицы «juxta literam praeclari principis domini Leonis *ducis Russiae praedecessoribus eorum* datam et concessam». (Курсив везде мой.— *Б. Г.*) Эти грамоты считаются заслуживающими доверия.

Но и аналогичные подложные грамоты могут быть использованы в моих целях, поскольку меня в данном случае интересует не самый акт пожалования тому или иному лицу, а ссылка на старые жалованные грамоты русских князей[74]. Тот, кто подделывал грамоты с корыстными для себя целями, конечно, старался, чтобы они походили на подлинные, и ссылки на грамоты русских князей делались с полным убеждением, что они-то ни в коем случае не вызовут подозрений. Действительно, польское правительство в наличии жалованных грамот русских князей не сомневалось, так как всем тогда было известно, что грамоты эти в свое время русскими князьями давались, и переписывало их на свое имя. Польская власть, как правило, не отнимала земли и у тех, кто не мог доказать своих на нее прав письменным документом.

Правительство, несомненно, получило в свое распоряжение домены русских князей. Оно конфисковало также земли у лиц, не желавших оставаться под новой властью и покинувших Червоную Русь. Оно, само собой разумеется, овладело и той землей, которая частным лицам вообще не принадлежала и которой как в Польше, так и на Руси распоряжалась государственная власть. Но едва ли земли этой последней категории в Червоной Руси в XIV в. могло быть много.

Дело в том, что галицкое боярство было очень многочисленно, богато и влиятельно. Галицкая летопись под 1208 г. говорит о том, что князья Игоревичи избили по политическим соображением 500 бояр, а между тем количество бояр и после этого «избиения» поражает своими размерами. Наметилось два

[74] Несколько их приводит Линниченко (см. «Черты», стр. 54—55).

слоя бояр — «старые» и «молодые»[75] (конечно, не возраст имеется в виду). Нужно также иметь в виду и наличие «слуг» княжеских»[76].

Если мы учтем ту жестокую борьбу бояр с князьями на протяжении всего существования Галицкого княжества, то нам будет легче понять и отношения галицкой знати к польской власти, которая шла на поводу у своих польских магнатов. Поймем также, почему галицкое боярство скоро примирилось с польской властью: ведь оно не только сохранило свое старое положение, но и получило от нее ряд новых привилегий. В середине и в третьей четверти XIV в. бояре продолжают называть себя боярами, но постепенно начинают менять термин «боярин» на польский «пан» (dominus), а в 1434 г. они окончательно уравниваются во всех своих правах со шляхтой польской. Это относится к старшему боярству. Масса мелкого боярства дольше оставалась в прежнем своем положении, хотя многие из мелких бояр все же стремились быть адоптированными каким-либо из польских шляхетских родов. Часть русских землевладельцев, которым не удалось проникнуть в ряды шляхты, постепенно деградировала до положения кмета-крестьянина. Но, с другой стороны, и кмет мог иногда проникнуть в ряды шляхты.

Статут Казимира Великого, приспособленный для Галицкой земли, знает следующие разряды шляхты: «великие панове» (majores aut potentiores personae), «знаменитый шляхтич» (miles famosus), «учиненный шляхтич» (miles creatus), «простой шляхтич» (miles), «кметь шляхтичом учинен» (kmetho, factus miles). Статут, написанный для польских земель, знает еще одну разновидность военных людей, scartabellus — термин, трудно поддающийся объяснению. Но несомненно, это особая группа шляхетства невысокого ранга[77]. Статут Казимира Великого, написанный для Галицкой Руси, этого слоя шляхты не называет[78]. Если судить по размерам штрафов за убийство

---

[75] Ипатьевская летопись, под 1286, 1287, 1288 гг. и др., стр. 592, 604, 614.

[76] Там же, под 1291 г.: «И ради быша ему (кн. Льву.— *Б. Г.*) бояре его и слуги его».

[77] Термин, до сих пор окончательно не разъясненный в польской литературе, несмотря на многочисленные попытки. Обзор мнений и опыт собственного разъяснения термина у Osw. Balcer'a. Nizsze warstwy rycerstwa polskiego w statutach Kazimierza Wielkiego. «Статьи по славяноведению» под ред. В. И. Ламанского, в. III, СПб., 1910 г., стр. 270—280.

[78] В русских землях, отошедших к Литве, очень долго сохранялись русский общественный строй и русская терминология, оказавшая свое влияние и на терминологию литовскую. В привилее Ягайла 1387 г. называется привилегированный класс землевладельцев armigeri sive boiari, в привилее Сигизмунда 1434 г. различаются два слоя знати principes et boiari, в Городельском привилее 1410 г. — nobiles et boiari или barones,

и ранение перечисленных категорий шляхты, то получится следующее между ними соотношение:

	за убийство	за ранение
miles famosus . . .	60 марок	10 марок
scartabellus	30 »	5 »
miles creatus	15 »	не указано
kmetho factus miles	не указано	3 марки

И за раны и за убийство соотношение штрафов одно и то же: 4 : 2 : 1.

На Руси в церковном уставе Ярослава боярство тоже различается по двум категориям: «великие бояре», «меньшие бояре», за которыми следуют «нарочитые люди» (в другой статье «градские люди») и «простая чадь» (в другой статье «сельские люди»)[79]. Соотношение штрафов между двумя разновидностями бояр почти такое же, как и в Польше между milites famosi и scartabelli, т. е. как 5 : 3.

Подчинение Червоной Руси Польше наложило известный отпечаток на развитие феодальных отношений в этих землях, что, прежде всего, выразилось в изменении состава господствующего класса. При этом для моих целей необходимо иметь в виду следующее: 1) изменения происходили не вдруг, и во всяком случае в конце XIV и первой четверти XV в. здесь еще доминируют старые русские общественные отношения; 2) наплыв польских колонистов, преимущественно шляхты, увеличил в Галицкой Руси количество привилегированных землевладельцев, влил в среду местного землевладельческого класса значительный процент польских феодалов и тем самым расширил сферу применения польского права; 3) что касается отношений землевладельцев к земле и сидящему на ней населению, то эти отношения не были в Польше и на Руси сколько-нибудь принципиально различными, так как и в Польше и в Червоной Руси мы наблюдаем в сущности один и тот же феодальный строй, лишь с некоторыми индивидуальными отклонениями, один и тот же способ ведения хозяйства и эксплуатации зависимого крестьянства.

---

nobiles, boiari. Когда в Польше землевладение стало монопольной привилегией шляхты, термин terrigena—земянин стал—равнозначащим термину «шляхтич». Боярин—земянин-шляхтич—термины уже равнозначащие. Под влиянием польской терминологии «боярин» начинает в русских землях исчезать: в Волынском привилее 1501 г. «князи и панове и земяни и вся шляхта Волынской земли», но в Киевской земле в 1507 г. «князи и панове и бояре и земяне и вся шляхта киевская» (М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута, М., 1892 (в дальнейшем цит. «Областное деление», стр. 539).

[79] В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковн. права, стр. 79, 83.

Едва ли нужно доказывать, что судьба сельского населения находится в самой непосредственной связи с историей класса землевладельцев, что борьба между этими классами-антагонистами играла в определении этой судьбы очень большую роль. Несомненно, это две стороны одного и того же процесса. По мере расширения крупного землевладения, по мере экономического и правового усиления землевладельца в связи с переменами, происходившими в экономике всей Европы, судьба сельского крестьянского населения изменялась в двух направлениях: 1) сокращалось количество свободных крестьян-общинников; 2) изменялось экономическое и правовое положение зависимого сельского населения.

В этом процессе, собственно говоря, и выражается основная линия эволюции общественных отношений в феодальный период истории европейских обществ.

В Галицкой Руси, как во время ее политической независимости, так и после включения ее в состав Польского государства, этот процесс развивался интенсивнее, чем где-либо в других частях Руси, на что были свои причины. Значительный рост населения, обусловленный, между прочим, и событиями внешними (приток населения с востока в связи с татарским погромом), тучный чернозем, привлекавший аппетиты землевладельцев, политическая обстановка,— способствовали укреплению позиций боярства, усилению их наступления на крестьян.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что в Червоной Руси «Русская Правда» была кодексом действующего права не только во время самостоятельности Галицкой земли, но и некоторое время в заметных пережитках и после потери этой самостоятельности.

Польское правительство во всяком случае вынуждено было серьезно с этим фактом считаться, чему у нас имеются доказательства. Самое бросающееся в глаза — это терминология той редакции статута Казимира Великого, которая в переводе была предназначена для новозавоеванной Галицко-Русской земли. «Смерд» (кметь, rusticus)[80], свада (discordia)[81], ближний (proximus consangvineus)[82], уражение, уразить (percutere)[83],

---

[80] Вислицкий статут, иначе статут Казимира Великого, ст. ст. 56, 70, также ст. 75.

[81] Там же, стр. 36: «Хто будет ранен у сваде...». Пространная «Русская Правда»: «...оже будеть убил или в сваде или в пиру» (ст. 6); «Будеть ли стал на разбои без всякоя свады...» (ст. 7).

[82] Пространная «Русская Правда», ст. 99. Вислицкий статут, ст. 54.

[83] Краткая «Русская Правда»: «надражен», с одним и тем же значением «ранить»: «или будеть кровав или синь надражен...» (ст. 2). Вислицкий статут: «Коли кметь будет ранен до крови, а либо уражен сромотне» (ст. 87). «О том, хто кого в игре вразит. Бертольд жаловал на Ондрея, иж его ранил...» (ст. 102). То же и в ст. 75.

запреться (negare)[84], синевая рана, кровавая рана (baculo cruentatum vulnus illatum)[85], головное (caput)[86], след (vestigia)[87] и др.[88].

Не говорю об институтах, потому что и в Польше и на Руси они могли быть и были в целом ряде случаев одинаковыми. Например, обязанность общины искать убийцу или вора знают «Польская Правда» («Księga praw»), ст. ст. VIII, IX[89], «Русская Правда»[90], знает ее и Вислицкий статут[91], право мертвой руки известно и Русской[92] и Польской[93] «Правдам». Подобных параллелей можно привести значительно больше.

Я собираюсь остановиться на двух особенно для меня важных сторонах дела: 1) на положении сельской общины в Червоной Руси и Польше и 2) на положении смердов-кметей в Червоной Руси и Польше.

Приведенные выше основные мои выводы найдут новое подтверждение и в последующем изложении.

Попробую подвести некоторые итоги:

1. Дальнейшая эволюция общественных отношений эпохи «Русской Правды» может быть изучена по материалам Галицкой Руси лучше, чем по материалам других частей Руси, особенно благодаря обстоятельности Галицко-Волынской летописи и наличию Вислицкого статута, приспособленного для Галицкой Руси.

2. Факт приспособления Вислицкого статута для Галицкой Руси говорит о совпадении многих сторон жизни в Польше и Руси. В частности, это относится к вопросу о положении крестьян.

3. Галицкие землевладельцы по своему происхождению принципиально ничем не отличаются от польских. И тут и

---

[84] Краткая «Русская Правда»: «Аже где взыщет на друзе проче, а он ся запирати почнеть...» (ст. 15); Пространная «Русская Правда»: «Аще кто взыщеть куп на друзе, а он ся начнет запирати...» (ст. 47); то же в ст. 48. Вислицкий статут: «...а он того ся прел» (ст. 107); речь идет о нежелании признать обязанности вернуть деньги.

[85] Краткая «Русская Правда»: «Или будеть кровав или синь надражен...» (ст. 2). То же, ст. 30, Пространная «Русская Правда», ст. 29. Вислицкий статут: «...а будет ли синьевая рана, а кровавая»..., ст. 100.

[86] Краткая «Русская Правда», ст. ст. 1, 20, Пространная «Русская Правда», ст. 5 и др. Вислицкий статут: «... а будет... забит..., тогды... платить... головное», ст. 84.

[87] Пространная «Русская Правда», ст. 77. Вислицкий статут, ст. 49.

[88] Все латинские термины взяты из латинского текста Вислицкого статута, написанного для Польши (Volumina legum, t. I, 1859).

[89] A. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II.

[90] Краткая «Русская Правда», ст. 20.

[91] Вислицкий статут, ст. 49.

[92] Пространная «Русская Правда», ст. 90.

[93] A. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II, str. XXII.

там мы видим землевладельцев: 1) получивших свою землю от отцов, дедов и прадедов (аллод); 2) землю, пожалованную от государственной власти (бенефиций и феод). Последняя категория земель в интересах землевладельцев проявляет тенденцию к превращению в аллодиальную собственность.

4. Как в Польше, так и в Галицкой Руси мы имеем феодальный строй со всеми его существенными признаками.

5. На вопрос, находилась ли Галицкая Русь в момент завоевания ее Польшей в состоянии досословного строя, надо с полной категоричностью ответить отрицательно: вся Русь давно уже знала сословный строй, поскольку классы в феодальном обществе не могут не быть вместе с тем и сословиями.

Черты общности в развитии Польши и Руси я продолжаю иметь в виду и при дальнейшем изучении сельского населения Галицкой Руси.

3. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ГАЛИЦКОЙ РУСИ И ПОЛЬШЕ

Та самая община, которая, хотя и далеко не полно, отражена в «Русской Правде», продолжает жить в Галицкой земле и после того, как последняя превратилась в самостоятельное княжество и королевство. Она продолжает жить и под польской властью уже по одному тому, что и Польша знает такую же крестьянскую общину.

Ни в Польской, ни в Русской «Правдах» мы не найдем сколько-нибудь полного изображения организации и жизни общины. Не случайно в нашей исторической науке не улегся и до сих пор спор о том, как надо понимать сообщения об общине «Русской Правды». Однако и в Русской и в Польской «Правдах» есть материал для утверждения наличия общинного строя в XI—XIII вв. как в Польше, так и на Руси.

Из «Русской Правды» мы знаем, что: 1) соседская община (вервь, мир) несомненно существовала на Руси IX—XII вв.; (конечно,— и гораздо раньше); 2) в ее функции входила защита ее членов от воровства, грабежей и убийств, от тяжести налагаемых на ее членов штрафов, помощь в разыскании воров и разбойников; 3) она несла ответственность перед государственной властью за выполнение этих своих функций. Можно догадаться, что община принимала участие в раскладке государственных податей и повинностей (подымное, повоз, поралье, поплужное), поскольку у государства не было достаточного для этого аппарата не только в киевское время, но и значительно позднее. Можно думать, что община отправляла и некоторые судебные функции. Необходимо при этом предполагать и соответствующую организацию общины.

В «Польской Правде», записанной немцами значительно позднее «Русской Правды» для нужд немецкого управления в части Польской территории, мы видим ту же общину.

Отдельный человек (Mann) связан с семьей (Geschlecht), деревней (Dorf), общиной (Gegenote, по-польски opole) и «землей» (Land). Вот целая система общественных и политических организаций, с которыми неизбежно имел дело член польской общины. Группа деревень составляет общину. Gegenote — это члены общины (ст. ст. VIII и X) и сама община (ст. IX).

«Если убитый человек лежит на поле или на дороге, и неизвестно, кто его убил, тогда господин (Herr) призывает к себе общину (Gegenote) и налагает на нее штраф (Schuld) за убитого. И если Gegenote не обнаружат убийцу, то должны заплатить за убитого. Если Gegenote назовут какую-либо деревню, где произошло убийство, а деревня заявит, что она не повинна, она должна оправдать себя через поединок (Campf) или же заплатить за убитого. Если деревня укажет на какую-либо семью (Geschlecht) и эта последняя заявит о своей невиновности, то она должна оправдать себя через поединок или заплатить за убитого. Если же семья (Geschlecht) укажет на определенного человека, который причинил смерть, и этот человек заявит, что неповинен, он должен либо выступить на поединок (vechten), либо итти на железо. Если при этом он окажется раненым (verwunder), он должен возместить (bessern), как указано выше».

«Если кто-либо будет убит в деревне или около деревни, и крестьяне убийцу схватят и выдадут господину (Herr) или судье (Richter), они остаются без всякого ущерба (Schaden). Если убитый будет около деревни, и [крестьяне] убийцу не могут схватить, они с криком его преследуют до следующей деревни. В таком случае крестьянам не угрожает никакая ответственность. Эта деревня должна с криком преследовать [убийцу] до следующей деревни. И так каждая деревня должна преследовать убийцу до тех пор, пока преступник не будет пойман. Если деревня, до которой дошли с криком, не будет преследовать дальше, она должна оплатить убийство» (ст. VIII).

«Таким же образом преследуют и грабителя и вора от Gegenote до Gegenote, от деревни к деревне, как выше указано» (ст. IX).

«Если кто-либо утонет, тогда тот, кто вытащит тело из воды без разрешения судьи (Richter), должен заплатить за убитого. Если же [утопленника] никто не вытащит, то господин (Herr) или судья (Richter) зовут Gegenote. Они должны указать, кто его утопил, таким же способом, как выше указано относительно убийства» (ст. X).

Ст. XI говорит о разыскании пропавшей вещи. Если пропадет конь или какая-либо иная вещь и обнаружится у кого-

нибудь, то судья требует к ответу того, у кого вещь найдена. Если обвиняемый скажет, что он эту вещь купил, то судья требует к себе от обвиняемого поручителей. В этой статье имеется нарративное сообщение: «В некоторых общинах (Gegenote) есть правило, что поручителей нужно доставлять на границу земли (an das Gemerke des Landes)»[1].

Вот и все, что немцы записали относительно польской общины. Не много, но достаточно, чтобы сделать несколько обоснованных выводов: 1) несомненно, что перед нами именно соседская община[2], обычно состоящая из нескольких деревень; 2) она защищает своих членов и отвечает за них; 3) на ее обязанности лежит помогать в разыскании вора или убийцы; она отвечает за невыполнение своих обязанностей перед государством и перед землевладельцем-сеньером; 4) она же, конечно, раскладывает внутри себя повинности (powoz, десятина и др.).

В основных своих чертах польское ополе и русская вервь мир ничем не различаются, а стало быть при встрече русского и польского прав в Галицко-Волынской земле по этому предмету и не могло быть никаких столкновений.

Не может быть никаких сомнений и в том, что соседская община выросла из родовой и долго сохраняла в себе пережитки родовых отношений. Судьба соседской общины как в Польше, так и на Руси одна и та же. Вместе с ростом крупного землевладения она попадает под власть этих землевладельцев, и свободные члены общины делаются их подданными. Процесс этот начался давно. В «Русской Правде» он отражен в той своей стадии, когда часть общин и свободного крестьянского населения уже попала под власть князя или боярина, а другая часть оставалась свободной в ожидании своей очереди. Во всяком случае Пространная «Правда» (XII в.) знает еще таких смердов, которые сами за себя отвечают перед государством. Это смерды, которые «платят князю продажу». «Правда» дает понять, что в таком положении находятся не все смерды:

---

[1] Термин Land A. Helcel понимает в смысле государства — Польши. Но из текста «Правды» видно, что в Польше имеется несколько Land. В ст. XXVIII говорится о беглом «в какую-либо другую польскую землю» (in eyn ander polensch Land); в ст. XII тоже говорится о том, кто укажет путь убийце или вору («von einem Lande in das andir») или из одной общины (Gegenote) в другую (A. H e l c e l. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II). M. Винавер считает Land княжеством. Каждое княжество (Land) делится на ополя (Gegenote) (M. В и н а в е р. Исследование памятника польского обычного права XIII в., написанного на немецком языке, Варшава, 1888, стр. 96).

[2] В кодексе малопольском 1277 г. № 93 читаем: «...opole id est vicinia». То же в кодексе великопольском 1278 г. (S m o l k a. Mieszko stary i jego wiek, стр. 518). Maceiowski приводит текст, взятый у Lelewel'я, стр. 210, 1291 г.: «vicinia quod vulgariter opole dicitur». (M a c e i o w s k i. Historja prawodawstw slowiańskich, t. III, str. 264).

«тоти уроци смердом, оже платят князю (княжю) продажу», т. е. уроки смердам, если они платят княжую продажу.

Краткая, значительно более ранняя «Правда» уже знает смердов зависимых, приравненных в некоторых отношениях к холопам, вошедших в состав господской челяди. В Польше мы видим совершенно то же. «Польская Правда», записанная позже Русской, знает «свободных крестьян» (vrier luthe), «живущих между несвободными и полусвободными». К сожалению, на этой незаконченной фразе обрывается памятник, как известно, дошедший до нас в единственном экземпляре. Исследователь его М. Винавер оборванность текста именно на этом месте объясняет так: «То, что книга прервана именно в том месте, где начинается речь о свободных крестьянах, доказывает, что она переписана в то время, когда вследствие разных причин класс свободных крестьян исчез, и сведения о нем не могли уже представлять большого интереса. Но, несмотря на все желание переписчика не помещать в своем сборнике этих сведений, они все-таки туда попали» [3]. Сильно сомневаюсь, действительно ли переписчик так энергично желал оборвать свою рукопись на полуслове. Гораздо вероятнее, что подлинник, бывший в руках переписчика, был дефектным подобно подлиннику Новгородской судной грамоты, обрывающемуся тоже на полуслове («...по Ноугородской грам...»). Но что контингент независимого крестьянства исчезал, в этом не может быть сомнения. Винавер справедливо указывает на наличие независимого крестьянства в Польской Правде XIII в. «Где крестьяне (Gebuer) [4] сидят вместе, там они не привыкли нанимать общих пастухов, а сами стерегут свой скот поочереди». Если крестьянин, стерегущий скот, будет обвинен... «и сознается судье (dem Richter), то...». В памятнике, когда речь идет о вотчинном суде, судья всегда называется Herr. В данном случае упоминается Richter, что говорит о суде не господском, вотчинном, а государственном [5]. Тем самым крестьяне, о которых в данном тексте идет речь, не были подчинены юрисдикции землевладельца и, видимо, сидели на свободной земле. Они сидят вместе и, между прочим, исполняют обязанности пастуха «поочередно». Стало быть, несмотря на наличие индивидуального хозяйства, у них сохраняются некоторые старые общинные навыки.

Вполне естественно, что Вислицкий статут имел в виду значительный параллелизм в общественных отношениях Польши и Червоной Руси и, прежде всего, конечно, наличие там и тут

---

[3] М. Винавер. Указ. соч., стр. 78—79.

[4] Gebur, gbur, как указывает Hube,— термин, который употреблялся во многих местах Польши и в XIX в. (R. Hube. Prawo Polskie w wieku trzynastym, стр. 176, прим. 2).

[5] М. Винавер. Указ. соч., стр. 79

крестьянской сельской общины. Иначе не было бы никакой возможности одни и те же нормы распространять одновременно на Польшу и Русь, если, конечно, предварительно не допустить коренной ломки права завоеванной земли, на что у нас нет абсолютно никаких показаний источников. А в Вислицком статуте одинаково как в латинском его тексте, так и в русско-украинском, община трактуется одинаково. Латинский текст, в различных вариациях имеющий разные заглавия [6], приводит casus: Nagoth deposuit querelam contra suos vicinos, quod cum equus tempore nocturno fuisset sibi subtractus. idem Nagoth cum instania requisivit, et petiit *suos vicinos villanos*, ut *per vestigia* eundem furem sequi velint sibique esse auxilio, quo a fure suum equum habere posset, villani vero furem insequi recusarunt et ita Nagoth praedictum furem cum equo amisit. Nos itaque in tali casu declaramus villanos ad solvendum equum praedicto Nagoth condemnandos [7].

В Вислицком статуте, приспособленном для Червоной Руси, та же статья читается так: «*О злодею, имает быти погоня за ним от сусед*. Нагот кметь жаловал на своих суседов, иж ему в ночи конь украден... [8] просил, абы с ним во след пошли за злодеем, и они не хотели, а у том ему конь изгынул. Мы сказуем: суседом, на ком та вина, коня заплатить» [9].

Термин «кмет» мы имеем здесь полное право заменить термином «смерд», как это неоднократно делает галицкий вариант Вислицкого статута [10]. Vicini — villani это «соседи» — несомненно, общинники. «Per vestigia» — «во след» — Вислицкого статута, несомненно, «по следу» Пространной «Русской Правды», ст. 77 [11]. Данный казус имеет в виду «гонение следа», в котором обязана принимать участие община.

---

[6] De fure utrum debeat insequi per vicinos villanos, aut non (Volumina legum, t. I, p. 10). Варианты этого заголовка (по Краковскому изданию): О наказании крестьянам, которые, будучи криком призываемы, не преследуют вора. Os. I. 88. О преследовании вора. Os. II. 48. О кметах, не желающих преследовать вора. D. III. 49. Os. III, 9. О приговоре относительно украденного коня, догнать которого соседи не пожелали. P. II. 48.

[7] Volumina legum, t. I, 1844, стр. 10.

[8] Пропуск в подлинном тексте.

[9] АЗР, т. I, стр. 9, ст. 49.

[10] Ст. 56, 70. То же в Статуте Владислава II Ольгердовича. АЗР, т. I, стр. 41.

[11] Татя «по следу женуть; аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочат от себе следа... а след гнати с чюжими людьми, а с послухи; аже погубят след...» «Чужие люди», здесь, несомненно, vicini, «обчие люди». Иногда эти «обчие люди» называются alieni, extranei, польск. obce. «... Ego hebeo homines *extraneos alias obce*...». (Курсив мой. — *Б. Г.*) Acta grodzkie i ziemskie, t. XII, стр. 187 (И. А. Линниченко. Черты, стр. 165, прим. 1). Термин «чюжие люди» говорит об обязанности широкого круга сельского общинного населения участвовать в гонении следа.

Никаких сомнений нет, что та самая община, которую мы имеем в Русской Правде, в Полицком статуте, в польской «Книге прав», продолжает жить в Галицкой Руси в XIV в. и выполняет хорошо знакомые нам функции.

В Галицкой Руси институт «гонение следа» не умер и в XV в. В акте 1422 г. в деле по жалобе перемышльского владыки Илии король производит расследование дела о спорных границах епископских владений. Епископ утверждал, что его церковная земля идет по Лисичий брод, что было и при князе Юрии и при «иных многих державцах». Спор был решен показанием «земян и старцев», подтвердивших заявление владыки. «Земяне и старцы» показали, что «владычни люде след гонят по Лисичий брод и уздают топольничаном, занеже топольничане имеют су владыкою границю» [12].

Крестьяне перемышльского владыки издавна знали границу, до которой они обязаны были (от обязанности этой они не освобождены и сейчас, т. е. в XV в.) «гнать след» [13]. В грамоте 1413 г., написанной тоже по-русски, границы сел Покословцы

---

[12] Документ, написанный на русском языке, настолько интересен, что его полезно привести целиком (правописание мною несколько приближено к современному):

«Мы пан Сташко ис Давыдова, староста Самборский, приводимо то ку вечной памяти нынешним и потом будужчим.

Илия, владыка Премышльский и Самборьский, жаловал ся пред кролем на Стрелковцы, аже убиваются у землю у церковную святого Спаса. Так король господарь приказал нам своим листом, абыхмо выехали и земяны и старьци и розъехали межи владыкою, а межи Стрелковци о землю о церковну. Тако есмо подлуг приказанья короля нашего господаря выехали и земяны самборскыми и старьци, штож о том добре ведають. Тогда владыка почал вказовати и рекл стана так: «Милии панове! То есть церковная земля святого Спаса по Лисичий брод и за князя Юрья и за иных многых державец. А то сведомо земяном самборскым и старцем самборскым и всем обаполным». Тако есмь пустили на земяны и на старце. Тако земяне исмовившеся и старци и вызнали, аж по Лисичий брод земля церковная святого Спаса из века из давного. И то и ещи вызнали, аж владычни люде след гонять по Лисичий брод и уздают топольничаном, занеже топольничане имеют су владыкою границю, а стрелковци не имеють. Тако есмо уехали владыце и земяны по Лисичий брод, яко было из века и вызнано. Тако есм подлуг того вызнаня исмовившися и земяны и дали есмо владыце лист и нашею печатью подтвердили есм ему, аже есть его по Лисичий брод. А при том были сведци: пан Иван Жюрчевич, пан Петр, судия перемышльский, пан Васко Богданович, пан Ивашко Кориелевский, пан Грицко, ловчий кролев, Сметанка и наместник лавровьский Ефтимий и старци лавровьсции и крилошане самборьсции и много добрых. А писана грамота у Пагоничих у четверток месяца генворя у 21 день на память святого отца Максима исповедника под лет (так!). Рождества Христова 1 лет 4 лет 22 лето» (так!). Acta grodzkie i ziemskie, т. VII, № 82.

(Стрелковицы — село в 5 км от Самбора. Топольница — село под Самбором. Похониче—это то же, что Самбор).

[13] Dodatek tygodniowy do gazety Lwowskiej, 1852. Взято у И. А. Линниченко. Черты, стр. 101.

и Блудники определяются точно по такому же признаку: «а поколе ты то границы, потоле имет пан Мирослав и *слид примати и одгонити* (курсив мой.— *Б. Г.*), поколи ему тот войчич вывил з старыми людьми».

В 1440 г. львовский городской суд требует от шляхтича Николая доказательства свидетелями, что он не отбил вора у крестьян трех королевских сел Сокольники, Солонки и Журавки, гонявших след [14]. Прекрасные примеры не только определения границы общины, но и живучести общинных обязанностей, ведущих свое происхождение от очень давних времен, несомненно от времен «Русской Правды» и даже до ее письменного оформления. Сохранился не только древний институт, но и старая терминология. Население вышеназванных трех сел Львовской земли (Сокольников, Солонок и Журавки) — православное, живет несомненно по «русскому праву» и еще в XVI в. имеет своих «тиунов» [15].

Тиуны были представителями крестьянства: «Petrus tywon de Tarpyczow... cum omnibus kmethonibus» (ср. «со всеми крестьяны» русских грамот; это и есть обозначение общины) присягает в том, что Михаил Кост из Волковыи явится в определенный срок в суд [16]. Тиуны избираются общиной: в 1456 г. в львовские судебные книги был занесен акт, из которого видно, что «kmethones» — крестьяне-смерды. «Paschkonem filium Zahajkonis pro thywono kmethones eis elegerunt», т. е. выбрали в тиуны Пашку сына Загайки. Совершенно то же, что было в Галицкой земле и в XIII в. [17]. Тут перед нами та же община.

Очень характерно обращение к общине в случаях необходимости получить ее показания на суде. Гейнош приводит факт

---

[14] Nobilis Nicolaus testes sex producere debet... quod non defendit furem... hominibus de tribus villes regalibus iam expressis... Acta gr., XVI, str. 1.

[15] В 1596 г. король дозволяет тиуну Солонок и Журавки передать тиунство его сыну. Acta grodzkie, t. X, str. 176. И. А. Линниченко. Черты, стр. 103.

[16] 1463 г., 28 марта: «Rachmartinus Casper antiquus. Lewko, Maxim cives Sanoc., Piter Costh cum filio, Clym Iazko knaz, Petrus knasz de Szustwolkovye cum omnibus kmethonibus, videlicet Vayskone Dzurdz, Lukasz. Nankovycz de Tharnka cum omnibus kmethonibus de ibidem, Viceadvocatus Chodor de Brzoska Vola cum omnibus kmethonibus, Petrus Tywon de Tarpyczow Veteriori (sic!) cum omnibus kmethonibus item Masch de Mediocri Tarpyczow cum omnibus kmethonibus, Maxim kmetho de Oczopya cum omnibus kmethonibus isti omnes fideiusserunt Michaelem filium Costh de Wolkovya ad statuendum, coram dom. Capto, post eius ingressum quarta die sub sexaginta marc. et subditi sunt sub pignoracione omnium bonorum...» (Acta gr., XVI,19).

[17] В Ипатьевской летописи под 1257 г. говорится о взвяглянах (Новоград-Волынск), которые отняли тиунство у своего тиуна: «поемше тиуна, не вдаша ему тивунити».

из жизни селения Доброе, Саноцкой земли, где добряне, жители селения, жившие на русском праве и служившие королевскому Саноцкому замку, за показаниями обращаются ad communitas [18] — термин, который в тех же актах переводится «ludstwo», «...testes, ludstwo non ita recognoverunt...» [19], т. е. хорошо знакомые нам по «Русской Правде» «люди» («а людем не надобе»), хотя в тех же актах упоминаются и поручители по отдельным членам этой общины [20]. Очевидно, мы имеем тут общинные отношения уже в состоянии разрушения. Некоторые повинности по отношению к замку накладываются не на отдельных лиц, а на весь коллектив, который уже сам обязан выполнить их по своему усмотрению [21]. В одном из актов есть указание на участие общины «communitas Dobrej» в разделе земли [22] (ср. стр. 75, где говорится о разделе лесов в Полице).

Корчинский привилей русским землям 1456 г. говорит об общине очень отчетливо: «Insuper statuimus: quod kmethones terrigenarum per capitaneos ac alios officiales ipsorum violenter non recipiantur in servitutem vulgariter mordinicae, hoc expresso, nisi prius villicus, alias cywan seu watman, cum omnibus kmethonibus possessionatis super eo juraverint quod sit de eorum genere et servitute, et quod ignoraverint (в одном из вариантов «non ignoraverint») cum per tantum tempus, per quod defuit» [23].

Тиун или атаман со всеми кметами должны удостоверить, что: 1) они не знали, где находился беглый крестьянин (а если

---

[18] W. Heinosz. Указ. соч., стр. 32, прим. 12; Acta grodzkie, XI, № 1749.

[19] Там же, стр. 33; Acta grodzkie, XI, № 1113.

[20] Там же, стр. 33; Acta grodzkie, IX, № 1898.

[21] Там же, стр. 37. Речь идет о «службе поточной».

[22] Там же, стр. 33. Acta grodzkie, XVI, № 1080.

[23] Bandtkje. Jus Polonicum, c. 293. Вероятно, отсюда Шафарик взял термин «мордоница». Древнерусск. смрд (смердь rusticus), морданица (servitus) должно быть сравнено с именем народа мордва, мордвин (корень обоих слов перендск. merd, т. е. человек, «муж». П. Г. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1, 1837, стр. 93). И. А. Линниченко читает это слово, согласно одному из вариантов Привилея «in ordinice» и, конечно, вкладывает совсем другой смысл. Он производит термин не от mord, merd, смерд, а от «орда», откуда, по его мнению, многочисленная группа населения Галицкой земли — ордынцы (И. А. Линниченко. Черты из истории сословий, стр. 100, прим. 4). В различных вариантах текста Привилея это слово не устойчиво: «mordinicae, mordonicae, in ordinicae, mordanicae» (Bandtkje. Jus Polonicum, стр. 293). Разрешение вопроса затрудняется тем, что и кметы — смерды и ордынцы находились в Галицкой земле in servitutem, поэтому термин, действительно, может быть истолкован по-разному. И. А. Линниченко, впрочем, не очень настаивает: «Кажется, к ордынцам относится... постановление...». Я думаю, что Шафарик ближе к истине, поскольку тут говорится: «in servitutem vulgariter mordinicae hoc expresso», т. е. делается перевод термина servitus на народный язык, в котором термин «смерд» в данном смысле был гораздо популярнее «орды».

признать правильность другого варианта, они не были осведомлены о нем за время его отсутствия), и 2) что он действительно был членом данной общины.

Община имела свою церковь и выбирала священника. Мы располагаем еще одним термином, имеющим отношение к общине; это — сотня, хотя именно такая трактовка сотни вызывает у многих исследователей возражения. Особенно энергично возражает против такого понимания сотни А. Е. Пресняков, по мнению которого сотни возникли «в связи с развитием городского строя»[24]. М. С. Грушевский, делая ту же ошибку, что и Пресняков, замечает, однако, что сотенная организация есть результат выделения горожан из старой сельской организации, и, следовательно, есть явление позднейшее[25]. И. А. Линниченко полагает, что «организация населения на сотни не есть древнейшая *общая* организация всего населения, а лишь специальная организация части населения... на сотни делилось население ближайших к городам сельских поселений»[26]. Но он настаивает на том, что сотня — это общинная организация, доказательство чему он видит в наложении на сотню повинности «огулом, а не на каждого сотного отдельно. Общее количество повинностей распределялось, по всей вероятности, уже самой общиной между отдельными частями, составлявшими сотню». Ссылается И. А. Линниченко на известную грамоту Мстислава Даниловича 1289 г.: «Се яз князь Мстислав, сын королев (Даниила Романовича.— *Б. Г.*), внук Романов, уставляю ловчее на берестьаны и в веки за их коромолу: со ста по две лукне меду, а по две овце, а по пятинадесять десятков льну, а по сту хлебов, а по пяти чебров овса, а по пяти чебров ржи. а по 20 кур. А потольку со всякого ста. А на горожанах 4 гривны кун. А хто мое слово порушит, а станет со мною перед богом»[27].

В. Гейнош, однако, приводит факты, подрывающие это мнение И. А. Линниченко. В. Гейнош отрицает круговую поруку сотни и в доказательство указывает, что: 1) сотня не принимает участия в поимке беглого члена сотни; 2) не платит за него денежного взыскания; 3) в каждой поручной называются отдельные поручители, отвечающие за отдельных членов сотни; только поручители обязаны возвращать на старые места беглых, за которых они ручались, или платить за них известную сумму денег; 4) поручительство есть результат добровольного соглашения; 5) в документе о принятии в службу нового

---

[24] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 178, 189 и дальше.
[25] М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. III, стр. 236.
[26] И. А. Линниченко. Черты, стр. 111—112.
[27] Ипатьевская летопись, изд. 1871, г., стр. 613.

сотного требуется поименование поручителей, что было бы излишним, если бы сотня была общиной [28].

Однако если мы примем во внимание, что В. Гейнош имеет в виду более позднее время, XV—XVI вв., а в основе рассуждения И. А. Линниченко лежит факт 1289 г., где естественнее всего понимать внутриобщинное распределение наложенной на берестейскую землю повинности, если учесть также, что сотные — это королевское подзамковое население, рано включенное под власть короля, а до этого несомненно жившее общинным строем,— тогда мы получим основание признать здесь наличие следов общины. Община в период своего нахождения под домениальной властью и вследствие этого претерпела с течением времени изменения, но был значительный период времени, когда сотня по своим внутренним отношениям почти ничем от общины не отличалась. И мне кажется, что И. А. Линниченко имеет основание утверждать: «Данные о сотных людях и сотнях в XV в. ... указывают нам на *обломки* (курсив мой.— *Б. Г.*) старинной русской организации крестьянского населения в княжеский период Руси», но она и тогда уже, по его мнению, «не была *общей организацией ее низшего населения, а лишь специальной организацией подзамкового населения и ближайших к замку поселений*» [29].

Мне кажется возможным прибавить к рассуждению И. А. Линниченко еще одно соображение. При организации подзамковых королевских хозяйств мог применяться десятичный расчет, вполне уживавшийся с обычным общинным строем жизни в этих подзамковых селах.

Из всех приведенных фактов с полной очевидностью вытекает наличие общины как в Галицкой земле, так и в Польше в период независимости Галицкой земли, а также факт живучести общины и там и здесь в более позднее время.

Но мне в данном случае важно не только констатировать факт наличия этой старой формы крестьянской организации, но и показать ее дальнейшую, по сравнению с «Русской Правдой», судьбу и именно на территории Червоной Руси как в период самостоятельного существования Галицкого княжества и королевства, так и после его включения в состав Польши.

Галицкое крестьянство не было заинтересовано в уничтожении общины. Не стремились к этому и валахи, рано начавшие селиться на пограничной с Венгрией территории Галицкого княжества. Валашские поселения жили на своем валашском праве и крепко держались за свою общину. На валашском праве сидели иногда и русские и поляки.

---

[28] W. Heinosz. Jus Ruthenicale, str. 67—68.
[29] И. А. Линниченко. Черты, стр. 116 (курсив автора).

Важно отметить некоторые особенности этих валашских поселений. Сказка люстратора Самборской земли 1568 г. объясняет: «так как земля Самборского староства в большей своей части лежит в горах, где озимое не родится, потому что долго длится зима и скоро наступает осень, то вследствие этого большая часть деревень в Самборском старостве—на волоском праве»[30]. Не земледелие здесь основное занятие, а скотоводство и охота, на что указывает также факт уплаты податей скотом, продуктами животноводства и дичью: баранами, свиньями, волами, сырами, сернами, зайцами. Когда натуральные подати переводятся на деньги, то точно обозначается: «за серну», «за вола», «за сыр», «за ягнят» и т. д. [31]. Самоуправление общин сидевших на валашском праве, сохранялось очень долго.

Итак, галицкая и польская общины обнаружили свою жизнеспособность. Несомненно, община и в Польше и на Руси охраняла своих членов, во многих случаях вынуждалась оказывать помощь государству. У нее было достаточно сил, чтобы задержать темпы надвигающейся на нее опасности, но решительно их нехватало, чтобы ее преодолеть.

Нельзя, конечно, забывать и того, что жизнь не стоит на месте и что община во всех странах Европы, хотя и не в равной мере и не в одно и то же время, подвергалась воздействию общих экономических причин, способствовавших ее внутреннему перерождению.

Нельзя оставлять без учета и внешние факторы, игравшие значительную роль в истории галицко-русской общины XIV—XV вв., и в частности немецкую колонизацию.

Галицкая Русь подверглась воздействию двух, хотя и не одинаково сильных, факторов — польской и немецкой колонизации. Они сыграли определенную роль в истории общественных и национальных отношений в Червоной Руси. Но в данном случае передо мной не стоит задача изучения всех этих перемен в целом. Меня интересует, во-первых, период, когда общественная жизнь Галицкой Руси еще не подверглась сколько-нибудь заметному воздействию польской и немецкой колонизации, во-вторых, интересует меня именно «русское право» в своей, по сравнению с «Русской Правдой», дальнейшей эволюции. Наконец, мой интерес сосредоточен главным образом на переменах в положении крестьянства на Руси, которые во всей Восточной Европе происходили параллельно. Совершенно понятно, что в первую очередь стоит передо мной вопрос о судьбе смердов Галицкой Руси.

---

[30] Лит. Метрика, IV, В. № 22.
[31] И. А. Линниченко. Черты, стр. 185—186.

4. СМЕРДЫ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Моя задача — проследить перемены, происшедшие в судьбе смердов за тот период времени, когда Червоная Русь, оторвавшись от пуповины своей матери — Киева, стала жить самостоятельной жизнью и затем потеряла свою независимость и попала под власть Польского государства. Исхожу из того несомненного положения, что смерды Галицкой земли — это прямые потомки смердов Киевской Руси, стало быть, тех самых смердов, правовое и экономическое положение которых, хотя и не полно, изображено в «Русской Правде», летописях и памятниках частноправовых отношений. Убедительным доказательством моего исходного положения служат: 1) постоянные упоминания смердов в Галицкой летописи в том же самом смысле, что и в «Повести временных лет» [1]; 2) несомненная действенность «Русской Правды» и на территории Галицкой Руси, выражающаяся, между прочим, и в распространенности в Галицкой земле юридических понятий в терминах «Русской Правды»; 3) живучесть этой терминологии в Галицкой земле в XIV и XV вв. [2] Все это вместе взятое я считаю следствием этнического, экономического и правового родства Галицкой Руси со всей Русью.

Как мы уже видели, «Русская Правда» знает две разновидности смердов: 1) смердов — свободных общинников и 2) смердов, попавших в феодального характера зависимость от землевладельцев (главным образом, князей, бояр, церкви). Дальнейшая судьба крестьянства во всех феодальных странах заключалась в том, что вторая категория разрастается за счет первой иногда до того, что поглощает ее целиком.

Мне кажется очень полезным собрать все сведения о смердах XII—XIII вв. в галицко-волынской летописи, источнике, несомненно пользовавшемся местной терминологией и имевшем в виду конкретные общественные отношения в Галицко Волынской земле в период, непосредственно следующий за временем последней редакции Русской Правды.

В битве при Ушице 1159 г. к Ивану Берладнику перебежало 300 смердов («а смерди скачут через заборола к Иванови, и перебеже их 300») [3]. Эти смерды, принудительно взятые

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1096, 1100, 1103, 1111, 1159, 1219, 1221, 1240, 1245 гг.

[2] Эта терминология попала не только в редакцию Вислицкого статута, предназначенного для Червоной Руси, но и в статут короля Владислава 1420—1423 гг. «О лаянии. Коли смерд шляхтича налает». АЗР, т. I, № 27, стр. 41. «Mordanicae-servitus» упоминается в Привилее 1455 г. (B a n d k j e. Jus Polonicum, str. 293).

[3] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 341.

в войско галицкого князя Ярослава, выразили, таким образом, свое сочувствие Ивану Берладнику. В Ярославово войско они могли попасть как мобилизованные сельские жители, независимо от того, были ли они в момент мобилизации свободными или знали над собой власть землевладельца.

Другое известие о смердах в том же источнике помещено под 1219 г.: «...и бысть радость велика, спас бог от иноплеменьник: вси бо уже и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии, бегающе по земле, истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них. Тако бо милость от бога Русской земле» [4]. Так галицкая летопись описывает избавление Галицкой земли от нашествия венгерских и польских феодалов. Встала против них вся земля: русскому войску помогал народ. После поражения венгров и поляков, нанесенного Мстиславом Мстиславичем Удалым, остатки разбежавшегося неприятеля истреблялись сельскими людьми — «смердами».

Стало быть, и в Галицкой Руси основная масса сельского населения в XIII в. известна под тем же самым именем, что и в других местах Киевского государства.

Смердами здесь называются сельские люди, по более поздней терминологии, крестьяне, независимо от их правового положения: и свободные, и зависимые. Описанные события происходили в городе Галиче и его окрестностях, где, несомненно, было много земель, давно уже освоенных галицким боярством, и можно думать, что в данном случае большая часть смердов, так энергично истреблявших врагов, сидела на боярских землях и находилась под властью крупных землевладельцев. Но тут летописец имел в виду не правовое состояние этой категории населения, а то, что это — масса сельского населения. Только так и можно понимать термин «смерды» в приведенном тексте. Так его понимает и С. М. Соловьев [5].

Под 1221 г. в той же летописи описан поход Романовичей, Даниила и Василька, против белзского князя Александра, вероломно напавшего на Романовичей, когда они были заняты отражением венгров и поляков, вторгнувшихся в Галицко-Волынскую землю. Военные действия развернулись около Белза и Червеня. Романовичи, Даниил и Василько, решили наказать своего родственника так, чтобы и другим неповадно было: «вся земля (Александра Белзского.— *Б. Г.*) поплънена бысть: боярин боярина пленивше, смерд смерда, град града якоже не остатися ни единой веси не пленене, еже притчею глаголють книги: не оставлешюся камень на камени».

---

[4] Там же, стр. 493.

[5] С. М. Соловьев переводит этот термин «сельские жители» (История России, кн. I, стб. 603).

Для белжан это была «зла нощь, сия бо нощь злу игру им сыгра: повоеваньи бо беаху преже света» [6]. Когда волынский летописец писал, что не осталось ни одного села не разоренного и не поплененного, то, конечно, ассоциировал это сообщение с вышеприведенными им же словами о пленении «всей земли», где одинаково досталось и боярам, и горожанам, и сельскому населению — «смердам», в каком бы юридическом положении они в селах ни жили.

Наконец, небезинтересные подробности сообщает та же летопись под 1245 г. Описывая борьбу Ростислава Черниговского, опиравшегося на венгерскую помощь и на галицких бояр, с Даниилом Романовичем из-за Галицкой Руси, она пишет: «Ростислав же умолив угор много (он был женат на дочери венгерского короля.— *Б. Г.*) просися у тестя, да выйдеть на Перемышль. Вшедшу ему собравше *смерды многы пешце* и собра я в Перемышль. Даниил же и Василько (брат Даниилов.— *Б. Г.*) слышавше, посла Льва (своего сына.— *Б. Г.*) млада суща... Бившимся им на реце Сечницы, одоле Ростислав, *многи бо име пешци*... Данилови же бывши вести, и поиде *собрав вои многи и пешци* прогна (Ростислава.— *Б. Г.*) из земли (Галицкой.— *Б. Г.*) [7].

Время было грозное: татары, овладев Русью, двигались дальше на Запад. Крестоносцы поддерживали татар. Папа благословлял немецкое оружие и указывал рыцарям путь на ту же Русь. Венгры и поляки спешили использовать удобный для себя момент. Муж исключительной военной доблести, политической проницательности и энергии, Даниил Романович напрягал все свои силы для спасения Галицкой земли. Идет жестокая и решительная борьба, исход которой в значительной степени решает галицкий народ. И Ростислав, и Даниил — оба прибегают к источнику своей силы, к массам сельского населения, к тем же смердам. Ростиславу в Перемышльской земле удалось (очевидно, принудительно) собрать много смердов, образовавших его пехоту. С помощью этих смердов он разбил малолетнего сына Даниилова Льва. Летописец не преминул напомнить, кто собственно виновник торжества Ростислава: это смерды-пешцы. На помощь сыну поспешил сам Даниил. Он действует так же: собирает «вои многи и пешци», т. е. тех же смердов, и прогоняет Ростислава. Смерды-пешци — очевидно большая сила. Это сельское население.

Итак, галицко-волынская летопись ни разу не меняет своего понимания термина «смерд», неуклонно подразумевая под ним сельское массовое население.

[6] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 494.

[7] Там же, стр. 529—530. (Курсив везде мой. — *Б. Г.*).

В то же время летопись дает понять, что это низший слой галицко-волынского общества. Вспомнив по ходу рассказа о двух «беззаконниках», автор той же галицко-волынской летописи спешит прибавить, что они «из племени смердья». Прозвища этих nouvaux riches — Ивор Молибожич, Лазарь Домажирич — выдают их происхождение от людей зависимых, от боярской челяди. Только Молибоговичи — галицкие бояре, к которым летописец относится с нескрываемым осуждением: дважды прибавляет он к этой фамилии термин «неверные»[8]. Ивор вышел, очевидно, из челяди этих «неверных»-Молибожичей и действовал заодно со своим патроном, в изображении летописи, несомненным предателем по отношению к Даниилу Романовичу Галицкому. Прозвище Домажирич, весьма вероятно, произошло от служебного положения Лазаря или его предков. Домажирич — это управляющий имением, дворецкий. Оба они (Ивор и Лазарь) выходцы из смердьей среды, попали в более высокое положение, несомненно, в результате каких-то выгодных предприятий, сильно разбогатели, и, очевидно, смогли заплатить за богатую солью Коломыю значительную сумму денег боярину Доброславу, когда он стоял на вершине власти и мог безнаказанно торговать государственным имуществом[9]. Перед нами два откупщика, использовавшие удобный момент.

Смердов мы встречаем и в Вислицком статуте (XIV в.) и в документах XV в. «Волостные люди,— пишет М. К. Любавский,— по старой памяти назывались иногда и *смердами*. В 1495 г. великий князь Александр, подтверждая пану Василью Хребтовичу именья Конюхи, Защитов и Белое Поле во Владимирском повете, писал: «Ино, коли он тое сельцо купил в земян (мелкий землевладелец.— *Б. Г.*) володимерских вечно, а не в смердов (несомненно, крестьяне.— *Б. Г.*), и мы призволяем ему тое сельцо Конюхи, а Защитов, а Белое Поле купити и подтверждаем то ему сим нашим листом». «...На Подляшье и Подолье, а изредка и на Волыни волостные люди (кроме слуг) назывались по-польски *хлопами* или *кметями*»[10]. В 1511 г. стояли на суде с одной стороны земяне Луцкого повета Зинько и Богдан Гапоновичи, а с другой — волынский земянин Юхно Зинькович. Первые доказывали, что они всегда были земянами, а не простыми тяглыми людьми, их противник настаивал,

---

[8] «... Неверным Молибоговидьчем», «... по неверных Молибоговичих». Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 508, 509. Видим также Молибоговичей в компании с «безбожным» Григорием Васильевичем (там же, стр. 515).

[9] Коломыйская соль всегда была государственной регалией («велиции князи держат сию Коломыю на роздавание оружником»).

[10] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 358. Автор ссылается на Литовск. Метр., кн. Запис. VI, л. 54.

что «иж они с предков своих простые люди *смерды*, а не земяне».

Перед нами приоткрывается темная завеса, вырисовывается положение смердов в далеком прошлом. Смерды — это сельская земледельческая масса, жившая общинным строем, первоначально свободная, но уже рано начавшая попадать в зависимость от феодалов; уже ко времени Киевского государства значительная часть смердов оказалась в феодальной зависимости. В ходе дальнейшей феодализации русского общества растет число зависимых смердов, усиливается степень феодальной эксплуатации. Сейчас их сильно придавило разросшееся и разбогатевшее могущественное боярство. В XIII в. мало осталось на Руси независимых смердов. А в Галицком королевстве, где тучную землю давно расхватало боярство, независимые смерды едва ли вообще могли уцелеть. Источники, по крайней мере, о них прямо уже ничего не говорят.

В нашем распоряжении имеются три галицко-волынские грамоты конца XIII в. (две духовные и одна уставная), которые отчасти показывают нам положение крестьянства Червоной Руси в это время.

В первой духовной волынский князь Владимир Василькович передает все свое княжество двоюродному брату Мстиславу.

Вторая духовная грамота дана на имя жены Владимира Васильковича.

Уставная грамота князя Мстислава Даниловича дана берестянам, правда, в обстановке несколько необычной [11].

Князь, стоя во главе всей своей земли, распоряжается ею свободно по своему усмотрению.

Владимир Василькович, князь волынский, имеет под своей рукой князей, своих родственников, которые сами говорят о том, что они «служат» ему, великому князю. Двоюродный брат Владимира Мстислав называет Владимира «господином» и, обращаясь к нему, как своему сюзерену, обнаруживает все знаки почтения и зависимости [12].

Последние месяцы жизни Владимира Васильковича так ярко описаны в Ипатьевской летописи, так много дают для понимания политического положения волынского князя и так хорошо выясняют обстановку составления интересующих меня в данный момент грамот, что я считаю полезным привести здесь хотя бы самые показательные моменты из этого замечательного как по форме, так и по содержанию повествования.

Владимир Василькович был тяжело и безнадежно болен

[11] Карта (см. стр. 270) поможет хотя бы приблизительно разобраться в этих интересных грамотах. Тут наглядно мы видим место действия, княгинин домен и пр.

[12] Ипатьевская летопись, стр. 593.

(рак нижней челюсти). Он знал, что дни его сочтены, и принимал меры к устроению своих земных дел. Своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу он велел сказать: «брате! видишь мою немощь, оже немогу, а ни у мене детий; а даю тобе, брату своему, *землю свою всю и городы* по своем животе; а се ти даю при царих и при их рядьцах» [13]. О своей воле кн. Владимир спешит сообщить и другому своему брату, Льву, и сыну Льва Юрию: «се вам поведаю: дал есмь брату своему Мстиславу *землю свою и городы*».

У Владимира были основания подозревать, что Лев с сыном имеют какие-то притязания на его наследство. Мстислав тоже уже от себя ссылается со Львом и предлагает ему высказаться откровенно: «се же, брате мой, Володимер дал ми *землю свою всю и городы*; а чего восхочешь искати по животе брата моего и своего? Осе же ти цареве, а се царь, а се аз. Молви со мною, што восхочешь?» Лев предпочел не отвечать ничего.

Больной Владимир еще имел силы поездить по своей земле. Побывал в городе Владимире, потом направился в Любомль «со княгиней и со слугами своими дворними», оттуда в Берестье, где пробыл два дня, и в Каменец. Здесь он слег.

Прибыли сюда его слуги и сообщили ему новости. Между прочим рассказали, что Мстислав, не успев вступить во владение, уже начал распоряжаться Владимирским княжеством: «дает город Всеволож бояром и *села раздавает*». Владимир рассердился: «мне еще живу сущу, а он раздавает городы мое и села моя». Велел сказать брату Мстиславу: «брате! ты мене ни на полону ял, ни копьем мя еси добыл, ни из городов моих выбил мя есь, ратью пришед на мя..., ты ми брать есь, а другий ми брат Лев, а сыновець (племянник.— *Б. Г.*) ми Юрьи. Яз же у вас трех избрал есмь тебе одиного и дал ти есмь *землю свою всю и городы* [14] по своем животе, а при моем ти животе не вступатися ни во что же. Се же есмь учинил за гордость брата своего и сыновца своего, дал есмь тобе землю свою». Мстислав ответил: «господине! ...земля божия и твоя и городи твои, а я над ними не волец, но яз есмь во твоей воли, а дай ми тя бог имети аки отца собе и служити тобе со всею правдой до моего живота...». Владимиру этот ответ понравился. Из Каменца он поехал в свое имение Рай [15]. Тут он имел с женой

[13] «Тогда бяхуть вси князи Русции в воли татарьской покорени» (Ипатьевская летопись, стр. 591).

[14] Курсив везде мой.— *Б. Г.*

[15] Не могу согласиться с составителем указателя к летописям, который помещает этот Рай около Белостока («ныне Райгород, мест. близ Белостока, на оз. Рай»), во-первых, потому что Белосток не входил в состав Волынского княжества, во-вторых, потому что больной Владимир едва ли смог совершить такие большие рейсы, как из Белостока в Любомль. Вернее, что этот Рай помещался где-нибудь между Каменцем и Любомлем.

своей такой разговор: «хочю послати по брата своего по Мстислава, а бых с ним ряд учинил о земле и о городы и о тобе, княгини моя милая Ольго, и о сем дитяти (приемная дочь.— *Б. Г.*)». Послал к Мстиславу сказать: «...приедь ко мне, хощю с тобою ряд учинити про все». Мстислав приехал «со своими бояры и со слугами». Владимир захотел оформить ряд письменным актом («хочю грамоты писати») и «повеле писцю своему Федорцю писать грамоты». В Рае и были составлены известные нам документы.

Мстислав счел необходимым после этого отправиться в стольный город Владимир, созвал в храме св. Богородицы бояр владимирских и местичей, русских и немцев; на этом собрании была прочтена грамота кн. Владимира «о даньи земли и всех городов и стольного города Володимера» князю Мстиславу. «И слышаше вси от мала и до велика». Епископ владимирский Евсигней благословил Мстислава крестом воздвизальным «на княжение Володимерское» (процедура утверждения на княжеском столе).

Больной Владимир из Рая направился в Любомль, где «и лежаше всю зиму в болести своей». Здесь он и умер.

Другой брат Владимира, Лев, с сыном своим Юрием не были довольны решением Владимира. Юрий Львович попробовал было выпросить у Владимира Берестье: «господине, стрыю (дядя.— *Б. Г.*) мой! Бог ведает и ты, како ти есмь служил со всею правдою своею, имел тя есмь аки отца собе, абы тобе сжалился моее службы... дай ми, господине, Берестий...» Владимир ответил отказом, не желая нарушать «ряд» с Мстиславом («дал есмь ему (Мстиславу.— *Б. Г.*) землю свою и городы и грамоты есмь пописал»), предупредил Мстислава о том, что он Юрию «не дал ни города ни села», и настаивал, чтобы и Мстислав ему тоже ничего не давал. Мстислав ответил Владимиру очень торжественно: «ты же ми брат, ты же ми отец мой, Данило король, оже мя еси приял под свои руце; а что ми велишь, а яз рад, господине, тебе слушаю». Второе посольство Юрия к Владимиру окончилось таким же результатом.

В каждом поступке Владимира, в каждом его слове, наконец, во всех словах обращавшихся к нему подручных князей видна сильная, властная рука. Владимир Василькович был «господином» в кругу княжеской фамилии. Он распоряжается всей государственной территорией. Никто не возражает против

Тем большее сомнение, по тем же основаниям, вызывает мнение С. М. Соловьева, который помещает Рай еще дальше, в Царстве Польском, недалеко от Августова, где действительно есть Райгород (С. М. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 892, прим. 2). «Раев», очевидно, было много. Князья часто называли этим именем свои любимые имения. Ср. Ипатьевская летопись, под 1113 г.

его права. Просьба об изменении его решений или самочинные действия недовольных лишь еще крепче подтверждают его неоспоримое княжеское право.

Преемник Владимира Мстислав ведет себя так же. Поклонившись гробу брата, Мстислав «нача розсылати засады (гарнизоны.— *Б. Г.*) по всим городом» и вдруг неожиданно для себя узнал, что в Берестье, Каменце и Бельске уже стоят гарнизоны Юрия Львовича, который, ничего не добившись у Владимира Васильковича просьбами, решил действовать после его смерти силой. Жители Берестья и его округи изменили Владимиру и Мстиславу. Еще Владимир дышал, а берестьяне уже сговорились с Юрием Львовичем: «како не достанет (не станет.— *Б. Г.*) стрыю твоего, ино мы твои и город твой, а ты наш князь». Услышав о смерти Владимира, Юрий въехал в Берестье «и нача княжити в нем по совету безумных своих бояр молодых и коромольников берестьян». Бояре Мстислава обратились к своему князю со следующей речью: «Господине! сыновець твои велику соромоту возложи на тя; тобе дал бог и брат твой и молитва деда твоего и отца твоего. Можем, господине, головы свои положити за тя и дети наши; пойди, первое займи город его Белз и Червень, но тоже пойдешь к Берестью». Мстислав отказался воевать удел Юрьев. (Белз и Червень) и потребовал от Юрия и его отца Льва ответа. Лев ответил, что сын занял Берестье без его ведома «своим молодым умом учинил», и что Лев уже послал приказание сыну своему покинуть Берестье, в противном случае обещал присоединить свое войско к войску Мстислава для изгнания сына из Берестья и пригрозил ему лишить его наследства: «по своем животе даю землю свою всю брату своему Мстиславу, а тобе не дам, оже мене не слушаешь, отца своего». Юрий вынужден был повиноваться, но, уходя из города, «пограбил *все домы стрыя своего* (курсив мой.— *Б. Г.*) и не остася камень на камени в Берестьи и в Каменци и в Бельски». С ним ушли и зачинщики крамолы берестейской.

Мстислав явился в Берестье. Его встретили «горожане со кресты от мала и до велика и прияша и с радостью великою, своего господина». Из Берестья поехал Мстислав в Каменец и Бельск. Отдав здесь необходимые распоряжения («утвердив людий»), посадив тут свои гарнизоны, Мстислав вернулся в Берестье и наказал берестьян за их измену: вписал их «коромолу» в летописец, т. е. увековечил их недостойное поведение в назидание потомкам, и наложил на них новую повинность, «извека» на них не лежавшую. Так появилась уставная грамота берестьянам. «Се аз князь Мьстислав, сын королев, внук Романов, уставляю ловчее на берестьаны и в веры за их коромолу: со ста по две лукне меду, а по две овци, а по пятинадесять десят-

ков льну, а по сту хлебов, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур. А по тольку от всякого ста. А на горожанах 4 гривны кун. А хто мое слово порушит, а станет со мною перед богом» [16].

Так как все три грамоты мне нужны только для того, чтобы в них, поскольку это вообще возможно, разглядеть положение сельского населения на Волыни, я позволяю себе пользоваться всеми тремя грамотами по совокупности.

Прежде всего бросается в глаза, что «берестьаны» — это и горожане и сельские жители, живущие в городе и на земле, административно связанной с городом. Горожане платят «ловчее» деньгами, сельчане натурой — медом, овцами, льном, хлебами, овсом, рожью и курами. Ясно также, что берестьяне-сельчане организованы в сотни. Все ли сельское население знает эти сотни или только пригородное,— это вопрос другой. Мы видим из обстоятельного повествования Ипатьевской летописи, которое я не скупясь использовал, что в городах были княжеские дома, перешедшие по завещанию от Владимира к Мстиславу и дочиста ограбленные Юрием Львовичем (в Берестье, Каменце и Бельске). Ни о каких барщинных работах на князя берестейская грамота не упоминает, конечно, потому, что она имеет перед собою более узкую цель лишь определить *новую* наложенную на берестьян повинность, падавшую, понятно, на тяглую часть населения. Грамота не изменяла всего строя Берестейской земли, ни городского, ни сельского. Старое, само собой разумеется, осталось в силе. Это старое мы отчасти узнаем из грамоты Владимира Васильковича своей жене, княгине Ольге Романовне. Передавая ей гор. Кобрынь, князь в грамоте пишет «с людьми и з данью»: «како при мне даяли, тако и по мне ать дають княгини моей». Конечно, и берестьяне и другие горожане и сельчане были обложены так же. Город от села значительно отличался, что видно на примерах Берестья или стольного города Владимира. Вполне вероятно, что «местичи» последнего, русские и немцы, уже имели свою особую организацию.

Относительно села Городел (Городло) завещатель выражается иначе, чем о городах. Если отбросить необязательное для каждого княжого села обстоятельство, наличия мыта (село Городел лежит на Зап. Буге, где был мост, либо паром, за пользование которыми взимался в пользу князя мыт), то останется условие, повидимому, общее для очень многих княжеских сел. Население Городла, по тексту Ипатьевского списка, на князя «страдало», по Хлебниковскому и Погодинскому — «тягло». Эти свои обязанности по отношению к князю-земле-

[16] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 613.

владельцу население должно было исполнять, согласно завещанию, и после смерти князя в пользу его жены. В Киевской описи 1470-х годов термин «тяглый» применяется для обозначения людей, обложенных подымной податью [17]. В описи барщины старого примитивного типа уже нет. Новая барщина только что начинает вводиться, причем всегда в таких случаях подчеркивается, что это «новина», и что того здесь «из старины не бывало».

М. С. Грушевский произвольно полагает, что в завещании Владимир Василькович там, где князь говорит о населении села Городел, имеет в виду не крестьянскую массу, а «закупов и челядь» [18]. М. С. Грушевский иначе рассуждать и не может, так как он заранее связал себя тем, что, отказавшись от прежнего своего мнения о двух состояниях смердов «Русской Правды» (свободное и зависимое), признал наличие только свободных смердов [19]. С ним (против Владимирского-Буданова) соглашается и И. А. Линниченко. Но если стать на другую и, как мне кажется, единственно правильную точку зрения, и признать в XI—XII вв. наличие двух категорий смердов, успевших попасть в феодальную зависимость и еще не успевших, если признать (что тоже неизбежно), что в конце XIII в. независимых смердов оставалось очень мало, а в Галицкой земле, где процесс феодализации шел особенно интенсивно, вероятнее всего их не осталось совсем,— то нам придется притти к другому заключению: село Городел было нормального типа большим селом, лежащим на торговой дороге, населенным обычным крестьянским населением, т. е. смердами. Поскольку село Городел, повидимому, принадлежало князю, было его домениальной собственностью, то и городельские смерды были зависимы от него. В то же время эти смерды не были свободны и от государственных повинностей. От некоторых государственных повинностей князь, однако, в своем завещании их освободил («аже будет князю город рубити, и ни к городу»), а остальное все оставил по-старому («а побором и татарщиною ко князю»). Подчеркиваю здесь словоупотребление: «князю город рубити», «ко князю» татарщина и побор, потому что население Городла хотя и передается княгине Ольге Романовне, но оно обязано не забывать, что над ним существует и государство, что это феодальная собственность.

В подтверждение своего мнения о социальном характере населения села Городел, как, впрочем, и других сел Галицко-Волынской земли, хочу сослаться на вышеприведенные факты

---

[17] Арх. ЮЗР, ч. 7, т. II, стр. 1. Киевская опись 1470-х годов.

[18] «Тут мабудь иде мова не про свобідне селянство, а про закупів і челядь» (М. Грушевський. Історія України-Руси, т. V, стр. 133, прим. 2, стр. 134, прим. 3).

[19] Там же, т. III, стр. 318.

XII и XIII вв. (битва при Ушице 1159 г., избиение смердами венгров и поляков в 1219 г., массовый набор смердов в войско в 1221 и 1245 гг. в землях Белзской и Перемышльской), где сельское население мыслится как смердья масса. Ясно, что Городел в этом отношении исключения не представляет.

Несостоятельность мнения М. С. Грушевского сказывается и в том противоречии, в какое он попадает. Он справедливо считает закупов людьми, ограниченными в своих гражданских правах. А между тем основное население села Городел обложено государственными повинностями, предполагающими их тяглоспособность и тем самым владение своим крестьянским земельным участком [20].

Далее следуют в числе предметов, пожалованных княгине: монастырь Апостолов и село монастырское Березовичи и другие два села — Садовое и Сомино.

Монастырь Апостолов, построенный на личные княжеские средства («своею силою»), находился около столичного города Владимира. Село Березовичи, купленное на личные средства того же князя, находится в 15 километрах от города Владимира. Село Садовое лежит на границе Владимирского и Луцкого уездов (по старому делению), а село Сомино — в 45 километрах от города Владимира. Следовательно, монастырь и три названные села расположены недалеко друг от друга на правой стороне Зап. Буга, а напротив, по левой стороне той же реки, лежит село Городел.

Княгиня Ольга Романовна получила в свое владение монастырь и несколько сел приблизительно в одном месте, что, конечно, представляло некоторые удобства для хозяйственного над ними наблюдения. Город Кобрин едва ли перешел полностью под власть княгини (хотя в грамоте и написано «с людьми и с данью»). Во всяком случае он должен был регулярно выплачивать княгине определенные суммы денег.

Не думаю, чтобы в селах Городел, Садовое, Сомино, Березовичи сидели исключительно владеющие своими тяглыми участками смерды. Допускаю, что среди населения этих сел были и закупы-рядовичи и даже холопы, хотя последних и не должно было быть много, поскольку эта категория зависимого населения к тому времени явно уменьшилась в числе.

Для меня наиболее убедительным доказательством преобладания здесь смердов служит признак отбывания городель-

---

[20] М. Грушевський. Історія України-Руси, т. V, стр. 107. Правда, в III томе, на стр. 320, М. С. Грушевский говорит, что «закуп жил либо во дворе своего господина, либо на своем собственном хозяйстве. Он мог получить для своего хозяйства землю от своего господина, мог иметь и свою собственную». Если закуп имел свою землю и мог на ней вести свое хозяйство, зачем же он шел в кабалу?

ским населением государственных повинностей и прежде всего «дани». Стало быть, это «данники».

А этот термин долго еще живет на Украине-Руси и в Белоруссии.

«Данниками» здесь называются в XV—XVI вв. те крестьяне, которые давали «дани грошовые, медовые, бобровые и куничные». Вообще же характер «дани», как правило, весьма разнообразен и стоит в зависимости от места и истории каждого земельного владения, в свое время то получавшего льготы, то облагавшегося дополнительными повинностями, государственными и частновладельческими. Явление очень хорошо известное по всей Русской земле и в Западной Европе.

В описи киевских государственных земель (около 1471 г.) «данников» много. Все они — владельцы своих земельных участков («земля данная»). С этих участков они платят «дани» и «полюдье», «подымщину», как платили и их далекие предки киевским князьям. «Полюдье» уже тогда успело превратиться в более или менее регулярную подать. Тут мы видим и хорошо знакомого нам тиуна, владеющего большим и, очевидно, лучшим участком и обложенного увеличенной данью. В селе Грежанах Житомирской земли из 7 данников 4 дают дани по 30 грошей, по ведру меда и по 2 куницы «полюдья», тиун давал «копу грошей» (60 грошей.— *Б. Г.*) и «полюдья» 2 куницы. Под Чудновом было несколько сел, которые платят не только подымщину, но обязаны и «город рубить» — то же, что и в селе Городел («князю город рубить»). В Полесье мы встречаем еще в начале XVI в. и «емца», и «писчее», и «побор», и «белку». «Побор» — опять тот самый, который упомянут и в селе Городел, состоит из белок и денег.

«Эта «белка» дышит глубоким архаизмом (она позволяет нам сблизить эту дань со старинной данью «по белей веверице от дыма»). А если бы читать этот замечательный текст так, как он написан в Ипатьевской летописи — «по беле и веверици... от дыма» [21], и если бы можно было допустить, что бела — это круглый белый арабский диргем, для чего у нас как будто имеется некоторое основание [22], то полесские «белки и гроши» начала XVI в. стали бы полной аналогией с теми белками и монетами, которые автор «Повести временных лет» отметил у себя под 859 г.

Едва ли можно сомневаться в том, что мы здесь имеем старую русскую традицию, что перед нами известные нам по «Русской Правде» смерды-данники, конечно, успевшие в тече-

---

[21] Ипатьевская летопись, стр. 11. См. Записки Наук. тов-ва ім. Шевченкі, т. XXVI, Реестр 1500 г.

[22] См. выше, стр. 27.

ние нескольких веков пережить немало перемен в своей судьбе. Но о переменах речь будет дальше.

Сейчас мне важно установить факт, что смерды ни в Галицкой, ни в Волынской земле к XIV—XV вв. не исчезли, что они продолжают жить в своих старых организациях (общинах, сотнях), что они попрежнему несут перед государством свои обязанности, хотя сами они успели попасть в зависимость от крупных землевладельцев, сумевших к этому времени освоить огромные земельные пространства и получить ряд привилегий.

Податные единицы на столь значительном пространстве не остались одинаковыми (едва ли они были и раньше одинаковыми). На Волыни и в Галичине податной единицей в XV в. стало «дворище», часто составлявшееся из нескольких дымов. Одни подати взымались с дворища, другие с дыма (в некоторых местах от сохи).

«...До и после присоединения к Польше Галицкой земли, — пишет Ф. И. Леонтович, — в актах последней долго упоминаются дымы то в значении самостоятельных поселков, то дворищных частей, как на Волыни и Полесье. В местных актах (со второй половины XIV века) дым — fumus и domus, curia, «alias dworzysko» — понятия, повидимому, вполне тождественные» [23].

О сотне, как одной из разновидностей крестьянской общинного типа организации, шла речь выше.

Все исследователи истории сельского населения Белоруссии и Украины-Руси отмечают очень большую экономическую и правовую пестроту этого населения. Иначе и быть не могло там, где землевладельцы рано стали по своему усмотрению организовывать свои вотчины, где рядом со старым русским правом стало появляться польское, валашское, немецкое, где шляхта отдельных частей государства вырывала для себя у королевской власти особые привилегии, часто отличные от тех, которые имели соседние землевладельцы.

Конечно, эта пестрота положений отдельных прослоек сельского населения чрезвычайно затрудняет исследователей, и часто работы их сводятся к перечню многочисленных категорий крестьянства и к описанию их экономических и правовых признаков. Но все же имеются и опыты некоторых обобщений. Так, на основании люстраций XV—XVI вв. Владимирский-Буданов относительно населения юго-западной части б. древнерусского государства делает следующее общее заключение: «Не говоря о мещанах, здесь различаются три рода классов: а) слуги, б) «люди», которых другое общее имя — тяглые;

---

[23] Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, стр. 8.

те и другие лица свободные (т. е., по терминологии Владимирского-Буданова, не рабы.— *Б. Г.*); наконец, в) челядь — несвободные. Большинство сельского населения составляют слуги. Это лица сельского состояния, получающие участки под условием военной службы и освобожденные от податных обязанностей» [24]. «Слуги XV в. заменяли собою последующую казачину... Некоторые из них временно давали подымщину. И остальное тяглое население стоит весьма близко к служилому. (Необходимо иметь в виду, что исторически на Украине-Руси и в Белоруссии пользуются термином «служба» в смысле servitium, т. е. крестьянских обязанностей.— *Б. Г.*). Оно состоит из людей свободных, занимающих большие участки... и владеющих ими на правах наследственного пользования за дань или за подымщину» [25].

Стало быть, по Владимирскому-Буданову, «люди», или иначе, «тяглое население» — это крестьяне, владельцы своих земельных участков и платящие обычные крестьянские подати и чинш.

М. К. Любавский, имея в виду тяглых людей XVI в., когда в их экономическом положении произошли значительные перемены, согласен с тем, что «тяглые люди или крестьяне разных наименований» составляли основную рабочую силу в господарских имениях.

Для XVI в., когда господствующей формой эксплуатации зависимых крестьян стала возрожденная барщина, характеристика тяглых людей, сделанная М. К. Любавским, не вызывает сомнений, но если мы уйдем в XIV или в XIII в., то в эту характеристику придется внести значительную поправку и согласиться с некоторыми наблюдениями Владимирского-Буданова. Тяглые люди будут основными плательщиками государственных податей и господской докапиталистической земельной ренты (если они находились под властью землевладельца) в форме ренты натурой или отчасти и денежной.

Следы этого старого положения сохранились частично и в XVI в. Тяглые крестьяне, кроме работ на господской пашне и на господском дворе, платят своим господам «дякло», т. е. натуральную или денежную ренту. Отсюда к термину тяглый прибавляется иногда «дякольный» [26]. М. К. Любавский приводит текст из грамоты Сигизмунда 1511 г., которой король жалует четырех крестьян пану Яну Немировичу: «то люди дякольные тяглые, а не данные» [27]. Но разница между тяглым дякольным и тяглым данным состоит только в предметном содержании их ренты: в другой грамоте Сигизмунда 1525 г., где

[24] Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 27.
[25] Там же, стр. 28.
[26] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 316—317 и др.
[27] Там же.

жалуется земля пану Лозке в Берестейском повете, есть разъяснение: «з даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и з дяклы оржаными и овсяными» [28]. Стало быть, дань и дякло — это разновидности ренты.

Возражая против утверждения, будто зависимое население крупных барских имений есть только потомки закупов и холопов, и настаивая на том, что зависимое от господ сельское население образовалось главным образом из недавно свободных, а затем попавших в зависимость различными путями смердов, я совершенно не собираюсь отрицать наличие в составе сельского зависимого от землевладельцев населения и старых закупов и рабов.

Несомненно в состав крестьянства XV—XVI вв. влилось много холопов. Уже в Пространной «Русской Правде», как мы видели, совершенно ясно обозначилась тенденция к ограничению рабства.

Едва ли можно сомневаться в том, что каждый, кому угрожало рабство, пользовался указанными законом средствами, чтобы не сделаться рабом. Договоры об условиях жизни и работы у господина были разнообразными («како ся будет рядил») но несомненно, что они вели к временной, может быть иногда к пожизненной, зависимости договаривающегося от своего хозяина. Но едва ли можно сомневаться, что условия подобных договоров исключали рабство.

Если судить по статье Карамзинского списка «Русской Правды» «о сиротьем вырядке», где говорится о жене и дочери умершего до истечения срока договора договорника-рядовича, обязанных выполнять его обязательства («страда»), отрабатывая «по гривне» в год, то мы можем притти к заключению, что договор заключался, если не всегда, то во всяком случае очень часто о срочной работе договаривающегося на господской земле. Если мы, наконец, сопоставим этого рядовича с закупом, на что у нас имеются все основания, то еще больше утвердимся в мысли, что перед нами категория людей зависимых, обязанных непосредственной работой в господском имении.

Нет никаких оснований думать, что эта категория людей с характерными для них барщинными обязательствами к XIV—XV вв. исчезла совсем, но у нас имеются данные, ясно говорящие о том, что центр внимания хозяев к этому времени перенесен был на крестьянина-оброчника.

Стоит развернуть любую новгородскую писцовую книгу XV в. или посмотреть в случайно дошедший до нас отрывок описи Киевщины, относимой Владимирским-Будановым к 1471 г.,

---

[28] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 137.

чтобы у нас в этом отношении не осталось ни малейших сомнений.

Относительно Новгородской земли этот факт слишком хорошо всем известен, чтобы приводить здесь какие-либо выдержки из писцовых книг. К тому же для данной темы новгородский материал и не будет звучать убедительно.

Опись Киевщины, находящейся в непосредственной близости к Галицко-Волынской земле, в данном случае, конечно, имеет для меня несравненно большее познавательное значение, хотя я не собираюсь забывать некоторой разницы в экономическом состоянии Киевской земли, возможно, в это время из-за татарской неволи несколько отставшей в своем развитии по сравнению с Галицкой.

Тут описано несколько городов (Житомир, Чуднов, Винница), 35 сел и селищ, несколько княжеских «дворов». Терминология для обозначения сельского населения очень разнообразна: слуги, куничники, коланные люди новые (новопорядные по московской терминологии), бортники, данники, тяглые голтяи (похожие на московских бобылей), поляники, ловцы, сочники, есачники, челядь. Всю эту разнообразную массу можно разбить на три группы: 1) слуги, 2) люди тяглые, 3) челядь. Между слугами и людьми тяглыми, как мы видели, разница лишь в том, что первые служат со своих земельных участков военную службу, в то же время занимаются сельским хозяйством и далеко не всегда свободны от чинша, вторые — не служат в войске, сидят на своих земельных участках и всегда платят чинш. «Село Сапогов, например, а в том селе 55 человека подымщину дают, а три слуги на войну ходят» [29]. «На Рси село Терпсеев, а в том селе с отамоном 5 слуг, а служба их только на войну ходить. А *подымъщину* — деи давали за великого князя Витовта на третий год. А коли на войну ходят, тогды *подымъщины* не дають» [30]. «Грежаный двор... а данников семь: тивун Ходыка землю держит Лазоревщину, а с тое земли дани дает копу грошей, а полюдья две куницы. Олисей держит землю Филиповщину, а с тое земли дани дает тридцать грошей, а ведро меду, а две куницы полюдья... Павел держит две земли данных, дает с тых земль копу грошей, а полюдного две ведре меду, чотыри куницы... Василь землю держит Супруновщину, а с тое земли хоживало 30 грошей, а ведро меду, полюдного две куницы, а ловчому 4 гроши, а бобровнику 5 грошей. А нынячи того не исполняет, занюж приголтяевел» [31] (обеднел, перестал быть тяглым.— *Б. Г.*).

Военная служба выделяла категорию «слуг» из массы

[29] Люстрация Киевской земли (Арх. ЮЗР, ч. 7, т. II, стр. 4).
[30] Там же, стр. 1.
[31] Там же, стр. 7.

крестьянства, ставила их в более привилегированное положение. Для выполнения военных обязанностей они могли требовать для себя и лучших материальных условий, а, как нам известно, действительно требовали и получали просимое. Слуги живут обычно на землях, прилегающих к замкам. Их много вокруг Перемышля, Львова и особенно пограничного Санока. Военный слуга освобождался от крестьянских повинностей только на время войны, в мирное время слуги платили чинш. О них специально речь идет ниже.

Масса сельского населения, независимо от ее происхождения, т. е. посаженные ли это на землю рабы или же поставленное в зависимость от господ крестьянство, в XV в. платит чинш-оброк. В Киевской люстрации 1471 г. уже попадаются случаи введения барщины, но такие попытки всегда оговариваются, что это новость. «Село Гуляльники, а в том селе 11 человека а отаман; а вси слуги, на войну хоживали, а иного ничого не знали, а подымщину на третий год даивали за великого князя Витовта. А князь Семен (Олелькович, киевский князь, ум. 1471 г.— *Б. Г.*) [32] увел был на них новину — сено косити, на толоку ходити, а став сыпати, а того дей им ис старины не бывало, то новина на них» [33].

Совершенно ясно, что в рассматриваемый нами период времени до введения этих «новин», о чем будет речь ниже, сельское зависимое население в Киевщине, так же как и в Новгороде и в других местах Руси (как и во всех странах на восток от Лабы), сидело, в основном, на оброке.

В Польше и в Галицкой земле в XIV в. тоже господствует система оброчная — чиншевая. Это ясно видно из ст. 137 Вислицкого статута. Крестьянин, желающий уйти от своего господина, должен заплатить «вину 3 гривны» и «плат рочный... как и дотоль ему платил» [34]. «Плат рочный» — это и есть чинш-оброк, который смерд-кмет выплачивал систематически своему землевладельцу. Таким образом, середина XIV в. характеризуется господством оброчной системы эксплуатации, переход к которой намечается еще в XII в. Этот процесс перехода на продуктовую и денежную ренту является определяющим для развития аграрных отношений в Польше и Галицкой Руси в рассматриваемый период. Без учета этого процесса нельзя объяснить ряд своеобразных явлений в общественной жизни на интересующей нас территории. В частности, нельзя понять

---

[32] Последний киевский князь; после его смерти Киевское княжество было превращено в воеводство.

[33] Люстрация Киевской земли (Арх. ЮЗР, ч. 7, т. II, стр. 1). В таком же положении села Водомыки, Скочищев, Соколчо, Головчин, Ходорково, Почуйково.

[34] АЗР, т. I, стр. 19.

такие явления, как начавшуюся в XII в. внутреннюю колонизацию — освоение новых земель за счет местного крестьянства, позднейшую колонизацию польских земель пришлыми элементами, появление здесь так называемого немецкого права. Специально они будут рассмотрены ниже; здесь лишь следует подчеркнуть, что причину относительно широкого распространения в Польше и Галицкой Руси «немецкого права» надо искать не в мнимой многочисленности немецких колонистов, а в том, что это право оказалось исторически обусловленной формой перехода на оброчную систему эксплуатации. К середине XV в. едва ли не половина всех поселений Галицкой Руси находилась «уже на немецком праве» [35], т. е. с точки зрения их повинностей — на оброке.

Для раскрытия аграрных отношений в рассматриваемый период особый интерес представляет Вислицкий статут 1347 г. и его приспособленная для Галицкой земли редакция.

В нашей науке уже обращалось внимание на Вислицкий статут, как источник, не безразличный для решения темных и спорных вопросов в истории великорусского и украинско-русского крестьянства.

В 1859 г. В. Никольский в своей книге «О началах наследования в древнейшем русском праве» делал попытку сопоставить смерда «Русской Правды» с кметом Вислицкого статута. Его заключение сводится к следующему: 1) Кметы «находились почти в таком же отношении к своим панам, как и наши смерды к князьям, даже по вопросу наследования»; 2) вся разница между кметами и смердами состояла в том, что первые были нечто вроде *оброчных*, тогда как наши смерды состояли на барщине у князя» (курсив Никольского) [36].

Тут, несомненно, допущено серьезное недоразумение. Пункт первый в выводах В. Никольского об отношении «Русской Правды» к Вислицкому статуту неверен. Дело в том, что подчеркиваемое автором тождество действительно имеется, но не между Вислицким статутом и «Русской Правдой», а между Польской и Русской «Правдами». Вислицкий статут отменяет одну из норм «Польской Правды», имеющую полную аналогию с «Русской Правдой» в вопросе о праве наследования смердов-кметей. Вислицкий статут стоит совсем на другой точке зрения, противоположной Польской и Русской «Правдам». В пункт первый выводов В. Никольского надо внести несколько поправок: 1) польские кметы и русские смерды находятся в одинаковом положении в отношении прав наследования по Русской

---

[35] И. А. Линниченко. Черты, стр. 122.

[36] В. Никольский. О началах наследования в древнейшем русском праве, стр. 360.

и Польской «Правдам»; 2) польские кметы и русские смерды, по Вислицкому статуту, тоже находятся в одинаковом положении, но в совершенно ином, чем раньше: Статут вносит в право наследования как польских, так и галицко-русских крестьян существенные изменения; 3) «Русская Правда», как это видно и из сопоставления ее с Польской, касается не только княжеских доменциальных смердов, но и владельческих вообще.

Во второй тезис Никольского тоже необходимо внести некоторое уточнение. Кметы-смерды, по Вислицкому статуту, не «нечто вроде оброчных», а на самом деле оброчные. При сравнении с «Русской Правдой» нельзя забывать хронологию: в «Русской Правде» отражены общественные отношения VIII—XI вв. и лишь начала XII в.; Вислицкий статут составлен в XIV в. На хронологическом пути от «Русской Правды» к Вислицкому статуту стоит «Польская Правда», записанная немцами, хозяйничавшими уже тогда в части Польской земли.

Конечно, разница в организации сельского хозяйства и в положении крестьянина XI в. и XIV в. должна была быть, и она, конечно, была. Выросло привилегированное землевладение. Вотчина превратилась в сеньерию. Собственное барское хозяйство оставалось небольшим островком среди большого количества сел и деревень, подчиненных сеньеру и платящих ему чинш. Старая примитивная барщинная система сменилась оброчной.

Заслуга В. Никольского состоит в том, что он хотя и не точно объяснял, но и не прошел мимо чрезвычайно важного в истории сельского хозяйства явления. Само собой разумеется, что Вислицкий статут привлекался к изучению истории польских крестьян гораздо чаще и рассматривался с разных точек зрения.

Вислицкий статут, несомненно, способен помочь разобраться в истории галицкого крестьянства.

Вислицкий статут переведен на язык Галицкой Руси не случайно:

1. Для Польши никакого перевода не требовалось. Если бы он был необходим, то перевод сделан был бы на язык польский.

2. Никакой другой территории с украинско-русским населением, для которого требовался бы перевод именно на русско-украинский язык, кроме Галицкой Руси, в Польше тогда не было.

3. Перевод сделан на язык, на каком говорили и писали тогда в Галицкой Руси.

4. Это не просто перевод, а некоторого рода приспособление текста к условиям, не совсем похожим на польские.

5. Перевод сделан тогда, когда в Галицкой Руси еще были живы термины «Русской Правды», т. е. не позднее начала XV в.; по определению А. Ветулани и С. Романа — между

1423 и 1433 гг. [37], когда в Галицкой Руси вводятся польские учреждения.

6. В самом тексте есть косвенные указания на то, что текст Статута в данной редакции имел в виду галицкое православное население: термин ecclesia parochialis переводится: «*церковь* (курсив мой.— *Б. Г.*), к которой прибегал», т. е. приходская церковь. Поляки строго различали костел и церковь.

Поэтому в Вислицком статуте и именно в варианте, приспособленном для Галицкой Руси, мы можем видеть одно из важных звеньев в истории русско-украинского крестьянства. Он, несомненно, имел в виду не только польских крестьян, но и галицких.

Вислицкий статут важен для меня еще и потому, что, внося в жизнь много нового, ломая часто старину, он эту старину отождествлял с нормами как Польской, так и Русской «Правд».

Меня в данном случае интересуют не все нормы обеих «Правд» и Статута, а лишь те, которые относятся к положению крестьян. Выше я уже рассмотрел вопрос об отражении крестьянской общины в двух «Правдах» и имел основание притти к заключению, что никакой принципиальной разницы между польской и русской сельскими общинами ни в их структуре, ни в их функциях нет.

Там же я старался показать, что и в Вислицком статуте мы имеем совершенно ту же крестьянскую общину. Положение зависимого крестьянина по Русской и Польской «Правдам» тоже, по крайней мере в основном, одинаково. В этом убедиться совсем нетрудно. Стоит только сопоставить тексты двух «Правд», трактующие о праве наследования после умерших бездетно смердов-кметов.

«Польская Правда»	«Русская Правда» (Пространная)
Если умрет крестьянин (Gebuer), не имея сына, *его господин* (Herr) берет его имущество (Gut). Однако он должен выдать его жене ее подушки и покрывала на скамью и то, что называется denicze, на которой она спит. Также надлежит оказать ей милость (eczliche Gnade) и дать ей из имения (Gute) корову или трое свиней или больше и что-либо из иного скота для ее содержания.	Аже смерд умреть (без детий), то задницю князю.
. . . . .	

[37] А. Ветулани и С. Роман. О времени изготовления перевода статута Казимира Великого и Владислава Ягелло на украинско-русский язык. Ученые зап. Института славяноведения АН СССР, т. IV, стр. 347—356.

Если умирающий оставит дочку, то обязан дать ей приданое, кто получает наследство, сын или господин (Herr) (ст. XXII).

Аже будеть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть замужем, то не даяти части им (ст. 90).

Вислицкий статут — Галицкий его вариант

(приводит старый закон Польской «Правды»)

...Cum aliqui kmetones de hac vita absque prole decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia nomine Puścizna domini [38] eorundem consveverint occupapari.

Коли же некоторый люд, а либо кметь (смерд) умрет без детей, тогды *пан его* увязуется в пустовщину.

Новый закон

Вислицкий статут — Галицкий вариант

«Unde nos eandem abusivam consvetudinem reprobantes, statuimus: quod de bonis eorundem decedentium, si tantum reperiatur in ejisdem (bonis) [39] calix pro marca cum dimidia dandus ecclesiae parochiali comparetur reliqua vero bona ad proximiores consanguineos vel affines, cessante quolibet impedimento, devolvantur» (H e l c e l. Starodawne prawa polskiego pomniki, § 20).

«О пустовщине сельской, а либо местьской. Коли ж некоторый люд, а либо кметь умрет без детей, тогды *пан его* увязуется в пустовщину. Про то мы ныне укладаем тот обычай: с того имения, будет ли, абы келих учипен был за 1 $^1/_2$ гривны к церкви [40], где прибегал, а остаток, и то ближним и приятелем штобы дано».

Совершенно очевидно, что Вислицкий статут называет вредным обыкновением (abusiva consvetudo) закон обеих «Правд» (Русской и Польской) о мертвой руке, потому что он одинаков в этих двух «Правдах».

---

[38] В большинстве вариантов стоит здесь domini. Существование этого обычая подтверждается многими фактами. Конрад, князь мазовецкий, в 1232 г. в жалованной грамоте костелу плоцкому пишет, чтобы после смерти человека, стоящего под юрисдикцией костела, выдавались вдове, если не было сыновей, вещи, входившие в ее приданое. Остальное все считалось puścine (Conradus constituit ut vidue non habenti filium ex viro defuncto de bonis viri prius exsolvatur extimacio tocius supellectibus... et tunc demum reliquum reputetur puscina). R. H u b e. Pravo Polskie w wieku tvzynastym. Pisma Romualda Hubiego, t. II, 1950, стр. 394.

[39] В большинстве вариантов здесь стоит «bonis».

[40] «К церкви» указывает на то, что в данном месте этот вариант Статута имеет в виду православных людей, а не католиков, у которых не церковь, а костел. Пожегщик, ищущий спасенья от кары, прячется в «костеле» (Висл. стат., АЗР, т. I, стр. 11). «Чотыри (бортника.—*Б. Г.*) на церкви дань дают» (Люстрация Киевской земли 1471 г.). «При стене церковь русская св. Михайла». «В том Кокореве церковь св. Николы с попом» (Люстрация Кременецкого замка 1552 г.): «na kościoł polski», «zaścianek ziemi cerkiewnej» (Люстрация Кременца 1563 г.). (Арх. ЮЗР, ч. 7, т. II, стр. 5, 27, 32, 65 и др.).

Почему право мертвой руки, существовавшее во всей Европе в течение нескольких веков, в Польше в XIV в. стало казаться вредным и, как выражаются некоторые варианты Статута, нелепым и противоречащим справедливости, мы можем узнать из объяснения архиепископа безансонского, более раннего единомышленника польского короля Казимира, отменившего это право.

В вольной грамоте крепостным этого архиепископа говорится: «поместье (точнее было бы сказать «вотчина») будет быстро заселяться, как только все узнают об уничтожении мертвой руки: main-mortables ленивы в работе, так как исполняют ее для других; они истощают почву и не заботятся о том, что будет после их смерти; совершенно иначе они будут поступать, когда узнают, что их имущество передается ближайшим их родственникам» [41].

Во Франции в XII в. стали отменять право мертвой руки для того, чтобы создать стимул для увеличения количества и поднятия качества крестьянского труда.

Нельзя при этом забывать, что тут имелась уже в виду не старая барщинная, а оброчная форма эксплуатации зависимого крестьянина.

Казимир Великий, «король хлопов», отменяет это устаревшее право и постановляет, что из имущества (умирающих) должна быть приобретена чаша за $1^1/_2$ марки (если в имуществе окажется столько) для дара приходской церкви, а остальное имущество пусть без всяких препятствий перейдет к ближайшим родственникам или свойственникам.

«Король хлопов» действительно отменил старые нормы, но так, как это было в данное время необходимо самим землевладельцам. Польский профессор А. Свентоховский, писавший в 1925 г. по этому поводу, остроумно замечает: «Если правда то, в чем якобы уверяет рукопись, которую видел Чацкий в собрании Нарушевича, будто «хлопы ходили ко гробу Казимира В. и, слезами обливая холодный камень, вызывали тень защитника угнетенных масс», то в их скорби, быть может, было больше недоброго предчувствия будущего, чем печали по добром короле, потому что бóльшим было несчастье, их ожидающее, чем утраченное счастье» [42].

Объективность требует признать, что на взгляд современников условия жизни крестьянства, зафиксированные законом Казимира Великого, были несравненно легче, чем те, которые король отменил.

---

[41] И. Лучицкий. Крестьяне. Энц. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVI, стр. 674.

[42] Al. Świętochowski. Historja chłopów polskich w zarysie, str. 138.

Ведь отменялись старые нормы, созданные во время господства первичной барщины, первоначальной отработочной ренты, сейчас уже совершенно устаревшие, поскольку изменилась форма эксплуатации главной массы зависимого крестьянства, поскольку господствующей формой стала рента продуктами и отчасти даже деньгами.

Оброчный крестьянин был самостоятельным хозяином с собственной инициативой, подчинялся хозяину в силу закона, а не через физическое воздействие, имел возможность накоплять. Это, по выражению Ленина, первое расширение самостоятельности зависимых крестьян [43]. Вислицкий статут не мог не считаться с этой переменой в организации сельского хозяйства как польского, так и галицкого, вызванной ходом общественной и политической жизни. Нормы и Русской и Польской «Правд», волею исторических судеб встретившихся в Галицкой земле, отжили свое время. Появились новые.

Новый закон был очень популярен. Переписчики и комментаторы на разные лады старались показать его превосходство над старым. Вышеприведенный текст ст. 54 Вислицкого статута, наиболее простой и ясный, лишенный всяких эмоциональных добавлений, повидимому, стоит наиболее близко к протографу [44]. Этот текст помещен у Helcel'я. Текст из Volumina legum имеет несколько вставок, иногда совсем не нужных, иногда продиктованных желанием подчеркнуть высокие побуждения законодателя.

«Unde nos eandem consvetudinem, *ut vero contrariam et absurdam*, reputantes, statuimus... cessanto quolibet impedimento devolvantur, *prout aequitas et justitia svadent*». Курсивом набранные слова — это несомненная вставка комментатора-переписчика, продиктованная желанием показать, что старый закон противоречил чувству и разуму и стал абсурдом, тогда как новый удовлетворяет якобы требованиям равенства и справедливости.

А между тем нормы и Русской и Польской «Правд» имеют многовековую жизнь, а стало быть, в свое время не считались нелепыми и не возмущали совести законодателя. Длительная их служба говорит о том, что они долго были нужны тем, кто мог проявлять свою волю при составлении законов. Пространная «Русская Правда», как и «Польская Правда», были отзвуком текущей жизни своего времени. Данной нормой они фиксировали положение, которое пришлось отменить в связи с тем, что землевладение привилегированных классов росло, в число

---

[43] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

[44] К сожалению, полностью предварительная работа над текстами Вислицкого статута еще не проделана.

зависимого от них сельского населения включались новые весьма значительные кадры, которые землевладельцы могли использовать уже не в старых формах примитивной отработочной ренты, а только в новой, натуральной.

Войты и солтысы селений на немецком праве, равно как и польские и галицкие землевладельцы, так или иначе стали на этот путь, но так как он был в данной обстановке целесообразным, то он скоро стал господствующим.

Однако можно предполагать что там, где повинности населения носили характер личной службы, как, например, в королевских замковых селах, заселенных королевскими слугами, старое правило не сразу утратило свое значение.

В Львовской земле в королевских подзамковых селах Солонка и Журавка эта старина была отменена значительно позднее. Мы имеем привилей короля Иоанна Альберта от 10 февраля 1501 г., говорящий об этом очень определенно: «Ioannes Albertus... significamus... quod capitanei nostri Leopolienses consueverunt derelicta post mortem cuiusque in villis praefatis (Solonka et Zurawka.— *Б. Г.*) pro se et suo usu recipere in praeiudicium consanguineorum et propinquorum taliter decedentis, volentesque eam consuetudinem abolere, decernimus praesentibus literis nostris, quod deinceps eiusmodi derelicta post mortem alicuius consanguinei et propinqui tollere et recipere debent absque omni impedimento capitaneorum nostrorum Leopoliensium pro tempore existentium, ad quod se dicti capitanei nostri intromittere non debent perpetuis temporibus» [45].

Не повсеместное соблюдение Вислицкого статута не должно нас смущать. Такова особенность польского государственного строя. В то самое время, когда издавался закон для вышеназванных львовских сел (Солонка и Журавка), в других королевских селах королевские слуги имели полное право передавать свое имущество по завещанию и женщинам. «Vlodek de Dobra omnia bona sua hereditaria resignavit post mortem suam filie sue Uliana» [46]. Земельные участки и продаются свободно [47]. Очевидно, изъятия из закона по тем или иным мотивам

[45] Acta gr., IX, № 141.

[46] Acta gr., XVI, № 58.

[47] 1469 г., 10 марта. «Nobil. Tanka actor de Byaloboky et heres de Dobra habet terminum cum nobili Vaszyl herede de Dobra fratre suo Dobre habet terminum cum nobili Vaszyl herebde de Dobra fratre suo nadvorny prox. feria tercia post Conductum Pasche pro triginta marc. minus una patrimonii et matrimonii, que sibi vendidit Vaszyl». Acta. gr. XVI, № 613.

1469 г. 19 марта. «Nobil. Rutheni heredes de Dobra Mass. Ivan faber cum Mal filio, Siemon Bryz, Jakow Damko; Danilo Michikitha (sic), Machalo Wassilovicz, Siemion Zinowicz, Andrey Kyelb, Hricz Klisschovicz, Simon Graczko,Ivan Thilovicz, Hricz Chodorow vendiderunt totam suam partem hereditatis et dominii in eadem villa Dobra, que spectat eis in tercia

допускались. Во всяком случае смерд, поставленный в новые условия в экономическом отношении, оказался в значительно лучших условиях, если даже правовое его положение не изменилось: он оставался зависимым от своего хозяина, обязанным платить ему оброк, находиться в сфере его юрисдикции.

Вопрос о праве крестьян на так называемый «выход» рассматривается ниже в особой главе с учетом особенностей польского, русского и немецкого права.

Сейчас мы можем только высказать предположение, что зависимый господский смерд «Русской Правды», стоящий на одной доске с холопом, подлежащим праву мертвой руки, едва ли мог иметь это право. Но такое предположение не решает всего вопроса, так как мы очень хорошо знаем, как отличались прослойки зависимого сельского населения между собой своими правами. Никакой единой нормы здесь не было и, пожалуй, быть не могло.

Народная сельская масса Польши и Галицкой Руси переживала сложное и чреватое последствиями для себя время: одни, рожденные крепостными отцами, сидели крепко в суровом режиме на своих местах и у своих господ, другие, только что очутившиеся под их властью, могли оказаться в более льготных условиях; в одной и той же крестьянской семье отец мог быть связан обязательствами, которые не касались ни его сына, ни тем более других более отдаленных родственников, живущих с ним в одном хозяйстве.

Была неодинаковой и экономическая устойчивость смердов-кметей. А если мы примем во внимание неизбежное вмешательство в крестьянскую жизнь государства и в то же время владельца земли, на которой сидел и которую обрабатывал крестьянин, то нам станет понятна причина разнообразия в положении крестьянской массы.

Вот, например, уже знакомый нам великокняжеский двор Грежаный Житомирского повета. К нему тянет село: в нем «людей» 5, 2 голтяя (безземельные люди; о них так и сказано «што земли не держат») и 7 «данников», т. е. полноценных тяглецов. Они тут и перечислены: тивун Ходыка, Олисей, Игнат, Павел, Малафей, Левон и Гринь. Есть тут еще один бывший недавний «данник» Василь, но он обеднел и перестал исполнять свои обязанности, «приголтяевел».

---

parte eiusdem ville Dobra mfo. Nicolao Pyeniazek de Witowicze... pro sexaginda marcis... Presentibus dominis terrigenis» (там же, № 614). 1478 г. «Labor. Stany, Chodor, Tharaszy recognowerunt, quia Pyech, Andrey, Nyesch germani fratres emerunt aream aput predictos in villa Dobra sitam inter Brycz et Pop pro tribus marc... Presentibus testibus nobili Nicolao de Proszyek Radvan, famoso Nicolao Tyvon labor. Vlodek, Macz, Syemyon» (там же, № 1335).

Тиун Ходыка и Павел самые состоятельные люди, они платят и дань большую: тиун дает дани 60 грошей и 2 куницы полюдья, Павел «держит две земли данных» и дает дани 60 грошей и полюдного 2 ведра меду и 4 куницы. Остальные победнее этих двух. Левон и Гринь получили запустевшие земли и платят только $^1/_3$ обычно идущей с этих участков дани.

Очевидно, и их хозяин, великий князь, и они сами живут надеждами на лучшее будущее. А Василь, как мы уже видели, совсем прожился, и ему, очевидно, придется покинуть свой участок. Одна из земель Трибесовщина, которую держал Малафей, скоро перешла в другие руки: в описи 1545 г. она обозначена как выслуженное земянином Андреем Презовским имение, позднее числится не за ним самим, а за его сыном Богданом. Стало быть, между 1471 и 1545 гг., за 74 года, тут сменилось по крайней мере три владельца: Малафей, Андрей Презовский и Богдан Андреевич Презовский, причем земля не запустела, а процвела. То же произошло и с другими «землями» (разработанными участками).

Перед нами другое великокняжеское село, тянувшее к городу Житомиру, Ловков. В нем в 1471 г. было 10 данников, «не данных людей, что пашут 18 человек», они подымщину дают, тут же 3 человека, «што подымщины не дают», 5 ловцов, «што в ловы ходят, тые подымщины не дают». В 1545 г. село уже не великокняжеское. Великий князь пожаловал его Гневашу Вороничу, который, как значится в люстрации 1545 г., «выслужил (его.— *Б. Г.*) на короли Александре», т. е. между 1501 и 1505 годами.

В Житомирском повете в селе Котельня все «новые люди», т. е., по московской терминологии, новопорядчики. Их 24 человека. О них в описи 1471 г. сказано: «иные люди высидели, а иные не высидели, а которые волю высидели, тые подымщину дают, с топором и с косою ходят» [48].

Одним словом, жизнь не стоит на месте. Тут все движется, кому неся разорение, кому обогащение, меньшинству открывая дорогу в шляхту, большинству готовя крепостную неволю.

По необходимости мне пришлось обращаться к 70-м годам XV в., иногда забегать даже в первую половину XVI в. По необходимости пришлось брать факты из жизни не только Галицкой, но и Киевской земли. Прекрасно понимаю опасность такого метода. Но за неимением иных я приводил факты, касающиеся хотя и другой территории, но все же очень близкой к Галицко-Волынскому краю, а забегая в первую половину XVI в., я имел в виду, что первая половина XVI в. по сравнению с концом XV в. еще не успела внести в экономическое

[48] Арх. ЮЗР, ч 7, т. II, стр. 7, 5, 6 и Предисловие, стр. 24.

положение смердов-кметей чего-нибудь существенно нового. Наконец, я брал эти примеры не для решения вопроса в целом, а лишь для доказательства пестроты прослоек сельского тяглого населения, его неустойчивости и изменчивости, что характерно не только для Галицкой земли.

Выводы:

1. Источники по истории Галицкой Руси XIII — XV вв. дают возможность изучить эволюцию общественных отношений и, в частности, положения крестьян, начиная от времен «Русской Правды» и до объявления русских законодательных памятников XV в.

2. В Галицкой Руси мы видим смердов-крестьян в качестве основной массы сельского населения.

3. Первоначально в Галицкой Руси правовое положение крестьянина определялось общерусским обычным правом и постановлениями «Русской Правды».

4. Польская и Русская «Правды» трактуют крестьянина в основных чертах одинаково.

5. Уже в XII—XIII вв. наблюдается переход к новым формам присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. В XIV—XV вв. натуральная и отчасти денежная рента являются господствующими формами эксплуатации зависимого крестьянства.

6. В тесной связи с этим процессом стоит ряд явлений в общественной жизни Польши и Галицко-Волынской земли, в частности начавшееся еще в XII в. освоение новых земель, вызванное стремлением землевладельцев увеличить свои доходы путем поднятия нови, для чего привлекались «колонисты» как из среды польского и русского населения, так и пришельцев-немцев.

7. Важной вехой в процессе утверждения новых форм феодальной эксплуатации явился Вислицкий Статут, который вносит в правовое и экономическое положение как польского, так и галицко-русского зависимого крестьянина некоторое облегчение тем, что, отменяя право мертвой руки, оформляет оброчную систему и приспособляет к ней положение зависимых крестьян.

8. С конца XV в. как новость вводится барщина, сначала сравнительно легкая.

9. Для Польши и Галицкой Руси, вошедшей в состав Польского государства, весьма характерна необычайная пестрота правового положения крестьянина, частью унаследованная от прошлого, частью расширенная многочисленными шляхетскими привилегиями, неодинаковыми по своему содержанию в различных частях государства.

Внедрение немецких колонистов и распространение так называемого немецкого права в Польшу и Галицкую Русь — факт, слишком заметный в истории Польши и Руси. До сих пор

в польской, русской и украинской науке идет спор о его роли в жизни Руси и Польши. Без учета этого явления не может быть понята общественная жизнь ни Польши, ни Руси, ни Литвы.

5. РАЗНОГЛАСИЯ В ОЦЕНКЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПОЛЬШИ

О значении немецкой колонизации и немецкого права[1] высказано немало различных мнений, причем часто совершенно противоположных. Такое состояние историографии вопроса не случайно: вопрос этот весьма сложен и противоречив. При рассмотрении его нельзя забывать, что, хотя немецкая колонизация и немецкое право — явления взаимно связанные, однако далеко не тождественные.

В исторической литературе по этому вопросу долгое время господствовали взгляды, навеянные националистической немецкой историографией. Немецкие реакционные историки, немало потрудившиеся над тем, чтобы оправдать открытую немецкую агрессию в славянские страны, пытались представить и скрытую форму агрессии — немецкую колонизацию как огромное благо для Польши. С этой целью такие историки, как Тшоппе, Штенцель, Репелль, Майтцен, Шульте, Кетшке и особенно фашиствующие историки типа К. Люкка[2], явно преувеличивая размеры немецкой колонизации, превозносили ее роль в экономическом развитии Польши. Немецкое право рассматривалось ими как особый общественный порядок, явившийся якобы благотворным и определяющим фактором во всех важнейших переменах социально-экономического развития средневековой Польши. Одновременно превозносилась явно ошибочная и недальновидная внешняя политика таких польских королей, как Владислав Локеток и Казимир Великий, не только широко открывших доступ в Польшу немецким колонистам, но и отдавших немцам ряд территорий, в частности Силезию.

Этих взглядов придерживались и представители польской

---

[1] Термином «немецкое право» (jus theutonicum), употребляющимся в источниках и литературе, я пользуюсь условно, понимая под ним определенные отношения между крестьянами и землевладельцами, установленные в интересах землевладельцев, независимо от их национальности.

[2] G. Tzschoppe und G. Stenzel. Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonistenrechte in Schlesien und Oberlausitz, Hamburg, 1832; R. Röppel. Über der Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten Polnischen Reiches, Breslau, 1857; A. Meitzen. Urkunden schlesischer Dörfer, Breslau, 1863; Schulte. Die Anfänge der deutschen Kolonisation in Schlesien, 1898; R. Kätschke. Deutsche Wirtschaftsgeschichte bis zum 17 Jahrhundert, 1921; K. Lück. Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens, 1934.

буржуазной историографии. Так, например, Ф. Пекосинский приписывает почти все прогрессивные сдвиги в социально-экономическом развитии Польши влиянию немецкой колонизации и немецкого права. Он не находит достаточно ярких слов, чтобы показать положительные для Польши стороны немецкого права: оно-де было полезно и шляхте, и государству, и крестьянству. Шляхта и государство увеличивали благодаря ему свои доходы, крестьянин более точно знал размеры своих повинностей, был доволен, что его судит землевладелец, а не королевский чиновник, и получал большие возможности для умственного своего развития [3].

Очень ярко и сочувственно о роли немецкой колонизации в Польше отзывается Потканский: «Немецкую колонизацию мы должны признать чрезвычайно счастливым и для экономического развития (Польши.— *Б. Г.*) выгодным моментом. Живое чувство права и хозяйственная способность колонистов вызвали везде рост богатства и не менее укрепили класс крестьян. Немецкая колонизация действовала возрождающе, и ей надо приписать то, что в течение 100 лет свобода крестьян распространяется в стране, а в течение следующего столетия и до половины XV в. держится с небольшими ограничениями в то время, как в современной Западной Европе положение земледельцев было несомненно хуже» [4].

Красинского роль немецкой колонизации вдохновляет до того, что он свои мысли и чувства начинает облекать в поэтическую форму: «Редеют извечные пущи и темные боры, уходит мрак, свет пробивается через лесные чащи. Видны везде свежие распаханные поля, новые соломенные крыши все чаще появляются в прежней лесной глуши. Везде движение, жизнь, усилия человека и труд. Тогдашняя Польша освобождается от старых изжитых форм, падает родовая организация в значительной мере потому, что уже существуют города (miasta), все больше выходят из употребления различные старые повинности, связанные с иным хозяйством, с иным строем,— словом, Польша переходит из одной эпохи в другую. Ведет ее последний король Пяст и сам замыкает устои прошлого (podwoje przeszłości)» [5].

---

[3] Fr. Pekosiński. O sądach wyższych prawa niemieckiego na zamku krakowskiem. Rozprawy sprawozdania. Wydz. hist.-filoz. Akad. umiejętn., t. 18.

[4] Potkański. O pochodzeniu wsi polskiej, str. 47 (у Свентоховского, стр. 106).

[5] Krasiński. Geschichtliche Darstellung der Bauernverhältnisse in Polen, Kraków, 1898, str. 68, 71 (взято у Swiętochowskiego Alexandra. Historja chłopów polskich w zarysie, Lwów — Poznań, 1925, str. 104).

Значение немецкой колонизации и немецкого права также преувеличивалось в работах С. Кутшебы. По его словам, немецкая колонизация «составляет колоссальный прогресс. Она открыла новую эру экономического развития, она повлияла и на поднятие правового положения крестьянского населения в Польше в течение нескольких столетий». С. Кутшеба в числе благ, внесенных немецкой колонизацией в Польшу, видит и железный плуг вместо деревянного рала и трехполье[6].

В старой польской историографии высказывались и другие мнения по этому вопросу. Так, польский историк права В. Мацеёвский еще в начале XIX в. не без горечи говорил о немецкой колонизации славянских земель, имея в виду главным образом Польшу. «Как бы то ни было,— пишет Мацеёвский,— дали они (власти славянских государств.— *Б. Г.*) следующим поколениям спасительный урок, что каждый народ, который стремится увеличить свои силы путем приглашения иноплеменников, приходит в упадок и погибает, если одновременно не постарается придать этим пришельцам полного облика своей народности». «Греки и поздние римляне навязывали чужим народам свою народность силою оружия, организуя среди них свои колонии. Славяне не только не подражали в этом отношении грекам и римлянам, но даже с беспримерным в истории человечества к благу своих потомков равнодушием делали у себя колонии на чужом праве и таким образом, устраивая в недрах своей земли иноземное государство, ослабляли силу своего собственного государства»[7].

В начале XX в. против переоценки роли немецкой колонизации выступил польский историк Ф. Буяк, подвергший критике тезис о том, будто немецкие колонисты принесли в польскую деревню железный плуг. Ф. Буяк, а вслед за ним и О. Бальцер высказали мнение, что немецкой колонизации в польской деревне предшествовала внутренняя колонизация.

Специально остановился на этом сюжете и известный польский историк-экономист Я. Рутковский. Отрицая введение плуга и трехполья немцами, главным моментом этого процесса он считает освобождение деревень немецкого права от государственных повинностей, что было очень выгодно землевладельцу при определении повинностей зависимых от него крестьян. Главнейшей стороной немецкой колонизации было полное уничтожение или, по крайней мере, сведение до минимума барщины и установление оброчной системы. Введение

---

[6] Станислав К у т ш е б а. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, стр. 33.

[7] Wacław Alexander M a c i e i o w s k i. Historja prawodawstw słowiańskich, 1832, т. 1, стр. 156 и прим. 354.

оброчной системы укрепило самостоятельные мелкие крестьянские (кметские) хозяйства, обеспечивающие не только жизненный уровень крестьянской (кметской) семьи, но и выплату оброков землевладельцу. Кмет делается наиболее многочисленной частью сельского населения. «Этот новый порядок оказался для крупного землевладения настолько выгодным, что оно признало полезным введение его и в старых исконных польских деревнях» [8].

Несколько по-иному к этой проблеме подошел историк польского крестьянства А. Свентоховский. Он считает, что колонизация Польши на праве немецком не была для Польши ни погибельной, ни спасительной. Но и он считает несомненным, что немецкие колонисты подняли технику земледелия в Польше, что они внесли новую струю в организацию сельской жизни: «вопреки традиционной суверенной власти землевладельца (pana wsi), волости (gminy) на праве немецком стали пользоваться значительным самоуправлением, что не только способствовало их материальному благополучию, но и поднимало морально их членов... Правда, эти чиншевики (крестьяне-оброчники.— *Б. Г.*) оказались потом закрепощенными... но это произошло только тогда, когда светские землевладельцы (panowie) разбили крестьянскую организацию реформами (zmianami) и притязаниями, когда волостной суд заменили патримониальным». «Ненасытная алчность и хитрость княжат рано постарались о том, чтобы рай земной не был так сильно похож на небесный. Изобретены были особые повинности, неопределенные и нестойкие, зависимые от воли князя». Свентоховский цитирует Пекосинского и от себя прибавляет: «естественно, землевладельцы-паны, светские и духовные, поспешили их (повинности) использовать для себя». «Хотя колонизация на немецком праве сокрушилась в руках шляхетского эгоизма и не смогла дать длительной формы (kształtu) отношениям господско-крестьянским, однако оказала на них влияние положительное. Она дала земледельческому люду на определенное время личную свободу и хозяйственную самостоятельность и пробудила в нем усыпленное чувство человеческого достоинства. Из нее родился польский кмет» [9].

Не могла пройти мимо этого вопроса и русская дореволюционная историография. С резко отрицательной характеристикой немецкой колонизации и немецкого права в Польше выступил М. Ф. Владимирский-Буданов. Преувеличивая удельный вес немецкой колонизации и немецкого права в социально-пра-

---

[8] Jan Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych, Poznań, 1923, str. 47.

[9] Alexander Świętochowski. Historja chłopów, str. 107—110.

вовой жизни Польши, он сделал попытку доказать, что эти явления, нарушив самобытный (славянский) путь развития Польши, оказались источником всех ее последующих «бедствий». «Немецкое право ослабило княжескую власть, сообщив княжеские права землевладельцам и землевладельческие права княжеским чиновникам»; оно «отняло у князей финансовые права и право на повинности», также «судебную и административную власть», передав ее сначала войтам, потом землевладельцам, старостам и общинам. Немецкое право водворило новые юридические и экономические отношения между землевладельцами и крестьянами: а) лишило крестьянскую общину самостоятельного управления и суда; б) введением частного хозяйства понизило положение свободных поселенцев сначала до положения прикрепленных к земле цензуалов, а потом до положения крепостных, в смысле позднейшего крепостного права» [10].

Иной точки зрения придерживался М. К. Любавский. Он видит положительные стороны распространения немецкого права в большей доходности земель, что было выгодно как землевладельцам, так и казне, в поднятии земледельческой техники, в облегчении труда крестьян. Отрицательную сторону он видит в том, что немцы заполонили Польшу (некоторые части Польши для поляков были потеряны совсем) и ее онемечили [11].

Из приведенного краткого историографического обзора видно, насколько вопрос серьезен и насколько он был запутан в домарксистской науке. Его подлинно научное решение возможно только на основе марксистско-ленинского учения о закономерностях общественного развития вообще и о закономерной смене форм докапиталистической земельной ренты в особенности. Важные для понимания этой проблемы указания мы находим в работе Ф. Энгельса «Марка». Говоря о стремлении феодалов-землевладельцев повысить свои доходы, Энгельс отмечает в этой работе, что на определенной стадии развития феодальных отношений следствием этого стремления было возникновение новых сельских поселений. «...Увеличения помещичьих доходов,—говорит Ф. Энгельс,— можно добиться только поднятием нови, основанием новых сел. Но это было достижимо только при помощи полюбовного соглашения с колонистами,—все равно, были ли они собственными крепостными или пришельцами» [12].

В направлении нового, научного решения вопроса поработал на польском и литовском материале В. И. Пичета. В подготовленной им «Истории Польши» (т. I), как и в своих более

---

[10] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 299.

[11] М. К. Любавский. История западных славян, стр. 255—256.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т XV, стр. 640.

ранних работах, он не склонен придавать решающего значения введению в Польше и Литве немецкого права. Он думает, что немецкое право только оформляло процесс, протекавший в польском, литовском и русском обществах и дававший и без участия немецкого права аналогичные результаты. Он, однако, признает, что немецкое право ускоряло этот процесс [13].

С новых позиций к решению интересующего нас вопроса подходят и современные польские историки. В этом отношении значительный интерес представляет вышедшая в 1946 г. книга М. Фридберга «Культура польская и немецкая», в которой автор со всей силой подчеркивает тот факт, что внутренняя сельская колонизация в Польше появилась задолго до немецкой колонизации и что последняя по своей социальной сущности почти ничем не отличалась от первой. [14]

Существенно продвигает дело изучения этой проблемы опубликованная в 1951 г. статья польских авторов З. Качмарчика и М. Счанецкого. Авторы этой статьи различают этническую колонизацию и организацию сельских поселений на так называемом немецком праве. Распространение этого права авторы ставят в связь с переходом польских землевладельцев на новые формы эксплуатации — с торжеством ренты продуктами и деньгами[15].

В настоящей работе я не ставлю себе задачи исследовать проблему немецкой колонизации и немецкого права во всем ее объеме. Моя задача значительно уже: мне необходимо лишь уточнить вопрос о том, какое значение эти явления имели в действительности для судеб польского и галицкого крестьянства.

6. НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД КРЕСТЬЯНАМИ ПО ПОЛЬСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ПРАВУ В ПОЛЬШЕ XIII в.

Исследователь истории польского права Губе отмечает для XIII в. две неравные по численности группы сельского населения: 1) люди несвободные (ascripticii, adscripti, obnoxii, obnoxii ab servitia, servi glebae), 2) люди свободные (homines liberi). Собственно говоря, масса сельского населения в XIII в.— это люди первой категории; людей свободных настолько мало, что они никакой заметной роли не играют.

Несвободные — это люди, зависимые от своих господ, обязанные своим трудом землевладельцу, не имеющие права ухо-

---

[13] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, ч. II, М., 1917, стр. 169.

[14] Mariam Friedberg. Kultura polska i niemiecka, t. I, Poznan, 1946, стр. 188—195.

[15] Z. Kaczmarczyk, M. Sczaniecki. Kolonizacja na prawie niemieckim w Polsce a rozwój renty feudalnej. «Czasopisma Prawno-Historyczni», т. III, 1951, стр. 59—86.

дить со своей земли, находящиеся под юрисдикцией землевладельца. Codex Diplomaticus Poloniae (I) под 1222 г. сообщает следующие, например, факты: «Milosca quem W. abbas... convictum, in eodem loco reposuit», под 1218 г.: «homines quosdam judicio vinctos in antiquum reduxit servicium» (Codex Diplomaticus Poloniae, II). «Землевладельцу разрешается беглых своих людей ловить, арестовывать и обращать в рабство»: «potestatem conferimus abbati homines suos ascripticios a se fugientes, ubicunque locorum eos deprehenderit, capiendi, incarcerandi et in servitium perpetuum redigendi» (Codex diplomaticus Majoris Poloniae, 1291 г.) [1].

Относительно homines liberi Губе замечает, что о них очень мало упоминаний в источниках, а потому и сказать о них что-либо определенное трудно. Губе считает, что эти «свободные» имеют право покидать свои земельные участки, но они сидят на земле княжеской, церковной или шляхетской, т. е., иными словами. их «свобода» весьма и весьма относительна. Не случайно они и называются альтернативно liberi и coloni. Автор отмечает, что эта категория сельского населения в XIII в. имеет явную тенденцию перейти в состояние аскриптициев.

С полным основанием Tzchopre считает обе категории польских крестьян зависимыми от своих землевладельцев. Первую он называет leibeigenen, вторую — hörigen [2].

Владимирский-Буданов пытался опровергнуть это положение и вместо него выставить, как мы уже видели, другое [3]. Однако его мнение, как мы увидим дальше, не подтверждается фактами.

«Книга прав», которую мы иногда называем «Польской Правдой», дает нам твердое основание утверждать, что в Польше XIII в. были три категории сельского населения:

1) люди свободные («vrier luthe») [4], 2) крепостные («gebuer siczczit under eynem herren») [5] и 3) посаженные на землю рабы («eigene lute») [6].

Положение польского крестьянства в XIII в. ясно. Немецкий крестьянин этого времени у себя на родине нам тоже известен. Немецкий крестьянин, по тем или иным побуждениям покидавший свою родину в поисках новой земли в Польше, уже успел у себя дома пережить очень многое. В Германии к этому

---

[1] R. Hube. Prawo Polskie w wieku trzynastym, str. 39—43. Ср. ст. 56 Пространной «Русской Правды»: «Аже закуп бежит от господы, то обель».

[2] G. Tzchoppe und G. Stenzel. Указ. соч., стр. 57.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 64—67.

[4] Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II. Księga prawa, ст. XXIX.

[5] Там же, ст. VI.

[6] Там же, ст. ст. XXVIII и XXIX.

времени в отношениях между землевладельцами и крестьянами успели произойти заметные изменения. Старые общинные отношения были уже основательно нарушены: окрепла частная собственность на землю, выросло крупное землевладение, светское и церковное, и крупные землевладельцы успели наложить свою руку на крестьянскую общину-марку, в деревню стали проникать все больше и больше товарно-денежные отношения, в связи с чем происходили изменения в организации сельского хозяйства как крупного, так и мелкого: старое примитивного типа барщинное хозяйство уступает место оброчному чиншевому, учащается практика сдачи барской земли в аренду. Часть крестьян откупается от крепостной зависимости; в то же время создаются значительные кадры малоземельного крестьянства, часть которого обезземеливается совсем.

Вырвавшееся от крепостной зависимости и в то же время «освобожденное» от земли немецкое крестьянство ищет на славянских землях, в частности польских и русских (имею в виду Галицкую землю), лучших условий жизни. Соблазны, какие рисовали при этом колонизаторы (войты, солтысы), несомненно, действовали на массу немецкого обездоленного крестьянства, а если принять во внимание заинтересованность в рабочих руках организаторов поселений на немецком праве, войтов и солтысов, и возможность предоставлять смененным ими немецким крестьянам льготы, иногда на много лет, то мы смело можем сказать, что соблазны эти имели под собой вполне реальную возможность воплощения и большую действенную силу.

Основная масса польских крестьян, не затронутая внутренней колонизацией и переходом к новым формам феодальной ренты, в это время по сравнению с немецкими колонистами находилась в худших материальных и правовых условиях. Владимирскому-Буданову, смотрящему на это иначе, несомненно, приходится для доказательства своего неверного по существу тезиса прибегать к большим натяжкам при толковании источников. Приводя, например, акт Генриха, сына польского князя Болеслава, 1151 г., где совершенно ясно речь идет о leibeigenen и рабах, Владимирский-Буданов считает возможным подчеркнуть, что в этом документе он видит «совершенно свободных земледельцев, свободных, но прикрепленных к земле».

Вот этот документ: Генрих дает населенную землю госпиталю. «*Даю* также в Загостье... рабов — пастухов упомянутого стада... *даю* овец и коров с пастухами, которых имена... (12 человек); *даю* винницу с винниками, которых имена... *придаю* бобровников... Ко всему этому присоединяю для службы госпиталю крестьян (rusticos), которых было некогда 10 в Хробре и которых брат мой Болеслав переселил в Куявию,

но я опять возвратил в Загость, с тем, чтобы они оставались там навсегда... Еще придаю ремесленников своих (artifices), живущих в Загостье... Всех этих вышепоименованных даю госпиталю Иерусалимскому *со всем потомством их, в вечное наследственное и свободное владение*, но так, чтобы исчисленные служители... служили в своих должностях, а Хробрио (т. е. 10 чел.) и ремесленников (даю) в качестве свободных поселенцев (more liberorum hospitum), но они *никогда не могут отойти от вышеупомянутого имения* (Codex Diplom. Regni Poloniae III, 6)» [7] (курсив мой.— *Б. Г.*).

Где же тут «совершенно свободные земледельцы»?

Стоит сравнить этот акт, имеющий в виду польских крестьян и рабов, с другим актом, говорящим о крестьянах, живущих на немецком праве.

Генрих I жалует в 1206 г. монастырю св. Винцента землю (Псе поле) с церковью, со всеми доходами и немцами (teuthonicis) с тем, чтобы эти последние оставались при тех же условиях, при каких были у него (eisdem legibus sint adstricti), т. е. «чтобы кроме других повинностей, которыми они обязаны по условию, ни один из них не мог отойти от земли, не поставив на место себя другого, который бы столько же платил аббату, сколько обязан был платить он сам; на этом условии он может отойти свободно» [8]. Тут мы видим простой холодный расчет. Землевладельцу до личности крестьянина нет никакого дела. Ему важно, чтобы земля приносила доход, и больше ничего. Кто сидит на земле, ему решительно все равно, лишь бы поступала к нему правильно и неизменно его рента.

Если судить по грамоте кн. Генриха 1151 г., на основании которой еще нельзя решать вопрос в целом [9], то польский крестьянин находится в вечном потомственном владении госпиталя, от которого он не имеет права уйти; немецкие крестьяне (по грамоте 1206 г.) должны выполнять строго определенные обязанности на монастырь, но уйти от монастыря имеют право, конечно, на известных условиях.

М. Ф. Владимирский-Буданов не закрывает глаз на это различие, но он не делает явно вытекающих из фактов выводов. Им руководит идея, с которой он не хочет расстаться. Немецкий колонист, по признанию самого М. Ф. Владимирского-

---

[7] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 66.

[8] «... ut praeter alias pensiones, quas de pacto debent, nullus eorum inde recedat, nisi posito loco sui alio, qui tantumdem solvet abbati, quantum ille solvere tenebatur et hoc pacto libere recedat». G. Tzschoppe u. G. Stenzel. Указ. соч.; М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 67.

[9] Польский крестьянин, во всяком случае по Вислицкому статуту, право выхода, хотя и ограниченное, имел (см. стр. 336 и сл.).

Буданова, живет вне общины не потому, что общинный строй, уже в значительной мере изжитый в Германии, при колонизации разрушался окончательно, а потому, что немцам община якобы чужда вообще. «При отдаче земли немецким колонистам,— пишет он,— изменялся совершенно польский, или лучше, древнеславянский способ сельского хозяйства: общинное землевладение было чуждо немцам». «Каждый владелец (немецкого. — *Б. Г.*) волока отвечал только за себя» [10]. В общем пользовании оставался только выгон-пастбище.

Согласиться с мнением Владимирского-Буданова о том, что немцам чуждо общинное землевладение, конечно, невозможно, особенно, если принять во внимание замечание самого Владимирского-Буданова, высказанное о германцах в его «Обзоре истории русского права» [11], где он признает у германцев наличие поземельной общины. Не может быть никаких сомнений в том, что и германцы, и славяне прекрасно знали общинный строй. Тот факт, что немецкие колонисты не были общинниками, объясняется, во-первых, тем, что в Германии по сравнению с Польшей процесс распада общинных отношений зашел значительно дальше, во-вторых, и это главное, тем, что при поселении на новых землях колонист неизбежно терял связи с общиной.

Положение крестьян при наличии общины не может не отличаться от положения крестьян, уже потерявших общинные связи. И это обстоятельство должно было сказаться прежде всего на отношениях к крестьянству государства и частных землевладельцев. Как государственная власть, так и любой частный землевладелец, имея дело с общиной, были избавлены от необходимости вступать в непосредственные отношения с каждым крестьянином в отдельности. Община польская и русская в той или иной мере отвечала перед государством и отчасти частным землевладельцем за правильное отбывание повинностей и уплату податей. В другом положении находился немецкий колонист, в связи с разложением общины освобожденный у себя на родине от ее опеки и не имевший никаких побуждений воскрешать старину на новой территории, куда завлекла его судьба и агитация немецких осадчиков, рисо-

[10] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 68.

[11] «...Племя, захватившее известную территорию, эксплуатирует ее сообща. И при начале земледельческого быта дело изменяется мало: люди... обрабатывают... землю..., где укажет общинная или родовая власть, как показывает пример германцев времен Юлия Цезаря, по свидетельству которого у них никто не имеет определенных и известных участков земли, но начальники и князья их каждый год выделяют сколько где придется поля родам и семьям (gentibus cognationibusque), сошедшимся вместе (на общий сход)» (М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 530).

вавших ему соблазнительные условия. Особенности в положении крестьян, на польском праве сидевших, и крестьян немецкого права делаются понятными. Но эти особенности не носят принципиального характера: тут разница лишь в степени распада общинных отношений.

Этот вывод нам очень необходим для правильного понимания положения различных категорий сельского населения Галицкой земли XIV—XV вв. Немецкое право и в Галицкой земле имело тот же характер и сыграло определенную роль в истории галицко-русского крестьянства.

7. ВОПРОС О «НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ» В ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Хотя немцы появились довольно рано в качестве городских жителей в Галицкой Руси (еще до подчинения ее Польше), тем не менее, конечно, не они определяли ход социально-экономического развития сел и городов на этой территории. Хорошо известно, что в Галицко-Волынской земле было много больших городов, существовавших уже во время Киевской Руси. XIII век застает эти города развитыми центрами ремесла и торговли. Источники этого времени сообщают о росте старых и возникновении новых городов. Сообщают они и об этническом составе некоторых городов Галицко-Волынской земли. Ипатьевская летопись, повествуя нам о постройке князем Даниилом Романовичем города Холма, отмечает, что князь сюда «нача призывати прихожае: немци и русь, иноязычники и ляхи; идяху день и во день...»[1]. В другом месте летописи, где сообщается о смерти князя Владимира Васильковича, указывается, что смерть его оплакивали в городе Владимире «все множество володимирцев: ...немци и сурожци и новгородцы и жидове плакахуся аки и во взятье Иерусалиму, егда ведяхуть я во полон вавилонский»[2]. Наличие немецкого населения в этих русских городах, однако, ничего не меняет в существе социально-экономической жизни городов. Те же источники сообщают, что город в экономическом и правовом отношении был городом в полном смысле слова задолго до появления немецких колонистов и магдебургского права. Об этом свидетельствует, например, такое место только что приведенной летописи: князь Мстислав в 1287 г. созывает в городе Владимире «бояре володимерскыя брата своего и местичи русции и немци и повеле передо всеми чести грамоту братну о даньи земли и всех городов и стольного города Володимера»[3]. Как видно, слово «местичи» является термином, обозначающим

[1] Ипатьевская летопись, 1897, под 1259 г., стр. 558.
[2] Там же, стр. 605.
[3] Там же, стр. 596.

городское население в противоположность сельскому. «Местичей» упоминает Ипатьевская летопись под 1290 г. и в Кракове, когда описывает военное столкновение претендентов на польский престол: «Болеславу же пришедшу с братьею своею и вьеха в место, а в город нельзе бысть вьехати ратными, зане боряху крепко... *местичи* ж не бьяхуся... с горожаны...» [4] (Курсив везде мой.— *Б. Г.*).

Этот термин довольно часто встречается в XV в. и обозначает нередко горожан. В Симеоновской летописи под 1456 г. рассказывается о том, как явилась в Москву к великому князю делегация смольнян «владыка смоленский Мисаило с многыми *местичи* смоленскими» бить челом о возвращении иконы [5]. Митрополит московский Иона (середина XV в.) в жалованной грамоте киевской митрополии обращается к князьям, панам, духовенству, «*местичам*» и ко «всему христоименитому народу» [6]. В Софийской летописи под 1500 г. упоминаются виленские *местичи* [7]. Лист князя Федора Воротынского городу Козельску называет «бояр Козельских и земян и *местичей*» [8]. (Курсив мой.— *Б. Г.*).

Данные об упоминании термина «местичи» относятся к периоду, когда в ряде городов Польши, Литвы и Галицкой Руси уже существовало так называемое магдебургское право. На этом основании М. Грушевский считает возможным утверждать, что «местичи» обозначают городское население только тех городов, которые получили «немецкое право». В действительности же термин «местичи», «место» существовал на Руси и в Польше задолго до появления здесь этого «права». Термин «место» в смысле поселения, отличного от села или деревни, наши источники знают давно (княгиня Ольга уже устраивала такие «места»). От слова «место» мог появиться и термин «местич». Он действительно встречается в Переяславско-Суздальской летописи под 1091 г.

Города Галицко-Волынской земли были уже развитыми в экономическом и правовом отношении городами в период, когда

---

[4] Ипатьевская летопись, стр. 614. М. С. Грушевский обратил внимание на этот термин, как на новый в Галицкой земле, якобы заменивший старый русский «гражане». «Местичи», как говорит автор, обозначали «мещан больших привилегированных городов». Он считает, что под местичами владимирскими можно подразумевать русских и немцев, и отсюда делает предположительный вывод о наличии в это время во Владимире городской организации на немецком праве (М. Грушевский. Історія України-Руси, т. V, стр. 224—225).

[5] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 209.

[6] АИ, т. I, № 48.

[7] ПСРЛ, т. VI, стр. 45.

[8] Сборник Муханова, М., 1836, № 5. Лист кн. Федора Воротынского о держании города Козельска к Великому княжеству Литовскому, 1447 г.

о немецком праве не могло быть и речи. В ряде городов возникли отдельные специфические правовые институты до распространения здесь так называемого магдебургского права. Можно говорить о предоставлении городам некоторых начальных элементов самоуправления. Так, появление института войтов в ряде городов задолго до распространения магдебургского права свидетельствовало, что эти города вышли из-под обычной юрисдикции княжеской (королевской) власти, что они получили некоторую правовую самостоятельность. Во Львове, например, упоминается войт еще во время галицкого князя Льва: в жалованной грамоте 1352 г. детям умершего львовского войта Матвея подтверждается право на землю, пожалованную их деду Бертольду, львовскому войту, князем Львом (начало XIV в.). В Перемышле войт упоминается под 1359 и 1366 гг., в Ярославле — под 1371 г.

Я не имею возможности в данной работе ставить и решать большой и интересный вопрос о социально-экономическом и правовом развитии польско-литовских и галицко-русских городов. Хочу лишь еще раз подчеркнуть, что не немецким колонистам и не немецкому праву (магдебургскому) обязаны эти города своим существованием и развитием. Магдебургское право в конечном счете было только правовым оформлением определенного этапа в развитии этих городов.

Такой же примерно была роль немецкого права в жизни польского и галицко-русского села. Для правильной оценки этого явления необходимо иметь в виду, что важнейшим фактором в развитии аграрных отношений в этот период в Польше и Галицкой Руси был перевод крестьян феодалами на продуктовую и денежную ренту. Сравнительно широкое распространение здесь немецкого права объясняется тем, что при переходе на оброчную систему эксплуатации это право оказалось удобной для польских и русских феодалов формой взаимоотношений с крестьянством.

Как уже отмечалось, немецкой колонизации и распространению немецкого права предшествовала внутренняя сельская колонизация. Вслед за освоением новых земель при помощи местного крестьянства феодалы начали приглашать немецких колонистов. Следует подчеркнуть, что социальные отношения в новых сельских поселениях, возникших в ходе внутренней колонизации, в конечном счете мало чем отличались от социальных отношений в поселениях немецких колонистов. Это обстоятельство и сыграло решающую роль в распространении немецкого права в польском и галицко-русском селе. Сначала оно было распространено на поселения нового типа, а затем, по мере утверждения оброчной системы хозяйства, на немецкое право переводятся и крестьяне в «старых» селах.

Источники сохранили данные о том, как возникали новые поселения на так называемом немецком праве. При заселении новых земель колонистами феодал, как правило, прибегал к помощи войта или солтыса, обычно немецкого, иногда польского происхождения. Такой организатор поселения на так называемом «немецком праве», заплатив в казну феодального государства или крупному магнату-землевладельцу некоторую сумму денег, получал право колонизовать обычно не заселенную еще землю и получал при этом привилегию, которая ему обеспечивала в будущем селении (in villa locanda) наследственное войтовство или солтыство (scultetia, advocatia). Русских людей в этих ролях, как правило, не бывало: в политику Польского государства отнюдь не входило поднимать русского человека до войтовства или солтыства. Получив такое право, войт-солтыс старался его использовать с максимальной для себя выгодой. Он брал себе обычно два жеребья (ланы) для собственного хозяйства, освобождавшиеся от чинша, шестую часть оброков от приглашенных им крестьян и треть судебных штрафов, иногда право устроить мельницу или корчму. В XVI в. он стал пользоваться и правом на барщинный труд крестьян.

Войт или солтыс делался владельцем поселения и его начальником. Судить он должен был вместе с выбранными от селения ланниками (scabini), но это правило далеко не всегда соблюдалось. Апеллировать на суд войта или солтыса можно было в высшие суды немецкого права (judicium supremum magdeburgense, jus supremum feodale), организованные при королевских замках и епископствах. В состав этого высшего судебного учреждения на немецком праве входило несколько войтов (7—8) под председательством крупного землевладельца, чьей землей владел войт.

Польская шляхта с течением времени начинает видоизменять положение войтов, уменьшать их права. Войтовство с урезанными правами ценилось дешевле, но в конечном счете оно было выгодно землевладельцу, так как не стесняло его важнейшего права повышать повинности населения. Закон 1420 г. разрешает землевладельцам прогонять бесполезных и строптивых войтов (inutiles et rebelles), продавать войтовство другим и даже оставлять права войта за собой. Указы 1607, 1620 и 1662 гг. устанавливают право на войтовство только за шляхтой. Само собой разумеется, что ни о каких общинных отношениях тут не могло быть и речи: каждое хозяйство отвечало само за себя. Второе, что необходимо подчеркнуть в поселениях на немецком праве XIV—XV вв.,— это отсутствие барщины. Крестьяне платят оброки-чинши. Победа барщины падает уже на XVI век.

В характеристике организации поселений на немецком

праве исследователи не расходятся. Действительно, тут как будто все ясно. Разногласия, как мы могли убедиться, появляются лишь в оценке исторического значения этого факта. Однако в современной исторической литературе, как советской, так и польской, найден путь к его правильному научному пониманию. В так называемом немецком праве исследователи делают ударение не на термине «немецкое», а на сущности самой организации поселений нового типа, лучше обеспечивавшей интересы землевладельцев на данном этапе.

Для моих задач необходимо подчеркнуть, что характер поселений на немецком праве выражался прежде всего: а) в оброчной форме эксплуатации зависимого крестьянства, б) в отсутствии признаков общинного строя, в) в праве крестьянина покинуть свой участок при условии посажения вместо себя другого равно состоятельного.

8. КРЕСТЬЯНСКИЙ «ВЫХОД» ПО ПОЛЬСКОМУ, РУССКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ПРАВУ XIV—XV вв.

Вопрос о том, в какой мере в Галицкой Руси пользовались возможностью «выхода» крестьяне, находившиеся в различном правовом положении, требует специального рассмотрения.

Вислицкий статут, распространенный и на Галицкую землю, уже не мог не считаться с фактом наличия в Польше и Галицкой Руси немецкого права.

Вислицкий статут, как уже указывалось, явился важной вехой в процессе утверждения новых форм феодальной эксплуатации, в процессе утверждения оброчной системы как в Польше, так и в Галицкой Руси. Бросается в глаза, что Вислицкий статут, несомненно, имеет в виду не только одно польское право, а и другие ему близкие, прежде всего русское, действительно имевшее с польским много общего. Когда, например, Вислицкий статут выражается: «это следует разуметь о кметах не тевтонского права», мы имеем некоторое основание полагать, что закон разумеет тут не только одно польское право (иначе там, пожалуй, и было бы написано, что речь идет о кметах польского права). Доказательства допустимости этого предположения приведены на стр. 341—342. В Вислицком статуте отразилось положение крестьян как по польскому и русскому, так отчасти и по немецкому праву.

Постановления Вислицкого статута о крестьянах и, в частности, об их праве на «выход» уже были предметом изучения, но нельзя сказать, что в этом отношении литература пришла к какому-либо определенному решению. Владимирский-Буданов, как мы уже видели, считает, что по Вислицкому статуту

положение крестьянина на польском или русском праве значительно лучше, чем положение крестьянина на «немецком праве»: «крестьяне, пользующиеся польским правом,— пишет он,— сохраняют вполне право перехода, а крестьяне, поселенные на немецком праве, прикреплены к земле» [1].

То или иное решение вопроса для нас далеко не безразлично. Само собой разумеется, что разобраться в подлинном положении крестьян различного правового состояния можно только путем изучения фактического материала. А материал этот говорит, что в XIV веке и по немецкому, и по польскому, а как я допускаю, и по русскому праву в Галицкой земле кметы-смерды могут уходить от своих землевладельцев, но только на разных условиях.

Той резкой разницы, какую усматривает М. Ф. Владимирский-Буданов между крестьянином немецкого права и крестьянином польского права, нет. Разница есть в другом: землевладельцам, дорожащим рабочими руками в своих имениях (а это одинаково касается крестьян, сидящих на любом праве), приходилось учитывать наличие или отсутствие крестьянской общины. В одном случае землевладельцы так или иначе могли рассчитывать на ее помощь, в другом — должны были сами принимать свои особые меры. Доказательством служит закон, изданный столетием позже, особенно интересный для меня тем, что он адресован «русским землям», находящимся под властью Польши. «Privilegium *terris Russiae* in conventione Novae civitatis a. 1456 concessum» (курсив мой.— *Б. Г.*). Это — Корчинский привилей.

Здесь имеется такой пункт: «Insuper statuimus: quod kmethones terrigenarum per capitaneos ac alios officiales ipsorum violenter non recipiantur in servitutem, vulgariter mordinicae (в других вариантах: mordonicae, in ordinice, mordanice) hoc expresso nisi prius villicus, alias cywan seu watman (другой вариант: wattaman) cum omnibus kmethonibus possessionatis super eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute, et quod ignoraverint (другой вариант: quod non ignoraverint) eum per tantum tempus, per quod defuit» [2].

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 74. Ср. стр. 67.

[2] Кроме того, постановляем: чтобы кметы-смерды, зависимые от землевладельцев, старостами или другими должностными лицами насильственно не водворялись в состояние зависимости, выражаясь народным языком, в смердовство, прежде чем villicus, иначе тиун или атаман, со всеми зависимыми кметами-смердами не присягнут относительно данного кмета-смерда, что он принадлежит к их состоянию и что они не знали (по другому варианту — знали) о нем в течение того времени, когда он отсутствовал. (Перевод делаю с некоторыми незначительными отступлениями, стараясь передать его основной смысл.) Bandtkje. Jus Polonicum, стр. 293.

Тут для меня важно подчеркнуть следующее: 1) что привилей формально касается русских земель, 2) что он в своей терминологии носит русский колорит (mordanicae — смердовство, cywan — тиун, wattaman — атаман) и, следовательно, отражает галицкие общественные отношения, правда, уж не XIV, а XV в. Но *некоторые* стороны жизни подвластной Польше Руси едва ли могли сильно измениться за время от Вислицкого статута до Корчинского привилея. Прежде всего это касается русской общины: она отражена в Вислицком статуте, имеется она и в привилее Корчинском. Возможно, что и положение зависимого крестьянина относительно права выхода не сильно изменилось. Во всяком случае кмет с применением силы возвращается на свое старое место, если община удостоверит его принадлежность к своему составу. Удостоверения в такой принадлежности достаточно, чтобы власть водворила кмета на старое место. Выход смерда, несомненно, стеснен. Община, повидимому, обязана следить за своими членами. Такой вывод из данного постановления мне кажется вполне допустимым.

И. А. Линниченко, как уже указывалось выше, склонен видеть и общинную организацию, и ответственность за своих членов в сотенных организациях как Галицкой Руси, так и Польши, где сотни тоже известны. Мнение И. А. Линниченко подкрепляется известной жалованной грамотой берестьянам 1289 г. Об устойчивости этой сотенной организации свидетельствует жалованная грамота 1506 г., где упоминаются в той же Берестейской земле те же сотни. Король Александр в 1506 г. пожаловал князю Петру Михайловичу село Рожаницы в Берестейском повете, которое состояло из двух жеребьев служебных и четырех *сотных*, со всеми людьми, их землями и угодьями и податьми, в том числе «з их даньми грошовыми и медовыми, и куничными, и з житными». Стало быть, сотные жеребьи это те, которые были издавна заняты тяглыми людьми [3].

Под какой бы формой ни скрывались общинные отношения или их пережитки, для моих целей безразлично. Мне важно подчеркнуть факт, что поселения нового типа, жившие на так называемом немецком праве, уже не знают общины. Поселения старого типа, жившие на польском, русском и валашском праве (каждое в той или иной мере), ее знают.

Вот почему я считаю обоснованным замечание И. А. Линниченко, что так как повинности налагались на сотню, а не на каждого крестьянина отдельно, то естественно в интересах самой сотни было следить за своими членами, «заботиться

---

[3] Литовская Метрика, кн. Записей VI, л. 10—11 (М. К. Любавский. Областное деление, стр. 339, 430).

о более равномерном распределении наложенных на нее огулом повинностей», ибо «с уменьшением числа сотных количество повинностей каждого сотного естественно увеличивалось». И. А. Линниченко приводит акт 1446 г. 24 марта, говорящий о круговой поруке сотных: «Venientes Andrei dzesanthnich (десятник.— *Б. Г.*) *cum tota communitate* de Costirowicze fideiusserunt, quod Jacob, Wassil et Mikitha debent statuere Danilonem et Stepanum, qui effugierunt super festum Paschce proxime venturum. Si non statuerent ipsos, tunc triginta marcas domino Capitaneo subintrabunt fideiussores vel debent terminum ulteriorem sibimet fideiussores impetrare apud dominum-Capitaneum prefatum, *quia homines, qui effugierunt, de Costirowize sunt sothny*»[4].

Переходя к рассмотрению вопроса о крестьянских переходах по статуту Казимира Великого, необходимо сделать еще раз оговорку, что мы не имеем в руках критически изученного текста. Каждый из известных нам вариантов имеет свои особенности. М. Ф. Владимирский-Буданов пользуется текстом, напечатанным в Volumina legum. Вот перевод Владимирского-Буданова: «Постановляем, что когда от нас или от кого-либо из владельцев, нам подчиненного, убежит (effugerit) кмет без вины со стороны владельца, то такой беглый (fugiens) кмет не может приобрести никакого права (nullum jus acquirat), пока господину его не сделается известным его местопребывание. Если господин его будет знать о его местопребывании и в продолжение года не будет требовать его обратно по суду (jure), то по прошествии года уже не может этого сделать, если бы и хотел.

Если бы бежавший (profugus), даже и по суду оказавшийся неправым (jure convictus), не захотел возвратиться, боясь строгости или злобы своего господина, то определяем, что такой беглец должен заплатить своему господину 3 марки штрафа (poena) и годовой чинш, какой прежде платил, и через это вышесказанный бежавший кмет освобождается от своего господина. *Это следует разуметь о кметях не тевтонского права.* (Курсив мой.— *Б. Г.*) А если кмет посажен на праве тевтонском, то он бежать или отойти не может, не продав своей дедины (haereditas) или не поместив вместо себя равно состоятельного кмета, и (в тексте aut, т. е. или.— *Б. Г.*) тогда, совершенно вспахав поле, обсеяв озимые и яровые, может уйти свободно, объявив господину (dominio resignando)».

Вторую половину текста Владимирский-Буданов приводит in extenso. Я считаю полезным привести его целиком в своем

---

[4] Acta grodzkie, XII, № 2175, str. 273; И. А. Линниченко. Черты, стр. 115 и прим. 3.

переводе: «Прибавляя, что если такой кмет в ночное время убежит (recesserit fugive) и убегая оставит дома какие-либо вещи, его господин имеет право их удержать за собой и сверх того господин, который этого беглого кмета захотел бы удержать у себя (secum retinere praesumpserit), обязан его возвратить первому господину со всеми вещами, которые он к нему принес, и заплатить штраф, известный под именем pietnadziesta.

Вины же, из-за которых кмету разрешается бежать от своего господина, следующие: первая, когда господин за свое преступление отлучается от церкви, вследствие чего кметы лишаются церковного погребения; также вторая, когда господин селения (villae) в каком-либо месте изнасилует свою вилланку. Как только это станет известным, не только родители изнасилованной, но и все вилланы (villani), где произошло это преступление, в любой час имеют полное право уйти, а насильник, господин селения (villae), не смеет их удерживать или чем-либо притеснять. То же самое разрешается кметам сделать, если с них будут взыскиваться долги их господина (ob culpam sui domino pignora de eis fuerint recepta), тогда без всякого препятствия они имеют право уйти от него.

Но при отсутствии вышеуказанных вин кмет никоим образом не должен уходить от своего господина иначе, как оставив дом в хорошем состоянии и хорошо огороженным, и только на Рождество Христово [5], согласно соблюдающемуся до сих пор обычаю. Если перед тем он имел льготу (libertatem), то должен столько лет служить своему господину (не отходя от него), сколько лет пользовался льготой, и это в том случае, когда кмет сидит на польском праве (думаю, что мы имеем право на основании терминологии нескольких вариантов и здесь переводить «*на местном*» праве).

Но когда же кмет поселен (est locatus) на немецком праве, то он не может уйти никоим образом, если не уплатит чинша за столько лет, сколько пользовался льготой; и тогда он не смеет этого сделать, если не посадит вместо себя равно состоятельного кмета и не обработает и не выкорчует всех своих полей и не засеет их озимым и яровым. Тогда ему разрешается уйти» [6].

---

[5] Во всех текстах, мне известных, написано «in necessitate domini», что некоторые исследователи справедливо считают ошибкой и читают «in Nativitate Domini», т. е. на Рождество Христово. Jus Polonicum, стр. 115; Volumina legum, t. I, p. 22.

[6] Volumina legum, t. I, p. 21—22. Jus Polonicum, стр. 114—116. Тот же текст в галицкой редакции статута сильно сокращен: «*Коли кмет утечет от своего пана*. Коли ж от нас, а любо от нашего пана, нам послушного, кмет утечет, для гнева пана своего, а пан правом добудет, а он ся не хочет вернуть за ся: тогды, мы сказуем, иж тот кмет имать платить пану своему вины 3 гривны; ачь плат рочный имеет платить ему, как и дотоль ему платил, а тым будет прав тот кмет, от своего

«Закон очень ясный,— пишет М. Ф. Владимирский-Буданов,— он говорит, 1) что кмет польского права может уйти без ведома пана и в какое угодно время, заплатив своему господину 3 марки пени и годовой чинш; он может отойти и без пени каждый год в один определенный день, оставив дом хорошо обстроенным и отсидев число льготных лет; 2) что кмет немецкого права не может отойти, а) не продав своего волока (конечно, с повинностями) другому равносостоятельному, б) не отсидев все число льготных лет, в) не вспахав и не обсеяв полей» [7]. Так понимает М. Ф. Владимирский-Буданов эту статью Вислицкого статута. Но для более правильного понимания этой важной статьи необходимо привлечь и другую того же статута: «О вилланах, против воли господина кем-либо сманиваемых, так же, в каких случаях это им разрешается».

«Так как вследствие ухода подданных без всякой на то законной причины имения их господ часто пустеют и остаются без обработки, нам и нашим баронам было угодно решительно противодействовать этой опасности, с каковыми баронами вместе мы постановляем: чтобы одновременно не больше кметей или поселян (kmetones aut incolae) из одного селения (villae) в другое могли переходить, как один или два, помимо воли господина того поселения, в котором они живут. За исключением следующих случаев: если господин селения (villae) изнасилует дочь или жену кмета, или если за проступок или вину владельца селяне (villani) лишаются своего имущества, или если по вине своего господина они в течение года находятся под церковным отлучением,— в таких случаях могут уйти не только три или четыре жителя его селения, но и все там обитающие пусть уходят где кому любо» [8].

пана... А коли у немецком праве кмет осядет, тогды не может отъити от пана, одно дедичьство продавше, а уместо себе, кмета, так богатого как сам, осадит, а любо поля ему изорет и справит, и гораздо осеет озиминою и яриною и отдаст пану своему: тогды может пойти, где хочет» (АЗР, т. I, стр. 19—20, ст. 137).

[7] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право, стр. 75.

[8] «Cum ex separatione (conspiratione) subditorum bona dominorum suorum saepius annihilenter et deserantur, nulla praesertim legitima causa ad hoc persvadente ob id visum fuit nobis ac nostris baronibus, huic periculo non segniter obviantibus, cum quibus una statuimus: quod non plures kmethones aut incolae de una villa insimul (simul et semel) ad aliam villam possint recedere nisi unus aut duo praeter domini illius villae, in qua degunt voluntatem nisi in casibus hic exceptis, ut: si dominus villae opprimat filiam aut uxorem sui kmethonis, aut si, pro excessu, seu culpa haeredis (culpa domini villae, kmethones lonis depredantur; domini haeredis), ibidem villani bonis ipsorum depraedantur, vel in sententia excommunicationis per annum durant, sui domini ex delicto. In talibus casibius non tantum tres aut quatuor villae ejusdem incolae abire possunt, sed omnes ibidem

Прежде всего мне кажется необходимым обратить внимание на замечание в законе: «это следует разуметь о кметах не тевтонского права». Дело в том, что в некоторых вариантах статута этот текст имеет важное разночтение: «hoc tamen in *jure terrestri non Teuthonico...*». И другое место той же статьи статута читается по-разному. Я имею в виду место, где говорится о том, что господин может требовать по суду своего беглого кмета только в течение года, а по прошествии года уже не имеет права это сделать, если бы и хотел: «extunc post annum si ipsum repetere voluerit, minime sibi hoc facere licebit». В другом варианте этот текст читается иначе: «post annum repetere volens *jure terrestri*», или еще иначе говоря «*jure suo* sibi hoc facere licebit»; или: «extunc post annum repetere valuerit *jure suo*, si sibi hoc facere licebit, quia si profugus propter austeritatem...» [9]. Не касаясь пока вопроса о правах господина на своего беглого кмета, я хочу подчеркнуть терминологию статута «jus polonicum», «jus terrestre», «jus suum», противополагаемые праву тевтонскому. Jus terrestre имеет в виду некоторые отличия местных прав, что видно из постановления Петроковского статута 1493 г., где различаются право Краковской земли, право русских земель и право великопольское, причем последние два считаются здесь «antiqua consuetudo» и остаются в силе [10].

---

habitantes recedant, quo unicuique placebit» (B a n d t k j e. Jus Polonicum, str. 74—75).

В Галицкой редакции эта статья передана короче: «Кмети (смерды) *из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити*. Частокрот бывают села пусты панов, коли селяня идуть прочь от своих панов без вины... Мы (с) своею радою уставляем, иж... сусед, псполито не может пойти из одного села до другого, одно один, а любо два, а то с волею панского, вынявши у некоторых члонках: коли пан своему селянину дочку ему усилует, а либо жону; а любо именье силою берет; а любо, коли будет пан у клятве черес год: ...ачь три, а любо четыри, но вси могут пойти прочь, где кому любо» (АЗР, т. I, стр. 12, ст. 70. Многоточия — это дефекты текста).

[9] B a n d t k j e. Jus Polonicum, стр. 114. В той же статье привилея еще раз подчеркивается местное право «minime sibi hoc facere licebit» (в другом варианте «repetere volens *jure terrestri* sibi hoc facere licebit»). В 1496 г. король Иоанн-Альберт констатирует наличие местных прав: «Item de missione kmethonorum pro qua *diversi diversimode et quisque pro suae terrae consuetudine* obstabat per nos diffiniri...» Jus Polonicum, стр. 343. «Et nos videntes, quod cum marcis reclinabantur tales eosdem homines non iudicamus iuxta ius Theutunicale, sed Rutinicum, eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis iuxta terrae ritum et ius». Ac. gr. XII, p. 20 (курсив везде мой. — *Б. Г.*).

[10] «De recessu kmethonis in terra Cracoviensi [De kmethonibus de loco a domino recedentibus].

Item quia kmethones de loco ad locum [loco ad alium] se anno quolibet moventes, ipsi et domini eorum ad damna perveniebant plurima, quorum indemnitati parte ab utraque consulendo, statuimus: ut a modo kmethones

Оба последние права объединены тем, что они не похожи на немецкое и, очевидно, имеют между собой нечто общее. Это отчасти подтверждается и тем, что галицко-русская шляхта ссылается на Вислицкий статут, правда, уже после того, как в Галицкой земле были введены польские учреждения и право. Нигде не видно, чтобы галицкая шляхта резко противопоставляла по вопросу о ее правах на крестьян польское и русское право. В 1507 г. галицко-русская шляхта обращалась к королю Сигизмунду I с просьбой подтвердить незыблемость статута Иоанна-Альберта в части, касающейся беглых крестьян. «Confirmatur statutum Alberti regis de fugitivis in Russia...». Это заголовок статута Сигизмунда I. Текст статьи начинается: «Ad supplicationem terrarum Russiae volumus et decernimus ut de omnibus fugitivis statutum Regis (Alberti...) observetur...»[11], т. е. «по просьбе русских земель желаем и постановляем, чтобы относительно беглых соблюдался закон короля Иоанна-Альберта». А король Иоанн-Альберт, как мы уже видели, по этому предмету не внес ничего нового. Он подтвердил лишь постановление Вислицкого статута; в ст. XII De fugitivis kmethonibus читаем: «Pro fugitivis... definitum in statuto Magni Casimiri, quod teneri decernimus» [12].

Но надо иметь в виду, что и польское право не было по всей Польше однообразно, точно так же, как право и в Галицкой Руси [13]. Немецкое право в этом отношении имело ту особенность, что оно было более однообразным как в Польше, так и на Руси.

Русское право отличалось от польского, повидимому, в деталях условий выхода. Это можно видеть из постановления галицкой шляхты 1435 г., регулирующего крестьянский выход. Шляхта, ссылаясь на практику в землях Краковской и Сандомирской, подчеркивает только одну сторону этих условий.

---

a dominis suis status utriusque in partibus terrae Cracoviensis quoquomodo de agris suis recedere non audeant, nisi prius kmetho quilibet aedificaverit aream suam et debita solverit domino suo juxta consvetudinem [juxta juris] exceptis terris Russiae et terris Majoris Poloniae, ubi antiqua consvetudo servetur». B a n d t k j e. Jus Polonicum, стр. 327.

[11] Volumina legum, t. I, p. 166. И. А. Линниченко полагает, что червоно-русская шляхта, по всей вероятности, просила короля о распространении и на Червоную Русь постановлений, уже принятых в польских землях, и делает отсюда заключение: «Таким образом юридическое закрепление крестьян наступило в Червоной Руси несколько позже закрепощения польских крестьян» (Черты, стр. 126, прим. 3).

[12] B a n d t k j e. Jus Polonicum, стр. 343.

[13] В. Гейнош приводит очень любопытное в этом отношении свое наблюдение. Крестьяне, живущие на землях в окрестностях Галича, имеют jus declinationis (право отказа), чего относительно земли перемышльской в источниках не встречается (W. H e j n o s z. Указ. соч., стр. 14).

Очевидно, в этих деталях только и было расхождение между польской и русской практикой. Постановление гласит: «Когда кто-либо из крестьян (incolae) из дому в село на праздник Рождества Христова от своего господина уйдет, должен господину села дать копу грошей, джбер пшеницы, 2 колоды овса, 4 русских сыра, 4 курицы, воз сена и воз дров» [14]. Это есть крестьянский годовой чинш, может быть, лишь несколько повышенный.

Ни польский, ни галицко-русский крестьянин не были лишены права выхода, но выход обставлялся условиями, его, несомненно, стесняющими.

Акты XV в., как свидетельствует И. А. Линниченко, переполнены делами о выходе крестьян. «В некоторых землях, как в Галицкой (у Линниченко разумеется здесь административная часть Червоной Руси.— *Б. Г.*), передвижение крестьян происходило в таких обширных размерах, жалоб о неправильном вызове (так!) населения, бегстве его, насильственном уводе чужих и своих, вышедших в другие имения, крестьян накоплялась такая масса, что в суде были назначаемы специальные заседания для таких дел» [15]. Крестьяне имели право выходить только со своего права на свое, с русского на русское, с немецкого на немецкое. Повидимому, это один из способов ограничить крестьянские переходы, который состоял в том, чтобы уменьшить диапазон соблазнов и комбинаций, связанных у крестьянина с надеждами на улучшение своего положения. Другое условие перехода по русскому и польскому праву — это срок (Рождество) и поклон, великорусское пожилое (exceptio, pecuniae recessionales, exitus, выход). И тут закон резко противополагает русское право не польскому, а только немецкому: «et nos videntes, quod cum marcis reclinabantur, tales eosdem homines non judicamus juxta jus Theutonicale, sed Rutinicum eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis *juxta terre ritum et jus*» [16]. (Курсив мой — *Б. Г.*)

[14] «Cum aliquis incolarum de domo in villa a festo nativitatis Christi, a domo suo recesseris, extunc domino ville sexagenam, viccum tritici alias dzber, duos truncos avene, 4 tortas Rutinicales, 4 genera gallorum alias cur, currum feni, currum lignorum dare debit» (Acta gr., XII, 4203). Ксаверий Лиске по этому поводу пишет: «За три года до статута Яна Альбрехта галицкая шляхта постановлением земским приняла для всех категорий прав, на каких сидели кметы, следующее постановление: уходящий кмет должен дать копу деньгами (и пр.)... Вследствие этого постановления Русь потеряла свою особенность (odrębną swą cechę) и попала в течение, которое с быстротой многоводного Вислока или Дунайца понесло польских крестьян к крепостному состоянию» (Acta gr., XII, p. 425, прим. 1).

[15] И. А. Линниченко. Черты, стр. 125.

[16] Acta grodzkie, XII, p. 20.

Выход крестьянина, сидящего на немецком праве, сроком ограничен не был; у польского и русского был один и тот же срок — Рождество.

И сопоставление статей Вислицкого статута (137 и 70 по нумерации Галицкой редакции) заставляет усомниться в утверждении М. Ф. Владимирского-Буданова, будто кмет польского права вообще мог «уйти без ведома пана и в какое угодно время». В ст. 70 Галицкой редакции Вислицкого статута ясно сказано: «кмети (смерды) из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити». Если они уходят, то это нарушение закона. Наконец, закон запрещает принимать к себе беглого смерда-кмета, требует возвращения его старому хозяину со всеми смердьими вещами и за нарушение закона устанавливает штраф — «piętnadziesta». Это беглый в прямом смысле слова, т. е. нарушитель права.

В законе прямо сказано, что беглый «не может приобрести никакого права», пока не договорится с господином. Господину дается годичный срок для разыскивания своего беглого. Смысл закона совсем не тот, какой придает ему М. Ф. Владимирский-Буданов. Из него совсем не вытекает для смерда-кмета право «уйти без ведома пана и в какое угодно время». Зачем же тогда назначать годичный срок? Зачем предупреждать смерда, что в случае бегства он делается бесправным в течение года? Ясно также, что в течение этого года переговоры беглого со своим бывшим хозяином могут и не привести к желательным для беглого результатам. Скажем, к примеру, у беглого не будет 3 марок и ценностей, эквивалентных его годовому оброку. Ведь он тогда должен будет вернуться к старому хозяину! Невольно напрашивается сравнение с московским законом 1597 г. По закону 1597 г. великорусский землевладелец мог искать беглого в течение 5 лет. Польский закон защищает интересы тех богатых землевладельцев, которым легче было сманивать к себе крестьян и в интересах которых было сокращение срока исков. Русский — делает значительную уступку землевладельцам мелким и средней руки. Тут сказались особенности отношений внутри господствующего класса Польши и Русского государства. Мне кажется, что все эти детали едва ли могут быть истолкованы в смысле понимания их Владимирским-Будановым. В сумме они дают основание для весьма определенного понимания положения зависимого смерда-кмета, сидящего на польском, а весьма вероятно, и на русском праве.

В источниках как будто мы имеем указания на то, что отдельные категории сельского населения, сидевшие на русском праве, дорожили этим своим правом и протестовали против попыток перевести их на право немецкое. Архиепископ

львовский обвиняет двух своих крестьян (laboriosi) Тышу и Василя из Лосины в том, что они убежали в половине второго года не в срок и без соблюдения правил отказа (a dimidio secundo anno sine tempore et ritu) [17]. Крестьяне отвечают, что они ушли вследствие незаконных действий архиепископа. (Очевидно, обвинитель хочет сослаться на закон, разрешающий выход в случае «вины» господина и воспрещающий выход «absque culpa sui domini» (Вислицкий статут.)

Ответчик хочет показать, что вина его господина была, хотя именно эта вина и не предусмотрена точно законом среди трех, там указанных. В данном случае вина архиепископа заключалась в том, что когда он вошел во владение селом, то из крестьянских дворов и полей сделал себе фольварк (fecit sibi allodia); они поэтому и ушли три с половиной года тому назад. Они — королевские ловчие и не хотят находиться под тевтонским правом, на каковое архиепископ хочет их посадить, а желают сидеть на русском праве, на котором они и сидят издавна [18].

Это дело имеет некоторое разъяснение в следующем за процитированным акте. Тыш и Василь заявляют на суде, что они королевские ловчие «стародавние» (стало быть, Тыш и Василь говорили по-русски), что архиепископ, войдя во владение селом, сделал себе фольварк из их дворов и полей и пытался посадить их на тевтонское право, что они не захотели сидеть на тевтонском праве, так как привыкли сидеть на русском праве, и перешли на землю королевскую в половине четвертого года [19]. Этот текст можно понимать так: земля, на

[17] Указание на срок их ухода «in dimidio secundo anno», повидимому, имеет связь с постановлением Вислицкого статута о годичном сроке исков.

[18] 1444 r., Nobil Stanislaus Johannis Archiep. Leopol. proposuit contra labor. Thysz et Vasyl de Loszini reos pro eo, quia fugerunt sibi de Stawczani a dimido secundo anno *sine tempore et rutu* (курсив мой. — *Б. Г.*). Ipsi responderunt per Ivasconem procuratorem, quia recesserunt ab injuria, allegentes, quod dominus dum intromissus est ad eandem villam., fecit sibi allodia de ipsorum curiis et agris et ipsi exierunt a dimidio quarto anno et sunt venatores domini Regis et minime sumus et revocamus nos nollentes esse sub iure Theutunicali, quia dominus vult nos locare ad ius Theutunicum et nos sumus locati ad ius Ruthenicum *na syrowem korzenyw* (Acta gr., XIV, № 1106. W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 107—108).

[19] 1444 r. Nobil. Stanislaus de Wylow reverendiss. in Chro patris domini Johannis Archiep. Leopol. actoris ex parte hominum fugittivorum suorum videlicet Thyz et Vasyl de Loszini actorum proposuit super eosdem Thysz et Vasyl homines suos, quia sunt sibi fugittivi a dimidio secundo anno *sine tempore et ritu* (курсив мой.— *Б. Г.*). Et alii homines ipsorum terricione alias groszami (!) fugierunt. Et ipsi veluti rei responderunt, quia sunt venatores Regales *stara dawna*. Et tu, Archiepiscope, dum es intromissus es, fecisti allodia de nostris curriis et agris et locasti obpoczalesz nos ad ius Theutonicum et nos noluimus sedere in jure Theutonico, quia consuevimus sedere in iure Ruthenico. Et recessimus a Regalibus bonis ad bona Regalia

которой сидели Тыш и Василь, перешла по королевскому пожалованию к архиепископу львовскому, который и стал производить реформу в новом своем владении. Тыш и Василь, лишенные своих земельных участков и усадеб, не пожелали превращаться в архиепископских крепостных и ушли от насилия архиепископа («ab injuria» или «ab terricione»). В таком же положении оказались и другие архиепископские крестьяне, и они тоже ушли от архиепископа.

Подобный же случай рассматривается еще в одном акте. Львовский архиепископ обвиняет некоего Иванка в побеге. Иванко отвечает: «Я не беглый от господина (архиепископа.— *Б. Г.*), но когда архиепископ вошел во владение Ставчанами, сделал фольварк из моего участка, когда архиепископ отобрал мою землю, я вернулся под господина короля, от которого вышел (может быть, под которым был раньше и вышел вместе с передачей земли архиепископу), так как я ловчий господина короля исстари от дедов и прадедов, и сейчас им состою, что и могу (хочу) доказать» [20]. Распоряжением короля это последнее село перешло к архиепископу. Иванко поступил совершенно так же, как и Василь и Тыш.

Проф. Стадницкий объясняет это поведение крестьян тем, что их положение с переходом королевской земли в руки частных владельцев, с превращением королевских людей в зависимых от частных владельцев ухудшалось. Ведь в числе королевских людей были не только крестьяне, а главным образом

---

a dimidio quarto anno. Et nos Judex suspendibus terminum ad II septim, ad dom. Palti. adventum ad interrogandum, dum cum terrigenis colloquetur, (Acta gr., XIV, 1107; W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 108).

[20] 1444 r. Nobil Stanislaus de Mloszewo Procurator Johannis Archiepi Leopol. actoris proposuit super Hryn hominem fuggitivum de Krznylow, quod sibi fugittivus est homo, petens ipsum restitui tamquam hominem fugittivum. Et si hoc negaret. Archps. vult docere alias dovyescz iuxta *juris formam terrestrem*. Ivanco de Loszina Procurator, Hryn (veluti) rei respondit: domini ego non sum homo fugittivus, sed quando Archieps intromissus est in Stawczani, extunc de mea curia fecit sibi allodium et ego homo non sum fugittivus, sed dum Archieps. mihi mea recepit bona, recessi sub dom. Regem, a quo exivi quia sum venator domini Regis et nunc sum ab antiquo z *dziada pradziada* et hoc volo docere et dominus... (многоточие в тексте.— *Б. Г.*) a dimidio quarto anno sub una campana et sub uno foro. Et Judices ita sentencia verunt, quod doms. Archeps. debebit iurare, quod sit suus homo fugittivus et eum Ve (natorem) Regalem lucretur si vult. Et (procurator) dixit: non videtur mihi hoc nec est secundum *ius terrestre*, quod debeam iurare, sed docere hominibus sicut super hominem fugittivum. Et doms. Judex cum dominis dederunt ad prox. Convencionem glem. circa. Vysnyam fiendam, an doms. Archeps. iurare debeat pro fugittivo homine vel docere, super ipsum suis hominibus pro fugicione alias o *sbyegloscz* (курсив мой.— *Б. Г.*) (Acta gr., XIV, N 1124. W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 108).

слуги, выполнявшие королевскую службу. С переходом королевской земли в руки частных владельцев эти слуги превращались в крепостных [21].

Королевские слуги не имели права уходить из королевского домена, от королевской службы, не посадив кого-либо другого вместо себя, но сама по себе служба королю рассматривалась и расценивалась несравненно выше, чем работа крепостного в любом барском имении.

В данном случае королевские слуги, повидимому, были отчуждены вместе с землей. Новое положение решительно их не удовлетворяло. Они стремятся вернуться снова в королевский домен, где они издавна жили по русскому праву: русское право здесь ассоциировалось с пребыванием под королевской рукой, и понятно, почему Иванко, Василь и Тыш и другие, им подобные, так энергично отстаивают свою старину и бегут от неприемлемых для них новшеств, связываемых в их представлении с понятием права тевтонского.

Интересно отметить наличие в Галицкой земле русского термина «выход»: «...laboriosus Halgacz nomine Jacobus, servus domini Czahrowski de Luczyncze non debet transire ab eo alio jure nisi tempore *roczstwo* (Рождество.— *Б. Г.*) sicut servus cum reclinatione, alias sz *wychodem*» [22]. Крестьянин Яков Галгач господина Чахровского может уходить только на Рождество Христово, как человек, имеющий право выхода.

Что касается трактовки М. Ф. Владимирским-Будановым положения зависимого крестьянина по тевтонскому праву, то мне представляется необходимым различать и тут две стороны дела: 1) право выхода и 2) условия выхода. Право выхода у крестьянина, сидящего на тевтонском праве, несомненно было. Никаких противопоказаний в источниках нет. Условия

---

[21] S t a d n i c k i. Ziemia Lwowska, 23. Цитирую по H e j n o s z' y, Указ. соч., стр. 109.

[22] W. H e j n o s z. Указ. соч., стр. 14, прим. 2 Очень интересны его же Fragmenty «Juris Ruˈenici» na Rusi Czerwonej pod koniec średniowiecza, Lwów, 1930, где автор говорит о штрафах за неявку в суд — securis, баран и яловица. Автор убежден, что securis — топор—нигде на Руси не фигурирует в качестве платежного средства. Могу указать, что новгородский епископ в своих олонецких владениях собирал с населения оброки, между прочим, топорами: в 1612 г. епископ велел собрать недоимку со своих олонецких крестьян 10 пудов масла и 15 топоров (Архив Института истории АН СССР. Акты Новгородского Софийского Дома, 1, л. 44 об.). Баран очень старый штраф русский: в уставной Двинской грамоте 1397 г. за переорание межи взыскивается «вины боран». То же в Белозерской уставной грамоте 1488 г., в Судебнике 1497 г. Яловица встречается часто, между прочим, в уставной грамоте митрополита Киприана 1391 г. Считать, даже предположительно, термины «боран» и «яловина» только польскими нет основания. Это слова общеславянские, а специальное их применение на Руси очень легко доказать. См. L i n d e. Słownik języka polskiego

выхода действительно нелегкие. Тут надо согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым, что условие продать свой участок, вероятно, было не легко выполнимым. Владельцы сел, наделенных немецким правом, стремились удержать рабочие руки путем более стеснительных для крестьян фактических условий выхода. И они, несомненно, достигали своих целей.

А. Свентоховский так характеризует состояние польского крестьянства в этот период: «Общины (opola) уже замерли, либо находились при смерти, гмины на праве польском не существовали, а на праве немецком начали расстраиваться под натиском панского своеволия... Такая разбитая на отдельные части и семьи бесформенная и разрозненная масса не могла противостоять спаянной, снабженной привилегиями и обогатившейся шляхетской фаланге» [23], которая, прибавлю от себя, не прекращала наступления на центральную власть и продолжала получать все новые и новые привилегии, позволявшие им беспрепятственно решать в их собственных интересах не только судьбу крестьян.

В 1374 г. королем Людовиком был дан первый для всего шляхетского сословия привилей, освобождавший всю шляхту от всяких податей и повинностей, кроме военной службы и уплаты в знак подданства 2 грошей с лана. Привилей уменьшил финансовые средства короля и тем самым поставил его в зависимость от панов и шляхты. «Эта уступка, кроме важных последствий политических, коснулась глубоко и отношений панов к сельскому населению. Если владельцы сел уже в немецких колонистах и посаженных на немецком праве польских крестьянах увидели образчик выгодной эксплуатации земли и почувствовали охоту к расширению запашки прикрепленной челядью (stałą czeladzią) за собственный счет, то снятие с их земли податных тягот еще больше побудило их итти в том же направлении. От конца XIV в. все больше усиливается процесс замены мелких крестьянских хозяйств господским хозяйством (dworskie gospodarstwo), который доходит до высшего напряжения после получения (Польшей.— *Б. Г.*) доступа к морю. Шляхта скоро заметила, что для достижения своих целей ей недостаточно привилегий и обычаев, имеющих местное значение, что ей необходимы установления характера общего, либо, по крайней мере, более широкие, именно статуты или, как позднее выражались, конституции. От XIV и до XVIII в. включительно тянется длинный ряд королевских постановлений, решений провинциальных и сеймовых уставов, совершенствующих формы зависимости вплоть до

[23] A. Świętochowski. Historja chłopów polskich w zarysie, 1925, str. 139.

неограниченного произвола шляхты, с одной стороны, и крестьянской неволи — с другой» [24].

Но это обилие постановлений говорит не только о настойчивом желании шляхты оградить свои права законом, а также и о том, что законы эти «выпрашивались» отдельными землями особо, что они не всегда были согласованы между собой, оставляя возможность шляхте отдельных земель жить на своем праве. А все это сильно затрудняет исследование вопроса о судьбах крестьян в Польше, и польских и русских.

Какие же выводы позволяют сделать наши наблюдения?

1. Вислицкий статут застает в Польше и Галицкой Руси не только немецкое и польское право, но считается вообще и с правом «местным», что по отношению к Галицкой Руси можно понимать как право русское.

2. Между польским и русским правом в вопросе о правовом положении крестьян сколько-нибудь большой принципиальной разницы нет: иначе было бы немыслимо jus polonicum заменять более широким термином jus terrestre и в некоторых случаях противополагать его праву немецкому.

3. Между социально-экономическим положением крестьянина по немецкому праву и праву местному (польскому и, можно думать, русскому) сколько-нибудь значительного различия нет. Разница прежде всего в том, что немецкое право не связано с общинным строем, местное право предполагает крестьянскую общину.

4. Крестьянин, сидящий на немецком праве, имеет право выхода в любое время, но при условии посажения вместо себя другого равно состоятельного.

5. Крестьянин, сидящий на местном праве, имеет право выхода, ограниченное: а) количеством выходящих, б) одним сроком в году (Рождество), в) условием оставления своего двора и пашенной земли в полном порядке.

6. Для разыскания беглого крестьянина, сидевшего на местном праве, господину дается годичный срок, по истечении которого крестьянин, договорившись со своим бывшим господином об уплате штрафа и годового чинша, остается свободным; невыполнение этих условий, необходимо думать, влечет за собой возвращение крестьянина на его прежнее место.

7. Крестьянин по местному праву, сидящий на льготе, прежде чем уйти, должен отслужить своему господину столько лет, сколько сидел на льготе; крестьянин-льготчик по немецкому праву в том же случае должен уплатить чинш за столько лет,

---

[24] Там же, стр. 140.

сколько сидел на льготе, обработать свой участок уже на хозяина и посадить вместо себя равно состоятельного крестьянина.

8. Крестьянин, сидящий на местном праве, может уйти без соблюдения вышеуказанных условий только в случае виновности своего господина (изнасилование крестьянской жены или дочери, отобрание крестьянского имущества, а также отлучение господина от церкви).

9. Есть все основания утверждать, что Вислицкий статут, рассчитанный на общегосударственное значение, в общегосударственном масштабе не соблюдался и был заменен отдельными привилеями для каждой земли. Польское и русское право, таким образом, на отдельных частях государственной территории представляли собою ряд вариантов, почему очень трудно точно разрешить разногласия в литературе о том, какое из прав, русское или польское, было более стеснительным для крестьян.

10. Особую группу зависимого населения Галицкой земли составляет сельское население княжеских доменов, перешедших под власть польских королей, продолжавшее там жить как зависимое население.

9. СУДЬБА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОМЕНОВ ГАЛИЦКИХ КНЯЗЕЙ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА ИХ ПОД ВЛАСТЬ КОРОЛЕЙ ПОЛЬСКИХ

Когда Галицкая Русь перешла под власть Польши, огромная часть Галицкой земли была уже освоена галицким боярством и галицкими церковными учреждениями. Польская власть, как правило, не считала нужным отбирать землю ни у бояр, ни у церкви. Домены галицких и частью волынских князей, перейдя, повидимому, полностью под власть польских королей, продолжали жить в значительной степени старой своей жизнью, выполняя первоначально на польских королей те же самые повинности, что и на князей русских.

Понятно, что в целях изучения хозяйственного и правового положения сельского населения Галицкой Руси XIII—XIV вв. этот осколок галицкой старины имеет особую познавательную ценность.

Население королевских земель обычно связано с королевскими замками и находится под начальством замковых королевских властей. Живет оно на русском праве, иногда так и называется «rutini regales». Несколько королевских сел, львовские и перемышльские, выделяются сохранностью своих старых порядков. Во главе этих сел всегда стоят хорошо известные древней Руси тиуны, а живут тут главным образом королевские сокольники, ловчие, рыболовы; живут они в этом

своем звании, по их собственным словам, извечно («perpetuales», «z dziada pradziada» от «stara dawna»). Несомненно, эти их служебные обязанности переходили от дедов и отцов к их детям и внукам, от времен галицких князей. Самое общее название всех этих слуг — servitores, terrigenae (земяне).

Однако латинская терминология в приложении к польским и русским общественным отношениям — вещь небезопасная. Подкупающая с первого взгляда ясность и точность при ближайшем более глубоком рассмотрении предмета оказывается туманностью, под которой часто разумеется совсем не то, что мыслили римские юристы, пользуясь своей терминологией.

Не находя тождества между содержанием русских и польских, с одной стороны, греческих и римских понятий,— с другой, и словесным их выражением, древнерусские или польские юристы переводили термины греческих и римских источников на русский или польский язык по близкому им смыслу (то же надо сказать о средневековой Европе в целом).

Servitores — это королевские слуги, они же terrigenae — мелкие и средние землевладельцы. Как служба их может быть весьма разнообразной, так и положение их может быть не одинаковым. Наконец, эти положения с течением времени меняются при сохранении старой терминологии.

Латинская терминология в Ипатьевской летописи отсутствует. В «Русской Правде» ее тоже нет. Нет ее и в грамотах конца XIII в., несмотря на то, что русским юристам римское право было прекрасно знакомо и служило им неоднократно для их практических надобностей, особенно в церковном обиходе. Латинская терминология, хорошо известная в Галицкой земле и до польского завоевания, вместе с польской властью начинает здесь постепенно развиваться и укореняться, но Вислицкий статут переводят на язык Галицкой Руси с широким использованием древних русских юридических терминов. Нам, стало быть, при изучении общественных отношений XV в. очень важно расшифровывать латинские термины, стараться узнать, что они обозначали конкретно.

Точнее говоря, нам важно знать, каков социальный состав населения тех территорий, которые до середины XIV в. были доменом галицкого князя, а затем перешли во владение польских королей. Последние получили княжеских дворцовых слуг, военных и домовых, с одной стороны, и крестьян в различном юридическом обличье,— с другой. Вся эта масса населения стала обозначаться по-латыни servitores.

Конечно, перемены произошли не только в названии, а и по существу. Тут надо учитывать новую для Галицкой Руси политическую обстановку, но нельзя решать дело так, как иногда оно решается некоторыми польскими учеными: столк-

нулись-де три различных строя: немецкий, с введением немецкого права в Польше и Галицкой Руси, польский и русский; русский должен был уступить натиску более прогрессивных отношений. Прежде чем так рассуждать, надо доказать, что Галицкая Русь в своем общественном развитии сильно разнилась от Польши. А это доказать нельзя, потому что факты этому будут противоречить.

Историки, рассуждающие об отсталости домонгольской Руси по сравнению с другими странами Европы, обычно не считаются с этими фактами, а переносят в домонгольскую Русь впечатления от Руси, задавленной монголами, оторванной от экономического и культурного общения с другими народами.

В этот тяжелый для Руси период она действительно настолько замедлила темпы своего роста, что ее соседям, от которых она раньше не только не отставала, а часто их превосходила, нетрудно было ее опередить.

В XI—XII вв. и начале XIII в. Русь находилась в цветущем состоянии. Что касается Галицкой Руси, то одной Галицко-волынской летописи (Ипатьевской) достаточно, чтобы убедить скептиков. Это произведение и в литературном отношении и как произведение историческое может сделать честь любой современной ему европейской стране.

Меня сейчас интересует не только момент включения Галицкой Руси в состав Польши, но и ближайшие к этому событию последующие времена. Нельзя забывать, что и Польша, и Галицкая Русь развивали свои общественные отношения, что эти отношения изменились в определенную сторону не потому, что они были польскими или русскими, а потому, что и Польша и Галицкая Русь подвергались воздействию в основном одних и тех же социально-экономических факторов. Здесь сыграла важную роль та сторона дела, которая интересует меня в данный момент, именно изменения в системе сельского хозяйства, в хозяйственном и правовом положении сельского населения. Изменения эти протекали без всякой связи с национальными признаками как в крестьянской, так и в шляхетской среде. Зависели они от состояния производительных сил на данном этапе общественного развития и от тех больших перемен в хозяйственном строе Европы, которые бросаются в глаза всякому исследователю.

Не могу поэтому согласиться с польским историком проф. Фр. Буяком, конечно, если только я правильно понимаю его мысль, когда он говорит, что «развитие фольварочной системы (в Польше.— *Б. Г.*) создало стремление к перенесению на польские села экономических условий

старых русских сел, к низведению их на русский уровень» [1] Проф. Буяк, очевидно, имеет здесь в виду введение барщины и закрепощение крестьян, связанные с волочной реформой. «Низведение польской деревни на уровень русской («Spchanie ich na poziom ruski») — это, на мой взгляд, недоразумение, потому что, если понимать под «poziomem ruskim» барщинно-крепостническую систему эксплуатации крестьян, то эта система, общая в конечном счете всем странам Европы, не успевшим к XVI в. изжить феодальный способ производства, стала утверждаться в Польше несколько *раньше*, чем в Галицкой Руси. В свое время это отметил в своем труде И. А. Линниченко: «...в 1435 г. (год введения польского права, т. е. администрации и суда на польский лад) галицкие шляхтичи (domini terrae) издают постановление, регулирующее выход крестьян на польский лад» [2].

Этот интересный процесс и в Польше и на Руси, как равно и в восточной Германии, Австрии, Литве и Прибалтике, имеет свою историю, определенные этапы в своем развитии и, что очень важно, хронологически и качественно в общем совпадающие.

Организация сельского господского хозяйства во всех этих странах в XII—XIV вв. не похожа на организацию XVI в.

Наконец, если бы действительно в это время русский образец состоял в крестьянской барщине и крепостничестве, то едва ли крестьянство Галицкой Руси дорожило бы своим русским правом.

Не все историки так понимают происходившие перемены в положении крестьян. Я. Рутковский [3], С. Инглёт [4], А. Свентоховский [5] и многие другие, например, считают барщину и крепостное право в Польше не стоявшими ни в какой связи с русским образцом.

Очень важно ближе всмотреться в королевские имения на территории Галичины. Тут, по общему признанию всех историков, много следов старой русской жизни. «Правда» Ярославичей знает в людском составе княжеского домена — огнищанина, подъездного, тиуна, конюшего, старосту, мечника, кормильца, кормилицу, рядовича, смерда, холопа. Пространная прибавляет — отрока, повара и ремесленника. Таков довольно

---

[1] Franciszek Bujak. Studja historyczne i społeczne, Lwów — Warszawa — Kraków, 1924, str. 69.

[2] И. А. Линниченко. Черты, стр. 123.

[3] Jan Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych, Poznań, 1923.

[4] S. Inglot. Anzelm Gostomski. «Gospodarstwo».—«Biblioteka Narodowa», Wrosław.

[5] A. Świętochowski. Historja chłopów polskich w zarysie, 1925, str. 178—195.

разнообразный состав слуг русского княжеского домена XI—XII вв. Сюда необходимо прибавить, хотя и с оговоркой, княжескую младшую дружину, о чем напоминает нам упомянутый в Пространной «Правде» отрок, а также в прибавлении к первой статье древнейшей «Правды» — гридин. Оговорка эта заключается в том, что сравнительно недавно дружина, жившая в княжеском домене на княжеском иждивении, с неизвестного нам момента стала пользоваться княжеской землей на правах бенефиция, а потом и лена. Пространная «Правда уже знает эту перемену и отмечает ее в ст. 91 «О заднице боярстей и о дружней». «Аже в боярех либо в дружине, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть». Совершенно правильно замечает С. В. Юшков, что «дружинная общность (с княжеским доменом.— *Б. Г.*) не сразу прервалась. Боярство (старшая дружина по преимуществу.— *Б. Г.*) все еще близко держалось княжеского дворца» [6].

Несомненно, что в жизни этих княжеских слуг всех разновидностей происходили неизбежные перемены в дальнейшем. Однако в документах XV в., говорящих о княжеских слугах, уже находившихся под властью польского короля, сохранилось многое от старого времени. Мы легко можем понять, почему население очень многих сел, приписанных к королевским замкам, носит название «слуг», в переводе на латинский язык «servitores», «terrigenae», которые сами о себе говорят, что живут они в этом положении исстари. Это все русские люди, «rutini».

Для наглядности привожу с несколькими сокращениями таблицу, сделанную В. Гейношем и характеризующую положение королевских servitores в селах, приписанных к Саноцкому королевскому замку (см. табл. на стр. 355).

Цифры, обозначающие количество слуг, добыты автором из актового материала, решительно не пригодного для составления сколько-нибудь полного перечня этих слуг, поэтому приведенные им цифровые данные, конечно, нисколько не претендуют на статистическую точность.

В перечисленных селениях, кроме «слуг», вперемежку с ними живут и кметы-смерды. «Слуги» — все мелкие или весьма среднего калибра землевладельцы. Землю свою они имеют право продавать, отдавать дочерям в приданое, т. е. распоряжаться ею; сами слуги находятся под юрисдикцией королевского замка (то же и по «Русской Правде»).

Кроме села Доброго, о котором известно, что оно было осажено на пожалованной королем Ягеллом Саноцкой земле «слугам из Улич» Юрию, Зиновию и Димитрию за их верную

[6] С. В. Юшков. Очерки, стр. 150.

№	Название сел	Количество слуг	Примечания
1	Бесхо	3(?)	
2	Домбровка Русская . . .	4	
3	Доброе (Dobra)	—	Вероятно, все село «служит»
4	Гломча	2	
5	Костаровцы	1	Бывший слуга
6	Лозина (Lodzina)	5	
7	Новосельцы	13	
8	Ольховцы	9	
9	Саночек	1	
10	Тырава Сольная	1	
11	Улич	4	

службу в 1402 г., все остальные это — старые русские села, существующие со времен независимости Галицкой Руси[7]. Все они расположены вблизи Санока. Акты позволяют сделать вывод о том, что «слуги» и «кметы» не различаются строго в своих правах и живут более или менее общей жизнью со всем селом. На это указывают имена поручителей слуг и кметов, стоящие рядом; и те, и другие одинаково ссылаются на показания общины, выступают вместе в качестве свидетелей.

В. Гейнош считает село Лозину заслуживающим особого внимания, поскольку оно как будто едва ли не исключительно заселено было слугами, рядом с которыми встречается несколько terrigenae, средних землевладельцев, обозначаемых иногда титулом nobiles[8]. Один из них, Ганч, «terrigena de Lodzyna», брат Сеньки Сметанки, именующегося «nobilis», продает часть своей земли, «pars suae hereditatis, quam habuit in villa Lodzyna, videlicet septem kmethones et omnia alia pro quadraginta duabus marcis»[9], с условием, что покупатель испросит на эту сделку специальное разрешение либо старосты Саноцкого замка, либо самого короля или королевы, в успехе чего было трудно сомневаться, поскольку покупщиком являлся саноцкий воевода.

Ганч — королевский слуга довольно высокого ранга, если только часть его земли составляла участок, обрабатываемый семью крестьянскими семьями. В Лозине живут и слуги более скромного положения. Некоторые из них обязаны давать замку рыбу, очевидно своего улова. Это королевские piscatores.

[7] W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 38—39 и сл.
[8] Там же, стр. 40.
[9] Там же, стр. 40—41. Acta gr.. XI, № 3248.

В 1446 г. возникло дело по обвинению их в неисполнении ими своих обязанностей. Село Лозина действительно представлено в источнике полнее других, но едва ли есть основание считать, что оно сильно отличается от других сел, принадлежавших Саноцкому замку. Но В. Гейнош имеет достаточную опору в документах для того, чтобы говорить о лозинских слугах, как более зажиточных и даже знатных.

Жизнь и тут не останавливалась на одном месте. Положение «слуг» с течением времени менялось. Население села Домбровки, например, источники называют слугами «służebny», «serviles», несколько позднее — «kmethones serviles», «veri et legitimi kmethones». Эти слуги исполняют повинности на своего пана, наравне с другими кметами попадают в заклад («bywają zastawiani»). Эту явную деградацию В. Гейнош объясняет прекращением служебных отношений с замком и переходом этих слуг в частноправовую зависимость.

В одном из актов 1446 г. имеется очень интересное дело о попытке слуги Фили (Phyl) из Костарович продать свою служебную землю, «agrum suum servilem» другому лицу, живущему на «праве немецком», т. е. с освобождением этой земли от повинностей по отношению к замку. Сам Филя предполагал перейти в город Санок и уже стал называть себя concivis sanocensis. Но королевский суд не разрешил этой сделки и вернул Филю в прежнее его состояние, т. е. заставил его взять служебную землю и попрежнему с нее служить more Ruthenico или же посадить кого-нибудь другого, но на русском же праве, такого, кто мог бы королевские повинности и службы (labores et servicia) выполнять нормально [10]. Король заботится о точном выполнении повинностей в пользу своего замка, считая в то же время своих замковых слуг людьми «свободными». Возможно, что эти слуги могли владеть не только служебными землями, а и благоприобретенными, с которых никаких замковых повинностей от владельцев не требовалось. Но покинуть свою службу они права не имели.

Самое основное здесь то, что служба отправляется с земли, что замок заинтересован не в том, кто именно сидит на этой

[10] 1446 г. «Adiudicaverunt, quod Phyl concivis Sanocensis agrum suum in Costirowcze servilem, quem vendiderat Laurencio jure Theutonico non potens sibi eundem agrum libertare, prout promiserat et fuerat obligatus, viceversa recipere debet et sex marcas minute pecunie, quas ipse Phyl a Laurencio recepit, viceversa restituere et infra spacium trium annorum...» (Acta gr., XI, № 2295).

«Item die et anno ut supra prefati Judices decreverunt, quia Phyl agrum predictum pro se recipere debet et ipso servire more Ruthenico vel saltem sessionare vulgariter ossadzicz agrum premissum homine tali, qui posset labores et servicia congrue Reginalia exhibere more consueto» (там же, № 2296; W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 44, прим. 3).

земле, а как выполняются повинности [11]. В селах Перемышльского замка в XV в. сидели по преимуществу королевские конюхи. Они крепко верили, и не без основания, конечно, что их предки были конюхами галицких князей. Когда в середине XVI в. перемышльский староста, повинуясь духу времени, сделал попытку перевести конюхов села Витошинцы на барщину, конюхи запротестовали и, повидимому, сочинили выгодную для себя грамоту. Она признается всеми исследователями составленной в середине XVI в., но составители датируют ее 1297 г.

Я не собираюсь защищать ее подлинность, но считаю вполне возможным использовать ее в своих целях, именно как творчество заинтересованных лиц XVI в. Что витославские конюхи хотели доказать, сочиняя свою грамоту? Им надо было защитить себя от превращения их в крепостных крестьян и от перевода их на барщину. Составляя грамоту, они, конечно, старались о том, чтобы она как можно больше походила на подлинную. Особенно фантазировать тут было нельзя. Вот текст этой напечатанной у В. Гейноша грамоты в моем переводе на русский язык: «Мы, князь Лев, великого короля Даниила сын, договорившись со своим княжеским замком (swojem dworem hospodarskiem), причислили к нашему замку вольное село наше Витошинцы для нашей военной службы и для ухаживания за нашими княжескими конями при нашем Перемышльском замке. Подданные наши этого села просили нас, в качестве наших осаженных слуг (jako ło słudzy naszi siedelni), чтобы мы дали им грамоту с обозначением границ этого села за нашей княжеской печатью на вечные времена. Мы в исполнении их просьбы дали им за их заслуги землю с лесами, лугами, полями (идет описание границ). Все это дали мы на вечные времена и их потомкам. А кто захотел бы нарушить нашу волю, суд мне с ним перед господом богом. Писано в Перемышле лета 6805» [12].

---

[11] Именно в этом смысле я и понимаю акт, обративший на себя внимание нескольких исследователей (Виняж, Дикер, Гейнош и другие), где говорится о «слуге» Никите из Тыравы, который передал своему племяннику четвертую часть sui patrimonii vectigalis, alias voszby szolney. Мне кажется, что В. Гейнош неточно интерпретирует Виняжа, говорящего не об уступке повинности, а земли, обязанной службой, которую Никита называл patrimonium vectigale. Это и есть служебная земля или ager servilis. Тут же говорится, что его племянник должен будет выполнять эту повинность: «pro agro ibidem sito». Никита просто несколько разгрузился: часть повинностей оставил за собой, часть перенес на своего племянника, уступив ему за это четвертую часть своей земли. Эта vectigal состояла в возке соли, patrimonium — в земле (W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 48).

[12] W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 54.

Составители грамоты подгоняли ее к обстановке XIII в., и едва ли тут они сделали какую-либо ошибку: княжеские конюхи и конюшие, тиуны конюшие, стада коней очень хорошо известны «Русской Правде», летописям, в частности Галицко-волынской, и другим документам. Конечно, многочисленные конюхи несли свою службу на князя и за нее получали обеспечение. Они же были и людьми военными. Под 1150 г. в Галицкой летописи описывается битва между Владимиром Галицким и Изяславом Мстиславичем. Войско Владимира, «удариша на *конюхы его* (Изяслава) и неколико от них мужей яша» [13]. И здесь в среде княжеских слуг мы можем наблюдать тот же отмеченный выше процесс, в результате которого одни из конюших слуг поднялись в ряды шляхты, другие опустились до положения простых кметов-крестьян. Спорные дела по восстановлению или выяснению прав, встречающиеся в Актах гродских, свидетельствуют о частых попытках конюших слуг уклониться от своих служебных обязанностей и перейти в ряды привилегированного сословия. Для возбуждения подобных дел было достаточно оснований в конкретной жизни. Вот пример: в люстрации 1497 г. в селении Негребка 10 «дворин» служебных, каждое из которых составляет самостоятельное хозяйство; в люстрации 1565 г. трое из слуг уже получили более высокое звание «земян», имеют своих кметов, которые платят за них подати, а сами земяне выполняют только замковую службу [14].

Совершенно то же видим в львовских селах Яснище и Лозина. Во второй половине XVI в. королевские слуги, жившие в этих селах, успели расширить свои земельные владения, обзавелись зависимыми от себя кметами и стали переходить в ряды шляхты, тогда как королевские слуги других сел пошли вниз по наклонной плоскости и влились в тяглую крестьянскую массу [15].

Среди тех же актов Галицкой земли есть один замечательный по своей яркости. В люстрации 1565 г. имеется отдел, который я привожу в своем переводе: «О селах, которые, прежде ничего не давая и не делая, жили около королевского стада в с. Медиках. Недалеко от села Медики, в котором помещалось королевское стадо, есть 7 селений над рекой Саном: Бучов, Торки, Витошинцы, Батицы, Мальковицы, Даровицы, Мачковицы, которые владеют большим количеством земли, луговой и пашенной. Люди этих селений, живя около королевского стада, привыкли не выполнять никаких

[13] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 279, 437 и др.
[14] W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 57, пр. 4.
[15] Там же, стр. 61, пр. 6.

повинностей и не давать никаких податей, только для корма стада на лугах косили траву и убирали сено, на что уходило 3 или maximum 4 дня; никаких иных повинностей они не признавали. Нынешний перемышльский староста, видя, что фольварки в Медиках и в Бакунчацах имеют хорошую землю, но в них мало людей, и что фольварки приносят мало дохода, неоднократно напоминал населению перечисленных сел, чтобы они работали на вышеуказанных фольварках несколько дней в году, но они всеми способами от этого уклонялись. Тогда староста, видя, что королевское стадо можно обслуживать гораздо экономнее, чем оставлять при нем такое большое количество людей, создал комиссию, которая, убедившись, что со всей работой около стада может справиться два или три селения, постановила, чтобы во всех селах пашенную землю вымерить в ланы, по скольку их может быть в каждом селе, и чтобы вышеназванных сел люди с каждого лана давали ежегодного чиншу по одной гривне, по колоде овса в перемышльскую меру, по 2 кур, по 2 гусей, по 15 яиц, и чтобы работали 2 дня в неделю... Король это постановление во всех пунктах и клаузулах в Красноставе изволил утвердить... На этом основании в двух селах, Бучове и Торках, пашенная земля положена в ланы, установлены чинши и работы в фольварке Медицком, а в пяти селах еще земля не вымерена, временно население оставлено при прежних обязанностях при королевском стаде». В выпущенном мною при переводе месте, между прочим, высказано убеждение, что при новых заведенных порядках, когда все работы будут выполняться под наблюдением и уход за лошадьми будет лучше, не будет гнить сено.

Документ очень интересный. Он говорит о признании непригодными старых порядков, о необходимости их замены новыми, более выгодными для королевского замка, в связи с чем, конечно, стоит и заведение фольварков.

В данном случае король идет по тому же пути, по которому пошли и некоторые из королевских слуг, и шляхта, и некоторая часть зажиточного крестьянства — процесс, одинаково затрагивавший всех землевладельцев, независимо от их национальности. Это — знамение времени, ставшее столь отчетливо себя обнаруживать уже в конце XV в. и особенно в середине XVI в.

Совершенно закономерно, что при этих обстоятельствах поколебалась привычная обстановка в королевских селах, старина, «jus ruthenicum», стала нарушаться и заменяться новыми отношениями. Понятно, что большинству королевских слуг пришлось опуститься до положения зависимого и крепостного крестьянина. Немногим только удалось, опираясь на свой материальный достаток, проникнуть в ряды шляхетства.

Об этом говорит и терминология актов. Недавние королевские слуги, перешедшие в категорию крестьян, стали называться laboriosi, kmethones, тогда как недавний сын тиуна уже называется providus, т. е. пошел быстрыми шагами вверх.

К разряду королевских слуг, живших на русском праве, относятся также сотные (homo sotny, kmetho sotny, они же homines regales, или służebny), коланные и ордынцы.

Коланных и ордынцев В. Гейнош считает одной группой, различающихся лишь наименованием [16]. Всё это homines regales, обслуживающие королевские замки, в прошлом люди, входившие в состав дворов-замков галицких князей.

И сейчас, т. е. в XV—XVI вв., они продолжают находиться в зависимости от королевских замков, живут в их подсудности, несут определенные не очень тяжелые службы [17] и дорожат своим положением, начинают протестовать, когда им грозит опасность перейти из-под королевской домениальной власти под власть частных владельцев и превратиться в крепостных крестьян. Возглавляют их тиуны или атаманы, в случае надобности они присягают по русскому обряду в церкви, носят русские имена, отчества и прозвища (Федор, Нефед, Савка, Игнат Семенкович, Петрусь Дубкович, Иван Кромкий, Андрей Нелебкович, Иван Малошович, Василь Филиппович, Федор Денисович и т. п.— servitores из села Слонки). Их «свобода» ограничена только в отношении выхода из-под королевской домениальной власти. Переходить из одного села в другое в пределах королевского домена они право имели. Сотные, коланные-ордынцы при этих условиях жили в королевских имениях из поколения в поколение («ab avis et prothavis» [18], «ex radice» [19], «ex eviternis temporibus» [20]). Доступ в состав коланнов-ордынцев людям вольным не был закрыт.

---

[16] Автор приводит вполне убедительные тому доказательства: переход «ad ordam w kalanstwo sub dominum regem» (Acta grodzkie, XIX, № 2712) и др. См. также Acta grodzkie, XIV, № 2702: «Se dedit ad ordam, in ordam».

[17] В. Гейнош на основании большого количества наблюдений обязанности королевских сел Солонки и Журавки изображает в следующем виде: 1) давать подводы под короля, в строго определенные пункты; 2) развозить королевские письма; 3) давать людей в войско; 4) пасти королевские стада и больше ничего (полное освобождение от всяких других повинностей). Подчеркнуто их право передавать все имущество умерших без сыновей родственникам (W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 96).

[18] Acta gr., XIV, № 2014 «...ab avis et prothavis est ordynyecz regalis» (1448).

[19] Acta gr., XIV, № 3797 «...sunt ordynczy ex radice...» (1454).

[20] Acta gr., XII, № 1786.

«...homines Arthyn et Nyester qui sunt aclinati sub regem in ordam et sunt veri ordynczi...» (1444). Ac. gr., XIV, № 1203.

«...ordynczowy, qui se dedit ad ordam...» (1452). Ibid., № 2702.

Сотные Саноцкого замка — это то же, что коланные-ордынцы Галичского и Львовского. Сотные тоже являются принадлежностью королевских доменов, обязаны королю службой, находятся под королевской юрисдикцией, живут в селах, приписанных к королевскому замку, владеют землей, имеют право переходить из одного королевского села в другое, в распоряжении своим имуществом (землей) несколько ограничены, имеют право покидать свою службу королю только в том случае, если найдут себе эквивалентную замену. Все они живут на русском праве и дорожат им. В этих королевских селах сохраняются общинные отношения.

Не может быть никаких сомнений в том, что это — осколок старой русской жизни. В этом никто и не сомневается. Разногласия появляются лишь тогда, когда ученые стараются точнее определить, пережиток чего именно мы здесь имеем.

М. С. Грушевскому, отказавшемуся от своего первоначального и совершенно, на мой взгляд, справедливого мнения о наличии в Киевской Руси смердов двух категорий — зависимых и независимых — и признавшего только последних, при встрече с зависимым сельским населением в княжеских доменах Галицкой Руси не остается ничего другого, как признать это зависимое население потомками старых русских холопов и закупов, посаженных на землю, подобно тому, как он трактовал зависимое население села Городел в завещании кн. Владимира Васильковича (стр. 303) [21]. М. С. Грушевский делает свой вывод как логически неизбежный из его собственной неверной предпосылки. Доказательств своему выводу он не приводит.

Если принять мнение М. С. Грушевского, то придется допустить, что в княжеском домене времен «Русской Правды», кроме холопов и закупов, никого больше и не было: ни смердов, ни отроков с их разнообразными функциями — хозяйственными, административными, военными,— ни специально военных слуг князя, для чего у нас нет никаких оснований. Мы должны считаться с фактом сложного состава княжеского двора эпохи «Русской Правды». Дальнейшую эволюцию княжеского двора мне и хотелось бы проследить.

Осаживания рабов на землю и превращения их в крепостных, конечно, отрицать нельзя. Факты это подтверждают. Здесь М. С. Грушевский совершенно прав. Но одними посаженными на землю рабами и закупами объяснить наличие княжеских, а потом королевских слуг, невозможно. Иначе пришлось бы допустить слишком радикальный и необъяснимый переворот, слишком большой скачок от рабства и крепостничества к положению королевских слуг, часто очень близких к состоянию

[21] М. Грушевский. Історія України-Руси, т. V, стр. 144—145.

шляхетства. В частновладельческих вотчинах мы никаких следов такой перемены не видим, а это было бы неизбежно, если бы столь резкий перелом происходил в действительности. Поэтому возражения, сделанные М. С. Грушевскому В. Гейношем, я считаю совершенно справедливыми.

В. Гейнош подчеркивает факт, что единственным выражением зависимости королевских слуг от короля является невозможность свободного одностороннего разрыва служебной связи с королевским замком и что, кроме этого, королевский слуга не имел никаких ограничений в правах, которые бы носили пятно рабства или бы даже его напоминали. Это дает основание автору отрицать в положении королевских слуг пережитки рабства. Далее тот же автор обращает внимание на то, что общественно-правовое и хозяйственное положение королевских слуг, живших на русском праве, значительно выше положения крестьян. Тут он указывает на относительную их зажиточность. Факты добровольного вступления в ряды этих слуг, протесты против попыток изменить их положение, переходы отдельных королевских слуг в высшие общественные группы — все это в совокупности, по мнению автора, не позволяет выводить эту категорию населения из самого низкого рабского состояния [22].

В. Гейнош согласен с тем, что это — русская старина, которую он, к сожалению, представляет себе по Ключевскому, называя ее княжеско-городской, что, конечно, затрудняет по существу совершенно правильный ход мыслей автора и направляет его на ложный путь. Если бы он мог признать, что никакой «городской» Руси не было, что Русь развивалась так же, как и другие страны Европы, что деревня и здесь, как и в других феодальных средневековых государствах, играла ведущую роль, гораздо более серьезную, чем отводил ей Ключевский, стоявший на точке зрения особого своеобразного пути развития Руси, позиция В. Гейноша была бы значительно крепче. Но, повторяю, нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что в королевских замковых слугах мы видим пережиток старых служебных отношений, имеющих аналогию и у других славянских народов и, в частности, в Польше, где тоже можно найти в соответствующее время служебные поселения, связанные с замками. «С рабством в собственном смысле слова эта зависимость ничего не имеет общего не только в период, здесь рассмотренный, но и в своих истоках»,— заключает совершенно справедливо свои доказательства В. Гейнош [23].

Для нас важна история этой категории населения доменов на всем ее протяжении, начиная со времен «Русской Правды»

---

[22] W. Hejnosz. Указ. соч., стр. 104—106.
[23] Там же, стр. 105.

и до XV—XVI вв. Здесь мы можем видеть эволюцию норм «Русской Правды», касающихся сельского населения. Не наша вина, что раскрыть сколько-нибудь конкретно эту эволюцию источники не позволяют. Лишь тени прошлого проходят перед нами; облечь их в плоть и кровь — задача, к сожалению, невыполнимая в полной мере. Тем не менее мы не имеем права пренебрегать и тем, что осталось от далеко ушедшего от нас прошлого.

Конец этого осколка старины нам хорошо известен. Судьба населения королевских доменов определилась в связи с тем, что часть королевских сел, дороживших своим русским правом, была пожалована королем в частные руки, а часть, оставшаяся за королем, подверглась общей так называемой волочной реформе, вызванной требованиями жизни.

И в том, и в другом случае положение населения радикально менялось: частные вотчинники не без успеха пытались превратить население в крепостное состояние, реформа доменниального хозяйства в конечном счете приводила к тому же. Только небольшая сравнительно горсть бывших княжеских, а затем королевских слуг сумела подняться до высшей общественной ступени и вступить в ряды шляхты.

Перемены в хозяйственное и правовое положение сельского населения Червоной Руси были внесены необходимостью новой организации сельских хозяйств в связи с изменениями в экономической жизни Европы.

Итак, о населении королевских доменов мы можем сказать следующее:

1. Домены польских королей в Галицкой земле — это бывшие домены галицких князей.

2. В этих доменах сохранилось очень многое от времени самостоятельности Галицкой Руси.

3. Население доменов — это прежде всего дворцовые слуги и затем крестьяне.

4. Перемены в правовом и хозяйственном положении доменов происходили под влиянием причин общего характера, одинаково действовавших на население как польских, так и галицкой земель.

5. Слуги servitores владеют землей (отсюда второе их название terrigenae), находятся в сеньериальной зависимости от короля, выполняют ряд обязанностей: несут военную службу и выполняют специальные хозяйственного характера обязанности (конюшие, рыболовы, бортники и др.). Они не имеют права покидать своей службы.

6. Общие условия, приводившие к переменам в организации сельского хозяйства, коснулись и королевских доменов: часть слуг попала в ряды шляхты, другая часть опустилась до положения обыкновенных крестьян.

7. В самом тяжелом положении оказались слуги, сидевшие на домениальной земле, жалуемой королями частным лицам. Слуги в таких случаях либо превращались в крепостных, либо в случаях образования фольварков сгонялись со своей земли и превращались в безземельную ищущую заработка массу.

10. КРУПНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛОЖЕНИИ ПОЛЬСКИХ И ГАЛИЦКИХ КРЕСТЬЯН В XVI в.[1]

XVI век в жизни европейских стран на восток от Лабы (Эльбы) был веком большого хозяйственного оживления, временем перестройки крупных и средних хозяйств, резко отразившимся на судьбах феодально зависимого крестьянства.

Капиталистический строй, к этому времени сделавший серьезные успехи в части Западной Европы, между прочим, сказался в том, что вследствие сокращения сельского хозяйства некоторые страны (Англия, Фландрия, например) стали нуждаться в привозном хлебе. Все это так и было, но в историографии по этому предмету, на мой взгляд, имеются несомненные преувеличения.

Особенно это бросается в глаза при изучении русского сельского хозяйства XVI в. Русского хлеба в это время ни Фландрия, ни Англия не получали, вывоза русского хлеба за границу в больших размерах в это время вообще не наблюдается, а между тем с конца XV в. в России происходят буквально те же самые перемены в сельском хозяйстве, какие мы видим и в Польше, и в восточной Германии, и в Австрии, и в Литве.

Я склонен думать, что историки Запада недоучитывают значения общественного разделения труда и внутреннего рынка. Относительно Польши мы можем услышать совершенно ясный и уверенный голос С. Кутшебы. Поскольку в этой главе речь идет именно о Польше, по отношению к которой историки больше всего грешат преувеличением значения внешнего рынка, позволю себе привести здесь большую цитату из труда С. Кутшебы.

«В течение XV века,— пишет он,— появляются следы новых стремлений, довольно сильно выступающих уже с конца этого столетия и в следующем столетии. До сих пор хозяйство опиралось главным образом на чинши и дани. Господин деревни довольствовался этим, а сам средствами своей усадьбы возделывал только небольшой участок пашни. Он еще не был настоящим сельским хозяином, так как был прежде всего рыцарем.

---

[1] Эта глава, по своему содержанию выходящая за рамки третьей части книги, помещается здесь как заключительная для судеб польского и галицкого крестьянства.

Начинается новый период. Появляются наемные войска, рыцарская служба шляхты теряет свое значение. Шляхтич начинает превращаться в землевладельца. Чинш — главный его доход — уже не может удовлетворить его нужды, к тому же чинш этот представляет все меньшую и меньшую ценность, так как он определен раз навсегда, а между тем цена денег, как и везде, падает все сильнее. Кроме того, с XV в. начинает подниматься уровень жизни... Шляхтич находит увеличение своих доходов как в усилении повинностей крестьян..., так и в развитии своего собственного хозяйства. А это хозяйство может теперь развиваться, ибо находится сбыт для его продуктов. Прежде всего растет количество населения, причем особенно успешно развиваются города, а город — главный покупатель деревенских продуктов, особенно хлеба. Этот фактор действует уже в XV в. Позднее, в XVI в., появляется и другой фактор — вывоз хлеба на Запад.

Обыкновенно этот факт ставится в связь с занятием Гданска по Торуньскому трактату 1466 г. *Это совершенно неверно* (курсив мой.— *Б. Г.*). Европа тогда еще не нуждалась в польском хлебе, так что Польша не могла и вывозить его. Этот вывоз хлеба, надежно засвидетельствованный в XV и XVI вв. гданскими регистрами и польскими таможенными книгами, пока еще очень незначителен. Он начинает усиливаться только в конце правления Сигизмунда I и еще более при Сигизмунде Августе, хотя и тогда ему еще далеко до тех размеров, каких он достиг позднее и какие часто неверно относят уже к этой эпохе» [2].

Не забудем, что С. Кутшеба — крупный специалист именно по истории польской торговли. Ему принадлежат такие труды, как «Handel Krakowa w wiekach średnich», «Handel Polski ze wschodem w wiekach średnich», «Taryfy celne i polityka celna w Polsce od XIII do XV stulecia», труды, написанные в результате обследования громадного количества источников. Мнение крупнейшего специалиста в данной области должно быть решающим.

Автор, как мы можем легко убедиться, совсем не склонен рассматривать сдвиги в сельском хозяйстве Польши XV—

---

[2] Станислав Кутшеба. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, стр. 70—71. Возражения О. Бальцера, сделанные Ст. Кутшебе, не колеблют его позиций. О. Бальцер, в сущности, напомнил только то, что было хорошо известно и С. Кутшебе. Что вывозился в XVI в. хлеб из Польши, этого не отрицает и С. Кутшеба. Весь вопрос ведь сводится к удельному весу хлеба во внешней торговле. Критику С. Кутшебы не удалось доказать того, что хлеб вывозился из Польши в таких количествах, которые могли бы повлиять на все сельское хозяйство Польши. О. Бальцер не замечает роли внутреннего рынка. (О. Бальцер. К истории общественно-государственного строя Польши. Перевод с польского, СПб., 1908, стр. 91, 208—209).

XVI вв. как результат воздействия внешней торговли. Состояние внутреннего рынка дает ему совершенно убедительное объяснение этим явлениям.

Русские источники приводят к совершенно такому же заключению и по отношению к истории внутреннего рынка России, так глубоко изученного в свое время В. И. Лениным.

Несмотря на то, что В. И. Ленин имел в виду только Россию и главным образом XIX в., его теоретические соображения имеют значение не только для истории русского внутреннего рынка и не только для одного XIX в. Мне кажется, назрело время пересмотра этой стороны экономической жизни в общеевропейском масштабе.

Итак, если обратиться пока к одной Польше, то не внешний, а именно внутренний рынок вызвал серьезные перемены в жизни польской шляхты и дворянства других стран Европы на восток от Лабы (Эльбы).

Совершенно понятно, почему землевладельцы-дворяне во всех этих феодальных странах стали энергично хозяйничать. Известные в разных странах под разными названиями, но нигде не меняющие своей сущности (Ritter, Junker, барон, шляхтич, сын боярский),— все они прежде всего землевладельцы, прекрасно понимающие, что земля без права на принудительный крестьянский труд приносить им дохода не будет.

«Дворянство переживает в XVI веке свой золотой век, эпоху подъема и бурной, напряженной деятельности» [3]. Независимо от той роли, которую в политической жизни перечисленных выше стран играли отдельные группы класса феодалов-землевладельцев, господствующий класс этих стран в целом различными путями добивался и добился: 1) расширения земельных владений и увеличения контингента зависимого населения; 2) расширения и укрепления прав на землю; 3) перевода значительной части крестьян на барщину, каковая форма эксплуатации крестьянина наиболее полно удовлетворяла в данных условиях их хозяйственным расчетам; 4) усиления своей власти над массой зависимого крестьянства.

Для одних стран (например, Германия), успевших в той или иной степени освободить своих крестьян в течение XIII—XIV вв., это было крепостничество второго издания, для других стран (например, Россия или Польша), не расстававшихся с принудительным трудом крестьянина, это было новое усиление нажима на крестьян, переход от более льготной для крестьянина оброчной системы к барщине, тоже уже вторичной, так как с этой формой эксплуатации крестьянина были пре-

[3] Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, изд. 3, 1944, стр. 13.

красно знакомы и Польша и Русь на заре феодальных отношений и так как первую барщину от второй отделяет период господства натуральной докапиталистической ренты (оброк) приблизительно в XIII—XV вв.

Не в одинаковой форме и мере и не одинаковыми путями, но везде дворянство старается использовать власть дворянского государства и добивается от нее укрепления своего материального и правового благополучия. Власть Русского государства чутко прислушивалась к нуждам этого класса, так как он служил ей главной опорой в борьбе с враждебным ей боярством внутри и с многочисленными опасностями извне.

Историки европейского сельского хозяйства давно уже согласились с тем, что в этом отношении Европа делится на две неравные части. Сравнительно небольшой угол Западной Европы (Англия, Франция, Италия, Кастилия, Португалия) знает ускоренный и более или менее прямолинейный рост капитализма. Здесь сравнительно рано труд крепостного крестьянина делается анахронизмом. Вслед за последним видом феодальной эксплуатации крестьянина — денежной докапиталистической земельной рентой — в одних странах идет освобождение крестьян и от их земли и от их господ, превращение крестьян в рабочих, классический пример чему мы имеем в истории Англии. Во Франции освобожденный крестьянин превратился в мелкого собственника, обязанного, однако, до самой французской буржуазной революции взносами феодальной ренты своему сеньеру.

На огромных пространствах Европы на восток от Лабы (Эльбы) наблюдается иной ход общественного развития. Повышенный интерес землевладельца к поднятию доходности своих земель появляется и разрешается тут в обстановке господства феодального режима. Создание собственных барских хозяйств, обслуживаемых барщинным трудом зависимого крестьянства, вызвало здесь новый нажим на крестьянина. Несмотря на энергичный протест, крестьянин был побежден, его положение низведено до состояния, очень близкого к рабскому. Восточная Германия, Австрия, Польша, Прибалтика и Россия пошли именно по этому пути [4].

Всегда и везде в переходные времена наблюдается обостренная работа мысли. Польша не представляет исключения. В мою задачу, однако, не входит изображать подъем общественной мысли в этот интересный момент истории Польши. Не собираюсь я рассматривать и различные течения общественной мысли по крестьянскому вопросу в частности. Мне хочется остановиться лишь на изложении чисто практических соображений

[4] Эти вопросы в последнее время разрабатывает С. Д. Сказкин.

польского шляхтича XVI в., преуспевающего в своем хозяйстве. Имею в виду труд польского доморощенного «экономиста» пана воеводы Гостомского.

Это человек военный по профессии, хозяин по призванию. «Хорошо идет служба только тогда, когда она опирается на землю и плуг»,— говаривал сам воевода. Может быть, он и служил не плохо, но хозяин был, несомненно, вдохновенный. Приятели упросили его поделиться своим опытом, и он, не будучи причастен к литературе, решил взяться за перо. Он не много размышлял, но добросовестно записывал то, что привык делать. А вел он свое дело с большим расчетом и умением. Писал он между 1583 и 1588 гг., т. е. тогда, когда новый курс на устроение фольварков, расширение барщины и закрепление крестьян был уже общераспространенным и давал землевладельцам ощутительные результаты. В писаниях пана воеводы все очень интересно. Я остановлюсь только на том отделе его «Хозяйства», который касается отношения пана к крепостному крестьянину. Основная мысль автора выражена в формуле: «Труд крестьян — главнейший источник господских доходов». Искусство хозяина должно заключаться в том, чтобы умело использовать этот источник. А так как польский землевладелец этого времени в полном смысле был государем в своей вотчине, вольный даже над жизнью и смертью своих подданных, то для него не было преград в достижении своей цели.

Кодекс сеньериального права у каждого шляхтича мог быть свой. Пан Гостомский находил, например, полезным карать смертью каждого своего крестьянина, даже малолетнего, за разжигание костра в поле во время засушья или за самовольное пользование господскими ценными вещами; порку он присуждал за опоздание на барщинную работу (порка и $^1/_2$ дня дополнительных работ), за опоздание с посевом, за ослушание приказчику; на цепь сажал за самовольный уход из села; присуждал наказание, равносильное прогонянию сквозь строй, за неуважительные причины неявки на барщину (каждый крестьянин должен был нанести три удара осужденному; это называлось — «pruścić na praszczęta», т. е. kazać wszystkim chłopom trzykroć zaciąć)». В каждом барском дворе должны быть: тюрьмы, цепи, кандалы, колодки («w każdym dworze powinny być instrumenta gotowe, w któreby naprędce więźnia albo winnego wsadzić można, to jest łańcuch, abo kabat, abo gąsiory i kunę»).

В изобретательности наказаний воевода Гостомский неподражаем. Крестьянину, который не смог приготовиться к зиме, на рождество Христово в жесточайший мороз он приказывает сделать такую дыру в избе, чтобы крестьянин вынужден был доживать до тепла у своего соседа.

Воевода Гостомский не говорил, как в аналогичных случаях выражался немецкий автор того же жанра: «Der Guttsherr ist der Vormund seines Bauern, denn der Bauer ist dumm» [5], но все же исходил из убеждения, что крестьянин должен жить так, как считает это необходимым его хозяин. Крестьянская барщина, по уставу Гостомского, в самую горячую пору жатвы равнялась 6 дням в неделю, в остальное время года — 4—5 дням. Само собой разумеется, крестьянин мог справляться со столь тяжелой повинностью только при условии, если у него в доме была своя рабочая сила, способная вести его крестьянское хозяйство. Но Гостомский считал крепкими себе не только главу крестьянской семьи, но и всех его родственников, прямых и боковых, престарелых родителей, братьев, сестер, теток и дядьев. Вернулись уже давно изжитые времена: паны снова стали выбирать себе «пустовщину», «уморщину», т. е. наследовать имущество крестьян, умерших без мужского потомства. От закона Казимира Великого, отменившего право мертвой руки, остались только воспоминания.

Крестьяне пана Гостомского поделены на десятки, во главе десятка поставлен десятский, на обязанности которого было следить за каждым крестьянином своего десятка. Если десятский замечал, что бедный крестьянин ничем не занят для себя, он тащил его на барский двор: «пусть хоть там поработает, чтобы не отвыкал от труда» («choćby odrobił, aby go tem wciągnął w robotę») [6]. Трудно представить более обнаженный сгусток мыслей, рожденных в практической голове феодала-эксплуататора, пользовавшегося несомненной популярностью в шляхетской среде XVI в. Этим я отнюдь не хочу сказать, что не было в Польше других мнений, подобных тем, которые высказывал в XV в. профессор Краковского университета Ян из Лодзиска (см. стр. 375 прим.) или в XVI в. Скарга [7]. Несомненно, это было проявление высоких мыслей и чувствований, но они были далеки от практической жизни.

Конкретная же хозяйственная обстановка и классовые отношения, складывавшиеся в XVI в. во всей Восточной Европе, приводили шляхетство в его практической деятельности к весьма определенным выводам, которые с полной откровенностью и высказал воевода Гостомский.

Не случайно некоторым польским гуманистам казалось, что нет государства, в котором бы крестьяне были угнетены

---

[5] «Землевладелец — попечитель своего крестьянина, потому что крестьянин глуп» (Friedrich Grossmann. Ueber die gutsherrlich bauerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg, S. 46).

[6] S. Inglot. Указ. соч., стр. 34.

[7] Piotr Skarga. Kazania Sejmowe, VII, Warszawa, 1937, str. 260—261.

больше, чем в Польше. «Бог ни за что не будет так наказывать Польшу, как за угнетение крепостных»,— говорил Опалинский, писавший, правда, уже в XVII в. [8]

Но нельзя забывать, что и в других государствах периода подъема интереса к земле, превращения рыцаря в сельского хозяина, оброчного крестьянина в барщинного, периода изобретательства средств к поднятию доходности имений и прибылей с городских предприятий, крестьянину жилось не легко. «Всякий, кто владеет сотней гульденов, может ежегодно сожрать одного мужика без всякого риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочным пирогом», — писал Лютер. Если Польша выделялась в это время чем-либо, то именно своим политическим строем, допускавшим полный произвол шляхты. Но ведь та же шляхта перед этим целые века эксплуатировала крестьянский труд в иной, более мягкой форме. Должны были в самой жизни произойти значительные изменения, вызвавшие новые формы организации сельского хозяйства и новый режим для зависимого крестьянства.

О причинах, породивших эти новые явления, мы уже говорили выше.

Если относительно причин, вызвавших крупные перемены в сельском хозяйстве многих европейских стран, существуют разногласия, то самые перемены настолько бросаются в глаза, что в изображении их разногласий почти нет.

В Германии к востоку от Эльбы, пишет И. Лучицкий, «в течение XIV и XV ст. происходит постепенное превращение и рыцаря, и города, и горожан в землевладельцев («Grundherrn»)». Раздача населенных земель государством служилым людям ставит между государством и крестьянином третье лицо («юнкера»). Освоивший землю и сидящих на ней людей юнкер превращается в господина села и его обитателей, а крестьяне — в его подданных. Окончательно завершился этот процесс в XVI и XVII вв. Землевладелец старается увеличить доходность своего имения и ограничить свободу крестьянских переходов. Сначала требуется только представление уходящим крестьянином заместителя (Gewärbsmann). Со второй половины XV в. начинаются иски о беглых. К XVI в. создаются мызы и хутора (Vorwerke) с самостоятельными барскими хозяйствами. С XV в. и особенно в XVI в. каждый землевладелец стремится расширить площадь своей запашки. Расширение происходило преимущественно за счет крестьянских земель. Землевладельцам пона-

[8] Krzysztof Opaliński (1609—1655), польский сатирик. Его произведение — «Satyry albo przestrogi do naprawy rządu i obyczajów w Polsce należące».

добились рабочие руки. Крестьян стали переводить на барщину. Начинается серия мероприятий по ограничению крестьянской свободы. К середине XVI в. все без исключения немецкие помещичьи крестьяне считались homines proprii, т. е. абсолютно крепостными [9].

В Австрии и Венгрии, в славянских странах, находившихся под властью Австрии, мы видим аналогичный процесс, протекавший в то же самое время [10].

В данном случае меня интересует больше всего Польша, включившая в свои владения Галицкую Русь.

В своем специальном труде («Очерки хозяйственной жизни Польши») проф. Рутковский уделяет этому предмету должное внимание. Он отмечает, что еще в период перехода к оброчно-чиншевой системе эксплуатации в Польше начали проявляться тенденции к замене чиншевой (оброчной) системы, упроченной через колонизацию, на систему барщинную. Собственные барские хозяйства, фольварки, существовали и до господства оброчной системы эксплуатации, но их решающее значение начинает расти приблизительно с XV в.

Фольварки своими размерами в десятки раз превышают крестьянские хозяйства. Однако тут дело не в размерах, а в том, что фольварк — это сельскохозяйственное предприятие человека, имеющего возможность вследствие своего привилегированного общественного положения эксплуатировать чужой труд. Владелец фольварка должен иметь власть над крестьянской массой. Автор этих соображений признает таким образом, что фольварочная система есть одна из разновидностей ведения феодального хозяйства.

Хронология развития фольварочной системы, по его мнению, еще недостаточно установлена. Он приходит к заключению, что «мир в Торуне 1466 г., который дал Польше доступ к морю и облегчил экспорт хлеба, был, несомненно, важным событием в развитии сельского хозяйства; однако статистика хлебного вывоза показывает, что только в XVI веке он приобрел решающее значение. Во всяком случае не подлежит сомнению, что перемены в хозяйственной системе происходили постепенно и неравномерно в разных частях государства; в одних частях переворот совершился уже во второй половине XV века, тогда как в других только в XVI веке или даже еще позже» [11].

---

[9] И. Лучицкий. Крестьяне. Энц. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVI А, стр. 664—665.

[10] Б. Д. Греков. Полица, стр. 122; Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической ренты в Хорватии второй половины XV и XVI вв. Уч. зап. Института славяноведения АН СССР, т. IV, стр. 284—306.

[11] Jan Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych, str. 52—53.

Прежде всего фольварки развивались в местах у судоходных рек. В XV в. у верхней Вислы, в окрестностях Сандомира фольварки уже существуют в 80% сел; в других местах — только в 30%. На частновладельческой земле фольварки растут быстрее и появляются раньше, чем на королевской и церковной. В связи с развитием фольварков стоят и изменения в положении крестьян. Растет количество так называемых «загродников», т. е. крестьян, сидящих не на крестьянских земельных участках, а владеющих лишь домом, огородом, а иногда и землей в размерах, не превышающих $^1/_4$ крестьянского участка. Загродники очень удобны для владельцев фольварков, так как по своей бедности они вынуждены искать заработка на стороне, и являются выгодной рабочей силой на фольварках. Барщина стала усиленно вытеснять оброк [12].

И. А. Линниченко в основном такого же мнения. «Новые условия помещичьего хозяйства в XV в.,— пишет он,— явившиеся вследствие возможности выгодного сбыта хлебных продуктов,... вот важнейшие причины, создавшие новые, более тягостные условия для положения польского (и, конечно, и галицкого.— *Б. Г.*) крестьянина. С конца XV в. юридические права крестьян польских подвергаются все более и более стеснительным ограничениям в трех направлениях: 1) прикреплении их к земле, 2) увеличении количества повинностей и особенно барщины, 3) безусловном подчинении домениальной власти пана. Юридический процесс закрепощения польского крестьянина завершился во второй половине XVI в.» [13].

В связи с этими переменами в организации хозяйства стоит и поток законодательных мер по ограничению крестьянских прав.

Само собой разумеется, что и крестьянство Галицкой Руси в указанное время переживало те же характерные перемены не только как часть Польского государства, но и как часть Европы, не успевшей к этому времени изжить феодальный способ производства, т. е. ничем не отличалось в своей судьбе от крестьян в странах, расположенных на восток от Лабы (Эльбы).

В XIV и первой половине XV в. происходит еще значительный прилив польской шляхты в Галицко-Волынскую Русь. Для нее было очень важно иметь возможность заселить полученные ею от правительства земли, поэтому она не только не ищет отмены крестьянских выходов, а требует вмешательства власти в тех случаях, когда землевладельцы не хотят выпускать крестьян, отказавшихся от них с соблюдением зако-

---

[12] Jan Rutkowski. Указ. соч., стр. 51, 55.
[13] И. А. Линниченко. Черты, стр. 124.

ном установленных правил. На заседании шляхетского веча в Галиче 1444 г. было постановлено, что если владелец не захочет выпустить своего крестьянина после формального отказа (post reclinacionem), то крестьянин имеет право обращаться в суд. Суд присуждал такого землевладельца к штрафу в 6 гривен (3 в пользу суда и 3 в пользу истца) и к выдаче отказавшегося крестьянина [14].

В том же году той же шляхтой вынесено было другое решение — о том, что крестьяне могут отказываться (abdicare se) в течение 2 недель, считая от второго дня по Рождестве Христове, и что запрещается обратный насильственный увод вышедшего крестьянина и отобрание его имущества [15]. «Постановление это станет понятным тому, кто заглянет в галицко-русские судебные книги XV в., особенно в книги Галицкой земли. Последние переполнены делами о наездах на чужие имения и уводе вышедших крестьян»,— комментирует это постановление И. А. Линниченко [16].

Очевидно, тут сталкивались различные интересы землевладельцев: тех, кому выгодны были переходы крестьян, и тех, кому они были невыгодны. Сталкивались тут также право и сила, что так характерно для Польши этого и последующих периодов, когда своевольная шляхта очень часто опиралась больше на свой меч, чем на авторитет закона. По конституции 1493 г., каждый крестьянин еще мог оставлять землю, рассчитавшись с землевладельцем, дети крестьянина еще могли свободно распоряжаться своей судьбой. «Так как сами кметы, переходящие с места на место, и их господа входили в весьма большие убытки», то статут постановляет: «чтобы кметы от своих светских и духовных господ во всех частях Краковской земли никоим образом со своих полей уходить не смели бы, иначе как только, если кмет обстроит свою усадьбу и выполнит все обязанности по отношению к своему господину согласно обычаю, исключая земель русских и великопольских, где пусть сохраняется старое право» [17-18].

Статут 1496 г. не нарушает этого принципа и подтверждает, что постановления относительно отпуска крестьян не должны

---

[14] «Item eciam domini invenerunt, quod cum aliquis homo reclinabit se a suo domino ad alium dominum et idem ejus dominus ipsum detinebit et locabit post reclinacionem, extunc ipsum debebit citare ad tercium diem, qui habet ipsum restituere in primo termino cum tribus marcis, castro tres et actori tres. Item eciam debent ipsum predestinare alio homine. Si autem non vellet restituere, extunc ipsum citare habet, ut supra» (Ac. gr., XII, p. 129).

[15] Acta gr., стр. 138; И. А. Линниченко. Черты, стр. 125.

[16] И. А. Линниченко. Черты, стр. 125, прим. 1.

[17-18] Bandtkje. Jus Polonicum, t.I, Warszawa, 1831, str. 327. Statuta Joannis Alberti de a. 1493, ст. XII.

подвергаться изменениям, но должны сохраняться везде [19]. Но тут уже есть и серьезное ограничение крестьянских прав: из сыновей крестьянина только один может уходить в наемную службу или для изучения ремесла, и то с увольнительным свидетельством от своего пана; остальные должны оставаться в селе. Если у крестьянина только один сын, то он должен оставаться в селе [20]. Власть мотивирует полезность этого закона необходимостью обеспечить рабочими руками шляхетские имения и предохранить крестьянскую молодежь в моральном отношении, так как-де молодые люди, уходя от своих родителей и живя на собственный заработок, попадают в дурное общество, начинают заниматься воровством и повреждаются в нравах. Мотив, характерный для переходного времени, времени роста городов и перестройки деревни. Для крестьянина эта перестройка при данных условиях несла распространение крепостной зависимости на его потомство.

Можно считать правильным взгляд, что в установлении более крепкой зависимости крестьянина галицкие землевладельцы шли по пути, пролагаемому польской шляхтой. Такого же мнения и И. А. Линниченко («юридическое закрепление крестьян наступило в Червоной Руси несколько позже закрепощения польских крестьян») [21]. Приоритет в этом отношении польской шляхты понятен уже потому, что именно

---

[19] «Item de missione kmethonum, pro qua diversi diversimode, et quisque pro suae terrae consvetudine obstabat per nōs diffiniri, volumut et decernimus consvetudines, super mittendis eis observatas, non esse immutandas, sed observandas ubique» (Statuta Joannis Alberti de a. 1493, ст. XI. Jus Polonicum, str. 343).

[20] «Item providentes licentiositati tam adolescentum plebejorum, quam desertationi bonorum, cum, adolescendibus de villis a propriis parentibus exeuntibus, villae desertantur propter defectum laboratorum in agris locandorum et insuper aliqui sub colore artificiorum, discendorum a patribus euntes, ad stipendia et societates malas se conferunt, sic quoque furantur, proedantur, et in moribus depravantur, statuimus, quod tantum modo unus filius de villa a patre recedere possit ad servitia, et praesertim ad studia, aut litterarum aut artificiorum, religie maneant in haereditate cum patribus... Et si fuerit ille in haereditate maneat et laboret in domo cum parentibus, vel in eadem haereditate, quam parentes incolunt, aut domicilium aut servitium, aut victum acquirat...» Там же, ст. XIV. De filiis kmethonum.

[21] И. А. Линниченко. Черты, стр. 126, прим. 3.

Совсем иного мнения держится польский проф. А. Прохаска. В своей рецензии на книгу И. А. Линниченко «Черты из истории сословий в юго-зап. Руси» он высказал полное удовлетворение по поводу решения И. А. Линниченко вопроса о судьбах крестьян Галицкой Руси. Теперь мы знаем наверно, пишет А. Прохаска, что галицко-русское крестьянство, до воздействия на него польского права, было «либо крепостным, либо очень мало отличалось от крепостного состояния». Проф. А. Прохаска благодарит И. А. Линниченко именно за то, что он установил эту несвободу галицко-русского крестьянства, так как констатирование этого

польская шляхта, как никакое другое дворянство европейских стран, успела достигнуть огромных политических успехов и получила возможность максимально в своих интересах использовать создавшееся положение. Землевладельческий привилегированный класс Галицкой Руси, к этому времени уже в сильной степени разбавленный элементом польским, и сам полонизированный, естественно, не хотел оставаться позади и стремился получить себе те же привилегии, какие успел отвоевать себе шляхтич польский. Политика польского правительства шла навстречу галицко-русским феодалам в целях привлечения их на свою сторону. Эта политика принесла свои плоды, и галицкий землевладелец в конце концов тоже получил основание благодарить бога за то, что он создал его шляхтичем, и предопределил ему быть владельцем земли и сидящих на ней крестьянских душ.

Действительно, в Галицко-Холмской земле создалось такое положение, что сохранившими свой старый национальный облик оказалась только крестьянская и частично мещанская масса, да отчасти православное духовенство. Привилегированный класс землевладельцев вошел в польско-шляхетскую среду.

При этих условиях трудно было бы ожидать, чтобы галицко-холмская шляхта оставалась в стороне от общешляхетского движения, охватившего всю Польшу, всех землевладельцев, независимо от их национальности. Мы не раз встречаем в документах упоминания о «шляхте поветов Холмского, Красноставского, Грубешовского и Щебрешинского» (сеймик в Красноставе 1477 г.), о шляхте галицкой (вече 1435 г.) и др. Это съезды местных землевладельцев, решающие вопросы, поставленные жизнью данной области, часто без согласования с сосед-

---

факта дает возможность А. Прохаска подчеркнуть свою мысль о том, что несвобода галицко-русского крестьянина «постепенно ослаблялась под влиянием польского права». Твердо веря в эту освободительную миссию польского шляхетского права, А. Прохаска дает и объяснение этому «факту». Это якобы есть результат влияния западноевропейского просвещения, процветавшего в XV в. в Кракове, где профессор Краковского университета в XV в. Ян из Лодзиска высказывал убеждение в необходимости полного освобождения крестьян. «Надо уничтожить несвободу земледельцев,— говорил Ян,— которая из всех зол есть самое худшее, которая для свободного человека тяжелее всякой казни, и дать свободу населению христианского государства, так как очевидно, что природа производит всех людей равными» (L e w i c k i. Cod. ep. XV. seculi, t. III, p. 15).

К сожалению, А. Прохаска упустил из виду, что огромная часть Европы, несмотря на свое просвещение, организовала в XVI в. у себя тот же крепостнический режим и что Польша в этом направлении отнюдь не отставала от Европы и потому никак не могла нести свободы галицкому крестьянству (A. P r o c h a s k a. Nowsze poglądy na stosunki wewnętrzne Rusi w XV wieku. Kwartalnik historyczny, 1895. Rocznik IX, zeszyt I, str. 42).

ними областями и со статутами, рассчитанными на общегосударственное значение. Дело, связанное с именем короля Казимира Великого, еще так недавно ставившего себе задачей объединение государства и в этих целях издавшего общегосударственный закон (Вислицкий статут), было погребено. Вислицкий статут, формально не отмененный, фактически пребывал в забвении. Шляхта на своих местных сеймиках решала важные дела и, в частности, вопросы о крестьянах, не заглядывая в этот Статут, а руководствуясь соображениями о своих местных выгодах. Чирвинский привилей 1422 г. подтвердил, что Вислицкий статут должен соблюдаться только в том, что касается судопроизводства. На вече в Галиче в 1435 г. галицкая шляхта постановила в вопросе о крестьянских выходах держаться практики Краковской и Сандомирской земель и Великой Польши [22], т. е. считать, что крестьянин имеет право уходить от своего господина один срок в году на рождество Христово с условием, что крестьянин должен дать своему господину 60 грошей, меру пшеницы, 2 колоды овса, 4 русских калача, 4 куры, воз сена и воз дров.

В этом постановлении важно отметить две стороны: 1) оно подчеркивает разнообразие в положении крестьян в отдельных польских землях, 2) игнорирует постановление Вислицкого статута, по идее обязательного для всего государства [23]. Совершенно определенно и не без оттенка грусти и упрека говорит об этом Статут короля Иоанна Альберта 1496 года: «Item de missione kmethonorum, pro qua *diversi diversimodo et quisque pro suae terrae consvetudine obstabat per nos diffiniri*, volumus et decernimus...» [24] (курсив мой.— *Б. Г.*).

По закону, введенному польскими властями в Галицкой земле в 1435 г., все расчеты с уходящими крестьянами землевладельцы должны были покончить за две недели до выхода, после чего владелец никаких претензий к крестьянину предъявлять не мог.

В 1444 г., как мы видели, на заседании галицкой шляхты было постановлено, что если владелец не захочет выпустить крестьянина после официального отказа (post reclinationem), то крестьянин имеет право обращаться к суду и владелец обязан его отпустить, уплатив 3 гривны штрафа в пользу суда и 3 гривны в пользу истца.

Но уже в 1445 г. внесено было частичное ограничение норм

---

[22] Acta grodzkie, XII, № 4203.

[23] По Вислицкому статуту, один или два крестьянина могли уходить от своего господина; в постановлении галицкой шляхты этого ограничения нет.

[24] Bandtkje. Jus Polonicum, str. 343. Statuta Johannis Alberti a. 1496, ст. XI.

Вислицкого статута: «Если пан отправляется на войну, то из его деревни не может выселиться в его отсутствие ни один кмет ни под каким предлогом».

В 1477 г. Красноставская шляхта (Холмской земли) постановила, что ни один кмет не может уйти от своего пана через простой отказ (abdicatio), но обязан посадить на свой лан заместителя, и ввела однодневную барщину. Мазовецкий статут 1491 г. узаконил барщину как общее правило, в размере одного дня в неделю с лана.

Эти узаконения, изданные в разное время для разных частей Польского государства по инициативе местной шляхты, мало считались с общегосударственным законом, если он уже был, и очень серьезно мешали созданию единого закона.

И в Статуте 1496 г. король не рискует ввести единый закон, а ограничивается лишь общим указанием, чтобы «consuetudines» (множ. число), т. е. не один обычай, а несколько, конечно, имеющих свои особенности, не подлежали бы изменениям, а исполнялись бы повсюду.

Понятно, почему изучение истории крестьянства в Польше сильно затруднено. Мы никогда не уверены, выполняется ли данный закон, или он забыт, если же выполняется, то в каких именно частях государства. Чем ближе к середине XVI в., тем вопрос делается более запутанным, так как усиливается деятельность шляхетских местных сеймиков, растут вольности польской шляхты в совершенно нигде не повторяемом масштабе.

Однако поскольку интересы шляхты развивались приблизительно в одном и том же направлении, так как были обусловлены, в основном, одними и теми же причинами, мы можем без особого труда заметить генеральную линию эволюции взаимоотношений между жаждущим наживы землевладельцем и потерявшим почти все средства самозащиты хлопом.

Очень характерны в этом отношении события конца 1454 г. В сентябре великопольская шляхта, по требованию короля, выступила в поход против Пруссии. В лагере под селом Цереквицею 14 сентября поднялся большой шум. Шляхта окружила палатку короля и под угрозой разойтись по домам требовала от короля новых привилегий. Король вынужден был уступить и дал Цереквицкий привилей. Шляхта, одержавшая победу над своим королем, потерпела поражение на поле брани. Королю пришлось собирать новое войско. Он обратился к рыцарству всего королевства, кроме Руси, которой поручалась защита восточной границы. В конце октября, недалеко от г. Нешавы, снова собралась шляхта. Малопольское рыцарство потребовало и себе от короля привилегий и получило по Нешавскому статуту 11 ноября даже больше, чем велико-

поляне по Цереквицкому. Этого не могли стерпеть великополяне и на другой же день добились у короля дополнительных привилегий. Через 4 дня после этого, 16 ноября, привилегии получили рыцари Серадзской земли, а 11 декабря — шляхта Холмской земли.

В бурной обстановке решалась судьба польского крестьянина. С конца XV в. идет беспрерывная цепь узаконений, расширяющих власть шляхты над крестьянами. В 1496 г. разрешается только одному из сыновей крестьянина оставлять родную деревню, и то с увольнительным свидетельством от пана, а в 1505 г.— необходимость разрешения пана подчеркнута еще сильнее. Сеймы 1510, 1519, 1520 гг. воспрещают переход крестьян, требуют выдачи беглых, устанавливают штраф с землевладельцев за вывоз чужих крестьян. В 1518 г. запрещено крестьянам жаловаться на своего пана. В 1532 г. запрещен выход всем крестьянам без разрешения пана.

Бегство крестьян из Польши на восток, на Русь и в казачество, принимает угрожающий для Польского государства характер. Правительство издает против беглых ряд законов. Проф. Фр. Буяк в своей работе «История колонизации польских земель в кратком очерке» приводит длинный хронологически расположенный перечень этих законов. От 1420 по 1699 г. он приводит 49 законодательных распоряжений о беглых и в заключение говорит: «Бегство крестьян в целях поисков лучших условий жизни было явлением хроническим, потому что наиболее энергичные натуры не давали так легко отбирать у себя свободу. Непрекращающиеся постановления сеймовых конституций против беглых побуждали польского крестьянина к более тщательному заметанию следов своего бегства. Одним из лучших способов этого заметания была ассимиляция его с русской культурой, с чем в конечном счете, вследствие недостатков польской организации, волостной и религиозной, при этих условиях бороться было невозможно» [25]. Тяга польского крестьянина на восток, желание «ассимилироваться с русской культурой», отмечаемая проф. Фр. Буяком, может стать понятной, если мы дадим себе труд сопоставить отношение к крестьянству в первой половине XVI в. в Польше и северо-восточной Руси.

Польшу в этом аспекте мы уже видели. Пан воевода Гостомский нашел бы себе единомышленников среди значительной части русского барства в XVII и особенно в XVIII в., но до 80-х годов XVI в., особенно в первой половине XVI в., он вызвал бы тут протест и хозяйственное недоумение.

---

[25] Franciszek B u j a k. Studja historyczne i społeczne, 1924, str. 73.

Вспомним Юрьев день, безусловно имевший значение действующего закона до 1581 г., когда он был отменен формально только на время. Не лишним считаю напомнить, что и Юрьев день не удовлетворял многих московских «гуманистов», что они хотели видеть крестьянина в еще лучшем положении. В этой связи весьма интересна фигура Ермолая-Еразма, требовавшего для крестьянства в целом значительного улучшения его положения. Не менее показательны в этом отношении и Пересветов, настаивавший на уничтожении кабальных записей и высказывавший убеждение, что только та страна может развиваться, где люди свободны; и Башкин, уничтожавший кабальные записи и пользовавшийся лишь трудом добровольным; и знаменитый поп Сильвестр, в назидание своему сыну приводивший справку из своей собственной практики об освобождении всех своих «работных». Надо также иметь в виду, что никогда русский помещик, даже в самый разгул крепостнических отношений, не имел права жизни и смерти над своими крестьянами (в древнее время землевладелец, не боявшийся греха, мог убить своего раба). А поп Сильвестр в течение 40 лет своей хозяйственной деятельности, имея дело с самым разнообразным людом по профессии и моральному уровню (были у него и «чмуты и бражники»), по его словам, ни разу не обращался даже к приставу, а улаживал иногда и острые инциденты «без остуды... и безо всякия кручины; все то мирено хлебом да солью да питьем да подачею» [26].

Привел я эти факты совсем не для того, чтобы изобразить Русское феодальное государство, как обетованную для крестьян землю. Читатель книги без труда сможет убедиться, что крепостничество развивалось и на Руси, что оно и тут в свое время дошло до такого предела, когда трудно стало отличать крестьянина от раба. Я хотел только показать, что польский крестьянин первых трех четвертей XVI в. имел все основания в бегстве на восток, в слиянии с русским народом найти условия, более для себя выгодные, чем у себя на родине. В установлении крепостнических отношений в XVI в. Польша шла впереди Руси приблизительно на полвека.

Попробуем подвести некоторые итоги.

1. С конца XV и в течение XVI в. в Европе происходят значительные изменения в организации сельского хозяйства и в положении зависимого крестьянства в связи с крупными изменениями в положении внутреннего и отчасти внешнего рынков.

2. Польша — одна из стран, начавшая с середины XV в. перестраивать свое сельское хозяйство.

---

[26] Чт. ОИДР, 1908, кн. II, Домострой, стр. 66, 68.

3. Перестройка сельского хозяйства состояла в усиленной организации новых барских собственных хозяйств (фольварки) и в расширении старой барской запашки там, где она имелась в сравнительно незначительных размерах.

4. В этих условиях единственной формой эксплуатации зависимого крестьянина при отсутствии свободных наемных рабочих является барщина, т. е. отработочная докапиталистическая рента.

5. Протест крестьян против введения тяжелой барщины диктует местной шляхте и шляхетскому правительству ряд мер, направленных к стеснению права крестьянских переходов и, наконец, к середине XVI в.— к полной его отмене.

6. Одним из способов избежать тяжести нового крепостного режима в Польше было бегство польских крестьян на восток и слияние их с русской крестьянской массой, что объясняется значительно лучшим положением русского крестьянина в первые три четверти XVI в. по сравнению с польским.

7. Разбор разногласий в литературе о том, польская или галицкая шляхта шла впереди закрепостительного процесса, приводит к необходимости совершенно иной постановки самого вопроса и решается не в плоскости национально-культурных отношений, а хозяйственно-политических. Решительно нет никаких оснований думать, что галицкая шляхта раньше, чем польская, оказалась в условиях, побуждавших и позволявших начать перестройку своих хозяйств и изменить положение зависимых от нее крестьян.

* * *

Закончен целый отдел книги. И тут, конечно, неизбежно возникает у автора потребность ответить самому себе на вопрос, в какой мере оправдан его труд, удалось ли ему разрешить стоявшую перед ним нелегкую задачу.

Автор должен признаться, что радоваться, подобно кормчему, «во отишие» приставшему, он не собирается: много неясного остается и после этого исследования. Но все же труд потрачен не безрезультатно.

В итоге предпринятого исследования безусловно выяснилось, что социально-экономическая жизнь Галицко-Волынской Руси в XIII—XV вв. преемственно связана с предшествующим периодом в истории всей Руси, что аграрные отношения в Галицко-Волынской земле пережили в XIII—XV вв. важный, закономерный этап в своем развитии. Выяснилось и общее направление этого развития, равно как и причины, вызывавшие перемены в хозяйственной и правовой жизни края. Если не все стороны этого процесса удалось раскрыть в одинаковой степе-

и, то по крайней мере некоторые из них, несомненно, позволяют нам видеть, как изменяются нормы «Русской Правды» вообще и касающиеся истории сельского населения в частности.

Несомненно также и то, что характер развития на галицкой почве норм «Русской Правды» является одним из вариантов общего для значительной части Европы процесса и, будучи учтен рядом с другими ему подобными, безусловно помогает глубже понять историю сельского населения на Руси в целом.

Перехожу к наблюдениям над другими частями земли, где жил русский крестьянин в наименее освещенный источниками период XIII—XIV вв.

II. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕЙ СТРАН

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Огромные пространства, занятые восточными славянами и выросшим на их этнической базе народом русским, заставляют историка, какую бы сторону жизни Руси он ни изучал, непременно считаться с местными особенностями исторического развития Руси. Эти особенности сказываются и в языке, и в обычаях, и в экономике и оттенках общественных отношений, и в культурно-политических связях, и в фактическом содержании истории края.

История Псковской земли, этого оплота Руси на западной границе, например, может быть правильно понята только тогда, когда мы примем во внимание не только пребывание ее в составе Киевского государства, но и ее географическое положение, ее очень старые отношения с народами Прибалтики, с одной стороны, Литвой и крупными русскими центрами — с другой.

Не случайно всем исследователям всегда бросалась в глаза неповторяемая яркость норм Псковской Судной Грамоты, наполненные беспокойными событиями Псковские летописи, оригинальность и высота псковской культуры. Это результат особых условий, в которых жил Псков и его земля, условий, которых, однако, не следует идеализировать.

М. М. Богословский в своей специальной работе «К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте», отмечая «юридическое равновесие» в отношениях между псковским крестьянином и землевладельцем, объясняет это свое впечатление «особыми условиями жизни вольного торгового города и его территории, где свобода торговой сделки между равноправными сторонами, проникая

собою весь склад жизни общества, сказывалась и в отношениях крестьян к землевладельцам. Оживленная торговля развивает в обществе дух свободы, без которого невозможна ни коммерческая предприимчивость, ни торговая сделка. Этот дух свободы растет с ростом торговых оборотов, отражается во всех общественных отношениях торгового государства, и неудивительно, что он проникает также и в отношения крестьян к землевладельцам» [1]. В Псковской Судной Грамоте нет «ни единого указания, ни даже единого намека на темную силу, оказывавшую такое могущественное влияние на весь склад древнерусской жизни, на рабство» [2].

То же читаем и у В. О. Ключевского. Отметив с похвалою отсутствие в Пскове политических «излишеств» (так называет он резкие проявления классовой борьбы), он подчеркивает: «...здесь нет следов холопства и полусвободных состояний, подобных новгородским половникам. В этом отношении Псковская область была, быть может, единственным исключением в тогдашней России». Даже пресловутая задолженность крестьян, из которой Ключевский выводит крепостное право, в Пскове, по его мнению, «не стесняла личной свободы» [3].

В Псковской Судной Грамоте «ни разу не сказано ни о торге рабами, ни о продаже себя в рабство, ни о спорах, предметом которых была бы свобода лица, слово холоп, челядин как будто вовсе не существует в сознании законодателя, как будто во Пскове жили до тех пор одни только люди добровольные... Юридические отношения, которых касается памятник, все основаны на нравственных началах свободы и равенства и освя-

---

[1] М. М. Богословский. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте, ЛЗАК, вып. 34, стр. 30—31.

Этот «дух свободы» М. М. Богословский усматривает в отличии норм Псковской Судной Грамоты, как от норм «Русской Правды», покоящейся, по мнению автора, «на зыбкой трясине рабства, всегда готовой поглощать... свободные элементы» (Крестьянская аренда в Псковской Судной Грамоте, Исторические известия, изд. Истор. общ. при Московск. унив., 1917, № 2, стр. 6. В дальнейшем цит. сокращенно: «Крестьянская аренда»), так и от «отношений землевладельца к крестьянину в Московском государстве XIV—XV веков, где уже крестьяне в силу старожильства теряли право выхода от землевладельца и становились к нему в зависимые отношения» (ЛЗАК, вып. 1 (34), стр. 30). М. М. Богословский, правда, делает оговорку: «Нельзя же думать, что во Пскове и в Псковской земле не было холопов, раз они были везде на Руси и, между прочим, в соседней со Псковом Новгородской земле; но надо полагать, что во Пскове рабовладение было так слабо развито, так мало представляло интереса, так мало возбуждало юридических вопросов, что о нем совершенно молчит псковское законодательство» («Крестьянская аренда», стр. 6).

[2] М. М. Богословский. Крестьянская аренда, стр. 6.

[3] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, 1906, стр. 113—116.

щены не только внешней санкцией вечевой автономии, но и вековечной стариной и силой церковного благословения»,— так до Ключевского в 1869 г. писал Дювернуа [4].

Одним словом, не было недостатка в эмоциональных выражениях по адресу гуманности норм Псковской Судной Грамоты и благообразия политического поведения псковичей.

Столь неумеренное проявление восторга навеяно, несомненно, особенностями содержания псковских источников, бросавшимися в глаза при сопоставлении их либо с нормами «Русской Правды», либо с такими сторонами жизни московского общества и Русского государства, которые не затронуты в Псковской Судной Грамоте.

Вытекает ли в самом деле из фактически точных ссылок на Псковскую Судную Грамоту М. М. Богословского, В. О. Ключевского, Дювернуа и др. об отсутствии в ней упоминаний о рабстве, что Псковская земля есть оазис, развивавшийся своими какими-то особыми путями? Вытекает ли из отсутствия в том же памятнике трактовки зависимого крестьянина, а может быть, и крестьянина вообще в узком понимании термина, что Псков не знал ни крестьянства, ни, конечно, в той или иной степени, зависимости крестьянина от привилегированного землевладельца? Конечно, нет. Такой тенденциозно-эмоциональный подход к изучению Псковской Судной Грамоты не может дать сколько-нибудь объективных выводов. Нельзя прежде всего забывать, что «Русская Правда» — памятник VIII—XII вв., а Псковская Судная Грамота — XIV—XV вв., причем более XV, чем XIV. Нет ни малейшего сомнения и в том, что Псковская земля задолго до своего отделения от Новгорода жила по «Русской Правде» и, стало быть, все, что написано в «Русской Правде» о холопах, смердах, рядовичах и пр. и пр., относится и к Псковской земле соответствующего времени.

А почему в *городе* Пскове XV в. уже не говорили о холопах,— на этот вопрос надо отвечать совсем не так, как отвечают названные мною авторы. Ведь не секрет, что уже Пространная «Русская Правда» борется с рабством, указывает пути, как в угрожающих случаях можно избежать рабского состояния. Совершенно естественно, что к XV в. эта борьба привела к результатам, отразившимся и в Псковской Судной Грамоте и в московских Судебниках [5].

Наконец, сравнивать нормы права «Русской Правды» с Псковской Судной Грамотой и московским Судебником нужно

---

[4] Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 308.

[5] «...по ключу по сельскому холоп..., а которые его дети..., то не холопи, а по городцкому ключю не холоп» (Судебник Ивана III, ст. 66, ср. ст. 76 Царского Судебника).

осторожнее и тоньше. Если «Русская Правда» и Судебник Ивана III касаются вопросов жизни города и деревни, то Псковская Судная Грамота главным образом имеет в виду хорошо развитое городское право, где холопство в XV в. действительно «мало возбуждало юридических вопросов». Псков, как город, в своем развитии городского строя, несомненно, шел впереди многих русских городов.

Трудно согласиться поэтому и с мнением новейшего исследователя истории русского холопства, который утверждает, что «за три столетия (XIII—XV вв.) мы не встретим в русских памятниках намеков на какие-либо попытки со стороны княжеской власти оказать воздействие на холоповладение в его внутреннем укладе, на попытки вмешаться в отношения между господами и холопами»[6]. Такому утверждению противоречат наши источники.

В одном лишь безусловно правы названные мною исследователи. Они правы в том, что почувствовали потребность рассматривать отдельные части Руси с учетом их местных особенностей.

Не могла, конечно, не сказаться на судьбах Псковской земли ее близость к Балтийскому морю, игравшая важную, иногда решающую роль.

Самая западная ветвь восточного славянства (частью «словене», частью кривичи) очень давно заняла пространство по берегам озера Чудского и рек Наровы и Великой. Особенности в экономической и политической жизни этого края, группировавшегося вокруг своего старого центра Пскова, сообщали псковской истории некоторые индивидуальные черты и в середине XIV в. обусловили его выделение под титулом младшего брата Великого Новгорода в самостоятельное государство.

Есть косвенные указания на то, что весь этот комплекс племен и народов, расположенных на территории, близкой к Балтийскому морю, очень рано, задолго до образования Киевского государства, представлял собою некоторое культурно-политическое единство. Можно допустить, что уже упоминаемая у арабских писателей «Славия» включала в себя не только славянские племена. На это намекают показания автора «Повести временных лет» в той части его труда, которая касается судеб Руси до образования Киевского государства. Летописец, очевидно, имел какие-то основания утверждать, что народы Прибалтики, чудь, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь, очень давно, в недатированное летописцем время, давали дань Руси[7]. Под 859 г. тот же автор сообщает, что чудь, ме-

---

[6] А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 22—23.

[7] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 10.

ря, весь, кривичи и словене находились одновременно под данью варяжскою [8]. Эти же северные народы совместно прогоняют варягов и затем опять совместно («Реша русь[9], чудь и словени и кривичи и вси [весь]: «земля наша велика и обильна...»)[10] приглашают к себе, согласно летописной легенде, варяжских князей.

Не прекращались эти связи и в период древнерусского государства. Под 882 г. в том же источнике читаем: «Олег, поимъ воя многи — варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи и приде к Смоленьску... и придоста к горам Киевским» [11]. В походе Олега на греков участвуют варяги, словене, чудь, кривичи, меря вместе с другими южными славянскими племенами. В походе на греков Игоря северные народы не участвовали. Владимир Святославич из Новгорода делает поход на Полоцк и берет с собою варягов, словен, чудь и кривичей. Тот же Владимир в целях укрепления южных границ государства строит крепости и «нарубает» (набирает) «мужи лучшии от словен и от кривич и от чуди и от вятич». Ярослав идет в поход против чуди, побеждает ее и ставит на ее территории город-крепость Юрьев (Тарту). Сын Владимира Мономаха Мстислав, князь новгородский, несколько раз ходил на чудь (1111, 1113, 1116 гг.) и в 1116 г. взял город Медвежью Голову (Оденпе).

Как бы скептически мы ни относились к ранним сообщениям «Повести временных лет», мы все же должны признать неоспоримый факт древнего и тесного общения новгородцев и псковичей с народами Прибалтики, чаще дружественного, чем враждебного. Эти постоянные связи отразились и на общности культуры (искусство, христианство по восточному обряду среди води и ижоры, чуди и других племен). Несомненно также длительное их пребывание в одном политическом объединении, легшем в основу Новгородского государства, вошедшего во всем своем сложном этническом составе в державу Киевскую. Город Псков и вся тянувшаяся к нему область всегда находились в самом непосредственном соприкосновении с чудью (эсты), ливами и литвой.

Неудивительно, что эта окраинная русская земля, оставаясь русской и неся русскую культуру в среду прибалтийских народов, втягивалась в тесное общение с этими народами. Эти связи продолжались и тогда, когда Прибалтика подверглась нашествию шведов с севера и немецких орденов с запада.

---

[8] Там же, стр. 18.
[9] По другому варианту «Руси».
[10] Повесть временных лет, стр. 11.
[11] Там же, стр. 22.

2. СУДЬБЫ КРЕСТЬЯН В ЛИВОНИИ В XIII—XV вв.

Я считаю очень важным проследить, хотя бы самым беглым образом, судьбы крестьянства в смежных с Псковской землей прибалтийских областях, исходя из того положения, что развитие аграрных отношений у народов Прибалтики и в соседней Псковской земле определялось приблизительно одними и теми же условиями.

Успехи эстонской и латвийской археологии[1] позволяют в значительной мере расширить те сведения о состоянии производительных сил и производственных отношений, какие сообщает нам тенденциозная «Хроника» Генриха Латвийского.

Современная археология позволяет установить, что с начала первого тысячелетия н. э. народы Прибалтики занимались земледелием (на первых порах преимущественно подсечным, позднее пашенным). Очень рано они стали пользоваться сохой с железным лемехом, во всяком случае в IX—XI вв. Трехполье было им известно не позднее XI—XII вв. Они занимались также скотоводством, охотой и рыболовством. Археология же устанавливает сравнительно раннее отделение ремесла от сельского хозяйства. Народы Прибалтики сами изготовляли орудия труда (лемехи, косы, топоры), оружие, украшения и другие предметы. Они строили дома, укрепления, делали лодки и т. д.

В этих условиях происходило постепенное разложение родового строя. Родовая община уступала место соседско-территориальной. Появлялись первые признаки разделения общества на классы: родоплеменная знать, став наследственной, захватывала пахотные общинные земли. Эта знать начинала эксплуатировать чужой труд — пленных рабов и общинников. Источники X — XII вв. знают термины «баярс» и «калпы» (от русских слов «боярин» и «холоп») и термин «смирд» (смерд). Хотя класс землевладельцев у ливов и эстов появился задолго до захвата Прибалтики немецкими рыцарями, своего сильного феодального государства ливы и эсты создать не успели. «Повесть временных лет» сообщает, что часть народов Прибалтики в IX в., а, может быть, и раньше, находилась в некоторой зависимости от Руси. Русская власть в это время довольствовалась данью, повидимому умеренной, успевшей превратиться в регулярную подать. После раздробления Киевского государства народы Прибалтики частью отошли к Полоцкому княжеству (ливы), частью к Новгородскому (Юрьев и Медвежья Голова в земле эстов).

Старый русский город Изборск, входивший в состав Псковской земли, стоял на запад от Пскова и вдавался в Чудскую

[1] См. «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. IX, 1952, № 1, стр. 95—96 и др.

землю. Эсты, соприкасавшиеся с Изборском, успели принять христианство по греческому обряду и сравнительно мирно уживались с псковичами. Киевская Русь оказала значительное влияние на историческое развитие народов Прибалтики. Совместно с Русью народы Прибалтики долго и успешно защищали себя от вторжений норманнов, датчан, немцев и др.

Наступившая феодальная раздробленность на Руси, затем установление татарского ига над русскими землями, с одной стороны, отсутствие у самих прибалтийских народов сильных государственных образований, с другой стороны, создавали чрезвычайно благоприятную обстановку для экспансии немецких рыцарей в Прибалтику. Используя эти благоприятные условия, немецкий разбойничий орден, направляемый римской курией, уже в начале XIII в. приступил к покорению страны. Совместная борьба русского, латышского, эстонского и других народов чрезвычайно затруднила экспансию немецких феодалов в прибалтийские земли.

Дошедшая до нас хроника Генриха Латвийского сообщает важные подробности кровавого покорения страны немецкими рыцарями, купцами и монахами. Немецкие рыцари не гнушались никакими средствами для достижения своих захватнических целей. Генрих сообщает, что прибывший в Прибалтику епископ Мейнард сначала надеялся овладеть ливами с большой легкостью. Но оказалось, что сделать это было совсем не так просто. Ему самому и его приспешникам, очень скоро пришлось искать спасения в лесах от набегов местного населения. Епископ понял, что без сооружения специальных укрепленных пунктов трудно будет продолжать дальнейшее завоевание страны. Он дал указание построить две крепости — в деревне Инесколе[2] и деревне Гольм. Однако результат получился совершенно неожиданный для епископа. Когда в руках ливов оказалось два бурга, они, почувствовав свою силу, выступили против самого епископа. «Когда был окончен второй замок, нечестивые люди,— жалуется Генрих Латвийский,— забыв клятвы, обманули Мейнарда, и не нашлось ни одного, кто бы принял христианство»; имущество немцев было расхищено, людей Мейнарда ливы избили, а самого его решили изгнать из своих владений[3].

---

[2] Kūla — по-латышски значит деревня.

[3] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, М.— Л., 1938, стр. 72.

«Проповедник, конечно, смутился духом»,— замечает Генрих. И было от чего, потому что антинемецкое движение разрасталось. Ливы из Торейды (Ливская область, лежащая к северу от Гольма по реке Аа) обнаружили явное намерение расправиться с сотрудником Мейнарда, монахом Теодорихом.

Епископ убедился, что «дело его рушилось», и, собравши своих клириков и братию, решил вернуться назад к себе домой. Но «по совету купцов,

Хотя Генрих Латвийский и стремился оправдать агрессию немецких крестоносцев в Прибалтику намеренным показом «дикости» местного населения Прибалтики, тем не менее даже у него имеются данные, свидетельствующие о сравнительно высоком уровне культуры и общественных отношений в Прибалтике до прихода сюда крестоносцев. Так, совершенно четко Генрих показывает, что ливы — народ земледельческий, что обработка земли велась у них при помощи плуга и конской тяговой силы. Стало быть, здесь успела утвердиться пашенная система земледелия. Неприятель старается истребить нивы ливов, уводит коней, следствием чего является невозможность обработки полей [4].

Хлеб в зерне ливы, так же как и русские люди, берегли про запас на всякий случай в ямах, где они держали значительное количество зерна [5]. Разводили они обычный в сельском хозяйстве домашний скот [6]. Занимались и бортничеством [7] и рыболовством [8]. Повидимому, со времен русской власти установилась здесь единица обложения «плуг», с которой они стали давать немецкому духовенству по мере хлеба [9].

Генрих Латвийский упоминает «старейшин», причем некоторые из них выделялись своим высоким положением. Один старейшина, Каупо, по словам Генриха, был у ливов «как бы ко-

полагаясь к тому же на предстоящий приход войска, пошел к ливам назад».

Ливы не без остроумия поиздевались над только что вернувшимся с о. Готланда епископом. Они встречали его криками: «Здравствуй равви... почем соль и ватмал (грубая шерстяная ткань.— *Б. Г.*) в Готландии?». «В огорчении он не мог удержаться от слез и отправился в Икеколу, в свой дом», откуда при помощи некоторой «благочестивой» хитрости «сумел ускользнуть» и прибыл к папе. Последний, рассудив, что если ливы «добровольно» обещали принять христианство и не приняли, то их надо к тому принудить, начал организовывать крестовый поход в Прибалтику.

Получившие «полное отпущение грехов» тевтоны, готы и какой-то шведский герцог с епископом Мейнардом приступили к ограблению куров, а когда их отсюда отбило ветром, стали разорять эстов, которые от страха начали было переговоры о принятии христианства, «но герцог предпочел взять с них дань, поднял паруса и отплыл к досаде тевтонов». Епископ «после множества трудов и огорчений» испустил дух (там же, стр. 72—75).

Так началась эпопея, следить за развитием которой я не собираюсь. Мне важно только собрать сведения о хозяйстве и общественном строе народов Прибалтики, разбросанные в Хронике Генриха Латвийского.

[4] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, II, 7, 9; IX, 11, 13 и др. Новейшие достижения эстонской и латвийской археологии говорят о земледелии как об основной отрасли производства у народов Прибалтики уже в начале первого тысячелетия н. э.

[5] Там же, IV, 3.

[6] Там же, VII, 8; VIII, 1 и др.

[7] Там же, II, 8; X, 13 и др.

[8] Там же, V, 4.

[9] Там же, II, 7 и др.

ролем...» [10].Он был богаче других: когда он перешел на сторону немцев, его земляки из Торейды «имения (bona) его разорили пожаром, поля отняли, ульи переломали»[11]. Отсюда можно заключить, что частная собственность на землю, борти и другие угодья ливам была хорошо известна. В «Хронике» упоминается «князь и старейшина», бывший начальником ливов на правом берегу Аа [12]. Войско (malewo) у них — это народ, свободные жители деревень, собираемые для военных предприятий ad hoc. Место, назначаемое для сбора этого войска, определялось всякий раз особо и называлось майя [13]. Вооружение было собственное свободных поселян; брони они, как уверяет Генрих, не знали [14]; деревянный щит и копье — главные предметы их вооружения [15]. У эстов Генрих Латвийский отмечает наличие крепостей-убежищ (castra-refugia), хотя для отражения новой опасности, создавшейся в связи с немецкой агрессией,— в недостаточном количестве. Приходилось спасаться в лесах и пещерах. Эстыгарионцы прятались от неприятеля «в подземные пещеры» [16], иногда «бросались в лес..., ибо там находили убежище люди со всей области» [17].

В виду немецкой агрессии, народы Прибалтики стали усиленно строить у себя крепости-убежища, куда и прятались во время опасности. Ливы и летты «стали укреплять все свои убежища, чтобы после сбора урожая сразу укрыться в них» [18].

Немецкие рыцари, выступившие против ливов, не могли найти в деревнях никого из ливов, «так как все они с женами и детьми сбежались в укрепления» (castra) [19].

Немцы «сожгли все их (эстов.— *Б. Г.*) замки, чтобы не было у них там убежища» [20]. По миновании военной опасности эсты выходят из замков вновь строить свои сожженные деревни. Точно так же и ливы и летты появились из лесных убежищ, где уже много лет скрывались во время войн. «И вернулся каждый в свою деревню, к своему полю, стали пахать и сеять в полной безопасности, которой не видели уже 40 лет... Теперь же все наслаждались спокойствием, трудясь на поле или занимаясь другими работами...» [21].

---

[10] Там же, VII, 5.
[11] Там же, X, 13.
[12] Там же, XVI, 4.
[13] Там же, XXIII, 9; XV, 7 и др.
[14] Там же, X, 8.
[15] Там же, XXIII, 9.
[16] Там же, XXIII, 10.
[17] Там же, XV, 7.
[18] Там же, XVI, 3.
[19] Там же, XIX, 3.
[20] Там же.
[21] Там же, XXIX, 1.

Для обозначения этих вновь построенных убежищ Генрих пользуется терминами latibula, refugium, castrum, magnum castrum. Иногда автор пользуется альтернативно терминами castrum и urbs (Castro Monense in cinerem redacto, festinat exercitus ad aliud castrum..., quod vocatur Waldia. Et est Waldia fortior urbs inter alias urbes Osilianorum) [22]. Этот же термин urbs Генрих иногда применяет и к укреплениям Икесколя и к Леневардену [23], которые у него обычно обозначаются как castra [24].

Город, как центр ремесла и торговли, в это время уже намечался. Русская крепость Юрьев считалась в Эстонии «самым крепким из укреплений (castra) Эстонии» [25], «fortissimum castrum», как он называется в другом месте [26]. Ригу Генрих называет всегда civitas [27].

В практике у народов Прибалтики были и народные собрания. «Когда эсты по всей Унгавнии узнали о прибытии епископских послов, они собрались (ad placitum) для решения...» [28].

Немцы вступили «в область Гарионскую, находящуюся в середине Эстонии, куда все окружающие племена ежегодно по обычаю сходились на собрание...» (ad placitandum) [29].

Перед нами организация общества, которую мы имеем основание считать не первобытно-общинной, а уже в значительной мере вышедшей из этого состояния. Ливы втянуты были в Русское государство и занимали в нем соответствующее место, участвуя в жизни Киевского государства своими податями, и, весьма вероятно, смотря по надобности, военной силой.

С появлением здесь крестоносцев, ливы не только обложены были данью, но и принуждены воевать в интересах своих покорителей. Епископ рижский стал раздавать ливские земли своему духовенству и вассалам, обязывая ливское население содержать посаженных им господ на свой счет. Таким образом, немецкие рыцари осели в качестве господ, которым ливы должны были подчиняться и на которых обязаны были работать. Немецкие захватчики-феодалы завершили здесь начавшийся раньше процесс феодализации.

Вот сообщаемые Генрихом Латвийским факты.

Некий «благородный» Даниил, например, пришедший на службу к рижскому епископу, получил замок Леневарде [30]

[22] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, XXX, 5.
[23] Там же, IX, 11.
[24] Там же, V, 2; VII, 7 и др.
[25] Там же, XXVIII, 3.
[26] Там же, XXIX, 1.
[27] Там же, IV, 5; XV, 1; XVII, 1; XVIII, 2, 6.
[28] Там же, XIII, 5.
[29] Там же, XX, 2.
[30] Там же, V, 2.

в бенефиций, и население окрестных деревень было обязано «каждый год давать [ему] по полталанта ржи с плуга», что «они с тех пор и до сего дня платят» [31], прибавляет автор Ливонской хроники. У этого Даниила свои слуги и люди [32], несомненно, его дружина.

Конрад из Мейендорфа тоже получил в бенефиций замок Икесколу [33]. Епископ «брата своего Ротмара поставил настоятелем, назначив место обители Дорпат и приписав к ней 24 деревни, а также достаточное количество доходов и земли» [34].

«Епископ пригласил с собою в Унгавнию и священников, дал им церкви и бенефиций и вдоволь одарил хлебом и землей» [35].

Некоторые из ливов, изъявившие свою готовность служить крестоносцам, тоже удостаивались этой «высокой чести»: епископ превращал и их в послушных себе вассалов. Так, какой-то, повидимому, авантюрист, «некий Табелин, принявший крещение от немецкого духовенства на о. Готланде [36], был поставлен старейшиной над целой эстонской областью, которую Генрих называет «областью Табелина» [37]. Недолго, правда, пришлось ему властвовать: его повесили датчане за то, «что он принял крещение от рижан и отдал своего сына заложником братьям-рыцарям» [38].

Из всего, что нам известно об общественном строе ливов, леттов, эстов и других народов Прибалтики, вытекает, что с прибытием крестоносцев процесс превращения свободного местного крестьянства в зависимое принял громадные размеры.

Дальнейшее развитие здесь крепостнических отношений может быть восстановлено хотя бы и в общих чертах. Рыцари, вассалы епископа, постарались свои бенефиции превратить в собственность, а крестьян, живших на земле, ставшей их собственностью,— сделать своими крепостными (leibeigene). Случилось, однако, это не вдруг.

Р. Ю. Виппер в своей статье «Крепостное право в Лифляндии от XV до XVIII в.» [39], для которой он привлек новый материал, найденный им в Рижском архиве, указывает, между про-

---

[31] Там же, X, 13.
[32] Там же, XI, 8.
[33] Там же, IX, 7.
[34] Там же, XXVIII, 8.
[35] Там же.
[36] Там же, XXIII, 7.
[37] Там же, XXIX, 7.
[38] Там же, XXIV, 1.
[39] «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. I, № 6, 1944.

чим, на устав Лифляндского рыцарства, относящийся к концу XIV в. (Liefländisches Ritterrecht). Устав этот дает нам возможность ознакомиться с положением лифляндских крестьян полтораста лет спустя после появления немцев в Прибалтике.

Немецкие феодалы, овладев Прибалтикой, устроились здесь на правах завоевания, подчинили себе куров, эстов и ливов, освоили их землю и в качестве землевладельцев стали господами оставшегося на земле туземного населения и превратили его в зависимое от себя крестьянство. Крестьяне обязаны оброком, который вносился сельскохозяйственными продуктами. Установлены точные сроки для доставки на барский двор каждого продукта. Барщина еще отсутствует. Тем не менее степень феодальной эксплуатации неизменно возрастает, что вызывает энергичный отпор крестьянства. При этом следует отметить, что классовая борьба против феодалов была в большинстве случаев одновременно и национальной борьбой.

Хорошо известно крупное восстание крестьян в Прибалтике в 1393 г. Очевидно, классовые противоречия уже и в XIV в. были весьма обострены. Нет никаких сомнений, что XV век, в связи с изменениями хозяйственной ситуации в Прибалтике, внес в жизнь крестьян новые, еще более ощутительные тяготы.

И Р. Ю. Виппер в указанной статье, и И. В. Лучицкий в своей специальной работе «Крестьяне и крестьянская реформа в Лифляндии» указывают на радикальные перемены в судьбе ливонского крестьянства, происшедшие в XV—XVI вв., когда в хозяйстве всех европейских стран на восток от Лабы (Эльбы), в связи с требованиями рынка, происходил аналогичный процесс усиления барщины и перемены в положении крестьян в сторону сокращения их прав и превращения их в крепостное состояние. В Ливонии этот процесс протекал с особой интенсивностью и привел к своей конечной цели раньше, чем в других странах той же Прибалтики.

В только что названной работе И. В. Лучицкий, склонный объяснять перемены в сельском хозяйстве требованиями внешнего рынка, указывает, что уже с XIV в. и особенно в XV в. торговля лифляндских городов из пассивной и транзитной переходит в активную, где хлеб является все более и более важным товаром. Гданск, Щецин и Гамбург становятся главными центрами всемирной торговли, превращаются, как думает автор, в главное депо хлеба.

Лифляндские землевладельцы быстрыми темпами укрепляют свои права на землю и труд крестьянина, перестраивают организацию своих хозяйств, увеличивают свою запашку, переводят крестьян с оброка на барщину. Создается *новая* теория о том, что «крестьянин не имеет собственности, ибо все,

что он имеет и чем он владеет, то он имеет и тем он владеет от имени своего господина» [40].

Теория очень интересная. Она рождалась везде в то время, когда землевладельцы считали для себя необходимым теоретически обосновать свои права на землю и крестьян. Она появилась и в России, проникла в науку и держалась там до XX в. включительно.

Р. Ю. Виппер сообщает по этому поводу удивительные по яркости факты. В 1924 г. вышел том «Mitteilungen aus der Geschichte Est- Liv- und Kurlands». Тут на первом месте помещена статья фон Транзе-Розенека. «Автор делает откровенное признание, что крепостное право было введено, начиная с XV в., рыцарством и притом в тесной связи с развитием дворянского землевладения: превращаясь в хозяина, рыцарь обнаруживал мудрую предусмотрительность, выполнял настоятельное требование своего века и своей страны по интенсивной разработке земли и расширению ее площади поднятием нови; в этой социально-экономической системе введение усиленной крепостной барщины было необходимым и единственным средством привлечения крестьянской массы к работе: для крестьян крепостное право, при всей его обременительности, послужило полезной школой, поскольку заставило этот нерадивый, не склонный к правильной организации работы класс подчиниться дисциплине» [41].

Этим объяснением дворяне полностью оправдывали себя, выставляли себя «в роли умных и энергичных предпринимателей», даже воспитателей покоренных ими народов. «Но так просто дело может казаться только с первого взгляда. Усиление торговли хлебом на море, конечно, вызывало усиленную разработку полей в Прибалтике... Но при чем тут были рыцари, зачем они нужны были как посредники между производителем и торговцем? Приморские города отлично могли торговать непосредственно с крестьянами. Рига долго и упорно не хотела признавать крепостное право и настаивала на своей привилегии торговать с деревенскими жителями непосредственно, настаивала на Bauerhandel, который городу был гораздо выгоднее» [42]. Однако дворянство в этой борьбе оказалось сильнее и в 1537 г. добилось запрещения крестьянам свободно торговать хлебом; крестьянин обязан был продавать свой хлеб исключительно дворянам [43].

---

[40] И. Лучицкий. Крестьяне и крестьянская реформа в Лифляндии, «Сев. вестник» 1891, № 9, отдел второй, стр. 4.
[41] Р. Ю. Виппер. Крепостное право в Лифляндии, стр. 243.
[42] Там же стр. 245—246.
[43] И. Лучицкий. Крестьяне и крестьянская реформа, стр. 2.

Если мы примем во внимание, что дело происходило в феодальной обстановке, что у рыцаря не было капитала, который он мог бы вложить в сельскохозяйственное предприятие, и что его единственный ресурс — это крестьянин с его инвентарем, хозяйственным опытом и умением, то делается вполне понятным, почему рыцарь так энергично стал пользоваться всеми приемами экономического и внеэкономического принуждения, почему он стал вторгаться в жизнь крестьянской общины, поставленной под охрану Ritterrecht, вводил крестьянскую барщину. Понятно, почему появились именно теперь новые понятия: наследственной прикрепленности (Erbbauern), принадлежности крестьянина личности помещика. Создается новое правовое положение крестьянина, по-новому трактуется положение землевладельца (Erbherrn).

В 1482 г. сейму в страхе перед крестьянским восстанием пришлось уже сдерживать поползновения рыцарства и епископов, ибо из полученных им сведений обнаружилось, что «дворянство облагает своих крестьян такою массою барщины, десятины и других поборов..., что из крестьян вытянуты последние соки, и они оказываются не в силах нести повинности в пользу страны». Сейм обратился к «добрым чувствам... рыцарства», чтобы предохранить крестьянина от разорения и страну от мятежа [44].

Крестьянское восстание произошло в 1343 г., через сто лет оно грозило повториться с новой силой, если бы дворянство не постаралось обезоружить крестьян. Для того чтобы не давать крестьянам в руки оружия, их устранили от несения воинской повинности [45].

«Уже в XV в., т. е. в момент наибольшего возвышения рыцарства, в состоянии и положении крестьянского класса происходит настолько резкое изменение, что не только исчезает и та сумма уже ограниченных прав, которыми крестьяне пользовались еще в XIII в. и даже отчасти в XIV в., но создается почти полная крепостная зависимость местного населения от ленников, и о правах поземельной собственности крестьян уже нет и речи, как бы ее никогда и не существовало» [46].

Так сложилась судьба ливонского крестьянства к началу XVI в. Нетрудно увидеть здесь в основных чертах то же самое, что тремя десятилетиями позже произошло с крестьянином польским и галицко-русским. Нетрудно заметить и те основные причины, которыми руководствовались немецкие

---

[44] И. Лучицкий. Крестьяне и крестьянская реформа, стр. 8.
[45] Там же, стр. 9.
[46] Там же, стр. 13.

рыцари в перестройке своих хозяйств и в изменении правового положения зависимого от них крестьянства. Это уже знакомые нам сдвиги в экономике Восточной Европы.

3. НОВГОРОДСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIII—XIV вв.

Что же происходило в соседней с Ливонией Новгородской земле?

К сожалению, для ранней истории новгородского крестьянина у нас очень мало сведений. Исходной точкой исследования, конечно, и здесь будет «Русская Правда», несомненно имевшая хождение по всей Новгородской земле и в Пскове, до середины XIV в. входившем в состав Новгородской республики.

И тут мы имеем ту же крестьянскую общину, тех же смердов, частично уже закрепощенных, тех же рядовичей и холопов, ту же землевладельческую знать[1]. А за пределами «Правды» в нашем распоряжении, кроме редких дошедших до нас грамот, почти нет ничего.

Вот одна из них, очень интересная: «От великого князя Александра и от посадника Твердила. Стояли Лочко и Иван и все рожитчане, тяжучися с Радишею и с Кузьмою и с черньцы спасовскими про мох, что черньцы, Кузьма и Радиш, почали лишати мха Лочка и Ивана и всех рожитчан.

И Лочко и Иван и все рожитчане выложили *смердью грамоту*: аже в грамотах мох Лочков и Иванов и всех рожитчан.

И не посудихом грамоте, но велехом им ходити по мху и по *смердьей грамоте* (курсив мой.— *Б. Г.*).

А между мху и воде по полуперетерге, да в половину озерка, да по Моложевскую межу по Великое Роткие (так!) межа мху и воде.

А Радишу и Кузьме и спасовских черньцов мха лишихом.

А боле тяже не надобе.

---

[1] Отрицать некоторые особенности в развитии общественных отношений в Новгороде и Пскове я этим замечанием отнюдь не собираюсь. Признаю замечание по этому поводу исследователей и, в частности, недавние соображения С. В. Юшкова, высказанные им на стр. 238—244 его «Очерков по истории феодализма в Киевской Руси», что не мешает мне расходиться с автором по отдельным вопросам. Я не могу не считаться с фактом действенности «Русской Правды» в Новгороде. Слишком много тому доказательств мы имеем в самой «Правде». Такого же мнения держится и знаток новгородской истории А. И. Никитский: «Русская Правда»,— пишет он,— упоминает, как известно, о ролейных закупах и о наймитах, и нет никакого основания отрицать их присутствие в Новгороде» (А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, стр. 11). М. Н. Тихомиров отметил эти новгородизмы в своей книге «Исследование о «Русской Правде», стр. 69, 73 и др.

А у грамоты печать свинчатая, а на ней на коне человек» [2].

Князь Александр — это, как наиболее вероятное предположение,— Александр Невский; посадник Твердило известен по псковским и новгородским летописям. Хронология его посадничества, правда, не сходится точно с княжением Александра Невского в Новгороде, но вполне допустимо, что не все сведения о Твердиле попали в летописи. Географические данные грамоты абсолютно точны: Рожицкий остров лежит у западного берега Псковского озера, имеет 4 $^1/_2$ кв. км; в XIX в. здесь было 5 деревень с 35 дворами [3]. Моложево — селение на западном же берегу того же озера. Спасский монастырь может быть Спасов-Мирожский, владения которого могли быть на западном берегу Псковского озера [4].

Перед нами не подлинная грамота, а копия, снятая с подлинника, на котором полностью сохранялась еще печать с изображением человека на коне.

На суде, где столкнулись интересы «Лочка, Ивана и всех рожитчан» с Радишею, Кузьмою и спасовскими чернецами фигурировала в качестве решающего доказательства на право владения мохом рожитчан «смердья грамота», т. е. грамота, в свое время выданная рожитчанам, несомненно рожицким смердам [5], представителями коих на суде являлись Лочко и Иван.

Грамота эта интересна и в другом отношении. Она ясно говорит, что население Рожицкого острова считало себя и признавалось официально смердами, что смерды выступали на суде как равноправная сторона, защищая свои собственные интересы, и выиграли процесс. Едва ли можно сомневаться, что рожицкие смерды были организованы в общину, которая и послала в суд двух своих уполномоченных, Лочко и Ивана.

Явное доказательство наличия в XIII в. в Новгородско-Псковской земле смердов-общинников, еще не попавших в феодальную зависимость.

Документ очень интересный. Мы можем положить его в основу дальнейших наших разысканий. Он может послужить

---

[2] Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, Чт. ОИДР, 1908, кн. IV, стр. 573—574.

[3] П. Семенов. Географическо-статист. словарь Росс. империи. СПб., 1868, т. IV, стр. 312. В писцовой книге по Пскову 1585—1587 гг. особо описаны рыбные ловли. В Завелицкой засаде, в Пецкой губе имеется описание рыбных ловель на острове Рожитце. «В Пецкой губе исад на острове на Рожитце, а рыбу ловят сетьми, и котцы, и мережами, и всякими ловлями с масляного заговена до Петрова дни на Псковском озере... Исад Моложва, а рыбу ловят двемя неводы, и сетьми, и мережами, и котцы, и всякими ловлями на Псковском озере». На этом исаде 9 дворов, где живут рыболовы (Сб. Моск. архива Мин. юст., т. V, стр. 117—118).

[4] Остается невыясненным (вероятно, испорченное) «Великое Роткие».

[5] Ср. новгородских смердов Псковской летописи.

нам опорным пунктом для понимания не только хронологически последующих фактов, но и ему предшествующих. Наконец, мне кажется, мы имеем полное право пользоваться им расширительно и в территориальном отношении.

Несмотря на то, что он относится непосредственно к Псковской земле и имеет в виду псковских смердов, мы не ошибемся, если изображенные здесь черты смердьей общины перенесем и на общину Новгородскую, особенно, если мы примем во внимание, что в это время Псков еще не отделялся от Новгорода. Этого мало. Мы можем пойти и дальше.

Поскольку «Русская Правда» — закон для всего Древнерусского государства, она тем самым была законом и для Новгородской Руси. Доказательство этого важного для дальнейшего построения тезиса я вижу в следующем: 1) «Правда» была также близка Новгороду, как и Киеву, и древнейшая ее часть сохранена нам именно в Новгородской летописи; 2) в тексте этой «Правды» (Краткая Правда) имеются «новгородизмы»; 3) терминология этой «Правды» повторяется в новгородских летописях; 4) в договоре Новгорода с немцами 1195 г. имеются явные следы «Русской Правды»: весь договор построен на ее базе (то же надо сказать и о договоре Смоленской, Полоцкой и Витебской земель с Готландом и Ригою 1229 г.).

Иначе и быть не могло, так как Новгород (как и Смоленск, и Полоцк, и Витебск) был частью Киевской Руси. Своей активной помощью Ярославу в деле сохранения целости Киевской державы Новгород ярко продемонстрировал свое к ней отношение.

Мы имеем, таким образом, полное право сопоставлять содержание нашей грамоты с общественными явлениями Поднепровья, предшествующими данным нашей грамоты.

Не лишним считаю здесь вкратце напомнить основные черты общественной жизни Киевской Руси, без чего нам трудно будет понять отрывочные известия новгородских и псковских источников.

Древнейшая «Русская Правда», сохраненная нам новгородцами, безусловно подразумевает частную собственность на землю (владение челядью предполагает и владение землею, защита господских прав на челядь предполагает такую же защиту и господских прав на землю). Договоры с греками знают уже давно и устойчиво существующие боярские фамилии, знают наименования этих фамилий, происходящие от земли, что без владения землей было бы немыслимо. «Повесть временных лет» в X в. называет ряд земельных владений князей. Боярское землевладение в «Повести временных лет» явно не называется, но ряд косвенных показаний делает его несомненным. Новгородские грамоты, дошедшие до нас, совершенно четко говорят

о купле-продаже земли [6], о вкладах земли в монастыри [7]. Земли эти обрабатываются челядью и передаются в другие руки тоже с челядью. Содержание понятия челядь было расшифровано выше.

Вотчина новгородского князя, боярина, епископа по своей организации ничем принципиально от вотчины киевских князей, бояр, епископов не отличалась.

Следовательно, холопы, рядовичи и с некоторыми оговорками зависимые смерды раскрывают нам широкое понятие челяди — и киевской и новгородской.

Путем привлечения к решению вопроса о составе зависимого населения, своим трудом обслуживающего боярскую или церковную вотчину, материалов договорных грамот Новгорода с князьями, начиная от 1265 г. (дата самой ранней из дошедших до нас договорных новгородских грамот) и кончая существованием новгородской независимости, можно составить некоторое представление и о тех переменах, которые переживала на протяжении указанных веков новгородская вотчина.

Основными кадрами вотчинного рабочего сельского зависимого населения, очевидно, были холопы, рядовичи и смерды. Количество зависимых смердов с развитием феодальных отношений растет, отодвигая на задний план хозяйственное значение холопов.

Первая и вторая договорные грамоты (обе 1265 г.) упоминают смердов, но не дают материала для суждения об их правовом положении в Новгороде. Договорные грамоты подчеркивают только одну сторону дела: они говорят о смердах только в связи с возможностью выхода их за границу в качестве закладчиков [8].

Обе названные грамоты дополняют друг друга.

В первой о сельском населении говорится очень общо: «А из Бежиць, княже, людий не выводити в свою землю, ни из иной волости новгородьской... ни закладников приимати, ни княгыни твоей, ни бояром твоим, ни дворяном твоим, ни смерда, ни купцины» [9].

В договоре 1270 г. о том, кто именно шел в закладчики, сказано яснее: «А что закладников за Гюргом на Торожку или за тобою или за княгынею или за мужи твоими, кто купець, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост. Тако пошло

---

[6] Купчая Антония Римлянина. Духовная Антония Римлянина (оба документа до 1147 г.).

[7] Данные — две Юрьеву монастырю 1125—1137 гг., Пантелеймонову монастырю 1147 г., Хутынскому монастырю 1192 г. Меня тут интересует не текст, быть может подновленный позднее, а факт земельных вкладов.

[8] СГГиД, т. I, №№ 1 и 2.

[9] Там же, № 1.

в Новегороде; отпусти всих проць»[10]. В закладники, стало быть, шли как сельчане, так и горожане. Новгород заинтересован в том, чтобы его сельское и городское население оставалось в пределах земли Новгородской, чтобы никто из соседей не выводил его людей из пределов новгородских к себе и не принимал бы никого из сельчан и горожан, ни если они сами по тем или иным побуждениям захотят покинуть новгородские пределы, ни если, оставаясь в них, захотят признать над собой власть незаконно овладевших Новгородской землей пришельцев.

Итак, новгородские грамоты, современные вышеприведенной псковской грамоте, знают тех же смердов, но трактуют их в своем особом аспекте.

Сопоставление новгородских и псковских источников по данному вопросу вполне допустимо и для расширения наших представлений о новгородско-псковских смердах, несомненно, выгодно.

Смерды в договорах Новгорода всегда изображаются в устойчивых чертах. Это неизменно сельское тяглое население, организованное в общины-погосты-потуги. «А кто смерд, а тот потягнет в свой погост. Тако пошло в Новегороде»[11] или: «а смерд потянет в свой потуг, как пошло, к Новугороду»[12].

Иногда вместо термина «смерд», наиболее в Новгороде распространенного, употребляются другие обозначения того же общественного класса: сирота[13], крестьянин, селянин, мирянин. Что под этими терминами разумеется тот же смерд, видно из договорной грамоты Новгорода с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем 1317 г., особенно ясно при сличении ее с такой же договорной новгородской грамотой 1470/71 г. с польским королем Казимиром. В последней грамоте имеется перечень новгородского населения: «боярин, житий, молодший и селянин». Тот же перечень в грамоте 1317 г. имеем несколько в ином виде: «бояре, житьи, чорные люди, сироты», т. е. черными людьми названы «молодшие», а селяне — «сиротами»[14]. Это же разнообразие терминологии хорошо видно и в жалованной грамоте Великого Новгорода сиротам Терпилова погоста, где альтернативно употребляются термины — «сирота, крестьянин, мирянин». В этой же грамоте имеется

---

[10] Там же, № 3.

[11] Договор 1270 г. СГГиД, т. I, № 3.

[12] Договор 1456 г. ААЭ, т. I, № 57. Договор 1470/71 г. ААЭ, т. I, № 87; СГГиД, т. I, № 20.

[13] «Аже братью нашю попущати без окупа: новгородских бояр... житьих людей и черных людей и сирот новгородской волости» (Грамота 1317 г.— СГГиД, т. I, № 13. Жалованная грамота 1411 г. сиротам Терпилова погоста — «Двинские грамоты», прил. 1, № 11).

[14] СГГиД, т. I. № 13.

и другая, очень характерная для Новгорода формула: тут говорится, что всякий двинянин-слободчанин, поселившийся на земле Терпилова погоста, «потянет потугом в... погост». Это та же формула, которая стереотипно повторяется в договорных новгородских грамотах XIII в. и всегда подразумевает смердов. Селянами сельское население называется не только в договорной грамоте 1470/71 г. [15]

К сожалению, договорные грамоты не дают нам полной возможности понять, в каком именно правовом положении находились смерды-крестьяне в это время. Намеки на зависимое их положение имеются только в договорах Новгорода и Пскова с литовским великим князем Казимиром 1440 г. и с ним же как польским королем 1470/71 г.

В договорной прелиминарной грамоте литовского великого князя Казимира Ягелловича с Псковом от 30 декабря 1440 г. написано: «А межы собою будучы в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за розбойника не стояти ни мне, ни вам, а выдати по исправе» [16]. В договорной грамоте того же великого князя с Новгородом (1440 г. или позже) эта фраза повторяется почти без изменений: «А межы собою нам будучы в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за розбойника и за смерда не стояти, ни мне ни вам (в другом варианте прибавлено: ни в чом), а выдати его по исправе» [17]. Разница очень невелика: во втором тексте пропущен тать и поставлен смерд на другое место. Смысл обоих текстов один и тот же: находясь в мирных отношениях, договаривающиеся стороны, борясь с протестом зависимого населения, взаимно обязуются выдавать беглых, наиболее показательный перечень которых тут же и приводится в псковских и новгородских терминах. С полной неизбежностью предполагается наличность или возможность наличия тех же категорий и в Литве. Состояние должника и поручника ничего одиозного само по себе не представляет. Стало быть, выдавать друг другу стороны обязуются не всякого должника или поручника, а должника злостного и поручителя, если тот, за кого он ручался, нарушил свое обязательство. Больше всего здесь вероятно, разумеются случаи, когда злостный должник и несчастливый поручитель делали попытку спастись от преследования феодального закона путем бегства за границу.

Бегство холопов и смердов, особенно если оно превращается в явление частое, беспокоит оба соседние феодальные государст-

---

[15] Жалованная грамота начала XV в. Палеостровскому монастырю; И. Д. Беляев. История Новгорода Великого, М., 1866, стр. 63.
[16] АЗР, т. I, № 38, стр. 51.
[17] Там же, № 39, стр. 52.

ва. Несомненно, договоры имеют в виду беглых холопов и смердов. Если вопрос о холопах достаточно прост, то не так дело обстоит со смердами: всякое бегство холопа с точки зрения закона есть преступление; тут карается не только бегство за границу, но и бегство от своего господина в целях освобождения от холопства. Со смердом может обстоять дело и иначе: бегство смерда не всегда может предполагать бегство от своего хозяина, а только бегство из своего государства в чужую землю. О чем же хлопочут договоры с Литвой относительно смердов?

Как будто на этот вопрос дает ответ договор Новгорода с польским королем Казимиром 1470/71 г., где сказано: «А холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому, ти, честны король, веры не няти». Едва ли можно сомневаться, что тут мы имеем указание на то, что у смерда есть господин. Повидимому, это так и было в большинстве случаев, но сопоставление этого текста с другими аналогичными, где говорится вообще о всех, кто бы ни вздумал вадить на господ, и вообще на «мужей» (в двух из аналогичных текстов ни о каких господах упоминания нет совсем), дает право говорить не только о зависимых смердах и холопах [18].

Для решения стоящего перед нами вопроса договоры заключают еще некоторый разъясняющий материал. В договоре 1296—1301 гг. с тверским князем сказано: «А холопы и должники и поручники выдавати по исправе» (Договор 1296—1301 гг.; тверская грамота). «А холопы и должники и поручники, кому не будеть суда, тех выдаваю без суда; а кто речеть суд, а тому суд» (договор второй того же времени). «А холопа и половника не судити твоим судом без господаря, судити князю в Новгороде. Тако пошло». «А холоп или половник забежит в Тферьскую волость, а тех, княже, выдати» (Дог. 1307 г.). «А холопы и должникы выдавати по исправе» (Дог. 1318 г.). «А должник и поручник и холоп *или хто лихо не учинит* [19],

---

[18] ААЭ, т. I, № 87. В других договорах, обычно заключаемых с русскими князьями, никогда в этом случае смерд не называется; всегда говорится только о холопе и робе. «А холоп и роба имет на господу вадити...» (Дог. 1456 г. с моск. кн. Василием, ААЭ, т. I, № 57). «Холоп или роба почнет вадити на господаря, тому ти веры не яти». И тут же через строку ниже написано: «А кто почнет к тобе вадити, тому ти веры не яти», где, конечно, может подразумеваться и смерд (Дог. 1327 г. с тверским князем Александром Мих., СГиД, т. I, № 15). «А холопу и робе на господаря веры не яти», а несколько ниже: «Аже взыдет к тебе, княже, на мужа свада, тому ти веры не яты, дати тому исправа» (Дог. 1307 г. с тверским князем Михаилом Ярославичем, т а м ж е, № 11). «А холоп или роба почнет вадити на господу, тому ти веры не яти..., а кто почнет вадити к тобе, тому ти веры не яти» (Дог. 1270 г. с тверским князем Ярославом Ярославичем, т а м ж е, № 3).

[19] В тексте: «нихто лихо не учинит» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 38, стр. 68).

а побегнет или к вам или к нам, выдати его по исправе» (Дог. со шведским королем Магнусом 1323 г.). «А за холоп, за робу, за поручник, за должник, за татя не стояти, *с обе половине не стояти*» (Дог. с тверским князем 1375 г.).

Итак, здесь фигурируют: холопы, зависимые смерды, должники, поручники, половники, тати и вообще «*хто лихо не учинит, а побегнет*». Последнюю фразу вполне можно понимать как обобщение конкретного перечня категорий подлежащих выдаче лиц. Договаривающиеся стороны обязуются разобрать дела правонарушителей в суде и выдать по суду истцам [20]. Этот материал дает основание предполагать, что договоры имеют в виду бегство всяких правонарушителей, и подчеркивает, что речь идет об обязательствах двусторонних («*с обе половины не стояти*») (курсив везде мой.— *Б. Г.*).

Само собой разумеется, что договоры заключались в целях воспрепятствования действиям лиц, нарушавших интересы договаривающихся сторон. Новгородский, псковский, тверской и любой из русских бояр, точно так же как и литовский и польский землевладельцы, не раз испытывали ущерб от бегства от них за границу холопов, половников, смердов-кметов, должников и поручителей. Договаривающиеся стороны имеют в виду время, когда они находятся в мирных отношениях («...межы собой будучи в любви»), и стараются обезопасить себя «с обе половины». Очевидно, в периоды размирья прием к себе беглых из враждебной земли практиковался как средство нанесения ущерба своему противнику.

Этот перечень беглецов, конечно, может служить материалом для суждения о некоторых сторонах общественных отношений и о формах классовой борьбы в государствах, вступающих между собой в соглашение. Так обычно и принято в нашей науке понимать содержание этих исторических источников. На основании их показаний очень часто делался вывод о том, что в Новгороде крестьяне-смерды были прикреплены раньше, чем в Москве [21].

В последнее время С. В. Юшков высказался по этому предмету в том же смысле. В выше процитированных местах договоров Новгорода и Пскова с королем Казимиром (1440 и

[20] Что же это за холоп, подлежащий княжескому суду в Новгороде? Вопрос о содержании термина «холоп» на протяжении его существования требует специального исследования. Попытки в этом направлении П. И. Беляева недостаточны (П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия, ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 140; его же. Холопство и долговые отношения в древнерусском праве, «Юрид. вестник», 1915, № 9).

[21] В. О. Ключевский, например, отмечая стеснения крестьянской свободы в Новгороде в XIII—XIV вв., прибавляет, что: «в Московской земле подобные стеснения крестьянского перехода... становятся известны не ранее половины XV в.» (Курс, 1906, ч. II, стр. 98—99).

1471 гг.) он видит доказательство того, что все смерды в Пскове и Новгороде в это время были «крепостными» и что «норма о выдаче сбежавших смердов не является только нормой международного права. Конечно, она имела внутреннее употребление и в международный договор была помещена только для того, чтобы обеспечить ее применение в пределах русских областей» [22]. Не все здесь может быть принято.

Если речь идет о смердах зависимых, относительно ограничений в их личной свободе не может быть никаких сомнений. Нам известны во второй половине XV в. в Русском государстве старожильцы, в Литовском государстве — крестьяне «непохожие». Более чем вероятно, что и в Новгороде имелась категория крестьян-смердов, ограниченная в правах более других категорий. Однако в данном случае это предположение не решает всего вопроса в целом, так как за границу могли бежать и смерды, имевшие в пределах своего государства право выхода, если их принуждало к побегу не только недовольство своим хозяином, а, скажем, опасность наказания по суду или политические мотивы [23]. Во всяком случае соглашение международного характера в данном случае едва ли имеет в виду обеспечить применение нормы о невыходе от своего хозяина зависимого смерда «в пределах русских областей». (Необходимо, конечно, если признать эту цель договора действительной вообще, на том же основании распространить ее и на другую из договаривающихся сторон.)

Новгород, точно так же, как и Польша, и Литва, и Тверь, и Суздаль, и Москва, прекрасно справлялся со своими внутренними делами и решительно не нуждался в международных соглашениях для укрепления своего внутриполитического авторитета. Международные соглашения имели в виду именно такие стороны в жизни каждого государства, которые ни одно государство самостоятельно регулировать не имело сил. Одним из таких трудных вопросов, требовавших международных соглашений, был вопрос о выдаче беглых за границу самых различных категорий. В договорах делается примерный перечень тех, кто, очевидно, имел основание прибегать к бегству за границу как к средству спасения от тяжелых условий, в какие он попадал благодаря различным обстоятельствам.

---

[22] С. В. Юшков. Очерки, стр. 101—102.

[23] В 1265 г. в Литве, например, происходили политические осложнения: «Побишася Литва промежи себе нечюя ради вины, божиим допущением на них». В связи с этим «того же лета вбегоша в Псков Литва с 300 муж и с женами и с детьми, и крести их кн. Святослав с попы псковскими и со псковичи. А новгородци хотеша их иссечи, но не да им князь великий Ярослав Ярославич, и не избиша их» (ПСРЛ, т. V, стр. 192). Такие же события могли происходить и в Пскове и в Новгороде.

В этом перечне имеется и смерд. Он мог бежать, совершив какое-либо правонарушение, учинив какое-либо «лихо», но мог, конечно, бежать в порядке протеста и просто от своего господина, если находил условия своей жизни слишком тяжелыми. Правовое положение новгородского крестьянина в это время едва ли могло сильно отличаться от положения крестьян соседних стран, находившихся в более или менее аналогичных с ним условиях, в частности от крестьян литовских. Но в XV в. крепостничество, как наиболее тяжелая форма зависимости крестьянина, здесь еще только подготовлялось, чтобы расцвести в XVI в.

Не видно, чтобы новгородское крестьянство очень резко отличалось и от крестьянства северо-восточной Руси. По крайней мере все, что нам известно о характере присоединения Новгорода к Москве, решительно не говорит о каких-либо крупных переменах в правовом положении новгородского крестьянина в связи с ликвидацией новгородской независимости. Писцовые новгородские книги дают нам яркое изображение новгородского зависимого крестьянства, как правило, сидящего на оброке. Переход к барщинной системе в конце XV в. только намечался (победа ее падает уже на XVI в.), а как мы хорошо знаем, не крепостничество привело к барщине, а барщина вызвала крепостничество.

Из данных договоров относительно смердов, строго говоря, можно сделать только один бесспорный вывод: новгородские, псковские и литовские феодалы, ввиду усиливающегося бегства своих смердов и холопов, принимают при помощи государственной власти меры к защите своих интересов. О причинах, побуждавших смердов и холопов к бегству, можно легко догадаться. Смерд (как и польский и литовский крестьянин) либо тяготился зависимостью от своего хозяина-землевладельца, либо спасался от суда феодалов, совершив какое-либо «лихо».

Говорить о крепостничестве, как о наиболее тяжелой для крестьянина форме зависимости, в Новгороде в XV в. можно только с очень большими оговорками, имея в виду лишь начальную стадию процесса. Но не одни побеги беспокоили Новгородскую республику. В ранних договорах упоминается еще одно общественное явление, вызывавшее у новгородских бояр тревогу. Это закладничество.

Новгородские закладники

Закладники — это не какая-либо категория населения, а состояние, в котором при определенных условиях одинаково мог очутиться и сельчанин и горожанин.

О закладниках вообще и закладниках новгородских существует литература. Останавливался на этом вопросе Н. П. Павлов-

Сильванский. Он считает, что закладничество — это не сделка залога, сопровождаемая личным закладом, а поступление в подданство[1]. Но подданство это, по его мнению, может быть двоякого рода: 1) лица могли закладываться за боярина чужого удела; 2) они еще легче могли отдаваться под защиту какого-либо сильного землевладельца того самого княжества, в котором они жили («закладничество внутреннее») [2]. Тут необходимо поставить вопрос о том, оба ли вида договоры считают незаконными. Несомненно, заклад за чужого боярина Новгородская республика считала незаконным и боролась с подобными явлениями, заклад же за своего боярина как будто запрещен не был[3]. В записи о Ржевской дани (около 1479 г.), платимой великим князьям Московскому и Литовскому, также новгородскому владыке и новгородским боярам, есть интересное по этому предмету указание: «Також с тых дву третей, с Будковское, а с Туровьское, владыце Новгородскому идет не с которых дворов, але не со всих, з жеребья по полтретинадцати белки, а не будет белок,— шерстью, ино по 2 деньзе с жеребья, хотя на котором жеребьи один человек седит, а держит за собою закладни» [4]. Ни из чего не видно, что держание за собой закладней — преступление.

В «декрете боярам полоцким» 1486 г. упоминаются закладни владыки и бояр. Мещане жаловались королю Казимиру «на владыку Полоцкого и на бояр полоцких, «иж закладни за собою в месте (посаде.— *Б. Г.*) держать, а тые их закладни с ними (мещанами.— *Б. Г.*) тое помочи к нашой (королевской.— *Б. Г.*) потребизне не дают. И мы о том так врадили: владыце и боярам закладнев за собою в месте (посаде.— *Б. Г.*) Полоцком не надобе мети, нижли только одного подворника по своим подворьем в городе; а на месте по давному, как здавна бывало» [5]. Как явно вытекает из этого декрета, закладничество, как таковое, отнюдь не запрещается, а лишь вводится в определенные рамки.

В Уставной грамоте гор. Полоцку великого князя Литовского Александра 1500 г. об этом говорится тоже совершенно ясно: «...которыи бы люди... позакладывалися за наместника нашего

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 339 и др.

[2] Там же, стр. 343.

[3] В. И. Сергеевич в своем понимании закладничества в смысле отдачи лица в обеспечение долга другому лицу, и тем самым избывания тягла, решительно возражает и против законности закладничества своим местным боярам. Запрещение закладничества, по его мнению, — «мера государственная, имеющая целью обеспечить правильное поступление повинностей; а потому нет оснований думать, что свои бояре имели право нарушать интересы своего же государства» (В. И. Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 284).

[4] АЗР, т. I, № 71, стр. 88.

[5] Литовская Метрика, I, кн. IV, № 98, стб. 411 (РИБ, т. XXVII).

Полоцкого, и за владыку, и за игуменью, и за бояр, и за игуменов и попов, тых всих людей зася есмо привернули к Майтборскому праву, подлуг первого нашого привилья (имеется в виду привилей Полоцку от 4 октября 1498 г.) [6], якож они на то право мають» [7].

Уставная грамота Полоцкой земли 23 июля 1511 г. говорит о владыке и игуменье, которые при короле Казимире (1440—1492) «за собою слуги и иные закладни мели»; уставная грамота разрешает им и впредь их иметь. Тут же обозначены и обязанности слуг и иных закладней»: они должны своим господарям «служить и позем им... давати».

Закон старается определить правовое положение закладней, но незаконным самый институт не считает [8].

Принципиальной разницы между закладнями Полоцкой земли и Новгородской нет. И там и здесь это — в основном один и тот же институт. Это — «подданство» в феодальном понимании термина. Нельзя понять этот термин иначе, когда речь идет, например, в Новгородской грамоте 1265 г., о княгине, боярах и дворянах и особенно о держателе жеребья в Ржевской области. Дворяне и бояре могли иметь и имели своих «подданных», но не в нашем современном смысле слова, а людей, от себя зависимых по сеньерии. Это— «подданные» в том смысле, в каком они упоминаются в Польше или Западной Руси, т. е. зависимые от хозяина-господина, сеньера, государя в своих владениях. А если обратить внимание на расшифровку обычного состава этих «подданных» — смерды и низшие слои городского населения («купчина»), — то мы еще больше утвердимся в том, что договоры имеют в виду поступление смердов в зависимость сеньериальную. Едва ли можно сомневаться в том, что закладничество было распространено в Новгородской земле и, можно думать, как явление вполне законное.

Следующий договор с тем же князем и в том же году говорит приблизительно о том же, но, мне кажется, яснее: «А закладников ти, княже, не приимати, ни твоей княгыни, ни твоим бояром; ни сел ти держати по Новгородьской волости, ни твоей княгыни, ни бояром твоим, ни твоим дворяном; ни свобод ставили по Новгородьской волости». И только в самом конце грамоты прибавлено: «а вывод ти, княже, в всей волости Нов-

[6] АЗР, т. I, № 159, стр. 179—181.

[7] Там же, № 185, стр. 215.

[8] В. И. Пичета, специально изучавший этот вопрос, не находит институт закладничества запрещенным. Он указывает лишь на острую борьбу по этому поводу между городами и землевладельцами (В. И. Пичета. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях до часу выданьня Літоускога статуту 1529 г., «Записки Аддзяла гум. наук АН БССР, 1927—1929», «Працы клясы гісторыі», кн. 2, стр. 472—474).

городьской ненадобе»[9]. Тут ясно подчеркнута мысль, что борьба с закладничеством есть борьба с выводом новгородского населения за пределы новгородские и с не менее Новгороду угрожаемою опасностью внедрения в новгородскую территорию князя с его обычным окружением, всегда готовым завести на Новгородской земле свои слободы и вотчины. Последнее, равно как и прием закладников, новгородцам разрешалось.

Сторонники другого взгляда для доказательства незаконности закладничества вообще, всякого закладничества, привлекают текст из грамоты первой половины XV в. на черный бор[10]. В этой грамоте, между прочим, упоминается такой случай: « кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор или кто имет соху тапти, а изобличат, на том взяти вины вдвое за соху»[11]. Крестьянин, бросивший свой двор в целях избежания тягла и прячущийся с этой целью за боярской спиной, очевидно войдя с ним в соглашение, конечно, мог оказаться и в положении закладника, но настаивать на том, что это и есть типичный закладник, нет оснований, как это делают те, кто считает закладничество только средством избежать тягла. Новгородскому дьяку, составлявшему текст грамоты «на черный бор», конечно, ничего не стоило вместо 20 слов написать одно — «закладник». Если он этого не сделал и счел необходимым прибегнуть к довольно подробному описанию явления («кто поверга... а изобличат»), то, очевидно, тут он имел в виду не хорошо всем известного закладника, а нечто иное. Наконец, надо сознаться, что вопрос о том, освобождался ли закладник от государственных повинностей, требует специального исследования. Если понимать за ладничество так, как понимает его Н. П. Павлов-Сильванс й, т. е. как поступление в «подданство» к частному лицу, то вполне вероятно, что закладник мог рассчитывать на некоторую льготу, лишь на временное освобождение от государственных повинностей. Если бы закладничество избавляло от государственных повинностей полностью, то ни одно правительство, и, в частности, Новгородское, с ним бы не могло мириться. А этого мы и не видим. В записи о Ржевской дани, упоминающей о людях, сидящих на жеребьях, т. е. тяглых участках, и держащих «за собою закладни», нет и намека на то, что действия этих людей незаконны. Так же спокойно о закладниках говорит и привилей короля

---

[9] СГГиД, т. I, № 2. Совершенно то же в грамоте 1307 г. (т а м ж е, № 10). Тут даже имеется очень интересная деталь: «А сел ти не ставити по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни твоим боярам, ни твоим дворяном, ни купити, ни даром примати». Предполагается возможным, что отдельные лица могли закладываться со своей землей (commendatio).

[10] В. И. С е р г е е в и ч. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 284.

[11] ААЭ, т. I, № 32.

Александра. В Новгородской грамоте «на черный бор» освобождены от взносов только «одерноватые», получающие «месячину», т. е. холопы. Все разновидности сельского населения должны платить кто с сохи, кто с полусохи.

Допускаю, что под термином «закладник» могли скрываться отношения не строго юридически очерченные, достаточно разнообразные, однако объединяемые принципом поступления в зависимость к определенному лицу.

Новгородская боярская республика в своих договорах с князьями борется не со всяким закладничеством вообще, как утверждает Сергеевич, а лишь с закладничеством за лиц не новгородского гражданства. Это не просто борьба за интересы фиска, а за целостность государственной территории и за охрану своего населения. Договорная грамота 1295—1302 гг. указывает на интересный случай, когда новгородцы-закладники, живя на новгородской территории, «позоровали» к тверскому князю. Тверской князь должен был признать это явление незаконным и формально его ликвидировать: «тех всех отступился есмь Новугороду». Договаривающиеся стороны пошли лишь на некоторый компромисс: «давные люди», вошедшие в закладнические отношения с прежними тверскими князьями Александром и Ярославом и живущие в Торжке и на Волоке, могли оставаться в своих старых отношениях к Твери [12]. В грамоте 1327 г. тоже называются незаконные действия трех поколений тверских князей (упоминаются дед, отец и дети), накупивших или силой приобревших или же «даром отъявших» землю на Новгородской территории. По этой грамоте часть незаконно приобретенной земли переходит безвозмездно к Новгороду, часть выкупается по цене, заплаченной при покупке. Грамота оговаривает и другое важное для нас условие: «а ис тых сел (купленных князем или его мужами.— *Б. Г.*) суда им (княжеским боярам и дворянам.— *Б. Г.*) не судити, ни дворяном ездити, ни людий новгородьских приимати, ни земли» [13]. Несмотря на борьбу новгородского веча с княжеским землевладением, а также с землевладением его дворян и бояр на новгородской территории, князья и их окружение не раз нарушали запрет: землю в Новгороде покупали и принимали «даром», отнимали «сильно» [14]. А овладение землей обозначало и овладение сидящим

---

[12] СГГиД, т. I, № 4 и 5. Небезинтересно отметить, что термины «заклад», «закладный» и «закуп», «закупный», переживая одновременно эволюцию, заменяли друг друга в XVI в. Одна и та же грамота называется то «закладный», то «закупный», хотя и в ином уже смысле, чем в XII—XIII вв. (Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 474, прим. 2).

[13] СГГиД, т. I, № 15.

[14] Там же.

на ней населением и привлечение на нее всякими способами новых поселенцев, земледельцев и ремесленников, которые могли быть и «закладниками».

Интересно отметить тут и терминологию более позднего времени: «в холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться» [15]. Правда, в XVI—XVII вв. закладничество в связи с другими крупными переменами в положении крестьян приобретает уже иной характер, но некоторые элементы этого нового характера можно предполагать и в старое время. Н. П. Павлов-Сильванский на это и указывает. Результатом «заклада» было «полное подчинение закладчика господину, землевладельцу. Освободиться от власти государства лицо могло, только отдавшись во власть частновладельца, сделавшись из государева человека — боярским». Закладчик «становился в положение, близкое к холопству», но в то же время «сохранял за собою право порвать во всякое время свою зависимость. В этой временной, добровольной зависимости — существенная черта закладничества-коммендации» [16]. Павлов-Сильванский высказывает эти соображения в главе «Закладчики — заступные люди XVI—XVII вв.», т. е. говорит о том времени, когда значительно изменилось положение сельского населения и в Москве и в Новгороде, а также, конечно, и в других местах Руси. Но некоторые элементы зависимого, а порой и тяжелого положения закладчиков можно заметить и в более раннее время.

Чем объясняется тяга к закладничеству? Павлов-Сильванский, настаивая на слабости княжеской власти, уверяет, что «за хребтом» сильного боярина жить было более безопасно и здесь скорее можно было найти относительно праведный суд и управу [17]. Но это предположение трудно мирится с утверждением того же автора, что закладчик становился в положение, близкое к холопу.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что тут дело не в слабости государства (в XVI в. во всяком случае весьма относительной), а в желании закладчика найти лучшие для себя условия жизни. Очевидно, в условиях существования сельского населения в Новгороде наступали времена, когда многие крестьяне выбивались из привычной для них более или менее сносной обстановки.

Все эти настойчиво повторяющиеся оговорки новгородских договоров о непринимании закладников, о невыводе людей, о запрещении приобретать землю и организовать слободы в

---

[15] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 313.
[16] Там же, стр. 321.
[17] Там же, стр. 325.

Новгородской республике гражданам из иных княжений, жалобы на нарушения этого запрещения во время «замятен», предупреждение о незаконности жалоб холопов на своих господ, требование возврата ушедших из Новгородской земли смердов и ремесленников — создают совершенно определенное впечатление о большом возбуждении в новгородско-псковском обществе XIII—XIV вв. Летописные сообщения подтверждают это. В 1229 г. приглашенный из Чернигова в Новгород новый князь Михаил принимает меры к тому, чтобы задержать отлив сельского населения из Новгородской в чужие земли. Освобождением на пятилетний срок от платежа податей он старался вернуть бежавших из новгородских пределов смердов. Автор Никоновской летописи неудачно понял и перестроил фразу Новгородской летописи об этом событии, но, имея перед глазами факты, не ошибся, когда назвал этих сбежавших «на чужю землю» «людьми бедными и должными» [18]. Это тот самый князь Михаил, при котором, как выражается Новгородская летопись, «бысть легко по волости Новугороду» [19]. Это поведение кн. Михаила сильно отличалось от поведения новгородских посадников, представителей боярства. Боярская фамилия Мирошкиничей, не раз поставлявшая из своей среды посадников, даже прославилась тем, что в интересах крупных землевладельцев угнетала деревню. Восстание против режима, поддерживаемого Мирошкиничами (посадника Дмитра и его братьев), новгородский летописец объясняет тем, что Дмитр и его братья (влиятельная партия, возглавляемая Мирошкиничами) не щадили ни купцов, ни ремесленников, ни смердов. Восставшие вспомнили и отца этих братьев: разграбили его двор [20], вспомнили и детей Дмитровых и его окружение: «Целоваша... честный хрест, яко не хочем у себе держати детий Дмитровых: ни Володислава, ни Бориса, ни Твердислава Станиловиця, ни Овстрата Доможировиця». Все они были арестованы.

Эти события происходили в Новгородской земле и частью в самом Новгороде в то время, когда Псков был новгородским пригородом, однако никогда не терявшим своего лица и не растворявшимся в политическом режиме Новгородской боярской республики.

---

[18] «Приде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и вда свободу смердом на 5 лет даний не платити, кто сбежал на чюжю землю...» (Новг. I летоп., под 1229 г.). «И даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платить» (Никон. лет., под 1228 г.). Ср.: АЗР, т. II, № 133, стр. 127; Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 1949 г., стр. 215—216.

[19] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 221.

[20] «Яко ти (Мирошкиничи.— *Б. Г.*) повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куны (в тексте ошибочно «куры».— *Б. Г.*), брати по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло» (Новг. I летопись, изд. 1888 г., стр. 191).

Но напрасно мы бы думали, что псковское боярство мягче относилось к смердам. На память приходит новгородский князь Всеволод, изгнанный из Новгорода главным образом за то, что «не блюл смерд», и нашедший радушный прием у псковских бояр, несомненно ему сочувствовавших.

Эти сообщения Новгородской летописи помогают нам понять ту напряженную обстановку в Новгородской республике, которая нашла свое отражение во внешне бесстрастных формулах договоров с князьями, формулах, за которыми скрывалась острая классовая борьба в новгородском обществе.

Не случайно в договоре 1317 г. с тверским князем Михаилом Ярославичем сказано, что количество закладчиков увеличилось в связи с общественно-политическими осложнениями.

«Замятня» эта описана в Новгородской летописи. Уже начиная с 1311 г. Новгород был неспокоен. В этом году в течение лета в Новгороде было три грандиозных пожара, при описании которых летописец находит нужным дважды упомянуть окаянных и злых людей, не боящихся бога, ни суда божия не помнящих, не жалеющих своих братьев, охотно грабивших чужое имение, и заключает повествование возгласом: «воздаждь им, господи, по делом их!». Несомненно, за этими сообщениями скрывается многое, что вызвало и пожары и грабежи: «Того же лета отъяша посадничьство у Михаила и даша Семену Климовичю». В следующем году началась тяжелая война с тверским князем Михаилом, осложненная вмешательством немцев, напавших на Ладогу, и корел, «передававшихся» немцам. Хлеб вздорожал, а в Псковской земле голодные люди стали грабить боярские села, дворы и клети в городе. Против них выступили псковские власти и перебили около 50 человек. Опять на Новгород напал тверской князь вместе с татарами. В войну вмешался на стороне Новгорода московский князь. Война длилась долго [21].

В 1317 г. новгородское вече заключило договор с тверским князем. В «замятню» новгородцы поживились за счет тверской волости; тверичи тоже не остались в долгу перед Новгородом. Вот при каких обстоятельствах новгородские «села» и «люди заложились за тверского князя и за его княгиню и за их детей и бояр», накупивших сел в Новгородской области. Тут же в летописи имеются и очень интересные подробности, дающие ключ к точному пониманию некоторых деталей договоров. Во время войны с тверским князем Михаилом новгородское вече арестовало некоего Игната Беска, «и биша и на вечи и свергоша и с моста в Волхов: творяхуть бо его перевет державша к Михаилу... Тогда же и Данилко Писцов убьен бысть на Рли

[21] Новгородская I летопись, стр. 312—319.

от своего холопа: обадил бо его бяше к горожаном, тако река: посылал мя с грамотами к Михаилу князю». Даниил Писков пал от руки своего холопа.

Выступления холопов против своих господ, очевидно, были явлением очень распространенным, если новгородцы в своих договорах сочли необходимым внести специальную оговорку.

Чем отличаются эти Мирошкиничи и стоящие за ними сторонники их политики от знати польской или бояр Галицко-Холмской Руси? Впереди их шло только немецкое прибалтийское дворянство, систематически осуществлявшее свои цели и доведшее своих крестьян до грандиозного восстания 1343 г.

С польской знатью новгородское боярство роднит и их политическое могущество, возраставшее в Новгороде без тех даже слабых сдерживающих препятствий, которые тщетно пытались воздвигать польские короли: у новгородских бояр находилась в руках вся полнота власти, ограничиваемая не прекращавшимся сопротивлением народных масс и время от времени проявлявшимися вспышками народного гнева.

Однако в новгородских документах XIII в. мы наблюдаем только тенденции, которым предстояло принять более яркую форму несколько позднее.

Договоры Новгорода в числе лиц, подлежащих выдаче в случае бегства за границу, называют и одну довольно многочисленную категорию сельского населения — половников. Необходимо внимательно остановиться на изучении этой прослойки сельского населения, вызывавшей большой интерес и в Новгороде, и в Пскове, и в Москве.

Новгородские половники

О половниках новгородских, к сожалению, так мало известий, что ничего точного о них сказать нельзя. Неудивительно поэтому, что в литературе по этому предмету высказано было лишь несколько мало аргументированных мнений.

А. И. Никитский при решении этого вопроса исходил из своего общего представления о крестьянах. «Основанием, которым определялись эти отношения (между землевладельцем и земледельцем.— *Б. Г.*),— пишет он,— везде было одно и то же, а именно не что иное, как половничество. Земля сдавалась крестьянам не под условием платы определенной ренты деньгами или хлебом, а под условием внесения известной доли продукта». Автор говорит о Новгороде до присоединения его к Москве. «Первоначальной величиной, от которой получила

свое название и вся система отношений, было внесение в казну землевладельца половья или половины общего ежегодного дохода земледельца»[1].

В другом месте той же книги автор сужает свое общее представление о половнике и говорит о нем, как о съемщике земли у зажиточного крестьянина: «Что же касается до половников, которые также временами встречались в крестьянском быту, то под ними, по всему вероятию, нужно разуметь лиц из класса земледельцев, которые снимали землю у других более зажиточных крестьян под условием платы половины продукта» [2].

И. Д. Беляев рассматривает историю крестьян, отмечая в их судьбе перемены по этапам от «Русской Правды» до Псковской Судной Грамоты и далее. «Общим условием для всех крестьян, живущих на чужой земле, по Псковским законам,— пишет он,— было половничество, т. е. крестьянин половину плодов, получаемых с обрабатываемой им земли, должен был доставлять землевладельцу, господину, а половину брать себе; посему крестьяне в Пскове еще назывались исполовниками». Из заключительных слов главы, трактующей о крестьянах псковских, можно догадаться, что И. Д. Беляев особого различия между псковским крестьянином, новгородским и московским не делает [3].

Б. Н. Чичерин о новгородских половниках говорит кратко. Он склонен приравнивать их положение к холопскому [4].

В. Ф. Загорский считает их либо «наемными рабочими», либо арендаторами, либо «зависимыми младшими товарищами» [5]. Автор явно находится в затруднении и, собственно говоря, никакого определения половнику не дает.

Вообще же не только о новгородских, но и о псковских и московских половниках литература очень невелика. Объясняется это, как уже указывалось, тем, что для выяснения этого предмета имеется очень мало источников. Кроме договорных грамот, для решения вопроса о новгородских половниках в нашем распоряжении имеются одна грамота и довольно беглые упоминания в писцовых книгах.

В дарственной грамоте новгородского посадника Василия Степановича Песношскому монастырю 1452 г., между прочим, сказано: «а игумену *половников* посадниця Васильевых *не*

---

[1] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, стр. 59—60.

[2] Там же, стр. 66—67.

[3] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 28, 31.

[4] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 175.

[5] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI в., ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 320.

отхожих людей не принимати»[6] (курсив мой.— *Б. Г.*). Выше говорится о крестьянах и слугах посадника Василия. Как понимать этот текст?

«Не отхожие люди» — это только другое наименование тех же половников, или же «не отхожие люди» — это только часть большой категории людей, именуемых половниками? «Не отхожие люди», естественно, напрашиваются на сопоставление с литовско-русскими «непохожими» людьми.

Весьма вероятно, что грамота 1452 г. пользуется термином «половник» в более широком смысле, подобно тому, как это встречается в Псковской Судной Грамоте, в грамоте около того же времени белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтову монастырю («монастырские половники в серебре»)[7] и в грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю («с серебром, что на половники»)[8], и что эта грамота 1452 г. в данном случае говорит не о всех половниках, а только о половниках «не отхожих». Тогда можно предположить, что некоторая часть населения, подведенная грамотой под общее понятие половников, была «не отхожей» («не похожей»). Другими словами, мы вынуждены признать половников отхожих и не отхожих, что отчасти подтверждается ст. 76 Псковской Судной Грамоты, где говорится о беглом изорнике-половнике (см. стр. 459—460).

В новгородских писцовых книгах половники упоминаются довольно часто. В Деревской пятине, в Семеновском погосте в Вудрицах, дер. Дедовичи: «во дв. Онтушко староста, во дв. Костко, во дв. Михаил, половники Онтушовы»[9]. В той же пятине в Холынском погосте вотчина Микиты Савина, конфискованная у него Иваном III и переданная в поместье князю Александру Васильевичу Оболенскому. В самом погосте, «на Микитинском жеребью Савина» до новгородского взятия «жили Микитины половники» и потому «старого дохода не было»[10]. В той же пятине в Курском погосте в деревне Поддубье та же картина: «старого дохода не было: жили в ней половники»[11]. В Шелонской пятине во Фроловском погосте в деревне Красовице живет несколько крестьян. У одного из них, Поташа Гаврилова, «половники Стешко да Васько да Стехно». Они живут не в своих тяглых дворах, а числятся во дворе Поташа

---

[6] В Актах юридических — «ни отхожих» (№ 110, стр. 145), в Грамотах Коллегии экономии, как и в подлиннике,— «не отхожих» (т. II, № 201, стр. 550).

[7] ААЭ, т. I, № 47.

[8] Н. Н. Дебольский. Гражданская дееспособность, стр. 343.

[9] Новгородские писцовые книги (в дальнейшем цит.: НПК), т. 1, стр. 788.

[10] НКП, т. II, 427.

[11] Там же, стр. 623.

Гаврилова [12]. В том же погосте в деревне Подлесье живет во дворе крестьянин Гридька Минин, а у него «половник его Исай» [13]. В том же погосте в деревне Комарово у своеземца живет крестьянин Сенька Гурылев, а у него «половники его Савка да Офонаско» [14]. В Турском погосте в дер. Кашино живет крестьянин «Офоноско Ивашков Дядка и во дв. половник Офоносов Олексейко Васьков» [15]. В Ясенском погосте, в дер. Сосновое поле: во дв. крестьянин Ивашко и «половник его Нестерко» [16]. В Опоцком погосте дер. Заборовье «за Кузьминым (помещик. — *Б. Г.*) человек за Фомкою за ключником: во дв. Фомка ключник: а половников его: во дв. Мосейко Ивашков, во дв. Офемко. Пашни 7 коробей, сена 50 копен 2 обжи» [17].

Половники, внесенные в писцовые новгородские книги, живут у кого-нибудь, тягла, как правило, самостоятельно не тянут, но, очевидно, помогают выполнять эту повинность своим хозяевам. Нередко половники живут у крестьян. Половники — люди бедные и самостоятельно организовать своего хозяйства не могут. Новгородские договоры, как мы видели, не раз говорят о бегстве половников, об их подсудности княжескому суду и о том, что их можно судить только в присутствии их «господаря». Отсюда надо сделать вывод, что половник, несомненно, человек зависимый.

Судя по Псковской Судной Грамоте, которая прекрасно знает половников, мы можем думать, что и в Новгороде половник пользовался правом выхода, конечно, с соблюдением соответствующих условий.

В знаменитой новгородской грамоте «на черный бор» (около 1437 или 1456—1462 гг.) говорится о тех, «кто сидит на исполовьи», т. е., вероятно, половниках («а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи..., а кто будет одерноватый емлет месячину, на том не взяти»). Половник, если мы только правильно расшифровываем текст, обложен здесь вполовину против нормального тяглеца-крестьянина.

Новгородское вече после Яжелбицкого, очень тяжелого для Новгорода, мира должно было согласиться на все нелегкие условия, которые были предложены московским великим князем Василием Темным. Поэтому возможно, что «черный бор» был тяжелее обычных податей, какие новгородцы платили в государственную казну. Предположение это подтверждается и тем, что и Иван III при последних переговорах с Новгородом

---

[12] Там же, т. IV, стр. 37.
[13] Там же, стр. 40.
[14] Там же, стр. 52.
[15] Там же, т. IV, стр. 66.
[16] Там же, стр. 148.
[17] НКП, т. IV, стр. 174.

пошел еще дальше и распорядился брать подати даже и «на одерноватых», т. е. на полных холопах [18].

Из этих наблюдений как будто вытекает, что половники, как правило, от тягла избавляются. Половник рядился обычно на срок, знал только своего хозяина, на котором официально лежали тяглые обязанности, шедшие «мимо половника». Это положение половника отмечалось в литературе неоднократно [19].

Во всяком случае необходимо сознаться, что относительно новгородских половников новгородские источники позволяют сказать не много вполне определенного.

Считаю необходимым обратить внимание на то, что в своих договорах Литва и Новгород оговаривают условия соглашения взаимно, обязуются выполнять их с обеих сторон. Это возможно было только в том случае, если и Литва и Новгород, говоря о тех или иных предметах, понимали под ними хотя бы приблизительно одно и то же. Стало быть, мы не ошибемся, если скажем, что и в Новгороде, и в Литве отношения между господами, с одной стороны, и холопами, половниками и смердами,— с другой, были очень похожими. Иначе соглашение по этому предмету не могло бы состояться.

В доказательство справедливости своей мысли укажу хотя бы на Уставную грамоту Витебской области короля Александра от 16 июля 1503 г., или на Уставную грамоту Полоцку от 23 июля 1511 г., где, например, стоит фраза: «А холопу и робе веры не няти» [20], т. е. то самое условие, которое вставляется обычно и в договоры Новгорода с Литвой. А если это так, то мы получаем возможность, не рискуя вызвать серьезные возражения у критиков, привлечь для решения нашей проблемы, столь скудно освещенной в источниках новгородских, и материал Пскова и соседней Литвы, где жили в огромном числе те же русские люди. Это параллельное пользование для данного случая источниками новгородскими, псковскими и литовскими допустимо еще и потому, что в данный период большой разницы между Литвой, Новгородом и Псковом в социальном и в политическом строе этих государств не было.

Эта близость Пскова и Литвы объясняется прежде всего тем, что и здесь и там жили русские люди (имею в виду области

---

[18] Софийский временник, ч. II, М., 1821, стр. 194.

[19] А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб., 1890, стр. 105.; М. А. Дьяконов хотя и пытается стать на иную точку зрения, но и он признает: «Едва ли может подлежать сомнению факт, что за половников в очень многих случаях уплачивают подати хозяева. Быть может, такой порядок был господствующим» (Очерки из истории сельск. насел., стр. 163).

[20] АЗР, т. I, № 204; т. II, № 70.

Великого княжества Литовского, непосредственно соприкасавшиеся с Псковской землей).

Из наблюдений над сельским населением Новгородской земли вытекает:

1. Общественное положение крестьян-смердов в Новгороде в период существования древнерусского феодального государства принципиально от положения южнорусских смердов не отличалось. «Русская Правда» была кодексом действующего права и там и здесь. Смерды, как в Поднепровье, так и в Поволховье, находились в одном и том же положении, т. е. они были членами общин, называвшихся в Новгороде погостами.

2. Поскольку земля в погостах очень рано стала осваиваться князьями, боярами и церковными учреждениями, значительная часть смердов вместе с землей оказалась под властью крупных землевладельцев.

3. Крестьянская община испытывала давление крупных землевладельцев, стремившихся расширять свои владения и увеличивать количество своих подданных; она подвергалась и воздействию государства, пользовавшегося ею в своих целях; испытывала она и действие внутренних процессов, приводивших к расслоению в среде крестьянства.

4. Углубление феодальных отношений сопровождалось обострением классовой борьбы, выражавшейся как в форме открытых восстаний, так и в других формах, в частности, в бегстве. Вынужденная искать более сносных условий жизни, часть смердов находит для себя более удобным поступать на известных условиях в зависимость от частных владельцев земли.

5. Закладничество — одна из форм феодальной зависимости. Закладничество, по новгородским источникам, наблюдается в двух видах: закладничество за чужеземцев и за своих новгородских землевладельцев. Первое безусловно запрещалось законом. Относительно второго документы ясно не говорят, но есть основание думать, что оно не запрещалось.

6. Половничество, очень распространенное в Новгородской земле XIII—XV вв., есть форма зависимости, в которую поступали обедневшие смерды. Половник обычно не нес тягла и работал на хозяина из доли продукта. Свобода выхода его не могла быть неограниченной. Точных данных о положении половников новгородские документы XIII—XV вв. не содержат.

7. О зависимых смердах новгородские источники говорят часто, но не дают точного ответа на вопрос об их правовом положении. Однако совершенно ясно, что характер зависимости определялся феодальным способом производства, одинаковым и в Польше, и на Руси, и в Литве в период господства ренты продуктами.

8. Поскольку в договорах Новгорода и Пскова с Литвой речь идет о взаимной выдаче различных категорий населения (холопы, смерды, половники), мы можем думать, что в Литве были те же категории населения и находились приблизительно в таком же правовом положении.

4. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ в XIV—XV вв.

Дать хотя бы краткий очерк истории сельского населения Великого княжества Литовского я считаю совершенно необходимым по трем мотивам: 1) в Великом княжестве жила огромная масса русского крестьянства, история которого не может быть выключена из исследования о русском крестьянстве вообще; 2) нам важно проследить судьбы крестьян под властью литовских и русских феодалов и убедиться в том, что, несмотря на разницу политических режимов, правовое и экономическое положение крестьян в разных частях Восточной Европы в основных своих чертах развивается в одном и том же направлении; 3) поскольку Новгород, Псков и Литва, заключая между собой договоры, находили общий язык по отношению к различным категориям сельского населения, мы вправе предполагать здесь в положении этого населения определенную аналогию.

Сравнительное изучение материалов новгородских, псковских и литовских, расширяя диапазон наших наблюдений, хотя бы до некоторой степени может компенсировать скудость источников по этому предмету за XIII—XV вв.

Нельзя сказать, что история литовского и русского крестьянства в Литве изучена настолько, чтобы можно было пользоваться более или менее устойчиво обоснованными выводами. Положение вопроса здесь приблизительно такое же, как и относительно великорусского крестьянства.

Историки литовско-русского крестьянства до недавнего времени главное внимание уделяли вопросу о закрепощении крестьян. Шли споры и о том, только ли экономическим путем или только в результате вмешательства государственной власти создавалась крестьянская крепость; по-разному трактуются в связи с разногласиями и отдельные источники.

Ф. И. Леонтович выводил происхождение «непохожих людей» из задолженности крестьян [1]. М. Ф. Владимирский-Буданов говорил о «бытовом прикреплении крестьян» как неизбежном следствии экономических причин; он ставит возник-

[1] Ф. И. Леонтович. Крестьяне в Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI ст., Киевск. унив. изв., № 10, 1863, стр. 14—26.

новение крестьянской крепости в связь с расширением шляхетских прав и с воздействием немецкого права в форме волочной системы в сельском хозяйстве [2]. В. Б. Антонович выводит происхождение непохожих людей из «невольной челяди», т. е. из холопства[3]. И. Новицкий видит начало процесса закрепления крестьян в предоставлении землевладельцам права суда над крестьянами и в переходе к ним налогового права. Со второй половины XV в. и особенно в XVI в. путем законодательных мероприятий крестьяне лишаются личной свободы, что и завершается третьим Статутом, формально уничтожившим рабство, на деле же обратившим в несвободное состояние весь земледельческий класс [4]. Д. И. Иловайский объяснял возникновение крепостного права в Великом княжестве Литовском законодательной деятельностью литовского правительства, в частности ссылался на привилей Казимира Ягеллончика 1447 г. [5]

М. К. Любавский сделал попытку поставить вопрос значительно шире. Исходя из положения, что законодательство оформляет то, что уже возникло в подлинной жизни, он полагает, что крепостные отношения появились на почве бытовых условий и были оформлены законом позднее. Естественно, М. К. Любавский обращается к этим условиям и вспоминает смердов. Уже в начале создания Великого княжества Литовского имелись налицо и княжеские и боярские земельные владения, в которых жили на своих земельных участках зависимые смерды. Они обязаны были платить подать государству и в то же время платить оброки и выполнять барщинные повинности своим хозяевам. При такой постановке вопроса автору неизбежно было обратиться к «Русской Правде», где он замечает в крупных имениях не только труд холопов, но и труд зависимых смердов, вытеснивший рабский труд. Этих сидящих на частновладельческих землях смердов и признало государство лишенными права покидать свои участки, а введение немецкого права в жизнь литовской и русской деревни, по мнению Любавского, освободило владельческих крестьян от государственных повинностей и юрисдикции государства, заменив ее юрисдикцией владельцев, и таким образом «превратило крестьян в подданных панов, бояр, шляхты и других владельцев» [6].

---

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 2, изд. 4. СПб.— Киев, 1901, стр. 28.

[3] В. Б. Антонович. Предисловие к «Архиву Юго-Западн. России», ч. VI, т. II, стр. 27—29.

[4] И. Новицкий. Очерки истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV—XVIII вв., Киев, 1876, стр. 60, 75 и др.

[5] Д. И. Иловайский. История России, т. III, стр. 84.

[6] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 381 и сл.

Совершенно ясно, что наличие столь разнообразных, и, надо сказать, часто неудачных попыток определить причины, вызвавшие зависимость крестьян от разных рангов привилегированных землевладельцев, объясняется тем, что ни один из перечисленных здесь авторов не заметил (или по состоянию современной им науки не мог заметить) самого главного — наличия феодальных отношений в Литве, вытекающих из определенного способа производства, немыслимого без эксплуатации зависимого крестьянства.

Советские историки подошли к решению данной проблемы вооруженные марксистско-ленинским пониманием исторического процесса. В. И. Пичета в 1927—1929 гг. в «Записках» Белорусской Академии Наук поместил свою работу о юридическом положении сельского населения на частновладельческих землях по Литовскому статуту 1529 г. Здесь В. И. Пичета, в отличие от своих предшественников, не только признал феодальные отношения на Руси и, в частности, в Белоруссии, но и правильно понял феодализм как систему производственных отношений. «Только приняв во внимание эти условия (феодальное землевладение и феодальное сельское хозяйство.—*Б. Г.*),— пишет он,— можно правильно исследовать и понять проблему происхождения крепостничества». «Борьба за крепостного крестьянина, как новую форму рабочей силы, какая должна была больше удовлетворять потребности начавшего развиваться фольварочного хозяйства,— вот что составляло главное содержание социальных и экономических отношений между классом землевладельцев и сельским населением» [7]. Процесс этот был весьма сложным, зависимое от землевладельцев население консолидировалось медленно, потому что это население представляло собой весьма разнообразную по своим социально-экономическим признакам группу.

В. И. Пичета задался целью рассмотреть судьбу по крайней мере наиболее часто встречающихся разновидностей сельского населения в XV и начале XVI в. Он указывает на наличие основных прослоек крестьянства — «людей похожих», «людей непохожих», «данников» или, иначе, «людей данных». Между этими прослойками в конце XV в. В. И. Пичета не видит четких юридических различий [8].

Работа В. И. Пичеты поставила всю проблему по-новому и сделала большой шаг вперед по пути ее разрешения.

Перед нами сейчас стоит не только вопрос о том, как и почему крестьянин очутился в зависимости от землевладельцев-феодалов (этот вопрос рассматривался во второй части книги),

[7] В. И. Пичета. Юрыдычнае становішча, стр. 493—494. См. также его же. Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.— «Исторические записки», т. 20.

[8] Там же, стр. 496.

но и вопрос о том, какой путь прошел зависимый крестьянин, прежде чем оказаться в самой крепкой зависимости, и чем объясняются пройденные крестьянством этапы.

Основной факт, без учета которого нельзя правильно понять историю литовско-русского крестьянства,— это наличие Древнерусского государства, в состав которого входили и земли, позднее попавшие под власть великого князя Литовского, а стало быть и распространение на эти земли норм «Русской Правды».

Если мы не посчитаемся самым внимательным образом с этим обстоятельством, мы очень многого не поймем в истории Великого княжества Литовского и, в частности, в истории литовско-русского крестьянства. «Русская Правда» — символ единства русского народа, источник познания его древних судеб, независимо от всех переживаний, какие выпали на долю каждой из его ветвей: будь это на Волхове, не видевшем на своих берегах татарских полчищ, будь это на Немане, Зап. Буге или Днепре, крепко политых кровью защитников Русской земли от монгольских завоевателей, или на Оке с превращенными татарами в пепел городами,— везде, где звучала русская речь, где память о Киеве говорила о блеске недавнего прошлого и поддерживала веру в творческие силы своего народа, не забывалась и «Русская Правда».

Об этом ярко свидетельствуют уцелевшие от татарского погрома памятники: мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г., договор смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою, Готландом и немецкими городами 1229 г., составленный и от имени полоцкого и витебского князей, весь сотканный из элементов «Русской Правды» [9].

А это значит, что смоленские, полоцкие и витебские смерды были теми же смердами, о которых повествует «Русская Правда», конечно, с отклонениями, неизбежно обусловливаемыми вариантами в оттенках экономического состояния отдельных частей необъятно великой Руси.

Если мы признаем правильным этот исходный пункт, тогда нам будет легче понять и дальнейшую историю литовско-русских крестьян как до вхождения их в подданство великого князя Литовского, так и во время пребывания в составе Великого княжества Литовского.

---

[9] «Тая правда Латинескому взяти у Руской земли у волости князя смоленеского и полотьского князя волости и у витебского князя волости». По этому поводу Владимирский-Буданов с полным основанием замечает, что «постановления договора 1229 года, совершенно сходные с постановлениями «Русской Правды», имели силу во всей Северо-Западной Руси. По сличению же с договором Новгородским 1195 г. оказывается, что в XII и XIII вв. во всей Руси господствовало одно и то же обычное право, именно то, которое выражено в Русской Правде» (М. Ф Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 126, прим. 50).

Путь, пройденный литовско-русским крестьянином от «Русской Правды» до Литовского Статута, велик, но в основном он тот же, по какому шли все крестьяне в большей части Европы (на восток от Лабы), крестьяне немецкие, польские, русские и ливонские.

Сформировавшееся в XIII—XIV вв. Великое княжество Литовское получило в «наследство» от Киевской Руси уже сравнительно развитые феодальные отношения, более зрелые, чем в собственно-литовских землях. К Литве перешло и большое количество феодально-зависимого сельского населения Руси. Изучая историю землевладения в Великом княжестве Литовском и рассматривая положение литовско-русского крестьянства на разных этапах его исторического развития, В. И. Пичета пришел к выводу, что уже ко времени возникновения и оформления «Литовско-русского государства» существовало три вида землевладения, определенно предполагавшие наличие феодально-зависимого крестьянства. По мнению В. И. Пичеты, уже в начальную пору существования Великого княжества Литовского можно было наблюдать: 1) землевладение старое, восходящее ко времени Киевской Руси; 2) землевладение литовских бояр, возникшее в процессе образования Великого княжества Литовского; 3) землевладение, образовавшееся в Великом княжестве Литовском на основе княжеских пожалований, закреплявших земли за феодалами либо на условных правах, либо на правах «вечности». При таких условиях существование феодально-зависимого крестьянского населения в этот период не вызывает никаких сомнений.

Признавая наличие феодально-зависимого крестьянства в это время, следует помнить, что конкретные формы зависимости претерпевали закономерные изменения в связи с общим поступательным развитием феодальных отношений. Если на землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского, в эпоху «Русской Правды» имение землевладельца обслуживалось трудом холопов, рядовичей и смердов главным образом в форме примитивной отработочной ренты и лишь частично в форме ренты продуктами, то в последующий период (XIII—XVвв.) феодально-зависимые крестьяне этих территорий уже, как правило, «сидели» на оброке. Это нужно сказать как о крестьянах, живших на земле феодала, так и о тех крестьянах, которые жили на господарских землях. Это было время, когда вся масса крестьян (независимо от того, на каких землях они жили), сохранявшая элементы общинного строя, платила государству со своих дымов-дворищ полюдье-подымное (позднее—посошное). Вместе с тем те из крестьян, которые находились под властью частных владельцев-феодалов, кроме государственного тягла, обязаны были выплачивать своим хозяевам ренту, известную

в северо-западной Руси под несколькими видами: «дякло» (annona ducalis) — ежегодный сбор сельскохозяйственных продуктов для содержания феодала, «баран», «половщину», «стации» и т. д. Крестьяне были обязаны также давать подводы по требованию феодала или великого князя; обязаны они были «повозом» и т. д. Перечислить все разновидности этого рода повинностей довольно трудно.

Важно отметить феодальную сущность всех этих повинностей, определяемых в конечном счете состоянием производительных сил и производственных отношений, состоянием производства и базиса данного общества на данном этапе его развития. Разумеется, что при выяснении характера феодальной эксплуатации того или иного феодального общества мы должны конкретно представлять себе и активную роль надстройки данного общества. Бесспорно, что феодальный базис существовал на значительной территории северо-западной Руси еще во времена Древнерусского государства, тем не менее возникшее Великое княжество Литовское сыграло очень заметную роль в дальнейшем укреплении и оформлении феодального базиса. Образовавшееся новое феодальное государство — Великое княжество Литовское, как и все другие феодальные государства, активно содействовало дальнейшему развитию феодальных отношений, помогало классу землевладельцев укрепить и расширить сферу феодальной эксплуатации.

Актовый материал Литовской Метрики, а также княжеские привилеи XV в. свидетельствуют о том, что в этот период феодально-зависимое сельское население, сидевшее, как правило, на оброке, включало в себя крестьян, как не имевших права перехода (отчичи, непохожие, челядь невольная)[10], так и крестьян, обладавших этим правом (люди вольные, похожие и т. д.).

Практика переходов части крестьянского населения на этом этапе развития феодальных отношений была, повидимому, закономерным явлением. Наличие прослойки крестьян, обладавших правом перехода, было в данный период необходимо той части господствующего класса, которая различными путями осваивала новые земли и стремилась заселить их привлеченны-

---

[10] Давность этого явления подтверждается как актовым материалом, так и великокняжескими грамотами. Так, например, Сигизмунд в подтвердительной своей грамоте подчеркивает: «мы старины не нарушаем, а новины не вводим, хочем все по тому мети, как будет было за великого князя Витовта и за Жигимонта» (АЗР, т. II, № 30, стр. 35). Нет ничего невероятного в том, что при Витовте, т. е. в конце XIV и в начале XV в., уже была некоторая категория крестьян непохожих, не имевших права выхода. Дальнейшее развитие этого явления падает уже на XV—XVI вв.

ми крестьянами. Но нельзя забывать, что в господствующем классе существовали слои феодалов, которые боролись с правом крестьянского перехода. Очень показательным в этом отношении является знаменитый привилей Казимира литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам от 2 мая 1447 г. Этот привилей, изданный по требованию феодалов, прежде всего, закреплял права литовско-русского боярства на их земельные владения, дарованные и пожалованные им еще во времена Витовта и Сигизмунда Кейстутовича. Здесь же сделаны серьезные попытки окончательно прикрепить крестьян к земле феодала. Привилей провозглашал взаимное обязательство князя и землевладельцев не принимать беглых «людей данных, извечных, селянитых, невольных».

В привилее король обещает сам в свои домены не принимать «людей данных, извечных, селянитых, невольных, которые бы коей плоти были, а любо достойности», и требует, чтобы прелаты, княжата, рыцари, шляхтичи, бояре и местичи не принимали к себе перечисленные категории сельского населения, принадлежащие королевским доменам[11].

В литературе не решен вопрос о том, кого следует подразумевать под этим перечислением разновидностей крестьян: все ли крестьянство или только ту его часть, которая уже потеряла право перехода. В. И. Пичета считает, что привилей имеет здесь в виду, несмотря на терминологическую пестроту, одну социально-экономическую категорию крестьянства — ту категорию, которая не имела права перехода. Перечисление этих категорий отражает, по мнению В. И. Пичеты, только различные пути попадания крестьян в категорию уже по существу крепостных крестьян. Если это так, то привилей, повидимому, оставлял в стороне крестьян, обладавших правом перехода.

Как бы мы ни понимали перечисление этих категорий крестьян, несомненно одно — господствующий класс феодалов-землевладельцев, используя великокняжескую власть, попытался сделать серьезный шаг на пути к полному закрепощению крестьян. Подобные попытки совершались и позднее. Так, 8 декабря 1507 г. была подтверждена старая уставная грамота Казимира и Александра, в которой, между прочим, сказано: «А им (имеются в виду князья, паны, церковные учреждения.— *Б. Г.*) наших польских (королевских.— *Б. Г.*) людей, а ни литовских не приймати, а нам (королю — *Б. Г.*) церковных людей и князских и панских за себе не приймати, отчинных людей непоходячих»[12].

---

[11] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 2, стр. 28.
[12] АЗР, т. II, стр. 35.

Однако изучение актового материала показывает, что привилеи эти далеко не всегда выполнялись. Очевидно, еще не созрели все условия для претворения в жизнь стремлений господствующего класса в указанном направлении. В течение всего XV в. и начала XVI в. крестьянство продолжало состоять из различных по своему социально-экономическому и юридическому положению категорий, обладавших правом перехода и лишенных этого права.

Дошедший до нас актовый материал позволяет видеть в крестьянской среде эти категории. Это были прежде всего отчичи непохожие — основная масса зависимого населения в имении, потерявшая право перехода; челядь невольная — немногочисленная сравнительно группа населения, работавшая, как мы увидим ниже, на вотчинном дворе в качестве ремесленников в подсобной рабочей силе, иногда сажаемая на землю; вольные люди — не утратившие юридической возможности перехода, сидевшие на земле феодала на определенных условиях (освобождение на несколько лет от чинша с условием последующей отработки или денежного возмещения), и закупные люди — закупы, юридически пока правомочные, работавшие в хозяйстве землевладельца за денежное вспоможение на условии отработки долга или отработки процентов и возвращения долга в деньгах.

Наша задача состоит в том, чтобы проследить, как и при каких обстоятельствах вольные, перехожие люди теряют право перехода и становятся отчичами непохожими, т. е. уже крепостными. Другие категории — челядь невольная и закупы, как мы увидим впоследствии, также со временем приблизились к состоянию крепостного крестьянина, работающего на земле в пользу помещика.

Обратимся к документам.

Один из наиболее ранних документов, где уже ясно обрисовывается наличие двух упомянутых категорий русско-литовского крестьянства,— это жалованная грамота мстиславского князя Ивана Юрьевича Ануфриевскому монастырю от 2 июня 1483 г., которой кн. Иван Юрьевич подтверждает владения монастыря, пожалованные последнему его дедом и отцом, и придает некоторые земли от себя.

Из грамоты видно, что дед его Семен Лингвень дал в устроенный им же монастырь «людей с пашнями и сеножатьми, и данники с данею медовою и з серебряною и с бобровыми гоны и со всими приходы, што к тым землям и пашням прислушает». Отец Ивана Юрий Лингвеневич от себя придал «людей с пашнями и сеножатьми и данники с медовою данью и з серебряною и зо всими пошлинами». Сам кн. Иван тоже дал несколько сел, перечень коих тут и помещается[13]. Названо два села и упомя-

нуто вскользь еще несколько сел и угодий, повидимому, не целиком пожертвованных в монастырь.

В первом селе Головчине 8 крестьян, несущих «службу полную», т. е., на языке московских актов, 8 полнотяглых крестьян. Из них 5 «прихожих», 2 «непохожих» и один без обозначения его положения. В другом селе — Колесникове — 10 таких же крестьян, из коих «прихожих» — 4, «непохожих» — 5, один без обозначения положения. Всего, стало быть, 18 крестьян, из коих правовое положение двух остается нам неизвестным, 9 «прихожих» и 7 «непохожих», т. е. приблизительно тех и других поровну. Все они — оброчники. При деде и отце кн. Ивана монастырские крестьяне тоже сидели на оброке.

Из дальнейшего перечня зависимых в той или иной степени от монастыря людей видно, что тут есть отдельные лица, обложенные оброком в селах, не целиком отданных монастырю; среди них есть и «поземщики»: «Роман и Матвей Даниловичи... пять грошей поземя»[14]. Роман и Матвей,— возможно, дети упоминаемого непосредственно перед ними Данилки, о котором сказано, что он «дает 2 кади меду по 5 пудов, а хмелю 2 бочки, а некадных 10 грошей, а за бобр 16 грошей». Кажется, тот же «Данилко монастырский за данники давал полкопы грошей нам поземя, што селища пашет наши. И мы тую полкопы грошей монастыру дали»[15], т. е. Данилко, сам «данник», имел возможность сверх своего участка арендовать княжескую землю.

Грамота интересна тем, что дает нам возможность разобраться в терминологии литовско-русских актов: «люди», «данники», «прихожие», «непохожие». «Люди» — это крестьяне, дающие оброки с пашни, т. е. хлебом, «данники» — дающие оброк медом, хмелем и деньгами[16]. Обе эти категории живут

---

[13] Из грамоты неясно, что именно дал кн. Иван и что его отец и дед. Если я правильно понимаю текст, то в грамоте дается полный перечень только данья самого кн. Ивана (АЗР, т. I, № 43 и 82). Очень любопытна здесь ссылка на церковный устав Ярослава («што в свитку Ярославли стоит, судить и рядить и вины имать в духовных судех на тых людех монастырских самому архимандриту»). Ссылка на церковный устав Ярослава сделана, однако, с совершенно явной целью оградить монастырь от вмешательства в его гражданские и церковные дела митрополита и епископа. Об этом в грамоте говорится с полной определенностью.

[14] Многоточия стоят в изданном тексте.

[15] АЗР, т. I, № 82.

[16] И. Новицкий, на основании данных Литовского статута, приходит к заключению, что «крестьяне, поселенные на землях королевских или частного владения, носят в Статуте частью прежнее название людей, частью же называются подданными, мужиками, селянами» (И. Новицкий. Очерк истории крестьянского сословия Юго-Зап. России в XV—XVIII вв., Киев, 1876, стр. 52).

за монастырем давно (от времени пожалования кн. Семена Лингвеня, т. е. либо с конца XIV, либо с начала XV в., так как сын его Юрий жил в первой половине XV в.). Повидимому, они все «непохожие», независимо от того, чем они платили оброк монастырю. При кн. Иване, т. е. сравнительно недавно, появились тут и люди «прихожие». По московской терминологии, мы имеем основание первых назвать старожильцами, вторых — новопорядчиками.

В «Актах» Леонтовича приведен документ, значительно разъясняющий правовое положение этих категорий крестьянства. Два крестьянина вышли от боярина князя Мстиславского Клишки (Кличка, Клецка) Радчика и жаловались на своего хозяина, что он насильно хочет вернуть их обратно, как людей «непохожих», между тем как они люди вольные, «похожие» («ходячие») — «деды и отцы наши и братья наши и мы сами, утверждали они, вольные люди, ходячие, все-де они «служили добровольно» сначала князьям Мстиславским, а потом отцу Клишкину Радце, но временами работали и в Кричове. На суде Клишковая (вдова Клишки) заявила, что Радца выслужил дедов, отцов и братьев этих крестьян у кн. Юрия Мстиславского и получил их «вечно», и что все они несли «тяглую службу с сохою и серпом, с косою и с топором, и иную тягль тянули по тому, как и иншые селяне», и достались мужу истицы в результате раздела имущества. Она настаивала, что оба крестьянина, о которых идет речь, от нее бежали. Свидетели показали, что эти крестьяне «люди отчинные, тяглые, неотхожие». Суд постановил признать их «непохожими» и тем самым подлежащими возвращению к вдове Клишки [17].

В жалованных грамотах Литовского вел. князя Александра черниговскому наместнику князю Ивану Глинскому от 24 февраля 1496 г. и 22 января 1498 г. имеются по этому предмету очень интересные разъяснения. Кн. Иван Борисович Глинский просил у вел. кн. Александра в Черниговском повете сельцо Смолино с сидевшим там «данником» Бутовичем. Вел. князь Александр на земле Бутовича уже успел было посадить «люд вольный прихожий». По просьбе кн. Глинского, вел. князь Александр отдал ему это сельцо. В Грамоте «Кн. Ивану Глинскому на данника и сельцо Смолино в Черниговском повете», между прочим, написано: «И мы ему того нашого данника Бутовича и сельцо Смолино дали з ласки нашое за его службу со всем тым, што здавна к тому слушало. Нижли тии люди вольныи, што кн. Александр посадил на той земли, восхотят, ему служат, а не восхотят ему служить, и он мает их отпустить добровольно со всими их статки».

---

[17] Акты Литовск. Метрики Леонтовича, т. I, вып. 1, 275, 1496 г.

Вторая грамота от 22 января 1498 г. вел. кн. Александра возникла тоже по просьбе кн. Ивана Борисовича Глинского, предъявившего вел. кн. Александру грамоту, выданную отцом вел. кн. Александра, королем Казимиром, в которой значилось, что король Казимир Глинскому «дал... чотыри человеки в Стародубскам повете»: двух братьев Внучковичей, Холеевича и Кондратовича, людей, которых до этого «держал Васко Брык». Глинский просил подтвердить его права на этих четырех человек. Великий князь дал свою грамоту, где написано: «Ино мы з ласки нашое, для его службы, тые чотыри человеки вышей писаные, и з их землями пашными и бортными и з сеножатьми, и з реками и з бобровыми гоны, и со всим, што здавна к тым их землям прислухало, и со всеми их входы, князю Ивану Борисовичу, и его княгини и их детем подтвержаем вечно сим нашим листом: волен он тые люди и з их землями продати, и отдати, и заменити, и к своему лепшому обернути» [18].

Хочу обратить внимание на то, что здесь разумеется под термином «люди». Это не холопы, а несомненно крестьяне, но, конечно, крепостные: у них не только свои орудия производства, но и земли, борти, сеножати, бобровые гоны и реки. Это замечание, хотя оно относится к Литве, очень полезно иметь в виду и при рассмотрении аналогичных явлений новгородских. Тут перед нами человек «данный», «люди вольные прихожие» и «вечные» (непохожие). В грамоте от 24 февраля 1496 г. «данный» Бутович, вероятно, непохожий, потому что грамота говорит о праве выхода только людей, посаженных вел. кн. Александром, ни слова не упоминая о самом Бутовиче.

Очень важно произвести специальное исследование, когда и при каких обстоятельствах появились и росли кадры похожих, т. е. крестьян, находившихся в более льготной зависимости, чем непохожие.

По мнению М. К. Любавского, похожие люди — это обедневшая часть непохожих господарских волостей, которых господарь не находил нужным удерживать за собой вследствие их хозяйственной бесполезности (они-де «не могли не только служить свою службу господарю, но даже и прокормить себя»). Князья не могли «снабжать их земледельческим инвентарем и... пользоваться их трудом, потому что слишком велика была княжеская вотчина, слишком много набиралось таких крестьян. Естественно..., если такие люди бросали беспрепятственно свои отчины и шли по людям кормиться в наймиты и закупы. Князья должны были мириться с этим в надежде, что такие «привбожавшие» (от слова «убогий».— *Б. Г.*) крестьяне, поправив-

[18] АЗР, т. I, № 134, стр. 154. Грамота «Князю Ивану Глинскому, на люди в Стародубском повете».

шись на стороне, возвратятся на свои отчины или на другие земельные участки, буде их отчины тем временем удастся «осадить» прихожими людьми»[19].

Выходит, что господарь-землевладелец не считает ни нужным, ни возможным удерживать у себя похожих людей, и сажает на их места таких же бедняков, только привлеченных со стороны, не смущаясь тем, что этих новых тоже надо снабжать земледельческим инвентарем. Другими словами, если делать вывод из утверждения М. К. Любавского, что землевладельцы не могли делать для своих обедневших крестьян того, что находили возможным и целесообразным делать для пришлых чужих. Понятно, почему предположения М. К. Любавского не могли удовлетворить исследователей и вызвали возражения.

М. С. Грушевский высказал другой взгляд на этот вопрос. Он считает, что непохожие крестьяне произошли от рабов и закупов через осаживание их на земельные участки. Однако он не прав, так как забывает, что земледельцы всех стран мира прибегали к внеэкономическому принуждению с очень давних времен, включая в состав зависимой от них челяди и свободных крестьян, ставя их на один уровень со своими домашними рабами[20]. Термины «вольный», «похожий» не должны вводить нас в заблуждение. «Вольность» тут очень относительная. «Вольный» человек — это тоже зависимый человек, часто обусловливавший свою зависимость договором.

Центр тяжести вопроса заключается в тех переменах в хозяйственной жизни страны, которые, с одной стороны, заставляли землевладельцев расширять в своих имениях круг

---

[19] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 382—383.

[20] В Англии уже в VII—VIII вв. заметно уменьшение числа свободных общинников, в X—XI вв. едва ли не большинство крестьян-общинников уже успело попасть под власть землевладельцев, и термин ceorls — крестьянин-общинник — стал энергично вытесняться другим, для крестьянина зловещим villanus (крепостной) или еще более показательным servus. Виллан и серв — не рабы, но в полном смысле слова крепостные. Рабы постепенно входят в эту же категорию.

В областях, вошедших позднее в состав королевства Прусского, крестьяне-общинники очень рано превращены были в бесправную крепостную в полном смысле массу, в большинстве случаев и безземельную. Крестьянин стал очень близок рабу.

Во Франции раньше, чем в других частях Европейского континента, крестьяне приблизились к состоянию рабства, рабы превратились в крепостных (servi rustici, coloni). Образуются две категории зависимого крестьянства: 1) serfs de corps, 2) serfs de main morte. Первые находятся в полной власти господина и не имеют права выхода, вторые имеют ограниченное право выхода, но не имеют права распоряжения своим участком земли. Положение определенной части смердов, по «Русской Правде», принципиально ничем не отличается от положения serfs de main morte.

В Литовском государстве крестьянин непохожий — тот же крепостной, средневековый серв.

этих договорников, а с другой — полноценных и полнокровных крестьян вели к экономической несостоятельности и гнали к землевладельцам на роли закупов, кабальных людей, новопорядчиков, «похожих» людей и других им подобных, имеющих некоторые специфические оттенки в своем хозяйственном и правовом облике, но объединяемых общностью их происхождения.

Хотя в течение второй половины XV в. и начала XVI в. все еще существовали различные по своему социально-экономическому и правовому положению категории феодально-зависимого сельского населения, хотя еще продолжало действовать право перехода для отдельных крестьянских прослоек, тем не менее уже в это время происходили важные по своим последствиям сдвиги в сторону дальнейшего усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Эти сдвиги обусловливались общими причинами, действовавшими в этот период во всех странах Европы к востоку от Лабы (Эльба).

Если в предшествующий период (XIV в.— первая пол. XV в.) развитие производительных сил в городе и деревне содействовало появлению, наряду с рентой продуктами, денежной ренты (в этом отношении Великое княжество Литовское не было исключением), то дальнейшее развитие производительных сил во второй половине XV в. и первой половине XVI в. в землях Великого княжества приводило к установлению новых отношений между феодалом и крестьянином. Характер и темп развития производительных сил в это время уже не соответствовали старому состоянию производственных отношений. Рента продуктами и денежная рента уже не удовлетворяли новым требованиям времени. Дальнейшее развитие сначала внутреннего, а затем и внешнего рынка усиливало заинтересованность господствующего класса землевладельцев в постоянном повышении доходности своих имений.

С этой целью феодалы-землевладельцы расширяют собственную запашку и становятся на путь введения фольварков и барщины. Если во времена Витовта, как сообщает грамота 1501 г., крестьянин должен был работать на барщине 14 дней в году, то в начале XVI в. количество таких дней увеличилось до 52 («вшелкий кметь за волоки на тыйдень мал робити еден день»), а в 30-х годах XVI в. крестьянин был обязан работать на барщине 104 дня в году (по данным Витебской грамоты — два дня в неделю). По мере распространения фольварков и барщины усиливалось стремление землевладельцев установить окончательное прикрепление всех категорий крестьянства к земле феодала. Осуществление этих стремлений окончательно завершилось ко времени издания третьего Литовского Статута 1588 г.

При объяснении этого факта следует иметь в виду, что наряду с главным противоречием феодального общества, противоречием между феодалами и крестьянами, в литовско-русском обществе этого времени имелись противоречия внутри господствующего класса. В данном случае речь идет о противоречиях между старым магнатством и развивавшейся в этот период прослойкой мелких и средних землевладельцев в тех условиях — основной военной силы страны.

Мелкая и средняя шляхта раньше, чем крупные магнаты, почувствовала необходимость полного прикрепления крестьян. Она выступила инициатором в установлении крепостного права, в то время как магнаты еще некоторое время мирились с крестьянскими переходами. Нет ничего удивительного и в том, что шляхта, энергично выступая против крестьянских переходов, против ухода крестьян к крупным землевладельцам, одновременно требовала уравнения в политических, судебных и иных правах с магнатством.

В такой обстановке и возникли чрезвычайно интересные грамоты, подобные дошедшим до нас Бельской уставной грамоте 1501 г. и Витебской грамоте 1532 г. В самом тексте грамот есть прямые указания на обстоятельства, обусловившие появление этих документов. В грамоте 1501 г. сообщается, что земяне (землевладельцы) Бельской земли обратились к великому князю с особой просьбой: по существу они просили, чтобы великий князь взял на себя обязательство контролировать соблюдение всеми земянами данного повета определенных норм эксплуатации крестьянина. Из содержания грамоты совершенно очевидно, что далеко не все земяне Бельского повета склонны были соблюдать эти нормы. Крупные землевладельцы, не подчиненные юрисдикции поветового суда, вероятно, мало считались с мнением среднего и мелкого земянства в этом вопросе и, стремясь заполучить в свои имения большее число похожих крестьян, сознательно снижали размеры феодальных повинностей. В данном случае государство сочло нужным поддержать требование земянства, и великий князь издал в 1501 г. вышеупомянутую грамоту. В ней, между прочим, говорилось: «И если бы который с земян, для лепшего осаженья кметов, легчейшу працу и данья в своей земли хотел бы установить на шкоду посполиту земян, таковой земянин, не ховуючый таковых устав наших, нам, за вину нашу, мы дать сто коп грошей». Итак, попытки установить «легчейшу працу» направлены прежде всего «на шкоду посполиту земян». Совершенно очевидно, что данная грамота была вызвана стремлением шляхты устранить всякие стимулы как для «выхода» крестьянина, так и для его «приема» другим феодалом.

С таким же положением вещей мы сталкиваемся и в Витеб-

ской земле в 30-х годах XVI в. Точно определив все повинности крестьян, землевладельцы обратились к витебскому маршалку, чтобы он следил за соблюдением всеми феодалами определенных «норм» крестьянских повинностей. «А естли ж пан воевода наш вытебский по двором господарским вытебским и по своим,— заявляли землевладельцы, — або врадники его милости и тивуны водлуг тое ухвалы людей вольных держати не будут, ино и мы вси тое уставы такеж держати не будем»[21].

Не трудно видеть, что главное внимание феодалов Витебской, Бельской и других земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, сосредоточивалось на положении «вольного, похожего человека». Их все менее устраивало продолжавшее существовать у этой категории литовско-русского крестьянства право «выхода». Крестьянин «отчич непохожий» землевладельцев уже мало беспокоил. О положении крестьян «отчичей стародавних» Витебская устава, например, говорит как о чем-то совершенно установившемся и не вызывающем никаких сомнений: «А которые люди стародавние службу служат, дани дают и поплатки в сроки платят, тые мают захованы быть по старому обычаю, або как господарь их усхочет на том посадити». Главные постановления Бельской и Витебской грамот касались положения «вольного, похожего» крестьянина, которого землевладельцы различными способами стремились окончательно прикрепить к своему феодальному владению. Не ограничиваясь установлением общих норм феодальной эксплуатации (что, несомненно, устраняло стимулы для переходов), землевладельцы Великого княжества Литовского в этот период стремились если не ликвидировать совсем право крестьянского выхода, то во всяком случае значительно затруднить возможность использования этого права. Экономические и политические условия «выхода» становились все более тяжелыми. Фактически многие «похожие» крестьяне не имели реальной возможности осуществить это свое «право».

Дальнейшая судьба различных категорий крестьянства Великого княжества Литовского (люди непохожие, люди вольные, закупы, челядь невольная и др.) может быть прослежена по трем литовским Статутам: 1529, 1566 и 1588 гг. Это большая и самостоятельная тема, заслуживающая особого рассмотрения. Здесь нужно только подчеркнуть общую тенденцию дальнейшего развития всех этих категорий сельского населения: если в первом Статуте 1529 г. эти категории еще различаются по своему социально-экономическому и правовому положению, то в Статуте 1588 г., зафиксировавшем окончательную ликвидацию права переходов, все эти категории теряют свои различия, составляя

[21] «Белорусский архив», т. II, стр. 48—49.

более или менее однородную массу крепостного сельского населения.

Усиление феодальной эксплуатации в связи с перестройкой феодального хозяйства вызвало энергичное сопротивление крестьян. Нам известен ряд крупных крестьянских восстаний как в собственно Литве, так и Белоруссии и на Украине. Есть сведения о крестьянских движениях, происходивших в разное время по всей территории страны. Наиболее крупным было восстание крестьян на Жмуди в 1536—1537 гг., жестоко подавленное феодалами. Известно восстание в Литве и в 1544 г. Это был стихийный протест литовско-русского крестьянина против усиления феодальной эксплуатации. Стремясь за счет расширения собственной запашки и усиления эксплуатации крестьян увеличить доходность своих имений, землевладельцы в обстановке все возрастающего сопротивления крестьян устанавливают с помощью феодального государства крепостное право. Перед главным противоречием феодального общества — противоречием между феодалами и эксплуатируемым крестьянством — отступают в конечном счете на задний план противоречия внутри господствующего класса.

* * *

Этот небольшой очерк по истории сельского населения в Литовском государстве имеет чисто служебное, подсобное значение.

Мне хотелось показать, что в Литве действовали те же причины и давали те же следствия (конечно, только в основных чертах), какие мы могли наблюдать и в Новгородской боярской республике, и что эта справка помогает нам более конкретно понимать содержание договоров Новгорода с Литвой.

В Литве XIV—XV вв. мы видим:

1. Русская часть сельского населения Великого княжества Литовского в свое время прекрасно знала «Русскую Правду», нормы которой были для нее обязательны.

2. В XIII—XV вв. смерды сидят по преимуществу на оброке.

3. Рабство заметно идет на убыль. Статут 1588 г. знает в качестве невольников только пленных. Основная масса старых рабов посажена на землю и превращена в крепостных крестьян.

4. Крестьянская масса составляется из нескольких прослоек, отличающихся друг от друга качеством повинностей и степенью крепости по отношению к землевладельцу. В этом последнем смысле можно наблюдать две основные группы крестьян: «непохожие», крепкие землевладельцу, и «похожие», или вольные, «прихожие», вступающие с землевладельцем в договорные отношения, которые и определяют сумму их прав.

5. О происхождении «непохожих» существует в литературе несколько мнений. Наиболее верное объяснение заключается в том, что «непохожие» появились в результате экономического и внеэкономического принуждения, путем освоения земли и сидящих на ней смердов привилегированными землевладельцами, а также и в результате осаживания на землю челяди невольної (в обоих случаях — при содействии государства).

6. «Вольные похожие» — это лишенные средств производства крестьяне, нашедшие себе пристанище у богатых землевладельцев на условиях, определяемых договором.

7. В связи с перестройкой сельского хозяйства и развитием барщины в конце XV в. и первой половине XVI в. происходит ухудшение положения всего крестьянства. Увеличивается количество оторванных от средств производства людей. Зависимые крестьяне были не только лишены возможности распоряжаться своими земельными участками, но и ограничены в праве распоряжения движимым имуществом.

8. Усиливая эксплуатацию крестьянства, землевладельцы различными способами старались окончательно прикрепить всех крестьян к земле феодала. Это достигалось, в частности, как введением одинаково тяжелых для крестьян всей страны повинностей, так и упразднением права крестьянских переходов.

9. Закрепощение крестьянства Великого княжества Литовского сопровождалось резким обострением классовой борьбы, проявлявшейся и в форме больших крестьянских восстаний, и в форме бегства от феодала.

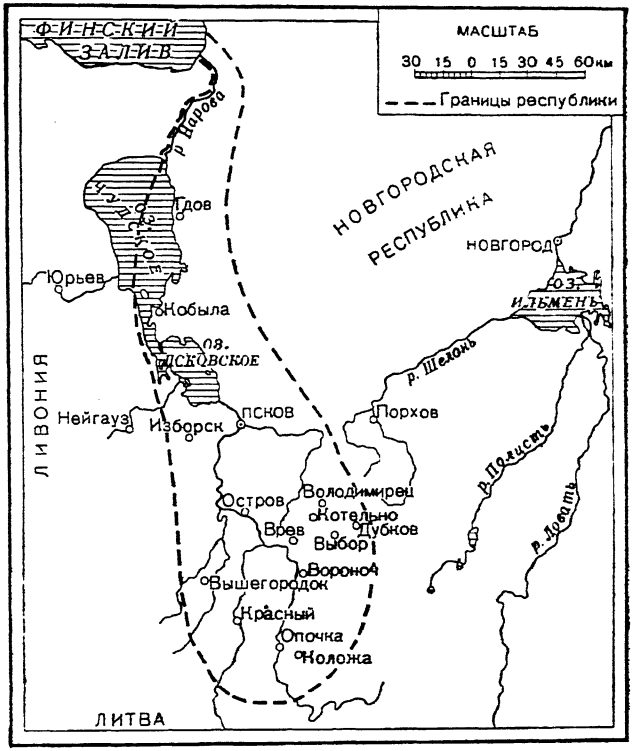
5. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В XV в.

В непосредственном соседстве с землями, занятыми издавна русскими людьми и попавшими после татарского погрома под власть литовских великих князей, лежала земля младшего брата Великого Новгорода — Пскова.

Очень небольшая псковская территория до включения ее в состав Московского государства успела пережить очень много. Итоги ее общественной и экономической жизни запечатлены в содержательнейшем кодексе псковского права — Псковской Судной Грамоте. Тут мы имеем показатели расцвета общественных отношений Псковской феодальной республики. По вполне понятным причинам они не перестают приковывать к себе внимание исследователей.

И в Псковской земле в XV в. сохранились две основные прослойки сельского населения: 1) смерды-крестьяне-общинники и 2) вырванные из общин люди, в Псковской Судной Грамоте именуемые изорниками, огородниками, кочетниками (ко-

течниками), иногда обобщаемые термином «половники». Необходимо рассмотреть обе эти прослойки, конечно, поскольку позволяют сделать это наши источники. К нашему огорчению, их очень немного.



Карта Псковской республики в XV в.
(А. Васильев и А. Янсон. Древний Псков)

Псковская Судная Грамота, иначе Псковская Правда [1], среди них выделяется. Это цельный памятник, хотя и составленный из отдельных разновременных частей [2]. В нем отражен

---

[1] АЗР, т. I, № 38. стр. 51: «Аже вчыниться пеня нашым..., кончати по Псковской правде и по целованию» (Договорная грамота Казимира с Псковом, 1440 г.).

[2] М. К. Рожкова. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты, Л.—М., 1927; Л. В. Черепнин. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной Грамоты, «Истор. Записки», т. 16.

Псков XIV—XV вв. и причем, как выясняется все больше и больше, город значительно полнее деревни [3].

Поскольку Псковская Судная Грамота ни разу не называет смердов, но, как я думаю, подразумевает их под термином «сябры» и занимается довольно детально изорниками, кочетниками и огородниками, мне представляется возможным начать исследование о сельском населении не со смердов, а с категорий, на которые обращено особое внимание Псковской Правды.

Псковские изорники и сябры

Литература по этому предмету разрослась, что объясняется, несомненно, большим интересом исследователей как к самой Псковской Судной Грамоте, так, в частности, и к вопросу о сельском населении Псковской земли, состояние которого нашло отражение в Грамоте.

Если сделать попытку систематизировать мнения буржуазных ученых по вопросу об отношении Псковской Судной Грамоты к сельскому населению и, в частности, к крестьянам, то мы можем констатировать три группы мнений. Одна из них признает изорников Псковской Судной Грамоты крестьянами, понимая их, как свободных арендаторов чужой земли (Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, В. И. Сергеевич, Н. Н. Дебольский, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. Е. Михайлов, Б. Н. Чичерин, М. М. Богословский). Вторую группу составляют исследователи, считающие, что изорники — крестьяне зависимые (Н. П. Павлов-Сильванский, П. И. Беляев, отчасти А. Е. Пресняков и историк уже советский П. А. Аргунов). Наконец, к третьей группе относятся те, кто считает изорников социальной категорией, близкой древнерусскому закупу или московскому серебренику (Ф. Устрялов, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Д. Я. Самоквасов и историк-марксист Б. Б. Кафенгауз). В этом последнем направлении высказывался в свое время и я.

Из этого беглого обзора нашей историографии по вопросу об изорниках видно, что большинство крупнейших представителей как буржуазной, так и советской науки считают изорников крестьянами, понимая под ними либо свободных, либо зависимых от своих господ арендаторов. М. А. Дьяконов, считая их свободными крестьянами, однако, прибавляет, что «старые изорники» в силу давности теряли свою свободу и становились первыми звеньями «в цепи возникающего кре-

---

[3] Б. Б. Кафенгауз. Псковские «изорники», Уч. зап. Моск. гос. пед. института им. Либкнехта, серия истор., вып. II, 1939 (в дальнейшем цит.: «Псковские изорники»).

постного права на крестьян» [1]. М. Ф. Владимирский-Буданов в сущности такого же мнения. Он в положении старого изорника видит «прикрепление постоянное», образовавшееся «путем давности» [2]

Последними по времени специальными работами были: П. А. Аргунова «Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты» [3], М. М. Богословского «К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте» [4], моя статья «Земледелец и землевладелец в Пскове XV в.» [5] и упомянутая уже работа Б. Б. Кафенгауза «Псковские изорники».

П. А. Аргунов изображает изорника как феодально зависимого крестьянина, но так как источники говорят о другом, то автору не всегда удается выдержать эту свою позицию. Поэтому трудно определить точно, что именно думает автор по этому вопросу. По его мнению, «это не был крепостной», но он не был и свободным; это — положение полусвободного, правовое положение которого автор предпочел не определять, а сослаться на слова А. Е. Преснякова, характеризующие правовую природу изорника, как «двойственную и внутренне-противоречивую». Очень характерное определение для поставленного в трудное положение представителя историко-юридической школы, в обиходе которого был большой запас общих юридических понятий, взятых либо из римского права, либо из практики капиталистического права, но не было ясного представления о феодальном праве, действительно юристами и до сих пор не разработанном. В «двойственное и внутренне-противоречивое» положение при этих условиях попадал неизбежно сам исследователь, задавшийся целью дать определение феодальным явлениям в чуждых данной формации понятиях.

Справедливость, однако, требует сказать, что ссылкой на это лаконически выраженное мнение А. Е. Преснякова об изорниках П. А. Аргунов не ограничивается. Он пытается дать и свое собственное определение их: «Изорником в Пскове,— пишет он,— назывался земледелец, пахавший чужую землю из-за хлеба или выговоренной доли урожая — издольщик» [6]. В последней, заключительной главе статьи еще яснее проглядывает мысль автора. Тут он говорит о том, что «изорник через *кабальную* (курсив мой.— *Б. Г.*) запись-покруту или устный

---

[1] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 107.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 36; его же. Христоматия, в. 1, стр. 176, прим. 155.
[3] Уч. зап. Сарат. гос. унив., 1925, т. IV, в. 4.
[4] ЛЗАК, вып. 34.
[5] Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 5.
[6] Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. IV, в. 4, стр. 97, 112.

ряд-покруту вступал в село государя, где не только отбывал разнообразные повинности в пользу государя, но и подчинялся юридическому строю села» [7].

М. М. Богословский в своей специальной по этому предмету статье совершенно ясно высказывается против сближения изорника со служилым кабальным человеком. Упрекая П. А. Аргунова в неуместном привлечении термина «кабельный» в вышеприведенном его тексте, М. М. Богословский пишет: «Этот эпитет «кабальная» употребляется в разбираемом случае совершенно напрасно. Если автор берет его здесь для того, чтобы сблизить запись-покруту с обыкновенной заемной кабалой, то это идет вразрез с его представлением о записи-покруте как об акте поддэнства; если же он хочет сблизить этим эпитетом запись-покруту с другого рода кабалой, так называемой «служилой» кабалой, «за рост служити», то это была бы *недопустимая ошибка*» (курсив мой.— *Г. Г.*) [8]. М. М. Богословский называет договор, заключаемый между изорником и его «государем», «ссудной записью», покруту — подмогой, а самого изорника — крестьянином, арендатором, съемщиком участка земли, т. е. приравнивает изорника к московскому крестьянину-порядчику по ссудной крестьянской порядной.

Б. Б. Кафенгауз, разбирая существующую литературу вопроса, в том числе и мою, вышедшую в 1934 г., статью «Земледелец и землевладелец в Пскове XV в.», где я старался показать, что изорник не обычного типа крестьянин-смерд, а относится к категории серебреников, считает мой взгляд правильным: он вносит в свою работу несколько новых ценных наблюдений; до сих пор к решению задачи не привлекающихся, и, между прочим, делает мне незаслуженный упрек — результат неправильно понятой моей фразы. Автор говорит, что я отказываюсь «видеть в изорнике непременно земледельца». Свой вывод автор сделал из следующих моих слов: «Аренда земли в данном случае (при толковании ст. 85.— *Б. Г.*) не может быть доказана» [9].

Цитирую здесь свою фразу полностью. Возражая М. М. Богословскому против его понимания отношений между «государем» и изорником как отношений арендных, я пишу: «Считаю, что аренда земли в данном случае не может быть доказана фактически, и настаиваю на том, что перед нами не аренда и не крестьянин». Логическое ударение и весь смысл моего возражения М. М. Богословскому падает не на землю (изорник,

[7] Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. IV, в. 4, стр. 128. Под покрутой автор понимает «начальный акт правоотношений», ведущих к сеньериальной зависимости.

[8] ЛЗАК, вып. 34, стр. 41.

[9] В моей статье стр. 77, у Б. Б. Кафенгауза — стр. 35

конечно, земледелец и не мыслится без земли), а на договор аренды. Изорник — не арендатор, вот что я хотел сказать и сказал. Никакого другого смысла в мои слова вложить, кажется, нельзя. Следовательно, если Б. Б. Кафенгауз соглашается с предшествующими исследователями, считавшими, что изорник непременно является земледельцем, сидевшим на земле «государя», то он соглашается и со мной. А разницу, которую я старался провести между смердом и изорником, Б. Б. Кафенгауз тоже признает [10].

Изорник, действительно, не смерд. Это бывший, недавний смерд, сейчас лишенный средств производства, своей экономической природы и тем самым — своего звания. Это разновидность той группы сельского населения, которая широко в разных местах Руси известна под разными терминами, людей похожих, серебреников, рядовых, юрьевских, половников и др.

Чтобы доказать это положение, необходимо вернуться к самой Псковской Судной Грамоте.

Для правильной ориентировки в этом сложном памятнике следует иметь в виду, что его содержание касается прежде всего жизни города, что город Псков раньше других городов феодально раздробленной Руси выделился своим богатством, культурой, развитостью своих общественных отношений и остротой общественно-политической мысли.

Городские средневековые ереси раньше, чем где-либо в других городах русских, появились именно здесь не случайно. Зажатая между Ливонией, Новгородской республикой и Литвой, узкая полоска земли по рр. Нарове и Великой, вокруг озера Псковского и части Чудского, не имела возможности раздвинуть свои границы и вынуждена была сосредоточить все свои силы для организации своей общественно-экономической жизни внутри себя. Отсюда напряженность и сосредоточенность, отсюда постоянная тревога за свое государственное существование и поиски сильных союзников,— черты, проникающие псковскую историю. Жизнь столицы небольшого государства поглощала все внимание законодательного органа страны. Неудивительно, что Псковская Судная Грамота запечатлела в себе именно жизнь центрального города прежде всего.

В Псковской Судной Грамоте, несомненно, отражены феодальные отношения, но главным образом в городском их проявлении. Тут встречаем мы свободный труд, мастеров и учеников, производство на заказ, наемный труд при полном отсутствии

[10] Б. Б. Кафенгауз. Псковские изорники, стр. 47. «Эти данные,— пишет Б. Б. Кафенгауз, — повидимому, согласуются с тем выводом акад. Б. Д. Грекова, что изорники не совпадали со смердами, составляли обособленную группу зависимого населения» (там же, стр. 48).

холопов, которым в развитом городе в XV в. уже либо вообще не было места, либо здесь они играли совсем незначительную роль.

Рядом с сюжетами о наемном труде помещается знаменитая статья 42 об изорнике, огороднике и кочетнике. Логически ст. 42 связана с предшествующими статьями (39—41).

В своей работе Б. Б. Кафенгауз привлекает к изучению Псковской Судной Грамоты псковские платежные книги, напечатанные и ненапечатанные [11]. Это, несомненно, помогло автору поставить вопрос и об изорниках, огородниках и кочетниках на еще более твердую почву.

Действительно, стоит взять в руки платежную книгу по Пскову, как каждому бросится в глаза ее особенность, не повторяемая ни в Новгороде, ни в Москве, ни в Киеве.

В нашем распоряжении — напечатанная платежная книга 1585—1587 гг. [12] В ней нехватает четырех первых листов. Описание города сделано далеко не так, как, например, в одновременном описании Новгорода. Подробно, насколько возможно в платежной книге, описаны варницы, пивные и винные, бани, мосты, денежный двор, таможенная изба, гостиный двор, двор льняной и лавки, лавки без конца. Все они распределены по специальным рядам: ряд Сурожский, сапожный, суконный, однорядочный, котманный (вероятно, от слова «котома»), бобровный, скорнячный, шубный, сермяжный, креневый (вероятно, от слова «крени» — дровни, салазки), ветошный, несколько мясных, шляпный, колпачный, хлебный, щепетный, иконный, гречневый, соляной, кузнецкий, рукавичный, клетный, льняной, серебряный, кожевенный, ведерный и др.; клети, амбары, житницы, мыловарни.

Конечно, многое в описании зависело от писцов, но еще больше от характера города. Бросается в глаза огромное количество торговых заведений и церквей. За лавками не видно обывателя. Можно подумать, что псковичи только торгуют и молятся. На самом деле было, конечно, не так. Платежная книга совсем не касается нетяглого привилегированного населения города. Отсюда односторонность изображения.

Но что обращает особое внимание исследователя этой платежной книги,— это бесконечное упоминание нив, огородов и рыбных ловель. Уже с первых страниц описания вы чувствуете, какую большую роль в жизни города играют эти нивы, огороды и рыбные ловли.

Вот первый дошедший до нас лист — пятый. Он является продолжением затерянного четвертого листа. «...болота, подле

---

[11] Б. Б. Кафенгауз. Псковские изорники, стр. 43 и др.
[12] Сборник Моск. архива Мин. юст., т. V.

слободу подле Иванскова монастыря *ниву*, 5 чети с осминою, тово ж слетья меж Дягилевские улицы и меж Иванские улицы на стрелице, подле Иванскова же монастыря *ниву*, 7 четвертей с осминою. Восмь *нив* Успения Пречистые з Завеличья, пашни добрые земли одного слетья на Онежье горе, подле Иванскова ж монастыря *ниву*, 2 четверти с осминою, тово же слетья на Кривой нивке на Онежье горе в лугу подле Ильинского монастыря *ниву*...»[13] и т. д. и т. д.

Тут же подведены итоги: «И всех монастырских и церковных безоброчных нив 238 нив. Пашни в них всех трех слетей добрые земли 928 чети с осьминою, да худые земли 160 чети без полуосмины. И всее пашни добрые и худые земли и перелогу всех трех поль 1121 четь с полуосьминою по 374 чети без полуосьмины в поле». «А пашут те нивы и пожни псковичи посадцкие люди и волостные крестьяне, а дают в монастырь и к церквам из хлеба четвертой сноп»[14].

Такое большое количество пригородных нив может вызвать на первый взгляд удивление. Но нивы эти расположены вокруг Ивановского монастыря в Завеличье[15], т. е. не в городе, а за городом, напротив гор. Пскова. Здесь земли, годной для беспрепятственной обработки, было много (пригородные нивы занимали площадь в 560 десятин). Земля принадлежала монастырю и некоторым церквам. Обрабатывали ее псковские посадские люди, конечно, не самолично, так как занимались они главным образом торговлей и поглощены были этими занятиями полностью; следовательно, должны были пользоваться для этих целей трудом тех, кто не имел своего хозяйства и вынужден был искать себе заработка. Это и есть изорники.

«Нивы» упоминаются и в окрестностях городов Красного и Опочки, а также около городища Выбора, сильно запустевшего в связи с общерусским хозяйственным кризисом 70—80-годов XVI в. Но по количеству показанных в Выборе пустых дворов можно представить, что́ здесь делалось до запустения, т. е. в первой половине XVI и в конце XV в. В 1585—1587 гг. тут отмечено 133 пустых дворовых места и заселенных

---

[13] Сборник Моск. архива Мин. юст., т. V, стр. 1 (курсив мой. — *Б. Г.*).

[14] Там же, стр. 2—3. «Слетье» в Пскове, очевидно, то же, что в Новгороде и Москве поле: «все три поля»=«всем трем слетьям».

[15] Женский монастырь Иоанна Предтечи основан в первой половине XIII в. женой псковского князя Ярослава Владимировича Евфросинией на левом берегу р. Великой в Завеличье. Князь Ярослав Владимирович — известный изменник, передавший Псков в руки немцев в 1240 г. Ему удалось бежать к немцам, куда в 1243 г. он пригласил на свидание свою жену (г. Медвежья Голова). Тут она была убита ее пасынком, сыном Ярослава от первой его жены-немки. Тело ее погребено в основанном ею монастыре.

только 2 двора. До разорения эти 133 места были, конечно, не пустыми. Посадские люди, жившие в упомянутых двух дворах в 1585—1587 гг., пахали «нивы дву монастырей Воздвиженского и Варварского монастыря» и давали в монастырь из всякого хлеба пятый сноп[16].

Те же книги знают и нивки оброчные, с которых платился денежный оброк в государеву казну. Это, конечно, новость, явившаяся в Пскове после его присоединения к Москве.

Псковские платежные книги знают и огородников и «посадские огороды» [17]. Огороды эти принадлежат посадским людям: ремесленникам, мелким торговым людям, стрельцам, казакам, попам, дьячкам из псковских пригородов — Вороноча, Гдова, Опочки, Себежа, Велья, Изборска, Красного, Острова. В двух случаях в Гдове указан размер платежей, которые обязаны были платить огородники владельцам огородной земли — «четверть» урожая: «Два огорода Дмитрея Селунского, что во Гдове... а пашет те огороды Якуш Васильчиков, а к церкве дает четверть...» [18]; «Огород Пятницы святые, что во Гдове, вдоль 30 сажен, а поперег 14 саж..., а пашут тот огород гдовские посадские люди, а к церкве изо всякого обилья дают четверть»[19].

Б. Б. Кафенгауз подчеркивает, что псковские платежные книги не называют в качестве огородников сельских жителей. Об огородниках говорит лишь писцовая книга по городу. Отсюда автор делает предположение, что и огородники Псковской Судной Грамоты были горожане. Мне думается, точнее будет сказать, что огороды действительно принадлежали горожанам, а огородниками, т. е. теми, кто их обрабатывал, могли быть и, повидимому, чаще бывали обезземеленные крестьяне, по договору бравшие на себя определенные обязательства.

Вполне понятно, что как во всей Псковской земле, растянувшейся вдоль рек и озер, так и в городе Пскове, со всех сторон окруженном водою, рыболов являлся обычной и часто встречающейся фигурой.

От первой половины XV в. сохранилась помещенная в платежной книге ссылка на грамоту 1447 г., выданную рыболовам в Рудницкой губе под Рудницким погостом на рыбную церковную Федора Тирона (церковь в Пскове) ловлю. «А ловят тое ловлю... рудницкие ловцы Ларка с товарыщы или хто ни буди, а с неводу дают, что уловят, восьмую рыбу, а с мережи и с уд и с переметов пятую рыбу... А дали тое рыбную ловлю псков-

---

[16] Сборник Моск. архива Мин. юст., т. V, стр. 2—3.
[17] Там же, стр. 1.
[18] Там же, стр. 217.
[19] Там же, стр. 219.

ские посадники Иван Агафонович с товарыщы лета 6955-го (1447) году; на печати у данные образ Троицы Живоначальные»[20].

В своем завещании 1479 г. Евфросиний Псковский пишет, что он «при животе своем учинил крепость монастырскому житию: и отчине своей, с исадом своим, и клетем на городе, и всему сполу, что ни есть»[21].

В платежной книге 1585—1587 гг. называется церковная рыбная ловля на Чудском озере, где рыбу ловят «непашенные» люди, т. е. не крестьяне. На церковной земле в «Каменской губе у Чюдского озера на берегу к деревни Большие Чаечные исады Гдовских посадских людей пять изб непашенных. И живут в них рыбные ловцы... а оброку они с тех исадов царя и в. кн. Каменские губы *крестьяном* (курсив мой.— *Б. Г.*) не дают, а попом дают позему по полубочке ряпухи»[22]. Текст интересен в двух отношениях; он показывает: 1) наличие крестьян-смердов, живущих в Каменской губе и обложенных государственной податью; 2) наличие «рыбных ловцов» — посадских непашенных людей. Таких же «непашенных» деревенских людей—рыболовов та же книга упоминает не раз. Эти рыболовы платят «позем» хозяевам рыбных ловель (помещикам, монастырям, царской казне). Надо, однако, прибавить, что та же платежная книга знает и рыболовов пашенных. Например, в Бельской засаде в Кривоницкой губе «исад Талавск на Псковском озере на острову на Талавске, а на исаде... дворы рыбных ловцов пашенные: дв. Климко Макитин сын Блица (идет перечень 10 дворов)... Пашни к тем двором середние земли 21 четь в поле, а в дву по тому же, сена за островом в загубье... 5 копен»[23].

Рыбные ловли принадлежат государю, монастырям и церквам. В XV в., весьма вероятно, они принадлежали и боярам, выведенным из Пскова только в 1510 г. Конечно, владельцы рыбных ловель вынуждены были привлекать для работы людей со стороны. Специалистов-рыболовов, именно таких, которые могли прилагать свой труд только на чужих рыболовных участках, в Псковской земле было очень много.

Все эти интересные факты относятся ко второй половине XVI в. Терминология тут, несомненно, московских писцов, но

---

[20] Сборник Моск. архива Мин. юст., т. V, стр. 94. ЖМНП, 1907, IV, стр. 137; 1906, VII, стр. 58.

[21] АЗР, т. I, № 108. Что разуметь под термином «сполъ»— неясно.

[22] Центральн. гос. архив древних актов (ЦГАДА), Писц. книга, № 827, л. 111 об. и л. 114.

[23] «А оброку царю и великому князю те рыбные ловцы дают пашенные и непашенные з дворов и церковные рыбные ловцы дают из рыбные ловли доход и з дворов позем в монастыри и к церквам» (Сборник Моск. архива Мин. юст., т. V, стр. 86; Писц. кн. № 827, лл. 70, 94 об., 100, 221 об., 311).

едва ли можно сомневаться в том, что мы имеем тут приблизительно те же явления, которые имеет в виду и Псковская Судная Грамота. Это, конечно, хорошо знакомые нам по Псковской грамоте изорники, огородники и кочетники.

Псковская Судная Грамота оперирует с этими хорошо всем псковичам известными прослойками населения, вынужденными входить в определенные отношения к владельцам земли и воды, не давая нам никаких конкретных пояснений, останавливая свое внимание только на наиболее частых юридических казусах, встречавшихся в судебной практике. Отсюда так много разногласий в понимании этих терминов в нашей специальной литературе.

Приведенные факты в словесном оформлении платежных книг, составленных московскими писцами, дают нам ключ к пониманию спорных терминов Псковской Судной Грамоты.

Последняя ставит себе задачей определить взаимоотношения между хозяином и работником. Отношения эти, несомненно, феодального характера и гораздо сложнее, чем аналогичные им в капиталистическом обществе.

«А которой государь захочет отрок дати своему изорнику или огороднику или кочетнику,— ино отрок быти о Филипове заговенье. Також захочет изорник отречися с села или огородник или четник,— ино томуж отроку быти. А иному отроку не быти ни от государя ни от изорника ни от кочетника ни от огородника» [24]. Изорник, огородник и кочетник рассматриваются здесь вместе; и этого одного достаточно, чтобы заподозрить в правильности господствующее представление об изорнике как о крестьянине. Объединяет этих трех представителей различных профессий общность их правового положения.

Меня больше всего интересуют изорники и огородники, так как они несомненные земледельцы. Изорнику уделено главное внимание Псковской Судной Грамоты как социальной фигуре, вызывающей много юридических осложнений. Но нам интересно знать не только правовую природу изорника, а и условия, породившие это социальное явление, и место изорника в производственных отношениях Псковского общества.

Самое поверхностное ознакомление с источником обнаруживает ряд бесспорных признаков, характеризующих это состояние. У изорника есть «государь», изорник живет в селе этого государя, изорник имеет право раз в году, около 14 ноября старого стиля, заявить своему государю о желании от него уйти; в свою очередь, и государь имеет право отказаться от своего изорника только в тот же указанный срок. «Государь» здесь, безусловно, владелец села.

---

[24] Псковская Судная Грамота, ст. 42.

Спор о том, кто такой этот государь, просто ли землевладелец или же «средневековый сеньер», спор, имевший место между М. М. Богословским и П. А. Аргуновым, кажется мне легко разрешимым, поскольку в феодальном обществе право на землю было вместе с тем и правом на сидящее на этой земле население, а политическое могущество феодала соответствовало размерам его земельных владений.

Едва ли может быть сомнение в том, что с того времени, как землевладелец обзавелся большим количеством «подданных», стал их «государем», когда, таким образом, вотчина превратилась в сеньерию, вотчинник получил полное право на признание его равноценным «средневековому сеньеру».

Изорник — несомненно одна из разновидностей феодально зависимых людей. Но этого признания далеко не достаточно. Передо мною стоит задача найти и определить именно этот вид. Псковская Судная Грамота дает для этого достаточно возможностей.

Изорник делается изорником после заключения со своим государем договора устного или письменного. Изорник может быть «в записи», может «в записи» и не быть. Наконец, он может быть «в записи», а жена его и дети могут не быть «в записи». Что это за «запись»? На этот вопрос отвечает ст. 85: «А у которого человека у государя изорник помрет в записи, в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, ино изорничи жене и детем откличи нет о государеве покруты, а та им покрута платити по той записи. А будет не в записи был изорник, ино их судити судом Псковской пошлине».

М. Ф. Владимирский-Буданов считает эту запись «договором займа» [25], Ф. Устрялов — договором найма («этот вид найма имел множество своих частных подразделений»). Дальше автор делает существенную оговорку: «Что он (изорник.— *Б. Г.*) был закуп,— пишет Ф. Устрялов,— а не вольный наймит, это видно из самого постановления Псковской Судной Грамоты, которая ставит его наряду с кочетником и огородником и упоминает тут же о покруте» [26]. М. М. Богословский считает эту запись «ссудной записью» или «записью о взятии подмоги» (т. е. покруты.— *Б. Г.*), «долговым обязательством» [27]. П. А. Аргунов, полемизируя с М. М. Богословским, произвольно объединяет два термина в один — «запись-покрута» и толкует изоб-

---

[25] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 179, прим. 175.

[26] Ф. Устрялов. Исследование Псковской Судной Грамоты, СПб., 1855, стр. 52—53.

[27] М. М. Богословский. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте, ЛЗАК, в. 34, стр. 42, 46.

ретенный им договор очень сложно и запутанно (видит в нем несколько договоров: аренды, займа и найма). Столь невероятную сложность договора автор объясняет тем, что «современный (автору.— *Б. Г.*) юридический язык уже бессилен дать одно определение такой группе договоров, которая Псковской Судной Грамотой обнималась выражениями «быть в записи в покрути», «государева покрута»[28]. П. Е. Михайлов этот договор расценивает как «арендный институт, согласно которому юридически-свободный договор найма связывал отношения арендодателя и арендатора» [29]. Не привожу других мнений: и приведенных достаточно, чтобы убедиться в запутанности вопроса и бесплодности этих споров. Решение задачи вперед не продвинулось.

Спор вращался вокруг понятий аренда, заем, наем, а так как ни то, ни другое, ни третье не могло быть ни полностью доказано, ни убедительно отвергнуто, потому что элементы и того, и другого, и третьего в данном общественном явлении были налицо, то и получился в науке тот «лабиринт личных мнений и взглядов, из которого (по мнению Леонтовича), повидимому, нет никакого выхода» [30]. Это несомненный симптом того, что наука зашла в тупик, что требовался радикальный пересмотр не отдельных деталей, а всего понимания истории России с древнейших времен.

Пересмотр старых представлений начался в связи с тем, что наши историки отрешились от мысли, что Русь развивается по особым, своим собственным путям, с момента признания феодализма на Руси.

В работе П. И. Беляева «Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение» где уже в одном заголовке чувствуется новый подход к решению судеб русского крестьянства, отведено небольшое место и изорникам. «Изорник — это человек, живущий на чужой земле и занимающийся хлебопашеством». По Псковской Судной Грамоте, «господин может при содействии только пристава арестовать скрывшегося изорника и связать его («и железное»), как господин при содействии отрока вязал бежавшего холопа... Такое же полицейско-упрощенное производство практикуется и по отношению к имуществу изорника при взыскании ссуды. Этому производству предшествует закличь, подобно как закличь сопровождает упрощенные производства «Русской Правды» при поимке холопов или при виндикации движимости. Затем господин пригла-

---

[28] П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты, Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. IV, в. 4, стр. 113.

[29] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной Грамоте, ЛЗАК, вып. 27, стр. 2.

[30] Ф. И. Леонтович. Задружно-общинный характер древней Руси, ЖМНП, 1874, июнь, стр. 201.

шает пристава с старостами и понятыми и при них продает «изорнич живот». Суд бывает, как и при поимке беглого холопа, когда изорник «имет запиратися у государя покруты». Таким образом, право возвращения к себе бежавшего земледельца признается за господином еще в XIV в.; с этим гармонирует то, что землевладелец в Псковской Судной Грамоте называется «государем села», а «село в данном случае является территорией, с которой связано подданство зависимых людей». Дальше в другом месте той же работы написано: изорник — «человек, которого связывают с землевладельцем договорные отношения по поводу ссуды (покруты)». И еще дальше у того же автора читаем: «Хотя изорники и находились в сильной зависимости от своих сеньеров, но тем не менее в постановлениях Псковской Правды проглядывает желание дать их положению правовые гарантии» [31]. Сюда надо прибавить общее суждение автора: «Мнение многих историков права о том, что зависимые люди (сюда входят, конечно, и изорники.—*Б. Г.*) были арендаторами землевладельца, едва ли может считаться верным» [32].

Из сопоставления всех этих замечаний автора можно составить ясное представление о том, что П. И. Беляев отошел от традиций историко-юридической школы, не став, однако, разумеется, марксистом. Он, хотя и обмолвился о «договорных отношениях по поводу ссуды» («покруты»), но совсем не говорит о найме и решительно отрицает аренду. Изорник, по мнению П. И. Беляева, человек, находящийся в сеньериальной зависимости. Определение его социальной природы автор пытается выразить в понятиях феодального права.

Основные положения П. И. Беляева развил и дополнил собственными соображениями, с которыми еще менее, на мой взгляд, можно согласиться, П. А. Аргунов.

В завязавшейся по этому предмету полемике еще ярче обозначались два направления. М. М. Богословский, защищая старые положения буржуазной науки, настаивая на том, что изорника и его государя связывает только договор займа, все же вынужден был сделать маленькую уступку. К термину «долговое обязательство» М. М. Богословский счел необходимым прибавить: «специальное, крестьянское, отличающееся некоторыми особенностями от обыкновенного долгового обязательства, но все же остающееся частно-правовой сделкой, не выходящей за пределы гражданского права и не создающей какого-либо подданства» [33].

---

[31] П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, октябрь, стр. 141, 145, ноябрь, стр. 136.

[32] Там же, октябрь, стр. 156.

[33] М. М. Богословский. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу, стр. 47.

Уступка небольшая, но характерная; автор почувствовал что безоговорочно пользоваться понятием займа в данном случае нельзя. От этого он и отказался, оставшись при своем отрицательном отношении к пользованию в данном случае понятием «подданство». В полемике со своим оппонентом М. М. Богословский продолжает настаивать на том, что никакого «подданства» изорника по отношению к его «государю» в Псковской Судной Грамоте нет, так как-де подлинная государственная власть помогает «государю» в восстановлении его прав на изорника и его имущество. М. М. Богословский, конечно, не может не видеть государственной власти в судебных процессах, потому что Псковская Судная Грамота говорит об этом ясно. Превращение вотчинника-землевладельца в феодального сеньера и заключается именно в том, что землевладелец берет на себя некоторую часть государственных функций, делается «государем» в своих владениях и в этом смысле безусловно имеет своих «подданных», не упраздняя тем самым сидящей над ним власти короля, императора или великого князя. Поэтому возражения М. М. Богословского против признания сеньериального подданства не могут быть убедительными.

В феодальном государстве в период расцвета феодальных отношений, что мы и видим в Пскове XIV—XV вв., функции государства и его отношение к зависимым от него в той или иной мере сеньерам тоже носят на себе особый отпечаток, «отличающийся некоторыми особенностями», которых, однако, М. М. Богословский не учел.

Однако характерно, что сам М. М. Богословский после жаркой полемики с П. А. Аргуновым все-таки в заключение своей статьи пишет: «При всем том я нисколько не отрицаю сеньериальных отношений в древнерусской деревне, выражающихся в публично-правовом характере власти землевладельца, обладавшего правом суда и полиции относительно населения его земли» [34]. Этим своим признанием М. М. Богословский по существу сказал больше, чем мог сказать защитник старых представлений юридической школы.

В конечном счете становится неизбежным признание, что мы здесь имеем дело со своеобразными феодальными общественными отношениями, требующими к себе особого подхода, другого, чем тот, какой мы наблюдаем у наших буржуазных историков и историков права.

О социальной природе изорника в источниках нетрудно заметить вещи совершенно бесспорные. Совершенно, например, ясно, что изорничество оформляется договором, при заключении

---

[34] М. М. Богословский К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу, стр. 53.

которого изорник часто берет у своего государя «покруту» в виде денег, хлеба, быть может, некоторых орудий производства.

Однако и относительно «покруты» в исторической литературе существуют разногласия. И. Энгельман [35] считает покруту арендной платой. Такого же мнения держится и В. Н. Латкин [36]. И. И. Срезневский понимает этот термин как ссуду [37]. П. Е. Михайлов полагает, что покрута — «не обыкновенный заем или процентная ссуда, а специальная форма возвратного пособия, подмоги, но возвратного только тогда, когда прекращается аренда» [38]. М. М. Богословский рассматривает покруту как ссуду, одно из условий аренды, но не всегда для этого договора обязательное [39]. П. А. Аргунов, признавая «более правильным» мнение Устрялова [40] о том, что покрута есть «плата или вещи, которыми хозяин как бы снабжал изорника вперед в виде платы; последний, в свою очередь, ручался свободою за исполнение наемных работ»,— прибавил от себя несколько не очень точных замечаний, вроде: «Покрута это — начальный акт правоотношений, концом которых является отрок», или «дверь, через которую изорник входил в подданство своему государю», «это основа отношений между изорником и государем, их главная скрепа» [41].

Действительно, нелегко подвести покруту к какой-либо разновидности договоров капиталистического общества.

Это — подмога деньгами или вещами, без которой бедный человек, заключающий с хозяином договор, не мог начинать свою работу на предоставляемом ему участке, но которую хозяин мог потребовать обратно, если изорник оказывался неисправным, или же если он сам заявлял о желании уйти от хозяина.

Определение покруты как подмоги кажется мне наиболее удачным.

Однако для определения социальной природы изорничества покрута решающей роли во всяком случае не играет. Сущность

---

[35] И. Е. Энгельман. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, СПб., 1855, стр. 49.

[36] В. Н. Латкин. Лекции по внешней истории русского права, 1890, стр. 30.

[37] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка.

[38] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования, ЛЗАК, в. 27, стр. 99.

[39] М. М. Богословский. Крестьянская аренда в Псковской Судной Грамоте, «Истор. известия», № 2, 1917, стр. 32, 44.

[40] Ф. Устрялов. Исследование Псковской Судной Грамоты, стр. 169—170, прим. 101.

[41] П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты, Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. IV, в. 4, стр. 113, 114.

этого договора заключалась в том, что лишенный средств производства земледелец, вынужденный вследствие этого искать себе пристанища, поступал в зависимость к землевладельцу, который предоставлял ему земельный участок и материальные средства (покруту) для обзаведения.

Само собой разумеется, что тут могло быть много вариантов: один кандидат в изорники меньше нуждался, другой больше; один брал покруту, другой мог обойтись и без нее; один заключал письменный договор, другой входил лишь в устное соглашение, один вписывал в договор жену и детей, другой не вписывал.

Ясно только одно, что изорник — не обычного типа крестьянин, т. е. не земледелец, владеющий земельным и усадебным участком и своими собственными орудиями производства, ведущий самостоятельное хозяйство. Что касается правового различия между изорником и крестьянином, то его установить не легко, поскольку псковские источники не дают нам материала для ясного представления о юридическом положении крестьянина-смерда.

Только один очень существенный признак отличает крестьянина-смерда от изорника. Крестьянин-смерд несет полностью государственное тягло. Изорник же самостоятельным плательщиком податей не является.

Псковская Судная Грамота не задается целью изобразить правовое положение изорника полностью, а лишь рассматривает отдельные возникающие в судебной практике казусы, на основании чего мы все же можем до некоторой степени представить себе его экономическое и правовое состояние. Приведу одну статью, смысл которой по-разному истолковывался в исторической науке. «А коли изорник имет запираться у государя покруты, а молвит так: у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват,— ино на то государю тому поставить люди сторонние, человеки 4 и 5, а тым людем сказати, как прямо пред богом, как чисто на селе сидел. Ино государю, правда давши, взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А только государь не поставит людей на то, что изорник на селе седел, ино тот человек покруты своея не доискался» [42].

Для меня смысл этой статьи ясен. Дело сводится к следующему: возникает дело о взыскании покруты-подмоги с изорника, собирающегося, конечно, уходить от своего хозяина. Изорник заявляет, что он при заключении договора покруты не брал, а жил у хозяина, в его селе без покруты. Закон видит два возможных решения дела: 1) хозяин верит заявлению

[42] Псковская Судная Грамота, ст. 51.

изорника, и тем весь вопрос исчерпывается, так что суду тут делать нечего; либо 2) хозяин не верит заявлению изорника и переносит дело в суд. Тогда хозяин должен представить 4 или 5 свидетелей в том, что изорник покруту брал. Сам истец тоже должен присягнуть. После этого истец получает право взыскания покруты. Дальше идет совершенно лишнее разъяснение и без того ясного положения: если государь-хозяин свидетелей не найдет, то лишается своего иска [43].

Стало быть, изорник при заключении договора мог брать покруту, мог ее и не брать.

Следующая статья, приближающая нас к пониманию правового положения изорника, это ст. 42: «А который государь захочет отрок дать своему изорнику или огороднику или кочетнику,— ино отроку быти о Филиппове заговение. Тако же захочет изорник отречися с села или огородник или кочетник, ино тому ж отроку быти. А иному отроку не быти ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от огородника».

Смысл статьи едва ли может кого-либо ввести в заблуждение. Речь идет о прекращении договорных [44] отношений между государем-хозяином и находящимися в зависимости от него людьми. Основная мысль закона заключается в том, что прекращение договорных отношений может происходить по инициативе одной из сторон, но обязательно в определенный законом срок — Филиппово заговенье (14 ноября ст. ст.) (конечно,

---

[43] Ср. И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 25. Расхождение с И. Д. Беляевым у меня здесь только в одном пункте. И. Д. Беляев считает изорника крестьянином, живущим на земле «государя». Я считаю крестьянами в полном смысле слова только тех земледельцев, у которых имеются свои средства производства и которые ведут свое собственное хозяйство и тянут тягло. Изорник к такому пониманию крестьянина не подходит.

Всех мнений по толкованию этой статьи не привожу. Желающие ознакомиться с ними могут это сделать у П. Е. Михайлова («Юридическая природа землепользования по Псковской Судной Грамоте», Пгр., 1915, стр. 104—114). После Михайлова об этом писали: М. М. Богословский («Крестьянская аренда в Псковской Судной Грамоте», «Истор. изв.», № 2, 1917; «К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте», ЛЗАК, в. 34); П. И. Беляев («Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение», ЖМЮ, 1916, октябрь и ноябрь); П. А. Аргунов («Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты», Уч. зап. Сарат. гос. унив., 1925, т. IV, в. 4); Б. Д. Греков («Земледелец и землевладелец в Пскове XV в.», «Проблемы истории докапит. обществ», № 5, 1934); Б. Б. Кафенгауз («Псковские изорники», Уч. зап. Моск. гос. пед. института им. К. Либкнехта, серия историч., в. II, 1939); Б. Д. Греков («Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты», «Исторические записки», т. 20).

[44] Договорность отношений здесь ясна. Перенесение этого признака договорности на крестьян и признание их арендаторами породили много крупных недоразумений в исторической литературе.

не буквально в этот единственный день в году, а около этого срока). Филиппово заговенье, отмечу, между прочим, играет здесь роль московского Юрьева дня или Рождества Христова Галицкой Руси. Но, кроме этого бесспорного смысла закона, тут имеется несколько деталей, в данном случае важных.

Закон очень настойчиво говорит об изорнике, огороднике и кочетнике вместе (в одной статье трижды возвращается к этой группе; в других статьях встречается обычно то же). Несомненно, закон имеет в виду нечто объединяющее эту группу. Объединяет их, конечно, не профессия, а одинаковое положение по отношению к своему государю-хозяину.

Есть основание полагать, что вся эта группа в Псковской Судной Грамоте считается серебрениками-половниками. «А которой кочетник заложи весну (или *исполовник* у государя) [45], ино ему заплатить весна своему государю, как у другой чате (вероятно, «части».—*Б. Г.*) доставалося на том же исаде» (ст. 43). «Исполовник у государя» разъясняется в ст. 63: «А который изорник отречется у государя села или государь его отречет, и государю взяти у него всего половину своего изорника, а изорнику половину». По поводу этой «изорничьей половины» существует значительная литература. Мнения ученых можно разбить на четыре категории.

1. Половиною изорника обозначается половина всего имущества изорника. Этого мнения держатся Н. П. Павлов-Сильванский [46] и П. А. Аргунов [47]. Так же смотрел на вопрос одно время и В. И. Сергеевич (потом отказался) [48].

2. Половина изорника есть «двойной оброк», полученный из сложения $^1/_4$ урожая, причитающейся с изорника, плюс еще $^1/_4$. Так думают И. Е. Энгельман [49], М. Ф. Владимирский-Буданов [50], М. А. Дьяконов [51], Н. Н. Дебольский [52].

---

[45] Скобки мои. Таким способом я хочу подчеркнуть, что слова, взятые мною в скобки, я считаю вставкой. Они разбивают искусственно всю фразу. Такого же мнения и П. Е. Михайлов («Юридич. природа землепользования», стр. 50).

[46] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 195.

[47] П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец, стр. 104—108.

[48] В «Русск. юрид. древн.», т. I, стр. 246, он же пишет: «Дележ всего имущества пополам и нам представляется маловероятным. Речь, действительно, может быть, идет о дележе только последнего урожая».

[49] И. Е. Энгельман. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, стр. 55—57.

[50] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 173, прим. 136.

[51] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 106.

[52] Н. Н. Дебольский. Гражд. дееспособность, стр. 125—127.

3. Б. Н. Чичерин [53], И. Д. Беляев [54] и П. Е. Михайлов [55] понимают под половиной изорника просто арендную плату исполу.

4. Четвертое мнение принадлежит М. М. Богословскому [56] и В. И. Сергеевичу (более позднее мнение), видящим в изорничьей половине половину озимого изорничьего урожая.

И. Д. Беляев, более других склонный держаться точного показания источника, понимает смысл и данной статьи наиболее правильно. «По псковским... законам, — пишет он,— к изорникам, огородникам и кочетникам можно отнести название серебреников и половников, ибо в одной статье Псковской грамоты сказано, что землевладелец на изорнике или огороднике или кочетнике мог и в закличь искать своей ссуды и серебра и пшеницы и всяких доходов; а другая статья прямо указывает, что хозяин земли, отпуская изорника или огородника или кочетника, брал у него половину дохода, полученного с земли» [57].

Однако ошибка И. Д. Беляева в данном случае, на мой взгляд, заключается в том, что он считал в Пскове половниками или серебрениками *всех* крестьян, живущих на чужой земле, будь то земля частновладельческая или еще не освоенная частным владельцем [58]. И. Д. Беляев не допускает мысли, что и на частновладельческих землях могли сидеть и фактически сидели везде и в Москве, и в Новгороде, и в Вел. кн. Литовском, и в Галицкой Руси «крестьяне» различных категорий, из которых две основных: крестьяне в полном смысле слова, т. е. ведущие свое собственное хозяйство своими средствами производства, и люди, которых во имя точности я крестьянами не называю, а предпочитаю пользоваться терминами источников — серебреники, половники, деревенские кабальные люди, изорники и др.

П. Е. Михайлов, много и небезуспешно трудившийся над изучением Псковской Судной Грамоты, принял определение изорничества, сделанное И. Д. Беляевым, но с оговоркой, на мой взгляд, совершенно излишней. «Это понимание И. Д. Беляева есть самое правильное из всех высказанных толкований, — пишет П. Е. Михайлов,— хотя неточное». «Неточность» он видит в том, что Беляев изор-

---

[53] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 192.

[54] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 6, 24.

[55] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования, стр. 25—33.

[56] М. М. Богословский. Крестьянская аренда, стр. 26—27.

[57] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 6.

[58] «Общим условием для всех крестьян, живущих на чужой земле, по псковским законам, было исполовничество» (там же, стр. 28). «Вообще

ника считает серебреником, с чем Михайлов не согласен. Характерно, что, цитируя важный текст Беляева, Михайлов вместо стоявшего в тексте слова «серебреник» поставил многоточие [59].

При изучении ст. 43 важно подчеркнуть, что вставка интерполятора «исполовник у государя» с точки зрения права сделана отнюдь не безграмотно, что у интерполятора были к тому свои основания, такие же, как у интерполятора ст. 14 Пространной «Русской Правды» («Тако же и за бояреск»). При перечне в «Русской Правде» княжих слуг (ст. ст. 11—17) было также естественно вспомнить слуг боярских, находящихся в аналогичном положении, как и при упоминании в Псковской Судной Грамоте кочетника, заложившего весну [60], напомнить о всяком исполовнике, который мог оказаться в аналогичном положении. Грамота имела основание ассоциировать кочетника с изорником и огородником и в данном случае, поскольку все эти разновидности половников Грамота почти всегда рассматривает вместе. «Отрок дати... изорнику... или кочетнику», «а запрется изорник или огородник, или кочетник отрока государева...» (ст. 42), «а государю на изорники или на огородники, или на кочетники вольно и взакличь своей покруты... сочити» (ст. 44). Только что процитированная ст. 44 стоит в ряду статей, говорящих обо всей этой группе сельского населения в целом.

Ведь в подлиннике никакого деления на статьи нет. Деление это — дело издателя документа. Псковская Судная Грамота, начиная от ст. 39 и по ст. 44, имеет в виду, строго говоря, вещи, логически очень близкие друг другу. Речь идет об отношениях различных категорий обязавшихся определенной работой на хозяина людей к своим хозяевам. Мастер-плотник или любой наймит, выполнивший свою работу, имеет право «взакличь сочить своего найма» (ст. 39), наймит дворный, не достоявший своего урока, имеет ограниченное право «сочить своего найма» (ст. 40), «наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государя, а дела его не отделает, а пойдет прочь» (ст. 41), изорник, огородник, кочетник могут уходить от государя, но с соблюдением указанных законом условий; в случае недоразумений с хозяином они могут обращаться в суд (ст. 42); при отходе изорника, огородника и кочетника может возникнуть вопрос о покруте (ст. 44) и тут же стоит и ст. 43, трак-

---

Псковская грамота не полагает различия между крестьянином, живущим на общинных и на владельческих землях» (там же, стр. 30—31).

[59] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования, стр. 34.

[60] Объяснение термина «заложить весну» — см. следующую сноску.

тующая случай несвоевременного взноса оброка. Приводится казус с кочетником, «заложившим весну»[61] и вследствие этого не сумевшим во-время внести хозяину свой оброк. Интерполятор имел все основания вспомнить здесь и других половников, тоже могущих запоздать со своим взносом. Едва ли можно сомневаться в том, что во всем этом отделе Грамоты речь идет не об обычном крестьянине, устойчиво живущем на земле, а о людях, поряжавшихся на определенную работу на условиях, зависящих от ее характера или каких-либо привходящих обстоятельств.

Роднит изорника, огородника и кочетника с серебреником и то, что покрута называется иногда серебром (или во всяком случае в ее понятие ингредиентом входит серебро): «А государю на изорники или на огородники, или на кочетники вольно и в закличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой или озимой» (ст. 44). Едва ли входят в покруту пшеница яровая или озимая, так как было бы несколько странным при получении покруты различать зерно яровое и озимое (впрочем, я на этом не настаиваю). О том, что покрута часто предоставлялась и взыскивалась в виде серебра, как будто говорит и ст. 76, где имеется в виду случай продажи имущества беглого изорника для возмещения покруты. «Половничье серебро» упоминается в духовной инока Геронтия Линека 1435—1447 гг. [62], в данной Елены Ивановой 1397—1427 гг. [63] и в жалованной грамоте кн. Михаила Андреевича 1448—1469 гг. [64].

Не напоминают ли нам псковские изорники, огородники, кочетники, которых можно подвести под общее понятие половников, тот перечень нескольких категорий зависимых людей, которые упоминаются в известных белозерских грамотах сере-

---

[61] На мой взгляд, правильно переводят ст. 43 Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев: «Если рыболов-издольщик пропустит весенний улов, то он должен заплатить хозяину рыболовного угодья столько же, сколько ему (хозяину.— *Б. Г.*) доставалось с других участков того же угодья» (Истор. записки, т. 6, стр. 244).

[62] «...Взяти ми у Ермолковых детей, на Овтуфьеце, да на Денисце, да на Немонце половничего серебра 6 рублев наугородцких. А тое есми серебро на тех людех дал в Кирилов монастырь Трифону игумену» (Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900, № XVII, стр. 142—143; в приведенной цитате, выверенной по рукописи, хранящейся в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, устранены допущенные Н. Н. Дебольским искажения текста грамоты, за что я приношу благодарность В. Г. Гейману).

[63] «...С серебром, что на половники, два рубля» (там же, № XXXIII, стр. 147).

[64] «И вы бы так серебреников и половников и слободных людей не отказывали, а отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит» (там же, № CXXI, стр. 160; ААЭ, т. I, № 48 (II).

дины XV в.: серебреники, половники, рядовые люди, юрьевские? Их тоже, несомненно, объединяет общность правового положения.

О том, кто такой с правовой точки зрения половник, в нашей историко-юридической литературе тоже писалось немало, высказывалось много любопытного. П. А. Аргунов, например, дошел до того, что производил термин «половник» от слова «полова» — мякина [65]. Большинство историков-юристов считает половника арендатором [66]. Трудно, однако, поверить в правильность такого решения задачи.

Уже Б. Чичерин в 1858 г. заметил, что в новгородских памятниках «половник» в некоторых случаях сравнивается с холопом [67]: «А холопа и половника без осподаря не судити»; «А холоп или половник забежить в Тферьскую волость, а тех, княже, выдавати» [68]. Как мы уже видели, в договорных грамотах Новгорода рядом ставятся и смерды и должники, тати, и закладник, и поручители. Из этого перечня трудно делать вывод о том, в какой мере перечисленные здесь категории близки друг другу в правовом отношении. Б. Н. Чичерин особенно подчеркивает, что в договоре с Тверью 1307 г. «положено беглых холопов и половников выдавать обратно». Но ведь выдавать обратно надо было не только половников и холопов, а всех, кто включен в этот довольно длинный перечень. Почему-то автор делает для Пскова исключение: «В Пскове же,— пишет он,— как видно из Псковской Судной Грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками» [69].

Но ведь договоры Новгорода, заключенные до 1348 г., заключаются и от имени Пскова, который до этого года входил в состав Новгородского государства. Наконец, уже самостоятельный Псков в свой договор с Литовским великим князем Казимиром Ягелловичем 1440 г. внес точно такой же перечень («за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти..., а выдати по исправе»), как и Новгород в одновременный договор с тем же князем [70].

---

[65] П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец, стр. 99—104.

[66] Ф. Устрялов считает, что половник — это «земледелец, живший на чужой земле и плативший владельцу натурою, или по цене, половину выросшенного хлеба, овощей и пр.» (Исследование Пск. Судн. Грам., стр. 169, прим. 98). Владимирский-Буданов считает половника крестьянином-арендатором, платящим своему хозяину «половину» (Христоматия вып. 1, стр. 166, прим. 102).

[67] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 175.

[68] СГГиД, т. I, № 10, 1307 г.

[69] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 175.

[70] АЗР, т. I, № 38 и 39.

Выделять Псков и подчеркивать разницу в общественных отношениях в этот период с Новгородом нет оснований.

Очевидно, к Псковской Судной Грамоте должен быть более осторожный подход.

Псковский половник, как, впрочем, и новгородский и московский, не просто арендатор, а несомненно феодально зависимый человек, отличаемый Псковской Судной Грамотой от вольных наемных работников. Ст. ст. 39—41 совершенно ясно говорят о «наймитах», обязанных выполнять свои обязательства, взятые либо на срок, либо на исполнение определенной работы. Эти наймиты не подлежат закону о Филиппове дне, не знают «отрока», а в ст. 42 говорится об отношениях между «государем» и изорниками, огородниками и кочетниками иного порядка. Без соблюдения определенных законом условий эти отношения не могут быть расторгнуты. В течение года обе стороны связаны. «Отро́к» (отказ) может быть один раз в году, относительно законности «отрока» могут возникнуть сомнения и разногласия, подлежащие судебному разбирательству; отношения эти осложняются «покрутой»; «отрок» сопряжен с некоторыми условиями (выплата изорником «половины», обязательство довыполнить некоторые повинности даже после «отрока»: «старому [71] изорнику возы вести на государя»). Наконец, наймит, даже «не достояв своего урока», т. е. не выполнив своей работы, «идет прочь от государя» и не теряет при этом своего права на получение «найма» (ст. ст. 40 и 41), между тем как незаконный уход изорника закон квалифицирует как «бегство» («А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где...»), вследствие которого государь получает право продать движимое имущество беглого (ст. 76); в случае смерти изорника его государь тоже имеет право продать имущество изорника и таким путем вернуть покруту, причем родственники изорника не имеют никаких прав на это имущество (ст. 84). Только если они согласятся сами выплатить государю покруту, они получают эти права (ст. 86); жена изорника и его родственники в случае смерти его самого отвечают перед государем и обязаны выплатить государю покруту (ст. 85). Тут же следует напомнить, что изорник, как «половник», согласно новгородским договорным грамотам, подлежит юрисдикции своего государя. Это, конечно, и не наем и не аренда, а нечто другое,

---

[71] Под «старым» изорником, мне кажется, естественнее всего понимать бывшего изорника, изорника, уже получившего «отрок», но обязанного «доделывать дело» на своего бывшего государя: «А которые будут вышли в манастырском серебре в твой путь, и они бы дело доделывали на то серебро» (ААЭ, т. I, № 48, Грамота белозерского князя Михаила Андреевича около 1450 г.). Повоз и был одной из таких повинностей, которую можно было выполнять после 14 ноября, по установлении санного пути.

ни римским, ни капиталистическим правом не предусмотренное.

Статьи, говорящие о продаже имущества изорника, позволяют нам сделать вывод, что у изорника имеется только движимое имущество и очень малоценное. Ст. 76 предполагает, что от продажи всего движимого имущества изорника может не получиться суммы, равной размерам покруты. Этот факт совершенно ясно показывает, что изорник — человек бедный, во всяком случае беднее среднего крестьянина, имущество которого ценнее той суммы, которую изорник брал иногда у хозяина в подмогу. Если у обычного крестьянина есть земля, лошадь и корова (это видно из многочисленных показаний источников), то у изорника конь или корова бывают в виде исключения («А только будет конь или корова, ино вольно искать у государя», — ст. 86). Обычно его имущество состоит из «лукошек» и «кадок» (ст. 86). Едва ли даже у него была своя изба, иначе закон бы об этом так или иначе обмолвился.

Изорник, как и закуп и кабальный московский человек, берет у хозяина при заключении договора деньги, но, как нам известно из кабальных записей, деньги эти часто не шли кабальному человеку, а отдавались прежнему его хозяину, от которого он не мог уйти иначе, как выплатив ему сумму, взятую в момент вступления в соглашение. Нет ничего невероятного, что изорник относительно покруты находился в таком же положении.

Абсолютно нет никаких намеков в Псковском законе на то, что изорник был связан с государством какими-либо платежами или повинностями.

Итак, изорник — не обычного типа крестьянин. Это лишенный средств производства недавно вольный человек, вынужденный сесть на чужую землю, не имеющий возможности стать крестьянином и, быть может, находивший в своем положении изорника некоторые преимущества по сравнению с крестьянином-смердом, обложенным государственными повинностями и в то же время связанным с владельцем земли, на которой он сидел, обязанный платить своему хозяину оброки и не гарантированный от новых повинностей, надвигавшихся на него в связи со всем ходом хозяйственных и политических перемен в Псковской земле. Изорничество само по себе есть уже симптом этих перемен. Ведь он нужен «государю», как сельский работник, нужен для поднятия доходов «государя», удобен для него, как рабочая сила, принадлежащая только ему одному, которую он может эксплуатировать полностью, не делясь с государственной властью. Изорник особенно делается выгодным для землевладельца, когда последний начинает организовывать собственное барское хозяйство, так как хозяин может привлекать изорника на

каждодневную барщину. С крестьянином-тяглецом так обращаться было нельзя, не рискуя разорить его и тем самым лишить государство тяглеца, а себя — доходной статьи. Имея возможность выдавать обедневшим людям некоторые суммы денег, хозяин-государь пользуется этим средством, чтобы привлечь к себе рабочую силу, которая и идет на эту приманку, потому что лучшего ничего перед нею нет. Это явление находит полную аналогию с деревенской служилой кабалой и другими разновидностями сельского земледельческого населения, лишенного средств производства. Все они созданы новыми условиями хозяйственной, общественной и политической жизни в XV—XVI вв. во всей Руси и особенно заметны в небольшой по размерам Псковской земле, где эти процессы проявлялись с особой яркостью.

Псковская Судная Грамота, однако, отразила в себе только одну часть этого процесса, именно ту, которая связана была с жизнью большого города Пскова, окруженного нивами, огородами, владеющего двумя озерами и рыбными реками, а также с жизнью его многочисленных пригородов.

Нельзя, однако, забывать, что в Пскове, как и в Новгородской земле, жили и земледельцы, ведшие своим инвентарем свое собственное хозяйство и обложенные государственной повинностью,— смерды-крестьяне.

Здесь необходимо снова вернуться к той единственной в нашем распоряжении грамоте XIII в., о которой приходилось уже говорить выше, грамоте о суде между рожичанами и Радшею, Кузьмою и чернецами спасскими про мох (см. стр. 396—397).

Судебное дело решено было в пользу рожичан, предъявивших в доказательство своих прав на оспариваемый мох свою «смердью грамоту», т. е. грамоту, им (Лочку, Ивану и всем рожичанам) выданную на их владения. Эта грамота еще раз показывает нам, что смерды Пскова и Новгорода жили в своих общинах, имели известные права, защищаемые государственным судом (судебное решение исходило от вел. князя Александра и от посадника Твердилы). К концу XV и началу XVI в. независимых крестьянских общин уже не осталось, крестьяне успели попасть под власть крупных землевладельцев, церковных и светских. Боярство в 1510 г. было выведено из своих псковских владений. Из их имущества им разрешено было взять только то, что было при них. На боярской земле, по распоряжению вел. князя Московского, были поселены его дети боярские, командный состав московской армии. Церковных имуществ вел. князь Московский в Псковской земле не тронул.

Мы имеем возможность сопоставить эти наши наблюдения с фактами более поздними. 300 лет спустя после разбирательс-

ства судебного дела рожичан вел. кн. Александром и посадником Твердилой и 75 лет спустя после включения Псковской республики в состав Русского государства составлены были писцовые книги, до нас дошедшие. Беру для примера описание Пецкой губы 1585 г.

Вот как оно начинается:

«За Борисом да за Васильем за Ивановыми детьми Пустошкина дрв. Молочково, всего 2 деревни да 10 пустошей, в живущем 9 чети пашни, а в пусте сошного писма полчети сохи. Да за Борисом же да за Васильем во лготе пустошь Слюдица, в пусте 7 чети с осминою перелогу, а лготы дано до лета 7110 июня по 28 число. За Игнатьем за Олексеевым сыном Карповского дрв. Чютцкое да 3 пустоши, в живущем 4 чети без полуосмины пашни, а в пусте 21 четь перелогу» и т. д.

Всего здесь названо 11 светских землевладельцев, 6 деревень и 37 пустошей, в живущем около 17 четей, в пусте около 120—140 четей (подсчеты приблизительные). Дальше следует описание монастырских и церковных владений [72]. Тут картина приблизительно та же. Не забудем, что перед нами книга 1585—1587 гг., т. е. книга, в которой запечатлены раны, нанесенные Псковской земле Ливонской войной со всеми вытекающими из военных событий следствиями (мор, бегство населения, убийства и пр.). В Пецкой губе не показано ни одного клочка земли, не освоенного помещиками или церковными учреждениями. Земли помещичьи и церковные положены в тягло. У нас абсолютно нет никаких оснований сомневаться в том, что тягло тянут самые обыкновенные. хорошо нам известные по новгородским писцовым книгам крестьяне-смерды.

Очень интересно привлечь для более углубленного понимания общественных отношений в Пскове псковскую правую грамоту 1483 г. Снетогорскому монастырю по спорному делу о праве монастыря на проезд по р. Перерве [73]. Грамота особенно интересна еще и потому, что она касается той же Пецкой губы, т. е. района, нам уже известного.

Все спорное дело очень напоминает случай, предусмотренный ст. 106 Псковской Судной Грамоты. Спорят две стороны о праве владеть рекой. Предъявляют документы, ссылаются на «стариков» и пр. и пр. Но дело в том, что сама ст. 106 настолько неясно сформулирована, что разобраться в ее содержании очень не легко. «А кто с ким ростяжутся о земли или о борти, да положат грамоты старые и купленую свою грамоту, и его грамоты зайдут многых бо сябров земли и борти, и сябры вси станут на суд в одном месте, отвечаючи

---

[72] Сборник Моск. арх. Мин. юст., т. V, стр. 141—143.
[73] АЮ, № 2.

ктож за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возьмут, и тои отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует».

Если тут совершенно ясна судебная процедура, то далеко не ясно обозначены стороны и их грамоты. «Кто» с «ким» растяжутся? Кого закон имеет в виду под этими местоимениями? «Положат» документы, очевидно, обе спорящие стороны. Но почему тут фигурируют «грамоты старые» во множественном числе и «купленая своя грамота» в единственном? Ответов может быть несколько, и ни одного абсолютно точного.

М. Ф. Владимирский-Буданов высказал вполне вероятное предположение, что речь идет о тяжбе отдельного лица и «товарищества» (он так понимает термин «сябры»)[74]. И. Е. Энгельман «кто с ким» понимает так, что спор идет у истца с несколькими лицами[75]. Ф. Устрялов произвольно единственное число «купленная грамота» заменяет множественным «купленные грамоты» и переводит текст по своему: «если кто с кем начнет вести иск о земле или бортных ухожьях, и представят обе стороны в суд свои старые и вновь купленные грамоты, и если последние простираются на части земель... многих владельцев...»[76]. М. Ф. Владимирский-Буданов считает «купленую грамоту» этой же статьи «общей», принадлежащей многим совладельцам ответчика, которые все и являются в суд[77]. Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев переводят эту статью тоже в достаточной мере свободно: «В случае тяжбы... если истец представит грамоты, свидетельствующие о давности владения, а также свою купчую, причем эти крепости будут затрагивать смежные земли..., принадлежащие нескольким совладельцам...»[78], т. е. старые грамоты и купчую грамоту, по Черепнину и Яковлеву, предъявляет одно лицо — истец, между тем как в тексте сказано: «положат грамоты старые и купленую свою грамоту». Все эти разногласия вытекают из малопонятности текста.

Во всех этих запутанных, а может быть, испорченных деталях статьи я не собираюсь разбираться. Мне хочется лишь выяснить вопрос о соотношении «старых грамот» к купчей

---

[74] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 186, прим. 220.

[75] И. Энгельман. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, стр. 129.

[76] Ф. Устрялов. Исследование Псковской Судной Грамоты, стр. 138.

[77] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 1, стр. 186, прим. 220.

[78] Истор. записки, т. 6, стр. 252—253.

и о сябрах. «Старые грамоты» предъявляются в суд, как полагает М. Ф. Владимирский-Буданов, со стороны ответчика, купчая — истцом. Купчая противопоставляется старым грамотам. Сябры защищаются при помощи старых грамот. Истец требует своих прав по купчей. Истец получает межников и стариков, они и отводят ему землю по его купчей.

Старые грамоты сябров, очевидно, подобны той «смердьей грамоте», которая решила дело на суде в пользу смердов-рожичан в XIII в. Не лишено вероятности предположение, что истец в ст. 106 внедрился на территорию крестьянской общины, охранявшей свои права на основе старых грамот. Он купил участок земли на территории общины. Сябры протестуют.

Дело доходит до суда. Начинается конкурс документов — старых и новых. Сябры становятся на защиту своих интересов единодушно («вси»), но каждый из них отвечает за «свою землю», т. е. частная собственность на землю есть и в общине, но община все же сохранила в себе много черт, нужных как и самим сябрам, так и государству. Интересы всего коллектива сябров живучи и живы. Такое понимание данной статьи, как мне кажется, не противоречит тексту и позволяет лучше понять и то судное дело, которое разбиралось в 1483 г. в псковском суде.

Там тоже в защиту своих прав на владение рекой выступили сябры со своим старостой во главе. Староста Юрий, с ним какие-то два сябра, названные по именам Ортем и Илья, очевидно чем-то выделяющиеся из массы, привели с собою в суд «всех» своих сябров. На суде они крепко держатся вместе. «Господин князь, и посадники, и соцкие! — обращается к суду истец-игумен Снетогорского монастыря,— тому, господине, Юрью, соцкому старосте Егорьевскому, и Ортему и Ильи, и всем их сябром... пять частей в Перерве реки; а нам, господине, шестая часть... И нынечь, господине, Юрьи и Ортем и Илья, и все сябры их... нас шестой части... лишают». В доказательство своего права на эту шестую часть истец положил «грамоты купчие перед осподою». Ответчики-сябры тоже положили «свои грамоты перед осподою». Эти грамоты не названы здесь «купчими», и мы можем думать, что они были «старыми грамотами».

Старик Терентий Кудатов, на которого сослались стороны, признал, что «в той... Перерве реки Юрью и Ортему да Ильи, и всем сябром их... пять частей, а игумену Тарасью... и старцом Снетогорским... шестая часть».

Суд решил дело в пользу Снетогорского монастыря, «а Юрья, соцкого старосту Егорьевского, и Ортема да Илью и всех сябров» повинил. В исполнение судебного решения «в Перерве

реки отделили от Рожитецкой стороны игумену Тарасью... шестая часть» [79].

Трудно сомневаться в том, что егорьевские сябры такие же сябры, каких подразумевает ст. 106 Псковской Судной Грамоты. А по совокупности всех моих наблюдений, конечно, с учетом неизбежных изменений в судьбе населения Пецкой губы, мне кажется возможным сделать и более широкие выводы.

Они сводятся к тому, что рожицкие смерды XIII в. ведут себя совершенно так же, как и егорьевские сябры XV в. В конце XV в. егорьевские сябры оказались в соседстве с Рожицким погостом, и суду пришлось отделить в р. Перерве Рожитецкую сторону от стороны, принадлежащей егорьевским сябрам и Снетогорскому монастырю.

Егорьевские сябры — это сябры, живущие на земле «Егорья святого з Болота из Середнево города», упоминаемого в описании Пецкой губы в платежной книге 1585 г. [80]

Егорьевские сябры — это те самые крестьяне, которые в 1585 г. и очень задолго до этого года жили в тех же местах на земле св. Егория, платили монастырю то, что с них причитается, и в то же время несли государственное тягло сначала в пользу Пскова, потом — Москвы. Опись 1585 г. знает уже московское время. До разорения у св. Егория было 5 деревень, 4 в разорение превратились в пустоши, Моложва осталась деревней, как и была. Все они были положены в сохи.

Это настоящие крестьяне, которых псковские летописи и договоры Пскова 1440 г. продолжают по-старому называть смердами.

Мы подошли таким образом к вопросу о псковских смердах.

Вопрос о смердах в Пскове

С первых же шагов исследования мы встречаемся здесь со значительными трудностями: самый крупный и содержательный источник по истории общественных отношений в Пскове, Псковская Судная Грамота, не знает термина «смерд», между тем как другие документы и псковские летописи прекрасно им пользуются. Значит ли это, что в Псковской Судной Грамоте наличие смердов не отразилось никак? Допустить это трудно, несмотря на то, что Грамота имеет в виду главным образом не деревню, а город.

Весьма возможно, что деревенское население Псковская Судная Грамота подразумевает под термином «сябр». Сябр —

---

[79] АЮ, № 2.
[80] Сборник Моск. арх. Мин. юст., т. V, стр. 143.

сосед, член одной общины: «Се розапсаша сябри Вастечкий обод Вастечьской земли с старых грамот» (Обв. зап. Васт. земли ок. 1400 г.) [1]. Напомню упоминание сябров в послании Климента Смолятича пресвитеру Фоме, где Климент осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры и борти и пожни, ляда же и старины». Если изгои — в массе своей вольноотпущенники, то сябры — прочно сидящие на «старинах» (давно разработанные поля) земледельцы. Иначе как крестьянами, обозначаемыми обычно термином смерды, трудно назвать этих сябров. В семантике этого слова есть еще один оттенок. Сябр — это член коллектива, общины. Левобережная Украина-Русь и в XVIII в. была хорошо знакома с термином сябр именно в этом содержании. Украина-Русь унаследовала это явление от давних времен [2]. В актах 1351, 1366, 1378, 1409 гг. встречается этот термин в том же значении. Общинные повинности в Черниговщине еще в XIX в. назывались «сябренными», а общинник — мирянином, сябром [3]. А. И. Соболевский утверждает, что этот термин перешел из русского языка к литовцам, латышам, эстам [4]. Он, как мы могли убедиться, бытует и в Псковской земле.

30 декабря 1440 г. Псков заключил договор с вел. князем Литовским Казимиром Ягелловичем. В договоре на первом месте стоит условие свободного пропуска послов и купцов («што ж послу из нашея земли из Литовские и гостю — или лях, или русин, или полочанин, или витблянин или смольнянин — тым путь чист изо всее моее отчины в Псковскую землю... Тако ж и псковичом послу и гостю, из всее отчины Псковское тым всим путь чист во всю мою отчину»). Далее оговаривается: «А мне в. князю Казимиру блюсти псковитина, как и своего литвина; тако ж и псковичом блюсти литвина, как и псковитина».

Установив таким образом добрососедские отношения относительно послов, гостей и свободных граждан, грамота переходит к категории людей, свобода передвижения которых стеснена или запрещена: «А межы собою будучы в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти, ни мне, ни вам, а выдати по исправе» [5]. Здесь пересчитаны возможные беглецы за рубеж

[1] И. И. Срезневский. Материалы для словаря.

[2] И. Лучицкий. Сябры и сябренное землевладение в Малороссии, «Сев. вестник», 1889, т. I, стр. 72.

[3] А. Верзилов. Найдавніший побут Чернигівської околиці. Сборник «Чернигів і північне Лівобережжя», стр. 77—79.

[4] А. И. Соболевский. Семца, сябр, жабер. Уч. зап. высшей школы г. Одессы, отдел гуманитарно-общественных наук, т. II, 1922, стр. 61.

[5] АЗР, т. I, № 38, стр. 51.

из Литвы в Псков, из Пскова в Литву [6]. Обе стороны берут на себя одинаковые обязательства о выдаче беглецов. Перечень этот сделан в терминах, одинаково понятных как в Литве, так и в Пскове. Речь тут идет не о деталях, в Пскове и Литве, конечно, неодинаковых, а о самом главном, общем для обеих договаривающихся сторон. Беглые холопы, злостные должники, поручители, которых подвели те, за кого они ручались, или которые отказываются выполнять свои обязательства поручителей, воры, разбойники, и среди всех этих возможных и предполагаемых беглецов стоит смерд, прекрасно известный в Литовском государстве точно так же, как и в Пскове и Новгороде. Может быть, суммарно этот термин обнимал все виды зависимого от господ сельского земледельческого населения, но характерно, что для такого суммарного определения всего зависимого сельского земледельческого населения взят именно этот термин, понятный обеим договаривающимся сторонам.

Литва знает смерда в качестве крестьянина. Доказательства М. К. Любавского приведены у меня на стр. 297—298. «Это название,— пишет тот же автор,— повидимому, прилагалось только к массе рядового крестьянства... На Подляшье и Подолье, а изредка и на Волыни волостные люди (кроме слуг) назывались по-польски хлопами или кметями» [7]. Литовский вел. кн. Александр подчеркнул право распоряжаться землей только у землян, т. е. землевладельцев. Крестьянин-смерд этого права в Литовском государстве в конце XV в., очевидно, не имел, особенно, если он был «непохожим». Едва ли в значительно лучшем положении находился в это же время и смерд псковский.

Крестьян-тяглецов в узком понимании термина мы не раз встречаем в псковских платежных книгах XVI в., и у нас нет никаких оснований думать, что это новость по сравнению с XV или XIV в. Совершенно недвусмысленные результаты мы получаем от сравнения новгородских писцовых книг XV в. с книгами

---

[6] О таких беглецах у нас имеются точные данные. В Центр. гос. архиве древних актов хранится специальное дело: «Роспись Печерского монастыря крестяном, бежавшим за границу в Ливонскую землю» 1623—1650 гг. Н. Серебрянский приводит из этого дела несколько выдержек: «з деревни Молоково вбежал крестьянин Петька Павлов с женою и с сыном да с тремя дочерьми, а живота с собою свел: двое лошадей, четверо коров, пятеро овец, четверо свиней; платья верхнего — две шубы одеваные. Збежал во 136 году. Животу его цена 25 рублев, 28 алтын, 2 деньги. Да монастырские подмоги за ним лошадь, ценою 3 рубля, 9 четей ржи, 3 чети овса, 9 четей жита, осьмина гречи, полосьмины гороху». По своему имущественному положению Петька Павлов на изорника не похож (Н. Серебрянский. Очерки по ист. монаст. жизни, стр. 416).

[7] М. К. Любавский. Областное деление, стр. 358.

XVI в., где мы легко можем убедиться, что и в XV и в XVI в. в новгородских погостах основная масса сельского населения есть смерды-крестьяне. К сожалению, по Псковской земле писцовых книг XV в. у нас нет. Но едва ли кто-либо может усомниться в том, что смерды-крестьяне и здесь составляли основную массу сельского населения губ, засад и погостов. Платежные книги XVI в. в этом нас окончательно убеждают. Вот несколько примеров.

Губа Виделенская. «За Кузьмою за Ивановым сыном Огибалова Постникова поместья Сертякина деревня Быстерко: во дв. Бориско Иванов, во дв. Нефедко Михайлов. Пашни середние земли 3 четверти с осьминою, да перелогам 6 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 20 копен, лесу пашенного полтретьи десятины. Деревня Цыдилино: во дв. Сидорко Крес. Пашни середние земли 4 четверти с осьминой да перелогом четверть в поле, а в дву потому ж, сена 40 копен, лесу пашенного 4 десятины, а непашенного вдоль верста, а поперек полверсты. И всего за Кузьмою две деревни, а в них 4 дворы *крестьянских* (курсив мой.— *Б. Г.*), а людей тож. Пашни середние земли 8 четвертей, а перелогом 7 четвертей, а положено за добрую землю пашни 6 четвертей с осьминою, а перелогу бес полуосьмины. И всего пашни и перелогу учинено доброю землею 12 четвертей с полуосьминою в поле, а в дву потому ж, а поддано тое ж земли 3 четверти бес полуосьмины, сена 60 копен, лесу пашенного 6 десятин с полудесятиною, а непашенного вдоль верста, а поперег полверсты. В живущем 6 четвертей с осьминою пашни, а в пусте 6 четвертей бес полуосьмины перелогу. Да за Кузьмою поместья в сей же засаде в Каменской губе 88 четвертей с третником, да в Завелицкой засаде в Пецкой губе десять четвертей. И всего за Кузьмою в Мелетовской и в Завлелицкой засаде 110 четвертей с осьминою и полполтретника, а по окладу велено за Кузьмою поместья учинить на 200 четвертей, и не дошло его в оклад 89 четвертей с осьминою бес пол-пол-пол третника» [8].

Другой пример из той же книги. Губа Каменская: «Троицы Живоначальные, что во Пскове в крему, деревня Лос: во дв. Ивашко Нестеров, во дв. *бобыль* Юшко Семенов; пашни середние земли 11 четвертей с осьминою, да перелогом и лесом поросло 24 четверти с осьминою, да отхожие пашни Подмогилье и лесом поросло 3 четверти с осьминою, а в дву потому ж сена 20 копен, лесу непашенного на мху 5 десятин. Деревня Гора: во дв. Омельянко Романов, во дв. Васька Родионов; пашни середние земли 9 четвертей, да лесу по пашне 7 четвер-

[8] Переписная книга Псковского уезда, письма Григорья Морозова да Ивана Дровнина 7094 и 7095 годов, ЦГАДА, № 830, лл. 119 об. — 121.

тей с осьминою, да отхожие пашни под Селитицами лесом поросло 2 четверти в поле, а в дву потому ж, сена 20 копен, лесу пашенного на мху на $1^1/_2$ десятины. Деревня Угол: во дв. Иванко Федотов, во дв. Гришка Есипов да брат ево Сенька; пашни середние земли 6 четвертей с осьминою да перелогом и лесом поросло 10 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 20 копен, лесу непашенного полторы десятины.

Да Троицкие ж, что им дано по государеве грамоте в отмен против их пустошей ис порозших земель Посникова поместья Сретикины. Пустошь, что сельцо Полутово; пашни перелогом середние земли 33 четверти в поле, а в дву потому ж, сена 100 копен, лесу пашенного 5 десятин, а непашенного 150 десятин. Пустошь Канышево у погоста; пашни перелогом середние земли 11 четвертей со осьминою в поле, а в дву потому ж, сена 15 копен, лесу непашенного десятина. И всего Троецких 3 деревни да 2 пустоши, а в них 5 дворов *крестьянских* (курсив мой.— *Б. Г.*), а людей 6 человек да двор бобольской, а в нем 1 человек, пашни середние земли 27 четвертей да перелогом и поросли 92 четверти и всего пашни и перелогу 119 четвертей, сена 175 копен, лесу пашенного 5 десятин, а непашенного 24 десятины. А сошного письма в живущем пол-пол-пол трети сохи и 2 четверти пашни а в пусте пол четверти и пол-пол-пол четверти сохи. А указ Троецкой вотчине писан в Бельской засаде в Кривонецкой губе» [9].

Мне казалось полезным привести эти выписки из псковских платежных книг полностью, во-первых, потому, что они нигде не были опубликованы, во-вторых, потому, что они дают ясную картину псковских деревень.

Это обычные деревни с самым обычным крестьянским населением. Люди, живущие во дворах, так и названы в книге *крестьянами*. Есть тут и бобыль, нам тоже хорошо знакомый в писцовых книгах XVI в. в Новгороде и в Москве. Эти крестьяне-тяглецы переданы государственной властью в руки помещиков или церкви.

Абсолютно здесь нет ничего такого, что бы заставило нас усомниться в наличии в Пскове крестьян в узком смысле слова в XVI в. В XV в. было несомненно то же. Не было только перелога, было больше жилых дворов. Не забудем, что 1586—1587 гг.— это годы разорения всей страны и Псковской земли в частности и в особенности.

В каком правовом положении находились крестьяне в Пскове в XVI в., сказать нетрудно. Они жили в том же режиме, что и крестьяне во всем Русском государстве, о чем речь впереди. Что же касается XV в., когда Псков был независим,

[9] Переписная книга Псковского уезда 7094—7095 гг., ЦГАДА, № 830, лл. 112 об.— 114.

то, несмотря на отсутствие точных данных, мы смело можем предполагать, что псковский крестьянин не отличался сколько-нибудь заметно ни от новгородского, ни от литовского того же времени.

А. И. Никитский, правда, очень осторожно, но высказывает свои соображения о псковском смерде несколько иного порядка: «Сравнительно с половниками... смерды находились, кажется, в менее выгодном положении; по крайней мере, постановления Правды (Псковской Судной Грамоты.— *Б. Г.*) не имели относительно смердов никакого значения, так как обязанности последних к землевладельцу определялись особою так называемою смердьею грамотой, хранившеюся, наравне с другими бумагами, в архиве Троицкого собора». «Самою личною свободою смерды пользовались во Пскове не безусловно; по крайней мере, в договорах с соседними землями правило о взаимной выдаче на родину беглых смердов, наравне с холопами, должниками, поручителями и преступниками, составляло не беспримерное явление и во Пскове» [10].

Едва ли мы много можем узнать о неизвестном предмете, если для его познания будем сравнивать его с другим предметом, тоже мало известным. А. И. Никитский не определил правовой природы псковского смерда. Он только различает две разновидности сельского земледельческого населения во Пскове: 1) люди, сидевшие на землях частных собственников, бояр, монастырей и т. п.,— это, по его мнению, изорники и огородники; 2) смерды, обитавшие на землях Господина Пскова, т. е. государственные крестьяне. Невозможно согласиться с А. И. Никитским в том, что смерды сидели только на государственной земле. Но наличие двух категорий сельского населения бесспорно.

Вышеприведенные факты позволяют нам сделать одно важное для меня заключение. Население Пецкой губы, изображенное в платежной книге 1585 г.,— не изорники, не временно по договору работающие на землевладельцев люди, а давно живущие здесь самостоятельные хозяева, плательщики государственной подати, путем внеэкономического принуждения попавшие в зависимость от землевладельцев-феодалов. Изорник же, как мы могли убедиться,— жертва экономического принуждения. Псковская земля не представляет никакого исключения. Тут, так же как и в соседних Великом княжестве Литовском и республике Новгородской, а, как увидим ниже, и в Московской Руси, налицо две основные категории земледельческого населения: люди старинные, непохожие, старожильцы—

[10] А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, стр. 282.

крестьяне в узком смысле слова, и люди прихожие, новопорядчики, серебреники, изорники, рядовые и пр. Названий их много, оттенков, очевидно, в их правовой и экономической природе тоже немало, но основная социальная сущность — одна. Если не считать часть старинных крестьян происшедшими от посаженных в свое время на землю холопов, то показанные здесь две категории выросли из одного и того же источника, из крестьянской соседской общины, в результате двух главных воздействовавших на нее причин: наступления феодалов и внутреннего ее расслоения.

Нашим изысканиям можно подвести итоги:

1. В XV в. в псковских источниках имеются следы существования крестьянской общины.

2. Вышедшие, вследствие бедности и невозможности справляться со всеми крестьянскими обязанностями, из общины люди находят себе работу у крупных землевладельцев, заключая с ними договоры. Это — изорники, огородники, кочетники.

3. По своей юридической и экономической природе эти люди ближе всего подходят под категорию московских серебренников или кабальных людей.

4. Псковская Судная Грамота не рассматривает вопроса о крестьянах-смердах, как можно думать, потому, что положение смердов уставлялось особой «смердьей грамотой». Можно, однако, предполагать, что Псковская Судная Грамота имеет в виду крестьян-общинников под термином «сябры».

5. Писцовые псковские книги дают нам совершенно ясное понятие о наличии в Псковской земле крестьян в узком понимании термина, ведущих собственное сельское хозяйство, платящих государственные подати и в данное время уже зависимых от крупных землевладельцев.

В судьбе псковских смердов, так же как и крестьян всех европейских стран на восток от Лабы (Эльбы), в XV в. назревали крупные перемены.

6. Историю крестьянства и, в частности, историю псковских смердов нельзя понять без учета классовой борьбы и воздействия государства на ход общественной жизни.

Как бы мы ни относились к очень неясным сообщениям двух псковских летописей о событиях 1483—1486 гг., связанных с движением псковских смердов, эти события не могут не интересовать исследователя псковского крестьянства.

О них писали много раз И. Д. Беляев, А. И. Никитский, В. И. Сергеевич, С. В. Юшков, С. Н. Чернов; касался этого вопроса и я. Несмотря на все попытки уяснить сущность этих событий, они остаются до конца неразгаданными и по сию пору. Причина неудач заключается в крайней неясности летописного о них повествования.

Свои соображения по этому предмету я высказываю в особой статье[11]. А сейчас мне хочется отметить лишь самое главное и, на мой взгляд, если не бесспорное, то весьма вероятное:

1. Земля в Псковской республике к концу XV в. была освоена частными владельцами (боярством, церковными учреждениями); вместе с землей в зависимость от землевладельцев попали и смерды; они обязаны были повинностями не только своим господам, но и государству, а стало быть, и его столице городу Пскову. Повинности смердов фиксировались в особых «смердьих грамотах».

2. В 1483 г. боярством через Совет Господ без ведома веча сделана была попытка облегчить повинности смердов в пользу города, с тем, повидимому, чтобы получить возможность увеличить их в свою пользу.

3. Против этой незаконной попытки возражали черные люди, имевшие перевес на вече; поднялись и смерды.

4. Движение продолжалось с перерывами около 3 лет и закончилось вмешательством вел. кн. Московского Ивана III, выступившего против псковских бояр.

5. В развернувшихся событиях вскрывается наличие трех смердьих грамот, каждую из которых можно приурочить к отдельным этапам в истории псковских смердов.

6. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XV в.

Если состояние некоторых категорий псковского сельского населения нашло свое отражение в замечательном памятнике (Псковская Судная Грамота), то при изучении новгородского сельского населения положение исследователя хуже: Новгородская Судная Грамота в этом отношении беднее, и к тому же грамота эта дошла до нас не в полном виде, а лишь в некоторой своей части. Поэтому и задача этой главы состоит не в попытке сколько-нибудь полного изображения положения сельского населения Новгородской земли в XV в., а лишь в освещении основных моментов его истории, падающих на указанное переходное время. Мы все же сможем наблюдать здесь зародыши тех явлений, которым предстоит в полной мере выявиться в течение XVI в., но которые в то же время уже начинают менять положение крестьянской массы сравнительно с предшествующим периодом его истории.

Поскольку позволяли более ранние новгородские источники, мы могли видеть, что крестьяне в Новгороде переживали

[11] «Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты» Истор. записки, т. 20.

те же основные моменты в своей истории, какие наблюдаются и в Псковской земле и в смежных с нею государствах.

Дальнейшее изучение новгородского сельского населения очень сильно облегчено наличием исключительно содержательных новгородских писцовых книг, дошедших до нас от конца XV в., но дающих возможность заглянуть в более далекое прошлое, в то именно время, когда новгородская знать уверенно сидела в своих гнездах, крепко держала в своих руках не только судьбы зависимого от нее крестьянства, но и всей своей республики, когда она в целях защиты и расширения своих прав на землю и крестьянский труд шла на сближение с панами Польши и Литвы.

Писцовые новгородские книги давно уже служат предметом исследования. Много сторон раскрыли они в истории не только одной Новгородской земли. Много вопросов было поставлено, немало споров возникло, но все это говорит только о богатстве источника[1]. Если и сейчас стоит перед нашей наукой еще много нерешенных вопросов, которые затрагиваются новгородскими писцовыми книгами, то два положения, для настоящей моей работы наиболее существенные, решены единодушно:

1. К концу XV в. на новгородской территории крестьян, не зависимых от княжеского двора или привилегированных землевладельцев, почти не осталось. Все земли, за исключением далеких северных, и то в очень ограниченных размерах, были давно и прочно освоены боярством, житьими людьми, купцами, церковными учреждениями и, наконец, великим князем Московским. Даже сравнительно мелкие землевладельцы— «своеземцы», и те часто имеют своих крестьян и живут за счет их земледельческого труда. Крестьяне, как правило, прочно сидят на земле своих дедов и отцов и в то же время вынуждены признавать над собой власть стоящего над ними мощного слоя привилегированных собственников, утвержденных в правах государством, представитель которого (для Новгорода — вече) являлся верховным собственником всей земли. Таков характер феодальной собственности во всех странах мира.

2. Все крестьяне, как правило, сидят в это время на оброке. Если барщина иногда и встречается, то в очень незначительных размерах.

Оба эти факта (иерархичность собственности на землю и явное преобладание оброка) настолько ясно обозначены в новгородских писцовых книгах, что едва ли могут в ком-либо

---

[1] Я не касаюсь здесь разбора мнений о научно-познавательной ценности писцовых книг, о чем говорят многие исследователи (см. обзор мнений в статье Г. Е. Кочина—«Писцовые книги в буржуазной историографии». Проблемы источниковедения, сб. II, М.— Л., 1936).

вызвать малейшие сомнения. Даже в старой литературе они признавались полностью, хотя и расценивались иначе, поскольку исследователи подходили к ним с иных методологических позиций.

Совершенно ту же картину вскрывают перед нами и дошедшие до нас новгородские грамоты. Вот рядная грамота крестьян Робичинской волости с архимандритом новгородского Юрьева монастыря (1458—1471 гг.): «урядишася робичичане с архимандритом Григорьем» — Федор, Семен Онкундинов, Овдот Максимов, Софонтей Васильев, Петр Сидоров «и вси христьяне робичичане». Содержание договора определяет обязанности крестьян: давать определенное количество хлеба, свозить этот хлеб в монастырь, кормить и поить архимандрита со свитой и его коней в случае его приезда в село, давать в этом же случае «дар». Крестьяне обязаны также систематически давать монастырским посельским старцам (то же, что у светских хозяев приказчик) «поселье». Все это уже довольно почтенная старина. Крестьяне, которые не будут выполнять перечисленных здесь обязанностей, подлежат монастырскому вотчинному суду «по старым по княжим грамотам и по новгороцким»[2].

То же и в жалованной вечевой грамоте сиротам Терпилова погоста, выданной по жалобе на нарушение «старины», которую грамота и восстанавливает: сироты-крестьяне Терпилова погоста обязаны «давати... поралье... по старым грамотам по 40 бел да по 4 сева муки, по 10 хлебов»[3].

Писцовые книги как источник имеют, однако, перед грамотами одно громадное преимущество: они дают нам массовый материал, годный для больших обобщающих выводов.

Даже по далеко не точным и построенным не на всем материале новгородских писцовых книг подсчетам А. М. Гневушева видно, что 12,5% Новгородской земли принадлежало государству Новгородскому (процент, несомненно, преувеличенный, так как в государственные земли автор зачислял явно частновладельческие), церковным учреждениям — почти 22% (несколько преуменьшенная цифра), остальное все — земли принадлежали боярам, купцам, земцам. Эти частновладельческие земли распределялись так: 68 крупнейшим собственникам принадлежала половина всех этих частновладельческих земель (без церковных), другая половина — средним и мелким землевладельцам[4]. А если прибавить к этим богатым частным

---

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 115, стр. 174.
[3] Там же, № 89, стр. 146.
[4] А. М. Гневушев. Очерки экономич. и соц. жизни сельск. насел. Новгор. области, т. I, ч. 1. Киев, 1915, стр. 257 и дальше.

землевладельцам крупнейших представителей церкви (и больших монастырп), то придется и цифру 68 и процент принадлежащей им земли значительно увеличить.

По более тщательным подсчетам В. Ф. Загорского, сделанным, правда, только по одной пятине (Шелонской), «следов государственных земель» не заметно, церковным учреждениям принадлежало около 35%, остальные — частным владельцам, причем половина всей частновладельческой земли принадлежала 42 крупным владельцам, другая половина— 554 средним и мелким[5].

В писцовую книгу не вносились или вносились в очень небольшом числе люди, поступавшие к владельцам во временную зависимость. Упоминаются люди беспашенные (9,5%), среди них большинство рыболовы. Есть два погоста-селения, сплошь заселенные рыболовами (Ужинский у Ильменя озера и Взвад на Ловати: занятия населения обозначены «ловят рыбу на озере на Ильмери лете и зиме»). За ними идут торговцы, извозники и много ремесленников (кузнецы, сапожники, портные, гончары, плотники, овчинники, дехтяры, бочевники); есть бобыли, поземщики, захребетники; «худые люди» (бедняки). Изредка попадаются новоприхожие люди. В Паозерье «в. князя лес Борки... на Веряже дан Польке Симеонову. На том ему лесе двор себе ставить и распахивать». Ему дана льгота на 5 лет, после чего он должен сесть на $^1/_2$ обжи. В Заверяжьи пустошь Онуфриево дана Якушу Лукьянову «на той ему пустоши двор себе поставить и распахивать, а льготы ему дано на 5 лет». Это явные кандидаты в тяглые крестьяне.

Тут же имеются люди и без этих перспектив. «Дер. в. князя Векшино: во дворе Ивашко Вальков, захребетник его Федько Кузьмин, да Климко, да Стешко». В том же погосте: «дер. Наумово: во дв. Стешко Кирилов, зять его Захарко, захребетник их Селиванко» и. т. д. и. т. д. По подсчету В. Ф. Загорского, в Воскресенском погосте дворов с захребетниками 10, в соседнем Дретонском — 111 и один двор с бобылем. И в деревнях других погостов встречаются и захребетники и бобыли.

Видим мы тут и «половников». Во Фроловском погосте в великокняжеской деревне Красовица 5 дворов. В одном из них крестьянин Поташ Гаврилов, «а у него половники Стешко да Васько»[6]. В Паозерье тоже в дворцовой деревне живет крестьянин «Якуш Петрушин, третник его Якимец»[7], в дер. Терехуни Косицкого погоста «во дв. Васюк Хотенов торговец,

---

[5] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины. ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 286, 293.

[6] НПК, т. IV, стр. 27.

[7] Там же, т. V, стр. 293.

да половник его Федька Симонов да Оврамко Нестеров»[8]. В. Ф. Загорский приводит еще пять таких же фактов. Это половники у более зажиточных крестьян. Загорский прибавляет, что он тут не имеет в виду половников у помещиков и своеземцев[9].

Материалы Шелонской пятины для меня в данном случае имеют особый интерес, так как Шелонская пятина смежна с Псковской землей, и за отсутствием псковских писцовых книг XV в. сведения, сообщаемые писцовой книгой Шелонской пятины, до некоторой степени могут приоткрыть нам положение крестьян и в Псковской земле. У некоторых, например, своеземцев Шелонской пятины есть владения в Псковской земле. Своеземец Бельского погоста Сергейко Юрьев с детьми и племянниками владеет в Псковской земле 2 сохами и «тянет судом и всеми пошлинами ко Пскову по старине». Московский великий князь Иван Васильевич ничего против этого не имел и по Новгороду с Юрьева «обежные дани и иных ни которых пошлин имати не велел»[10].

Если между общественными отношениями Пскова и Новгорода принципиальной разницы нет, то данные псковских источников до некоторой степени могут быть нам полезны и для изучения новгородского сельского населения.

Поскольку писцовая книга имеет определенное назначение — перепись тяглого населения в целях распределения тягла, она, естественно, сознается, что бедняков, неспособных нести государственное тягло, она не касается: («на непахотные на худые люди оброк не положен и наместнич корм»). Куда девается весь этот охудевший люд — писцовая книга нам не сообщает. Сколько этих «худых людей», она тоже не считает. А между тем именно из этой среды по преимуществу вербуются половники, закладники, серебреники, изорники и им подобные «похожие» люди, часть которых превращается при известных условиях в «непохожих».

Нельзя требовать от писцовых книг того, чего они давать не обязаны. К сожалению, актовый материал по интересующему нас вопросу тоже почти отсутствует. В нашем распоряжении, правда, Новгородская Судная Грамота. Но, к сожалению, мы не много можем извлечь по вопросу о положении крестьян в Новгороде из его Судной грамоты: в той сравнительно небольшой части, которая дошла до нас, относительно мало говорится о сельских делах вообще; в ней отражен город по преимуществу и именно сам Господин Великий Новгород, его концы, улицы, сотни, ряды, его суды и долж-

[8] НПК, т. V, стр. 349.

[9] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины, ЖМЮ, 1909, № 8, стр. 320.

[10] НПК, т. V, стр. 15.

ностные лица (ст. 42, 1—4 и др.). Называются не раз владыка, бояре и житьи, купцы, уличанские и кончанские люди — несомненные жители столицы, крупные землевладельцы. Называется один раз «село», даже два села и больше. Очень часто упоминаются земля и судебные споры о земле (ст. ст. 7, 10—12, 17, 18, 24, 28, 29) — девять статей из 42. Один раз вскользь называются сябры (ст. 24) — соседи-общинники, под которыми мы можем подразумевать смердов. Они способны выступить на суде в качестве свидетелей по земельному спору. Поскольку в столице живет много крупных землевладельцев-бояр, поскольку в столичный суд обращаются и другие землевладельцы, новгородскому суду приходилось заседать по земельным делам едва ли не чаще, чем по другим вопросам. Неудивительно, что новгородская власть много уделяла внимания земельному вопросу и землевладельцам разных масштабов.

Грамота дает нам ясное понятие и об этих масштабах: от боярина, крупнейшего землевладельца, до житьего, землевладельца помельче,— расстояние значительное (по штрафной сетке 5 : 2), а дальше идет мелюзга — молодшие люди, по преимуществу горожане, с землей, быть может, совсем не связанные.

Для моих целей важнее всего ст. ст. 36, 38, 33 и 37. Первые две говорят о «зависимых людях», 33 и 36 приоткрывают завесу над не совсем ясным для XV в. положением «холопа». Холопов имеет в виду и ст. 51.

«А кому будет дело до владычня человека или до боярского, или до житейского или до купецкого или до монастырского или до кончанского или до улицкого в волости о татьбе и о разбое и о грабежи, и о пожозе и головщине и о холопстве... Ино в коей волости будет от владыки волостель или посельник, ино им поставить того человека у суда; а боярину и житьему и купцу и монастырскому заказчику и посельнику и кончанскому и улицкому также своих людей ставить у суда...» (ст. 36).

«А кто на кого взговорит на владычня человека или на боярского или на житьего или на купецкого или на монастырского или на кончанского или на улицкого...» (ст. 38).

В ст. 37 написано: «А кого утяжут (привлекут к суду.— *Б. Г.*) а дался в грамоту, ино ему того осподаря в волости не жить; а имет жить у того осподаря в волости... А к коему господарю в иную волость прибежит...». Ясно, что господари—это владельцы волостей, т. е. архиепископ, архимандриты и игумены, бояре, житьи и др. Их «волости» описаны в новгородских писцовых книгах. Несмотря на то, что писцовые книги, дошедшие до нас от самого конца XV в., составлялись при новых созданных Москвой условиях, когда вел. князь Иван Васильевич взял львиную часть земли на себя, а другую роздал своим военным слугам, память о старых господарях и об их

волостях была настолько еще сильна, что москвичи-писцы никогда не забывали упомянуть, в волости какого именно старого новгородского господаря они производят свое описание, выполняя поручение московского правительства по регистрации плательщиков податей.

Мы имеем возможность изучать эти волости, их население и хозяйство. «Люди» владычни, монастырские, боярские — перед нами.

Вот волость владычная в Кречневском погосте. «Дер. Марково над Волховом...: во дворе в большом во владычне владычень человек Михаил, во дворе владычень конюх Митя Гридин»... (дальше идет перечень крестьянских дворов). В заключение: «... а дворов в них 13, а людей в них и со владычными людьми 21 человек, а обеж 16... А дохода владыце с $14^1/_2$ обжы 290 яиц, а из хлеба треть... а полторы обжы пашут владычни люди на себя»[11]. В Бежецкой пятине во владычной волости Белой (Никольский погост) живет «во дворе ключник Якуш Давыдов». Это тоже владычный человек. У него у самого есть слуга: «во дв. Якушев человек ключников Офремко»[12]. Якуш Давыдов ведет свое небольшое хозяйство: «сеет Якуш, ключник, на собя 8 коробей ржи, сена косит 20 копен...». В Деревской пятине в Городенском погосте в середине XV в. (до Новгородского взятия) была земля «владычня слуги» Ивана Глотова, она даже называется «боярщинкой»[13].

За владычным «слугой» тут числилось 4 деревни в 8 обеж, да в Локотцком погосте ему принадлежало 8 деревень в 19 обеж. В той же Деревской пятине и в том же Локотцком погосте жил и другой владычный слуга Микита Ондронов, у него 11 деревень в 21 обжу[14]. В Ильинском погосте Водской пятины владеет землей владычный слуга Филипп Завришин, у него 7 деревень в 5 обеж[15]. В Водской же пятине в Спасском погосте на Оредежи живет Харя Власьев, владычный слуга[16]. В Шелонской пятине за князем Иваном Бабичевым записан участок, на котором живет «во дворце слуга его Матюшка Микитин. Пашни 5 коробей, сена 15 коп. Обжа»[17]. У всех этих слуг свое хозяйство, свои ключники. Владычные слуги — это военные люди (правда, им приходится иногда выполнять и не военные функции), составляющие владычный полк.

---

[11] НПК, т. III, стр. 9.
[12] Там же, т. VI, стр. 8.
[13] Там же, т. I, стр. 296; т. II, стр. 75.
[14] Там же, т. II, стр. 25.
[15] Вр. ОИДР, кн. 11, стр. 38—39.
[16] НПК, т. III, стр. 88.
[17] Там же, стр. 501; см. также стр. 511, 517, 535.

В практике Троице-Сергиева монастыря было много случаев поступления в слуги без всяких признаков холопства. В 1570 г. муромский дворянин Иван Дмитриев Толызин дал в Троице-Сергиев монастырь половину деревни Рожковой, «а с другой половины,—сказано в писцовой книге 1593—1594 гг.,— у Троицы в Сергиеве монастыре служит». Во вкладной книге того же монастыря под 1608 г. записан вклад сына боярского Калинника (прозвищем Второй) Елчанинова в 5 рублей «и за тот вклад его приняли в служки». Иеромонах Арсений, который приводит эти факты, пишет, что во вкладной книге «списаной от древния книги обетшавшыя», таких примеров множество. В конце XVI в. слуг в монастыре считалось 768, в 1642 г.— 1445. Слуги эти на холопов совсем не похожи. Это в большинстве коммендировавшиеся в монастырь люди.

В XVII в. эти слуги выполняли самые разнообразные функции. Тут были слуги конные и пешие, стрельцы, пушкари, бронники, седельники, подьячие, иконники, книгописцы, серебреники, кузнецы, детеныши и пр. и пр. В 1651 г. царь Алексей Михайлович определил штат слуг в 940 человек: конных слуг 140, пеших—30, подьячих—60, стрельцов — 100, пушкарей — 10, разных служебников — 300, работников — 300, а остальных посадить на пашню[18].

Нет никаких показаний, чтобы в XVI в. слуги были иного качества.

Военные слуги в мирное время назначались на разные административные посты по монастырским вотчинам, в военные времена «садились на конь» и выходили в поход. По грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича 1389—1404 гг. слуги митрополита должны были итти в поход под знаменем великого князя, но под непосредственным начальством митрополичьего воеводы[19].

Совершенно те же явления видим мы в Твери, сохранившей еще в XVI в. следы старины[20].

В Шелонской пятине, смежной с Псковской землей, в Высокогорском погосте лежит волость Дегжа Богдана Есипова. В волости ключник Богдана Есипова Афанасий Прасолов живет «во дворе большом», у него здесь «пашни ключничи 5 коробей, а сена косит 30 копен, обжа. А пахал ту обжу Богдановской ключник»[21]. Кроме того, он владеет отдельно 4 деревнями. «А за ключником за Дегожским за Афонею за Прасоловым

---

[18] Иеромонах Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троице-Сергиева монастыря о служках. Чт. ОИДР, 1867, кн. III, стр. 4—5, 10.

[19] ААЭ, т. I, № 9.

[20] Н. В. Калачев. Писцовые книги XVI в., т. II, стр. 140—291.

[21] НПК, т. V, стр. 359.

тое же волости деревни даны ему на пашню. Дер. Горка: во дв. Остахно Игнатов, сын его Пахомко: во дв. Яхно. Пашни 8 коробей, сена 50 копен, 2 обжа. Дер. Замошье: во дв. Афонасов человек Яшко; во дв. Карпик Лососев. Пашни 8 коробей, сена 30 копен, $1^1/_2$ обжи. На Плотах дер. Филанова: во дв. Ивашко да Остахно Сменовы. Пашни 8 коробей, сена 100 копен, 3 обжи. Дер. Плота: старой двор Богдановской, во дв. Афоносов человек Мартынко, пашни 5 коробей, сена 100 копен, обжа. (В)сех деревень по старому письму и по новому 4, а дворов 6, а людей 6 человек, опричь Афонасовых дву человек. А пашни у них 30 коробей без одное, а сена косят 200 и 80 копен, а обжи полдевяты и с тою обжою, что на погосте, а сохи 3 без полутрети. Ис тех обеж Афонас пашет и с людьми полтретьи обжи, а со шти обеж доход денег по четвертынатцаты гривны з деньгою, а хлеба успом 6 коробей овса, 3 четвертки пшеницы, полчетвертки ячмени, полкоробьи хмелю. А ключнику окорак мяса, сыр, ставец масла, горсть льну»[22]. Ключник, конечно, слуга Богдана Есипова. Он не холоп. У этого слуги несколько деревень, двое «людей» и 6 крестьянских семейств. Владеет он $8^1/_2$обжами, из них $2^1/_2$он пашет на себя, с остальных получает оброк. Он вассал Богдана Есипова. Это не исключение: среди подобного рода «слуг» — большинство не холопы. Больше холопов встречаем под термином «люди», но и здесь бывают не холопы. Во многих случаях термином «холоп» вообще обозначается не раб, а зависимый от господина слуга.

Позволю себе в доказательство своей мысли привести документ не новгородский, но вполне приложимый и к новгородским боярским дворам. В духовной грамоте князя Владимира Андреевича 1410 г. написано: «А что мои ключники некупленные, а покупили деревни за моим ключем, сами ключники детем моим не надобе, а деревни их детем моим, во чьем будут уделе»[23]. Здесь ключники не холопы: они на волю не отпускаются, а освобождаются от службы за ненадобностью или же, быть может, на основании договора о службе до смерти своего хозяина, как это было с кабальными людьми позднее. Служа у Владимира Андреевича, они приобретали деревни «за его ключем», т. е. пользуясь правом княжеских слуг и, вероятно, не за свои деньги, а на средства, бывшие в их ключничьей казне (вспоминается «домажирич из Онега»). Иначе совсем непонятно, почему деревни возвращаются обратно в княжеский дом. И здесь чувствуется остаток глубокой старины, когда княжеский двор, т. е. все его слуги, жили на княжеском иждивении и правом распоряжения землей, на которой сидели, не пользовались.

---

[22] НПК, т. V, стр. 365.
[23] СГГиД, т. I, № 40, стр. 79.

В той же грамоте сделан перечень княжеских слуг меньшего ранга: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши, делюи. Кто из них «не восхочет жити на тех землях, ин земли лишен, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану ненадобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну князю Ивану»[24]. Стало быть, и в этой категории слуг большое число не холопов.

Единственные статьи в Новгородской Судной Грамоте, касающиеся холопства, это статьи 33 и 63, где говорится об обвинении в холопстве. Ст. 33 говорит об обвинении в поличном разбое, грабеже, поголовщине и в «холопстве». Ст. 36 трактует о том же. Она касается вопроса о привлечении к суду обвиняемых. Государственная власть содействует обвинителю тогда, когда обвинитель предъявляет свое обвинение под присягой и под своей подписью на документе. Дело о холопстве возникает тогда, когда обвиняемый отрицает свою принадлежность к холопству. Только после этого назначается государственной властью срок суда, и хозяин обвиняемого (владыка, боярин, житий человек, купец, монастырский заказчик или посельский, старосты уличанский или кончанский) должен представить своего человека к суду. До суда заинтересованные лица не имеют права действовать по своему усмотрению под угрозой проигрыша своего дела («а до суда над ним[обвиняемым] силы не деять, а кто силу доспеет, ино тым его и обинить»). Обвинение в холопстве государственная власть считает серьезным обвинением и берет разбирательство дела на себя.

Ст. 37, несомненно, имеет в виду и холопа, но я полагаю, не только холопа, а всякого поступившего в частную зависимость — службу по «грамоте». Если кого-либо в чем-либо обвинят, говорится в этой статье, и обвиняемый для того, чтобы скрыться от государственного суда, поступит в частную зависимость к «осподарю», то «осподарь» не имеет права держать этого записавшегося за него человека у себя в волости («а дался в грамоту, ино ему того осподаря в волости не жить»). Если обвиняемый, и не давший на себя никакой грамоты, просто сбежит в чью-либо волость, господарь должен его выдать суду.

Люди «грамотные» — это обычно холопы, но не всякая грамота обязательно холопья. Прятаться за сильного человека можно было под разными видами. Термин «даться в грамоту», мне кажется, может быть понимаем и шире. Во всяком случае холопство здесь, конечно, не исключено[25].

---

[24] Там же, стр. 74—75.

[25] Я совсем не имею намерения отрицать, что среди «людей» могут быть холопы. В X—XI вв. во дворах крупных господ холопы составляли очень значительную часть служащего и рабочего персонала. С течением

Вот и все, что можно извлечь из Новгородской Судной Грамоты о зависимых от господ людях. Немного, да и это немногое далеко не ясно.

Ясно одно, что Новгородская Судная Грамота мыслит привилегированный класс в качестве землевладельцев, имеющих под своей властью массу зависимых людей, кроме крестьян, о которых специально Грамота ни разу не обмолвилась, если не считать сябров.

По приведенным показаниям документов я хотел обнаружить сложность состава двора крупного новгородского феодала для того, чтобы правильно понять и вопрос о «послужильцах» новгородских бояр, взятых Иваном III в свою армию и превращенных в помещиков.

Вопрос этот, за последнее время снова привлекший внимание исследователей, как мне кажется, слишком упрощается и решается односторонне. Имею в виду работу А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», где автор как будто видит в составе боярских дворов только холопов[26], и статью К. В. Базилевича, в которой автор, возражая Павлову-Сильванскому, пытается доказать, что «во всяком случае значительная часть послужильцев из распущенных

времени состав дворов изменяется в сторону увеличения числа свободных слуг.

Под 1055 г. в Новгородской II летописи записано: «Клевета бысть на архиепископа Луку от своего холопа Дудики, и изыде из Новгорода и иде к Киеву; и осуди митрополит Ефрем, и пребысть тамо три лета», а под 1058 г. читаем: «Архиепископ Лука приа стол свой в Новегороде и свою власть; Дудици же холопу оскомины биша, урезаша ему носа и руце осекоша, и збеже в немци». Прекрасный комментарий к настойчиво повторяемой в договорах Новгорода с князьями мысли: «холоп или роба почнет вадити на господаря, тому ти веры не яти». Очевидно, не напрасно толковали договоры и о бегстве холопов. Под 1061 г.: «Поставлен бысть епископ Новуграду Стефан, и в Киеве свои холопи удавиша его». Возможно, что холопом был (хотя и не обязательно) и «Тиун Тупочел», имя которого сохранилось в праздничном стихире XII в. Кто бы он ни был, холоп или не холоп, это лицо первое во владычном дворе. Этими двумя именами определяется целый период в жизни Софийского Новгородского Дома. «Концяшася книги сия месяца сентября в 13 день на канон Воздвижения от месяца июня при епископе Аркадии и при тиуне Тупочеле» (И. Круприяновв. Обозрение пергам. рукописей Новг. Соф. библиотеки, СПб., 1857, № XVI).

Но это XI—XII вв. С течением времени состав двора новгородского епископа радикально изменился, и холопов-рабов мы там уже не встречаем.

[26] «... Холопьими отрядами были одержаны победы на Воже и на поле Куликовом, такие же вооруженные силы присоединили владения Новгорода Великого при Иване III, вернули Смоленск при Василии». «...переход в боярский двор, т. е. переход из положения вольного человека в холопью зависимость...» (А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 31, 34).

княжеских и боярских дворов должна быть отнесена к категории несвободных людей»[27]. Впрочем, К. В. Базилевич, настаивая на этой основной своей мысли, сам делает от нее существенные отступления. «Поместные дачи (московского правительства.— *Б. Г.*) послужильцам отличались большим разнообразием,— пишет он дальше,— в соответствии с их *различным экономическим и социальным* положением» (курсив мой.— *Б. Г.*)[28].

Буржуазные историки затрагивали этот вопрос не раз. В. И. Сергеевич правильно утверждал, что «владельцы собственники («крупные феодалы», сказали бы мы сейчас.— *Б. Г.*) имели свои дворы, в которых встречаются те же элементы, что и в дворах княжеских, только в меньших размерах. У них были свои ключники, приказчики, повара, конюхи, стряпчие, дворяне и пр. *рабы* и *свободные* (курсив мой.— *Б. Г.*)... Двор этот, имея прежде всего хозяйственное значение, сопровождал своих господ и в походах, в качестве войска»[29]. «Крепнущее изо дня в день Московское государство начинает находить для себя неудобными старые порядки. Его уже беспокоят *дружины* бояр, и вот оно распускает их из боярских дворов, но для того, чтобы поместить их на собственных землях. Из *служилых людей* бояр они становятся непосредственно служилыми людьми московского государя»[30] (курсив мой.— *Б. Г.*). Очень внимательно к этому вопросу подошел и Н. П. Павлов-Сильванский, резко обрушившийся на тех, кто новгородских послужильцев зачислял исключительно в холопы. Основная и вполне обоснованная мысль Н. П. Павлова-Сильванского заключается в том, что Иван III «перевел на новгородские боярщины не боярских холопов, а боярских служилых людей, которые своей предшествовавшей военной службой боярам вполне были подготовлены для военной службы государю»[31].

В составе двора крупного новгородского землевладельца-феодала находили себе место социально различные элементы, необходимые для всестороннего обслуживания самых разнообразных сторон крупной феодальной вотчины. Если хозяин такой вотчины, обычно человек военный (военные черты проглядывали в нем, если он даже по своему положению облекался

---

[27] К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века, Истор. записки, т. 14, стр. 68.

[28] Там же, стр. 74, ср. стр. 75.

[29] В. И. Сергеевич. Вольные и невольные слуги московских государей. «Наблюдатель», 1887, № 2, стр. 46—47.

[30] В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. I, стр. 337; т. III, СПб., 1903, стр. 19.

[31] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 370.

в мантию и носил белый клобук), нуждался в услугах холопов — ремесленников, домашней прислуги, то несравненно в большей степени он испытывал необходимость в военных слугах — профессионалах, которых мы и встречаем в крупных дворах в виде бояр и дворян, в той части двора, которую источники называют «слугами вольными». Так было, конечно, не только в Новгороде и не только на Руси. Серпуховский князь Владимир Андреевич в своей духовной писал: «Сына князя Ивана благословляю на старейший путь ему в Москве и в станех конюшей путь, бортницы, садовници, псари, бобровники, бараши и делюи». А кто из них «не восхочет жити на тех землях ино земли лишен: пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну князю Ивану». И дальше: «А бояром и слугам кто будет не под дворским, вольным — воля». «А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают, ни от сотников; а кто [из] тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел»[32].

Весьма отчетливо здесь изображен состав княжеского двора, в который входят: 1) бояре, 2) слуги вольные, 3) слуги, «на которых грамоты полные». О боярах говорить много не приходится. В состав слуг вольных входят не только военные люди, но и специалисты по обслуживанию различных отраслей большого хозяйства (конюший двор, хозяйство бортное, сады, княжеская охота и др.). Они живут на княжеской земле, владеют феодом (пока служат), могут уйти от своего сеньера, буде пожелают[33]. Наконец, третья категория — это холопы полные. Они, конечно, уходить от своего господина, без его разрешения, не имеют права.

Кого же Иван III разумел под «послужильцами», когда по соображениям политическим, в целях ослабления политической мощи новгородских бояр, решил ликвидировать боярские дворы?

На этот вопрос довольно ясно отвечает уже один заголовок небольшого отдела Новгородской писцовой книги: «Имена княженецким и боярским слугам, чей бывал послуживец и *кто чей сын и племянник и внук и зять* (курсив мой.— *Б. Г.*), как князь великий (Иван III.— *Б. Г.*) имал из боярских дворов людей испоместить по своему государеву указу в Воцкой пятине писцу

---

[32] СГГиД., т. I, № 40, стр. 74—75, 77—78.

[33] В своем труде С. А. Тараканова-Белкина («Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939) приходит к выводу, что «под термином «люди» скрывались самые разнообразные группы населения того времени» (стр. 57 и др.).

Дмитрию Китаеву»[34]. Нетрудно догадаться, о какой категории «слуг» идет здесь речь. Если бы имелись тут в виду холопы, едва ли бы возможно и целесообразно считаться с тем, «хто чей сын и племянник и внук и зять». Иван III отлично понимал, что не холопская часть боярских дворов составляет их политическую силу, а именно слуги вольные, успевшие размножиться, породниться с себе подобными, почувствовать корпоративную солидарность. Их то и надо было оторвать от бояр и привлечь на свою сторону. У Ивана III была полная уверенность, что боярские послужильцы будут служить ему верно, и потому он их превратил в своих собственных военных слуг — помещиков, сделал их опорой своей власти в наиболее политически опасном месте, каковым с полным основанием он мог считать боярский Новгород. Послужильцы, очевидно, очень хорошо поняли значение политического момента и поступили так же, как за несколько десятилетий перед этим поступили нижегородские бояре по отношению к своему князю, вкупе заявив ему: «Господине княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, и несть есмя с тобою, но на тя есмы»[35]. Так могли себя вести только люди вольные, имевшие возможность выбирать себе службу по своему усмотрению.

Подобных же «людей» мы встречаем неоднократно и в документах северо-восточной Руси. «А лучится суд смесной митрополичим людем с волостными людьми, и волостели мои и их тиуни судят, а митрополичь приказчик с ними судит»[36]. «А что люди митрополичьи живут в городе, а тянут к дворцу, а тех описав да положить на них оброк, как и на моих князя великого дворчан»[37]. «А прав ли будет, виноват ли митрополичь человек, ино ведает его митрополичь судья..., а волостели мои и их тиуни не емлют у митрополича человека ни у правого ни у виноватого»[38]. Монастырские люди упоминаются в белозерских грамотах, и под ними разумеются серебреники и полов-

---

[34] К. В. Базилевич. Новгородские помещики и их послужильцы в конце XV в., Истор. записки, т. 14, стр. 64. Иная редакция того же сообщения: «...Как бог поручил вел. князю Ивану..., и по его государеву изволению распущены из княженецких и боярских дворов *«служилые* люди» (курсив мой.— *Б. Г.*). И тут им имена и роспись, что чей бывал, как их поместил государев писец Дмитрий Китаев». В тексте эти «служилые люди» называются «послужильцами» (Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. VI, прим. 201).

[35] ПСРЛ, т. XI, стр. 148.

[36] ААЭ, т. I, № 75. Жалованная грамота дмитровского кн. Юрия Васильевича митрополиту Филиппу 1465 г.

[37] ААЭ, т. I, № 9. Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1398—1404 г.

[38] ААЭ, т. I, № 23. Жалованная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1425 г.

ники[39]. «А смешаются судом монастырские люди с волостными людьми, судит монастырский тиун с посельским вместе с нашими судьями»[40] совершенно то же, что и в Новгородской земле. В жалованной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Новгородскому Юрьеву монастырю 1338—1340 гг. называется «человек святого Юрия» в роли судьи[41] и т. д.

Таких же «людей» знает и Судебник короля Казимира Ягеллонича 1468 г. Судебник этот интересен уже и тем, что его терминология перекликается с терминологией «Русской Правды» и Псковской Судной Грамоты (например, термины «сочить», «детский», «истина» и др.). Тут мы встречаем совершенно то же, что и в Новгородской Судной Грамоте. «А будуть ли на нашом (королевском.—*Б. Г.*) человеце князьскыи или панскыи или боярскыи люди чого искати (выше говорилось об исках королевских людей на княжеских, панских и боярских людях.—*Б. Г.*), ино тому суд и право перед нашими наместники и тивуны..., а нашим урядником дати право на обе стороне»[42]. Если возникает дело между людьми княжескими, панскими или боярскими, то суд происходит «пред оспадарем» обвиняемого. Если эта инстанция не решит дела—общий суд и, наконец, обращение к королевскому детскому. Эти люди — не рабы, а люди, находящиеся в феодальной зависимости от своих господарей, составляющие их дворы. В том же Судебнике от них отличаются чьи-либо «паробки». Эти последние скорее подходят под понятие холопа, хотя и по этому предмету в литературе существуют разногласия[43].

Уставная грамота великого князя Литовского Александра городу Полоцку 1500 г. совершенно ясно говорит о том же: «...которыи бы в том нашом месте (Полоцке.— *Б. Г.*) были люди владычныи и игуменьины и боярскии и поповскии, тыи вси

---

[39] ААЭ, т. I, № 48.

[40] ААЭ, т. I, № 5. Жалованная грамота кашинского кн. Василия Михайловича Отрочу монастырю 1361—1365 гг.

[41] НПК, т. I, стр. 296; т. II, стр. 75.

[42] АЗР, т. I, № 67, стр. 81.

[43] И. Новицкий настаивает на том, что паробки — не холопы, аргументируя свою мысль тем, что: 1) паробки имеют имущество (бонда); 2) участвуют наравне со свободными людьми в судебной процедуре («сок»); 3) нигде не относятся к холопам; 4) этимология слова: «префикс *па* вообще заключает в себе выражение уменьшительности и как бы неподлинности предмета, обозначаемого словом (корнем.— *Б. Г.*), к которому он приставлен; ср., например, слова: пасынок, падчерица, паклен, паросток, пакол, падуб, павстье, пакисель, паерок, парой и пр.» («Очерк истории крестьянского сословия юго-зап. России», стр. 49 и прим. 6). М. К. Любавский, возражая против этих положений, понимает паробка как холопа («Областное деление», стр. 314—315). Вопрос требует специальной доработки.

мают быти послушни Майтборского права, а серебщизну нашу мают поспол з мещаны платити»[44].

По этому предмету Ф. И. Леонтович замечает: «В привилеях литовских великих и удельных князей на данину частным лицам населенных имений состав последних обыкновенно обозначается двумя главными классами: людей служебных и тяглых»[45].

Этих же слуг в довольно большом количестве мы можем видеть и в полку новгородского владыки. Они никогда не были холопами, а в XVIII — XIX вв. претендовали на дворянство, поскольку в XVI—XVII вв. они были помещиками, а при Петре I поверстаны были в драгунскую службу.

Итак, двор новгородского, псковского, московского, галицко-волынского, литовско-русского крупного феодала-землевладельца по своему людскому составу многочислен и по социальному признаку разнообразен. Холопы, несомненно, здесь имеются, но едва ли не в большем числе тут живут вольные люди добровольно, на земле, отведенной хозяином. А за пределами двора (в узком понимании термина) тянутся огромные пространства обоярченной земли, на которой из поколения в поколение сидят потомки тех, кто еще до образования государства пахал эти земли, имея все основания считать их своими. Это «люди», «селяне», «миряне», члены сельских общин, как бы и где эти последние ни назывались (ополе, вервь, волость, погост, губа)[46], а по мере изменения социального положения членов сельских обществ, по мере возвышения над ними господствующих классов превращались в низшую прослойку общества, словесно облекаемую в термины, ставшие с определенного момента уничижительными, каковы «смерд» или «сирота».

Из этой среды экономические условия вырывают людей, потерявших возможность жить в своих привычных условиях, обязывающих нести определенную сумму государственных и частновладельческих повинностей. Люди эти с переменой своего положения перестают называться «смердами» и по источникам делаются известными нам под именами половников, серебреников, рядовичей (рядовых), юрьевских, изорников, огородников, захребетников, подсуседников и пр. Так разбивается старый общинный строй. Дальнейшее наступление класса феодалов готовит и крестьянам-общинникам, и крестья-

---

[44] АЗР, т. I, № 185, стр. 215.

[45] Автор ссылается на Лит. Метр., Публ. дел № 28, стр. 30; Судн. дел № 1, стр. 113, № 2, стр. 50; копия Лит. Метр., V, стр. 3, 193, 211 и пр. (Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве, стр. 226, прим. 1).

[46] Очень старинное слово die Hube, Hufe, в Штирии hubar — кметь. (B. Linde. Słownik języka polskiego, t. II, str. 88).

нам, вырванным из общины, не менее крупные перемены в недалеком уже будущем.

В качестве исходного положения дальнейших наблюдений и выводов я должен констатировать еще раз факт большого значения. Еще в конце XV в. у новгородских землевладельцев нет своей сколько-нибудь заметной по размерам пашни. Как правило, они своего хозяйства не ведут (если не считать незначительного приусадебного), а довольствуются разнообразными оброками, поступающими от зависимого крестьянства.

Крестьяне сидят на своих старых участках, несут ставшие для них привычными платежи и повинности.

Между тем симптомов наступающего нового было много. От натуральных оброчных приношений новгородские землевладельцы стали постепенно, но заметно отказываться и переводить своих крестьян на оброки денежные. Этому содействовали рост производительных сил и развитие рынка.

А. И. Никитский на основании изучения новгородских писцовых книг приходит к следующему заключению: «Как ни громадны были владения некоторых новгородских бояр, ни в одном из них не замечается намека на большое хозяйство: последнее, напротив, во всех имениях было малым. Собственной запашки не существовало вовсе или же она являлась в весьма ограниченных размерах. Вовсе собственной запашки не существовало и в церковных владениях, как владычных, так и монастырских».

Автор объясняет отсутствие собственной запашки в церковных вотчинах тем, что «собственная запашка предполагает присутствие значительного числа собственных рабочих рук, а таких рук обыкновенно у церквей не было» [47]. А. И. Никитский не учитывает тут и другой, еще более важной стороны дела — отсутствия заинтересованности в большом производстве хлеба, так как хлеб не стал еще сколько-нибудь заметным товаром. Когда эта заинтересованность появилась, церковь, как и все другие землевладельцы, нашла и рабочие руки. Но в момент, обследованный А. И. Никитским, эти новые явления хозяйственной жизни Новгорода были только в зародыше, а потому А. И. Никитскому и пришлось констатировать бесспорный факт незначительности или полного отсутствия барской запашки у крупных новгородских землевладельцев.

Тот же автор отмечает и другую, не менее важную перемену, происшедшую в Новгородской земле, проявившуюся, как он выражается, в успехах «денежного хозяйства» [48]. Этим бюхе-

---

[47] А. И. Никитский. Очерки экономического быта В. Новгорода, стр. 51.

[48] Там же, стр. 182.

ровским, во времена А. И. Никитского очень модным термином он выразил бросающийся в глаза факт замены натуральных крестьянских повинностей денежными. Непонятно только, почему А. И. Никитский называет эти перемены «торжеством московского порядка». Ничего специфически московского в этой перемене нет. И Новгород, и Москва, и другие страны Европы знают эту перемену как результат перемен в экономической жизни Европы.

Независимо, однако, от неудачной попытки объяснить новые явления в хозяйственной жизни Новгорода, факты, извлеченные А. И. Никитским из источников, достоверны и дают все основания для сделанного им вывода.

Новгородский, например, архиепископ в конце XV в. одну свою волость в Бежецкой пятине (Белую) целиком перевел на деньги: «Волость Белая владыченская в Никольском погосте. А оброку в. князя на ту волость положено и за обежную дань 50 руб. и пол — 2 руб. и 2 гривны з деньгою; а мясного дохода на ту волость положено: 5 яловиц, 10 боровов, 20 баранов; а мелкого дохода: 30 гусей и 500 куров, 5000 яиц, 500 сыров, 4 пуды масла коровья. А деньгами за мясо и за мелкий доход 8 руб. и 400 и 60 и 5 коробей ржи, 300 и 60 и полторы коробьи овса, пол — 40 коробей солоду ячного, 9 коробей семени конопляного, пол — 2 коробьи гороху. И хлеба всякого 992 коробьи, а деньгами за хлеб 39 руб. и 7 гривен и полосьмы деньги. И всего оброку деньгами и за хлеб и за мясо и за мелкий доход и с озер за рыбную ловлю 100 рублей без гривны и без $1^1/_2$ деньги» [49]. Перед нами совсем еще недавнее прошлое — сочетание натуральной ренты с денежной — и новость: полная замена натуральных оброков деньгами. Таких ярких показателей наступления крупных перемен в сельском хозяйстве Новгорода очень мало. Это едва ли не единственный пример. Гораздо чаще встречается сочетание натурального оброка с денежным.

Если крестьянина начинают облагать деньгами вместо натуры, то это значит, что землевладелец начинает предпочитать деньги курам, баранам и сырам, и что крестьянин в состоянии раздобыть деньги для уплаты денежного оброка. Оба эти явления симптоматичны.

Если рента продуктами, пришедшая на смену примитивной отработочной ренте, «предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»[50], то появление денежной ренты подразумевает еще новый и значительный шаг вперед в том же направлении. «...Превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже

---

[49] НПК, т. VI, стр. 15.
[50] К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 807.

более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[51]. И новгородские источники (впрочем, не только новгородские, как мы уже видели и сможем убедиться из дальнейшего) не оставляют нас в сомнении и относительно торговли, и городской промышленности, и товарного производства.

Стоит обратить внимание хотя бы на факт крупных перемен в самом крестьянском хозяйстве. Исследователь крестьянской железоделательной промышленности на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг., изучая очень детально свой материал, пришел к выводу, что в конце XV в. существовали (в Водской пятине) районы крестьянской промышленности по выделке и обработке железа, работавшие на обширный и массовый рынок, применявшие наемный труд и выдвигавшие или начинавшие выдвигать крестьян-предпринимателей. «Товарность этой железоделательной промышленности... вряд ли может подвергаться сомнениям». «Крестьянская железоделательная промышленность с применением наемного труда и с заложенными в ней возможностями превращения в мануфактуру существовала до появления привилегированной мануфактуры правящих классов»[52].

Но «общим правилом эта форма (речь идет о денежной ренте.— *Б. Г.*) может сделаться лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке»[53]. В чистом виде этот процесс протекал в Англии, отчасти во Франции, в западной части Германии. Но совсем иначе складывались дела в Европе Восточной, где феодальные отношения господствовали еще и в XVIII в. Денежная рента здесь не вытеснила целиком натуральную, а для увеличения доходов феода ла-землевладельца при заведении им у себя собственного хозяйства в его руках оставалось могучее средство — перевод оброчного крестьянина на барщину, барщину нового стиля, выросшую на новой основе. Мы можем проследить ее зачатки на материале новгородских писцовых книг.

Вот Деревская пятина, описанная уже московскими писцами в 1495 г. В Еглинском погосте этой пятины владеет землей и даже очевидно иногда и живет князь Михаил Константинович Оболенский. В сельце Заозерье стоит его «двор». «Во дворе сам князь Михайло со своими людьми. Сеют ржи на князя 5 коробей, а сена косят 200 копен. 3 обжи... Деревня Заозерье:

---

[51] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 810.

[52] В. Н. Кашин. Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. Проблемы истории докапит. обществ, 1934, апрель, стр. 53—54.

[53] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 812.

во дворе слуга княжой Олешко, сеет ржи 4 коробьи, а сена косит 40 копен. 2 обжи... Дер. Горбово: во дворе княжвой слуга Ермолка, сеет ржи пол —2 коробьи, а сена косит 20 копен. Обжа. Дер. Воронцово: во дворе княжой слуга Михалко Пасынков, сеет ржи 2 коробьи, а сена косит 20 копен. Обжа. Дер. Яхны: во дворе княжой слуга Якуш, сеет ржи 2 коробьи, а сена косит 15 копен. Обжа. Дер. Горка: во дворе княжой слуга Федько,сеет ржи 2 коробьи,а сена косит 20 копен.Обжа...». Дальше идет описание крестьянских дворов, пашен и сенокосов. Всего в имении $28^1/_2$ обеж. Они распределены так: $19^1/_2$ обеж— за крестьянами, 6 обеж — за княжескими слугами, 3 обжи — хозяйские, княжеские. Обрабатывают землю на князя его «люди» [54].

Здесь мы видим и княжеских крестьян, обязанных ему оброком, и княжеских слуг, вернее всего военных людей, посаженных на княжеской земле, его вассалов и, наконец, его людей, т. е. дворню, повидимому, холопскую. Барское хозяйство есть, но оно невелико. Один из княжеских вассалов пашет на себя даже одной обжой больше своего сюзерена. Княжеское хозяйство равняется по своим размерам трем крестьянским. Князь обходится трудом своей дворни. Крестьянской барщины в узком смысле слова еще нет.

Возьмем другой пример из той же пятины. «В Заборовьи в. князя волостка... за Ондреем Григорьевым сыном Наумова да за его сыном... Село Гарусово. А в нем двор Андреев, а в нем сам живет; а христьян: во дв. Омельян, во дв. Михаил, во дв. Родивоник; сеют ржы на Ондрея с сыном 8 коробей, а сена косят 130 копен. 3 обжи. А христьяне сеют ржи 9 коробей, а сена косят 15 копен. Обжа. Старого дохода 1 гривна, 1 коробья ржи, 1 коробья овса, $^1/_2$ четки пшеницы, $^1/_2$ четвертки ячменя, лопатка. А нового дохода 5 денег, $1^1/_4$ коробьи ржи, $1^1/_4$ чет. овса, $^1/_2$ чет. пшеницы, $^1/_2$ чет. ячменя»[55].

Тут хозяйство организовано иначе. У Андрея Наумова дворни, очевидно, нет. Это человек небогатый и незнатный. Он вышел из положения иначе: ему пришлось наложить на своих малочисленных крестьян барщину, и очень тяжелую. Три крестьянина высевают на хозяина почти столько же, сколько втроем для себя (на хозяина 8 коробей, на себя втроем 9). Единственно, о чем позаботился помещик,— это уменьшить долю государственных платежей, причитающихся с крестьян. Три крестьянина положены в 1 обжу, а барское хозяйство — в 3 обжи. Это уже настоящая барщина.

В Водской пятине та же картина.

---

[54] НПК, т. I, стр. 856—860.
[55] Там же, стр. 18.

«Великого князя деревни, бывшие Александра Самсонова, теперь за Игнатьем Васильевым сыном Пушкиным. Дер. Несуши, а в ней: во дв. сам Игнатей, а людей его:... (5 дворов). Сеют ржи 30 коробей, а сена косят 300 копен, 5 обеж. С этих пяти обеж государственная подать не идет: «А с 5 обеж дохода нет: пашет их Игнатей с своими людьми на себя»[56].

Помещик ведет свое сравнительно небольшое хозяйство своими «людьми». То же делает и другой помещик, Копоть Григорьев сын Бутурлин. В общей деревне, на его жеребье живет «во дв. в большом сам Копоть, сеют ржи 15 коробей, а сена косят 40 копен, 3 обжи». Дер. Чечерино: во дв. человек Коптев Ивашко Полутин, сеют ржы 6 коробей, а сена косит 8 копен, $1^1/_2$ обжи.

Эти $4^1/_2$ обжи «Копоть с людьми пашет на себя»[57].

Попадаются более сложные положения.

«В Городенском погосте сельцо Вычелопок: во дв. в большом сам Иван (Лугин.— *Б. Г.*), а людей его: во дв. Михаил Еньтяков, во дв. Некрас Семенков, во дв. Савостьянко Максимов, во дв. Микифорик Зиновьев. А христьян: во дв. Ивашко да Юдка Олисовы, во дв. Наумко да Васько Ивашковы. Сеют ржи на Ивана и люди его 30 коробей, да сена косят на Ивана и люди его 500 копен. 4 обжы; а христьяне сеют ржы 8 коробей, а сена косят 100 копен. 2 обжы... А нового доходу з 2 обеж 2 пятка льну, а из хлеба половье... А деревень х тому сельцу: дер. Чадовища: во дв. Иванов человек Сивка, а хрестьян (4 двора, идет поименный перечень крестьян)... шесть обеж... А нового доходу с 5 обеж половье ж из хлеба... а обжу пашет Иванов человек»[58].

Очень интересно отметить здесь, что «люди» Ивана Лугина живут все во дворах, как и крестьяне, называются по именам своим и отцовским так же, как и крестьяне, делают одно и то же дело. Крестьяне от «людей» отличены только в податном отношении. Крестьяне, кроме работы на своего помещика, тянут еще и государево тягло, «люди» от тягла свободны.

Заставляет задуматься и такой случай.

Помещик Иван Шушерин. В общей с двумя своеземцами деревне Якимовской на своем жеребье в этой деревне живет «во дв. большом сам Иван, а крестьян: во дв. Парфенко Ондронов, сын его Прокош, сеют ржы 30 коробей, а сена косят на Ивана 200 копен, а крестьянского сена 20 копен. 6 обеж. И с тех обеж Иван пашет на себя 5 обеж»[59].

Никаких «людей» тут не указано, а между тем совершенно очевидно, что с 5 обжами два крестьянина никак справиться

[56] НПК, т. II, стр. 122—123, 172.
[57] Там же, стр. 260, 261, 265.
[58] Там же, т. III, стр. 208.
[59] Там же, стр. 247.

не могут. Следовательно, либо о помещичьих людях почему-то тут не упомянуто, либо помещик пользуется дополнительным трудом временных работников, либо ему помогают два своезем-ца, живущие рядом с ним в общей деревне.

Довольно показателен и следующий случай: в дер. Мородкино живет «сам (помещик.— *Б. Г.*) Петр Путятин. А людей его: во дв. Бориско Щока, во дв. Ивашко Злоба, а крестьян: во дв. Гаврилко Ивашков, дети его Якуш да Филатко, во дв. Омельянко Гаврилов, во дв. Трофимко Олисов, сын его Прошка, во дв. Костко Андреев, дети его Конанко да Гаврилко, во дв. Ивашко Омельянов. Сеют ржи 30 коробей, а сена косят 200 копен, 8 обеж... А ис тех обеж Петр пашет на себя 4 обжы, а с 4-х обеж емлют нового дохода деньгами 4 гривны, 4 бораны, а из хлеба четверть» [60]. Помещик Петр Путятин различает крестьян и людей. 4 крестьянских двора сидят все на оброке, два двора «людей» обрабатывают, очевидно, приблизительно столько же, сколько 4 двора крестьянские, но работают не только на себя, а и на своего хозяина. «Люди» характерно по отцам не называются, а имеют прозвища (Щока, Злоба). Но «люди» тоже посажены на землю, живут во дворах, как и крестьяне.

В. Ф. Загорский в своем внимательном обследовании Шелонской пятины (1498—1501 гг.) приходит к выводу, что крестьяне, как правило, сидят на оброке. «Кроме этих платежей деньгами и натурой помещичьи крестьяне в некоторых случаях на помещика работали. Работы эти пока очень незначительны. Земли помещики на себя пахали очень мало, пахали ее своими людьми, так что на пашне помещичьей крестьяне не были заняты. Только на пожнях и лугах помещичьих эксплуатировался иногда крестьянский труд. Из других работ крестьянских на помещика нам встретился только повоз. В Сабельском погосте на помещика Ивана Трофимова крестьяне сена косят 50 копен да «повоз 4 возы»[61]. Но тот же автор отмечает и случаи замены «повоза» деньгами [62].

Факты, подобные приведенным, разбросаны в разных погостах новгородских пятин. Приводить их в большем количестве едва ли есть необходимость, так как они не могут повлиять на основной вывод, вытекающий уже и из приведенных фактов.

Общее заключение, напрашивающееся само собой, сводится к тому, что помещики стараются своих «людей» посадить на пашню, сажают их в обычные крестьянские дворы, тем самым фактически (не юридически) превращают своих «людей», из коих большинство, надо думать, холопы, в крепостных крестьян.

---

[60] Там же, стр. 237.

[61] В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины, ЖМЮ, 1909, № 9, стр. 306—307.

[62] Там же, стр. 311.

Крепостных — потому, что эти «люди» связаны личной зависимостью со своим господином и уйти от них не имеют права, а крестьян — потому, что, будучи посажены на отдельные крестьянские участки, они ведут свое хозяйство, от которого кормятся сами и кормят своего хозяина, но, в отличие от полноценных крестьян, они не платят государственных податей, т. е. для помещика представляют бо́льшую ценность, чем настоящие крестьяне, труд которых принадлежит помещику лишь частично. Когда в середине XV в. новгородское вече договаривалось с вел. кн. Литовским Казимиром относительно взаимной выдачи холопов и смердов, то, очевидно, имело в виду и крестьян, и «людей»[63].

Совершенно ясно и другое: 1) барская запашка, если она и заводится, по размерам очень невелика, 2) собственно крестьянская барщинная повинность появляется спорадически и отнюдь не представляет явления сколько-нибудь заметного. Продолжает господствовать оброчная система эксплуатации крестьян, но, несомненно, появляются симптомы, угрожающие более или менее сносному существованию крестьянина, грядут несравненно худшие времена.

Но этот новый период в истории крестьянства, первые признаки которого мы можем наблюдать в Новгородской земле уже в конце XV в., падает целиком на XVI в., о чем придется говорить особо и применительно не только к Новгороду, а ко всей Руси в целом, и не только одной Руси, а ко всей Восточной Европе, включая и некоторую часть Западной. Тут придется иметь в виду все страны, которых захватила новая могучая волна крупных экономических сдвигов в момент, когда эти страны еще не успели изжить феодальных общественных отношений.

Основные наши выводы сводятся к следующим положениям:

1. В XV в. земля Новгородского государства, описанная в писцовых книгах всех пяти пятин, вся принадлежит либо частным владельцам, крупным феодалам, светским и церковным, либо московскому государю.

2. Крестьянская масса, зависимая от своих господ, эксплуатируется в форме ренты продуктами. Намечается замена натуральных взносов деньгами. Барщина в зародыше, но имеет тенденцию расти. Заметны признаки товарности крестьянского хозяйства.

3. Очень заметно обеднение крестьян и появление значительного количества людей неимущих, составляющих базу для появления всевозможных разновидностей серебреников.

4. Новгородская Судная Грамота уделяет много внимания вопросам о поземельных делах, что свидетельствует о большой

[63] АЗР, т. I, № 39.

заинтересованности землевладельцев в источнике своего благополучия — земле и населяющих ее крестьянах.

5. Дворы крупных феодалов имеют пестрый состав, где холопы занимают не главное место. Сажание холопов на землю — явление, часто отмечаемое писцовыми книгами.

6. Боярские послужильцы — не рабы, а, в основном, слуги свободные. Их перевод в армию московского государя есть результат политики Русского централизованного государства, борющегося с феодальной раздробленностью, за укрепление самодержавия.

7. Намечающиеся сдвиги в сельском хозяйстве Новгородской земли подготовляют наступление серьезных перемен в положении новгородского крестьянства. Наступление класса феодалов на крестьянство вызывало энергичное сопротивление крестьян, часто восставших против своих угнетателей.

III. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

1. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Древнейшая история этого края нам мало известна. Только в последнее время археологи обратили серьезное внимание на его изучение. Работы эти далеко не закончены, и мы имеем все основания ждать от них очень многого.

В настоящее время в нашем распоряжении очень обстоятельное обследование только соседнего с Ростовской землей края. Имею в виду труд П. Н. Третьякова «К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.», особенно ту его часть, которая хронологически ближе примыкает ко времени, меня интересующему, главу IV — «Верхнее Поволжье в середине и второй половине первого тысячелетия н. э.». Автор сам личными раскопками добыл очень много интересных материалов и использовал старые. Исследование его построено на тщательном изучении большого количества фактов. Вот его основные выводы:

1. Начиная с первых веков н. э. укрепленные поселки в Верхнем Поволжье стали постепенно сменяться неукрепленными и более значительными по размерам открытыми поселениями.

2. Вместе с исчезновением укрепленных поселков началось и разрушение древней группировки поселений. Новые поселения на берегах Волги стали возникать вне территории древних групп, в промежутках между ними.

3. Появились новые формы общественного разделения труда: некоторые из поселений приобретают производственную

специфику — в поселениях на р. Сонохте люди стали специально заниматься обработкой железа, в поселении на р. Попадьинке — изготовлением бронзовых изделий (в других местах автор отмечает полное отсутствие обработки металла), что неизбежно предполагает (это автор доказывает многочисленными фактами) усиление обмена между поселками не только соседними, но и с отдаленными, «с населением территории нижнего и среднего течения р. Оки и с населением Поднепровья, с населением некоторых более западных районов».

4. В связи с этими переменами появились зачатки ремесленного производства, появились предпосылки создания городов.

5. Распад родовых коллективов и замена их новыми общинно-соседскими отношениями изменили и обряд погребения: на место «домиков мертвых», где хоронились сожженные останки членов рода, появились индивидуальные погребальные сооружения.

6. Во второй половине первого тысячелетия, в VII—VIII вв., появляется примитивное пашенное земледелие на смену подсечному. Смена подсечного земледелия пашенным знаменует переход от первобытно-коллективных форм обработки земли к индивидуальному сельскому хозяйству. Это явление сыграло решающую роль в процессе разрушения родового строя.

Все это вместе взятое говорит об очень больших изменениях в общественных отношениях, о распаде родового строя и появлении соседской общины и классового общества[1].

Важно отметить и другое заключение П. Н. Третьякова. «Подводя итог изложенному выше материалу,— заканчивает свою интересную главу автор,— мы приходим таким образом еще к одному существенному выводу. Оказывается, Верхнее Поволжье входило в пределы той территории, на которой складывались восточно-славянские племена и развивалась древняя славянская культура. К этому выводу нас приводит не только погребальный обряд, но и некоторые другие данные. Выше указывались славянские черты в глиняной посуде верхневолжских памятников середины и второй половины первого тысячелетия н. э. Вещи с эмалью вели нас опять-таки на юго-запад в область Среднего Поднепровья»[2].

Заселение бассейна Оки шло с запада и северо-запада Руси. В бассейне Оки распространялась та же культура.

Специально о Ростовской земле у нас сведений значи-

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., 1941, стр. 69—89.

[2] Там же, стр. 89.

тельно меньше. П. Н. Третьяков касается этого предмета, но далеко не в такой мере, как это он сделал относительно Верхнего Поволжья.

Ростовской земле он посвятил небольшой этюд «Некоторые данные о населении бассейна озер Неро и Плещеево в середине и второй половине первого тысячелетия н. э.»[3]. Отметив некоторые различия в материальной культуре бассейна озер Неро и Плещеева с Верхним Поволжьем (в керамике и в форме жилой постройки)[4], автор говорит: «Что касается экономики, то в этом отношении никаких заметных различий в материалах того и другого районов как будто бы не наблюдалось. То же самое следует сказать в отношении развития общественных отношений: в том и другом районах они параллельно претерпевали одни и те же видоизменения»[5].

Население бассейна названных озер в середине первого тысячелетия н. э. П. Н. Третьяков признает мерянским. В этом автора убеждают материалы, добытые при раскопках Сарского городища, укрепленного поселения VI в. н. э. «Тысячи предметов, в разное время найденных на Сарском городище и представляющих собою чрезвычайно яркий материал, позволяют, — пишет автор, — считать совершенно бесспорным, что укрепленный поселок на р. Саре с первых же столетий своего существования являлся местом сосредоточения целого ряда производств, в первую очередь местом обработки металла. Такой характер поселение сохранило вплоть до X—XI столетий, когда жизнь на нем прекратилась, возможно в связи с тем, что город, а иначе его нельзя назвать, был перенесен на оз. Неро, на место современного Ростова»[6].

Очень рано началось непосредственно общение мери с восточными славянами. Славянская культура оказалась более стойкой и находилась на более высоком уровне, чем мерянская. Этим и объясняется факт исчезновения мери и слияние ее с русским населением Ростово-Суздальской земли. Эта область заселялась по преимуществу кривичами. Славяне усиленно развивали здесь свое хозяйство, так как нашли тут и плодородную землю, и хорошие лесные и луговые угодья, и прекрасные рыбные ловли. Старые связи с Новгородской землей и Днепровским левобережьем поддерживались здесь неизменно, завязались также сношения и с волжско-камскими болгарами.

Старейший великий водный путь по Волге издавна ожив-

---

[3] Там же, стр. 90.

[4] В Верхнем Поволжье были деревянные наземные постройки, в бассейне названных озер — полуземлянки.

[5] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 90.

[6] Там же, стр. 93.

лял край. П. Г. Любомиров в специальной работе[7] отмечает наиболее древние находки сасанидских монет именно в европейской стороне Урала. Монеты относятся к VII, даже к середине IV в. н. э. Тут — наиболее старые в пределах нашей страны находки и монет и ценных вещей, что объясняется оживленностью движения не только по Волге, но и по степным путям.

Прокладывались пути с востока на запад к Поднепровью и Залесской стороне одновременно. Автор «Повести временных лет» сообщает, что Ростов в IX в. уже играет заметную роль. За Ростовом следуют Суздаль и Муром. В свете археологических данных делается понятным, почему Владимир Святославич стремится связать этот край живыми связями с Киевом и посылает в Ростов и Муром своих сыновей Бориса и Глеба, почему Святослав совершает свой поход на Оку и Волгу. Осмысляется и «ряд Ярослава», по которому Изяславу отходило Днепровское правобережье, Святославу — левобережье и, наконец, Всеволоду, кроме южного Переяславля,— Ростов, Суздаль и Поволжье. Всеволодова отчина долго живет и позднее. Сын Всеволода Владимир Мономах, занятый южными делами, никогда не теряет из виду Ростов. Он ездит туда, упорно защищает со своими сыновьями эту «волость отца своего» от покушений Олега Черниговского, строит на Клязьме город «в свое имя». В Ростов он посылает своего тысяцкого, дав ему «на руки» своего сына Юрия (Долгорукого), ставшего князем Ростовским и владевшего около 40 лет этой северной волостью[8].

Нет возможности проследить всю сложную историю этого края в X—XI вв. сколько-нибудь подробно. Мы не знаем, например, при каких обстоятельствах выдвинулся Суздаль, но знаем, что при Юрии Долгоруком он стоит рядом с Ростовом и что летописи весь этот край начинают называть Суздальским.

Можем, однако, догадаться, что рост Суздаля и его политическое возвышение аналогично возвышению Владимира, т. е. эти оба более новые по сравнению с Ростовом города возникли в связи с экономическим ростом всего края, когда он находился в составе Киевского государства. Юрий действительно живет чаще в Суздале, чем в Ростове, из Суздаля выступает он в походы и возвращается в Суздаль, в Киеве окружен он не ростовцами, а суздальцами. С Суздалем считается и Новгородская республика.

Ростов борется за свое первенство, но успеха не имеет.

---

[7] П. Г. Любомиров. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв.—Уч. зап. Сарат. гос. унив., т. I, в. 3, Слов.-истор. отд. пед. факультета, 1923, стр. 5—38.

[8] А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, П., 1918, стр. 30—31.

«Руководящей мыслью политики Юрия Долгорукого, — пишет А. Е. Пресняков, — было — сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердив в то же время ее преобладание во всей Руси. Старших сыновей — от первого брака с половчанкой, дочерью хана Аепы, Юрий предназначал для Киевского юга и сажал их при себе в Переяславле («русском»), Турове, Пересопнице, Вышгороде, Каневе. Детей от второго брака, с византийской принцессой, Юрий держит на севере — Мстислава на Новгородском княжении, Василька, Михалка и Всеволода в Ростове и Суздале»[9].

Михалко и Всеволод оставались, как известно, в Суздале и после того, как Юрий перешел в Киев.

Разрушил планы Юрия его старший сын Андрей, уйдя против воли отца из Вышгорода во Владимир, город новый, город «смердов, холопов, каменосечцев, древоделов и орачей», как его пренебрежительно характеризовало ростовское боярство, город, которому предстояло будущее.

А ведь Владимир не одинок в своей судьбе. Параллельно с ним в XII и начале XIII в. росли и другие города—Ржев, Зубцов, Тверь, Шешня, Клин, Дубня, Дмитров, Звенигород, Москва, Гороховец и Стародуб на Клязьме, Кострома, Галич, Чухлома, Унжа, Городец Радилов, Нижний Новгород, Белозерск, Устюг[10]. Это говорит о большом экономическом подъеме всей области. Об этом же свидетельствуют и высокие достижения искусства, частично сохранившиеся и до наших дней. Города не только строились и расширялись,—они украшались с явным расчетом не только подражать Киеву, но и занять его место в культурном и политическом отношениях.

А. Е. Пресняков, ссылаясь на Н. П. Кондакова, справедливо указывает на украшения суздальских храмов скульптурной символикой, как на показатель высокого культурного состояния города, так как эта символика рассчитана на внимание и понимание населения. «Одних этих храмов достаточно, чтобы отказаться от представления о северо-восточной Руси XII века, как о темном захолустье, где и культура, и благосостояние, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чем на Киевском юге»[11].

Развивая дальше свою основную мысль, автор этой цитаты убедительно показывает, что северо-восточная Русь и культурно и политически не отрывалась от Киева. Юрий стремился к сохранению и усилению своего влияния в южной Руси, не

---

[9] Там же, стр. 32.

[10] А. А. Спицын. Русская историческая география, П., 1917, стр. 35.

[11] А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 35.

ослабляя своего интереса к делам суздальским. Широки и значительны были и торговые и культурные отношения Суздальщины с Черниговом и Галицкой Русью, Смоленском и Новгородом.

При Андрее Боголюбском приходили сюда иноземные, а также новгородские и новоторжские купцы. В XII в. суздальские купцы привозили в Новгород перец, получаемый с Востока, а из Ростовской земли доставлялись в Новгород лен и хмель. В 1215 г. в Переяславле-Залесском оказалось 15 смоленских купцов. Тут добывались соль и железо. В Суздале проживали немецкие купцы. Рига находилась в торговых связях с Суздалем. Из Суздальской земли на Киев шел торговый путь через Курск. По Волге ходили суда армянских, болгарских и других восточных народов.

Из Киева Суздаль и Владимир берут епископов. Андрей Боголюбский по церковным делам сносится непосредственно с Константинополем. Изгнанные Андреем братья (от второй жены Юрия, гречанки) вместе с матерью находят приют у византийского императора[12].

Совсем не обязательно мыслить массовое переселение русских людей из Поднепровья на волжский суглинок, как это представлял себе В. О. Ключевский, чтобы объяснить наличие в Суздальщине названий городов и речек, созвучных киевским. Переяславль-Рязанский и Переяславль-Залесский, стоящие на реках, носящих имя Трубеж (Переяславль южный, теперь Хмельницкий, тоже стоит на р. Трубеже), Стародуб, Юрьев-Польский, Кснятин, Звенигород, Галич, Киев, речки Лыбедь, Почайна, Ирпень — все эти названия, созвучные киевским, конечно, не случайность. Созвучия говорят о тесных связях Киева с его периферией, о желании населения северо-восточной Руси подчеркнуть эту связь в названиях городов точно так же, как она подчеркивалась в сооружении одноименных храмов. Нельзя забывать и того, что строителями городов являлись обычно князья, они же и давали им названия, удовлетворявшие их киевским симпатиям. Юрий Долгорукий также не случайно строит во Владимире-Залесском, Переяславле, Суздале, Угличе и Москве Преображенские храмы в память Чернигова, где он родился, как не случайно воздвигались в свое время храмы Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке, или храмы Борису и Глебу по всей Русской земле.

Не случайно, конечно, и в Ростове строится «соборная дивная церковь» наподобие киевской Печерской церкви. По плану Печерской же церкви Юрий Долгорукий строит церковь Спаса

---

[12] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. 860—862.

во Владимире. Андрей Боголюбский в свой великолепный собор во Владимире переносит из Вышгорода-Киевского известный образ богородицы. Ростовские епископы Леонтий и Исаия — оба вышли из Киево-Печерского монастыря, о чем с гордостью упоминает потом епископ Владимирский Симон, сам тоже выходец из того же монастыря [13].

Не может быть никаких сомнений в том, что северо-восточная Русь — это родная дочь той самой славянской Руси, которую мы видим и в Новгороде и в Киеве. Это отнюдь не значит, что тут не было своих особенностей — этнических (следствие встречи с неславянским населением), диалектических, бытовых и других. На столь огромном протяжении Киевского государства иначе и быть не могло. Но связи экономические, родственность языка, веры, преданий — это цемент, крепко объединявший всю Русь.

Отсюда с неизбежностью вытекает и факт, для моих целей имеющий особо важное значение, — факт бытования в северо-восточной Руси норм «Русской Правды». Уставная деятельность киевских князей распространялась на всю территорию Киевского государства, в том числе и на северо-восток. Ярослав Мудрый, по ценному свидетельству IV Новгородской летописи, ездил в 1024 г. по Ростово-Суздальской территории с определенной целью «уставить ту землю» [14]. «Повесть временных лет» тоже отмечает факт поездки Ярослава в 1024 г. в Суздаль в связи с возникшими там крестьянскими волнениями («Бе мятеж велик и голод по всей той стране... Слышав же Ярослав... приде Суздалю; изымав волхвы, расточи, а другыя показни...»)[15]. Появление Ярослава в Суздальской земле вызвано потребностью «установления» земли, той самой потребностью, которую испытывали в свое время и княгиня Ольга, и другие князья Киевские. Ярослав, конечно, не мог «уставлять» Суздальскую землю иначе, чем «уставлена» была вся Русская земля, т. е. через укрепление здесь, а в некоторых местах и введение заново норм «Русской Правды». Ему необходимо было напомнить, а, может быть, кое-где и впервые сообщить о карах, налагаемых государственной властью за всякого рода правонарушения. Ведь «Русская Правда» и в Поднепровье и в Поволховье своим острием направлена была против всяких попыток народной массы нарушить установленный властью режим. Ярослав, вероят-

---

[13] «От того, брате, Печерского монастыря, мнози епископи поставлени быша во всю Русскую землю... Первый Ростовский Леонтий священномученик...» (Н. М. Карамзин. Ист. гос. Росс., т. II, кн. IV, стр. 138).

[14] Новгородская IV летопись; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, П., 1915, стр. 112.

[15] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 144.

но, очень энергично ознакомил Ростово-Суздальскую землю с законом, носящим его имя.

Неудивительно после этого, что следы пережитков «Правды» в этом крае мы встречаем и много времени спустя.

Двинская судная грамота, составленная в 1397 г. в Москве, носит на себе явные следы «Русской Правды»[16]. Судебник Ивана III в качестве одного из своих источников знает «Русскую Правду»[17]. «Правосудие митрополичье», памятник XIII—XIV вв., связанный с митрополитом в то время, когда он покинул Киев и стал жить во Владимире, тоже построено на основе «Русской Правды».

Все это говорит о том, что очень больших и принципиальных отклонений от известных нам норм «Русской Правды» в XII—XIII вв. здесь, на северо-востоке, мы не встретим. Отчасти в новых терминах перед нами и тут будут проходить в последовательном развитии те же основные явления феодальных отношений, которые мы уже имели возможность видеть и в Киеве, и в Новгороде, и в Пскове.

К такому же выводу пришел и А. Н. Насонов в своем специальном исследовании. Та литературная традиция, согласно которой в Ростово-Суздальском крае XII в., благодаря устроительной деятельности князей, создается «особый мир», не оправдывается показаниями источников: на севере в XII и начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех русских волостей того времени[18].

Последним по времени на эту тему писал С. В. Юшков, не во всем согласившийся с А. Н. Насоновым. С. В. Юшков разделил весь большой край, который часто называют северо-восточной Русью, на три полосы: 1) собственно Ростово-Суздальская территория, населенная новгородцами, 2) территория, заселенная голядью, мерею, весью и другими финскими племенами, колонизуемая русским народом, 3) территория вятичей.

Первую часть он считает «более или менее находившейся на уровне развития приднепровских княжеств», но две другие части, по его мнению, отставали в своем развитии[19]. Эту попытку изучать каждую часть особо, не сливая всех их вместе, мне кажется, надо приветствовать. Но точно такой же прием

---

[16] «Оже учинится вира», «кровавая рана», «синяя рана». «А друг у друга межу переорет», «извод» и пр. и пр. (Дв. Судн. Грам.; М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, в. 1, стр. 141, 142 и др.).

[17] С. В. Юшков. Судебник 1497 года. Уч. зап. Сарат. унив., т. V, вып. 3, стр. 11.

[18] А. Н. Насонов. Князь и город в Ростово-Суздальской земле, Истор. сборн. «Века», вып. 1, П., 1924.

[19] С. В. Юшков. Очерки, стр. 245.

надо применять не только к этому краю, а ко всей территории Киевской Руси, а затем и к отдельным княжествам, на которые распалось Киевское государство. На огромной территории, принадлежавшей Новгороду, население тоже не было однородным ни в этническом, ни в культурном отношении. Древлянская земля тоже отличалась от Полянской уровнем своего общественного развития.

К сожалению, у нас почти нет возможности изучить каждый участок всей Русской земли. Поневоле приходится ориентироваться на наиболее развитые в общественном и культурном отношении области, наилучше освещенные источниками. Когда мы изучаем нормы «Русской Правды», то, конечно, имеем в виду главные центры экономической и политической жизни Киевской и послекиевской Руси. Поэтому мне не кажется научной натяжкой положение о том, что Суздаль, Ростов, Владимир и другие крупные городские центры и их сельское ближайшее окружение знало «Русскую Правду» как действующий закон.

Как будто ни из чего не видно, чтобы церковь или князья как-либо отличали общественные отношения северо-восточной Руси от приднепровских или поволховских.

С. В. Юшков тем не менее находит несколько черт, якобы отличающих общественные отношения Ростово-Суздальской земли от приднепровских: тут оставались еще «гнезда недобитой старой феодальной знати» (будто она была добита в Поднепровье), тут более энергично применялось насилие при закрепощении «местного финского, литовского и славянского населения»[20]. В книге С. В. Юшкова этот сюжет рассматривается в последней дополнительной главе и, к сожалению, очень суммарно, без достаточной аргументации. Но основная мысль автора о том, что некоторые части северо-восточной Руси имеют особенности, отличающие их историю от истории Поднепровья или Поволховья, ясна, и с нею нельзя не согласиться, конечно, с учетом общности основных ее линий.

Все наши наблюдения над ранней историей северо-восточной Руси могут быть сведены к следующим положениям:

1. Это несомненная часть Киевского государства.

2. Территория края стала славянской во всяком случае около VII в.

3. Но и до этого времени она имела свою относительно высокую культуру. Уже к середине первого тысячелетия н. э. здесь налицо ряд данных, говорящих о появлении признаков классового общества.

4. В этот край уже в середине первого тысячелетия н. э.

[20] Там же, стр. 240.

по Волжскому пути проникают восточные купцы, заинтересованные в местных продуктах.

5. С середины IX в. к этому краю проявляют большой интерес новгородские князья. В X в. он полностью включается в жизнь Киевского государства.

6. Здесь распространяются нормы «Русской Правды» и элементы киевской культуры.

7. С расчленением Киевского государства и ослаблением Киева северо-восточная Русь стремится не только сохранить киевское культурное наследство, но и развить его дальше.

8. Процесс феодализации, начавшийся тут несколько позднее, чем в Поднепровье и Поволховье, протекал здесь весьма энергично, вызывая взрывы острой борьбы крестьянства против наступления феодалов.

Таким образом, принципиального различия между характером общественных отношений северо-восточной Руси и Руси Новгородской и Киевской нет.

2. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII—XIV вв.

Что в Ростово-Суздальской земле главная земледельческая народная масса была та же, что и в других частях Руси, сомневаться не приходится, хотя терминология тут несколько иная. Знакомый нам смерд, конечно, был и тут, но этот термин встречается здесь реже, чем другой равнозначащий— «сирота», вытесненный несколько позднее термином «крестьянин».

Из мнения о том, что русский крестьянин не похож на крестьянина других европейских стран, что он якобы очень долго бродил по Русской земле и стал оседлым сравнительно поздно, естественно, вытекало заключение, что он не имел своей земли и осел на чужую землю. Так смотрели на крестьянина С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и В. О. Ключевский. Близок к ним и М. А. Дьяконов. По Чичерину, крестьянин был только временным жильцом в той или иной вотчине[1]. По Ключевскому, крестьяне «исстари» селились на чужой земле, это «вольные и перехожие арендаторы чужой земли»[2].

По мнению М. А. Дьяконова, смерды когда-то были собственниками земли, но затем они потеряли свою собственность, и в московское время они уже сидят на чужой земле в качестве арендаторов[3].

---

[1] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 175—176 и др.

[2] В. О. Ключевский. История сословий в России, стр. 96; Курс Русск. ист., 1906, ч. II, стр. 309—370, 372—374.

[3] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя, стр. 324.

В последнее время по этому предмету высказал свои соображения С. В. Юшков. Рассматривая «суздальских смердов», автор верен своей общей на них точке зрения. Он считает их «какой-то особой группой сельского населения», но находит нужным подчеркнуть, что в Ростово-Суздальской земле термин «смерд» в XI и начале XII в. «широко применялся... для обозначения сельского населения». При этом он указывает на то, что термин «смерд» в северо-восточной Руси «быстро выходит из употребления». «Это исчезновение термина, — по мнению автора, — очень показательно. Вероятно, князья с целью привлечения колонистов давали новопоселенцам льготы и так называемые свободы. Повидимому, происходил предварительный процесс «рассмердения» крестьянства, прежде чем оно было превращено новыми способами в феодально зависимое население». Насколько можно понять основную мысль автора, она сводится к тому, что смердов как особую группу зависимых людей (так их трактует автор) князья освобождали от зависимости и лишь после этого переводили на новые места, чтобы тут снова превратить их в людей зависимых. Таким образом, здесь устраняется факт свободного заселения неславянских территорий русским крестьянством, колонизационная роль которого приписывается одним князьям. Непонятно также, зачем надо было «рассмердовать» смердов, чтобы переводить их на новые места и там снова «осмердовать».

В конце той же страницы автор снова возвращается к этому предмету и указывает, что в северо-восточной Руси процесс феодализации шел более замедленными темпами и потому «класс феодально зависимого крестьянства еще не был консолидирован», отсюда и отсутствие термина, применявшегося для их обозначения. «Термин «смерд»...исчез, а новый термин не был выработан. Крестьянство то называлось сиротами, то крестьянами и т. д.»[4].

Автор затрагивает здесь очень много больших вопросов, но, к сожалению, слишком бегло.

Почему за смердами не осталось их старое название? Почему термин «сирота» сделался более удобным для этого словом? Ведь это очень старое слово и тоже обозначало зависимых и независимых земледельцев. «Крестьянин» как термин появился позднее, и мы знаем, почему он не сразу вытеснил другие старые термины. Наконец, следует обратить внимание на то, что утвердившиеся термины, обозначающие сельское население (смерд, сирота, крестьянин), обычно сопутствовали их носителям в переменах их юридической судьбы: и смерды, и сироты, и крестьяне остаются смердами, сиро-

[4] С. В. Юшков. Очерки, стр. 246—247.

тами и крестьянами и после того, как над ними появлялся хозяин-землевладелец — феодал. Названия менялись только тогда, когда радикально менялся весь экономический и правовой облик человека (изгой — вышедший из рабства, закуп — обеспеченный земледелец, вынужденный итти в кабалу, то же — серебреник и т. д.; все это бесхозяйные люди, потерявшие почву под ногами и вместе с нею основание называться старым именем).

Если признать всех смердов сельским земледельческим населением, то процесс их окняжения и обояривания примет более вероятные и осязаемые формы. Что же касается исчезновения термина «смерд» в северо-восточной Руси, то это легко понять, поскольку в северо-восточной Руси этот термин никогда и не был особенно распространен. «Суздальские смерды» — это ведь слова, принадлежащие новгородцам («наши смерды и холопы» — выражение новгородского боярства, у которого новгородизмы вполне понятны). Этим я не хочу сказать, что северо-восточная Русь не знала термина «смерд»; я хочу только напомнить, что этот термин не был здесь в большом ходу и потому никогда не мог «широко применяться», что подтверждается и топонимическими данными (см. стр. 193).

Еще раз на этом примере убеждаюсь в том, что смердов считать только сравнительно небольшой группой зависимых людей нельзя.

Что же о сельском населении северо-восточной Руси оставила нам наша древняя письменность? Если не считать данных «Русской Правды», рассмотренных уже раньше, которые, несомненно, имеют прямое отношение и к северо-восточной Руси, в нашем распоряжении несколько фактов, говорящих о крестьянах, специально относящихся к этому краю.

«Повесть временных лет» рассказывает о движении смердов в Ростовской земле. И об этом речь шла уже выше. Здесь для нас особенно важны сообщения о движении смердов в Ростовской области. В летописном рассказе повествуется о том, что два волхва из Ярославля во время общенародного смятения, обостренного голодом, стали ходить по «погостам» Ростовской области, указывали там на «лучшие жены» (т. е. на богатых женщин), обвиняя их в том, что они скрывают у себя продукты (мед, рыбу, жито, всякое «гобино», а также меха и пр.). Многие «лучшие жены» были убиты, а «именье их» восставшие отымали себе.

Едва ли можно сомневаться, что в погостах жили смерды, как это было и в соседней Новгородской области. Оказалось, что и волхвы, возглавившие движение, — тоже смерды, причем, как можно догадаться, смерды из вотчины князя Святослава[5].

[5] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 171.

Голод создал обстановку, способствовавшую обострению движения. Причину, почему именно смерды поднялись против богатых людей, мы можем без особого труда вскрыть: смерды подняли оружие против наступления на них богатых людей, очень похожих на тех, о которых так часто упоминали киевские проповедники. Едва ли мы ошибемся, если допустим и здесь, на северовостоке, наличие того же процесса освоения феодалами общинной земли, с неизбежным превращением свободных доселе смердов-общинников в зависимых от землевладельцев людей. На этой почве и возникло движение смердов.

Итак, хотя сельская земледельческая масса северо-восточной Руси и называлась разными именами, что вполне понятно при очень сложной истории заселения этого края славянами, ассимилировавшими старое туземное население, она была теми же хорошо знакомыми нам смердами, с некоторым запозданием переживавшими ту же самую судьбу, что и смерды новгородские, киевские, галицко-волынские.

Для посещавшего северо-восточный край новгородца или киевлянина это было совершенно очевидно. Вот почему новгородцы рассказали о том, как они «обложили суздальских смердов» данью, а киевский летописец с такой же уверенностью повествовал о восстании ростовских смердов. Не следует забывать, что Ростовский край был населен преимущественно новгородцами.

Несомненно, и здесь протекал тот же знакомый уже нам процесс феодализации.

Несмотря на то, что этого сюжета уже приходилось касаться применительно к другим территориям, вернуться к нему здесь еще раз далеко не бесполезно, хотя бы потому, что по этому вопросу в нашей исторической литературе успел приобрести значительную устойчивость ряд крупных и очень живучих недоразумений. Конечно, они в значительной мере держатся вследствие недостаточности источников, но корень заблуждений не только в этом, а, может быть, даже в большей мере в путях, какими шли исследователи, т. е. в их методологии.

И на северо-западе Руси мы тоже найдем не много документального материала, способного осветить вопрос с полной ясностью. Косвенные показания источников требуют комментария. Если мы будем игнорировать тот период истории, когда еще не было классов, когда масса восточного славянства жила первобытно-общинным строем и усердно занималась обработкой земли, когда стала появляться частная собственность на землю и вместе с нею имущественное неравенство и классы, когда сильные экономически и политически люди начали подчинять себе смердов и осваивать их землю, т. е. если мы не согла-

симся с тем, что Русская земля развивалась так же, как и другие страны средневековой Европы, — мы не сможем правильно понять и те немногочисленные источники, которые все же имеются в нашем распоряжении.

В грамоте Менгу Тимура 1270—1276 гг. русским митрополитам и священнослужителям имеется краткий перечень церковных имуществ XIII в.: земля, воды, огороды, виноградy, мельницы, зимовища и летовища; перечислено и население, зависимое от церковных учреждений: мастера, сокольники, пардусники, слуги, работники и люди, «кто ни будет»[6].

В более развернутом виде те же сведения помещены и в ярлыке хана Узбека 1313 г. митрополиту Петру, жизненный путь которого начался в Червоной Руси и закончился в Москве. Здесь перечень всех видов владений церкви сделан еще более полно: города, волости, села, «всякие ловли», борти, земли, улусы, леса, огороды («ограды»), «волостные места», виноградy, мельницы, «зимовища», стада конные, «всякие скотские стада», «вся стяжания и имения» и «люди». Эти последние расшифрованы ниже: «ремесленицы кои, или писцы, или каменные здатели или древяные или иные мастеры, каковы ни буди, или ловцы, какова лова ни буди, или сокольницы». Хан запрещает своим чиновникам отнимать у церковных людей «их дельных орудий» и вообще ничего[7].

Нетрудно заметить, что ханские грамоты писаны по трафарету и являются переделкой ханских жалованных грамот, выданных татарским привилегированным лицам, у которых действительно были и виноградники, и зимовища, и летовища, и стада конные, и «всякие скотские стада». Ханский чиновник, очевидно по распоряжению своего владыки, стремился охватить всевозможные виды имуществ церковных и, предпочитая написать лишнее, чем что-либо опустить, расширил свой перечень. Так же он поступил и с перечнем людей церковных. На первое место он поставил ремесленников и мастеров, особенно ценимых татарами; о сельском населении тут говорится слишком глухо. Они, очевидно, скрыты в формуле «люди, кто ни буди» и, конечно, мыслятся в качестве населения сел и волостей. Сельское население, несомненно, подразумевается, когда речь идет о подати «поплужное»: кто же иначе мог платить эту подать? Сопоставление двух грамот, первой — 70-х годов XIII в. и второй — самого начала XIV в., первой, данной киевскому митрополиту, второй — владимирскому, позволяет притти к общему заключению о том, что грамоты не делают никакого различия между южной и северо-восточной Русью. Мы имеем здесь

---

[6] СГГиД, ч. II, № 2, стр. 5.
[7] Там же, стр. 9—10.

одни и те же виды владения, одно и то же население, одни и те же повинности населения (основная—«поплужное»). Земледелие царит повсюду, единица обложения старая (рало, плуг), хорошо нам знакомая по Киевской Руси. Великий князь Владимирский Василий Ярославич платил, правда, в Орду в 1275 г. с сохи[8], но соха, конечно, является той же единицей, что и рало или плуг.

Не будь в нашем распоряжении других данных, подтверждающих тезис об аналогичности хозяйственного и правового положения сельского населения в главнейших, наиболее развитых районах всей Руси, конечно, ханскими ярлыками пользоваться для моих целей было бы неосмотрительно, тем более что среди них имеются и подложные. Но, к счастью для нас, мы имеем в своем распоряжении и другие, более надежные источники. Великий князь Иван Калита в своем завещании выступает владетелем большого домена. Он перечисляет больше 50 сел, ему лично принадлежащих. У его преемников сел еще больше (вел. кн. Василий Васильевич упоминает уже 125). Такие же крупные владения были и у удельных князей. Владимир Андреевич Серпуховской оставил своим наследникам 38 сел; Юрий Васильевич, брат Ивана III, князь Дмитровский — 31 село; Иван Борисович Волоцкий—более 50[9]. Во всех этих селах живут, несомненно, крестьяне, под каким бы именем мы их тут ни встречали. В XIV в. во всяком случае еще идет борьба двух терминов: старого («сирота») и нового («крестьянин»). Факты эти XIV—XV вв., но интерес к земле, к расширению земельных владений появился гораздо раньше.

Под 1177 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что в Суздальской земле во время войны между Всеволодом Большое Гнездо и его соперником Мстиславом Ростиславичем, ставленником ростовского боярства, после того как ростовские бояре потерпели полное поражение, было взято в плен много ростовских бояр, а их села и кони и скот стали добычей победителя[10].

Москва, упоминаемая в летописи впервые под 1147 г., в то время была небольшим городом, принадлежавшим князю Юрию Владимировичу Долгорукому; здесь у него стоял укрепленный двор-замок. В этом году он приглашал к себе в гости «в Москву» своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устроил здесь для своего гостя

---

[8] В. Н. Татищев. История, т. IV, стр. 47.

[9] С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. Сборник в честь В. О. Ключевского, М., 1909, стр. 564.

[10] Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1897 г., стр. 362.

«обед силен» и одарил гостей дарами [11]. Само собой разумеется, что место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и прежде всего должно было представлять собой значительный населенный пункт, снабженный для приема многочисленных гостей всем необходимым. Едва ли можно сомневаться, что Москва для этого была вполне пригодна.

Под 1096 г. в Лаврентьевской летописи записано о сожжении, по распоряжению черниговского князя Олега Святославича, Суздаля. От огня уцелел «двор монастырский Печерского монастыря (филиал Киево-Печерского) и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы» [12]. Андрей Боголюбский заложил церковь в своем городе Владимире и постарался обеспечить ее так, как вообще были обеспечены тогда и князья и бояре, т. е. прежде всего землей. Он дал ей «много именья и свободы купленные и з даньми, и села лепшая, и десятины в стадех своих и торг десятый» [13]. У самого Андрея, кроме его подгородного замка Боголюбова, было много «слобод купленных и сел лепших» [14]. Из рассказа о борьбе владимирцев с ростовцами в 1177 г. обнаруживается, что владимирцы «села болярьская взяша и кони и скот» [15]. Владимирский епископ Федорец проявлял особую страсть к наживе и от него, как передает летописец, «много пострадаша человеци... и сел избыша...» [16]. Как видно, становление и дальнейшее развитие крупного землевладения в северо-восточной Руси идет совершенно тем же путем, что и в Поднепровье и Поволховье [17].

Количество упоминаемых источниками сел, принадлежавших церкви, князьям и боярам, можно было бы и умножить. Для нас сейчас важно подчеркнуть не этот никем не оспариваемый факт, а самое понятие села в цитированных местах источников. Село — это хорошо населенное и значительное место. К нему обычно тянут десятки тоже населенных деревень. Мы можем смело утверждать, что когда Ефрем в Суздале давал села филиалу

---

[11] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 240.

[12] Повесть временных лет, изд. 1910 г., стр. 230. Имеется в виду митрополит Ефрем и митрополичий монастырь св. Димитрия, наделенный землями митрополитом. Ефрем упоминается в качестве митрополита первый раз под 1055 г. в Новгородской I летописи.

[13] Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1897 г., стр. 330.

[14] ПСРЛ, т. I, стр. 149.

[15] Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1897 г., стр. 362.

[16] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 377.

[17] С. Б. Веселовский останавливается на вопросе о соотношении общественной структуры Киевской Руси и северо-восточной в XIV—XV вв. Подчеркивая, что этот «вопрос может быть темой специального, очень интересного исследования», он говорит, что в Суздальской Руси можно «наблюдать много остатков и пережитков киевских явлений». («Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XV вв.», стр. 16).

Киево-Печерского монастыря, или когда Андрей Боголюбский делал то же самое во Владимире, или когда владимирцы отбирали у ростовских бояр их села, то всегда понимали под селами населенные и хозяйственно оборудованные пункты. Князь Андрей давал церкви Богородицы не просто села, а «села лепшая», т. е. богатые села. Население этих сел — обычные смерды—переходило таким путем под власть новых владельцев. И у старых владельцев села имели тот же если не всегда цветущий, то во всяком случае упорядоченный вид. Это были не пустоши, которые всегда отличались от населенных сел и деревень.

Так и было и до XI—XII вв. Едва ли в этом можно сомневаться. Землевладельцы осваивали крестьянскую населенную общинную землю.

Нельзя забывать и другого очень важного обстоятельства: киевские князья, а затем и князья отдельных княжеств, на которые расчленилось Киевское государство (кроме Новгородской земли после 30-х годов XII в.), были верховными феодальными собственниками всей земли своего княжества, возглавляли феодальную пирамиду собственников и стояли в ее вершине не просто для украшения, но имели возможность пользоваться и пользовались своей властью государей. «Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться...»[18]. Князья раздают от своего имени землю, и, конечно, населенную. Раздавали ее и другие собственники. Самый яркий пример в этом отношении — это пожалования населенной земли богатыми и небогатыми землевладельцами монастырям. Как, например, новгородские монастыри Юрьев и Аркаж получили большие пожалования от князей Мстислава и Изяслава в первой половине XII в., так и монастыри северо-восточной Руси получали в то же время и раньше такие же пожалования от князей и митрополитов.

Приходится признать печальный факт, что детально проследить процесс образования крупной земельной собственности и превращения свободных смердов в зависимое состояние очень нелегко. Но все же до некоторой степени это возможно, что я и пытался сделать в предыдущих главах книги. Никакого разрыва в истории смердов от киевских времен до XV в. замечать нигде не приходилось. Все факты говорят о том, что смерды под властью своих господ продолжают жить и в Галицкой земле, и в Пскове, и в Новгороде, и в Литовском государстве, и в Восточной Германии. Их же, несомненно, мы видим и в северо-восточной Руси, хотя и под более часто встречающимися

---

[18] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 5.

иными именами — спроты, крестьяне. Смущаться тут нечего, так как термин «крестьянин» на самом законном основании заменил собою более старый термин «смерд». В Новгороде смерды, как мы уже видели, официально именуются смердами еще в договоре 1471 г., а двадцать лет спустя, в писцовых книгах, они же названы крестьянами. Воскресенская летопись в рассказе о Долобском съезде заменила слово «смерд» словом «крестьянин». Русские люди XV в. прекрасно понимали, что между понятиями «смерд» и «крестьянин» никакой принципиальной разницы нет.

Следить за судьбой отдельных крестьянских семейств почти невозможно. Родословных крестьяне никогда не заводили, а состояние источников таково, что судить, хотя бы до некоторой степени, о длительности сидения на одних и тех же землях крестьянских семей можно только начиная с конца XV в., т. е. со времени, освещенного новгородскими писцовыми книгами, в отдельных случаях и раньше, но и это очень трудно, так как далеко не всегда можно быть уверенным в точности наблюдений [19].

Во всяком случае в писцовых книгах не редки записи отца-крестьянина с сыном, свидетельство о том, что сын не собирается покидать отцовской земли. Например, деревня Наволок Большой Вотской пятины, «во дв. Федко Сидоров, сын его Васько, во дв. Ивашко Грихнов, сын его Онашка»[20]. Васько и Онашка, очевидно, собираются оставаться тут и после своих отцов, а деды их Сидор и Грихно сидели, надо полагать, тут же. И. Л. Перельман, сравнив по новгородским писцовым книгам 1496, 1563—1566 и 1583 гг. население одних и тех же деревень, убедительно доказала, что «основная масса крестьян постоянно, из поколения в поколение, живет в родных деревнях» [21].

В нашем распоряжении имеются некоторые данные, говорящие о том, что землевладелец получал от власти землю и людей, сидевших на этой земле. Новгородский князь Всеволод Мстиславич дает Юрьеву монастырю в начале XII в. Терпужский погост Ляховичи «с землею и с *людьми* (курсив мой — *Б. Г.*) и с конями и лес и борти и ловища...»[22]. Кто эти «люди», мы точно не знаем, но нетрудно догадаться, что мы имеем тут самых настоящих смердов, обычно населяющих новгородские погосты.

Возьмем другую жалованную грамоту (1356—1387 гг.)— рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю.

---

[19] Такие наблюдения сделала в 1946 г. в моем семинаре И. Л. Перельман.

[20] НПК, т. III, стр. 169.

[21] И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв., Истор. записки, т. 26, стр. 197.

[22] В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, стр. 98.

В этой грамоте, между прочим, имеется ссылка на другую, более старую грамоту — князей Ингвара, Олега и Юрия, т. е. на грамоту 30-х годов XIII в. Эти князья вместе со своими боярами дали Ольгову монастырю «9 земель бортных и 5 погостов». Вот имена этих погостов с указанием количества живущих в них «семей»: Песочна — 300, Холохольна — 150, Заячины — 200, Веприя — 200, Заячков — 100. «А си вси погосты, — говорится в грамоте, — с землями с бортными, и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесищи, с резанками и с шестьюдесят, и с винами, и с поличным и со всеми пошлинами». Князь Олег Иванович называет все эти 1010 семей «данными прадеды нашими св. Богородици дому» и оговаривается: «волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле», «а волостели, и даньници, и ямьщики, ать не занимають богородицьских людей ни по што же»[23]. Эти «богородицкие люди» — не холопы: холопы ведь податей не платят («А на холопех дани не имать»)[24]. К тому же, как правило, в церковных вотчинах в это время холопов вообще уже не было.

После тщательного разбора этой Олеговой грамоты Б. А. Романовым едва ли кто-либо решится считать грамоту исправной и едва ли кто-либо будет настаивать на точности приведенных здесь круглых цифр. Но и сам Б. А. Романов считает упоминание в ней погостов и населяющих их «семей» вполне реальными элементами грамоты, а в «семьях» видит «смердов с не меньшим правом, чем холопов» (я выше указал, почему под «семьями» здесь холопов подразумевать нельзя). Впрочем, и сам Б. А. Романов, повидимому, больше склоняется в сторону смердов, когда в заключение своих разысканий говорит о единственном раннем документе, засвидетельствовавшем «конкретный случай не единичной, а групповой и массовой феодализации смердов»[25]. Б. А. Романов, на мой взгляд, совершенно прав.

Перед нами, действительно, уже знакомый нам акт передачи государственной властью населенной земли в руки частному владельцу с наделением его правами сеньера. Смердов не лишают земли, а передают их вместе с землей.

Вот еще примеры. Митрополит Алексей в 1377 г. дает «многа... села, и *люди*, и езера, и нивы, и пажити подава монастырю тому (Михайловскому Московскому. — *Б. Г.*), еже довлеет на потребу братии»[26]. Игумен Колязина монастыря в 1473 г. выменял у тверского сына боярского Ивана Невлева сына Чап-

---

[23] АИ, т. I, № 2.

[24] ААЭ, т. I, № 14, стр. 10 (1398 г.).

[25] Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю. «Проблемы источниковедения», сб. III, стр. 223—224.

[26] ПСРЛ, т. VIII, стр. 28. Никон. лет., т. I, стр. 254.

лина в волости Жабце половину села Чаплина, «четыре выти и *со крестьяны* и со всеми угодьи»[27]. Князь Волоцкий Федор Борисович в 1499 г. пожаловал Симонов монастырь. Вот эта грамота: «Се яз князь Федор Борисович пожаловал есми Симоновского монастыря архимандрита Фегноста с братьею. Что стоит великий Никола в Рожку в моей отчине в Ржеве озеро Сыроменец да Корегощ по Новгородецкой рубеж да и *люди* по обе стороны Сыроменца, что были за Давыдом за диаконом... да пожаловали есми их селищам Окудовы, как было за Давидом за диаконом да и те есми *люди* дал им *старожильцов*, которые живут на тоїї земле»[28].

В 1470 г. кн. Андрей Васильевич променял Сторожевскому монастырю свою землю. В грамоте, между прочим, сказано: «*а старожильцом, коих яз променил*, и пришлым людем не надобе ям...»[29] (курсив везде мой. — *Б. Г.*).

Это, конечно, отнюдь не исключает расширения этих владений и другими различными путями, в том числе и путем заимок, куда, по инициативе землевладельцев, сажались люди, вынужденные итти к ним в зависимость. Очень показательный в этом отношении материал дают «Выдержки из отводной грамоты землям Кирилло-Белозерского монастыря от земель великокняжеских, 1482 года» и «Данная Есипа Иванова сына Пикина и жены его Марьи Кириллову монастырю на дер. Талицу» (1448—1469 гг.)[30].

Есип Пикин — слуга белозерского князя Андрея Дмитриевича и его сына Михаила Андреевича. Землевладелец он очень среднего калибра. Часть земли ему отвел князь, но и сам он кое-что себе прикупил. К старости Есип Пикин покинул службу и стал жить в своей деревне. Две деревни он отписал в Кириллов монастырь, выговорив право на пожизненное владение частью данной в монастырь земли. При внуках Пикина разбиралось спорное дело о размежевании земель Кириллова монастыря. Из показаний свидетелей выяснилось, что несколько поколений Пикиных жили тут «более ста лет». Землю свою они отдавали половникам, делили свои деревни, расчищали лес под пашню «своими людьми», одним словом, хозяйничали, проявляя значительную инициативу. Жизнь этого небольшого сравнительно владения падает на часть XIV и часть XV вв.

---

[27] Архив Колязина монастыря, кн. № 1, грам. № 6 (собрание С. Б. Веселовского).

[28] Сборник Муханова, № 280 (1538 г.); М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 147, прим. 2.

[29] Грам. Колл. экон. по Звенигороду № 2/4676; М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельск. насел., стр. 147, прим. 2.

[30] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв., М., 1883, стр. 111—112 и 124.

Рассуждения о том, что землевладельцы занимали лишь пустую землю, а затем уже заселяли ее обезземеленными смердами на основе арендного договора, решительно не имеют под собой никакой почвы.

3. БОЯРЩИНА-СЕНЬЕРИЯ XIII—XV вв. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

«Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[1].

Феодальная Русь не представляет в этом отношении никакого исключения. Однако в русской исторической литературе долгое время господствовало иное представление.

В. О. Ключевский прибегал к термину «сеньерия», но с тем, чтобы доказать, что никакой сеньерии на Руси не было.

Охарактеризовав происхождение западноевропейской феодальной сеньерии, В. О. Ключевский подчеркивает: «У нас дела шли несколько иным ходом». «В удельном порядке, — продолжает автор, — можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими; но имея под собою иную социальную почву, *подвижное сельское население* (курсив мой. — *Б. Г.*), эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов»[2].

А. И. Яковлев дал к этим рассуждениям Ключевского комментарий: «Ключевский делает здесь попытку противопоставить «удельный порядок» феодализму. Ко времени печатания «Курса» В. О. Ключевского уже были опубликованы исследования Н. П. Павлова-Сильванского, и соответствующие лекции курса являются скрытой полемикой с Павловым-Сильванским»[3].

Замечание вполне справедливое, так как Павлов-Сильваский, действительно, уже успел к этому времени высказать свои взгляды на русский феодализм. Но наиболее обстоятельное изложение мыслей Павлова-Сильванского появилось уже после выхода в свет «Курса» Ключевского. Имею в виду книгу Пав-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 722.

[2] В. О. Ключевский. Курс русской истории, М., 1937, ч. 1, стр. 376—377.

[3] А. И. Яковлев. Примечание к стр. 375 первого тома «Курса» Ключевского, стр. 390.

лова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси», где имеется специальная глава «Боярщина», начинающаяся параграфом «Основные черты боярщины-сеньерии». Автор этой книги приходит к заключению, что «русская боярщина, несомненно, представляет собою одно учреждение с западной сеньерией. Это одно и то же учреждение в двух его основных чертах, политической и хозяйственной, в тесном соединении крупного землевладения 1) с государственной властью, 2) с мелким крестьянским хозяйством». В организации боярщины-сеньерии автор отмечает крайнюю незначительность барской запашки и обработку несравненно большей части имения крестьянами, как самостоятельными хозяевами[4]. Эти тезисы Павлова-Сильванского в свое время имели серьезное значение.

В 1916 г. П. И. Беляев напечатал свою интересную во многих отношениях статью «Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение», с которой нам предстоит иметь дело в дальнейшем[5].

Много поработал в этом же направлении и П. А. Аргунов. Он сильно настаивал на признании сеньериальных отношений на Руси[6], чем вызвал возражения М. М. Богословского.

М. М. Богословский долго не соглашался видеть в «государе» Псковской Судной Грамоты политические признаки и настаивал исключительно на частноправовом значении термина[7].

Однако даже те из буржуазных историков, которые признавали наличие феодализма на Руси, трактовали его с узко юридической точки зрения.

Научное решение этой проблемы было дано в трудах В. И. Ленина, который показал существование в России феодальной общественно-экономической формации с IX века.

Советские историки в своих конкретно-исторических исследованиях (С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков, С. В. Юшков и др.), расходясь иногда в начальной дате этого процесса, продвинули вперед, исходя из указаний В. И. Ленина, изучение русского феодализма в целом.

---

[4] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 177, 178.

[5] П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, ЖМЮ, 1916, октябрь и ноябрь (№№ 8 и 9).

[6] П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты (К истории сеньериальных отношений на Руси). Уч. зап. Сарат. гос. унив., 1925, т. IV. вып. 4.

[7] М. М. Богословский. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной Грамоте, ЛЗАК, вып. XXXIV, стр. 34 и др.

Не оставлено без внимания и изучение сеньерии. «Процесс развития крупного землевладения,—пишет, например, С. В. Юшков,— повлек за собой возникновение целого ряда новых правовых институтов, в частности вызвал к жизни особые права владельцев, близко напоминающие или даже тождественные с правами западно-европейских сеньоров, или грундхерров»[8].

Для советских историков признание сеньериальных отношений в известный период истории феодализма имеет огромное значение не только в связи с историей крестьянства, но и в связи с историей Русского централизованного государства, которое могло окрепнуть только после ослабления сеньериальных прав крупных землевладельцев.

Для уяснения перемен в форме эксплуатации зависимых крестьян, иначе для конкретного изучения эволюции докапиталистической земельной ренты, необходимо ознакомиться с жизнью вотчины в этот период и с теми изменениями, какие происходили в ней на протяжении ее существования.

В вотчине-сеньерии XIII—XIV вв., по сравнению с более старым временем, произошли с первого взгляда незаметные, но при ближайшем рассмотрении существенные перемены. Если мы войдем в боярскую или княжескую усадьбу, то увидим тот же барский двор, только более крупных размеров, те же хозяйственные, но разросшиеся постройки; нас встретят, пожалуй, знакомые уже нам господские слуги; узнаем мы, что существует и барская челядь, правда, уже под другим именем: это будут люди дворовые, «люди под дворским».

Но не только эти социальные элементы определяли жизнь вотчины-сеньерии XIII—XV вв.

Если в X—XI вв. вотчинник жил, главным образом, от трудов своей челяди, то сейчас челядь уже не играет первенствующей роли. Она даже до некоторой степени сама живет продуктами, добываемыми не ею самою: часть челяди совсем не занята производительным трудом, а является либо домашней прислугой, либо военными слугами.

Основой материальной жизни вотчины стал труд крестьянина, сидящего на оброке. Это, с одной стороны, челядь, посаженная на землю и переведенная на оброк, а, с другой стороны, — новые кадры крестьян, которыми удалось овладеть землевладельцу. Они продолжают сидеть на своих старых местах и вести свое собственное хозяйство. Перемена в их судьбе произошла в том, что над ними, обычно по воле государственной власти, очутился облеченный различными привилегиями землевладелец с правом пользоваться прибавочным трудом своих подданных и их судить. Он же является

[8] С. В. Юшков. Очерки, стр. 51.

ответственным перед государством за исполнение ими государственных повинностей, прежде всего податных. Он становится «государем» в своих владениях, опасным для самодержавной власти Русского государства, не случайно наделавшим так много хлопот Ивану III и еще больше Ивану IV.

В северо-восточной Руси мы наблюдаем совершенно тот же процесс, что и в Галицкой Руси, в Польше, Литве, Новгороде и Пскове.

Проследить этап за этапом, как произошли эти перемены на изучаемой сейчас территории, у нас нет возможности. Однако мы получаем совершенно определенные впечатления от сравнения данных «Русской Правды» и ее дериватов с данными других более поздних источников.

Духовные и договорные грамоты князей и бояр XIII—XIV вв. заключают в себе ряд ценных для нас показаний. Бросается в глаза прежде всего факт повышенного интереса знати к земле.

Новгород, так ярко в своих договорах запечатлевший этот интерес к земле, — совсем не исключение. Если в древнейшей из дошедших до нас договорных грамот Новгорода с тверским князем Ярославом 1265 г. ясно изложена точка зрения боярского правительства на вопрос («... сел ти не держати по Новгородьской волости, ни твоей княгыни, ни бояром твоим, ни твоим дворяном, ни свобод ставити по Новгородьской волости»)[9], то совершенно то же мы встречаем и в северо-восточной Руси. Великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской, договариваясь со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и его детьми в 1389 г., пишет: «А сел ти не купити в моем уделе ни в великом княженьи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А хто будет покупил земли данные служни или черных людей по отца моего животе по князя великого по Иванове, а те хто взможет выкупити, и не выкупят; а не возмогут выкупити ино потянут к черным людем; а хто не восхочет тянути, ино ся земль соступят, а земли черным людем даром. Такоже и мне и моим детем и моим бояром сел не купити в твоем уделе; а хто будет покупил, а то по тому же»[10]. Тут, однако, важно отметить не только сходство в отношениях к населенной земле новгородских и московских землевладельцев, не допускающих к себе

[9] СГГиД, т. I, № 2, стр. 2.

[10] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., подготовил к печати Л. В. Черепнин, М.— Л., 1950, № 11, стр. 32. То же, только несколько короче, выражено и в договоре князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1367 г.: «А тобе брату моему молодшему в моем уделе сел ти не купити, ни твоим бояром... такоже и мне в твоем уделе сел не купити, ни моим бояром» (там же, № 5). То же повторяется и в еще более раннем договоре вел. кн. Семена Ивановича, 1350—1351 гг. (грамота плохой сохранности со значительным количеством пробелов; там же, № 2).

конкурентов и стремящихся оставить землю за собой, но и юридические категории земельных владельцев, характерные для данного времени в северо-восточной Руси.

В договоре Дмитрия Ивановича названы земли: данные, служни и черные. Данные — это земли, которыми феодал-землевладелец наделял своих слуг в собственность; служни — участки, находящиеся в условном (поместном) пользовании княжеских слуг; черные — тяглые крестьянские земли. Земли, здесь перечисленные, обрабатываются либо холопами, либо зависимыми людьми — не-холопами. Черные земли, конечно, обрабатываются крестьянами.

В духовной грамоте того же князя Дмитрия Ивановича, где дается перечень сел, оставляемых детям и жене в наследство, сельское, зависимое от княгини население названо сиротами или людьми: «А ис тех волостей и слобод и сел, что есмь вымал у детий своих из уделов, а подавал княгине своей, а кому будет жалоба *сиротам* на волостели, и тем *людем* учинит исправу княгини моя, а дети в то не вступаются». «Люди» — термин разнообразного содержания: иногда им обозначается узкая группа дворовых, часто он имеет очень широкий смысл, обнимает все население волостей, слобод и сел; термин «сирота» имеет более узкое значение — «крестьянин». В данном тексте люди-сироты находятся в вотчинной юрисдикции княгини, работают в княгининых селах на нее и на себя под наблюдением княгининых волостелей.

В договорной грамоте Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1367 г. есть еще одна черта, роднящая ее с договорными грамотами новгородскими. И здесь обе договаривающиеся стороны обязуются не держать «закладнев» и «оброчников»: «А тобе, брату моему молодшему, в моем уделе сел ти не купити, ни твоим бояром, ни закладнев ти, ни оброчников не держати; также и мне в твоем уделе сел не купити ни моим бояром, ни закладнев ми, ни оброчников не держати» [11].

О закладнях шла речь выше. Что касается оброчников, то это, несомненно, тоже какой-то вид зависимости, привязывавший людей к их хозяевам. Так как тут речь идет о князьях и боярах, внедряющихся в чужую государственную территорию, то вполне понятны меры великого князя Дмитрия Ивановича против подобных попыток.

В духовной Ивана Калиты 1328 г. называются какие-то «оброчные купленные» [12]. Б. Н. Чичерин полагает, что Иван Калита имеет в виду холопов, посаженных на оброк [13]. Поскольку

---

[11] СГГиД, т. I, № 27, стр. 44.
[12] Там же, № 21, стр. 32.
[13] Б. Н. Чичерин. Опыты, стр. 158.

ку они названы купленными, конечно, естественнее всего считать их холопами. Но в договоре Дмитрия Ивановича они не купленные, а стоят рядом с не-холопами-закладнями. Вполне допустимо думать, что тут мы имеем дело не с холопами, а с людьми, вступившими в частную зависимость к богатому человеку и сидящими на оброке. Несомненно, каждое из княжений в период феодальной раздробленности защищало свое население от посягательств на него соседних землевладельцев, нередко покушавшихся проникнуть в землю чужих владетелей. Постоянные войны между феодальными владетелями служили соблазнительным поводом для нарушения суверенитета княжений и интересов всех видов землевладельцев.

Прекрасную иллюстрацию этому дает договорная грамота суздальских князей Василия и Федора Юрьевичей с Дмитрием Шемякой 1446 г.: «А что, господине, в нашо неверемя ваши князи служилые и ваши бояре покупили в нашой отчине в Суздале у нас и у нашие братьи, и у наших бояр, и у монастырей волости и села, или в Новегороде и на Городце; или что князь великий подавал в куплю, и грамоты свои подавал купленые: ино те все купли не в куплю, а те все волости и села нам по старине, и нашим бояром; а тобе, господину нашему князю Дмитрию Юрьевичу, и вашим князем и вашим боярам в те волости и в села не вступатися»[14]. (Дальше идет поименование некоторых сел, отданных Дмитрием Шемякой различным лицам и учреждениям).

Борьба московского князя Василия Васильевича с Шемякой хорошо известна; останавливаться здесь на ее ходе незачем. Текст договора я привожу только с тем, чтобы показать, с каким усердием князья и бояре в периоды размирья и войны («неверемя») набрасывались на землю в уделе противника. Договоры имели все основания выставлять условие о недопущении подобного рода действий, условие, вызванное весьма распространенным явлением.

Возвращаясь к договору Дмитрия Донского 1388 г., хочу подчеркнуть, что «неверемя» было и в Москве в то время, когда Дмитрий Иванович, будущий Донской, был малолетним, когда защищать его интересы было трудно. Тогда на земли московского князя устремились родственники и бояре Владимира Андреевича. Сейчас Дмитрий Иванович настаивает на возвращении земель обратно, причем прибегает к очень умеренным средствам. Он не требует просто вернуть незаконно приобретенные земли, а предлагает старым владельцам их выкупить. Если же у старых владельцев не найдется для этого средств, новые собственники должны взять на себя все тяглые обязательства по отноше-

[14] СГГиД, т. I, № 62, стр. 136.

нию к Московскому княжеству под угрозой отобрания земли и передачи ее уже даром черным людям, т. е. крестьянам.

Мотивом оберегания своей земли проникнуты не только договоры между отдельными суверенными княжествами, но и между удельными князьями, обычно очень близкими между собой родственниками. Только что названный князь Владимир Андреевич в 1410 г. по духовной делит свою землю между женой и детьми и тут же ставит условие: «а детем моим, брату в братне уделе сел не купити, тако же и их бояром сел не купити в уделе детей моих без повеленья детей моих..., такоже детем моим в матерне уделе сел не купити, по томуж детей моих боярам сел не купити в уделе княгини моей, без повеленья княгини моей»[15].

Нет ничего удивительного в том, что сколько-нибудь удобные земли, находящиеся поблизости к значительным городам, уже давно были освоены князьями, боярами, епископскими кафедрами, монастырями, вообще всякого вида крупного и среднего масштаба землевладельцами[16].

Наиболее распространенный способ освоения этих земель — это приобретение различными путями уже давно населенной земли. Об этом совершенно ясно говорят источники, когда оперируют терминами «волость», «село». Это все населенные пункты, имеющие в большинстве случаев длительную историю. Но документы упоминают также и слободы, причем с характерной деталью: когда речь идет о волостях или селах, то о них говорится: «не держати», «не купити»; о слободах же говорится: «не ставити». Разница заключается в том, что село или волость землевладелец получает в готовом, так сказать, виде, а слободу он сам организует. Это очень похоже на деятельность войтов в Польше и Литве, где войтам предоставлялось на известных условиях право заводить новые поселения и организовывать их в своих собственных интересах.

С. Б. Веселовский в этой связи пишет: «Основывал ли свободу княжеский слободчик или коллектив людей, напр., рыболовов, бобровников, сокольников и т. п., и слободчик, и коллектив были заинтересованы в привлечении возможно боль-

---

[15] СГГиД, т. I, № 40, стр. 77.

[16] Гневушев, на основании своих подсчетов данных писцовых книг, пришел к заключению о необходимости серьезно считаться и с наличием большого числа мелких землевладельцев: «Половина новгородских вотчинников принадлежала к малосостоятельному классу общества, владея не более чем пятью обжами» (А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, т. I, Киев, 1915, стр. 314). Наблюдения Загорского по Шелонской пятине дают то же. С. Б. Веселовский еще раз напомнил о том же и подчеркнул тенденцию к исчезновению мелкого землевладения в сев.-вост. Руси в третьей четверти XVI в. (С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.— Л., 1936, стр. 56).

шего количества поселенцев путем предоставления им разных льгот и выгод»[17].

С. Б. Веселовский приводит несколько интересных примеров образования таких слобод. Одну из них в Новгородской земле (Удомля) «садил Климушка Максимов Богдановской человек Есипова на Микитинской земле Иванова сына Лаврентьева да на Ивановской земле Ящинского *по грамоте великого князя*». Две такие слободы, посаженные «по грамотам великого князя» на Новгородской земле после присоединения ее к Москве, упомянуты в изданных Д. Я. Самоквасовым материалах конца XV в.[18]

Организатор слободки в Удомле в документе называется «слободчиком». Он живет в особом дворе. Привлеченное им население расположилось около него. Часть призванных людей уже обзавелась своим хозяйством; часть еще не успела этого сделать, потому что «сели ново». Всего в слободке оказалось вместе с деревней слободчика (в этой деревне только один двор слободчика) — 12 деревень и 4 починка (севших вновь), дворов 32, людей 34.

Как мы уже видели, эти явления характерны для определенного этапа развития производительных сил и производственных отношений при феодализме. С этим явлением мы встречаемся не только в северо-восточной Руси, но также и в Галицко-Волынской земле, в Вел. кн. Литовском, в Польше и в других местах.

Но организация слобод или иных новых поселений — это не единственный путь расширения феодального землевладения. Стремление захватить населенную землю особенно ярко проявлялось во время размирья между феодалами. Во время феодальной войны с Шемякой сторонники последнего захватывали всякими способами в вотчинах враждебных им князей именно «волости и села», т. е. землю с живущим там издавна населением.

На основании материалов, заключающихся в духовных грамотах князей и бояр, дошедших до нас в значительном количестве, выясняется прежде всего факт разбросанности сеньериальных владений одного крупного феодала на значительном пространстве. Отдельные части этого владения при посредстве административно-хозяйственного аппарата связывались с центральным княжеским или боярским двором, где часто живал сам хозяин и почти всегда находился его дворецкий. Особенно полно изображена большая вотчина в духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева 1498 г.

---

[17] С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 31.

[18] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, стр. 205, 217.

Князь перечисляет здесь по именам 155 своих холопов с семьями, значительную часть которых он делит между своими сыновьями. Из них 29 семейств, перечислив их поименно, князь отпускает на свободу. «А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди на свободу и с женами и с детьми», — прибавляет грамота. Стало быть, кроме названных 155, в вотчине были еще неупоименованные в грамоте холопы, и, таким образом, ни полное число холопов, ни точное количество отпущенных на волю нам неизвестно.

Среди перечисленных по именам имеется некоторое число холопов с обозначением их профессий: 2 стрелка, 3 трубника, 1 дьяк, 4 повара, 2 хлебника, 3 портных мастера, 2 бронника, 6 садовников, 2 псаря, 1 рыболов, 4 мельника, 3 сокольника, 1 утятник, 1 огородник, 2 страдника, 2 плотника, 2 истопника, 1 серебряных дел мастер.

Если стрелков причислить к людям, обслуживающим княжескую охоту, то по охотничьему ведомству будет всего 7 человек, по подготовке пищи — 6, делопроизводитель — 1, остальные все ремесленники, необходимые для удовлетворения нужд двора: 3 портных, вероятно, шьют не только на княжеское семейство, но обшивают и всю дворню, которую князь одевает за свой счет; большое количество садовников (шесть) говорит о значительном садоводстве. Не названы конюхи, которых, несомненно, у князя было много.

Очень важно отметить еще некоторые детали.

Шесть холопских семейств передаются детям по наследству «с землею», три семейства отпускаются на волю «с землею». Это холопы, посаженные на землю и успевшие очень крепко прирасти к земле: их и «на волю» отпускают и в наследство передают с их земельными наделами. Не может быть сомнений в том, что у них имеются свои орудия производства. Это бывшие рабы, сейчас владельцы средств своего труда и своего продукта и в то же время люди, лично зависимые от своего господина. Стало быть, это уже настоящие крепостные крестьяне.

Перед нами один из путей, ведущих в крепостное состояние, но не единственный, как это мы увидим ниже. Показательным в этом отношении является факт, связанный с покорением Новгорода Иваном III. Договариваясь с побежденным Новгородом о взимании с населения податей, он уславливается брать «с сохи», т. е. с сельской единицы обложения, «на всяком, кто ни пашет землю: и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых»[19]. Стало быть, все перечисленные здесь люди

[19] «И князь велики тем их пожаловал, что имати ему одинова на год дань с сохи по полугривне со всех волостей новугородских, и на Двине, и в Заволочье, на всяком кто ни пашет землю, и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых» (ПСРЛ, т. VI, стр. 217). Одерноватый, дерноватый—

пахали землю, но до сих пор не все были в тягле. Иван III своим распоряжением «отменяет» холопство тех, кто был в холопстве, но сидел на пашне, совершенно так же, как Петр Первый в изображении историков-юристов «отменил» холопство своей подушной податью, т. е. холопов, уже самой жизнью превращенных в крепостных крестьян, обложил крестьянской податью, от которой они до сих пор были свободны.

Кроме холопов, во дворе крупного феодала имеются и слуги вольные, которые с холопами не смешиваются. Договорные и духовные грамоты всегда предупреждают о наличии слуг, которые «потягли к дворскому», и слуг «вольных». Первых договаривающиеся стороны обязуются к себе «не принимать»[20], вторым оговаривается воля.

«Слуги под дворским»— это, как правило, люди несвободные, холопы. Для обозначения холопства договорные и духовные грамоты пользуются выражением «на котором полная грамота». В духовной кн. Владимира Андреевича 1410 г. имеется довольно большой перечень княжеского дворового персонала по их профессиям и отчасти по их правовому положению: «А сына... благословляю на старейший путь в Москве и в станех: конюшей путь, бортници, садовници, псари, бобровники, бараши и делюи. А тех бортников, или садовников, или псарей, или бобровников, или барашов, делюев не восхочет жити на тех землях,— ин земли лишен, пойди прочь, а сами сыну кн. Ивану не надобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну кн. Ивану. А треть численных своих людей в Москве и в станех дал есть детем своим...»[21].

Тут противопоставляются слуги, имеющие на себя полную холопскую грамоту и не имеющие таковой. Последние имеют право уходить от своего хозяина под условием лишения земли, на которую они были посажены хозяином. Это разновидность слуг вольных.

Две категории дворовых слуг так же ясно различаются и в договорной грамоте вел. кн. Тверского Бориса Александровича с вел. кн. Василием Васильевичем Московским 1451 г.: «А бояром и слугам межи нас вольным воля; а домы им свои ведати, а нам ся в них не вступати. А судом и данью потянут по земле и по воде; а на холопах дани не имати, на которых ключники целуют; а которых бояр и слуг села, а имут жити

очень частое в источниках обозначение холопов. «А кто будет одерноватый емлет месячину, на том не взяти» (Дан. Новг. на черный бор, 1437 г.). «А псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу» (Новг. Судн. Грам., ст. 22). Ср. Челядь дерноватая, грамоты дерноватые.

[20] Термином о «неприятии» источники обычно пользуются, когда речь идет о людях, не имеющих права выхода.

[21] СГГиД, т. I, № 40, стр. 74—75.

в нашей отчине, взяти на них дань и суд, как и на своих»[22]. И здесь, с одной стороны, холопы, «на которых ключники целуют»[23], с другой — вольные слуги, владеющие своими «домами», т. е. своими собственными хозяйствами.

Боярский, княжеский, монастырский или епископский двор устраивался приблизительно по этому же образцу. Двор этот состоит из большого количества слуг, свободных и несвободных, самых разнообразных специальностей, необходимых для обслуживания большого замкнутого хозяйства. Во главе двора, если не считать, конечно, самого хозяина, стоит высший уполномоченный от хозяина — дворецкий-дворский. Он ведает не только дворскими слугами и населением, живущим за двором, но и крестьянским населением в деревнях, хотя в деревнях у него имеются и помощники — ключники, посельские, тиуны.

В духовной того же Ивана Юрьевича Патрикеева названо 7 ключников, сидящих по селам, следящих за жизнью крестьян, раздающих крестьянам и «выбирающих» из крестьян серебро, наблюдающих за поступлением в господские житницы хлеба, за сельскими работами и пр. Ключники имеют свое небольшое хозяйство, освобождаемое от всяких платежей. Без ключников, конечно, дворский не мог бы справиться со своим большим делом. У него и по одному двору в узком понимании слова много всяких обязанностей[24].

---

[22] Там же, № 76, стр. 173.

[23] «...А на полных холопех не взяти (дани.— *Б. Г.*), на которых ключники целуют» (СГГиД, т. I, № 28, стр. 48, договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича 1368 г.). С. Б. Веселовский объясняет это «целование» тем, что было много холопов, на которых не было письменных крепостей. Их холопство удостоверялось присягой ключников (С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 49).

[24] О значении дворецкого, о его удельном весе очень хорошо говорит один из документов Троице-Сергиева монастыря. Это Судный список Никиты Васильевича Беклемишева, доложенный боярину Федору Михайловичу Челядне, о самовольном захвате одним из великокняжеских слуг Андроном и его сыном Флором земли великого князя в Киснемском стане Переяславского уезда. Документ не датирован, но по ряду признаков его нужно отнести к третьей четверти XV в.

Дело началось по тяжбе Андрона с попом Сидором о земле. Установление спорных границ велось в присутствии старого дворского Остапа. Дворский запротестовал против дележа земли между спорящими сторонами, так как, по его показанию, спорная земля была землей великого князя. «Штось, господине,— заявил он,— делят землями Ондрон с попом Сидором, а то, господине, земля великого князя». Микита, повидимому пристав, исполнитель судебного решения, после этого заявления не посмел продолжать начатые действия и ответил дворскому: «Коли ты, дворский, зовешь землею князя великого, и яз вам земли делить не смею, а о сем доложу государя великого князя, как укажет». Дворский продолжал свои разоблачения: «А еще, господине, за тем Ондроном не только земли князя великого,— иные, господине, земли дает в закуп, а иную продал, а иные в наймы. И ты, господине Микита, на них поеди, а мы с тобой».

Итак, двор крупного феодала — это не только жилище его самого, а административно-хозяйственный центр всего феодального владения, центр, где сидит если не сам хозяин, то его хозяйское око — дворецкий, начальник всех хозяйственных учреждений и всякого рода слуг — вольных и невольных. Но не одними только выполняющими хозяйственные функции слугами исчерпывается состав двора крупного феодала. Среди его слуг есть много слуг военных, которые ходят с ним на войну. Последний по времени исследователь этой стороны жизни феодального двора А. И. Яковлев много останавливается на этом сюжете и даже иногда склонен преувеличивать количество этого рода слуг и зачислять их огулом в холопы. Я не могу с ним согласиться в том, что все это были холопы-рабы. Большинство военных слуг были люди свободные. Об этом у меня речь идет в другом месте.

Наши летописи двором называют прежде всего совокупность военных слуг. В 1310 г. князь Василий «бився много своим двором и убиен бысть». В 1380 г. Дмитрий Донской «перебреде

Никита так и сделал, и все вместе с дворским и спорящими сторонами, по указанию дворского, отправились в ряд мест (Мериново, Подымское, Карповское, Иванцово, Мельницу, Анницыны, Лахово). В каждом из указанных здесь пунктов они останавливались и допрашивали Андрона. Оказалось, что Мериново—земля Андронова шурина, а Андрон дал ее «в закуп», «в дву рублех», «Прокшину сыну Левушке», Иванцово оказалось землей Андронова сына Фролца, который сам заявил, что ее дал ему «батько»; Лахово оказалось проданным Андроном некому Ярлыку Ондрею. Еще менее убедительные доказательства своих прав на землю привел Андрон и относительно других перечисленных здесь мест, так что представитель судебной власти вынужден был спросить в общей форме: «Почему же ты, Ондрон, зовешь те земли своими? Землю еси продал, а иные земли дал еси сыну, а иную в закуп, не докладывая». Андрон продолжал настаивать на своем и ссылаться на какие-то грамоты, которых, однако, предъявить не мог; на требование их представить он ответил: «Перед тобою, господине, не положу, положу их перед великим князем». Ответ для княжеского слуги очень характерный. Судебный исполнитель тогда обратился опять к другому дворскому Мите: «За тобой было дворское 4 годы, знаешь ли те земли?» Дворский ответил, что об этих землях ничего не знает. Судебный исполнитель опять привлекает «старого дворского Останю»: «За тобою было дворское наперед того, те земли знаешь ли?»

«Яз, господине, ту землю знаю. То земли князя великого тяглые».

Дело было доложено великому князю. Ни Андрон, ни его сын, ни шурин на суд перед великим князем не явились, и этим самым проиграли свое явно безнадежное дело.

Из этого судного дела выясняется, что в присутствии судебного исполнителя «туто были оба дворские, Митя и Останя» и что «Останя дворский» взял на поруки Ондрона с сыном и шурином, «а Ондрон не став [в суд], ни сын его, ни шурин, а сказал их поручик Останя дворской, что не стали». (Акты Троицкого монастыря, собранные и подготовленные к печати С. Б. Веселовским, т. I, № 200).

Из этого драматического отрывка видна большая осведомленность дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за двором в деревнях.

своим двором» Оку[25]. Подобных примеров можно привести много.

Слуги вольные — это обычно военные люди, младшие члены княжеских и боярских дружин. Не случайно источники упоминают их рядом («бояре и слуги»), трактуют их вместе, как людей вольных. Иногда между этими терминами начинает вставляться еще один, обозначающий тоже военных слуг — «дети боярские» («а бояром и детем боярским и слугам межи нас вольным воля»)[26]. Эти слуги, как мы уже могли убедиться, владеют землей; некоторые условно, пока служат. «Невольные слуги» тоже иногда имеют землю.

Для того чтобы составить себе ясное понятие о крупной сеньерии, нельзя оставаться в пределах двора. Необходимо выйти за его пределы и посмотреть, что делается в принадлежащих владельцу селах, деревнях, починках, населенных смотрами, или крестьянами.

Этими терминами обозначалась в сущности одна категория сельского населения — непосредственный производитель-земледелец, владеющий орудиями производства, т. е. хорошо уже знакомый нам смерд, меняющий свое наименование в зависимости от места и времени, при некоторых условиях получающий новые правовые признаки, но в своей экономической сущности остающийся все тем же до начала XX в.

В тех селах, где была барская пашня (в XIV—XV вв. очень еще незначительная), вместе с крестьянами, иногда рядом с ними, сидели, как мы уже могли видеть, «люди полные в селах», или, иначе, «страдники». От хозяина им выдавалась животина и, надо думать, всякий другой сельскохозяйственный инвентарь. Давался, конечно, для первоначального обзаведения в тот важный в судьбе холопа момент, когда он, осаживаясь на землю, готовился к превращению в крепостного крестьянина. Когда недавний холоп прирастал к своему участку, отнимать у него сельскохозяйственный инвентарь уже не было никакого смысла. «А что у страдных у моих людей моя животина,— пишет в своей духовной князь Михаил Андреевич Верейский в 1486 г.,— и у кого что будет моей животины, тому то и есть»[27]. Правда, здесь речь идет об отпуске на волю «страдных людей с женами и детьми». Но перед нами уже совершившийся факт превращения холопа в крепостного крестьянина.

Крестьяне, как бы они ни назывались, в господском имении эксплуатировались по-разному и не составляли единой массы так же, как и в других частях Руси. Источники называют

---

[25] ПСРЛ, т. IV, стр. 47, 71.

[26] СГГиД, т. I, № 59, стр. 129 (1436 г.).

[27] СГГиД, т. I, № 121, стр. 301.

крестьян, давно живущих на земле вотчины, происходящих, быть может, по прямой линии от тех общинников, которые когда-то сидели тут же, не зная над собой власти землевладельца, и сейчас от них зависимых,— крестьянами-старожильцами, и рядом с ними знают людей, недавно привлеченных на данный участок различными способами и на различных условиях. Отсюда и несколько названий для этой категории сельского населения: свободные, серебреники, половники, рядовые, юрьевские, кабальные, новоприходцы.

В жалованной грамоте начала XV в. князя Юрия Ивановича Глушицкому монастырю написано: «И хто у них на тех землях на монастырских имет жити их людей монастырских или людей князя великого свободных...»[28]. Тут разумеются свободные люди, имеющие право уходить из вотчины князя. Но мы имеем основание думать, что они сохраняли свою свободу только до некоторой степени; о полной свободе речи не может быть, так как они поселялись на монастырской земле по договору найма, облеченному в феодальную форму, которой присущ элемент зависимости от хозяина.

В хорошо известных грамотах Кириллову монастырю середины XV в. приведен перечень особых категорий сельского населения, поступившего в монастырь. Это «серебреники, половники и свободные люди» в одной грамоте, «серебреники, половники, рядовые и юрьевские» — в другой[29]. Если придерживаться текстуального соотношения этих двух перечней, то свободным людям первой грамоты будут соответствовать рядовые и юрьевские второй. Это уже не холопы. Подробнее речь о них будет ниже.

Сейчас мне хотелось бы остановиться не на только что перечисленных категориях населения, а на крестьянах — тяглых людях, находящихся в зависимости от вотчинника.

Поскольку никаких новых материалов, касающихся этого предмета и относящихся к северо-восточной Руси XIV — XV вв., в научном обиходе до сих пор не появлялось, приходится обращаться ко всем известной грамоте митрополита Киприана 1391 г., грамоте, мимо которой не проходит ни один исследователь истории крестьянства.

Документ исключительной значимости. Неудивительно, что им пользуются все, кто занимается историей крестьянства. Им хочу воспользоваться и я, но предварительно считаю необходимым сделать существенную оговорку.

Константино-еленинский монастырь, куда адресована данная грамота, не может служить показателем жизни крупных

---

[28] Амвросий. История русской иерархии, ч. III, стр. 705.
[29] ААЭ, т. I, № 48.

сеньерий, потому что данный монастырь невелик и не богат землей. Он входит в состав больших владений московского митрополита, но отнюдь не может характеризовать организации митрополичьего хозяйства в целом.

Это одна из деталей огромной церковной сеньерии, и только. Хозяйственные функции этого монастыря сужены до задачи обслуживания самого себя. Тем не менее Киприановская грамота дает ответы на многие из интересующих нас вопросов. К тому же она в своем роде единственная, а по яркости своего содержания исключительная. Тут, действительно, интересно все.

Прежде всего интересен повод к ее составлению. Крестьяне Константиновского монастыря пожаловались своему высшему начальству, самому митрополиту, на своего нового игумена. Митрополит не только не счел это поведение крестьян «продерзостным», как его квалифицировала бы власть XVIII в., но должен был принять жалобу и расследовать дело.

Митрополит Киприан вступил на московскую митрополию ранней весной 1390 г. Жалоба к нему поступила приблизительно через год. 21 октября 1391 г. митрополит уже дал обстоятельный на нее ответ.

Руководствовался митрополит в своих отношениях к населению его митрополичьих владений правилами, специально зафиксированными в особой Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, составленной по соглашению с митрополитом [30].

По этой грамоте митрополичья вотчина утверждается в своем иммунитете, охраняются права митрополита на владение землей, а покупка митрополичьих земель, совершенная до этого, считается недействительной. Имеется указание на форму эксплуата-

---

[30] ААЭ, т. I, № 9. Грамота датирована 6900 г. июня 28, но индикт перепутан. Отсюда трудность в датировке грамоты. В ААЭ дата обозначена условно 1389 или 1404 г. Е. Голубинский предпочитает 1392 г., потому что «великий князь и митрополит учинили договор в начале правления» митрополита (Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я полов., стр. 326). Такого же мнения держится и А. Е. Пресняков («Образование великорусского государства», стр. 371, прим. 2). Л. В. Черепнин, обратив внимание на то, что в Синодальной книге № 562, откуда извлечена эта грамота, не проставлены имена ни князя, ни митрополита, а вместо имен стоит «имрек», приходит к выводу, что это общая «формула», определяющая отношения между церковью и великокняжеской властью. Не отказываюсь видеть здесь «формулу», выработанную по соглашению митрополита Киприана с вел. кн. Василием Дмитриевичем, даже если окажется, что в Синодальной книге помещен «отпуск», где очень часто имен не проставляли, предоставляя внесение их тому, кто будет писать грамоту набело (Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв., Истор. записки, т. 9, стр. 69).

ции крестьянского населения митрополичьих владений. Это, главным образом, оброк. Великий князь только в исключительном случае, когда надо платить татарам «выход», имеет право взять оброк с митрополичьих крестьян. Как правило, «белки и резанки» идут митрополиту. Никаких работ на князя крестьяне не должны нести. Все митрополичьи «села потянут к митрополиту, как и при Олексеи митрополите тягли; а на тех селех данщику и бельщику... князя великого не быти».

Не освобождаются митрополичьи крестьяне только от ямской повинности. Особая оговорка сделана о митрополичьих людях, которые живут в городе, «а тянут к дворцу» (митрополичьему). Этих городских митрополичьих людей уставная грамота требует «описав да положить на них оброк, как и на... князя великого дворчан»[31].

О двух приписных к митрополичьему дому монастырях сделана особая оговорка: «А Костянтиновский монастырь (это и есть тот самый, крестьяне которого жаловались на своего игумена. — *Б. Г.*) извечный митрополич и с селы; также и Борисоглебский монастырь и с селы, как тягли издавна и при Олексии митрополите, по тому ж и нынеча потянут». Тут же имеется и оговорка относительно суда. Своих людей судит исключительно митрополит или его наместник.

Грамота эта дает нам общий фон, на котором будут понятнее детали, сообщаемые жалованной грамотой Киприана 1391 г. Нам становится ясным, что митрополит получает со своих сел оброки-дани, что его крестьяне тянут свое тягло по-старине, так же как тянули и раньше при митрополите Алексее (1357—1378). Нет ни одного намека на то, чтобы у митрополита велось свое собственное хозяйство, хотя надо сознаться, что от подобного рода источника и нельзя требовать каких-либо деталей хозяйственного характера.

Однако и тут мы имеем показание, что в организации митрополичьей вотчины не произошло никаких перемен, что все идет налаженным путем, как и при митрополите Алексее.

Мы можем убедиться, что и в Константиновском монастыре крестьяне крепко держатся за старину, чего, повидимому, нельзя сказать об игумене. Вероятно, новый игумен сделал какую-то попытку ввести некоторые новшества, но крестьяне так энергично вступились за старину, что ему пришлось отступить. Митрополит тоже поддержал крестьян. Для нововведений, очевидно, еще не пришло время.

Крестьяне Константиновского монастыря делятся на две

---

[31] Л. В. Черепнин считает этих людей «закладнями» (там же, стр. 66).

группы: «большие люди» и «пешеходцы», т. е. крестьяне полноценные, имеющие лошадей, и бедные, безлошадные. Они различаются и своими обязанностями по отношению к монастырю.

Общий характер крестьянских повинностей дышит стариной. Крестьяне делают все, что нужно монастырю. Оброк — сравнительно не велик, и грамота не сочла нужным остановиться подробнее на этом предмете. Однако крестьяне жаловались, что новый игумен «пошлины у них емлет, чего иные игумены не имали».

Главные жалобы были, повидимому, на некоторые виды изделья. На допросе бывшего игумена ему задан был вопрос: «Какова пошлина в святом Константине и как людем монастырским дело делать?» Старый игумен на этот вопрос и ответ дал: «Большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь рольи орать взгоном, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине пойти, а истоки им забивати..., а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен даст игумен в села, и они прядут, сежи и дели неводные наряжают». Таково изделье. Оброк определен не столь обстоятельно: «большие люди» «на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках», а все вместе, и «большие люди» и «пешеходцы», «дают из сел все люди на праздник яловицу...; а в которое село приедет игумен в братщину, и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым».

Выслушав показание прежнего игумена, митрополит этим не удовольствовался, а запросил своих бояр в самом городе Владимире, и они «те ж речи сказали и о озерах и о истоках и о бобровой ловле». Очевидно, жалобы крестьян касались именно их работ по рыбной и бобровой ловле; иначе трудно понять этот заключительный итог расследования всего дела.

Для меня в данном случае важно подчеркнуть два момента: 1) крестьянское изделье заключалось в исполнении насущных нужд, связанных с непосредственными потребностями самого монастыря (на сбыт не производится здесь ничего); 2) обработка игуменского «жеребья» не представляла чрезмерных затруднений для крестьян, которые мирились с обязанностью обрабатывать монастырские земли «взгоном».

На то, что собственная монастырская запашка была еще невелика, указывает отсутствие упоминания ее в итоговом перечне (истоки, озера, бобровые ловли), а также и термин «жеребий», обозначающий обычно крестьянский участок. К этим соображениям можно присоединить и третий аргумент: в конце XV в. имеющаяся в нашем распоряжении грамота тому же

монастырю констатирует факт незначительности пашни на монастырь: крестьяне «пашут на себя много, а монастырские-де пашни пашут мало».

Многочисленность и разнообразие крестьянских натуральных повинностей стоит в прямой зависимости от незначительности барской запашки.

Поскольку в монастырском хозяйстве имела явное преобладание не меновая, а потребительная стоимость, то и прибавочный труд ограничивался более или менее узким кругом потребностей; безграничной потребности в прибавочном труде в данный период в монастыре еще не было.

Очень важно отметить, что в конце XV в., когда положение хлеба на рынке стало определяться, когда хлеб делался все более заметным товаром, крестьяне начали расширять площадь своих посевов, а за ними потянулся и монастырь.

Крестьяне Константиновского монастыря в грамоте именуются то «людьми», то «сиротами», то «христианами» (крестьянами), и мы по совокупности всех данных имеем основание считать их крестьянами, тяглыми людьми, зависимыми от своего сеньера, живущими за монастырем давно, знающими старую пошлину и ее защищающими. Это не новички, поселившиеся недавно, обязанности которых определяются договором, и ни с какой старой пошлиной не связанные.

В нашем распоряжении есть еще несколько грамот, относящихся к этому же монастырю. Благодаря такой счастливой случайности, мы можем проследить некоторые этапы в жизни этого небольшого хозяйства и ближе присмотреться к отношениям между землевладельцем и зависимым от него крестьянином.

Вот грамота вел. кн. Василия Васильевича 1426 г. митрополиту Фотию об освобождении Константиновского монастыря от платежа податей на срок[32]. В грамоте говорится о монастыре, монастырских селах и людях, «что к тому монастырю тянуть хто будет». Рассматривается тут частный случай: «ис того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам и как придут опять на свои места, ино им пять лет не надобе никакая моя дань: ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни ипыя никоторыя пошлины, ни городное дело»[33].

Крестьяне разошлись, надо думать, в связи с наступившей после смерти вел. кн. Василия Дмитриевича смутой, осложненной моровым поветрием. Монастырь, конечно, заинтересован в том, чтобы вернуть своих крестьян, и обратился с просьбой к великому князю о даровании некоторых льгот тем из крестьян,

---

[32] М. И. Горчаков. О земельных владениях всерос. митрополитов, Приложения, стр. 11.

[33] Там же, стр. 11—12.

кто захочет вернуться на старые свои места. Великий князь удовлетворил просьбу митрополита и на 5 лет освободил желающих вернуться крестьян от государственных повинностей и тягла.

Вторая приманка — льгота на 10 лет, но это уже не для монастырских старых жильцов, а для крестьян, которые бы пожелали притти в монастырь «из иных княжений». Мы имеем здесь то, чего нехватало в Киприановской грамоте. Узнаем, что монастырские сироты — настоящие тяглые крестьяне и что они пользуются правом выхода. Можно предполагать, что Юрьев день существовал и в начале XV в., хотя никаких указаний закона по данному предмету для этого времени у нас нет. Положение константиновских крестьян в этом отношении принципиально ничем не отличается от положения крестьян в других митрополичьих вотчинах.

Очень интересна грамота вел. кн. Василия Васильевича на митрополичьи села Юрьевского уезда около 1461 г., где очень ярко изображены причины массового ухода крестьян: «и ныне-де и те села (выше был их перечень) церковные опустели от татар да от потугов не по силе, люди-де из них разошлись по иным местом, а живущих людей осталось мало». Великий князь и здесь по просьбе митрополита Ионы пожаловал: «которые люди ныне остались в тех селах или которые будут старожильцы из коих разошлись по иным местом, а приедут в те села церковные жить опять на свои места, ино тем людем, которые ныне в тех селах живут, да и тем пришлым старожильцем не надобе моя никоторая дань на три годы», а призванным «из иных княжений» — на 10 лет. «Также и старожильцем и пришлым людем всем до их урочных лет не надобе ям, ни подвод...»[34].

Между 1466 и 1473 гг. митрополит Филипп обращался к вел. кн. Ивану III с жалобой на Ивашку Шушерина в том, что он пашет землю Константинова монастыря, ссылаясь на жалованную великокняжескую грамоту. Иван III удовлетворил просьбу митрополита полностью: «хотя бы у тебя (Шушерина) была грамота моя жалованная такова, что тебе те земли пахати, а наем с них давати, и вы б через сю мою грамоту в те земли не вступалися ничем, ни пахал бы еси их»[35]. Стало быть, монастырь перестал удовлетворяться той суммой оброка, которую выплачивал ему Иван Шушерин. Земля понадобилась самому монастырю. Иван Васильевич решил даже аннулировать свою прежнюю грамоту, чтобы удовлетворить желание митрополита.

В чем же тут дело, почему монастырю понадобилась именно земля, а не оброчная за нее плата?

---

[34] Там же, стр. 15.
[35] Там же. Приложения, стр. 19—20.

Это результат серьезных перемен в хозяйственной и общественной жизни России в данный период и других феодальных европейских стран, в связи с чем изменилось отношение землевладельца к земле и к зависимому от него населению: старая форма эксплуатации зависимых крестьян перестала удовлетворять землевладельцев, рождалась новая.

Об этих крупных сдвигах речь идет в следующем отделе книги. Для данного периода немногочисленные источники, нами рассмотренные, все-таки позволяют притти к некоторым заключениям:

1. В жизни крупной вотчины, по сравнению с X—XI вв., произошли важные перемены. Из хозяйства, обслуживаемого главным образом трудом челяди, она превратилась в большую организацию, где основным производителем стала крестьянская масса, эксплуатируемая главным образом в форме ренты продуктами.

2. Политические права вотчинника расширились: он стал государем для своих собственных подданных, опасным для растущей самодержавной власти.

3. Землевладельцы светские и духовные всеми средствами стремятся к расширению своих земельных владений и к увеличению числа своих подданных.

4. Заметна тенденция к сокращению количества челяди.

5. Холопы часто сажаются на землю и превращаются в крепостных крестьян.

6. Совершенно четко обрисовываются две основные категории крестьянства: полноценные тяглецы, исстари живущие на своих участках, и вновь привлеченные в сеньерию путем договоров.

* * *

С конца XV в. ясно намечается дальнейший путь развития сеньерии, тенденция к переходу от оброчной системы к барщинной, возникающей на почве серьезных перемен в хозяйственной жизни Европы и вызвавшей повсюду обострение отношений между крестьянством и феодалами. Всем этим вопросам посвящена следующая часть книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Часть первая

Вводная

I. Несколько терминологических замечаний 17
II. Место земледелия в хозяйстве древней Руси 22
III. Техника сельского хозяйства в древней Руси 43
IV. Древнерусская община. 58

Часть вторая

Период господства примитивной отработочной ренты (последний этап)

I. Крупное землевладение в Киевской Руси 85
II. Организация крупной вотчины X—XII вв. 111
Челядь 126
Рабы 140
Рядовичи 162
Закупы 165
Смерды 181
Смерды — свободные члены общины 189
Смерды зависимые 197
Заключение о смердах 210
Изгои 213
Пущенники, задушные люди и прощенники 221
III. Несколько обобщающих замечаний 224
IV. Движения смердов 228

Часть третья

Новый этап развития в крупном землевладении. Сеньерия и рента продуктами

I. Сельское население Галицко-Волынской земли в XII—XV вв. . 244
1. Предварительные замечания 244
2. Общественный строй Галицкой Руси и Польши в XIII—XIV вв. 254

3. Сельская община в Галицкой Руси и Польше 283
4. Смерды Галицкой Руси 294
5. Разногласия в оценке значения немецкой колонизации Польши 321
6. Несколько наблюдений над крестьянами по польскому и немецкому праву в Польше XIII в. 326
7. Вопрос о «немецком праве» в Галицкой Руси 331
8. Крестьянский «выход» по польскому, русскому и немецкому праву XIV—XV вв. 335
9. Судьба сельского населения доменов галицких князей после перехода их под власть королей польских 350
10. Крупные перемены в положении польских и галицких крестьян в XVI в. 364
II. Сельское население Новгородско-Псковской земли и прилегающих к ней стран 381
1. Предварительные замечания 381
2. Судьбы крестьян в Ливонии в XIII—XV вв. 386
3. Новгородское крестьянство XIII—XIV вв. 395
Новгородские закладники 404
Новгородские половники 412
4. Сельское население в Великом княжестве Литовском в XIV—XV вв. 418
5. Сельское население Псковской земли в XV в. 434
Псковские изорники и сябры 456
Вопрос о смердах в Пскове 463
6. Сельское население Новгородской земли в XV в. 470
III. Сельское население северо-восточной Руси 493
1. Некоторые особенности истории северо-восточной Руси . . . 493
2. Земледельцы и землевладельцы северо-восточной Руси в XIII—XIV вв. 502
3. Боярщина-сеньерия XIII—XV вв. в северо-восточной Руси . 513